

Лодевейк Грондейс

A black and white portrait of a man with a mustache and glasses, wearing a military uniform with several medals on his chest. The background is a patterned wall.

ВОЙНА
в России
и Сибири

И. Е. Репин. Рисованный портрет Л. Грондейса. Март 1917 г.

Лодевейк Грондейс

ВОЙНА в России и Сибири

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г87

Издано при финансовой поддержке фонда «История Отечества»

*Научный редактор и составитель издания Р. Г. Гагкуев,
доктор исторических наук,
ведущий научный специалист Центра военной истории России
Института российской истории РАН*

*В подготовке издания к публикации оказала содействие
С. Г. Шилова, кандидат исторических наук*

Научные рецензенты:

*И. Н. Базанов, доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры
А. В. Репников, доктор исторических наук,
заместитель начальника отдела
«Центр документальных публикаций»
Российского государственного архива
социально-политической истории (РГАСПИ)*

Грондейс Л.

Г87 Война в России и Сибири / Лодевейк Грондейс ; [под науч.
ред. Р. Г. Гагкуева ; сост., ред., примеч. и коммент. Р. Г. Гагкуева ;
пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой ; пер. с гол. В. И. Габышева]. –
М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 455 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2246-0

Воспоминания голландского военного корреспондента, историка и искусствоведа, написаны на основе подробных дневниковых записей, которые велись им во время пребывания в России с лета 1915 г. до начала 1920 г. В них дается подробное описание России периода Первой мировой войны, Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны. Книга Грондейса — одна из первых попыток осмысления зарубежными очевидцами происходивших в России событий в эпоху русской смуты XX века. Написанная по горячим следам происходившего, работа представляет собой взгляд иностранца на военные будни русской армии, белых армий на Юге России и в Сибири и содержит в себе множество рассказов о быте раздираемой Гражданской войной России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2246-0

© Schuitemaker N., текст, 2018
© Olink H., текст предисловия, 2018
© Гагкуев Р. Г., сост., ред., примеч. и коммент., 2018
© Кожевникова М. Ю., пер. текста книги, 2018
© Габышев В. И., пер. предисловия, 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Олинк Х.</i> Философ, одержимый войной. Луи Грондейс в России (1915–1920).....	6
<i>Гагкуев Р. Г.</i> Лодевейк Грондейс – военкор-профессор на русской Гражданской войне	14

Лодевейк Грондейс Война в России и Сибири

<i>Палеолог М.</i> Предисловие	32
<i>Оман Э.</i> Вступление.....	34
Часть первая. При царе.....	37
Часть вторая. В революции.....	76
Часть третья. В Сибири	221
Комментарии.....	416
Именной указатель	451

ФИЛОСОФ, ОДЕРЖИМЫЙ ВОЙНОЙ. ЛУИ ГРОНДЕЙС В РОССИИ (1915–1920)

Предисловие к русскому изданию книги «Война в России и Сибири»

Согласно одному из сохранившихся документов королева Вильгельмина удовлетворила прошение Луи Грондейса, поддержанное министром иностранных дел Нидерландов Херманом ван Карнебеком, о предоставлении ему права указывать после имени знаки его отличия, а их было немало: офицерский крест ордена Короны Бельгии, рыцарский крест ордена Почетного легиона Франции, офицерский крест ордена Короны Румынии, российский ордена святого Станислава 3-й степени, святой Анны 3-й степени, святого Владимира 4-й степени, знак отличия российского ордена святого Георгия 4-й степени.

Документ датирован 29 августа 1921 г. Годы славы Луи Грондейса (1878–1961) к тому моменту были уже в прошлом: Первая мировая война, русская революция и последовавшая за ней военная интервенция. За семь лет он был удостоен многочисленных орденов в странах, которые признали его заслуги как воина и как журналиста.

* * *

На фотографиях он выглядит горделивым, высокомерным человеком с упрямым выражением лица; на груди наградные знаки в три ряда. Человек, которого не так легко ввести в заблуждение. Кем же был Луи Грондейс на самом деле? Племенники и племянницы, которые еще лично знали его, описывают его запальчивым, одержимым, амбициозным, надменным, серьезно воспринимающим вопрос словесной принадлежности. От своих отцов, братьев главного героя, они слышали, что эти качества он приобрел еще в юности. Если же его характер определять одним словом, то он был несносным. Его смерть все вспоминают как анекдот: он умер в возрасте 82 лет, фехтуя в полном облачении, как не без иронии отмечали они.

Он родился в городе Памекасане на острове Мадуро в Голландской Ост-Индии. При рождении получил имя Лодевейк Хермен. Старший сын в семье, где отец был голландцем, а мать наполовину индонезийкой. Умный и развитой, он показал в 1896 г. лучшие во всей Голландской Ост-Индии результаты на выпускных экзаменах средней общеобразовательной школы (HBS). В том же году он отправился в Нидерланды, где с отличием окончил курс по физике и математике, посещал лекции популярного в то время философа Болланда и принимал участие в жарких дискуссиях на философские темы. Женился и стал работать учителем физики в Тилбурге.

В августе 1914 г. разразилась война, которая войдет в историю как Первая мировая. В один миг его жизнь изменилась. «Как только разразилась война, я принял решение воспользоваться своим ежегодным отпуском для поездки в зону боевых действий», – писал он в своей книге «Эпизоды русской революционной войны». Отпуск на поле боя! Как вы это себе представляете? Может быть, у автора было особое чувство юмора? Или он был ненормальным? Или поклонником экстремального туризма, как сказали бы мы сейчас.

Грондейс читал сообщения о бельгийцах, «чьи безопасность, покой и достоинство» подверглись угрозе, и о немецкой армии, которая наступала, «сея панику и всепоглощающий страх» среди гражданского населения. Все это вызывало в нем неподдельный интерес, и он захотел «на месте вдохнуть особую атмосферу войны». Материалы, посвященные своим ощущениям, он опубликовал в газете *Nieuwe Rotterdamsche Courant*, позднее они вышли в сборнике «*Голландец в разоренной Бельгии*». Так началась его карьера военного корреспондента. Позднее он стал писать по заданию многих других изданий, таких как *The Daily Telegraph*, *Le Temps*, *l'Illustration*, *Revue des Deux Mondes*.

Из его повествования следует, что он ничего не боялся, умел здорово блефовать, владел многими языками, а также искусством общения, т. е. обладал свойствами, которые ему оченьгодились. Свою первую награду, бельгийский орден Короны, он получил за проявленный героизм при успешно осуществленной попытке освободить из немецкого плена десятки священников.

В период нахождения в Бельгии проявилось своеобразное качество Грондейса – его тянуло на войну. «Я должен признаться, что драматические события в Лувене, свидетелями чего я стал, вызвали во мне отвращение к совершенным чудовищным преступлениям и чувство сострадания по отношению к их жертвам». Одновременно он осознал, что война предоставляет ему возможность изучать человека, «самого интересного объекта наблюдения», при таких обстоятельствах, когда он проявляет себя иначе, чем в обычных условиях. Люди из разных социальных слоев в чрезвычайных ситуациях сбрасывали

маски «своей классовой и сословной принадлежности» и проявляли свои истинные качества. С иронией, а иногда с восхищением он отмечал «самые поразительные метаморфозы».

Война была, по его словам, «матерью всего сущего» и «созидательницей всех аристократических ценностей». Поэтому он решил «предпринять все усилия, чтобы в качестве наблюдателя, а также, по возможности, в качестве военного принять участие во всех видах военных действий: нападении и обороне, развертывании войск и отступлении, бомбардировках и осаде, разведке на земле и в воздухе». Война его манила.

* * *

Одержимый войной, Луи Грондейс отправился во Францию, на поля сражений при Аррасе, Сен-Кантене, на реке Сомма, под Верденом. Благодаря таланту дипломата ему удалось получить разрешение попасть на фронт. Однако очень быстро он почувствовал себя частью контролируемого пресс-пула, журналистам которого позволялось посещать лишь освобожденные поля сражений. Когда он пожаловался на это французскому министру иностранных дел, тот посоветовал ему попытаться счастья в царской России. Там у военных корреспондентов могли быть большие возможности. Он последовал совету. Действительность оказалась, однако, не совсем такой, какой ему ее описывали. Лишь через французского генерала маркиза Лакиша, у которого были хорошие связи с великим князем Николаем Николаевичем, ему удалось решить вопрос. Он получил подписанный генерал-квартирмейстером документ, который позволял ему пребывать в течение неопределенного времени в русской армии.

Когда Грондейс прибыл в штаб армии, располагавшийся в Могилеве на Днепре, войска отступали, и ему представился шанс вникнуть в вопросы стратегии ведения войны. Довольно быстро он завоевал доверие штаба, был расквартирован в поезде командующего армиями Юго-Западного фронта, генерала Николая Иванова, а вскоре после этого у сменившего его на посту командующего 8-й армии генерала Алексея Брусилова. Под его началом Грондейс не упустил свой шанс выступить в качестве боевой единицы!!!

Позднее бесстрашный Грондейс напишет о своем боевом крещении: «Спустя полчаса после того, как я прибыл в сектор боевых действий 7-го егерского полка, я стал участником штыковой атаки на занятую венграми позицию – под пулеметным огнем и обстрелом из гранатометов. С этого момента русские офицеры стали считать меня своим. Они должным образом отметили в официальных реляциях, что проявленное мною в опасных для жизни ситуациях хладнокровие

оказало благотворное влияние на боевой дух солдат. С того момента я был допущен в узкий круг офицеров, состоявший из пяти человек, которые имели право делить трапезу с Брусиловым». Грондейс достиг цели: он оказался в самом центре боевых действий. В одночасье он становится военным корреспондентом, который принимает активное и непосредственное участие в боевых действиях. Брусилов оценил этот поступок, расположивший его к нидерландскому журналисту: «Даже если не отвага толкнула вас на то, чтобы присоединиться к нашим солдатам, то ничего более разумного вы не могли бы предпринять. Нам не известно ни одного другого примера, когда агент иностранного правительства без абсолютной на то необходимости принял бы участие в штыковой атаке». Агентом он его назвал потому, что Грондейс передавал информацию в Генеральный штаб Нидерландов.

Когда весной 1916 г. Грондейсу вновь довелось посетить штаб армии французов, то оказалось, что отголоски его славы достигли уже и Вердена: он был удостоен награды российским военным командованием. Здесь он делил трапезу уже с французскими военачальниками Анри Филиппом Петеном и Робером Нивелем. Благодаря их посредничеству ему позволили принять участие в облете театра военных действий. Его наблюдения были довольно лирическими, описание природы необычайно романтичным и преисполненным поэтического настроения. Он был зачарован «величием пейзажа и завораживающей зрелищностью военного действия». Он полностью погрузился в это. «Я ощущал себя индонезийским богом войны, который грозно и озабоченно, восторженно и с состраданием, предвидя исход, невозмутимо наблюдал с заоблачных высот за подготовленным местными богами ристалищем гладиаторов».

* * *

Вернувшись в 1917 г. в Россию, Грондейс стал свидетелем Февральской революции, в результате которой царь был низложен. Его удручало положение в армии: падение дисциплины, несоблюдение приказов старших по званию. Но война продолжалась, а моральный дух Грондейса не претерпевал изменений. Он принял участие в июньском наступлении 47-го Сибирского пехотного полка на позиции румын на Юго-Западном фронте, месяцем позже в операции мусульманского чеченского кавалерийского полка против немецких войск. А еще месяц спустя пошел дальше и принял командование 46-м Сибирским полком после гибели российского военачальника. И не без успеха. Под его командованием полк штурмом взял высоту под городом Тернополем и захватил в плен немецкий батальон. Когда в том же году произошла Октябрьская революция, от боево-

го духа солдат ничего не осталось. Победа была на стороне большевиков, руководимых Лениным. Убежденный в том, что борется за правое дело, Грондейс хотел присоединиться к Добровольческой армии под командованием генералов Алексеева и Корнилова, которые прославились в общей борьбе Антанты с союзом Германии, империи Габсбургов и Османской империи.

Однажды, когда он продвигался на Юг России, его арестовали большевики. Задержанный, он снова стал журналистом, профессиональное любопытство которого вынуждало его попытаться понять противника. Из разговора с матросом, который должен был его охранять, Грондейс стал понимать, в чем был секрет силы большевиков: «логика одержимости идеей, которая овладевает массами, соответствует инстинктам и страстным желаниям этих масс». Но обратить себя в их веру он не позволил. После того, как он был освобожден, ничто не могло его удержать от продолжения пути в направлении Добровольческой армии, большинство в которой составляли казаки. В пути его вновь задержали большевики, которых он в пылу страсти охарактеризовал как «стаю азиатов, недостойных свободы».

В здании Войскового правительства в Ростове-на-Дону он наконец встретился с генералами Лавром Корниловым и Михаилом Алексеевым, а также с генералом Алексеем Калединым, атаманом Донского казачьего войска. Все вожди контрреволюции, армия которых насчитывала три с половиной тысячи единиц живой силы, в окружении в десятки раз превосходящих сил противника, укрылись в этом последнем оплоте «мира изящных манер, где можно еще было встретить проявления отличавшего Россию изысканного благородства». Горстка солдат, которые должны были оказать сопротивление «огромному натиску десятков миллионов безбашенных, истощенный ор которых заглушал социальный прогресс».

В середине февраля Грондейс покинул город, чтобы присоединиться в Новочеркасске к казачьему войску. В пути машинист поезда сбежал, оставив состав посреди заснеженной пустыни. На случайно проезжавшей мимо карете скорой помощи ему удалось добраться до командного пункта, где он получил приказ совместно с двумя казачьими отрядами, подчиненными Корнилову, атаковать соседнюю деревню. Обдуваемые ледяным ветром, они пробирались со своими пулеметами по глубокому снегу навстречу огню вражеских пушек. Это был неравный бой. В конце концов, понеся большие потери, Грондейс и его соратники были вынуждены отступить. Экспедиция с треском провалилась: контрреволюционеры терпели одно поражение за другим. По возвращении войсковым подразделениям был предоставлен выбор в отношении дальнейших действий, но Грондейс не хотел отступать. Он решил присоединиться к оставшимся частям войска

Корнилова, и был зачислен в состав одного из полков. С кавалеристами, офицерами, отличавшимися хорошими манерами, он чувствовал себя комфортно в суровой обстановке войны.

* * *

6 марта 1918 г. Грондейс, который к тому времени свободно говорил по-русски, получил задание отправиться со своим помощником в Киев и обратиться с призывом к офицерам, отрезанным от Добровольческой армии, присоединиться к Корнилову. Для дезинформации большевиков ему была выдана справка об освобождении: «Настоящим удостоверяется, что корреспонденту голландской газеты Грондейсу и Павлу Демидову, освобожденным после нахождения под арестом, надлежит покинуть находящийся под контролем Добровольческой армии сектор военных действий в выбранном по их усмотрению направлении». Справка ему не помогла. Не успели они покинуть этот сектор, как их арестовали большевики, которых мало впечатлил дипломатический паспорт Грондейса с многочисленными визами. Их окружили солдаты с искаженными от ненависти лицами, кто-то крикнул: «Да они капиталисты, кончать их».

Под страшные крики сотни красногвардейцев большевистский командир быстренько отправил их в деревню Белая Глина и посадил под стражу в бронепоезд. Пока допрашивали Демидова, Грондейс размышлял об отчаянной ситуации, в которой он оказался. В его нагрудном кармане имелся целый ряд военных документов, свидетельствовавших о его участии в операциях Добровольческой армии. Он прекрасно понимал, что они могут стать фатальными для него, но он не хотел с ними расставаться: они представляли для него огромную ценность. Все сильнее он осознавал, что его могут поставить к стенке.

Позже его перевели в спальный вагон замполита Шостака, с которым они были ярко выраженными антиподами. Дни напролет они колесили взад и вперед вдоль фронтовой линии и вели ожесточенные дискуссии. Грондейсу повезло, что большевик был немстительным. По приезде в Москву, к немалому удивлению Грондейса, его освободили.

По сравнению с его предыдущим пребыванием в Москве, семью месяцами ранее, в городе мало что изменилось. Повсюду он наталкивался на брошюры с многочисленными предписаниями, уставами, законами, что вызывало у него тошноту, — все эти декреты, по мнению Грондейса, унижали человеческое достоинство. На заводах и фабриках власть авторитета инженеров подменялась властью пролетариев. В гимназиях процесс обучения контролировался привратниками, ко-

торые получали больше учителей. Он так никогда и не сможет при-
выкнуть к новым социальным отношениям.

В конце мая 1918 г. Грондейс перебрался из новой столицы в
Петроград, а оттуда через северный портовый город Мурманск вме-
сте с 2500 беженцами покинул любившуюся ему Россию на бор-
ту корабля «Опорто», идущего под флагами Англии и Португалии.
В начале июля он прибыл в Париж, где выступал с различными лек-
циями, посвященными Добровольческой армии. Он был единствен-
ным иностранным участником знаменитого Кубанского похода,
единственной кампании, во время которой удалось пробить брешь в
революционном кордоне.

* * *

Лето 1918 г. Грондейс провел во Франции со своей молодой же-
ной Валентиной Гончаренко-Петренко, с которой познакомился
в 1917 г. в охваченном революционными волнениями Петрограде.
Ей было двадцать, ему сорок. Со слов посла Нидерландов, он вращал-
ся в кругах высшего офицерского состава. Ему был оказан «необычай-
но радушный прием благодаря его интеллектуальным способностям,
обширным военным и научным познаниям, такту и деликатности».
В качестве гостя главнокомандующего генерала Анри Гуро он про-
вел неделю на фронте под Верденом. Он также встречался с генера-
лами Ноэлем де Кастельно, Робером Нивелем и был удостоен ауди-
енции с Жоржем Клемансо, премьер-министром республики. Посол
Нидерландов был очень удивлен, что ему удалось достичь такого по-
ложения без официальной поддержки посольства. Звезда его взошла
так высоко, что он был включен в состав Французской военной мис-
сии, игравшей существенную роль в военной интервенции в Россию.

7 сентября 1918 г. Грондейс поднялся в Бордо на борт корабля,
отправлявшегося в Соединенные Штаты, где его ожидала встреча
с бывшим президентом Рузвельтом, сторонником интервенции в
Сибирь, и чешским президентом Томашем Масариком, а в Японии с
военным министром Гиити Танакой. В декабре того же года он при-
был во Владивосток.

В Сибири царил хаос. В результате столкновения интересов вну-
тренних и внешних сил наступил период безвластия. В популярной в
те дни песни был куплет: «Мундир английский, погон французский,
табак японский, правитель омский». Большевики, установившие
свою власть в европейской части страны, намеревались распростра-
нить ее и за Уралом, в азиатской России, но целый ряд противодей-
ствующих сил пытался этому помешать.

На одной из фотографий мы видим Грондейса со строгим выра-
жением лица, во французском мундире в чине капитана. Рядом с ним

за роялем его молодая жена. Справа от нее пальма. На заднем плане на стене медвежья шкура с висящим на ней самурайским мечом. Фотография сделана в вагоне поезда, предоставленном Грондейсу как члену Французской военной миссии. Так они передвигались, прицепленные к локомотиву, в направлении Запада. Довольно опасное путешествие, если учесть, что вагон мог быть захвачен одной из многочисленных банд, которые превратили Транссибирскую магистраль в опасную зону. Чита, Иркутск, Томск, Челябинск. Так прошло три месяца. Грондейс видел, как истощена белая армия. В то же время его восхищала «невероятная отвага» большевиков. Отступление белых шло полным ходом. «Все смотрят на меня с недовольным выражением лица, и у меня такое ощущение, будто я виноват в том, что райская жизнь окончилась». Он был свидетелем многих ужасов и жестокости и подробно опишет это как в реляциях французскому правительству, так и в своих публикациях в прессе.

13 февраля 1920 г. император Японии присвоил ему орден Восходящего Солнца 5-й степени с вручением рыцарского креста. Это была не единственная награда, которой он будет удостоен. С молодой женой Валентиной он возвратился в Европу. «Надеюсь, – писал в своем письме Грондейсу посол Нидерландов в Токио, – что ее игра на фортепиано не смягчила нравы большевиков». Первая мировая война, русская революция, а затем и военная интервенция в Сибири стали периодом его славных достижений. Хотя ему – как персоне нон грата – никогда не будет позволено вступить на землю России, эта страна навсегда осталась для него второй родиной и оставила глубокий след в его жизни.

Ханс Олинк,
ведущий радиопрограммы «Незаконченное прошедшее время»*,
посвященной историческим событиям, нидерландской вещательной
компании ВПРО, автор книги «Войны индонезийского бога войны.
Удивительная жизнь Луи Грондейса» (Амстердам: Атлас, 2005)

* Название передачи представляет собой игру слов с использованием грамматического термина. – *Примеч. пер.*

ЛОДЕВЕЙК ГРОНДЕЙС – ВОЕНКОР-ПРОФЕССОР НА РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Имя голландца Лодевейка Грондейса (Lodewijk Hermen Grondijs)* почти неизвестно не только широкому кругу читателей в России, но и в большинстве своем и профессиональным историкам. По крайней мере упоминания о нем и ссылки на его труды в отечественной историографии единичны, а их общий список не доходит даже до десятка. Между тем фигура Лодевейка Грондейса, не только малоизвестная, но и во многом загадочная, в год столетия начала полномасштабной Гражданской войны в России заслуживает как минимум обстоятельного разговора.

Будущий военный корреспондент, ученый и общественный деятель Лодевейк Грондейс родился 25 сентября 1878 г. в городе Памекасан Голландской Ост-Индии (ныне Индонезия), в семье директора школы Хермена Грондейса и Йоханны Элизабет Ле Брюйн. По материнской линии Лодевейк наполовину был индонезийцем. По словам одного из биографов Грондейса Марка Янсена, индонезийские корни отразились в «его несколько экзотических чертах лица», что стало причиной подростковых комплексов Лодевейка¹.

Большую часть своей юности он провел в Ост-Индии, в 1896 г. окончил гимназию в городе Сурабая. Дальнейшее свое обучение Лодевейк продолжил уже в Голландии, изучая математику и физику в Утрехтском университете (с которым впоследствии была связана его научная работа). В июле 1905 г. он окончил университет, а затем продолжил свое обучение по специальностям физика и математика в Лейденском университете, в Южной Голландии, где на него большое впечатление произвели лекции голландского философа и лингвиста Д. Болланда. В 1907 г. вместе с доктором Б. де Хааном он основал

* Имя и фамилия Лодевейка Грондейса в русских переводах воспроизводится по-разному. Имя, как правило, всегда приводилось как Людовик (реже Луи), вариантов же написания фамилии было несколько: Грандис, Грандич, Грондайс, Грондес, Гронди, Грондисс. В данном издании используется вариант написания «Лодевейк Грондейс», предложенный переводчиком В. И. Габышевым, имеющим большой опыт перевода с голландского на русский язык.

«Журнал философии», в числе редакторов которого оставался до 1932 г. В июле 1908 г. он первый раз женился на Антони Терезе Мари Текле ван Эмбден (в этом браке родился сын). Подобная спокойная академическая молодость едва ли как-то предопределяла его будущее – годы своей жизни успешно шедший к научной карьере Лодевейк Грондейс проведет на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, да и впоследствии он еще не раз окажется в центре политических и военных событий.

По окончании учебы в Лейденском университете Грондейс несколько лет работал преподавателем физики в школах в Тилбурге и Дордрехте. В этом качестве он и встретил Первую мировую войну. Нейтралитет Голландии в начавшейся войне не помешал Лодевейку уже в августе 1914 г. отправиться в качестве военного корреспондента газеты *Nieuwe Rotterdamsche Courant* на фронт в Бельгию, вскоре занятую германскими войсками, а затем во Францию (с которой его жизнь оказалась связанной на многие годы). В своих публикациях он сообщал о зверствах германской армии против гражданского населения в Лёвене (Лувене), а также об осаде Антверпена. За спасение от казни германцами пятидесяти бельгийских священнослужителей он был награжден бельгийским офицерским Орденом Короны. Уже первые недели пребывания Грондейса на линии фронта показали, что наблюдения за боевыми действиями из штабов ему не интересны. В действующей армии он не столько общался с командованием, сколько предпочитал находиться в гуще военных событий. Грондейс писал свои корреспонденции с фронта, в полной мере разделяя с офицерами и солдатами вся тяжести войны на передовой.

Летом 1915 г. Лодевейк Грондейс впервые приехал в Россию в качестве военного корреспондента британской газеты *The Daily Telegraph*. Одними из главных причин его отъезда стали, по его признанию, то, что он не имел «возможности участвовать в боевых операциях первой линии», и надежда на то, что с на русском фронте ему «повезет больше»². Благодаря разрешению верховного главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича (незадолго до его отставки) Грондейс получил возможность находиться в действующей армии. Его статьи о войне на Восточном фронте стали публиковаться также в авторитетном французском еженедельном журнале *Illustration**.

* Редакционная политика журнала традиционно имела консервативную и патристическую направленность. Со времени заключения франко-русского союза в конце XIX в. издание в существенной степени было русофильским. Указанные обстоятельства, вероятно, сыграли свою роль в выборе придерживавшегося консервативных ценностей Грондейсом места публикации своих корреспонденций.

Едва ли в это время он мог предположить, что в итоге проведет в нашей стране около четырех лет своей жизни. Находясь на русском фронте Первой мировой войны, Грондейс, как и на Западном фронте, был вхож и в высшие штабы и постоянно бывал на передовой. Он регулярно бывал в Ставке верховного главнокомандующего, с которой должен был согласовывать свои перемещения, неоднократно подолгу находился в штабах армий Юго-Западного и Румынского фронтов. Общение со многими видными русскими военачальниками позволило ему создать портреты ряда генералов, прежде всего А. А. Брусилова и Л. Г. Корнилова. Несмотря на всю разность этих исторических фигур, Грондейс с большим уважением относился к ним обоим, оставил интересные зарисовки о них и привел по возможности подробно свои записи некоторых встреч с ними.

Находясь в русской действующей армии, он стал очевидцем и участником Брусиловского прорыва в мае–сентябре 1916 г., наиболее известного наступления русских войск, повлиявшего на весь ход Первой мировой войны. В июле 1916 г. он ненадолго вернулся во Францию, но сразу же отправился на фронт.

Вновь Грондейс оказался в России в канун революционных событий, в январе 1917 г. В феврале он стал очевидцем начала Великой российской революции и падения династии Романовых. Впоследствии он нелестно характеризовал слабую власть «адвокатской конторы»³ (так он нередко называл Временное правительство), которая не смогла противостоять «революционерам» из Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Ни разу не высказываясь в своих воспоминаниях вполне однозначно, Грондейс, очевидно, все-таки больше симпатизировал императорской России, порядок которой сменился «беспорядком» революции. Будучи к тому времени уже во многом человеком военным, он более всего был удручен начавшейся с приказа № 1 Петроградского Совета «демократизации» армии. Не очень разбираясь в политической обстановке и существовавших в России партиях, он тем не менее в своих воспоминаниях демократизацию ставил в вину не только «социалистам», но и собственно военным (например, верховному главному русской армии генералу от инфантерии М. В. Алексееву, подписавшему «декрет о солдатских комитетах»⁴).

Пребывание Грондейса в Петрограде было, по всей видимости, сравнительно недолгим. Уже весной он снова оказался в действующей армии, став свидетелем стремительного развала и разложения русской армии. На фронте Грондейсу довелось встретиться с военным и морским министром Временного правительства А. Ф. Керенским, совершавшим поездки в действующую армию накануне предстоящего наступления. Летом он принял участие в Июньском наступлении

(наступление Керенского) русской армии на Юго-Западном фронте. 4 июля 1917 г. Грондейс был представлен главкомом армий Юго-Западного фронта генералом-лейтенантом А. Е. Гутором к ордену святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом⁵.

В связи с его награждением встает вопрос о его чине к 1917 г. Точных сведений о производстве Грондейса в офицеры нет. Бывший посол Франции в России Морис Палеолог в своем предисловии к книге Грондейса «Война в России и Сибири» пишет о том, что чин капитана французской армии он получил в 1918 г.⁶ Однако награждение Лодевейка офицерскими наградами позволяет предположить, что уже к 1917 г. он был произведен в офицеры (вполне возможно, еще во Франции). Сохранившиеся фотографии Грондейса говорят о его награждении рядом русских, французских и других боевых наград – помимо ордена святого Владимира, он был также награжден знаком отличия ордена святого Георгия 4-й степени, орденом святого Станислава 3-й степени и святой Анны 3-й степени. По некоторым данным, Грондейс был представлен к знаку отличия ордена святого Георгия летом 1917 г., после того как в августе погиб в одном из боев командир 3-го батальона 46-го Сибирского стрелкового полка и он взял на себя командование. За успешные действия во главе батальона Лодевейк был представлен к награде (документальное подтверждение этого награждения, как и другими российскими наградами, пока не обнаружено). К 1920 г. он был также награжден офицерским крестом ордена Короны Румынии, японским орденом Восходящего Солнца 5-й степени и французским орденом Почетного легиона.

Подобное поведение на фронте сделало Грондейса своим для русских офицеров, со многими из которых он был дружен и в обществу которых он был вхож. Чтобы быть ближе к офицерскому кругу, Лодевейк специально научился фехтовать. Показательно, что в дни Корниловского выступления в августе–сентябре 1917 г. Грондейс сделал все возможное, что облегчить судьбу находившихся под арестом главкома армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта А. И. Деникина и чинов его штаба, поддержавших выступление Л. Г. Корнилова. Действия Грондейса привели к тому, что уже в скором времени в «Киевской мысли» и других газетах появились статьи, требовавшие «от правительства суровых мер против» него⁷. Очевидно, что для иностранного корреспондента события в России стали не только работой, во многих событиях он уже не отделял себя от консервативной части русского общества, которой симпатизировал и чьи взгляды разделял.

Осенью–зимой 1917 г. Грондейс ненадолго оказался на Румынском фронте (куда он был вынужден уехать с Юго-Западного по причине своей «контрреволюционности»), планируя вернуться в начале января 1918 г. в Омскую область (БУ Иса

Францию. Приехав в январе 1918 г. в Киев и встретившись там со знакомыми русскими офицерами, Грондейс решил отправиться на Дон, где в это время шло формирование Добровольческой армии. «Все лучшие люди России – генералы, офицеры, дворяне, патриоты всех сословий, бросив разложившуюся армию, горящие деревни, охваченные анархией города, двинулись окольными тропами на Дон», – писал он⁸. По дороге на Дон в середине января 1918 г. он был арестован в Александровске одним из красных отрядов.

Только в конце января 1918 г. Лодевейк присоединился на Дону к офицерам и добровольцам, выступившим против советской власти. С основателями «Армии патриотов» (так он называл Добровольческую армию) – генералами М. В. Алексеевым, Л. Г. Корниловым, А. И. Деникиным – к тому времени он успел не только хорошо познакомиться за годы своего пребывания на фронте но, например, его беседа в феврале 1918 г. с Корниловым показывает, что Грондейс пользовался в среде высшего офицерства Добрармии определенным доверием.

Оказавшись на Дону, Грондейс поступил добровольцем в офицерскую роту Корниловского ударного полка, которому он симпатизировал еще с начала его формирования при 8-й армии Корнилова весной–летом 1917 г. В составе полка Грондейс начал знаменитый Первый Кубанский «Ледяной» поход Добровольческой армии. Не веря в успех похода, уже в его начале (в конце февраля), Лодевейк принял решение оставить Добровольческую армию. «Я верил в немислимый героизм его соратников, но не верил в поддержку хаотичной массы русского народа, лишённого идей, но увлеченного анархией, которую пока еще считал для себя выгодной», – писал он позднее⁹. Он рассчитывал отправиться в Киев, где находился глава корпуса иностранных атташе полковник Ж. Табуи и где проживали в то время многие русские офицеры, к которым он имел поручение от Корнилова. Несмотря на такое раннее оставление Добровольческой армии, Грондейс был обладателем знака отличия Первого Кубанского похода^{*}.

Получив составленную штабом Добровольческой армии фальшивую справку о том, что он является «иностранным корреспондентом», взятым в плен и отпущенным на свободу «с приказом покинуть местность, контролируемую Добровольческой армией», Грондейс попытался выехать с Дона, но сразу попал в плен. Будучи спасен ко-

^{*} Лодевейк Грондейс был награжден знаком отличия Первого Кубанского похода с № 4438. По информации А. И. Рудиченко, знаком за этим номером был награжден Г. Грандис (очевидно, в данном случае мы видим еще один вариант написания его фамилии на русском языке). Информацию о награждении Грондейса этой наградой предоставил В. Яковлев.

миссаром одного из отрядов Красной армии, Грондейс несколько месяцев пробыл на Юге России, наблюдая за тем, как Добрармия ведет свой Первый Кубанский поход, организацию первых частей РККА, и знакомясь с типами красных командиров и комиссаров, о чем подробно впоследствии рассказал в своих мемуарах.

В начале апреля 1918 г. он оказался в Москве, где в ожидании отъезда домой встретился с лечившимся от ранения А. А. Брусилковым (запись беседы с ним Грондейс включил в воспоминания), а также с военными специалистами Красной армии – бывшими генерал-майорами М. Д. Бонч-Бруевичем и Н. А. Сулейманом. В мае, оказавшись в Петрограде, он безуспешно попытался вернуться во Францию через Швецию. В итоге ему пришлось уехать из России через Мурманск. В начале июля 1918 г. через Берген и Ньюкасл Грондейс приехал в Париж.

Но уже в скором времени он отправился в свою третью поездку в Россию. В сентябре 1918 г., спустя всего два месяца после возвращения, он был прикомандирован министерствами иностранных и военных дел в качестве официального военного корреспондента к военной миссии генерала М. Жанена и верховного комиссара графа Д. де Мартеля. Путь на российский Дальний Восток для Грондейса лежал через Атлантический океан. Осенью 1918 г. он прибыл в Вашингтон, где встречался не только с французскими и американскими дипломатами и военными деятелями, но и с бывшим президентом США Т. Рузвельтом, который высказывался за поддержку белых в начавшейся в России гражданской войне. Из Америки Грондейс отправился в Японию, где в Токио был принят военным министром генералом Г. Танакой и другими японскими военными. Очевидно, что эти встречи и разговоры с высокопоставленными американскими и японскими политическими и военными деятелями в большой степени предопределили оценку Грондейсом усилий союзников в ходе интервенции стран Антанты в России.

Прибыв в начале января 1918 г. через Владивосток в китайский Харбин, Грондейс познакомился с главными действующими лицами русской контрреволюции на Дальнем Востоке. Он в целом высоко оценил уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата. Еще большее впечатление на него произвел атаман Г. М. Семенов и его Особый Маньчжурский отряд, и Грондейс посвятил впоследствии этой неоднозначной в его понимании личности отдельную главу своих воспоминаний.

Дальнейшие действия Грондейса в качестве военного корреспондента вполне укладываются в ставшее для него уже привычным стремление оказаться на фронте. «Я не задерживался в штабах, зачастую плохо информированных, не ведающих о боеспособности собствен-

ных подразделений, плавающих в мистическом тумане. Оценить обстановку я мог только среди солдат», — писал он¹⁰. Пробыв недолгое время сначала в Чите, затем в Иркутске и, наконец, в столице белой Сибири Омске, он отправился на фронт, прибыл в штаб Западной армии генерал-лейтенанта М. В. Ханжина в середине марта 1919 г.

Пользуясь своим положением военного корреспондента, Грондейс беспрепятственно совершал поездки на фронт, был лично знаком с верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком (дважды встречался с ним) и другими белыми военачальниками. Оказавшись в Российской армии адмирала А. В. Колчака на пике ее успехов в ходе весеннего наступления 1919 г., Грондейс стал очевидцем как успехов белых войск, так и последовавшего отступления всего белого фронта. Побывав и на передовой, и в тылу, он запечатлел оставление Уфы и Екатеринбурга, подробно рассказал о повстанческом движении в Сибири и на Дальнем Востоке, отдельно коснулся разоблачения большевистского подполья в Новониколаевске.

В конце сентября 1919 г. Грондейс уехал с фронта и оказался в Забайкалье при войсках японского экспедиционного корпуса, которые вели войну против красных партизан. Симпатизируя японцам, он исключительно положительно описывал их действия в Забайкалье и Приморье, считая безусловной ошибкой верховного правителя России Колчака отказ от их более широкой помощи. Контрастом с действиями интервентов-японцев выглядят в описании Грондейса бесчинства белых атаманов. Не случайно он отдельно подробно рассказал о действиях атамана Б. В. Анненкова и целую главу воспоминаний посвятил аману Г. М. Семенову. С последним Грондейс был знаком лично и, безусловно, ему симпатизировал. В то же время, несмотря на симпатию, он довольно скромно оценивал качества атамана как личности. «Удаль, которая приковывала к нему все взгляды, возможно, была его единственным достоинством, — писал Грондейс. — Бесстрашного командира эскадрона, ставшего походным аманом казаков Забайкальского, Амурского и Уссурийского краев, я бы сравнил с пешкой, которую интеллектуальными усилиями провели по всему шахматному полю и наделили непростым достоинством королевы»¹¹. Голландец считал действия Семенова недопустимыми, а самого Семенова характеризовал как «патриота, храброго, но ограниченного офицера». «...Семенов не был государственным мужем, — писал Грондейс. — Он не стремился успокоить население, не стремился к миру. Вокруг Семенова собрались русские офицеры, родившиеся в тысячах верстах от Забайкалья, чужие этим краям, их населению. готовые, если дело обернется плохо, отправиться за границу и прожить там капиталы, скопленные в китайских банках»¹².

О своем участии в событиях Сибирского «Ледяного» похода Лодевейк Грондейс не оставил в воспоминаниях никакого подробного рассказа, сосредоточившись на выяснении роли и степени вины чинов Чехословацкого корпуса за постигшую отступающую Российскую армию и адмирала Колчака трагедию*. Исходя из подробностей повествования, можно сделать предположение, что после Приморья Грондейс, пробыв некоторое время на Востоке, эвакуировался из Восточной Сибири вместе с частями чехословаков.

В декабре 1919 г. Грондейс добрался до Владивостока и вскоре после наступления 1920 г. покинул Сибирь, увезя с собой во Францию собранные за время пребывания в Сибири документы и материалы. Из России Грондейс вернулся в Европу не один. С 1918 по начало 1920 г. в поездках по фронтам Гражданской войны в России его сопровождала Валентина Гончаренко-Петренко. В декабре 1920 г. уже в Европе он второй раз женился. Его русская жена, пианистка по образованию, была почти на 20 лет моложе него (в браке у них родилась дочь).

По возвращении из России Лодевейк Грондейс осел во Франции. Поселившись в Париже, он занялся изучением византийского искусства в Сорбонне. Вернувшись в Европу, он открыто говорил о своих антибольшевистских взглядах в публичных лекциях и периодике. За свою поддержку адмирала А. В. Колчака, генералов Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина Грондейс неоднократно подвергался нападкам в прессе. В 1922 г. он издал на французском языке свои воспоминания – книгу, где подводились итоги его пребывания в нашей стране, «Война в России и Сибири»¹³. Выход книги, безусловно, был заметным событием. Предисловие к ней написали посол Франции в России в 1914–1917 гг. Морис Палеолог и профессор русского языка и литературы в Сорбонне Эмиль Оман, а на авантитуле книги был помещен карандашный портрет Лодевейка Грондейса, выполненный И. Е. Репиным.

После нескольких лет жизни во Франции в конце 1928 г. вместе со своей русской супругой Валентиной Грондейс возвратился в Голландию. В 1931 г. он был назначен преподавателем истории византийско-русской культуры, в 1935 – экстраординарным профессором истории византийского искусства, в 1939 стал экстраординарным профессором иконографии и религиозного искусства Утрехтского

* Грондейс стал немногим из тех, кто принял участие в двух «ледяных походах» – Первом Кубанском и Сибирском. Второй известный на сегодня участник этих двух событий – генерал-майор Д. Н. Сальников, во время Первого Кубанского похода – начальник оперативного отдела штаба Добровольческой армии; во время Сибирского похода – начальник штаба Северной колонны генерал-майора Н. Т. Сукина.

университета. Одновременно с научной работой в университете в 1930-е гг. Грондейс предпринял ряд учебных поездок по странам Восточной и Юго-Восточной Европы.

Но жизнь Грондейса не ограничивалась одной лишь научной работой. Его очевидная склонность к приключениям вылилась в ряд командировок в колонии и зоны военных конфликтов. В 1929–1936 гг. Лодевейк был постоянным сотрудником еженедельника «Национальное единство», ставившего своей задачей укрепление связей между Голландией и ее колониями. В 1932–1933 гг. Грондейс, находясь в поездке на Дальний Восток, был свидетелем японской экспансии в Маньчжурии. В 1936–1937 гг. Лодевейк неоднократно бывал в Испании, в которой в эти годы шла гражданская война. Грондейс, будучи очевидцем и участником Гражданской войны в России, был убежден в том, что испанская революция – прямое продолжение революции российской. В ходе войны в Испании он принял сторону генерала Ф. Франко.

В начале 1940-х гг. Грондейс на непродолжительное время поселился в Париже, где в 1941 г. защитил докторскую диссертацию «Византийская иконография распятия Христа». К началу Второй мировой войны он возвратился в Голландию, где продолжил преподавательскую деятельность в оккупированной Германией Голландии. После нападения в июне 1941 г. нацистской Германии на Советский Союз немцы, учитывая его знание России, оказывали давление на Грондейса, с тем чтобы он выступил с публичными лекциями и в прессе против СССР. Но в опубликованной в июле 1941 г. в амстердамской газете *De Telegraaf* статье «Русский солдат»¹⁴ он, напротив, высоко оценил как качества русских солдат, так и усилия России в годы Первой мировой войны для достижения победы над Германией. Распространение статьи было запрещено, хотя автора и не арестовали.

После освобождения Голландии Грондейс попал под подозрение в сотрудничестве с нацистами. В 1944 г., еще во время оккупации, он получил должность полного профессора иконографии и религиозного искусства университета в Утрехте – в то время, когда учебная жизнь в университете почти остановилась. Кроме того, он не избегал контактов с членами голландского Национал-социалистического движения и с оккупационными властями. Предъявленные ему обвинения в итоге были с него сняты, и он продолжил работу в университете в должности профессора. После смерти своей второй жены Лодевейк Грондейс в июле 1948 г. женился на Эллен Гудрун Брукс. В 1949 г., в возрасте 70 лет, он ушел из Утрехтского университета, но продолжил активную публикаторскую деятельность.

Лодевейк Грондейс прожил долгую и богатую событиями жизнь, значимая часть которой была связана с Россией. Он скончался

17 марта 1961 г. в Гааге от сердечного приступа в возрасте 82 лет в комнате для фехтования, занимаясь своим любимым видом спорта. Его документальное наследие, большая часть которого связана с русской историей и славянской культурой, до сих пор практически не известно в России.

По словам одного из биографов М. Янсена, Грондейс в своих взглядах придерживался крайне правых воззрений, но при этом «был слишком элитарен для массовых движений, таких как национал-социализм и нацизм». Предложение, сделанное ему главой голландских нацистов А. А. Мюссертом, вступить в Национал-социалистическое движение осталось без ответа. По замечанию Янсена, Грондейс был приверженцем традиций и власти, порядка и дисциплины. На протяжении своей жизни он выступал против революции и социализма не только как журналист и писатель, но и принимал непосредственное участие в военных столкновениях. При этом он «имел мало общего с парламентской демократией» и не любил мелкую и крупную буржуазию¹⁵. В ряде своих публикаций Грондейс допускал негативные высказывания о революционерах-евреях или же евреях-коммерсантах, но при этом ему был чужд антисемитизм. Наиболее комфортно он чувствовал себя среди военных – как солдат, так и офицеров, что отчетливо прослеживается в его воспоминаниях.

Лодевейк Грондейс автор большого числа публикаций, начиная с газетных и журнальных статей периода Первой мировой войны (1914–1918)¹⁶, продолжая историческими публикациями о Гражданской войне в России и статьями на военно-политические темы (1920–1940)¹⁷ и заканчивая многочисленными работами о восточно-европейском искусстве и философии, последние из которых увидели свет уже в начале 1960-х гг.¹⁸ Среди работ, посвященных истории Гражданской войны в России, помимо книги «Война в России и в Сибири», необходимо также выделить работу «Случай Колчака: вклад в историю русской революции»¹⁹, в которой спустя годы Грондейс предпринял попытку осмысления событий на Восточном фронте Гражданской войны в России.

Предлагаемая вниманию читателей книга Лодевейка Грондейса «Война в России и Сибири» – впервые полностью публикуется на русском языке. Как исторический источник эти воспоминания крайне неровны по своему повествованию и по достоверности описываемых событий. Очевидно, что работая над изданием, автор в значительной степени использовал свои дневниковые записи. Структура книги позволяет достаточно четко выделить в ней главы, которые построены на дневниковых записях (как правило, они снабжены подзаголовками с датами и местами событий, и сам характер текста свидетельствует о его «дневниковой» основе). Эта часть книги, со-

ставляющая ее значительный объем, наиболее интересна и ценна, так как содержит впечатления самого автора от происходящих событий, а местами почти стенографические записи бесед с разными людьми.

Так, Грондейс приводит запись своей беседы с Л. Г. Корниловым в конце февраля 1918 г. – одно из немногих документальных свидетельств настроений командующего Добрармии в начале Первого Кубанского похода. «Наша тактика состоит не в том, чтобы сражаться любой ценой, а в том, чтобы сохранить как можно больше наших, внушая страх противнику, отвоевать Кубань, укрепиться там, а потом, если обстоятельства будут благоприятными, сделать новый рывок», – записал Грондейс²⁰. Не менее ценна запись беседы с А. А. Брусиловым весной 1918 г. в Москве, из которой можно узнать, что генерал не исключал для себя в 1918 г. присоединение к Добровольческой армии: «Моя нога помешала мне присоединиться к моему бывшему начальнику Алексееву на Дону. Но после того как провалилась попытка организовать донских казаков, я бы не стал бесполезно жертвовать молодыми жизнями, я бы распустил армию добровольцев, когда это было еще можно»²¹.

Главы, написанные Грондейсом полностью во Франции, рассказывают о событиях, свидетелем которых сам автор не был и, помимо его собственных выводов, очевидно, содержат записи событий с чужих слов, как правило, их непосредственных участников (это, в частности, касается всех вводных разделов и «эпилогов» к главам, выделенным в тексте меньшим кеглем). Так, весь 1918 г. в Сибири описывается Грондейсом со слов людей, с которыми он общался после своего прибытия в 1919 г., когда многие события уже трактовались с учетом позднее произошедших событий. Это прежде всего касается обстоятельств прихода к власти адмирала Колчака в ноябре 1918 г. и оценок его внутренней и внешней политики, взаимоотношений с атаманом Семеновым и союзниками и др. Говоря о Колчаке, Грондейс не может избавиться от двойственности в оценки его деятельности (как и атамана Семенова). В «...адмирале чувствовалась печаль человека, чьи усилия не приносят результата», – оценивал он Колчака. Грондейс полагал, что «у адмирала не было прочно установившегося авторитета», а сам он в 1918 г., «незнакомый с механизмом армии и не имевший политических убеждений, неизбежно попадал в руки серых кардиналов, и вся его политика носила характер скачков». Но говоря о слабостях его политики и ошибках, Грондейс, встречавшийся с ним лично, неизменно подчеркивал свою личную к нему симпатию. Говоря о событиях Сибирского «Ледяного» похода, он писал, что «поведение Колчака в эти трагические дни было столь же достойным, как вся его жизнь»²².

Оценивая действия союзнической интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке, Грондейс, который много времени провел с японцами и чехословаками, полагал, что одной из главных ошибок Колчака были неправильно выстроенные взаимоотношения с ними. В случае с японцами автор считал ошибкой отказ Колчака от более широкого сотрудничества с ними, в случае чехословаков – недооценку Чехословацкого корпуса Колчаком и ошибочно выстроенную с ними политику. Идеализируя и преувеличивая значение чехословаков на Восточном фронте в 1919 г., Грондейс полагал, что постигшая Российскую армию и Колчака трагедия была следствием ошибок верховного правителя и необходимости защиты чинами Чехословацкого корпуса своих жизней. Вследствие этого в 1919 – начале 1920 г. «чехи перестали быть союзниками в борьбе против советов и эсеров и даже почти что перестали быть дружественной армией. Тысячи конфликтов и взаимных недопониманий возникали как среди начальников, так и между простыми солдатами»²³. По его мнению, «через головы русских и чехов, которые вполне могли между собой сотрудничать, адмирал со своей стороны, политики со своей подлили масла в существующий конфликт и сделали все, чтобы сотрудничество стало невозможным»²⁴.

Отдельного внимания заслуживают фотографии, опубликованные в книге. Будучи военным корреспондентом и располагая фотоаппаратом, Грондейс сумел запечатлеть на пленку многие события Первой мировой и Гражданской войн, большая часть из его фотографий знакома только специалистам. На многих из них запечатлен и сам автор.

В отечественной историографии публикации Грондейса о Гражданской войне использовались рядом историков, цитировавшими его работы и публиковавшими отрывки из них в периодике. Впервые документы Грондейса опубликовал в 1997 г. в сборнике документов новосибирский историк В. И. Шишкин. Говоря о документальных и исследовательских публикациях 1930-х гг., в которых освещается арест верховного правителя А. В. Колчака, он справедливо обратил внимание на остававшиеся вне поля зрения исследователей документы, опубликованные в сборнике «Случай Колчака: вклад в историю русской революции»²⁵, подготовленным «Л. Гронди» в 1939 г.²⁶ В 2001 г. С. В. Волков поместил краткие биографические сведения о «Людвиге Германовиче Грондиссе» в справочник об участниках Первого Кубанского похода²⁷. В 2013 г. О. С. Данилова при обзоре работ франкоязычной литературы о военной интервенции в Сибири несколько строк посвятила и работам, написанным «Людовиком Грондижем», подчеркнув, что они «являются ценным историческим источником»²⁸.

Одними из первых опубликовали переводы отрывков из его работы «Война в России и Сибири» историки О. А. Жанситов и К. А. Мальбахов. В 2014 г. в сборнике «Несломанная подкова Российской императорской армии» были напечатаны выдержки из его воспоминаний, посвященные Кавказской туземной конной дивизии²⁹. Впоследствии на их основе была сделана публикация в сборнике «Россия в годы Первой мировой войны», изданном Институтом российской истории в 2014 г.³⁰ Наряду с введением в оборот нового для отечественной историографии источника следует отметить некоторые досадные неточности в публикации. Так, публикаторы ошибочно считают, что «Людовик Грондейс» проживал на территории Бельгии, а его отъезд из Советской России в 1918 г. называется ими «побегом».

В 2016 г. в периодических изданиях появились сразу две публикации отрывков из воспоминаний Лодевейка Грондейса, осуществленные Р. Г. Гагкуевым и С. Г. Шиловой в процессе подготовки к печати настоящего издания³¹. В первой из них увидела свет глава воспоминаний Грондейса о генерале от кавалерии А. А. Брусилове – его исторический портрет и рассказ о его деятельности на посту главкома русской армии в 1917 г. Во второй публикации рассказывается о Кавказской туземной дикой дивизии в 1917 г., к чинам которой Грондейс испытывал большую симпатию. Ссылки на архивные документы, содержащие свидетельства о пребывании Лодевейка Грондейса в Советской России в 1918 г. и его влиянии на начальника разведывательного отдела штаба красного Южного фронта З. Б. Шостака, привел в одной из своих публикаций д-р ист. наук А. В. Ганин³².

Зарубежная библиография работ о Лодевейке Грондейсе достаточно обширна. Еще при его жизни вышел ряд статей в голландской научной периодике к его 65- и 70-летию³³. Уже после смерти бывшего профессора Утрехтского университета, помимо некрологов, публиковались и статьи его памяти³⁴. Наибольшее количество статей о Грондейсе принадлежит голландскому историку Марку Янсену, опубликовавшему их еще в 1980-е гг.³⁵ Наконец, наиболее подробные и основательные биографии Лодевейка Грондейса опубликовали в 2005 и 2016 г. голландские исследователи Ханс Олинк³⁶ – «Войны индонезийского бога войны. Удивительная жизнь Луи Грондейса» (Olink, 2005) и Аренд Хендрик Хуссен³⁷ – «Лодейвик Хермен Грондейс: физик, военный корреспондент и византолог».

В ходе подготовки русского перевода книги «Война в России и Сибири» имена и фамилии большинства упоминаемых в тексте персоналий уточнены и приведены в именном указателе; отдельные фамилии (как правило, иностранцев) уточнить не удалось, они при-

ведены в переводе на русский язык. Воинские звания чинов русской армии в большинстве случаев переведены с французского языка на русский и уточнены по справочной литературе; воинские звания чинов иностранных армий оставлены без изменений, в редакции автора. Большая часть географических названий проверена и уточнена; названия отдельных населенных пунктов, уточнить которые не удалось, даны в переводе на русский язык. Датировка событий в издании дается в авторской редакции: при описании событий в Европе и Сибири – по григорианскому календарю (новый стиль) (1914, осень 1916, 1919–1920 гг.)*; при рассказе о событиях Первой мировой (1915–1917) и Гражданской войн в 1918 г. – по юлианскому (старый стиль) и в большинстве случаев через косую черту также по григорианскому календарю. В комментариях к тексту воспоминаний в ряде случаев события 1914–1918 гг. приведены в старом и новом (в скобках) стилях.

Автор особо благодарит за помощь в подготовке русского перевода книги голландского исследователя Ханса Олинка (Hans Olink), любезно согласившегося написать предисловие к этой книге, а также наследника Лодевейка Грондейса Нико Шутмейкера (Nico Schuitemaker), без понимания и поддержки которых это издание никогда бы не увидело свет. Отдельной благодарности заслуживает работа переводчиков – М. Ю. Кожевниковой, переведшей на русский язык весь текст «Войны и революции в России», и В. И. Габышева – переводчика предисловия Ханса Олинка. Автор выражает признательность за участие в подготовке книги своим коллегам и друзьям – В. В. Журавлеву, К. Б. Календаревой, М. И. Куликовой, М. С. Ледневой, А. С. Пученкову, А. В. Репникову, С. В. Решетникову, Ю. В. Христичу и О. В. Чикановой, чья бескорыстная помощь позволила подготовить книгу к печати.

Р. Г. Гагкуев,
д-р ист. наук, вед. науч. специалист
Центра военной истории России ИРИ РАН

Примечания

¹ Jansen M. C. Grondijs, Lodewijk Hermen (1871–1961) // Biografisch Woordenboek van Nederland 4. 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://resources.huuygens.knaw.nl/bwn1880-2000/lemmata/bwn4/grondij> (дата обращения: 13.05.2018).

² Grondijs L. H. La guerre en Russia et en Sibirie. Paris, 1922. P. 3.

* Введен в РСФСР Советом народных комиссаров с 1 (14) февраля 1918 г.

- 3 *Grondijs L. H.* La guerre en Russia et en Siberie. P. 68.
- 4 *Ibid.* P. 224.
- 5 *Ibid.* P. 104.
- 6 *Ibid.* P. VI.
- 7 *Ibid.* P. 149.
- 8 *Ibid.* P. 152.
- 9 *Ibid.* P. 230.
- 10 *Ibid.* P. 291.
- 11 *Ibid.* P. 483.
- 12 *Ibid.* P. 488–489.
- 13 *Ibid.* 574 p.
- 14 *Grondijs L. H.* De Russische Soldaat // De Telegraaf. Amsterdam. 1941. № 18291. Juli 10. P. 3.
- 15 *Jansen M. C.* Grondijs, Lodewijk Hermen (1871–1961).
- 16 См: Les Champs de bataille. 1914–1915. № 34; *Grondijs L. H.* Een Nederlander in geteisterd België. Amsterdam, 1914; *Grondijs L. H.* Les Allemands en Belgique, Louvain et Aerschot, notes d'un témoin hollandaise. Paris, 1915; *Grondijs L. H.* The Germans in Belgium. New York, 1916; и др.
- 17 *Grondijs L. H.* De vervolging van het christendom door de Sovjets. Rotterdam, 1930; *Grondijs L. H., Treub W.* Rusland. Redevoeringen. Haarlem, 1931; *Grondijs L. H.* Wat wil Japan? De aaneensluiting van het Verre Oosten. 's-Gravenhage, 1933; *Grondijs L. H.* Spanje. Een voortzetting van de Russische revolutie? Leiden, 1937; *Grondijs L. H.* Tusschen twee werelden. Studiën over de bewoners van Oost-Europa. Amsterdam, 1944.
- 18 *Grondijs L. H.* De "open brief" van prof. dr. G. Jelgersma aan prof. G.J.P.J. Bolland kritisch toegelicht. Leiden, 1906; *Grondijs L. H.* Het vraagstuk van den wereldvrede. Amsterdam, 1907; *Grondijs L. H.* De R.K. Kerk en de afstammingsleer. Amsterdam, 1911; *Grondijs L. H.* Russische Ikonen. Santpoort, 1928; *Grondijs L. H.* De Sophia-gedachte in het Russisch Christendom Amsterdam, 1932; *Grondijs L. H.* Anthroposophie en oost-christelijke mystiek. Den Haag, 1932; *Grondijs L. H.* Asceten, Hellenen. Barbaren. Den Haag, 1935; *Grondijs L. H.* Liconographie Byzantine du Crucifié mort sur la Croix. Bruxelles; Utrecht, 1941; *Grondijs L. H.* De iconographie van schepping en godsverschijningen. Amsterdam, 1942; *Grondijs L. H.* Le double logos du monastere de Sucevita. Bruxelles, 1949; *Grondijs L. H.* Beschreibung und Datierung kirchlicher Kunstwerke im byzantino-slavischen Bereiche. [München], 1951; *Grondijs L. H.* Ikonographische en aesthetiseerende methoden in de kunstgeschiedenis. Utrecht, 1952; *Grondijs L. H.* La diversità delle sette manichee. Roma, 1957; *Grondijs L. H.* Der Heilige Geist in den Schriften des Niketas Stethatos // Byzantinische Zeitschrift. № 51. 1958. S. 329–354 (рус. пер.: *Грондејс Л.* Святой Дух в сочинениях Никиты Стифата, <http://krotov.info/history/11/2/grondijs.htm>); *Grondijs L. H.* Sur la terminologie dionysienne. Paris, 1959; *Grondijs L. H.* La mort du Christ et le rit du Zéon: (reponse à la critique de M.A. Grillmeier). Bruxelles, 1959; *Grondijs L. H.* L'ame, le nous et les henades dans la theologie de Proclus. Amsterdam, 1960; *Grondijs L. H.* Autour de l'iconographie byzantine du Crucifié mort sur la croix. Leiden, 1960; и др.

- 19 *Grondijs L. H.* Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe. Leiden, 1939. 302 p.
- 20 *Grondijs L. H.* La guerre en Russia et en Sibirie. P. 226.
- 21 *Ibid.* P. 263.
- 22 *Ibid.* P. 515, 538.
- 23 *Ibid.* P. 482.
- 24 *Ibid.* P. 527.
- 25 *Grondijs L. H.* Le Cas-Koltchak, contribution à l'histoire de la Révolution russe.
- 26 Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 1997. С. 111–113.
- 27 *Волков С. В.* Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 85.
- 28 *Данилова О. С.* Военная интервенция союзников в Сибири: библиографический обзор франкоязычной литературы // Десятые Татищевские чтения: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 г.). Екатеринбург, 2013. С. 218–219.
- 29 Несломанная подкова Российской императорской армии. Нальчик, 2014. С. 15–46.
- 30 *Жанситов О. А., Мальбахов К. А.* Военные репортажи Людовика Грондижа. Кавказская туземная дикая дивизия в европейской прессе // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А. Н. Артизов, Л. К. Левыкин, Ю. А. Петров. М., 2014. С. 662–667.
- 31 *Людовик Грондайс:* «Он был возведен в ранг великих стратегов» [о А. А. Брусилове] / публ. Р. Гагкуева, С. Шиловой // Историк. М., 2016. № 5. С. 20–23; *Людовик Грондайс:* Праздник Байрам в «Дикой» дивизии / предисл., публ. и коммент. Р. Гагкуев, С. Шилова // История. 2016. Июль–август. С. 27–29.
- 32 *Ганин А. В.* Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34.
- 33 *Schilp C. A.* Geleerde, politicus, soldaat: prof. dr. L. H. Grondijs // Utrechtsch Nieuwsblad. 1943. № 124. 23 September. P. 1. *Schilp C. A.* Prof. Grondijs: reiziger, militair, geleerde // Nieuwe Utrechts Dagblad. 1948, 18 en 22 september 1948. P. 1.
- 34 *Quispel G.* In memoriam Lodewijk Herman Grondijs, 1878–1961 // Jaarboek der Rijksuniversiteit te Utrecht. 1960/61. P. 11–16.
- 35 *Jansen M. C.* Franco's pleitbezorger in Nederland // NRC Handelsblad. 1986. № 246. Juli 19. P. 6; *Jansen M. C.* Grondijs, Lodewijk Hermen (1871–1961) // Biografisch Woordenboek van Nederland 4. 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://resources.huuygens.knaw.nl/bwn1880-2000/lemmata/bwn4/grondij> (дата обращения: 13.05.2018); *Jansen M. C.* Grondijs, Lodewijk Hermen (1871–1961) // Resources Huygens ING [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://resources.huuygens.knaw.nl/bwn1880-2000/lemmata/bwn4/grondij> (дата обращения: 13.05.2018); *Jansen M. C.* L. H. Grondijs en

Rusland. Daden en meningen van een Nederlandse Witgardist // Maatstaf. J. 35. 1987. P. 68–78.

- ³⁶ *Olink H.* De oorlogen van een Indische krijgsgod: het wonderbaarlijke leven van Louis Grondijs. Amsterdam, 2005. 447 p. См. также публикацию после выхода книги: *Groeneveld G.* Oorlogsgod in de journalistiek (recensie van Olinks boek) // de Volkskrant van 2 september 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.volkskrant.nl/cultuur-media/oorlogsgod-in-de-journalistiek~b50220c5/> (дата обращения: 13.05.2018).
- ³⁷ *Huussen A. H.* Lodewijk Hermen Grondijs: natuurkundige, oorlogscorrespondent en byzantinoloog. Soesterberg, 2016. 421 p.

Лодевейк Грондейс
**ВОЙНА В РОССИИ
И СИБИРИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед нами, по определению Монтеня, «добросовестная книга»¹. Скажем больше, непредвзятая с исторической точки зрения и хорошо документированная. Ее автор, господин Лодевейк Грондейс, голландский подданный. После углубленных занятий наукой и философией он стал одним из ведущих сотрудников «Философского журнала» в Харлеме², журнала, сосредоточившего в себе идейную жизнь Нидерландов.

Когда Германия напала на Бельгию, Грондейс находился в Лувене. Решение пришло мгновенно: он станет очевидцем, непосредственным свидетелем трагедии, разразилась в мировой истории.

Полученное образование как нельзя лучше подготовило его к этой роли. Как физик он умел наблюдать за явлениями, как философ умел их осмысливать. К тому же он обладал издревле присущими национальному голландскому характеру качествами: серьезностью, прямой и трезвостью – залогом объективности и непредвзятости.

Обучался своему новому ремеслу господин Грондейс на французском фронте. Чтобы стать хорошим военным корреспондентом нужна особая школа, особый опыт – физический, интеллектуальный и нравственный.

В июне 1915 г. господин Грондейс приезжает в Петроград, этим месяцем и датированы первые свидетельства этой книги.

Вскоре он отправляется в действующую армию, находится поочередно в разных подразделениях, воюющих на передовой линии, участвует в каждодневной тяжелой и героической жизни русских солдат. Когда я говорю: он участвует в каждодневной жизни, я подразумеваю, что он делит с ними и тяготы и опасности. Он с ними в одном строю, когда, не дрогнув, смиренно и спокойно, они стоят под шквальным огнем противника, он ползет рядом с разведчиками, он считает за честь идти вместе с ними на приступ, когда цепи бегут к окопам противника.

Однако боец Грондейс не забывает ни на секунду, что он должен наблюдать и смотреть. В бой он идет, чтобы больше увидеть. Вот откуда столько неожиданных оригинальных интересных наблюдений, которые, если можно так выразиться, открывают для нас душу рус-

ского солдата. Читая эти правдивые, полные живой выразительности страницы, невольно вспоминаешь описания Толстого в романе «Война и мир».

Из России господин Грондейс возвращается во Францию и, побывав на полях Шампани и Вердена, опять возвращается в Россию. Однако теперь его интересует не воюющая армия. Он ходит по улицам Петрограда, наблюдая, как рушится царский режим. Царь отрекся, и господин Грондейс вновь едет на фронт, ибо там вершится главная драма: анархистская пропаганда разлагает солдат, дисциплина падает, армия гибнет, военной мощи русских приходит конец.

Проходит еще несколько месяцев, и господин Грондейс отправляется на Дон в армию генерала [Л. Г.] Корнилова, чьи батальоны сформированы исключительно из одних офицеров³.

На Кавказе господин Грондейс попадает в плен, его привозят в Москву, он бежит и через Ледовитый океан возвращается во Францию.

Но он недолго пребывает в бездействии: получив чин капитана, он отправляется в Сибирь в качестве атташе при французской военной миссии.

В Сибири он служит под командованием генерала [М.] Жанена и становится свидетелем печальной истории [А. В.] Колчака. После опасных разведывательных операций на монгольской границе господин Грондейс сопровождает японцев, которые охотятся за красными казаками среди холмов Забайкалья.

Отличаясь проницательной любознательностью, господин Грондейс отважно побывал на всех театрах военных действий от Вислы до Кавказа, от Днестра до Тихого океана, что дало ему возможность изучить войну во всех ее проявлениях. Он наблюдал русских солдат и офицеров с самыми разными натурами, характерами, образом мыслей, образом действий, чувствами и намерениями.

Картины, наброски, рассказы, случаи, которые автор объединил в книгу, составляют увлекательнейшее чтение, удивляя неожиданной психологичностью и яркостью. И не только. Благодаря остроте ума и трезвости господин Грондейс подарил будущим историкам ценнейший документ.

*Морис Палеолог⁴,
посол Франции*

ВСТУПЛЕНИЕ

Предыдущее предисловие ярко представило господина Грондейса, так что у нас нет нужды вновь заниматься знакомством. Читатель уже понял, что господин Грондейс не из тех голландцев, что стоят за стойкой магазина или копаются в грядках с тюльпанами. Он отважно ринулся в степи, залитые кровью, и по собственному почину изездил необозримое пространство от Карпат до Тихого океана. Каким бы славным не было военное прошлое Голландии, им одним не объяснить пристрастие господина Грондейса к сражениям. Но дело в том, что он не амстердамец и не гаагец, по одной из родственных линий он потомок касты воинов Востока, и это полезно знать, читая его книгу.

«Добросовестная книга» – так совершенно справедливо назвал ее господин Палеолог, а я прибавлю, что «добросовестность» ее не имеет ничего общего с безучастной объективностью, какую мы могли бы ожидать от профессора, каким до поры до времени был господин Грондейс. Нет, перед нами заметки бойца, еще разгоряченного битвой, он торопливо передает нам свои впечатления о событиях и людях, он далек от осторожности и взвешенности, какими дорожит сидящий в кресле ученый. Вот он сообщает о падении царского режима в России и не считает нужным принимать скорбный вид. И о демократии, как истинный «самурай»⁵, он говорит без всякого придыхания. Если речь заходит о большевиках или других революционерах, он снисходит только к тем из них, кто проявил себя как искренний и мужественный человек. Что же касается их противников, то господин Грондейс клеймит их слабости и не замалчивает ошибки. Его книга вовсе не восхваление. Левые назовут – и уже назвали – автора «белогвардейцем»⁶ и чуть ли не «черносотенцем»⁷. Правые упрекнут за чрезмерную страстность, ведущую к несправедливости, к недооценке суровых необходимостей момента. Кое-кто заподозрит автора в тайной русофобии, несмотря на его женитьбу между двумя войнами на русской [женщине].

Мы не будем останавливаться ни на обвинениях, ни на подозрениях. Страницы господина Грондейса дышат такой искренностью, что ни один человек во Франции не заподозрит его в предвзятости – раз-

ве только в симпатии к несчастливым смельчакам. Самое главное для нас другое: искренний господин Грондейс умел *видеть*.

И выбирал самые горячие места. Если он находился при Ставке верховного главнокомандующего⁸, то непременно отправлялся на передовую и ходил вместе с полком в атаку, а потом получал георгиевские кресты и другие награды. В 1917 г. он ходил на врага вместе с «Дикой дивизией»⁹, надеждой России на тот момент. Когда на фронте все было потеряно, включая в том числе и честь, он с горсткой добровольцев в степях Дона и Кубани претерпел все, что выпало на долю этих «бедняг гасконцев»¹⁰, по выражению одного из участников похода¹¹. Позже он следил за наступлением, а потом отступлением Колчака, а потом за подвигами, а главное, за преступлениями банды атамана [Г. М.] Семенова. У нас уже есть сведения почти о каждом акте русской трагедии, у нас есть с чем сравнивать сведения господина Грондейса, и мы всякий раз убеждаемся, что он остался все тем же методичным и ответственным исследователем. Он единственный сообщил нам о ряде фактов, и не его вина, что он был единственным их свидетелем и оказался единственным, кто выжил. Господин Грондейс всегда отделяет то, что видел собственными глазами и за что готов поручиться, от того, что узнал из чужих уст. Прибавим, что автор не одержим желанием драматизировать. Будь он одержим стремлением воздействовать на нервы, сколько бы еще ужасов развернулось на его страницах. Не хочет он и потрясать нас «открытиями». Говоря о трагических и не до конца ясных событиях, он не стремится создать непротиворечивую версию. У «самурая», возможно, имеются личные пристрастия, но ученый их не фиксирует.

Эмоциональная осмотрительность не исключает обобщающих размышлений, из-за них, возможно, кто-то упрекнет автора в том, что он оставил свою роль наблюдателя. Но заброшенный судьбой в «страну непредсказуемостей»¹² и полюбив эту страну, мог ли господин Грондейс, давно уже вовлеченный в круг исторических и философских проблем, не постараться извлечь уроки из вихря событий, в которые был вовлечен? Его не оставляла мысль о контрасте между русским солдатом, каким он узнал его на войне в 1915 и 1916 г., и тем человеческим отребьем, тем кроважидным убийцей, какой действовал в революцию. Каким образом чистое золото стало свинцом? Он размышляет об этом и вечерами в траншеях, и в избах Сибири. Мало-помалу ответ начинает брезжить, и читатель без труда догадается какой. Не без оснований господин Грондейс настаивает на пассивности масс, говорит о людях, которые, на первый взгляд, кажутся энергичными, но уже через минуту обнаруживают дряблость и готовы застыть в бездеятельности. Не без оснований он сто раз подчеркивает, что эти массы покорны приказам иностранцев или инородцев:

литовцев, евреев, немцев. Причину столь странной ментальности, господин Грондейс склонен искать в истории, а не в таинственных глубинах психики, но, по сути, дело не в ментальности как таковой, а в тех последствиях, какие могут благодаря ей воспоследовать и для Европы, и для России. Вот почему я хочу рекомендовать эту книгу не только любителям приключений, рассказанным блестяще, но и государственным деятелям, которые с полным спокойствием смотрят, как Германия заключает с большевиками договор в Рапалло¹³.

*Эмиль Оман*¹⁴,
профессор Сорбонны

Часть первая. ПРИ ЦАРЕ

Отдадим им справедливость! Они пожертвовали всем, безоглядно и без сожалений.

Они не уронили чести и остались чисты.

Им была ведома настоящая слава,

и, когда более прогрессивная цивилизация проникнет

в их ряды, для этого великого народа настанут

великие времена, ему достанется царский скипетр,

которым, похоже, все нации земли владеют по очереди.

*Граф де Сегюр. Русская кампания*¹⁵

Глава I. Царские орлы

Когда в июле 1915 г. я приехал на русский фронт, у меня уже был опыт: я был участником весьма значительных событий на Западном фронте. Я видел котел, устроенный частями под командованием Мантойфеля¹⁶ в конце августа 1914 г. под Лувеном¹⁷. В октябре 1914 г. я был при осаде, бомбардировках, а затем оккупации Анвера¹⁸. В декабре 1914 и в мае 1915 г. я побывал на важных участках французского фронта. Однако военный корреспондент, которому отказано в возможности жить среди сражающихся солдат, практически не видит войны. Посещения фронта группами журналистов не приносят ничего стоящего. И хотя у меня было особое разрешение и на довольно длительный срок, я не мог участвовать в боевых операциях первой ли-

¹⁵ См. мою книгу: Немцы в Бельгии. Берже-Левро. Страницы истории. № 34. (Речь идет об издании: *Grondijs. L.-II. Les Allemands en Belgique, Louvain et Aerschot, notes d'un témoin hollandais...* Paris: Berger-Levrault, [1915]. Pages d'histoire. 1914-1916. № 34. — Примеч. сост.).

¹⁶ Я присутствовал при боях между 3-м и 4-м фортом на второй линии, затем вместе с подразделениями 4-й дивизии был в сражении перед Термондом. Особенное впечатление на меня произвели бомбардировки. Заметки об этом были опубликованы только в газетах.

нии. Получив одобрение господина [Г.] Делкассе, министра иностранных дел, я надеялся, что мне больше повезет на русском фронте.

В Петрограде я поначалу столкнулся с теми же самыми трудностями. Министра иностранных дел осаждали человек сорок журналистов, которые не собирались жить вместе с солдатами, а хотели съездить на фронт на короткий срок. Ставка запрещала собирать сведения в военной зоне людям, чьи действия и перемещения она не могла контролировать после их возвращения в гражданскую зону. Не желая допускать никаких исключений, Министерство иностранных дел отказало всем в самой вежливой форме.

Мне удалось получить от великого князя Николая Николаевича — за несколько дней до его отъезда на Кавказ — разрешение, которое позволяло мне находиться в русской армии в качестве военного корреспондента*. Всеми моими разъездами должна была распоряжаться Ставка. Мне указали подразделения, в каких я имел право оставаться, но не указали, в каких из них это имело для меня смысл. Когда операция заканчивалась, я имел право перемещаться в другое подразделение только по приказу сверху.

В русской армии уже находилось несколько иностранцев, которые выполняли определенные обязанности. Единственным моим коллегой с таким же пропуском, как у меня, был американец Стенли Уосбурн, корреспондент «Таймс», и время от времени я его с удовольствием встречал. Мне приятно отдать ему должное, он один из лучших военных корреспондентов и настоящий джентльмен.

По мере приближения к фронту я побывал в разных штаб-квартирах, начиная со Ставки и кончая штабом полка.

В Ставке генерал маркиз [Пьер] де Лагши, находившийся в дружбе с великим князем¹⁹, представил меня генералу [М. В.] Алексееву и князю [Н. А.] Кудашеву, директору дипломатической канцелярии. У меня было слишком мало времени, чтобы я воспользовался знакомством с этими интереснейшими людьми. Генерал Алексеев направил меня на Юго-Западный фронт, где была надежда после того, как отступление было окончательно остановлено²⁰, вновь начать наступление.

В Бердичеве генерал [Н. И.] Иванов, командующий армиями Юго-Западного фронта, выделил мне купе в своем личном поезде, где я и жил вместе с его свитой. Генерал работал обычно в городе и обедал с нами только тогда, когда у него бывали гости. Говорил он мало, и застолья, на которых он присутствовал, бывали обычно молчаливыми. У него было лицо патриарха, глаза смотрели по-отечески, но с хитрецой. Он исподтишка, но очень внимательно время от времени поглядывал

* От английской газеты «Дейли телеграф».

на нас. Генерал был человеком старой школы, служба при царе, которая удивительно воодушевляла людей, наделила его множеством достоинств и весьма малым числом недостатков. Он преклонялся перед короной — серьезное достоинство, был предан долгу, обладал великолепной памятью и умом, не столько блестящим, сколько надежным. Он занимался войной как наукой, без большой страсти, и возненавидел врага только после тех оскорбительных жестокостей, какие были им учинены.

В его свите я особо выделял генерала князя [А. В.] Бярятинского, друга царя, бывшего военного атташе в Риме, глубоко культурного человека. Он и еще несколько офицеров с меньшими чинами, князя [С. А.] Радзивилл, Куракин, Оболенский, излагали мне свое мнение о России, и оно даже сегодня после абсурдных ужасов революции кажется мне не лишеным смысла.

Полковник [Л. Г.] Давыдов проводил меня до Ровно и представил генералу [А. А.] Брусилову, который командовал там 8-й армией. Командующий отнесся ко мне по-дружески и после того, как я в первый раз сходил в штыковую атаку, принял в узкий кружок, которым мы три раза в день встречались за столом. Обычно нас бывало шестеро или семеро: начальник штаба армии генерал [С. А.] Сухомлин, старый генерал [П. П.] Палибин, довольно часто его племянник Палибин, тесть начальника штаба армии и еще один генерал, чью фамилию я не запомнил. Там же я встречал замечательного японца, всеми уважаемого капитана Хасхимосо.

К середине сентября 1915 г. положение русской армии стало проясняться. Дух армии, если и пострадал, то не сильно, но в некоторых подразделениях я видел солдат без винтовок. Побывал в дивизиях, где была только одна боевая батарея. Очень мало пулеметов. И все-таки нужно было наступать, чтобы остановить слишком легко продвигающегося вперед противника, и взбодрить русского солдата, чтобы он не привыкал отступать. Нужно было также занять и укрепить позиции, на которых армия будет дремать под снегом.

Находясь в ожидании, генерал Брусилов пытался использовать против противника, вязнувшего в Пинских болотах, удивительные качества иррегулярной русской кавалерии. Люди в ней не отличались дисциплиной, но зато обладали большим военным опытом, подвижностью, оригинальностью решений, маневренностью и осторожностью, а также слаженностью в действиях, благодаря чему от начальника требовалось не давление, а в первую очередь — пример.

1. Царские орлы. Осень 1915 г.

Отряды казаков, которые недавно сформировали в русской армии, были вовсе не иррегулярными подразделениями, как можно это предположить по названию. Это новое формирование подразумевало новый этап войны²¹.

Вражеская армия углублялась в бескрайние просторы империи. Она отдалялась от провиантских складов, снабжающих ее продовольствием и боеприпасами. На завоеванной территории она не находила ни того, ни другого. Крестьяне разбежались, а казаки разорили и заводы, и мельницы. Нет городков, где можно было бы отдохнуть под крышей. Я проезжал мимо маленьких деревенских домов, которые в ближайшие месяцы могут быть заняты врагом: вся мебель в них уже сожжена специально для этого направленными отрядами казаков. В пустых помещениях захватчик не найдет ни пучка соломы, ни грамма металла.

Нужно еще себе представить, что такое Волынь, по которой я только что проехал. Противник занял земли, которые и до войны не слишком радовали как обитателей, так и путешественников. Шоссе отсутствуют. Здесь можно ехать день за днем, видя вокруг лишь леса и болота. Дубы и березы занимают огромные пространства, а проселочные дороги воистину наихудшие из всех существующих. По сути, они обрамляют поля, повторяя их прихотливые контуры, и, когда сухи, невероятно пылят. А после дождя размокают, превращаясь в грязь и лужи. Транспорт плывет в грязи по кузов, по ноги пассажиров. А стоит выпасть снегу, вообще нельзя проехать: тающий снег растекается озерами, которые почва не спешит впитать.

Летом чудные лужайки с травой и цветами оказываются болотами. И сколько же раз они нас обманывали!

Часто, скача на конях с моими русскими товарищами, мы попадались в ловушки: ноги лошадей внезапно проваливались. Мы давали им шпоры, но на зыбкой почве лошади только теряли равновесие. Умные животные и сами искали способ выбраться: высоко поднимали ноги, прыгали. Однако с каждым прыжком только глубже увязали. Они становились на дыбы, безнадежно кося глазом, раздувая ноздри, а потом, не чувствуя под собой почвы, впадали в безнадежность и опускались животом на траву. И когда нам все же удавалось вытащить их из болота, ноги у них были покрыты черной липкой грязью, которую и вообразить было невозможно, глядя на манящий зеленый ковер.

Представьте же себе состояние этих болот после многих недель дождя, и вы поймете, что противник мог занять только часть подобной территории и что пути сообщения, которыми он располагался,

были весьма ограничены. После нескольких случаев с пушками, которые завязли в болоте и исчезли навсегда, с подводами, которые часами вытаскивали из дорожной грязи Волыни, противник, как можно это увидеть, взглянув на карту, стал держаться больших дорог, а они там редки. Невозможно было использовать и грузовые автомобили, они по весне и по осени вязли в песке и грязи.

В стране, где все прячется, враг чувствует себя в изоляции. На безоглядных равнинах вокруг запустение и разор, глазу не на чем отдохнуть, здесь ничто не напоминает родину, которую он покинул и по которой тоскует. Нам об этом говорили все пленные. Транспортные обозы с боеприпасами и продовольствием прибывают с опозданием на сутки. Лишения, одиночество, близость опасности в конце концов действуют подавляюще на захватчика...

А теперь представьте себе, что решительные люди пробрались через заграждения и затаились в лесах, которые противник оставил позади себя. Они угнездились в болотах, которые внушают страх, в лесу, который нельзя держать под контролем, они днем и ночью угрожают дорогам, по которым поступает снабжение, перехватывают сообщения, подслушивают телефонные разговоры, подстерегают разезды, следуют за ними до места назначения, окружают постоянной угрозой, приканчивают, если они остановились, заблудились, решили сбежать...

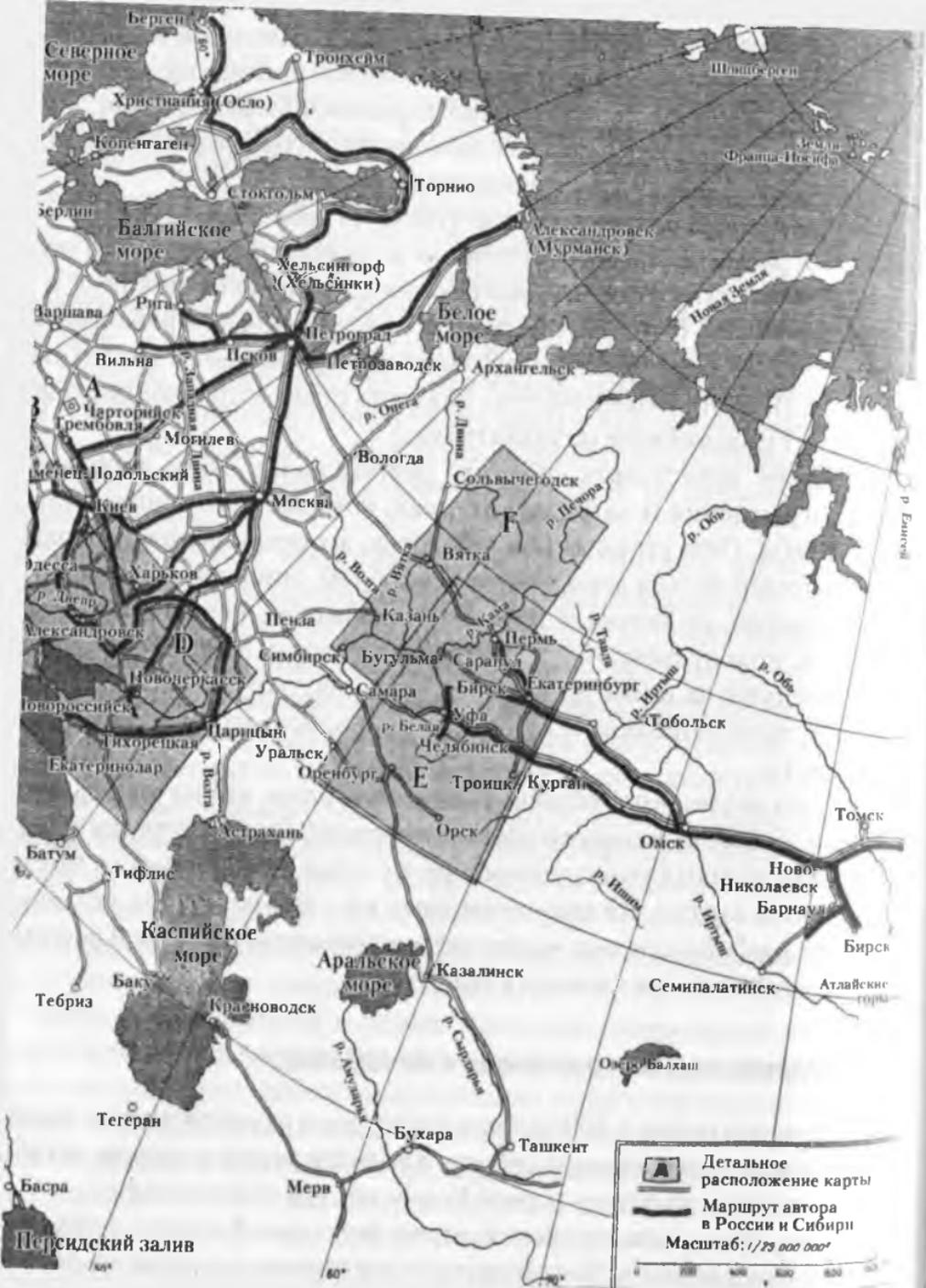
Все это делают «партизаны», «царские орлы», как их иногда называют на любимом казаками цветистом языке. Они действуют поодиночке или маленькими группами, но в случае необходимости быстро собираются вместе. Не связанные сами ни с каким обозом, независимые, как разбойники, они «работают», охваченные яростной решимостью и глубоким презрением к смерти.

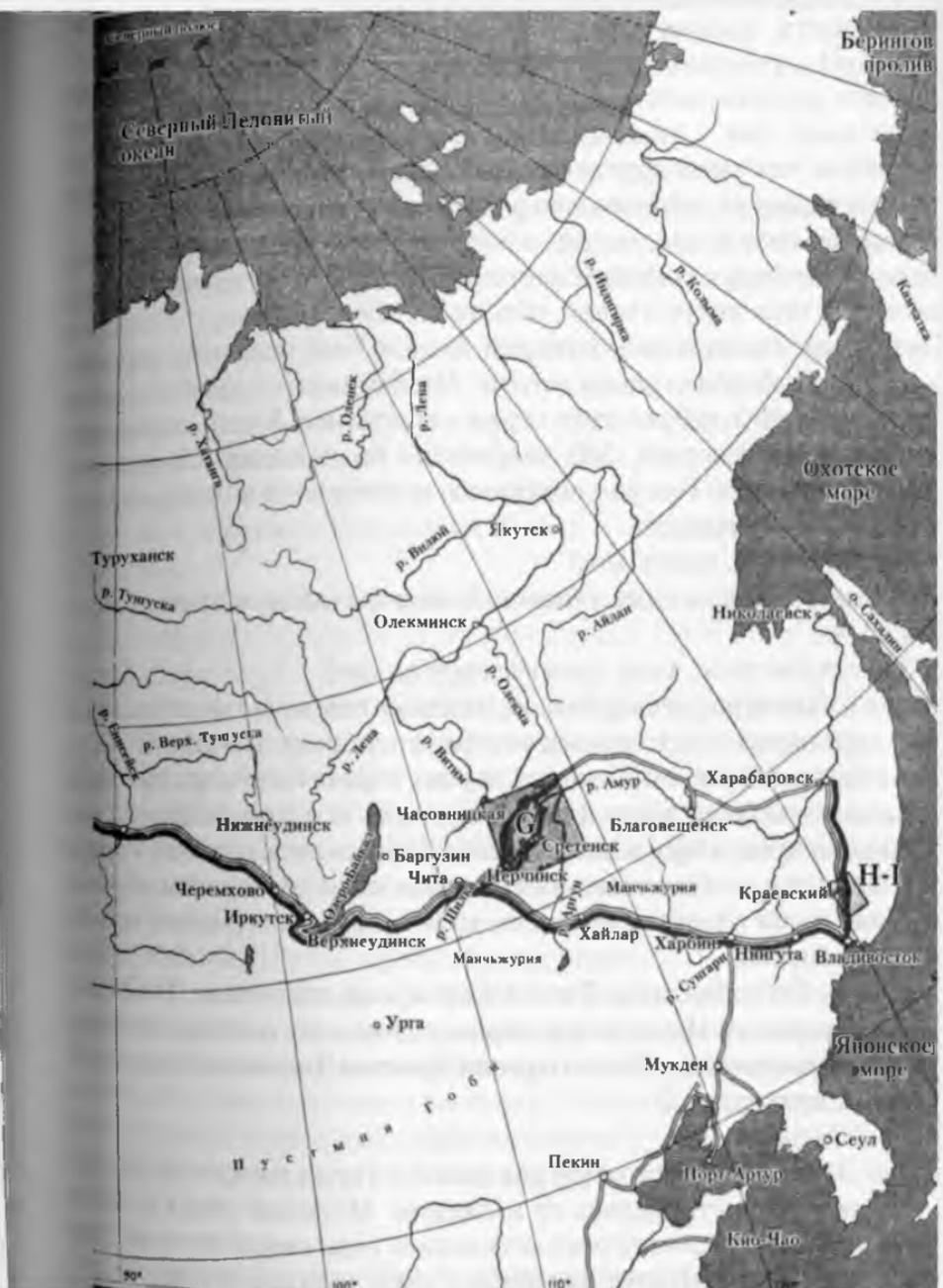
2. Партизаны отправляются на задание

Узнав, что отряд в 500 человек собирается перейти линию фронта и взяться за свою опасную работу, я ранним утром в начале октября 1915 г. пришел на плац в городе Ровно, откуда они уходили.

Слева стоял кавалерийский отряд регулярной армии, справа такой же отряд казаков. Кавалеристы – все сплошь молодые люди: русские еще не призывали своих резервистов из линейной кавалерии. Казаки, мобилизованные вне зависимости от возраста, были разного возраста и из разных губерний: молодые и старые, они откликались не в лад, когда начали выкликать «партизан».

Выходили в основном молодые люди, почти дети. Казалось бы, для подростка жизнь представляет большую ценность, но нет, он о

ней и не думает. Зато на закате, когда жизнь утратила главную привлекательность, человек цепляется за землю и не хочет умирать.

Я отметил, что лица у казаков очень разные: казаки с Дона чаще всего чисто русские, есть казаки с Урала и есть с границы с Китаем. У одних носы, как у хищных птиц, бритый череп и большие усы. Одни гибкие, как змеи, другие тяжелые, как буйволы. Все в больших шапках из каракуля, цигейки или редких мехов.

Отряд казаков стоял, молча, и как-то торжественно. Держались люди великолепно, с большим достоинством и в то же время просто. Не веселили себя искусственно, обходились без цинизма.

Помощник священника, который должен был освятить церемонию, поставил перед отрядом столик. Чтобы начать службу, ждали генерала, который набрал этот отряд «партизан». Когда сообщили о приближении генерала, 500 «партизан» на лошадях образовали огромный полукруг. Генерал подскакал, остановился в центре полукруга и громко крикнул:

– Здравствуйте, партизаны!

Всадники подняли пики, обнажили казачьи сабли, и громом прокатился хор:

– Здравия желаем, ваше превосходительство!

Затем сабли вернулись в ножны, и священник начал молебен. Все стояли с непокрытыми головами в сосредоточенном молчании.

Великолепный бас священника звучал торжественно и серьезно. Ответы дьякона были выше и певучее. Солдаты и в особенности казаки широко крестились и низко кланялись, касаясь головой гривы коней. В конце службы священник пожелал казакам скорейшего возвращения, и они ответили ему всем известной и невероятно трогательной молитвой:

– Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство²³.

Генерал крикнул:

– Ура! За царя!

«Ура! За царя!» – повторили раз десять с таким воодушевлением, что у меня сердце стеснилось от волнения. Молодые люди в цвете лет шли на смерть, исполненные энтузиазма, ради своего императора. Восторг волной всколыхнул их сердца и опал: лица вновь обрели бесстрастность. Они умрут, император и Святая Русь будут живы.

Я обменялся несколькими словами с офицером. Эти люди в живописной форме: узких длинных штанах и коротких казакиных принадлежали, казалось, эпохе Наполеона. Я никогда не забуду лицо одного из них: детское взволнованное с тонкими чертами под большой серой каракулевой шапкой. Изящный молодой человек, говоривший на не-

скольких языках. Вид подростка, даже девушки, и при этом такой твердый неумолимый взгляд, что глаз не отведешь. Я попрощался с офицерами, сказал «до свидания» нескольким солдатам. Один из них мне ответил:

– Мало кто вернется.

Остальные взглядом подтвердили его слова.

Что их воодушевляет: жажда приключений или желание пожертвовать собой ради великой цели? Они впрямь приготовились умереть, стиснув труп ненавистного врага? Или надежда выжить слабо трепещет в них?

Неприятель будет к ним безжалостен, да и сами они не мыслят себя пленными. Они уезжают без припасов, чтобы быть легче птиц: пропитание их в полях и в ранах убитого врага. Уезжают без палаток: в дождь и ведро²³ будут ночевать в лесу, с лошадьё и пикой. С ними нет и санитарной помощи. Раны им не перевяжет заботливая рука, их прикончит безжалостный враг, и они умрут в луже собственной крови...

Короткая команда разнеслась над плацем. «Партизаны» ехали мимо генерала, который их приветствовал. Потом они повернут направо и поскачут в сторону фронта.

Потомки тех самых «партизан», которые преследовали Великую армию²⁴. Но теперь у них задача потруднее. В 1812 г. они сражались с отступающей армией и сражались на своей территории. Сегодня ради того, чтобы находиться рядом с захватчиком, они должны лишить себя шанса выжить. Все в грязи, они будут пробираться лесами и через коварные болота, поражать врага всюду, где только смогут. Неподназорные, они будут воевать по своему разумению, в одиночку или группами. Им выбрать, как они умрут.

...Последние казаки проскакали передо мной. Горделивые, как короли. Среди них в самом деле были искусные воины. Один подмышкой держал гармошку, его сосед две пики. Толпа провожала их молча. Мы долго смотрели им вслед. Силуэты, уменьшаясь, казались мне тенями, спешащими в царство смерти*.

* Противник не желал признавать казаков регулярной армией, и надо сказать, что плодотворно они могли действовать только на Волыни среди болот. Русские будут часто находить партизан, которые, получив рану, были убиты немцами выстрелом в упор. Или повешены. Партизаны очень помогли своей армии, постоянно держа противника в напряжении, нанося ему дерзкие и точные удары. Им случалось действовать и целым отрядом. Если не ошибаюсь, в ноябре 1915 г. казакам удалось расправиться с целым полком и взять в плен двух немецких генералов, командующего дивизией и бригады. Это произошло в десятке километров от линии фронта, и аванпосты ничего не заметили.

Глава II. Взятие Чарторийска

Генерал Брусилов отправил со мной ротмистра князя Баранова, начальника своего эскорта, чтобы представить меня в штабах рангом ниже. Устное представление меня князем, человеком образованным и необыкновенно любезным, оказалось для меня даже более полезным, чем пропуск Ставки.

После нескольких коротких и малоинтересных поездок в окопы первой линии я должен был присутствовать при боевых действиях в месте расположения 2-й стрелковой дивизии. Я добирался туда на лошади и на подводе, заехал по дороге в штаб 30-го корпуса, где командующий генерал [А. М.] Зайончковский приютил меня на два дня.

Меня отрекомендовали ему таким образом, что я вызвал у него доверие, и он объяснил мне суть предстоящего маневра в районе реки Стырь: задача была разобить части противника. Меня направили во 2-й стрелковую дивизию (генерал [Ю. Ю.] Белозор), откуда я отправился в 7-й стрелковый полк, ожидая там боевых действий. Полк занимал линию окопов на опушке леса возле деревни Матвейка. Офицеры были воодушевлены, солдаты готовы к любым жертвам. Командир полка, человек, хоть и смелый, деятельный и умный, не сумел воспользоваться своей диспозицией, и операция провалилась или почти провалилась. Я тоже ходил в атаку*, и мог наблюдать за русскими солдатами под огнем. Однако сама операция не представляла никакого интереса, и я избавляю читателя от рассказа о ней.

Противник подтянул резервы к этой части фронта, и задуманная операция потеряла смысл. Я вернулся в Ровно и сообщил о своем желании покинуть фронт 8-й армии, где стало слишком спокойно. Вечером в начале октября я получил разрешение ехать дальше, и мы выехали за

(Вероятно, Грондейс упоминает о крупном успехе одного из отрядов под Невелем. 30 сентября 1915 г. штаб походного атамана всех казачьих войск великого князя Бориса Владимировича отдал приказ № 2, согласно которому формировались дивизионные конные отряды. Их крупным успехом стал набег на Невель в ноябре 1915 г. в результате которого был взят в плен штаб 271-го германского полка, а прапорщик 11-го драгунского Рижского полка Ямбулатов с Павлом Кузнецовым, рядовым того же полка, захватил начальника 82-й германской пехотной дивизии генерал-майора З. Фабариуса. Подробнее см.: *Хорошилова О. А.* Русские отряды особой важности в период Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. СПб., 2014. С. 53. — *Примеч. сост.*)

* В «Иллюстрасьон» был опубликован мой обширный очерк, а я получил орден Станислава 3-й степени.

(Речь идет о выпуске французского журнала L'illustration. Journal Universel (выходил в 1843–1944 гг.), № 3785 от 18 сентября 1915 г., большинство статей которого было посвящено Первой мировой войне. — *Примеч. сост.*.)

здоровье императора, за здоровье его дяди, великого князя, за генерала Брусилова, за всех присутствующих, за их жен, тетушек, кузин, племянниц и так далее, как водится в русской армии. Вернувшись в гостиницу, я приказал своему ординарцу приготовиться к отъезду и крепко заснул. Каково же было мое недоумение, когда меня разбудил свет фонаря, направленный мне в лицо. Рука невольно стала искать пистолет. И тут я услышал голос старого генерала Палибина. Его дребезжащий голос меня успокоил. Оказалось, генерал Брусилов предлагает мне ехать к нему. У него в армии я смогу увидеть то, что мне хотелось бы.

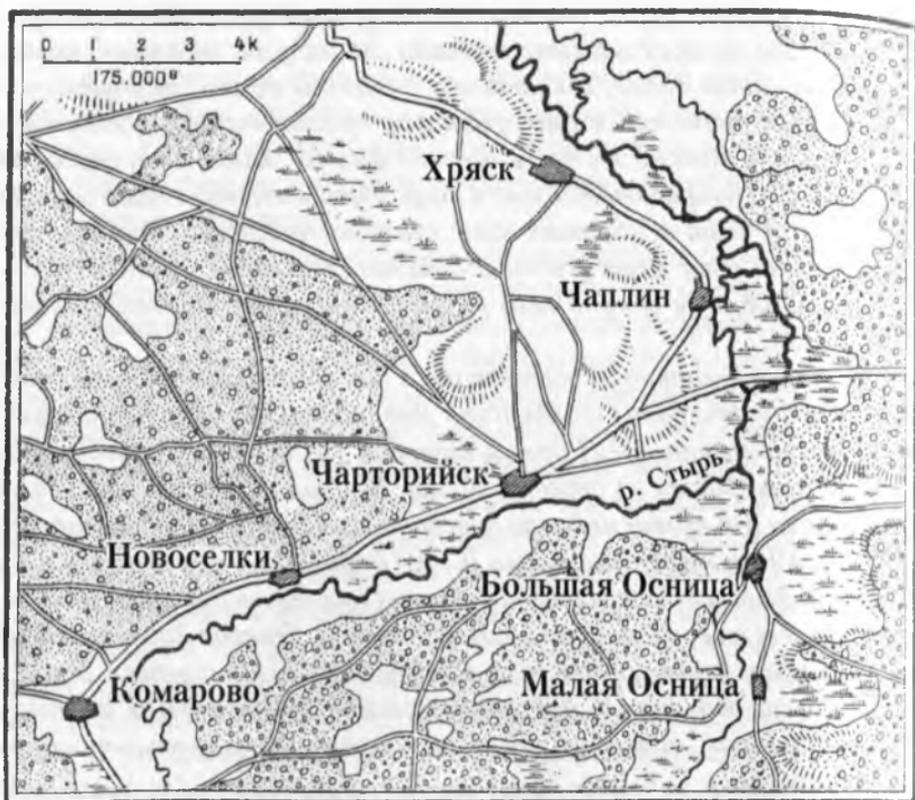
На следующее утро за завтраком (я как обычно завтракал в вагоне-ресторане генерала) он объяснил мне операцию, которую должна будет осуществить [З-я] армия генерала [Л. В.] Леша, чтобы продвинуть наш фронт за деревню Колки. Все командующие корпусами и дивизиями 8-й армии умоляли доверить им главное направление. Его поручили 40-му корпусу генерала [С. А.] Воронина, бывшему военному атташе в Вене, и 4-й стрелковой дивизии («железной дивизии») под командованием генерал-майора [А. И.] Деникина. Генерал Зайончковский должен будет форсировать реку Стырь. Я решил вернуться. У меня на это было два дня. В мое распоряжение предоставили лошадей. Состояние дорог — или грязь или песок — не давало возможности ехать на автомобиле.

По дороге мы со штабс-капитаном Барановым встретили генерала Зайончковского, он ехал к командующему с последней попыткой получить от него часть весьма немалых резервных войск. Генералу Брусилову удалось получить такое подкрепление от генерала Иванова.

1. Обстановка

В начале октября 1915 г. военное положение возле города Ровно на фронте 8-й армии было следующим: австрийские войска, усиленные немецкими полками, надежно закрепились в лесах Волыни. Русские, остановив их наступление, тоже вырыли окопы и беспрестанно оказывали давление на неприятеля. Время от времени они совершали броски вперед, заставляя противника быть все время настороже.

Армия генерала Брусилова располагалась на восточном берегу реки Стырь. Австрийцы располагались на противоположном берегу, навели через реку несколько мостов, отправляли в разведку мощные отряды, чтобы, в свою очередь, не давать покоя русским и одновременно готовить новые позиции.

Район боевых действий возле Чарторийска

Стырь образует между деревней Новоселки и городком Чарторийск²⁵ излучину, которая вдается в русский фронт. Русские не трогались со своих позиций на восточном берегу, австрийцы и немцы выкопали траншеи вдоль дороги, которая ведет к Чарторийску, и надежно закрепились в этом городке. Затем они переправились через реку, выкопали траншеи южнее Новоселок и приготовились к окончательной оккупации другого берега реки.

Эта операция представляла серьезную угрозу для русского фронта. Если неприятелю удастся перебросить достаточное количество личного состава на левый берег реки, то левый фланг армии генерала Леша окажется под угрозой. Возникла необходимость в срочных ответных действиях.

Генерал Брусилов по просьбе своих коллег подготовил операцию²⁶, которой весьма способствовали природные условия участка, где вызывали тревогу вражеские действия.

На востоке и северо-западе от Чарторийска нет лесов – там равнина и на ней невысокие холмы. Немцы укрепили их и превратили

в подобия маленьких крепостей, однако равнина не такое надежное укрытие, как лес, для войск, прячущихся в рельефе и растянутых по длинному фронту.

Также леса затрудняют продвижение вперед. В густом лесу разъезды попадают в волчьи ямы или их расстреливают из закамуфлированных окопов.

Зато равнины вокруг Чарторийска позволяли продвижение вперед на много верст, если бы кто-то захотел потратить на это силы.

Генерал Брусилов показал мне армейский корпус генерала Воронина*, которому собирался доверить главную роль, и сказал несколько слов о готовящейся операции. Армейский корпус генерала Зайончковского должен был выступить, чтобы отвлечь внимание неприятеля.

2. Подготовка к бою

Чтобы дать представление о сложностях со связью и транспортом, скажу следующее: штаб фронта находился в 90 км от армейского корпуса, а его штаб примерно километрах в десяти от входящих в него подразделений, железные дороги отсутствовали, автомобили не ездили из-за плохого состояния дорог.

Бригада, которую я должен был сопровождать, именовалась «железная» (4-я стрелковая, покрыла себя славой во время войны с турками 1877 г.²⁷).

Вместе с князем Барановым мы поскакали туда на казачьих лошадях в сопровождении двух казаков из свиты генерала.

За Великой Осницей кончились леса, и началась равнина такая же, как вокруг Чарторийска. Она была вся в ямах от снарядов, находясь под пристрелом немецкой артиллерии. Однако противник не стал стрелять по отдельным людям.

В четыре я приехал в бригаду. Командующий, генерал Деникин, посоветовал мне немедленно отправиться в 16-й полк, который через два часа должен будет форсировать Стырь. Не теряя времени, я поскакал туда с одним казаком и солдатом, которого прислал за мной уже предупрежденный о моем приезде полковник [Н. П.] Бирюков.

Облачно. В лесу потемки. Не меньше часа мы продираемся сквозь заросли, и мне то и дело приходится утыкаться в гриву лошади, прячась от еловых лап. Наконец мы добираемся до небольшой лужайки, где горят костры. Я нахожу полковника Бирюкова и его адъютанта рядом с телефоном на огромном пне. Полковник числится среди луч-

* Бывший военный атташе в Вене.

ших старших офицеров русской армии, человек образованный, утонченный. Ко мне он проявил гостеприимство, и мы немедленно отправляемся туда, где готовится операция.

В этот день все необходимое для переправы подтащили как можно ближе к реке. Через час начнут наводить мосты и, если неприятель не окажет противодействия, в 9 часов мы переправимся.

Мы вошли в небольшой домишко, стоящий в лесу: до войны в нем, скорее всего, жил лесник. Единственная комната была и канцелярией, и кухней, и столовой, и спальней. Свеча осветила сцену, надолго оставшуюся в памяти: молоденький паренек спит на соломе возле печки, обнявшись с собачонкой. Солдат-кашевар подбросил в печку дров, хотя она и так хорошо горела. Вспыхнувший огонь осветил комнату, и я обнаружил в ней еще бедно одетую молодую женщину — она дождалась остатков нашей трапезы. Несколько казаков с широкими лицами, блестящими глазами, в огромных папахах стопилось в дверях и с большим любопытством смотрело на нас. Все переговаривались между собой, телефон звонил, полковник отдавал приказы, доедая обед, кстати, очень вкусный.

Было 7. Командир батальона сообщил нам по телефону, что переправа наведена и они готовы переправляться через Стырь. Мы сели на лошадей и углубились в темноту леса.

Арьергард и резервные войска сгрудились у больших костров. Еловые ветки шевелились в огне, потрескивали, распространяя запах смолы. Отсветы пламени ложились на темные ели и казались подвижными драпировками.

Рядом с вязанками сидели люди самого необычного вида, таких только в России и увидишь. На лицах выражение безудержной удалости, на головах большие барашковые шапки, и кажется, что эти выносливые, ко всему готовые существа появились здесь из каких-то далеких времен. Мы быстро прошли мимо них, невольно поглядывая на их белые или слегка розоватые барашковые шапки и блестящие кинжалы*.

Говорят эти люди мало и отдыхают с такой беспечностью, что невозможно себе представить: еще минута и лес наполнится громом боя. Нас они едва замечали. Унтер-офицер, узнав моего спутника, вскочил и громко крикнул: «Смирно!» К нам повернулись любопытные лица, глаза заблестели. Солдаты поднялись, но тут же улеглись обратно, как только полковник дал ожидаемую ими команду: «Вольно!». Полулежащие крепыши походили на питонов, жмущихся к благодетельному теплу посреди ночного холода.

* Длинный кавказский клинок из дамасской стали.

Троп в лесу не было, мы шли, задевая ветки и низко весящий телефонный кабель. С большим изумлением я обнаружил, что уже в километре от лагеря костров не видно — таким густым был лес.

Мы подошли к опушке. Глаза приспособились к темноте, и изда- лека был виден среди деревьев клочок светлого неба. Тишина мерт- вая. Немцы стояли недалеко от реки, и успех операции зависел от осторожности наших. Внезапно моя лошадь подалась влево, и возле себя я услышал шепот.

Сотни серых шинелей покрывали землю, оставив узкий проход, по которому мы едва могли ехать. Командиры батальонов подошли к нам. Кроме полковника Бирюкова, поручик, который говорил с нами, был единственным офицером, он находился в этом полку с начала войны. Другим батальоном командовал прапорщик Севастьянов²⁸. Я был удивлен, что он командует офицерами, у которых на четыре лычки больше, чем у него. Я еще буду говорить об этом прапорщике.

Мы с полковником подошли к берегу реки и осмотрели понтоны, наведенные для переправы. На быстрине плавали надутые возду- хом мешки, скрепленные между собой досками. Мосты показались мне ненадежными, но меня уверили, что инженер промерил глубину реки, она здесь десять метров, что не дает возможности наводить мо- сты с опорами. Левее, в сотне метров от нас находился мост другого полка — 13-го, под командованием полковника [С. Л.] Маркова, он должен был выступить одновременно с нами.

Пока что, похоже, противник не заметил наших приготовлений. Однако мне сказали, что, возможно, нам готовится сюрприз.

3. Переправа через Стырь

В 9 часов я встал в строй первой роты, которая пойдет через мост. Ночь холодная и темная. Ледяной ветер шуршит на реке камыша- ми, морщит воду с отражениями ракет, которые поднимаются и падают.

Солдаты других батальонов, которые будут переходить Стырь следом за нами, после того как мы расположимся на другом берегу, залегли в камышах. Тех, кто храпит, будят. Наш берег кипит таин- ственной жизнью. Я слежу взглядом за медленным и сосредоточен- ным продвижением безымянных солдат в серых шинелях, пытаюсь разглядеть глаза на бесстрастных лицах с резкими чертами лица. Один солдат заговорил в полный голос и получил тычок в бок от со- седа: «Замолчи, дурак!»

Слева от нас небо буквально полыхает. Ракеты взлетают одна за другой, заставляя вспыхивать штыки, и падают, оставляя длинные

светящиеся полосы. Вспышки артиллерийских залпов окрашивают красным тучи, до нас доносится нескончаемый грохот, слегка приглушенный расстоянием. Строчат пулеметы, их автоматический лязг похож на работу гигантских часов, которые отмеряют смерть.

Если вдруг по странной случайности весь этот грохот смолкает, слышен гром вдаль, эхо других боев на других, отдаленных, участках фронта. Цель всех этих боев отвлечь внимание от нашей операции или хотя бы, когда операция начнется, не дать возможности неприятелю отправить подкрепление тем, с кем нам придется сражаться.

Мы спускаемся вниз по скользкому берегу, и я ставлю ногу на доску, прикрепленную к надутому мешку. Мост длиной в двадцать метров может выдержать только шестнадцать человек одновременно. Я вглядываюсь в противоположный берег и различаю темные тени камыша, а за ним тени еще более неопределенные, кустарник, наверное.

Но мы заняты переправой. Доски качаются, глубокая черная вода под ними бежит быстро и раскачивает неустойчивое сооружение из небольших надутых мешков и досок. Покачавшись на одной доске, прыгаешь на другую. Внезапно вся цепочка солдат останавливается, и ноги у нас тут же погружаются в воду.

Стоит очередному солдату добраться до берега – а берег довольно высокий, – как он легко на него вспрыгивает, как-то не ждешь такой легкости от коренастых плотных парней. На другом берегу мы одни. Молчаливые, настороженные, мы сбиваемся в плотный и на удивление решительный отряд. С каждой минутой нас становится все больше.

Возвращается унтер-офицер с несколькими солдатами, их послали в разведку. Поблизости они никого не обнаружили. Они сразу же уходят снова: необходимо определить, где находятся позиции противника. Я сопровождаю штабс-капитана в бараньей бурке с серой меховой бахромой, он помещает свой командный пост за копной сена, которая защищает нас от ледяного ветра. На ноги нам бросают еще одну бурку. Солдат становится все больше, они прибывают с другого берега. Рядом со мной звонит телефон. Огневое зарево разлито там, где грохочет битва, она грохочет все громче, постепенно приближаясь к нам.

Вернулась разведка. Неприятель окопался вдоль шоссе, ведущего на Чарторийск, окопы охраняются и находятся очень близко*. Тени.

* Немецкое командование допустило откровенное легкомыслие: на равнине с кустами и тростником между их аванпостами и Стырью практически не было ни часовых, ни патрулирования. Европа считала боеспособность русских куда ниже, чем она была на самом деле, а русская Ставка не опровергала эти пессимистические слухи. Мы

приблизившиеся к траншеям, предупредили врага об опасности. Слева от нас 13-й полк полковника Маркова развернулся в колонны, направляясь прямо на Новоселки. Севернее, со стороны Хряска, кавалерия уже завершила обходной маневр и угрожает левому флангу противника. Мы будем окапываться как можно ближе к неприятелю и, получив более точную информацию, пойдем на приступ.

Как ни жаль, но пришлось вернуться по плавучему мосту обратно. Неподалеку заканчивали сооружение стабильного моста. Завтра по нему поедут пушки, ящики со снарядами, полевая кухня, повозки для раненых.

Когда я подошел к полковнику, он разговаривал по телефону: рапортовал генералу Деникину, ожидая дальнейших распоряжений. В половине второго мы наконец двинулись по охотничьей тропке в лес, в полную тьму. Трудно было не заблудиться: елки и дубы совершенно одинаковые. Где-то около трех рухнули, не раздеваясь, на охапку соломы, дрожа под своими плащами от холода.

4. Колебания. Бомбардировка немецкого штаба

В 4 часа мой хозяин уже разбудил меня, держа чашку горячего чая. Немедленное перемещение. Позиции нашего полка продвинулись вперед, и мы должны следовать за ними. Нашу «избу», единственное жилое помещение в лесу, займет генерал Деникин.

Прибыв на новый командный пост, мы обнаружили там целый батальон другого полка нашей дивизии. Он тоже должен был переправиться через Стырь в 9 часов вчера вечером, но, похоже, командир предпочел сначала отдохнуть и дождаться рассвета. Полковник Бирюков сказал, что такое неповиновение приказам высших чинов не столь уж и редко, и снисходительность к виновным поощряет подобное поведение.

Большая яма, вырытая посреди леса неподалеку от реки, – вот наш новый командный пост. Четыре бревна поддерживают потолок, откуда сыплется песок в самые неподходящие моменты, вызывая взрыв хохота у наших двух телефонистов. Как только мы там расположились, развалился «камин», а вместе с этим улетучилась надежда согреться хотя бы будущей ночью.

стояли в огромном необитаемом лесу, где не появлялось гражданское население и где практически был невозможен шпионаж. Противник считал, что инициатива за ним, и приготовился наступать. Мы мгновенно подтянули резервы, об этом никому не было известно. Отсутствие в армии постоянного специального корреспондента сыграло в данном случае положительную роль.

Вокруг командного поста идет деятельная жизнь. Солдаты устриваются, кто как может. Сибиряки, крепкие ребята, варят что-то аппетитное. У них в характере неожиданно сочетаются живость и апатия. Веселость их искренна, но не заразительна. Они держатся друг за друга и живут обособленно, как привыкли в сибирских лесах. Меня поразили готовность и доброжелательность, с какими эти простые люди помогают друг другу. Их расположенность к товарищам и не меньшая расположенность — и по заслугам — к товарищам, стоящим над ними, мне очень нравится.

Возле нас загрохотала батарея. Довольные солдаты перемигиваются. Неприятель отвечает, и, когда два снаряда падают в лесу неподалеку от нас, не причинив никому вреда, весело смеются: «Дураки! Стрелять не умеют!»

Телефон звонит беспрестанно. Враг очнулся. Наши солдаты, закрепившись на полосе прямо перед неприятелем, могут продвигаться вперед только под его адским огнем. Успех нашего маневра зависит в первую очередь от того, возьмем мы немецкие окопы или нет. Поручик, полчаса тому назад бросивший своих солдат на врага, убит, ряды его батальона поредели. Полковник Бирюков с сегодняшнего дня остался единственным офицером в полку. Он из той блестящей когорты, которая, полная надежд, начинала кампанию сразу после объявления войны²⁹.

Две батареи отправляются под огнем брать Чарторийск, и я ползу по земле к наблюдательному посту, расположенному на опушке. Ровная полоса, река и за ними этот городок. Чарторийск совсем рядом, на другом берегу Стыри. Длинные ряды домишек с палисадниками, огородами, садами, в них, обагрив листья кровью, умирает осень. Городок следует прихотливому изгибу реки, и над ним грустно возвышается православная церковь, покалеченная снарядами.

Несколько траншей возле городка уже покинуты. В одной из них я вижу мертвеца, он застыл в последнем усилии выбраться, вцепившись руками в парашют.

У шоссе стоит дом, его сочли главным штабом и решили направить туда огонь. До чего милый веселый беленький домик в два этажа! Между высокими светлыми окнами вьется плющ, вокруг сад, то ли персиковый, то ли абрикосовый. Короткий набор цифр, потом долгий свист и жужжанье огромного роя насекомых у нас над головами. И вот уже там, вдалеке, вспышка и маленькие четкие облачка, а потом алое пламя вырывается из крыши. Нам видны маленькие тешки, они разбегаются со всех ног из полыхающего дома, а мы садим и садим в них шрапнелью.

5. Военные зарисовки. Ярость боя

Хорошая новость: ночью полк, переправившийся через Стырь, занял деревню Новоселки, взяв в плен немецкий гарнизон из двух рот. Траншеи на юге от Стыри оказались под двойным огнем, после короткого сопротивления солдаты сдались.

Солнце пробилось сквозь тучи, и весь лес стал праздничным. Повсюду идет работа. Солдаты вешают на ветки, и как всегда низко, телефонный кабель. Идут войска на смену тем, кто уже ходил на приступ, несут знамя, и все его приветствуют, генерал Деникин со своим штабом едет осматривать занятые позиции. Выхоленные кони – просто красавцы. В лучах октябрьского солнца их выразительные движения производят впечатление веселья.

А теперь подойдем поближе. Противник оставил огромное количество винтовок, личного снаряжения, ящиков с патронами и гранатами, аптечек. Солдаты разложили большие костры, и вокруг них расположились самые разношерстные компании. Казаки, черкесы, люди, похожие на восточных, занимаются костром, рядом санитары перевязывают раненых. Раненые сидят на ящиках Красного Креста или стоят, они полуголые, бледные, но по-прежнему на удивление молчаливые.

Двигается колонна австрийских пленных – тщедушных, жалких, тощих, с ними офицеры, они идут, понурившись, опустив глаза в землю.

И куда ни помотришь – подводы с ранеными. Австрийцев мало, почти одни русские, пострадавшие в атаке. Австрийцев защищали окопы, в них стреляли издали, только потом на них обрушилась неостановимая волна атакующих, воодушевленных яростью боя со штыками наизготовку. Вот тогда и слышались отовсюду вопли отчаяния и мольбы, такие жалобные, что атакующие были ими обезоружены.

В телеге, запряженной двумя лошадьми, молодой офицер сидит между двух тяжелораненых лежащих солдат. Он узнал нас, машет здоровой рукой и останавливает телегу. Другая его рука раздроблена пулей, и ее забинтовали прямо на поле боя. Ярость боя, воодушевлявшая его, превратилась в радость: он взял верх над противником в штыковом бою и теперь, после жуткого испытания, может любоваться вечным чудом, природой – травой и редкими цветками, ожившими под милосердными лучами позднего солнца.

Он счастлив, что рана его не смертельна, и поэтому очень говорлив, беспорядочные движения сопровождают восторженный поток слов. Нас трогает эта лихорадка счастья, его восторженный, прерывающийся рыданиями голос, слезы, текущие по щекам, уже полыхающими от жара. У женщин о страсти говорят меняющиеся краски в

лице и блуждающий взгляд, у мужчин о волне эмоций в бою – сбивчивая речь.

Мы прощаемся. Он нам машет. А потом следит за нами лихорадочно блестящими глазами на облагороженном страданием лице и плачет от радости.

Под деревьями на траве тысячи серых шинелей – солдаты лежат в невообразимом беспорядке. Наши лошади с трудом пробираются между лежащими, а они не встают, им не хочется. Это резервные войска, они ждут сигнала и, вполне возможно, окажутся в схватке еще до сумерек. Неприятель уже не спит. Он бомбардирует Новоселки, которые русские заняли ночью.

Сквозь листву виднеется неровная светлая линия – австрийские окопы, которые только что были взяты. Моя лошадь внезапно пугается трупа, из-за высокой травы его не было видно. Руки у него подняты к небу, тело перекручено судорогой боли. Дальше трупы и трупы, и все это русские. Посередине лужайки совсем молоденький мальчик, красивый, стройный, убитый пулей. Брови у него слегка приподняты, рот полуоткрыт, и все лицо с застывшими глазами говорит о крайнем удивлении. В стороне уже копают могилу, готовят кресты. Нужно торопиться, бой зовет, а мертвых нужно предать земле, которой они уже принадлежат. Вот взяли и молоденького солдата и прямо возле нас засыпали землей его красивое лицо, которым никогда больше не полюбуется мать.

Мы на лошадях перебираемся через рукав Стыри и едем по равнине. Немцы занимают теперь опушку леса напротив нас, они в нас стреляют, и прилетевшие издалека пули исчезают где-то с мелодичным и зловещим свистом. Неподалеку от нас генерал Деникин обследует территорию, он приказывает нам вернуться: правила обязывают нас беречь лошадей, они чистокровные.

И снова в камышах трупы. Здесь боя не было. Возможно, это раненые, которые пытались спастись за немного приподнятым берегом. Солнце уже клонится к горизонту и осеняет верхушки леса золотым и пурпуровым светом. На траве в задумчивой позе лежит человеческое существо, лицо у него тоже в пурпуре. Когда мы с ним поравнялись, то увидели, что это кровь из пробитой головы. Откуда взялись у несчастного силы отползти так далеко от окопов? Он почти дополз до воды, которой так хотел.

6. Готовность к самопожертвованию. Немецкие пленные

Положение прежнее. Наши солдаты вжаты в землю в сотне метров от немцев. Никто не может поднять головы, не получив мгновенно града пуль. Нужно ждать ночи. Атака замерла в 4 часа дня.

Удивительный человек полковник Бирюков. Телефон звонит беспрестанно. Генерал Деникин, он командующий и с ним нужно говорить время от времени, роты с другого берега Стыри, батареи, командиры соседних полков – все звонят, и адъютанты мигом отправляются в разные концы. Полк, такое скромное подразделение гигантской армии, обрел, в силу обстоятельств, серьезную весомость. Именно 16-й полк завершит атакой подготовительные действия нашей дивизии и отчасти соседних дивизий тоже. Полковник постоянно с трубкой телефона или на коне, проверяя, как исполняются его приказы; на еду и сон остается буквально совсем немного времени.

У нас на глазах повторяется героический случай, о котором рассказывает Цезарь в своих «Записках о галльской войне»³⁰. Во время осады одного галльского города воин-галл покинул крепость, чтобы поджечь деревянный помост, которые римляне строили возле стены. Галл тут же погиб, получив стрелу из лука. На его место мгновенно встал второй, и его постигла та же участь. Третий. Четвертый. Если не ошибаюсь, семнадцать человек погибли за несколько минут на этом месте.

А у нас на равнине между рекой и передовыми окопами снаряд повредил телефонный кабель, который связывал их с командным постом. Солдат, который был послан починить его, был тут же убит: хватило одного выстрела из винтовки. Был убит второй, тяжело ранен третий. Командир батальона спросил, найдутся ли добровольцы? И они нашлись. Нам позвонили, что чинить кабель пополз одиннадцатый солдат...

Сгущаются сумерки, и повсюду загораются костры, они выглядят очень живописно. Немцы перестали обстреливать горящие Новоселки, теперь слышны только ружейные выстрелы и взрывы ручных гранат.

Нас трое в маленькой землянке: полковник, его адъютант и я. Мы едим руками, как дикари, спим на соломе, по-братски прижавшись друг к другу. Среди лагерного гомона – певучих с жесткими ударами голосов, ржания лошадей, насвистываемых мелодий – на нас, усталых, наваливается тяжелый сон. Но когда в ночной тишине мы неожиданно просыпаемся от какого-то шума, мы всегда видим полковника: он возле телефона, он пишет приказы, он приготовился уходить, чтобы проследить за подготовкой, поддержать боевой дух солдат.

В 5 утра я подскакиваю. Вдалеке на другом берегу Стыри идет оживленная перестрелка и слышен более глухой звук гранат. Новости хорошие. Взяли часть основных траншей, окружили в других местах их защитников. Несколько рот идут атаковать Чарторийск, основные

силы двинулись севернее, чтобы присоединиться к частям, которые будут переправляться через Стырь возле Хряска.

Мы уже двинулись в путь, собираясь присутствовать при взятии городка, но тут наше внимание привлекает глухой шум голосов. Среди деревьев появилась группа людей без оружия, в защитной форме в сопровождении нескольких солдат. Немецкий лейтенант сообщает нам все, о чем мы его спрашиваем. Он Reserveoffizier³¹, физик из Геттингена, сын профессора. Он часто смеется и рассказывает нам много того, о чем мы его и не спрашиваем, так сказать, *captiiones benevolentiae*³². Он отпускает шутки насчет своих подчиненных во время взятия окопов и, успокоенный корректным отношением русских, ведет себя еще шумнее. Но когда один из нас, холодно глядя на него, спрашивает его, был ли он в Бельгии, прибавив, что сам он бельгиец, немецкий лейтенант теряет дар речи.

Все пленные – из гренадерского полка кронпринца Кенигсберга³³.

Подходят новые партии пленных. Это боевые офицеры, они на нас не смотрят, и в ответ на любые вопросы кричат: «Nein, nein!»³⁴. Присущая им надменность выглядит в этих обстоятельствах неприятным вызовом. В основном это лейтенанты, среди них два фон Бюлова³⁵. Они сдались, попросив пощады. Обращение с ними достойное, их не унижают. Поэтому их невежливость совершенно непонятна. Они не поприветствовали даже нашего полковника, который стоит вместе со своими офицерами. Я посмотрел на полковника с удивлением и спросил: «А может быть, стоило дать им по рукам?» Он равнодушно ответил: «Чего вы хотите? Они всегда такие, когда опасность миновала».

И все же поведение этих офицеров было достойнее заискивания молодчика из Геттингена.

7. На поле боя

Возле легкого моста из надутых мешков и досок построили другой, на солидных сваях, который выдержит пушки и повозки с боеприпасами.

Проходят раненые, зрелище печальное, но не угнетающее. Под бинтами угадываешь страшные раны, но из-за них не угас блеск в глазах.

Воодушевление, мужество, энергия оставят их позже, в госпитале, и вот этих раненых уже не стоит показывать идущим в бой.

Убитые не вызывают страха. Череп, открытый снарядом и опустошенный взрывом, кажется обработанным препаратом. Чуть дальше лежит человек, у которого разворочен живот и унесло внутренности, в красном месиве виден позвоночник. Солдат они не пугают.

а вот раненый на операционном столе вызывает у них ужас. Любые повреждения вызывают у нас у всех разве что любопытство. Боль, одолевшая волю, могла вызывать возмущение, опасность могла изнурить, но смерть, скорая или медлительная, пощадившая или искромсавшая человеческое тело, нас не трогала.

Один солдат отделился от группы раненых и заговорил со мной. Говорил горячо и очень уважительно. Один из офицеров объяснил мне, что он говорит. Он участвовал и был рядом со мной во время атаки 7-го стрелкового полка в Матвеевке. Я пожал бедному пареньку руку, а он мою поцеловал. Чуть дальше я увидел полковника Квиткина, которого видел в последний раз, когда он собирал своих людей перед венгерскими окопами под адским огнем. Мы обнялись, не говоря ни слова. И я ощутил, что *товарищество* – а оно выше дружбы – есть самое благородное из мужских добродетелей, существующих на поле боя.

Поле между немецкими и русскими траншеями изрыто маленькими *личными* окопами, шириной не больше полуметра, в которых там и здесь лежат мертвые русские солдаты. Мысленно мы можем следить, как в этой мрачной зловещей ночи продвигается наш полк благодаря усилиям замечательных солдат – о них порой говорят, что им недостает инициативы, но вот они продвигаются по одиночке к первой линии окопов, которые кое-где находятся на расстоянии метров пяти от линии неприятеля.

8. Взятие городка

Уцелевшие солдаты гренадерского полка кронпринца засели в домах городка и стреляли оттуда в русских, которые, находя для себя прикрытия, продвигались вперед по длинной улице. Видя, что ситуация безвыходная, противник сдавался. В русских попадала примерно треть выпущенных пуль.

Раненые ждали прибытия санитаров. Высокий немец, весь в крови, едва тащился вдоль домов. Время от времени тело его содрогалось от конвульсий, бегающие глаза смотрели на нас с невыразимым ужасом.

В траве лежал мертвый русский. Но когда мы подошли, он удивленно открыл блестящие лихорадкой маленькие глаза, и его лицо старого доброго крестьянина осветилось улыбкой.

На главной улице сидел на стуле израненный немецкий солдат. Милосердные руки, руки русских, разожгли для него из обломков мебели костер, чтобы он мог согреться. Мы стянули с него сапог, полный воды, очень его мучивший, и раскололи стол и два стула, чтобы было чем поддерживать огонь. Немец страдал больше от холода, чем

от трех своих ужасных ран, и, рискуя загореться, наклонялся всем телом и большой бородатой головой к огню.

На площади, напротив православной церкви, у забора блестела медная гора: самовары, подсвечники, кухонная утварь, собранная со всего городка, чтобы отправиться в Германию.

Колокольня, превращенная в наблюдательный пункт для артиллерийской батареи, изрешечена русскими снарядами. Внутри церкви огромные канделябры, иконы в позолоченных окладах и другие предметы культа остались в неприкосновенности. В Божьем доме побоялись хозяйничать и ничего не тронули, хотя двери стояли открытыми. Зато большой портрет Николая II, висевший в притворе, проткнут в нескольких местах штыками.

Вокруг огромного костра, разведенного напротив церкви, сидят русские солдаты и пленные, которых подобрали в подвалах и стогах сена. Между собой они не разговаривают, потому что не понимают друг друга, но ненависти никакой не испытывают. Сибирские молодцы угощаются кофе и не забывают немцев, а те, поначалу подавленные и боязливые, чувствуют себя уже куда вольнее. Сначала они поглядывали на русских исподтишка, а теперь стараются привлечь их внимание. Но русские совершенно равнодушны к присутствию пленных и не проявляют к ним ни малейшего любопытства. В конце концов те и другие крепко засыпают.

К нам присоединяется полковник Бирюков, и тут же прибывает первая гаубица, захваченная у немцев. В скором времени в отступающие войска противника стреляют их собственные орудия.

9. Прапорщик Севастьянов, командир батальона. Интуиция казаков

Севернее бой продолжается. На небольшом холме окопались немцы, и солдаты нашего полка вместе с кавалерией армейского корпуса его атакуют.

Я отправляюсь вместе с прапорщиком Севастьяновым осматривать новые позиции. Он замечательный паренек, умный, отважный. Его назначали командовать батальоном в нашем полку, и на протяжении трех дней он командовал даже капитанами. Мы скачем на лошадах, с нами еще один офицер, но он остается далеко позади, с таким пылом мы рвемся вперед. Севастьянов представлен к Георгиевскому кресту, и ведет себя сейчас, как школьник на каникулах. Мы скачем вдоль Стыри и не раз рискуем завязнуть в болоте, куда внезапно погружаются ноги наших лошадей.

Русские солдаты, сражавшиеся два дня подряд, спавшие всего несколько часов, уже копают окопы и ладят мостки через ручьи и болота, которые накрывают воды Стыри при разливе весной.

Медленно спускаются сумерки на опустевшую равнину, по которой бежит быстрая река и на которой дымятся руины. Вдалеке чернеет лес. В городок возвращаются жители, прятавшиеся по окрестным лесам: мужчины, женщины, дети с узлами на спине.

Полковник Бирюков надеялся после двух трудных дней уложить нас в хорошие кровати. Но звонит телефон. Немедленно двигаемся дальше. Полная победа. Враг бежит по всему фронту. Нужно его преследовать, гнать как можно дальше, не дать возможности снова завестись в лесу.

Я должен отправиться к своему автомобилю, он ждет меня в 20 километрах отсюда. Попрощавшись со своим гостеприимным хозяином, я ныряю в ночную темноту следом за казаком, который «чует» правильную дорогу.

Батальон отправляется в сторону леса к северу от Новоселок. В потемках мы слышим слева и справа глухой шум солдатских сапог и видим время от времени впереди себя сплоченные небольшие группы.

Мой чудо-казак заплутался на равнине, и мы в полночь блуждаем между редкими соснами без тропы и дороги. Слева горящие Новоселки освещают заревом небо. На эту ночь меня милостиво приютили в Большой Оснице в доме, где уже расположились чиновник из Красного Креста, врач и несколько раненых. На следующее утро мой казак, над которым все смеются, с мрачным видом заявляет, что заблудился из-за меня. Вот свинья! В ответ я только пожимаю плечами. Я больше не верю тем, кто «чует», я верю карте.

10. Военнопленные

Я прибыл в штаб 40-го армейского корпуса и узнал, что наш фронт продвинулся вперед на 15 километров, что мы взяли 9 пушек разных калибров и 9000 пленных. Чтобы их допросить, понадобились пятнадцать переводчиков. Пленные часто отвечают одними жестами.

На следующий день мы наблюдали, как шли военнопленные. Солдаты изможденные, оборванные, грязные, они снова стали крестьянами и кричат местным жителям, что они свои, что они не враги. Это русины, чехи, хорваты, сербы и еще сто разных народностей австрийской империи, для которых плен означает прощание с австрийской национальностью³⁶. Все они наполняют фляжки свежей водой, которую приносят им женщины.

Вдалеке слышится пение на немецком, поют хором и очень впечатляюще. Умоляющие крики несчастных австрийцев и громкий отчетливый хор немцев. Контраст так значителен, что мы с графом Барановым решаем взглянуть на хор за поворотом дороги. Вот и он. Это немцы, унтер-офицеры поддерживают в них боевой дух и тщательно отделяют от союзников. Презрение к их «австрийским товарищам» налицо, оно в этом обидном разъединении. Мы останавливаем их, они горячо и негодуяюще отзываются об австрийской армии. Общая беда не смягчает их злобы и пренебрежения. Утешение пением только для них, для немцев, а не для этих «старых баб», «сучьих свиней», сразу признавших себя побежденными, забывших, что они солдаты, уж чувствующих себя в форме как ряженные! Немцы шагают «in Reih und Glied»³⁷, подняв головы, жалкие, побежденные, но старающиеся сохранить в своем несчастье единственное утешение: национальную гордость и гордость своим мундиром.

Под пристальным взглядом великолепных, вооруженных до зубов казаков, не испытывающих ни малейшей симпатии к немецкой колонне, но не могущих ни в чем упрекнуть столь дисциплинированных людей, немцы продолжают оглашать равнину и холмы своими старинными сентиментально-энергичными песнями.

Эпилог главы II

Брусиллов предоставил резервные войска в распоряжение командования 40-го армейского корпуса. Он приказал корпусу перевести штаб в Чарторийск, за которым сразу же располагался фронт, и преследовать врага со всем возможным напором. Перед нами было почти что пустое пространство, неприятель еще не пришел в себя, и мы могли бы одним усилием взять Колки. Однако корпус не располагал достаточным количеством батарей и мог обстрелять перед атакой только километр фронта. Значит, нужно было использовать точность наводки и эффект неожиданности. Генерал Воронин получил приказ разместить оборонительные позиции на Стыри, преследовать отступающего врага оставшимися силами, опираясь на реку, а затем обойти левое крыло противника.

Генерал Воронин отказался подчиниться предложенному решению командующего. Он готов был покинуть свои позиции только при условии получения дополнительных резервов, которые позволят ему атаковать на более протяженном фронте. Возражая, он потерял три дня. Немцы получили время укрепить угрожаемый участок фронта, и русские вновь оказались в нескончаемых волынских лесах под обстрелом спрятанных в кустах пулеметов.

Брусиллов был не из тех, кто прощает неповиновение. Взятие Чарторыйска было в глазах Европы концом отступления и началом нового этапа войны. Ставка тоже на это рассчитывала. Генерал Воронин был отчислен в резерв³⁸, хоть и обращался к старым друзьям из Ставки, друзья помочь ему не смогли.

Несколько недель спустя операция была продолжена почти с того же самого места, где остановилась. Генерал Деникин отличился как храбростью, так и необыкновенным хладнокровием. Он ехал в открытой машине в сопровождении бронированных машин впереди войска и лично с револьвером в руке взял первых пленных.

Полковник Бирюков, командир 16-го стрелкового полка, был менее удачлив. Его полк понес большие потери во время взятия Чарторыйска, он был пополнен, но в критический момент наступления солдаты дрогнули. И это закрыло для него дорогу к славе*. Полковник Марков, чей полк понес меньшие потери при начале операции, пожинал плоды победы. Впрочем, Брусиллов судил о своих офицерах не обязательно по успехам.

По мере того, как Брусиллов поднимался вверх, его офицеры тоже получали более высокие посты. На немецких фронтах – Западном и Юго-Западном – позиционная война научила молодых командиров осторожной и основательной тактике. [Л. Г.] Корнилов, [А. И.] Деникин, [С. Л.] Марков, [Н. Н.] Духонин, [А. Е.] Гутор, [В. А.] Черемисов и другие как военачальники сформировались на австрийских фронтах под командованием [Н. И.] Иванова и [А. А.] Брусилова**.

Победы способствуют отваге и инициативности.

Точно так же было и в предыдущую войну: [А. Н.] Куропаткин, [Н. И.] Гродеков и другие поднимались вместе с [М. Д.] Скобелевым.

Глава III. Вокруг походного костра

Между 15 и 20 октября я посетил генерала [К. Н.] Десино, он был военным атташе в Пекине, а теперь командовал 71-й дивизией. Я гостил у него в деревне Асова, одной из двух или трех деревень в России, где русскому правительству удалось поселить крестьян-евреев³⁹. Приданные дивизии казаки были не прочь сыграть с местным населением дурную шутку. Когда нашли перерезанный телефонный кабель (кто знает, не казачьей ли шашкой), пошли толки о шпионах, кото-

* В 1917 г. этот умный и энергичный офицер продолжал командовать полком в почетном чине генерал-майора.

** [К. В.] Сахаров, [В. О.] Каппель и др., кто отличился потом в Сибири, также служили на этом фронте.

рые прячутся здесь по лесам и болотам, и казаки надумали выгнать из деревни евреев и спалить их дома за предполагаемое вредительство и нейтралитет. Генерал Десино не испытывал большой симпатии к единоверцам, которые занимались в основном торгашеством, он предпочел защитить бедняков, которые выращивали хлеб. Поутру меня разбудил женский плач. Я поспешил на улицу и увидел высокого статного Десино в окружении стариков и плачущих женщин, они целовали ему руки и сапоги, благодаря за защиту. Генерал едва сумел освободиться от этих несчастных. Я не скрывал, как высоко ценю его человечность, и высказал свое мнение с тем большей охотой, что штабные его не одобряли.

Затем я провел несколько дней у генерала [П. С.] Оссовского, ему генерал Брусиллов доверил основной маневр, поручив командование семью полками. Ставка настаивала на наступлении, генерал Брусиллов нажимал на генерала Оссовского. Оссовский энергично сопротивлялся. Его останавливали огромные потери, которых не избежать, когда наступающих будут косить замаскированные пулеметы. Наверху руководствовались – и сколько еще лет после! – неисчерпаемостью человеческих ресурсов. Но это были теории штабистов.

Русский фронт на Волыни открылся в ноябре 1915 г.

Три маленьких деревенских домика на лужайке посреди глухого леса. Там и здесь за кустами болота, которые кажутся сухими, но вода спит под травянистыми кочками, стоит лошади наступить на них, и выступает густая грязь, ноги вязнут, лошадь не чувствует твердой почвы и косит отчаянно глазом.

В самом большом доме – штаб дивизии, в двух других – офицеры полка, занимающего первую линию огня. А вокруг здоровенные неторопливые парни в серых шинелях, они спят под открытым небом или в землянках, которые защищают их от дождя и пуль.

Враг на расстоянии километра. Он прячется за такими же деревьями, что и мы. Разведчики пробираются сквозь кусты наощупь, и вдруг начинает строчить невидимый пулемет и косит наших людей.

Бывает, что целый день ни звука. Заржет лошадь. Ветер прошуршит листвою. Защебечет птичка возле дома. Кажется, все заснуло. Идиллия. Солдаты дремлют или перешептываются, сидя вокруг гранатометов. И если хорошая погода, если светит солнце и все вокруг блестит в его лучах, все улыбаются и все счастливы.

А за лагерем выстроены послушные и страшные, как прирученные бульдоги, блестящие горные пушки. Они повернули свои жерла в сторону врага и время от времени разражаются сухим лаем, далеко разносящимся под лесными сводами.

Вместе с темнотой в лес приходит холод. Повсюду вспыхивают большие костры, солдаты жмутся к огню. Сгрудившись, растягиваются на земле, млеют от тепла, поворачиваются спинами. Змеи обвивают палки, солдаты садятся вокруг костров, дорожа каждой теплой струйкой.

В штабном доме все смертельно скучают.

В маленькой комнатушке разложено восемь походных кроватей. Офицеры лежат, читают или жалуются друг другу на бездействие. Все поднимают головы, слыша телефонный звонок, вспыхивает надежда, что монотонная жизнь переменится. Они ждут сигнала к атаке, но он зависит от успеха на соседних участках фронта. Телефонисты тоже нервничают и беспокоятся.

Генерал [Оссовский] говорит по телефону коротко. Похоже, он спорит с вышестоящим штабом, отрывистые слова бегут по кабелю вверх и вниз.

Генерал маленького роста, но держится великаном; у него доброе лицо, он храбр, и глаза у него, когда я в них смотрел, горят стальным блеском. Сражения этой войны и предыдущей живут в нем. Он их чувствует, когда думает и готовится к будущему бою.

Он знает одну-единственную немецкую фразу: «Setzen Sie sich» («садитесь»). Всякий раз, когда я вхожу, его лицо освещает любезная светская улыбка, он протягивает мне руку и указывает на стул: «Setzen Sie sich».

Расхаживая по комнате, он то и дело натывается то на табуретку, то на что-нибудь из вещей своих офицеров. Но вот он перестал ходить, как дикий зверь в клетке, его пронизывающие глаза блестят, и он звонко диктует начальнику штаба свои распоряжения.

Я выхожу вместе с моим молодым другом Иваненко, штабс-капитаном и писателем. Ночь светлая, на небе звезды, воздух сырой и холодный. Звук выстрелов похож на треск сухого камыша, пули свистят у нас над головами.

Солдаты сидят вокруг больших костров. Слушают игру на гармонии. Играет настоящий виртуоз. Он поставил инструмент на колени, наклонил голову и небрежно прислушивается, как его ловкие неутомимые пальцы бегают по клавишам. Увидев нас, он меняет репертуар, начинает играть современные вальсы. Мы просим играть, как раньше, донские песни, солдаты одобряют просьбу.

Они негромко поют, песня поднимается и тает в холодной светлой ночи. У солдат ясные детские глаза. Их ум не развит, но они совсем не тупые. Черты лица резкие, порой грубые, но мимика тонкая, и у всех обаятельная улыбка.

Я задаю им через Иваненко, которому интересно, что вызывает у меня любопытство, несколько вопросов. Отвечает мне в основном

один из солдат, до войны он был рабочим в Москве и читал книги. Прежде чем заговорить, он советуется взглядом с остальными.

Я спрашиваю, ненавидят ли они своего врага.

– Да, немцев ненавидим. А австрийцев так...

Я настаиваю, и они уточняют:

– Немцы хотят воевать, австрийцы не очень...

И еще несколько ответов:

– Немцы жестокие. Они подвешивают пленных за ноги, чтобы заговорили...

– Я сам видел русских с выколотыми глазами...

– Они убивают всех казаков, каких встретят...

– Стреляют в мертвых, боятся, как бы не встали...

– Ух, как немцы казаков ненавидят!

Они говорят все разом. И смеются, показывая белые зубы, подтверждая, что немцы не на пустом месте возненавидели казаков.

Я спрашиваю: разве австрийцы не пользуются разрывными пулями и не совершают жестокостей? Они переговариваются между собой, потом отвечают.

Один говорит:

– Среди австрийцев мы всегда находим кого-то из друзей. Люди из Галиции приезжают к нам в мирное время, и мы к ним ездим. Как мы можем их ненавидеть?

Другой:

– Увидит кто-то из наших среди пленных знакомого и кричит: «Надо же! Это ты?» А тот ему: «Сам видишь!» Наш: «Как жена? Как дочки?» А тот спросит про хозяйство, про коров. И вместе о войне погорюют. Сколько она еще продлится. Ну и дальше в том же духе. Бывает, что и обнимутся, потому что друзья. А до этого убить могли друг друга.

Третий:

– Среди пленных есть и чистые русские, они и говорят только по-русски. За что же их ненавидеть?

У четвертого всерьез накалило против немцев.

– Австрийские офицеры добрые, – говорит он. – Угощают сигаретами, разговаривают. А немецкие нет, они нам приказывают.

Стрельба становится сильнее. Пули свистят между деревьями. Неприятель пошел в атаку на наши позиции, до которых четверть часа ходьбы от этих костров. Нам уже не до разговоров. Резервы приготовились к бою. Серые ряды медленно движутся мимо нас. Солдаты на нас поглядывают, а гармонист снова берется за гармонию. В полку она единственная, и все солдаты в ее власти.

Гармонист играет песню, которую все знают, и сидящие вокруг нас, провожая глазами товарищей, потихоньку поют знаменитую па

Дону балладу. Казак обманул невесту с полюбовницей и насмеялся над брошенной, а невеста его отравила. Изменщик умирает, а она поет у его изголовья о своей любви и ненависти.

Подходит солдат и бросает в огонь ветки, огонь оживает. Поднимается пламя и освещает блестящие глаза. Люди забыли о начавшейся атаке, о нарастающем обстреле. На войне память на плохое коротка и длинна на волнение души.

Внезапно мощный грохот наших пушек присоединяется к вечернему пению, и мы сразу же забываем о ненависти казачьей невесты, героини идиллии, вывернутой наизнанку. Я смотрю на солдат, они хохочут, смех и нервный, и довольный. Они думают про себя: «Вон каковы наши пушки! Хорош голосок!»

Пулеметы строчат реже. Вскоре подкрепление возвращается так же медленно, как уходило. Пушки больше не бьют. Атака отражена. Несколько раненых, их перевязывают. Несколько убитых, их похоронят завтра. Вот и все.

Бой позабыт, как только снова заиграл гармонист. На этот раз очень громко. Человек не смог бы не поддаться страху смерти, которая постоянно витает в воздухе, если бы только и думал о ней и смотрел на страдания раненых товарищей.

При посредстве моего молодого друга я рассказываю, как после взятия Чарторийска одно подразделение 1-го гренадерского его величества кронпринца полка, надеясь спастись в лесу, продвигалось узкими тропами и повстречало двух казаков, одного они убили, другого ранили. Раненому удалось выжить, он собрал 25 своих товарищей, в ярости они догнали немцев и порубили всех саблями. Я прибавил, что ни одного русского офицера там не было.

Услышав мой рассказ, солдаты засмеялись и один из них сказал:

– Правильно сделали. Немало казаков покрошили немцы.

И все принялись рассказывать истории о казачьей мести, которым сами стали свидетелями или слышали, сидя долгими вечерами у костра, когда в воображении оживают лихорадочные мечты войны.

Они одобряли казаков, не забывая напомнить, что немцы первыми начали применять жестокости.

Я попросил перевести следующее: «Хорошо, вы рассказываете, что сделали казаки. А сами вы как поступили бы в таких обстоятельствах? Зарубили бы пленных? Прикончили бы раненых? Стали бы издеваться над беспомощными, которые не могут защититься?»

Солдаты долго переговаривались между собой. Один из них, старый воин с Дона с лицом греческого философа, делал очень справедливые и взвешенные замечания. Наконец, *отец* ответил за всех:

– Нет, мы бы не могли такого сделать.

И все они на меня посмотрели.

Я сказал, что после боев я видел много раненных немцев, взятых в окопах, с разбитыми распухшими лицами, но они могли идти вместе со своими товарищами в плен. Солдаты мне ответили, что им, должно быть, досталось прикладом. Я спросил, почему русские солдаты предпочитают действовать прикладом, а не штыком.

Солдаты вновь стали обсуждать мой вопрос. Потом *отец* сообщил, что когда они оказываются в окопе и чувствуют, что наверняка его возьмут, то предпочитают не убивать врага, а оглушить ударом и вывести из строя.

Я смотрел на этих людей и верил: они говорили правду. Я много раз имел возможность наблюдать яростные и неожиданные вспышки, но здесь они бывали редко. У русских солдат в бою возникает воодушевление, и, если оно правильно направлено, они становятся непобедимыми. Так мне кажется. Но боевой пыл исчезает так же мгновенно, как вспыхивает. Гнев в победителях гаснет при виде несчастья побежденного. У русского солдата иная культура, чем у его союзников на других фронтах, но я не скажу, что она более низкая. Ум зачастую у них не так развит, зато глаза смотрят добрее и очень привлекательно их спокойствие. «Будьте, как дети», – говорит нам писание⁴⁰, это состояние души утратили другие нации, но оно стоит любых образованностей.

А что касается рассказов о жестокости казаков, то их тоже не стоит принимать целиком всерьез. Солдаты показались мне сродни тем молоденьким девушкам, которые упиваются жестокими романами о разбойниках, а сами не обидят и голубки.

Гармонист-виртуоз вновь взялся за гармонию. Жалобы, печальные вздохи, проникновенные мелодии полетели к звездам, повисая на них прихотливыми гирляндами. Счастлив народ, не забывший сладость баллад. Для их жизней, таких коротких, для их душ, приготовившихся к смерти, поэзия становится бальзамом, который смягчает чувства, утешает боль, лечит от неуютного соседства смерти, постоянно нависающей над нашими головами.

Солдаты не решаются при нас улечься на землю. Мы благодарим их и уходим. Обернувшись на прощанье, мы видим, что они вновь сгрудились у огня, образовав причудливую группу и своей одеждой и позами.

В доме все тихо и спокойно. Генерал, как мне кажется, изучает обстановку: со своим начальником штаба он рассматривает карту. Увидев меня, протягивает руку. «Setzen Sie sich», – восклицает он. И его офицеры, любящие его за храбрость и доброе сердце, улыбаются его лингвистическим познаниям.

Но всем тяжело. В ночной тишине, прерываемой редкими выстрелами, нас мучает мысль, что враг укрепляет позиции в лесу, что время наступления все-таки пока не настало.

Глава IV. Разведка на реке Стрыпа

В конце ноября 1915 г. я приехал в район Тернополя, где, как мне сказали, возобновились боевые действия. Русская армия одержала здесь небольшую победу, которой командование вознамерилось воспользоваться. К несчастью, противник остановил продвижение русских, вернул себе потерянные позиции, и все снова, казалось бы, погрузилось в зимнюю спячку. Но нет, возникла весьма любопытная ситуация, какой еще не было на Западном фронте. На небольшом участке, шириной в четыре или пять километров по реке Стрыпа, противники продолжали вести довольно ожесточенные бои. Я постараюсь описать происходящее в следующих главах.

Несколько дней я пробыл в Тернополе, где меня замечательно принимали командующий 13-м корпусом⁴¹ генерал [Н. Ф. фон] Крузенштерн и начальник его штаба полковник [Ф. И.] Ростовцев⁴², необычайно умный офицер, известный своей храбростью. Отношения между подданными австрийской империи и русскими завоевателями были хорошими, за исключением нескольких весьма серьезных конфликтов, спровоцированных православными священнослужителями, которые притесняли греко-католиков русинов, с чем даже военный губернатор⁴³ князь [Г. А.] Бобринский ничего не мог поделать.

Я приятно провел время в польском замке среди штабистов 23-й дивизии. Запомнились охоты в необозримых галицийских лесах вместе с полковником Поляковым, поручиком Эвальдом и польским ксёндзом...⁴⁴ Вечером, ужиная дичью, мы подробно рассказывали о своих походах генералу [П. А.] Кордюкову⁴⁵, который молча, но не бездейственно председательствовал за нашими сборищами.

Но гораздо интереснее я жил в полках, в частности в Беломорском полку (91-м)⁴⁶, где был солдатом и участвовал в рукопашных.

Юг Тернополя, начало декабря 1915 г.

Наша прошлая разведка была неудачной. Мы отправились в полночь в полной темноте на поиски вражеских позиций, но вышла луна, и на ослепительном снегу мы стали заметны неприятелю. Взяв в плен немецкий патруль, мы немного утешились. Но три немолодых и туповатых прусака не смогли или не захотели дать нам сведения о своих войсках.

На этот раз мой молодой отважный друг прапорщик Пурин, начальник группы разведки, решил выйти пораньше.

Грозящая разведке опасность не была конкретной, точно так же не ведаешь, на что нарвешься, когда ползком пробираешься к окопам врага, зная и расположение, и подступы. В нашем случае неизвестность и непредсказуемость были связаны с патрулями и небольшими

действующими отрядами. Мы полагали, что противник постарается отомстить за свой патруль, взятый нами в прошлую ночь.

От наших позиций и до реки Стрыпа тянулась на многие километры равнина. Наш противник – австрийцы и несколько немецких полков – демонстрировал не столько военные таланты, сколько патриотизм. Его не могли угасить ни жестокие бои, ни суровый климат. Противник занимал весь противоположный берег реки, а кое-где перебрался уже и на наш.

Низкие холмы едва прячут позиции противников друг от друга. Перед глазами обширное однообразное пространство. На нем виднеются маленькие домики и отдельно стоящие усадьбы, окруженные деревьями и кустами. Такой домишко в силу обстоятельств может приобрести важность, несоразмерную со своей ничтожностью, поэтому на карту тщательно наносятся все риги, избушки и сторожки.

Из обоих лагерей выходят на «нейтральную» территорию группы разведки. На лошадях или пешком разведчики совершают быстрые рейды или, наоборот, двигаются медленно, тщательно все изучая. Они выдумывают всякие хитрости, чтобы обмануть противника. Иногда прячутся на недолгое время в каком-нибудь сарае и вдруг обнаруживают, что в соседнем сарае – враг.

В домах, которые не подожгли снаряды, продолжают жить люди. Крестьяне – мужчины, женщины, дети – живут между линиями окопов, их тревогам и страхам не позавидуешь, им грозят снаряды, пули, ночные посещения и серьезное мародерство. С покорностью и завидным смирением они не мешают пользоваться плодами своих трудов и своих страхов, они предают и принимают австрийцев и русских, никому не отдавая предпочтения.

Я попрощался с полковником [А. Ф.] Дзержинским, который посоветовал мне соблюдать осторожность, и в сопровождении казака уехал из деревни Настасово⁴⁷. Было семь часов вечера, 10 градусов мороза. Снег бил в лицо. В темноте мы едва различали землю под ногами. Наши лошади, не раз оступившись, занервничали, стали ржать и останавливаться. Почувствовав шпоры, они склонили головы и отдались на милость дороги. Из-под снега там и здесь торчали обгоревшие стены домов.

Добравшись до траншей, я сказал пароль часовому и очень скоро добрался до Йозефовки, где ждал меня Пурин и его люди. В доме вокруг сидящих офицеров стояли полукругом солдаты, закутанные в белое. Пурин оглядывал снаряжение, давал советы, шутил, часто обращаясь к одному унтер-офицеру, которого я потом всегда буду вспоминать с удовольствием. Невысокий, коренастый, сметливый, веселый, этот человек прослыл главным храбрецом полка. Имея под началом всего четырех солдат, он взял в плен австрийский отряд из

сорока человек с тремя офицерами. сумев оглушить их зычным голо-
сом и напугать ручными гранатами. Подвиг, ничего не скажешь.

Солдаты мне понравились. Молодые, крепкие, складные, в глазах и отвага и добродушие. Они показались мне людьми непосредственными. В бою такие люди бывают порой самыми страшными, убивают простодушно, без сожалений и колебаний.

Пожилой офицер наставлял их: «Кто отступит перед опасностью, тому нет места в нашем элитном корпусе! Безоговорочное повиновение командиру! От работы разведчиков зависит судьба сражения и жизнь многочисленных товарищей. Не забывайте: в момент опасности решительный и отважный рискует меньше, чем колеблющийся трус!».

Свою короткую речь он произнес с большим воодушевлением.

Однако мне показалось, что русские солдаты в отличие от латинских воинов не нуждаются в убедительных речах для того, чтобы пойти на подвиг. Читатель [Г. Ю.] Цезаря, [К.] Тацита, Тита Ливия, Ксенофонта помнит, какую роль в классических римских войнах играли речи трибунов или военачальников. Эмилий Павел [Луций] объяснял воинам свои действия. Цезарь рассуждал перед когортами о доблести, доблести римлян, словно сами они о ней не подозревали, и доблести врагов за Рейном, которую римляне преувеличивали. Какое зрелище! Как оно впечатляет! Солдаты аплодируют и, воодушевившись, посылают к военачальнику делегации в подтверждение преданности и боевого пыла.

История есть повторение. Прочитайте современные речи, обращенные к французской армии. Вас растрогает пыл солдат, для которых в час самопожертвования так важны и слово, и жест, они жаждут фейерверка зажигательных фраз, блеска идей, дорогих для патриотов и верующих.

Русская армия поразила меня простотой, с какой люди отправляются на смерть.

Читатель увидит, что наша вылазка окончилась благополучно, без потерь. Но могло бы быть и по-иному. По равнине, которая простиралась перед нами, ночью во всех направлениях сновали вражеские патрули. В амбарах и домах могли находиться роты солдат, для которых на сияющем в ночи снегу мы были бы отличной мишенью.

Речь своего командира с призывом к доблести наши пятьдесят человек внимательно выслушали, время от времени автоматически роняя: «Ясное дело!» «Само собой!» с совершенно безразличными лицами. Я видел, что им хочется поскорей покончить с этой формальностью и приняться за дело. Они отважны каждый сам по себе, свободны от коллективного хмеля, и это показалось мне необыкновенно трогательным.

И вот разведка. Пурин и я скачем первыми, за нами пятьдесят наших людей, часть из них замаскирована в белое. Мы едем по дороге, которая ведет от деревни к другим деревням и хуторам. Дорога скользкая, но без дороги провалишься в снег.

Солдаты следуют за нами длинной цепочкой, молча, но весело. Обернувшись, я вижу, как блестят у них глаза, когда они перешептываются.

Сейчас 9 часов вечера. Мне кажется, что мы отправились прогуляться в царство теней. Снег светится слабым светом, и в этом туманном свете появляются черные пятна. Нам кажется: галлюцинация, и вдруг тени вырастают перед нами.

Оказалось, наши кавалеристы. Они, молча, нас приветствуют. Видно, что устали. Потом вдруг со снега поднимается человек, он один и кажется таким маленьким в этой необозримости. Он едва отвечает на наши вопросы, и нам приходится спешиться. Он получил рану в бок и тащится один по глубокому снегу.

А вот и справа и слева послышались выстрелы, и непонятно, близко стреляют или далеко. Чуть дальше появляются тени всадников, они направляются к нам, но внезапно меняют направление. Их слишком мало, чтобы справиться с нами. Мы приближаемся к домам, внимание обостряется, и мы забываем о далеких всадниках, скорее всего неприятельских.

Среди голых деревьев первого хутора мы видим привязанных лошадей и неподвижно стоящих людей с ружьями в руках. Узнаем: это казаки.

Такое повторится еще не раз. Вдруг из черного пятна дома появляются черные фигуры. Хриплый голос нас окликает. Мы видим направленные в нашу сторону штыки. Но тени удаляются и сливаются с темнотой.

Наконец мы добираемся до пункта нашего назначения, куда уже раньше отправили пятерых человек. Устраиваемся за стогом сена, чтобы немного передохнуть, стог защищает нас от ледяного ветра, который задул с неожиданной силой.

Цель нашей вылазки — овладеть хутором, который, по слухам, заняли австрийцы и немцы, а потом узнать побольше о позициях неприятеля.

Несколько недель тому назад наши войска заняли окопы неподалеку от этого пункта. И оказались под обстрелом австрийских гаубиц. Бессмысленно и бесполезно потеряли много солдат на этой голой равнине. Но рано или поздно мы с нее сдвинемся.

Неприятель окопался на нашем берегу на много километров южнее и севернее нашего хутора. Он постоянно переправляется через Стрыпу возле деревни Богатковичи⁴⁸. Мы знали, что его основные

позиции находятся на противоположном берегу, но не знали, укрепился ли он так же основательно и на этом. Его позиции представляли собой полумесяц, чьи рога приближались к нашим постам. Этим вечером мы находились в центре полумесяца.

Перед нами до быстрых вод Стрыпы простиралась необозримая равнина, таинственная и полная опасностей. Для начала мы отправили вперед два отряда по пятнадцать человек, чтобы выяснить, что там есть в этой темноте, на этой неведомой земле. Нам бы не хотелось атаки с тыла, когда мы двинемся к хутору, занятому неприятелем. Первый отряд в белых балахонах очень скоро с кем-то столкнулся. Мы услышали лошадиное ржанье, потом выстрелы и, очевидно, разрывы ручных гранат.

Вернувшись, наши люди сообщили, что они нарвались на засаду и обнаружили неприятельский кавалерийский отряд. Брошенные гранаты, похоже, были мало полезны. Но им показалось, что кто-то из всадников был задет. Всадники мгновенно изменили направление и ускакали в сторону Богатковичей.

Слушая это донесение, мы вдруг заметили приближающуюся группу людей, но не могли определить ни ее численность, ни кто они такие. Сами мы находились под прикрытием деревьев, густой кустарник надежно скрывал и нашу форму, и наши движения.

Мы с Пуриным и четверо солдат остались стоять на дороге. Остальные укрылись в кустах, устроив засаду. Потянулись напряженные минуты. Наконец мы смогли рассмотреть, кто к нам приближался. Наши. Они вернулись с другой стороны.

Пока мы имели дело только с самими собой, воевали внутри себя. Я давно заметил, что переходы от страха к успокоению, от напряжения нервов к расслабленности усиливают нетерпение. Солдаты начали нервничать, по их движениям я видел, что они возбуждены. Они резко скидывали голову, глаза загорались гневом и отвагой. Я обратил на это внимание моего друга.

— Да, — согласился он, — они в нетерпении, им хочется покончить с этим делом.

Теперь нам предстояло брать хутор. Нам донесли, что он занят вражеским отрядом, который может отрезать нам путь к отступлению.

Мы уже не могли двигаться под прикрытием лесной темноты. Ветер мало-помалу разогнал туман. Слабый свет на небе с несколькими звездочками обещал появление луны, а мы, маленький отряд посреди бескрайней снежной равнины, осторожно и трудно продвигались вперед.

Когда мы выехали, солдаты спокойно ехали за нами длинной цепочкой. Но теперь они чуяли опасность, им не терпелось броситься вперед, разорвать цепочку. Вкус к риску, опасность будоражили

их, им хотелось обогнать нас с Пуриным. Молодой офицер глухим властным голосом приказал им вернуться, но они плохо слушались. Русские солдаты неимоверно упрямы, если ими овладела страсть. Под их медлительностью, добродушием, флегмой кроется натянутая струной душа. Сейчас они кротки, как агнец из Писания, и вдруг — повернулся какой-то рычаг: вспыхнуло чувство, заиграло воображение, возникло ощущение, и весь механизм пришел в действие — они стали ясновидящими и слепыми, яростными и решительными.

Довольно долго мы ехали, чувствуя лихорадочную тревогу: мы были мишенью, стреляя по которой, нельзя промахнуться. На хуторе к нашему удивлению царила тишина. Мы толкнули дверь. В усадьбе ни души. Но все говорит о том, что совсем недавно тут были люди.

Разочарованные, усталые, озябшие, мы вернулись в домишко, который наместили себе как базу, собираясь обогреться и передохнуть. Несколько казаков, оккупационный отряд, сидели, держа винтовки между колен, вокруг поставленной на хромо́й стул дымящей свечки, не обращая никакого внимания на обитателей дома, подремывая или перешептываясь между собой. На большой кровати в углу спала или делала вид, что спит довольно молодая женщина с двумя детьми. Вся эта троица с переплетенными руками, сильными женскими и слабыми детскими, невольно трогала. На коврике у постели лежала собака, она то и дело поднимала голову и окидывала гостей тревожным и грозным взглядом. Муж устроился на печке. Он по-русски ответил на вопросы Пурина и теперь старался улечься поудобнее на беленых кирпичках, чтобы все-таки поспать, что не всегда удавалось в эти долгие зимние ночи.

Равнина освободилась. Туман рассеялся. Луна поднялась над горизонтом и обозначила причудливыми тенями все неровности почвы. Наши серые шинели смотрелись темными пятнами на бескрайней снежной белизне.

Нам предстоял путь к реке. Очень скоро мы добрались до наших окопов первой линии, которые мы оставили. Австрийские снаряды сильно повредили их волнистый контур.

Фортификации, испорченные ямами, горами песка, торчащими бревнами разбитых укрытий напомнили нам о мучительных буднях наших солдат, которые неделями сидели под нескончаемыми бомбардировками тяжелыми снарядами, а неприятель математически точно и методично долбил по этим мишеням, лежащим перед ним, как на ладони.

Наше продвижение к реке в поисках неприятельских позиций освещала теперь луна. Ветер внезапно стих, оставив клочки тумана на кустах и на берегу Стрыпы.

Дорога кончилась, и мы брели наугад, увязая по щиколотку в снегу. Несмотря на теплые сапоги, безжалостный холод грыз ноги и все тело, ноющее от усталости.

В северной стороне вдруг послышались взрывы, но далеко, потому что света мы не увидели. Это другой наш разведотряд схватился с часовыми у немецких траншей. Нет, нашей армии по ночам не до сна.

Потихоньку мы добрались до реки. Оба берега были видны отлично. Внезапно замелькали вспышки и очень близко послышались выстрелы, выведя нас от оцепенения, в каком мы шли по снегу. Пуля просвистела у нас над головой. Слева побежали черные точки: неприятельские аванпосты искали убежища в лесу.

И почти в ту же минуту послышались выстрелы с другого берега, они участились, превратились в залпы, и к этому грохоту прибавился еще и властный тупой голос пулемета. Я без труда представил себе страх внезапно разбуженных от беспокойного сна людей, который мгновенно превратился в ярость и желание мстить.

Мы распластались на земле. Пули сотнями с красивым жужжаньем пролетали над нами. Временами они врезались в стволы деревьев или камни, вспыхивая синим огнем. Мы лежали довольно длинной цепочкой, и, когда огонь через несколько минут внезапно стих, никто из нас не пошевелился.

Пурин между тем получил возможность представить себе приблизительное расположение неприятельских позиций. По крайней мере одна из задач нашей вылазки была выполнена.

Было уже около четырех утра, а на обратный путь уйдет часа полтора, не меньше. Вместе с солдатами, которые, казалось, не устали во все, мы двинулись обратно. Сначала шли, пригнувшись, потом, увидев, что никто не стреляет, выпрямились. Враг просто не хотел, чтобы его будили ночью, вот и все.

Мы с Пуриным шли, держа друг друга за талию, помогая не скользить. Шли и дремали, механически переставляя одеревеневшие ноги, упорно стремясь к далекому раю — там тепло, там отдых.

Часть вторая. В РЕВОЛЮЦИИ

Ко всему-то подлец-человек привыкает.

Ф. М. Достоевский⁴⁹

Nicht Voltaire's maßvolle, dem Ordnen, Reinigen
und Umbauen zugeneigte Natur,
sondern Rousseau's leidenschaftliche
Torheiten und Halblügen haben den optimistischen
Geist der Revolution wachgerufen...
Jeder solche Umsturz die wildesten Energien
als die längst begrabenen Furchtbarkeiten und
Maßlosigkeiten fernster Zeitalter
von Neuem zur Auferstehung bringt:
dass also ein Umsturz wohl eine Kraftquelle
in einer mattgewordenen Menschheit
sein kann, nimmermehr aber ein Ordner, Baumeister,
Künstler, Vollender der menschlichen Natur.

[F.] Nietzsche. Menschliches, Allzumenschliches. 1. 8⁵⁰

Верден

В июле 1916 г. я вернулся во Францию. После весьма непродолжительного посещения действующей армии вместе с двумя американцами господами Бекон и Джонсоном я удостоился длительного и очень интересного пребывания во фронтовой зоне. Сначала на протяжении целой недели я был гостем генерала [А.] Гуро. Каждый день после осмотра определенного участка фронта я ужинал у генерала в Шалоне, имея замечательную возможность побеседовать с этим блестящим офицером. К несчастью, на фронте в Шампани было тихо, неприятель стянул силы к Сомме⁵¹ и встал под Верденом⁵². Главнокомандующий пригласил меня приехать снова, когда они будут гнать врага. Говорить

об этом было еще рано, но только в тылу я встречал людей, которые в этом сомневались. У меня была интересная поездка на фронт в Аргонне⁵³, к полковнику [И.] Пико. Генерал [А.] Хиршауэр произвел на меня огромное впечатление.

Почти две недели я прожил у генерала [Р.] Нивеля. Комнату мне предоставил кюре, славный деревенский священник, а вечерами я ужинал у генерала. Каждый вечер после поездки на фронт я ждал его возле штаба. Мы прогуливались по улице, дожидаясь его четырех компаньонов, которых, случалось, задерживала работа. Мы ужинали неподалеку от дома с двумя каменными лестницами, который с тех пор прославился: в нем генерал [Н. де] Кастельно принял решения, которые спасут правый берег Меза⁵⁴, и в нем великие военачальники [А.] Петен и [Р.] Нивель будут планировать знаменитые сражения. За столом царило полное спокойствие и веселье. Генерал Нивель, человек тонкого ума и большой уравновешенности, расспрашивал меня о русском фронте и сообщал сведения о своем ввиду предстоящей мне в России лекции: как человека нейтрального меня попросили прочитать лекцию о французском фронте. Однажды вечером я сидел за столом напротив генерала Петена, он был у Нивеля проездом. Запомнил, что разговор был горячим. Петен ругал некоторых инспекторов артиллерии, работавших до войны, но не хотел слышать ничего дурного о депутатах: «Нужно уметь их использовать, в этом все дело!» Потом пристально, посмотрев на меня, сказал: «И военных корреспондентов тоже!» На что я ответил: если найдутся такие, кто позволит себя «использовать».

Я побывал на разных участках фронта, сначала вместе с лейтенантом [А.] Тардье, историком, потом один. Я тщательно осмотрел форт Сувиль под обстрелом из орудий 220-го [калибра] и, что еще хуже, морскими снарядами. Осмотрел также и тот знаменитый клочок земли, который был вспахан двадцатью отменными бомбардировками. По иронии судьбы городок на нем носил название Флэри («Цветущий»), но был стерт с лица земли, и мы с командиром батальона, который отвечал за этот участок, не смогли найти даже следов колокольни и вокзальной станции.

Бывали дни, когда тишины не было ни на одном участке. Прошло пять лет, но свои «прогулки» по траншеям виноградников и по соседству под заградительным огнем крупнокалиберных снарядов я помню, как сегодня. Как сегодня, передо мной невиданный пейзаж: десятки километров воронок, переходящих одна в другую. Разрывные снаряды вздымают здесь только пыль. Я вижу, как эту пустыню взвихряют взрывы, то близкие, то далекие, и в облаках пыли и осколков двигаются маленькие фигурки солдат — сменяются часовые или подносят боеприпасы — они карабкаются, оступаются, замирают в ямах, несут-

ся вперед, словно пулеметная очередь, или стоически и неотвратимо ползут и ползут.

По всей первой линии в огромных воронках сидят «пуалю»⁵⁵, непобедимые и смиренные, чья жизнь поддержана только боевым духом. Они так сидят по целым неделям; и в непогоду, и под обстрелами у них нет даже утешения почувствовать рядом локоть товарища и вместе с ним готовиться к смерти.

Я был только зрителем и осознавал честь, какой удостоен: я присутствовал при зрелище, достойном богов, здесь открывалось новое измерение жизни — измерение страданием и доблестью. Увидев все это, я стал думать, что будущим членам верховного совета⁵⁶ нужно каждый день проводить здесь один час, чтобы достойно подготовиться к обсуждению компенсаций.

В генерале [Ш.] Манжене, командующем армейским корпусом под Верденом, я встретил могучую личность, вызывающую в воображении прославленных маршалов империи⁵⁷, стратегов и рубак одновременно, он был умен и отважен. Получив распоряжение принять меня, «как французского офицера», он принял меня как нельзя лучше и предоставил в мое распоряжение самолет для моих каждодневных поездок на фронт. Пилотировал его адъютант Делькам, смелый и хладнокровный паренек. В день сражения у форта Тиамон, после которого предполагалось двинуться на Во, я вылетел с боевым заданием в кармане. Начиная с 16 часов я присутствовал на высоте 500 метров при артподготовке: огонь на подавление и заградительный огонь полыхали, сменяя друг друга. Около 17 часов 30 минут мы снизились до 200 метров. Французские солдаты вылезли из ям: маленькие точки внизу образовали неровную волнистую линию, полчаса спустя они подались назад, став более многочисленными: было взято 300 пленных.

Я вернулся в Россию в начале 1917 г. Дожидаясь пропуска в военные зоны, я начал читать лекции о боях под Верденом в большом зале Офицерского собрания армии и флота на Литейном проспекте⁵⁸. Многочисленная публика слушала и с особенным интересом смотрела фотографии двух сражений, которые я снял с самолета. Господа [М.] Палеолог, [Г.] Думерг, генерал [М.] Жанен, офицер, представлявший генерала [Н. де] Кастельно, комендант Бушенишутьц и русские сапожники оказали мне честь, поблагодарив меня.

Позже в штаб-квартирах на русском фронте я получил возможность продолжать свои лекции. Русские офицеры, привыкшие наступать и отступать на огромных территориях и плохо осведомленные об условиях Западного фронта, привыкли осмеивать французов-английских коммюнике: «Великая победа! Продвинулись на двадцать метров, три пленных, один раненый!» Но потом все изменилось. Военная гордость этих бедных людей истаяла в общей катастрофе.

Никогда еще они так много не говорили о прошлом и так мало о будущем. Даже неудачи 1915 г. казались им теперь исполненными величия. Склоняясь над моими фотографиями, картами и цифрами, они постигали одновременно и военное величие Франции, и бездну, в которую неслись.

Глава I. Приказ № 1

Знаменитый приказ № 1, воспроизводящий декрет революции 1905 г.⁵⁹, предписывал солдатам не признавать никакой власти кроме Совета рабочих и солдат, освобождал от отдания чести и подчинения офицерам⁶⁰. Он был обнародован в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. при следующих обстоятельствах.

Так называемая воля народа способна создавать только хаос. Среди всех существующих партий только две обладали «политической религией». Националистическая, правое крыло партии кадетов⁶¹, и партия под руководством Комитета рабочих и солдатских депутатов, который принято было именовать Советом⁶².

Партию с национальной окраской представляли офицеры, немалая часть интеллигенции, чиновники и т. д.⁶³ Возглавлял ее великий князь Михаил Александрович, назначенный Николаем II своим наследником⁶⁴. К несчастью, великий князь, как большинство аристократов русской империи, не пожелал выполнить своего долга. Он согласился с доводами кабинета министров (не согласны были [П. Н.] Милюков и [А. И.] Гучков)⁶⁵ и отрекся, «не желая крови своих подданных»⁶⁶. Воистину доводы школьника. Он обезглавил свою партию, оставил офицеров без законного начальства, отдав их во власть десяти тысяч комитетов⁶⁷ и самозванных начальников, и на его ответственности их деградация.

Начиная с этого момента советы в России стали единственной организацией, сплоченной, обладающей твердой убежденностью, управляемой твердой рукой. Они, немедля, обрушились на бывший режим, обратившись через голову Временного правительства непосредственно к армии, к рабочему классу⁶⁸, который очень скоро пошел на приступ, чтобы завоевать власть, но оказался перед пустотой.

Правительство, состоявшее из кабинета министров и опиравшееся на Временный комитет Государственной думы, было, по сути, адвокатской конторой⁶⁹. Его члены в большинстве своем искренне стремились сохранить все хорошее, что было при старом режиме, но в их распоряжении не было ни одной организованной партии⁷⁰. Больше того, им необходимо было действовать, а инициатива у них

отсутствовала, и они постоянно прибегали к вынужденным мерам, на которые их толкали развивающиеся события.

3 марта господин [А. И.] Гучков вернулся в Петроград с актом отречения императора и узнал на вокзале, что князь [Г. Е.] Львов⁷¹ назначил его военным министром⁷². Приступив к своим обязанностям, он оказался перед уже свершившимися фактами.

Приказ № 1, переданный по телеграфу во все армейские подразделения, уже действовал на протяжении трех дней, внося в армию хаос и опустошение.

Соглашение, заключенное между Советом и Временным комитетом Госдумы, вывело Петроградский гарнизон из подчинения правительству⁷³, обещало для армии так называемые демократические реформы, предусматривало отмену смертной казни.

В этот же день генерал [М. В.] Алексеев⁷⁴ попросил военного министра издать декрет и отменить приказ № 1⁷⁵. Отменив приказ, Гучков создал бы общественный конфликт с непредсказуемыми последствиями. Гучков немедленно связался с контактной комиссией, которую создал Совет для обсуждения с Временным правительством всех практических вопросов. Председателем ее был господин [Н. Д.] Соколов⁷⁶, в нее входили также [Ю. М.] Стеклов и [М. И.] Скобелев. Гучков объявил, что приказ № 1 лишает армию возможности продолжать войну. Комиссия заседала в комнате, соседней с кабинетом министров. Похоже, она уже была готова отменить приказ, но тут Стеклов (настоящая фамилия Нахамкис) предложил уловку, и она была принята: второй приказ отменял первый, но только в прифронтовой зоне⁷⁷.

Министр передал это предложение в комиссию демократических реформ при Военном министерстве⁷⁸. В состав комиссии входили генералы и полковники, избранные различными отделами военного ведомства под председательством генерала [А. А.] Поливанова бывшего военного министра. Эта комиссия вернула новый приказ с припиской, «что лучшего решения найти было невозможно». Приказ № 2 был распространен Советом, сообщившим, что он «был создан в сотрудничестве с Военным министерством».

Не большевики создали приказ № 1. В начале марта революционное движение возглавляли еще не большевики-евреи ([Л. Д.] Тронкий, [Г. Е.] Зиновьев и др.), ненавидевшие царский режим. За гибельный декрет ответственны кавказцы [Н. С.] Чхеидзе и [И. Г.] Церетели и русский [Н. Д.] Соколов. Соколов посмел защищать этот декрет и два месяца спустя: «Он был необходим, чтобы лишить офицеров авторитета». Однако, когда он поехал на фронт, солдаты по справедливости обошлись с ним плохо, он вернулся оттуда с забинтованной головой.

На протяжении двух первых месяцев Совет, хотя и продолжал самостоятельное воздействие на армию, но все-таки сотрудничал и с Военным министерством, легализируя свои решения. К несчастью, министерство стало его послушным инструментом. А ведь это были не адвокаты, не политики и не «красные» прапорщики, это были кадровые офицеры, в большинстве своем с дипломами, отдающие себе отчет в серьезности принимаемых ими решений.

«Солдатский съезд» в Минске⁷⁹, организация, созданная с разрешения генерала [В. И.] Гурко⁸⁰, выработал проект Декларации прав солдата⁸¹ (ничего не скажешь, самое время о них подумать!). Совет отправил его господину Гучкову на подпись. Господин Гучков, сочтя, что декларация окончательно уничтожит армейскую дисциплину, передал ее в Комиссию демократических реформ⁸². Два дня спустя генерал Поливанов вернул проект Гучкову: он был одобрен единодушно. Министр вновь отправил его в комиссию, прибавив, что комиссия облегчит его отклонение, даже если «против» выскажется меньшинство. Через несколько дней Поливанов привез документ: его опять одобрили единодушно.

Между тем командующие трех групп армий, как и генерал Алексеев, просили господина Гучкова не подписывать декларацию прав солдата. Получив поддержку главнокомандующих, Гучков сместил генерала Поливанова и назначил на его место генерала [В. Ф.] Новицкого. Но и Новицкий сообщил, что декларация одобрена единодушно.

Когда Гучков отказался подписать декларацию, к нему явились два члена Совета и объявили, что вполне могут обойтись и без его подписи! Проект пролежал в архиве министра до [А. Ф.] Керенского, который подписал его, взяв на себя ответственность. Но можно ли винить его за это?

Глава II. Сцены русской революции

1. Солдаты

Службу порядка в Думе осуществляли гвардейские полки⁸³ в великолепной парадной форме. Построение было настолько безупречным, что, казалось, вот-вот появится высшее офицерство, чтобы принять парад. Но офицеры не появлялись. Спонтанно, без приказа солдаты продолжали парадные построения в праздничные дни.

Трудно описать происходящее в Екатерининском зале, зале ожидания, так все неожиданно. Перед дверями депутатов стоят одни солдаты, серые шинели всюду – от окон и до балюстрады небольшой

трибуны. Солдаты сидят на ступеньках, дремлют, лежа на полу, не выпуская вещмешок и винтовку. Четыре ряда стульев отведены их раненым товарищам, здесь их рассаживают сестры милосердия.

В середине зала толпятся студенты, несколько студенток, делегаты Совета рабочих и солдатских депутатов, и над всеми возвышается голова высоченного казака из Якутска – гигант рассказывает между ожидающими большими шагами. На нем белая с черными пятнами оленья доха, на ногах – унты. Он приехал из Сибири с планами нового золотого прииска, и его тоже затянул революционный водоворот. Он рассказывает по залу, оглядывая каждого пронизывающим взглядом, ему интересно все, что здесь происходит. Я заговариваю с ним. Он с жаром приветствует революцию, но сам он мелкий предприниматель и ненавидит социал-демократов, его напор привлекает солдат и рабочих, они собираются вокруг него, и он принимается обличать марксистов. Солдаты, похоже, его одобряют. В разговор вмешиваются студенты, начинается дискуссия. Ораторы стремятся привлечь солдат на свою сторону, а те слушают их с открытыми ртами и блестящими глазами, всеми силами пытаюсь понять новые и сложные идеи.

Вокруг ораторов образуются группы, спор продолжается. Толпа раздвигается, пропуская раненых: одних подносят, другие пробираются сами, опираясь на костыли. Вмешиваются в спор депутаты и члены Совета рабочих и солдат. Два или три офицера тоже слушают речи, им явно не по себе среди самозабвенно слушающих подчиненных. Здесь же журналисты, чиновники, лишившиеся мест, несколько женщин легкого поведения, их привезли с собой студенты на конфискованных у «буржуазии» автомобилях. Свежий номер официального коммюнике прерывает споры, дискуссии, разговоры, мечтания. Люди жадно хватают листки, которые разбрасывают представители Думы. Теперь в зале только маленькие группки читателей, читающих про себя или вслух последние новости.

Впервые в России народ принимает так страстно и близко к сердцу все события политической жизни, ставшей свободной, понятной и грубой.

* * *

Прибывают новые подразделения солдат. Они приезжают на Николаевский вокзал⁸⁴, шагают сплоченными рядами в идеальном порядке по Садовой, не позволяя гражданскому населению приближаться и смешиваться с ними. Толпа приветствует их одобрительными криками. В столице уже тысячи солдат, буквально за три дня они приехали сюда, вооруженные винтовками и пулеметами, они без

офицеров и могли бы творить, что вздумается, но нарушений нет. Несколько разграбленных магазинов – вот и все беспорядки⁸⁵.

Дисциплинированность, замечательное наследие старого режима, играет немалую роль в поведении этих крестьян, она сплачивает их и помогает преодолевать опасности, в столице чаще всего мнимые. Дорожа своей «солдатской солидарностью», правда, позабыв, что базируется она на верности, они не дали увлечь себя незаконной черни. Прибавлю, что в эти лихорадочные дни солдаты не нашли алкоголя, в котором могли бы искать забвения своей усталости, опасностей и возможного наказания. Пьянства не было. И вот эту дисциплинированность, последнее благодеяние царя своему народу, они, скорее всего, в самом ближайшем времени утратят.

2. Женщины

Женщины сыграли существенную роль в революции 1905 г. Они рисковали и своей свободой, и жизнью: многие погибли с оружием в руках. В эти мартовские дни женщин на улицах не было. Изредка фальшивая «сестра милосердия» бряцала саблей, шагая рядом с молодым пареньком, настоящие медсестры работали в аптеках, перевязывая раненых. Отсутствие женщин свидетельствовало о том, что все происходило неожиданно, неподготовленно, непредсказуемо. Женщинам необходимо заранее обдумать свои действия. Революционерки – это интеллектуалки: к самопожертвованию в опасных схватках их толкают убеждения. Сейчас никто ничего заранее не готовил, и они недоумевают, они колеблются. Любящие риск мужчины скорее обрели присутствие духа.

3. Идеалисты

Я встретил двух офицеров в штатском. Они сияли. Дворяне, офицеры гвардейского полка, они говорили, что всех возмущало положение вещей в стране и терпеть его было уже невозможно. Что все завидовали европейским странам, куда ездили время от времени «взддохнуть». Что они письменно известили своего полковника о том, что больше ему не повинуются, и остались дома.

Чуть позже я встретил генерала М., старого гвардейского офицера, respectableного, очень образованного пожилого человека. Он пожал мне руку. «Сорок лет, – сказал он, – я ждал этого дня и счастливым, что дожил и увидел, как занимается новая заря».

Высокопоставленные чиновники, с которыми я виделся, не скрывали от меня беспокойства. Но мне показалось, что в глубине души они верят в незыблемость бюрократической системы. Можно уби-

вать полицейских, брать приступом министерства, освободить политических заключенных, обещать всевозможные свободы... Росчерк пера, и цепей нет. Свершилось! Однако канцелярии продолжают работать. Каким бы ни было новое правительство, оно не обойдется без аппарата, который был создан за полвека⁸⁶, без чиновников, которых не заменишь в один день. Вскоре кроме восторженных криков, музыки на улицах и демонстраций потребуется и другое. Понадобится порядок, и жизнь общества вернется в русло, создаваемое веками.

4. Демократические убеждения

Несколько членов Комитета двенадцати⁸⁷ – [М. В.] Родзянко, [П. Н.] Милюков и другие – выступили перед солдатами. Два человека поднимали их над толпой, и они призывали всех к спокойствию и просили, чтобы рабочие вернулись на рабочие места. Им хлопали. Вдалеке оркестр играл «Марсельезу».

Появился великий князь Кирилл [Владимирович], без лошади, в форме морского офицера. Он пришел выразить свои симпатии революционному правительству. Его тоже подняли на плечи, его показали солдатам, и они захлопали и закричали «ура!». В порыве восторга морские пехотинцы, которые поднимали великого князя, Милюкова и Родзянко, принялись качать всех троих. Они то появлялись над толпой, то исчезали в гуще солдат.

В следующую минуту место великого князя занял агитатор-революционер. Размахивая руками, он потребовал немедленно установить демократическую республику. Ему тоже захлопали и качали с не меньшим удовольствием, чем великого князя. Казаки на конях и с саблями наголо, стоявшие длинной чередой позади морских пехотинцев, всякий раз отдавали честь и с бесстрастными лицами кричали «ура!».

Затем привели арестованных: стариков-генералов, адмирала, которого освистали моряки, офицеров интендантской службы⁸⁸. Их сопровождали солдаты и всадники со штыками с саблями наголо. Когда появился *городовой*, его встретили ругательствами и смехом: «Фараон проклятый, свинья поганая, хотел в нас стрелять?»⁸⁹ Потом его оставили в покое: он арестован, его больше не трогают. Ненависть в этой стране яростна, но она мгновенно гаснет, и люди вновь возвращаются к присущему им безразличному добродушию. Появились и другие полицейские в куда более плачевном виде, с забинтованными головами, подбитыми глазами. Их увезли на машинах Красного Креста в сопровождении солдат и сестер милосердия.

[А. Д.] Протопопов⁹⁰ приехал в Думу на собственном автомобиле. вел его сам. Его не тронули. Он был похож на сумасшедшего.

Эта революция была первой, где автомобиль сыграл спасительную роль...

5. Опасные нелепости

Я побывал на двух митингах.

До чего хорошо говорят случайные ораторы-импровизаторы! Как трогательны были бы речи этих студентов-социалистов и их руководителей, если бы не были так опасны! Текут рекой замечательные слова. А какие жесты! Они находят ораторские приемы необыкновенной силы, отчеканивая со страстью каждую фразу, срывая самые горячие аплодисменты и громкие крики одобрения. Толпа восхищается их талантом. Но горе оратору, который нравится толпе. Если он слишком рано кончает свою речь, ему кричат: «Продолжай!». Он отвечает: «Я все сказал!» Зал орет: «Нет! Нет! Говори еще!» И бедняга вынужден вновь говорить, став рабом многоглавого тирана, чью благосклонность он хотел снискать, а теперь попал ему в лапы.

Второму оратору захлопали сразу, как только он появился. Он поляк, национальный герой. Но голос у него слабый и движения слишком вялые для энергичных участников митинга. Несмотря на симпатию публики, громкий голос прерывает его: «Довольно!» К нему присоединяются другие голоса: «Хватит! Иди отсюда! Хватит!» Напрасно герой пытается задобрить публику изящными манерами и взмахами рук, похожими на взмахи ангельских крыльев, председатель собрания тянет его назад за полу.

Все речи ораторов – старые, как мир, недостойные нелепости, но для толпы они – удивительная новость. Рабочие с жадностью слушают радикальные программы, которые разворачивают перед ними, и нет ни одного полицейского или цензора, который бы одернул разбушевавшееся воображение. «Мы разделим всю землю России между крестьянами», – заявляет один оратор, и ему аплодируют. «Управлять будут представители, никакой централизации!» – объявляет другой. Студент кричит: «Сначала нужно покончить с войной! Пусть русские, австрийские, немецкие, французские пролетарии протянут друг другу руки!» Но его не поняли. Поднялся ропот, он превращается в гром. Оратора оскорбляют, не дают говорить, требуют сойти с трибуны. Оратор не в силах перекричать недовольных, не знает, что ему делать, и тогда к нему подскакивает пожилой мужик и кричит: «А ну пошел отсюда, а не то я тебя сейчас сволоку!» Зал стоял и кричал до тех пор, пока студент не вернулся к своим товарищам, которые отвечали на оскорбления оскорблениями.

Впервые в России социально-анархические программы и евангельское толстовство обсуждались перед аудиторией из пяти или ше-

сти тысяч человек. Эти крестьяне, эти рабочие, эти мелкие лавочники слушали, убеждая себя, что в их руках судьба их страны и будущее их внуков. Они без конца твердят «демократия», «демократия», теребя эту ветошь, обломок той эпохи, которая никогда не вернется, эпохи, когда толпа собиралась на площади полиса, города-государства, и решала судьбы общины. Теперь за лживым фасадом демократических движений всегда маячит тот, кто готовится стать царем или князем. О демократии больше не может быть и речи, речь идет о средствах, какими формируется и поддерживает себя новая аристократия.

Глава III. Прощание с царем в Ставке

16 марта генералы и полковники Ставки ожидали на вокзале царя, который накануне отрекся и ехал прощаться со своими сотрудниками. Вечер был холодным, с темного неба хлопьями падал снег, сливаясь с белизной всего окружающего.

В 9 часов поезд прибыл. Генерал Алексеев, начальник штаба верховного главнокомандующего, и великие князья Сергей [Михайлович] и Борис [Александрович] вошли в царский вагон, откуда вскоре вышел царь вместе со свитой. Он спросил у выстроившихся офицеров:

– Все здесь?

Голос ему ответил:

– Все, ваше величество, кроме дежурного офицера.

– Кто сегодня дежурит?

– Штабс-капитан Кожевников.

– Из новеньких? Я его не знаю.

Царь пожал руку каждому офицеру, говорил спокойно, но лицо осунулось от бессонницы, щеки побледнели и ввалились. Очень скоро он поднялся обратно в вагон, ночевал в поезде.

На следующее утро царь поехал на квартиру, которую занимал на протяжении полутора лет в соседнем со Ставкой доме. В этот день и в следующие он часто выезжал на автомобиле и ездил по городу. К автомобилю сбегались толпы, царя приветствовали, снимая шапки, солдаты торжественно отдавали честь, все в полном молчании. Слышались только рыдания старух.

Императрица Мария Федоровна приехала к сыну и сопровождала его в поездках по городу, где на частных и общественных зданиях развевалось все больше красных флагов.

Церковная служба, на которой присутствовал царь со своей матерью, оставила незабываемое впечатление. До революции священники во время службы должны были возносить молитву за царя. Начиная

службу, они просили у Бога благословения царю, царице и наследнику, затем молились за святой Синод и священнослужителей, потом за солдат, потом за верующих в церкви и за весь христианский мир. А уж потом в полголоса за тех, кого они любят.

На этой последней службе, где присутствовал тот, кто был главой церкви, его мать, генералитет Ставки, высокопоставленные чиновники, священник изменил молитву и сказал: «Помилуй, Господи, русское государство!». Затем он повернулся к верующим и произнес вполголоса как свою личную молитву:

«Спаси, Господи, Николая Александровича и Марию Федоровну!».

Царь получил от Временного правительства разрешение и приказ оставить Ставку и переехать в Царское Село. 21 марта, в день отъезда, в большом зале собрались все офицеры Ставки, было около трехсот пятидесяти человек. И еще человек пятнадцать солдат, представителей разных подразделений, находившихся при Ставке. В 11 часов 5 минут вошел царь – он опоздал впервые – его сопровождали великие князья Сергей, Борис и Александр [Михайлович]. Он был в серой черкеске с газырями, длинной кривой саблей и кинжалом с насечкой.

Царь поприветствовал собрание, ему ответили низким поклоном. Он пожал руки генералам и, обратившись к солдатам, сказал: «Здорово, храбрецы». На что солдаты хором ответили: «Здравия желаем, ваше величество!» Их ответ невольно произвел впечатление, равно как и красочные костюмы и все блестящие церемонии царского режима, от которых ничего не осталось среди жути демократического безобразия.

Царь взял слово. Он был очень взволнован, замолкал, искал слова и привычным движением трогал нос. Его слушали в полном молчании. Все чувствовали, что вместе с этим человеком рухнет целый строй; от царственной пышности, от веками выстраиваемой иерархии уже отказались с преступной легкостью.

– Мне трудно говорить. Я работал с вами полтора года. Но что поделывать!

Помолчал и продолжал:

– По воле Господа и по моей собственной я должен вас покинуть.

Раздался стук, что-то упало. Молодой офицер из императорской свиты рухнул на пол. Следом второй потерял сознание. Третий разрыдался и был вынужден покинуть зал, чтобы нервозность не перекинулась на окружающих. За это время царь справился с нервами. Он заговорил гораздо тверже.

– Я благодарю вас за помощь, которую вы оказывали мне в моей работе. Я призываю вас продолжать работать во имя нашей любимой родины и бороться с врагом до тех пор, пока он не покинет пределы нашей дорогой России.

Он повернулся к плачущим солдатам и прибавил:

– Я благодарю и вас, мои храбрецы. Идите к вашим товарищам и передайте им мою благодарность.

Генерал Алексеев ответил на царское прощание деликатно и трогательной речью. Но все еще соперничали словам царя. Русские, знавшие покой и счастье только под сильной рукой господина, добровольно отказывались от этого слишком слабого властителя, от набожного фаталиста, павшего под грузом сомнений и неуверенности. Авторитет его рода и короны вот-вот исчезнет, и бескрайней России нечем будет заполнить эту пустоту.

В глазах искренне огорченных, но пока еще ослепленных химерой революции офицеров царь уже был обыкновенным человеком с учтивыми манерами и благородными чувствами, истинным дворянином. Все склонили головы и с невольной слезой смотрели, как Николай II, божество, ставшее человеком, простившись с офицерами, с грустной улыбкой удалялся.

Уехав из Могилева, царь был окончательно обречен на полное одиночество*. Невероятные надежды, пробужденные немотивированным социальным переворотом у одних и трусость других, сделали отречение царя печальным и трогательным. Окружение, неразлучное с его императорским величеством в счастливые дни, оставило его в беде. Только князь [В. А.] Долгоруков поехал с царем в Царское Село. Другие свитские офицеры – [В. Н.] Воейков, [В. Б.] Фредерикс, [А. А.] Мордвинов, [А. Н.] Граббе, [К. А.] Нарышкин – остались в Ставке⁹¹.

* Стало известно, какие усилия были приложены, чтобы спасти царскую семью. Инициатива исходила от Милокова. По его предложению сэр [Д.] Бьюкенен испросил у короля Англии разрешения предоставить убежище царю и его семье. Ответ Георга V Николаю II был положительным, условия необременительными. Сэр Бьюкенен, человек не столь проникательный, как посол Франции, задолго до революции проникся безграничным доверием к партии кадетов и, в частности, к Милокову. Он передал депешу не адресату, а министру иностранных дел. Тот в свою очередь с согласия Бьюкенена передал ее не Николаю, а в Совет министров (Временное правительство. *Примеч. сост.*). Господин Керенский, министр юстиции, вполне законно ознакомился с ней и поспешил сообщить в Совет Петрограда, будучи также его членом. Совет воспротивился предполагаемому отъезду царя. Временное правительство, как и всегда, подчинилось Совету. Господин Керенский озаботился мерами, которые должны были воспрепятствовать эвакуации царской семьи. Два или три военных атташе в Ставке думали о том, чтобы довести Николая II с семьей до границы с помощью иностранных миссий. Но кто возьмет на себя охрану? И как-никак существовало Временное правительство, уже очевидно бессильное, знающее о собственной слабости, но старавшееся ее не замечать. Настойчивость иностранных государств в этом вопросе была бы сочтена оскорбительным недоверием к революции.

Глава IV. Генерал Брусилов

Каменец-Подольск, июнь 1917 г.

Первые впечатления о новом командующем русскими армиями сложились в сентябре 1915 г. Он тогда командовал 8-й армией. Результаты прорыва в Галиции, в котором его армия принимала такое большое участие, были практически уничтожены вынужденным отступлением, оно велось очень разумно и в конце концов остановилось.

В операциях такого масштаба, как подобное наступление, а потом отступление миллиона человек по вражеской территории, народное воображение ищет кроме главного стратега еще и другие имена, и другие инициативы, желая объяснить их успешность. В облаке славы, какое окутывало армии старого генерала Иванова, стало мелькать имя Брусилова.

Ровно, маленький городок Волынской губернии, был тогда его резиденцией. Он принял меня в поезде, который являлся его постоянным местом жительства. Лицо Брусилова сразу же поразило меня необыкновенной живостью взгляда и насмешливой добротой, передо мной был аристократ и умница.

В Ровно между своими поездками по полкам я завтракал и ужинал с командующим и несколькими его приглашенными, среди которых был генерал Сухомлин, начальник штаба фронта, несколько генералов и два или три человека из самого близкого окружения.

Брусилов охотно участвовал в разговорах, всегда свободных и веселых, которые продолжались и после десерта. Он выслушивал критику, позволял себе противоречить, поощрял возражения. Любил в то же время подшучивать над своими гостями. Какое-то время мишенью его остроумных и беззлобных шуток был генерал [П. П.] Палибин, который охотно ему подыгрывал, веселя окружающих. Племянник генерала, юрисконсульт Палибин, с таким же добродушием унаследовал теперь деликатную роль дяди.

В голосе Брусилова часто звучали насмешливые нотки, которые он подчеркивал, чеканя слова. Среди достойных людей, каких я встречал в России, он был, без сомнения, одним из умнейших и, я бы сказал, «самым европейским», если бы не опасался задеть в нем настоящего русского патриота.

Брусилов обладал своего рода природной гениальностью, которая помогала ему воплощать и реализовывать. Он много работал, но работа никогда не поглощала его целиком. Во время самых сложных операций он находил время для друзей и гостей. У меня всегда возникало ощущение, что его мгновенные и точные решения экономят

очень много времени и он может за час сделать работу, на которую другому понадобится полдня.

Каждый день в любую погоду, летом и зимой он садился на лошадь и ездил на ней с 5 до 7 вечера. Выбирал точку на горизонте и скакал по горам и долинам, как настоящий кавалерист. Осиная талия, изящная посадка головы придавали ему особую элегантность.

Ум Брусилова не обладал тем преимуществом, которое при царском режиме было непременным условием быстрой военной карьеры, он, как [Н. И.] Иванов, как [П. А.] Лечицкий⁹², не кончал Академию Генерального штаба. Брусилову понадобились таланты полководца, эрудированного штабиста, стратега и... дипломата, чтобы преодолеть преграды, неизбежно возникающие на пути человека со стороны. По счастью, этот искусный воитель уже на заре своей жизни повстречал помощницу, требовательную гордичку, презиращую слабаков и дарящую улыбки сильным, она оставалась ему верной всю его жизнь, имя ей – удача.

Брусилов принадлежит к старинному дворянскому роду с Украины. Он считает себя прямым потомком некоего Брусилова, который в XVII в., когда Малороссия являлась частью Польши, был воеводой. У генерала хранится большая печать, которую его предок прикладывал к своим указам. Деревня Брусилово в Киевской губернии на протяжении долгого времени была их родовым поместьем.

Брусилов рано завоевал уважение великого князя Николая Николаевича, а затем и царя. Перед войной он был директором кавалерийской школы в Петрограде и выполнял разнообразные поручения за границей. Когда началась война, его назначали командующим 8-го армейского корпуса. Блестящий успех в Галиции принес ему новое назначение: он стал командующим 8-й армией и оставался им до начала 1916 г., когда заместил старика Иванова.

Во время блестящего прорыва в июне–июле 1916 г., когда было захвачено 460 000 военнопленных и огромное количество оружия⁹³, Брусилов был признан великим стратегом. Его победы совпали с самыми знаменательными битвами под Верденом и на Сомме, он присоединил свое имя к именам великих полководцев, которые покрыли себя славой в это время на французском фронте.

Дружба с великим князем Николаем Николаевичем сделала Брусилова независимым и неуязвимым для интриг, которые частенько возникают между начальниками. Высокородный дворянин, зная толк в достоинстве, он умел уважать своих подчиненных как офицеров, так и солдат, обращаясь с ними вежливо, просто и с улыбкой, «по-демократически», чего требует теперь от высших чинов Керенский.

Но за улыбчивым добродушием, сделавшим его популярным среди солдат, прячется крайне требовательный и твердый начальник.

В русской армии, где прощается множество отступлений, он порой удивляет своей жесткостью по отношению к вялости или дисциплинарным нарушениям. Я вспоминаю пример его сурового суда в Ровно в 1915 г. Восемь казаков вошли в дом к трем женщинам, изнасиловали их и ограбили. В другом месте их бы подвергли телесному наказанию или отправили на опасное задание. Брусилов приказал их расстрелять. Он наказывал офицеров за мелкие проступки, прилюдно холодно отчитывая их. Моральные экзекуции оказывали невероятное воздействие. Я видел начальника вокзала, уличенного в халатности, Брусилов отчитал его в присутствии штаба армии, тот разрыдался и достал пистолет, чтобы покончить с собой. Пистолет отняли, но он знал, что он обесчещен.

Генералов, виновных в провале, он не прощал никогда. Он приезжал и приезжал в Ставку, требуя от великого князя немилости для них, если они были при дворе. Достаточно вспомнить генерала [С. А.] Воронина, командующего 40-м армейским корпусом, которого Брусилов винил в неудаче под Луцком в октябре 1915 г.

Брусилов во время революции

Позицию Брусилова в начале революции резко критиковали. Справедливо. Он предпринял немало мер, чтобы революция не разразилась.

В мае 1916 г. он говорил мне, что давил на [Б. В.] Штюрмера⁹⁴, уговаривая его решить польский вопрос раньше немцев⁹⁵. Ответ был: время еще не настало. В октябре того же года Брусилов просил великого князя Николая Михайловича, а в ноябре великого князя Михаила Александровича, брата царя, передать царю его мнение о необходимости срочно назначить ответственное правительство. Николай II передал ему, что он уважает его мнение в военных делах и советует ими и заниматься.

Когда революция за два смутных дня повернула в сторону династических изменений, Родзянко отправил к Брусилову молодого Палибина с сообщением: царя обвиняют в нелюбви к своей родине и презрении к народу, которого он лишил свободы и прав на блага цивилизации. Еще его винят в том, что он уронил достоинство короны скандальными историями в семье.

В ночь с 27 на 28 февраля Брусилов попытался поговорить с царем, но тот не пожелал его слушать. После отречения, 4 марта Брусилов позволил поднять красное знамя. Донесения, которые приходили из Петрограда, подтверждали, что революция захватывает все стороны общественной жизни: социальную, интеллектуальную, религиозную.

Самые ярые взялись за рабочий класс и армию. Брусилов считал, что должен помешать их деструктивной работе, опередив их.

10 марта он надел красную кокарду и стал принимать депутатов, которые хлынули со всех сторон. Солдаты, рабочие, еврейские колонисты, крестьяне приходили услышать из его уст, что чаяния четвертого сословия вызывают сочувствие у руководства. Он присутствовал (и его встречали аплодисментами) на собраниях солдатских комитетов и старался как-то урегулировать вынужденными указами нежелание подчиняться дисциплине.

Я не думаю, что у него был выбор. Революционная пропаганда сумела скомпрометировать военную дисциплину, выдав ее за социальное угнетение, объединив «буржуев в форме с буржуями в штатском». Люди, притесняемые царским режимом, – студенты-революционеры, анархисты-фанатики, евреи сеяли в солдатах недоверие к действиям их начальства, поощряя в русском солдате присущую ему склонность к неподчинению и лени.

Когда Брусилов уезжал из Каменца-Подольского в Могилев, чтобы занять там пост главнокомандующего, все солдатские комитеты с военным оркестром во главе прибыли на вокзал. После положенных речей он пожал на прощанье руку матросам и солдатам, членам комитетов рот, батальонов, полка, а уж потом простился со своими сотрудниками из штаба фронта. К несчастью, это прощание точно отражало перемену ролей в армии. Брусилов счел нужным выделить и публично польстить тем, кого он считал теперь хозяевами положения, и эта сцена выглядит роковой и постыдной.

Военный министр Керенский вызывал тогда у всех восторг. Сам Брусилов во время приезда Керенского в Каменец-Подольский после его выступлений зашел так далеко, что при множестве офицеров из разных штабов фронтов заявил, что «влюблен в Керенского».

Но то, что Брусилов делал как аристократ с видом независимым и непринужденным, позволяя солдатам по-прежнему целовать себе руки, другие офицеры, одураченные ветром перемен, делали всерьез. Можно сказать все – от старых генералов до безусых поручиков – соревновались в демократическом рвении. После того как Керенский своими оглушительными речами заразил их необходимостью «оказывать личное влияние», они сидели долгими ночами на солдатских собраниях, выслушивая несусветные и претенциозные глупости и восхищаясь громкими фразами и формулировками без содержания.

* В то время они бы не поверили, если бы кто-то им сказал, что настанет день, когда они единодушно объявят «великого Керенского», «полубога», «спасителя отечества» «штафиркой» «предателем», «ряженным адвокатишкой» и одного его сделают ответственным за конечную катастрофу.

Чины теперь оказались не в чести, и каждый должен был стараться, как мог, чтобы ему хоть как-то повиновались.

Я это испытал на собственном опыте. В Каменце-Подольском солдаты взялись проверять пропуска офицеров на улицах. Я отказался показать свой, не признав прав «Комитета армейской группы», и был посажен под домашний арест. Целый день меня охраняли с десятком солдат со штыками на ружьях. К вечеру эти сумасшедшие, которых я не переставал отчитывать на плохом русском языке, удалились, так и не получив моих документов. Мое поведение, совершенно естественное, было осуждено всеми офицерами штаба фронта, и меня дважды публично осудили за «антидемократизм».

В общем, как бы там ни было, но в конце июня после трех месяцев революции фронт Брусилова был единственным, где наступательные действия имели хоть какой-то шанс на успех.

Из-за нерешительности генерала [Н. В.] Рузского (и близости большевистского центра – Петрограда) командование Северо-Западного фронта потеряло всякий авторитет.

На Восточном фронте генерал Гурко, фамилия ненавистная русским революционерам любых толков⁹⁶, продолжал семейные традиции, пренебрегая солдатскими комитетами. Его достойная и честная позиция человека долга поссорила его со всеми комиссарами. Избавленные от контроля начальства люди скатились в крайний большевизм. Они открыто говорили о дружеских чувствах к врагу, фронт переставал быть фронтом, для шпионов наступило раздолье.

Брусилов регулярно посещал собрания солдатских комитетов. Вольнолюбцы вставали при его появлении. Старые солдаты, забыв о новых порядках, вздрагивали, видя рядом с собой прославленного командующего, живую легенду, и, как в старые времена, начинали кричать: «Здравия желаю, ваше превосходительство!» Брусилов, небольшого роста, элегантный, в отлично сшитом сером френче, одергивал их с добродушной и чуть насмешливой улыбкой.

Брусилов с одинаковой непринужденностью возглавлял совет приглашенных в штаб фронта генералов и усаживался среди солдат, когда они собирались решать исход военных операций и судьбы страны. Слушатель, но на виду. И, будучи слушателем, он председательствовал. Ораторы обращались к нему, ища его одобрения. Неловкое или грубое слово мгновенно исправлялось товарищами. При обсуждении декретов Брусилов предлагал небольшие изменения, которые многие меняли. Безупречно искренне он успокаивал аудиторию: никакая внутренняя опасность не грозит русской революции, защищать ее нужно от внешнего врага. И благодаря его блестящим глазам, тонкой улыбке и речам без жестов комитеты голосовали за меры, которые на других участках фронта не решились бы даже предложить:

смертная казнь шпионам, пораженцам, спекулянтам; интенсивная подготовка к наступлению.

Глава V. Прорыв в июле 1917 г. Штурм Дзикеланы

1. Каменец-Подольский

Каменец-Подольский. 23 июня 1917 г.

Путешественник за те полчаса, какие нужны ему, чтобы добраться от вокзала до города, видит вокруг себя все ту же слегка холмистую равнину, что успела ему уже наскучить за долгие дни однообразного путешествия. И по этой-то вот равнине без горизонта и вьется голая дорога.

По ней идут русские солдаты, совсем уже не в том замечательном виде, как в начале войны, и среди них на полной свободе австрийские военнопленные. Живописны только грязные оборванные крестьяне, они, похоже, не верят в благодеяния революции и, уж точно, не умеют ими пользоваться. И вдруг за поворотом плавно идущей вниз дороги – «польская крепость» – Каменец-Подольский.

По странной случайности, которую трудно объяснить, река Смотрич, быстрая и мощная, сделала круг и проточила себе в скальной породе какой-то иной геологической эпохи русло глубиной метров тридцать, создав посреди пыльных полей остров. Впечатляют обрывистые берега этой реки: в сумерках скалистые выступы прихотливых очертаний кажутся древними руинами и невольно рождают легенды. Впечатляют и старинные турецкие укрепления: стены с бойницами, высокие массивные бастионы с узенькими окнами. Романтичная жестокая красота, о которой не думали турецкие воины, закрепившиеся посреди чужой земли.

А поверх причудливых скал и руин россыпь деревянных домишек с небольшими балкончиками. Город тесный, грязный, словно из XX в. попадаешь в средневековое гетто. Узкие извилистые улочки, тяжелый неприятный запах. Даже малые дети здесь не такие симпатичные; даже девушки, вобравшие в себя красоту полячек, украинкок и белорусок, не такие привлекательные. Взгляд отдыхает на церквях, возносящих к ослепительному небу свои колокольни. Возвышаясь над городом, они свидетельствуют, что все пять народностей, смешавшихся в этом городе, хранят свою веру. Если смотреть сверху на панораму города, то различишь скромную колокольню католического костела, восточные купола нарядных православных церквей, суровый лютеранский храм, хмурые синагоги и даже уцелевший среди войн и религиозных сшибок стройный минарет. А на другом берегу

на вершине холма турецкая крепость, где царят тишина и благодетельный покой. Среди бастионов и редутов, когда-то грозных, но за три века обветшавших, красуется христианская базилика.

2. Перед наступлением

Когда полтора месяца назад генерал Брусилов еще командовал Юго-Западным фронтом, он пригласил меня приехать к нему в армию. Я надеялся, что наступление, о котором все говорили, но в которое никто не верил, все же начнется в самом скором времени. Убедила меня уверенность, с какой говорил генерал о дееспособности армии, о которой ходило так много печальных слухов.

В Каменце-Подольском в гарнизоне и в полках шли пока только политические дискуссии и говорились речи о солдатских правах. Приготовления к наступлению шли только в штабах, где офицеры трудились с лихорадочной энергией. Были объявлены учения: бросание грант, стрельба в цель, саперные работы. Солдаты отказались их проводить. Полковые комитеты решили, что после трех лет войны не нужно утомлять солдат лишними занятиями.

Куда ни посмотришь, всюду «большевики». Их происки, неустанная пропаганда продолжали подрывать авторитет офицеров и поощрять солдатское неповиновение. Все только и делали, что говорили – комитеты рот, полков, дивизий, армейских корпусов, армий, говорили горячо и безудержно. Спорили, критиковали, а время между тем шло. Как эти солдаты, возбужденные против своего начальства, и это отчаявшееся начальство после возмущений, оскорблений, стычек могли вновь обрести единство и товарищество, необходимые для боя? Может ли командир после стольких уступок вновь обрести власть, без которой невозможно вести солдат в бой? Прав ли был Брусилов, поддавшись нагрянувшей грозе? Возможно ли сохранить авторитет после обрушившегося на армию кошмара?

Лично я не сомневался, что русский солдат в пекле атаки обретет свое несокрушимое хладнокровие и даже воинственное воодушевление. Но я опасался, что у него неостанет моральной силы выдержать после атаки испытание, тяжелее пулеметов и штыкового боя, – испытание изнуряющего пассивного ожидания на захваченных позициях.

Однако наступление все же должно было начаться. Мне разрешили присутствовать и продвигаться вместе с полком. Ночью вновь захлопотали пушки. Горизонт осветился снопами света, рвущегося к тучам. Вдалеке все горело, а до нас доносился только отдаленный рокот и время от времени глухие удары более мощных снарядов. Мы прекрасно отдавали себе отчет, сколько боли, страданий и разрушений несут эти бомбардировки. Но всех нас переполняло чувство

удовлетворения, и мы улыбались, слыша адский гул, в то время как луна серебрила верхушки леса на холмах.

Приближался дружный крик «ура!» и отдавался эхом в долине. Это Керенский, он без усталости объезжал дивизии, которым завтра нужно было идти в бой. Революция, как царизм, заявляла свои права на человеческую жизнь. По существу, она мало что изменила, и ее самые торжественные обещания перед бесстрастным ликом смерти выглядели легковесно. Я уже много раз замечал недоумение на лице простого человека, вдруг осознавшего ничтожность своих прав и тяжесть необъятных обязанностей.

3. К линии огня

1 июля 1917 г.

В 5 часов утра я отправился пешком на командный пост 7-го Сибирского армейского корпуса. Там я встретил командующего генерала [В. А.] Лавдовского и начальника его штаба генерала [А. Г.] Линева. Они были довольны артподготовкой – точной благодаря хорошей погоде, и французской авиацией, которая тоже хорошо помогла⁹⁷. Атака начнется в 10. Батареи продолжают вести огонь, но сдержанно. Шквал огня обрушится в 9.

Вместе с полковником, осуществляющим связь с фронтом, я прибываю к генералу [Н. А.] Савельеву, он командует дивизией⁹⁸, которая поведет главную атаку. Генерал принимает меня на посту наблюдения и объясняет суть маневра. У немцев здесь очень сильная позиция, они окопались на вершине холма Дзикеланы, по линии противосклона. Позиции немцев вклиниваются в русский фронт и находятся на высоте 132 метров над долиной Злота-Липа.

В Дзикеланах отлично организованная система траншей и редутов, пехота сможет их взять только при мощнейшей артподготовке, которая и производилась на протяжении двух с половиной дней. То, что Дзикеланы вдаются в нашу линию, облегчило артиллерии прицельный и крайне концентрированный огонь. Теперь можно надеяться, что вражеская позиция «созрела для атаки» (немцы называют это состояние *sturmreif*⁹⁹). Первое направление – это центр Дзикеланов, второе – Белый редут, он также хорошо укреплен и доминирует над долиной Липа, третье направление – Мислувка. Приступ будет осуществлен четырьмя полками, которые обозначены на листке как I, II, III и IV. Против них будет не менее пяти полков неприятеля.

* Подготовленный для штурма (нем.).

Первыми пойдут в атаку полки I и II и пробьются к линии А-А. В это время выдвинется полк III и направится к Белому реду. Полк IV, резервный, отправит два батальона, чтобы поддержать с флангов главную атаку.

9 часов. Бешеный огонь артиллерии. Вершина Дзикеланы окутана облаком дыма и пыли с черными столбами и белыми шариками. Мне едва хватит времени добраться до первой линии. Скоро атака.

Свинцовое небо дышит жаром. Я шагаю пешком по долине. На расстоянии 300–500 метров расположены посты. На каждом я должен поднять солдата, который проводит меня до следующего, а там кто сменит новый товарищ. Я теряю драгоценное время, потому что на постах люди просто спят, мне приходится объяснять, кто я, и рассеивать подозрения, которые всегда сопутствуют ленивому нежеланию делать что-либо.

Сначала я вижу резервные подразделения, они ждут внизу за дамбой железной дороги, другие выдвинуты ближе к холму, они пойдут в дело, если первые подразделения не добьются успеха. Их разместили в щелях, в земляных укрытиях, очень похожих на те, что я видел в Арлоне и, в частности, в Фур-де-Пари в 1916 г.

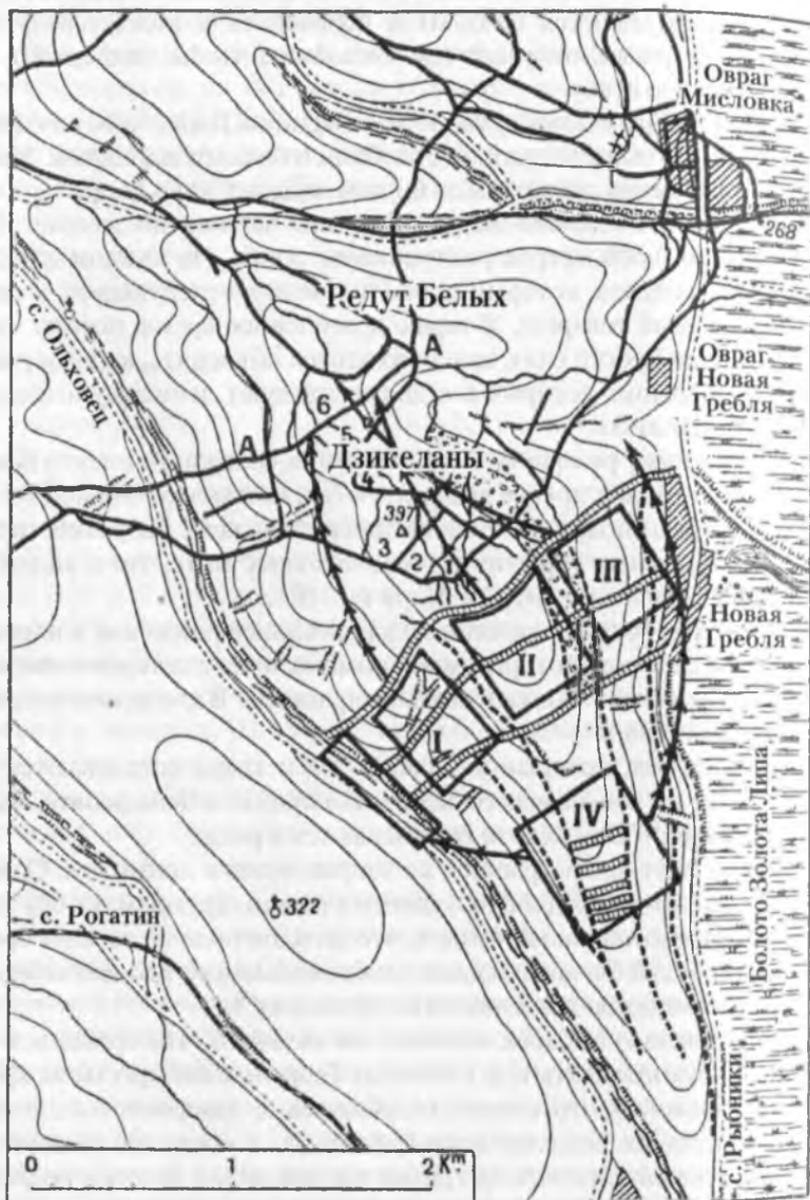
Неприятель, похоже, заметил подозрительное движение в наших линиях. Над склоном, который мы занимаем, и откуда через четверть часа начнется атака, начинает рваться шрапнель. В движении вперед возникает заминка.

Я вижу солдат, которые возвращаются и снова устраиваются в укрытиях, где им сейчас нечего делать. Им кричат: «Чего, ребята, вернулись? Вперед!» Они нехотя возвращаются в ряды.

Колонны идут вдоль траншей по направлению к линии боя. Одни уверенно шагают вперед с блестящими глазами, другие идут без энтузиазма. Нужно хорошо понимать, что ни один полк не жаждет броситься на врага. Я бы даже назвал «добровольцами» тех, кто сейчас, как я вижу, направляется к линии наступления⁹⁹.

На протяжении четырех месяцев во внушали, что сражаться – грех, старались высмеять тех, кто носит Георгиевские кресты за храбрость. Я понимаю, что многие колеблются и, наверное, сожалеют, что вчера приняли решение идти сражаться. А могли бы находиться в тылу, спокойно сидеть на травке, наслаждаться жизнью теплым июньским днем, общаясь с разношерстными жителями Малороссии, которые принимают их с таким радушием...

Немцы поначалу не отвечали на огонь русских батарей, надеясь, должно быть, что обстрел кончится и пехота не пойдет в атаку. Но теперь они стали обороняться всерьез, пустили газ и тяжелые снаряды, которые, разрываясь, обдают смертельным дождем осколков и камней.

—)	Позиции и направления действий немцев	-----)	Позиции и направления действий русских

Позиции противников во время боев под Дзикеланами

Вот и первые раненые. Они передвигаются по траншеям, лица раскраснелись, глаза горят. Они кричат: «Вперед, товарищи!» «Ребята! Вперед! Раскрошите их на куски!» Здоровенный парень с перебитой ногой орет: «Австрийцев побили, кончайте с немцами!» И страшные раны раненых в конце концов прибавляют мужества их товарищам.

Я в первый раз слышу, чтобы раненые выкрикивали это. Я помню раненых в лесах Волыни в 1915 г., помню на равнинах Галиции, они лежали на повозках, молча, не жалуясь, смиренные и задумчивые.

Они следили за вами кроткими страдальческими глазами и бессилой рукой пытались отдать салют. Они как бы предоставляли заниматься войной другим, она теперь их не касалась. Они ни за что не отвечали и ни на что не надеялись в своей жизни, наполненной нескончаемыми тяготами и лишениями. Они только страдали.

И как все изменилось сегодня. Эти солдаты воевали за свое, потому что они так захотели. Я не уверен, что они сражались за республику, как до этого сражались за империю. Но сейчас они страдали по своему желанию, как свободные люди, потому что возмещение, какого они ждали за свои беды, стоило ран, и они показывали их с гордостью.

Крики раненых, а они еще долго раздаются в траншеях, в конце концов раскачали солдат. По рядам ощутимо, явственно пробежало что-то вроде дрожи. Призыв товарищей, уже побывавших в пекле, разбудил чувство братства в тех, кто шел позади.

Я так часто видел внезапный подъем у русских, не спешащих потратить свою энергию, но тратящих себя без остатка, если вдруг какая-то идея завладела ими!

Все колбания отброшены! И я увидел, как двинулись вперед эти солдаты, храбрые солдаты, лучшие солдаты в мире. Я уже видел не раз при царе, как ходили эти солдаты на приступ.

4. Приступ

Первая волна двинулась по окопам на шесть минут раньше из-за несогласованности часов. И я, стало быть, опоздал. Я попал во вторую волну и встал рядом с поручиком Глуховым, который командовал ротой. Мы ждали сигнала к выступлению. У меня не было никакой возможности присоединиться к первым, пробраться по траншеям, за полными солдатами. Я ждал вместе с Глуховым, который держался очень хорошо, и с бравым солдатом маленького роста. Время от времени я спрашивал его: «Страшно?» А он отвечал одним словом: «Ничего!» Внезапно слева от нас мы увидели маленьких человечков, они вразброс, короткими перебежками двигались к нашей линии. Это немцы бежали сдаваться. Наши солдаты начали хохотать! В небе у

нас над головами кружил вражеский самолет. Пулемет застрочил, самолет развернулся и улетел. Послышалась команда: «Пулеметчики вперед!» Похоже, что телефоны не работали и команды кричали с одного конца траншеи на другой. В параллельной траншее другая команда: «...рота вперед!» Наконец и у нас: «Двенадцатая рота вперед!» Мы двинулись.

На первой линии опять небольшая остановка. Мимо идут раненые первой волны и с ними один-единственный пленный. Штабс-капитан [И. М.] Регов с простреленным плечом в сопровождении двух солдат, которые уже вооружились немецкими пулеметами и не отдадут их ни за что на свете. Их пленник означает для них Георгиевский крест и возможность всю жизнь им гордиться.

Команда. Мы нашей маленькой ротой перебираемся через парпет, мы и есть вторая волна атаки. Соппротивление, похоже, не слишком велико, зато интенсивнее становится бомбардировка. Шрапнель и крупные снаряды летят с особым звуком, и он, кажется, висит в воздухе, даже если вдруг становится тихо. Солдаты выше всяческих похвал. Не нужны ни увещевания, ни просьбы, ни призывы. Разве что иногда приходится поторапливать их выбираться из воронок, где они задерживаются.

И я, как мои русские товарищи, тоже кричу в воронки: «Вперед, товарищи!» Офицеры держатся великолепно: хладнокровно, храбро; распоряжаются солдатами умело и уверенно. Но они с ними не разговаривают, и меня всегда это удивляло, когда я ходил с русскими в бой. Это потому, что солдаты не нуждаются в ободрении? Сначала они идут в бой из чувства долга, а потом их охватывает боевая ярость?

Сегодня я впервые вижу, и меня это удивляет: солдаты сами ободряют друг друга. Команда «Вперед, товарищи!» звучит у офицеров спокойно и властно, а у солдат с воодушевлением.

Мы прыгаем в немецкие траншеи. Повсюду группы пленных. Двух раненых немцев, задержавшихся на третьей линии, перевязывают наши солдаты: санитары еще не успели сюда добраться. Я перевязал двух наших, их ранило шрапнелью в голову. В ответ на эту заурядную услугу, вызванную состраданием к бесхитростным храбрецам, вспыхивает такая сердечная благодарность, что даже страшно становится.

5. В немецких окопах

На третьей неприятельской линии – здесь войска не оказали нам никакого сопротивления – я заметил, что в нас стреляют немцы со стороны Мислувки, угрожая нашему правому флангу.

Поручик Здоров – я уже видел его раньше – храбрый энергичный офицер, расположился здесь с двумя или тремя пулеметами,

чтобы отразить, если понадобится, атаку со стороны Мислувки. Полк IV (см. карту) должен защищать фланги атакующих колонн, но не стоит рассчитывать на других, лучше на себя. Этот Здоров, вообще живчик, и сейчас, подстегиваемый опасностью, торопит проходящих солдат: «Быстрее, быстрее, товарищи! Офицеры вас опередили! Обгоните их! Сражайтесь за демократическую республику!» Или другим: «Атакуйте, друзья! За свободную Россию!» Я, торопясь догнать остальных, на ходу говорю ему: «У вас, что с сегодняшнего дня республика?» Он отвечает: «Нет, но они будут сражаться, потому что они уже свободная Россия, они уже республика!»

Мы обмениваемся рукопожатием под продольным огнем снарядов и дождем пуль.

Но я не верю, что героизм порождает форма правления.

Эти солдаты сражаются, потому что хотят сражаться, потому что крики товарищей в бою не позволяют им их покинуть, потому что у них есть воинская доблесть, есть жертвенность и есть внезапно просыпающееся здоровое животное начало.

Мы наконец добираемся до линии б. Первая волна здесь уже отдыхает. Поручик Глухов, с которым мы расстались минут десять назад, убит. Обычно потери всегда большие, но мы заняли позиции неприятеля. И если войска не оставит боевой дух, и если благодаря вернувшейся воинской дисциплине они будут стоически держать территорию (а это труднее, чем ее взять), то я не сомневаюсь, что этот день, который я провел с этими храбрецами, будет поворотным в этой кампании.

Санитары еще не добрались до 6-й немецкой линии, которую мы взяли после полутора часов ходьбы. И мы наблюдаем душераздирающее зрелище страшных ран и ужасных мучений, от чувства собственного бессилия хочется сбежать, чтобы не слышать стонов и не видеть крови, которая хлещет на освещенный солнцем песок.

Русский крестьянин ранен в колено осколком, ему разрезали одежду, чтобы поскорее забинтовать рану, но он устал ждать и ползет, подтягиваясь на руках, помогая себе здоровой ногой, туда, откуда ждет санитаров.

Я взял за руку другого раненого, ему снарядом своротило челюсть, кровь хлещет из шеи и изо рта. Я поддерживаю его, чтобы выиграть время, мы вылезаем из извилистой траншеи, по которой в двух направлениях снуют солдаты, и идем верхом, по полю, где падают снаряды и свищут пули. Бедный парень, который, наверняка, был спокоен и хладнокровен в бою, теперь, ослабев от потери крови, стал бояться. Услышав жужжанье снаряда, предвещающее близкий взрыв, он испуганно кривит покрытый пеной рот и со стоном прячется в воронку, какими изрыта вся верхушка холма.

Чуть дальше лежит на земле немец, раненный осколками крупнокалиберного снаряда: конечно, побежал поверху, хотел сократить путь по траншеям. Я наклоняюсь над ним. Он тоненько ласково постанывает, кто знает, может, умирающий прощается так с кем-то любимым. Похоже, ему уже не больно, глаза спокойно смотрят в небо, словно следят за улетевшей мыслью.

В менее населенной траншее я сдаю моего раненого санитарам. От них узнаю, что взяты и Мислувка, и Белый редут.

В Рыбниках я оказываюсь среди солдат резерва. Они грубо кричат мне: «Не смей курить!» Продолжая курить, я вопросительно смотрю на них. Они настаивают: «Как этот офицер немец смеет курить?!» Только мне этого сегодня не хватало! Я отвечаю также грубо: «Вы, компания идиотов, не видите русских орденов на шинели?»

Они начинают улыбаться. Те, что поближе, отдают честь и говорят: «Вот теперь разглядели, что из наших».

Вечером у командующего армейским корпусом я услышал рассказ, что немецкий офицер 133-го резервного пехотного полка спросил у штабс-капитана С.: «Как это русские соглашаются идти на приступ под командованием француза? Он сам это видел». Штабс-капитан С. задумался, потом уверил пленника, что он ошибся. Попытались понять, кого же видел немец, и выяснилось, что он принял меня за французского офицера. Я понял, что мне точно нужно поменять форму.

Теперь мне сообщили более точные сведения о приступе. Позицию Дзикеланы защищали шесть полков, численностью от 13 000 до 15 000 человек. Это были резервные пехотные полки – 104-й и 133-й (24-я резервная дивизия) 17-й и 161-й (15-я резервная дивизия) и 361-й и 472-й (198-й или 204-й резервной дивизии). Взяли 500 пленных, среди них 5 офицеров, в том числе и «майора», командира центральной позиции Дзикеланы. Немцы понесли большие потери по всему фронту наступления, кроме центральной позиции, находящейся глубоко под землей. Лестница, которая вела туда, насчитывала 39 ступенек.

В Мислувке взяли 9 пулеметов, в Дзикеланах 13 и 9 траншейных пушек.

6. Встреча с Керенским

2 июля

Немцы бомбардируют взятые у них позиции всеми батареями, какими располагают. С позиций люди возвращаются изнуренные, почти ослепшие, они спотыкаются на каждом шагу и похожи на сумасшедших. Я задаю им вопросы и слышу в ответ бессмысленные фразы. Это контуженные. Еще возвращаются раненые, корчась от боли. Сегодня они не требуют мести, как требовали вчера. Начальный эн-

тузиазм улетучился. Еще я вижу убитых, их не хоронят, рядом с ними ложатся и засыпают, словно несчастные окровавленные изуродованные товарищи тоже спят.

И еще внушающие сочувствие группы солдат: утратив первоначальный пыл, лишённые поддержки воинской дисциплины, потеряв на линии столько своих собратьев, они бредут в Рыбники, до которых час ходьбы, чтобы поесть и попить.

Ближе к вечеру я встретил Керенского, он объезжает фронт, чтобы поговорить с солдатами. Командующий корпусом представил меня ему, и мы обменялись несколькими фразами. Он произвел на меня впечатление человека убежденного. Узнав, что я принимал участие во вчерашнем бою, он спросил меня, играла ли в нем роль республиканская идея? Спросил также, развернули ли те, кто шел на приступ Дзикеланы красные знамена? Я ответил, что не видел ни одного и даже красных кокард тоже видел очень мало. Но сказал также, что офицер-республиканец произносил в траншеях речи о демократической республике. Я мог бы еще прибавить, что победу в этой атаке принесли воинские качества русских, а не новые политические идеи, так несвоевременно распространенные и ослабившие армию. Но свое мнение я оставил при себе.

В этот вечер Керенский подписал декрет: Временное правительство выдавало каждому полку красное знамя, заменив им то, с каким до этого солдаты ходили в атаку. С этим знаменем солдаты в дальнейшем будут защищать свои позиции¹⁰⁰.

Должен признаться, цвет мне ничего не говорит. Видно, у правительства не нашлось времени придумать, чем заменить великолепных орлов, какие до сих пор реяли над полями сражений.

Полк, который сражался вчера, получил название «полк 18 июня» (русский календарь отстает от нашего на тринадцать дней)¹⁰¹.

Солдаты обожают военного министра так же, как обожали царя: ни понимания, ни знания ничуть не прибавилось. Говорят, что Керенский крайне честолобив. Верю и надеюсь. У него внимательный взгляд человека, который не хочет терять связи с действительностью. И если он допустил ошибки скверными нововведениями в армии, то, полагаю, согрешил по неведению, будучи согласен по существу с опытными генералами. Возможно, он честолобив, но он патриот и производит впечатление человека, который готов пожертвовать жизнью за свои убеждения.

...В этот вечер последовали контратаки, их отбивали. Всю ночь высоту Дзикеланы охраняли заградительным огнем, верх холма полыхал.

7. Разговоры с солдатами

4 июля

Этим утром генерал [В. А.] Лавдовский сообщил мне, что по представлению генерала [А. Е.] Гутора, командующего армиями фронта, мне пожалован орден святого Владимира с мечами и бантом.

Вчера в контратаках у нас отбили несколько позиций. Солдатские комитеты продолжают свою пропаганду под огнем противника, и люди, забытые тыловыми службами, оставшиеся без пищи, их слушают. По счастью, отношения между солдатами и офицерами без всяких слов улучшились, их связала общность потерь – 30 % среди солдат и 70 % среди офицеров¹⁰².

Я каждый день обхожу наши линии, а они весьма обширны. Сегодня в полдень я пришел в бывшую немецкую траншею, последнюю из тех, что мы удержали, где находится батальон. Через два часа я снова туда вернулся и увидел там только восемь офицеров и трех солдат.

– Что случилось? Боши¹⁰³ в пятидесяти метрах, а вас десять человек защитников!

– Да, но сменный батальон пока не подошел.

– Неужели у вас покидают позиции до того, как подошла смена?

– Ничего не поделаешь, солдаты решили, что слишком долго находились на первой линии.

Каждый день, когда я в одиночку возвращаюсь по траншеям в штаб, я вижу множество солдат, которые направляются низом в Рыбники выпить чаю, оставив позиции, где лежат тела их товарищей, убитых в атаке. А среди раненых в лазарете я заметил немало с отстреленным указательным пальцем на левой руке.

5 июля

В траншеях Дзикеланы, где я снова провел день, повсюду горки мертвецов – и внизу, на дне, и на парашютах. Их оставили гнить на солнце по четыре-пять человек. Я сел возле двух мертвых русских, почерневших от жары, вместе с колонной на марше, которая шла на смену тем, кто находится в последней немецкой траншее, где мы еще держимся.

Напротив меня старый солдат с морщинистым лицом, добрыми спокойными глазами. Он смотрит на меня какое-то время, потом спрашивает:

– Скажи, товарищ, почему воюем?

На плохом русском языке я постарался объяснить, что нужно защищать свободу. Что лучше умереть, чем терпеть насилие.

И прибавил:

– Иначе что стоит наша жизнь?
– Да, – согласился он. – Жизнь, она мало чего стоит.
Помолчав, я спросил его:
– А почему ты здесь, товарищ? После революции ты бы спокойно мог отправиться домой.
– Да потому, что вроде бы все говорят, что надо быть тут.
Его взгляд остановился на трупах возле меня, потом он поднял на меня глаза и сказал со вздохом:
– У этих уже есть и земля и воля (слова, какими пользуется революционная пропаганда).

Он снова посмотрел на мертвецов, потом сказал соседу:
– А сапожки-то какие хорошие! Жалко их тут оставить гнить!
Но увидев, что я ни в малейшей степени его не поощряю, не решился снять сапоги. Послышалась команда, все мы встали и отправились к траншее, находящейся в 50 метрах от неприятеля.
Что с ним случилось, со стариком солдатом с добрыми, внимательными, жадными глазами?..

Глава VI. С «Дикой дивизией» по Галиции

Старое Поречье, 23 июля / 5 августа 1917 г.

Прошло две недели, и только сегодня у меня появилось время упорядочить мои записки и записать свои впечатления от поспешного и печального отступления по Галиции. Чечены, полк иррегулярной кавалерии, к которому я был прикомандирован, занял эту деревню. Два полковника, полковой адъютант и я разместились в большом польском замке. После долгих утомительных маршей у нас появилась возможность немного отдохнуть среди греческих колонн и столетних темных елей.

Позади горькие тяжелые дни. Все могло бы быть совсем по-другому с нашим-то численным превосходством, с замечательными качествами русской армии, какие она проявляла, пока ее не вовлекли в величайшую авантюру и не испортили.

1. Генерал Черемисов

Масштабная операция 1 июля, задуманная Брусиловым, базировалась на взятии нами Лемберга¹⁰⁴. Генерал Гутор, командующий армиями Юго-Западного фронта¹⁰⁵, поставил на главном направлении 7-й Сибирский армейский корпус, он был хорошо экипирован и его моральный дух внушал оптимизм. Корпус должен был идти на Лемберг через Бжежаны¹⁰⁶.

Одновременно с ним 12-й корпус под командованием генерала Черемисова, занимавший северную часть Станиславова¹⁰⁷, должен был выступить, привлечь к себе внимание и вызвать перемещение неприятельских войск. Маневр этот мог завершиться взятием маленьких городков Галича и Калуша, после чего распространиться на места, не имеющие никакого политического значения, где любые военные успехи не принесли бы никакой пользы.

Я описал в предыдущей главе, как была взята, а потом потеряна сильная позиция Дзикеланы.

Генерал [В. А.] Черемисов, располагая всего лишь 300 полевыми орудиями, переправился через Ломницу, взял Галич, Калуш и сумел удержаться там, даже после вынужденного отката части фронта назад из-за скандальной слабости двух гвардейских полков, входивших в 9-ю армию. Успех тем более значительный, что к середине июля русская армия, похоже, была окончательно заражена большевистской пропагандой и еще более опасной военной революционно-социалистической доктриной.

Объяснить этот успех можно следующим: генерал Корнилов, командующий 8-й армией, придал 12-му армейскому корпусу две отдельные части, где сохранялась старая дисциплина.

Одна часть состояла из двух «ударных отрядов» капитана [М. О.] Неженцева, который под эгидой Корнилова собрал дисциплинированных добровольцев, поклявшихся не отступать, и создал, таким образом, среди республиканского анархизма старорежимное формирование.

Вторая часть – кавалерия, состоявшая из кавказцев, более известная под названием «Дикая дивизия».

Во время главного наступления возле Станиславова с 25 июня по 8 июля батальоны Неженцева, выйдя из окопов на пять минут раньше сигнала, одним броском пересекли австрийские линии и захватили тридцать четыре полевых орудия, которые неприятель выставил, чтобы остановить продвижение русских. Австрийские подразделения, чувствуя угрозу с тыла, сопротивлялись слабо. Однако из-за трусливых побегов революционных войск на следующей неделе вновь потребовалось вмешательство «ударных батальонов» Неженцева.

«Дикая дивизия» вступила в дело несколькими днями позже, когда город Калуш, взятый солдатами-революционерами, которые там бесчинствовали и пьянствовали, был освобожден от них австрийцами. Кавказская кавалерия налетела на укрепленные позиции неприятеля и отбила город.

Исключительные заслуги этих двух частей, чья военная дисциплина и привязанность к главнокомандующему пробудили ненависть в их революционных товарищах и подозрение во Временном прави-

тельстве, не были признаны генералом Черемисовым. В наградной список, который попросило у него правительство, он не включил ни одного офицера и ни одного солдата из «ударных отрядов» и «Дикой дивизии». Но генерал Корнилов услышал их жалобы и, вопреки настрою Керенского, лично награждал каждого солдата и каждого офицера батальонов Неженцева и многих кавалеристов-кавказцев*.

Генерал Черемисов, недовольный второстепенной ролью, которая была отведена командующим фронтом его 12-му корпусу, попытался навязать командованию другой маневр и попросил передать ему все резервы Юго-Западного фронта. Генерал Гутор, надеясь на улыбку фортуны, отказал. Между тем в штабе 12-го корпуса офицеры разгуливали под ручку с солдатами под благосклонным взглядом генерала Черемисова, который и сам иной раз так прогуливался, за что и пользовался большой популярностью¹⁰⁸. Революционный комиссар 8-й армии¹⁰⁹ в чине прапорщика подружился с добрым генералом¹¹⁰, он бросил на весы свою демагогию против военного опыта генера-

* Два батальона Неженцева в июле слились в полк, включивший в себя еще «сотню» доских казаков и несколько полевых орудий, получив название «Корниловский ударный полк», который сыграл такую важную роль и у [Л. Г.] Корнилова, и у [А. И.] Деникина, и у [И. Н.] Врангеля. Со всех концов фронта приходили просьбы о принятии в полк, и капитан Неженцев предложил Корнилову сформировать армейский корпус. Корнилов, чтобы не усиливать подозрений Временного правительства, с которым хотел сотрудничать и, возможно, полагаясь на его справедливость, отклонил предложение.

Каждый доброволец, и офицер и солдат, желающий поступить в «ударный полк», помещался на две недели в специальную казарму, где унтер-офицеры старого режима выясняли уровень подготовки и политическую ориентацию, после чего кандидата или принимали, или выставляли за дверь без объяснений. На левом рукаве солдаты носили черный с красным шеврон с черепом. Офицеры были в основном из мелкопоместных дворян, кроме князя [И. П.] Ухтомского, полкового адъютанта. Почти у всех солдат был один или несколько Георгиевских крестов.

[Формирование Корниловского ударного полка было закончено в середине июня 1917 г. (тогда он назывался 1-м ударным отрядом). Полк был сформирован по инициативе капитана М. О. Неженцева, подавшего 15 мая рапорт на имя командующего 8-й армией генерала Л. Г. Корнилова о необходимости создания ударных добровольческих частей для удержания фронта. Корнилов 1 июня отдал приказ о формировании ударной части. К середине июня 1-й ударный отряд под командованием Неженцева закончил свою подготовку. Согласно распоряжению начальника штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта А. С. Лукомского двухбатальонный отряд численностью около 3000 человек прибыл в распоряжение 42-го армейского корпуса. В июле численность отряда составляла 2700 штыков. Во второй половине июля на основе 1-го ударного отряда началось формирование трехбатальонного полка, а с начала августа он перешел на специально разработанный усиленный четырехбатальонный штат. - Примеч. сост.; подробнее см.: Гагжуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 79–80].

ла Гутора и благодаря воцарившемуся беспорядку одержал над ним верх¹¹¹.

Временное правительство, продолжая следовать своей политике, обвинило в постыдных неудачах не солдат, не новые порядки, не наступивший кавардак в головах, а командующих и стало заменять старых военачальников на молодых честолюбцев, которые и ускорили конечную катастрофу.

Генерал Черемисов, одновременно ведя тайные переговоры с Исполнительным комитетом (большевиков) в Петрограде, воспользовался хорошим отношением к себе Керенского, собрал резервы и приготовился нанести решительный удар. Однако неслыханное предательство на севере вынудило его к отступлению.

2. На Ломнице

Майдан, 6 – 19 июля

12-й армейский корпус занят реорганизацией своего небольшого участка фронта наступления, который все же слишком велик для его действующих сил. Большая часть солдат осталась в арьергарде, отказавшись выходить на передовую. Заставить их нет никакой возможности, так как правительство упорно желает подчинить судьбы России требованиям солдат, а управление ходом событий равнодушным, скептическим, а то и враждебным к войне комитетам.

Отношение солдат поражает теперь своей грубостью, как до этого поражало смирением. Кое-кто из штабных офицеров, тех, что вошли в военные комитеты и посещают солдатские собрания, незаметно переняли плебейские манеры и говорят торопливо и яростно, как агитаторы. С немалым удивлением смотрю на генерала Черемисова, который прогуливается в обществе двух солдат.

Теперь генералы дожили до необходимости льстить солдатам, добываясь фальшивым дружеством, которое, разумеется, никого не обманывает, того, что новый режим не позволяет добиваться дисциплинарными мерами. Время уходит на то, чтобы убедить резервы идти на передовую и сменять товарищей, которые все это время действовали без их помощи. По счастью, неприятель не проявляет большого желания атаковать. Скорее всего, он надеется выиграть больше, выжидая, а не кидаясь в бой.

И все-таки среди солдат – революция делает из людей плохих граждан – есть те, кто хочет сражаться, одни из чувства долга, другие для собственного удовольствия. В подражание ударным батальонам капитана Неженцева они собираются в «смертельные батальоны» или в «батальоны смерти»¹¹² и самостоятельно, вне контроля выс-

шего командования продолжают вести войну против национального врага на свой страх и риск.

Чтобы познакомиться с ними, я еду на автомобиле в долину Ломнищы. На противоположном берегу вижу вражеские позиции, они серпантином поднимаются по склону. Выхожу из машины. Впереди чудная прогулка среди лесной свежести по одной из замечательных галицийских дорог.

Внезапно слева слышу команду: «Смирно!» Несколько сотен солдат расположились лагерем в лесу, при нашем приближении строятся. Они по собственной воле вернулись к дисциплинарным «предрассудкам» старого режима.

Это без исключения молодые парни, достаточно грубые и хулиганистые, но они вскакивают и отдают честь с такой готовностью, что невольно вызывают улыбку. Они похожи на французских или английских бойскаутов и своими кострами, и огромными красными знаменами с черепом и скрещенными костями. Они воюют для собственного удовольствия, прекрасно держатся под огнем, пойдут туда, куда поведешь. У них строжайшая дисциплина.

Меня знакомят с молодой девушкой, сначала при нашем приближении она спряталась. Она немного мужеподобна, похожа на водительниц трамваев в Англии, энергичных и приятных. Ее зовут Юлия Казаненко, она украинка, ей 21 год. У нее два Георгиевских креста, и ее представили к третьему; во время наступления 25 июня ее ранило в руку осколком гранаты. Юную героиню не в чем упрекнуть, разве только в том, что ее суровость довела до отчаяния не одного офицера из батальона.

3. Штаб «Дикой дивизии»

Станиславов, 7/20 июля

Я побывал в штабе знаменитой «Дикой дивизии»*. Она сыграла важную роль в последнем наступлении, где черкесы сражались с шашками наголо. В надежде принять участие в такой атаке я и попросил разрешения сопровождать эти полки выходцев с Кавказа.

С разрешения генерала Корнилова дивизия сейчас отошла от линии фронта, лошади отдыхают, люди празднуют Байрам. Большинство из кавалеристов мусульмане.

Я приехал в Станиславов утром на автомобиле: 2-я бригада пригласила меня принять участие в празднике. По дороге мы то и дело

* Всюду, где она проходила, в частности, в Румынии в начале 1917 г., местные власти призывали население запирать двери и не показываться этим свирепым и не слишком совестливым воинам.

обгоняли всадников-черкесов, они спешили на общую трапезу и состязания, которые соберут всех детей Магомета, рассеянных среди множества христиан.

Однако не могу сказать, что меня не волновало, что все эти подводы с сеном, продовольствием, боеприпасами, все эти солдаты, которых мы видим в клубах пыли, удаляются от фронта и, похоже, никто не собирается обеспечить едой или сменить тех, кто вот уже две недели сидит измученный в завоеванных окопах.

«Дикая дивизия», с которой я уже не раз сталкивался и куда сейчас еду, – одно из самых блестящих подразделений русской армии. Сформированная исключительно из добровольцев-кавказцев, получившая офицеров из знатных кавказских семей, она со дня своего рождения, которое пришлось на начало войны, была любимым детищем царского правительства. По этой причине, а также и по политическим соображениям великий князь Михаил [Александрович] долгое время был ее командующим. Потом брата царя сменил князь [Д. П.] Багратион, один из самых знатных аристократов Кавказа, последний прямой потомок Багратионов¹¹³, которые с V века правили грузинским княжеством. Когда этот род вошел в круг русской знати, фамилия была немного изменена, остался титул князей, самый высокий при царском дворе. Говорили, что Багратион способный офицер. В общении он блестящ и интересен. Манеры мягкие, обращение не формально любезное, а исполненное сердечности. К несчастью, с ним царственный род Багратионов угаснет¹¹⁴.

Другие офицеры «Дикой дивизии» – горячие головы, отчаянно храбрые, живущие бурной жизнью южане. Этот офицер вынужден был покинуть родину из-за убийства, причина – родовая месть, и только война позволила ему поступить в армию. Другой был сослан в Сибирь – он убил соперника на поединке. Большинство из них блестящие офицеры и производят необыкновенное впечатление своими кавказскими костюмами.

Самая невероятная житейская история у начальника штаба полковника [В. Н.] Гатовского. Сначала блестящая карьера – иажеский корпус, диплом Николаевской академии Генерального штаба, пост начальника штаба кавалерийской дивизии, которой командовал один из Карагеоргиевичей¹¹⁵, брат короля Петра Сербского. Но отношения с командующим не сложились, Гатовский дал командующему пощечину и был разжалован в солдаты. Он исполнял свой долг в качестве солдата-летчика, получил за исключительную храбрость четыре Георгиевских креста, в начале революции ему вернули его чины¹¹⁶.

Я не мог не восхищаться полковником, который раздает пощечины особам королевской крови, а заодно и генералам, который не ро-

беет перед столь безудержным помощником по штабу и посматривал на них обоих исподтишка

У «Дикой дивизии», состоящей в основном их магометан, нет знамени, потому что в России на них непременно изображают святых и клир их торжественно освящает. По турецкому обычаю у дивизии есть бунчук, лошадиный хвост на шесте, а у полков – флажки-вымпелы с цветами «сотен»¹¹⁷.

4. Байрам

Станиславов, 8/21 июля

Сегодня я гость 2-й бригады, состоящей из Татарского¹¹⁸ и Чеченского [конных] полков. Когда я приехал, стол у чеченцев был уже готов, его накрыли в саду, где оркестр играл кавказские мелодии.

Начальник бригады, князь Фазула-Мирза Каджар, дядя персидского шаха, из старинного династического рода Каджаров¹¹⁹, принял меня с изысканным спокойствием знатного персидского аристократа. Вскоре приходят командиры двух полков: полковник [Д.] Мусалаев и грузинский князь [Л. Л.] Магалов, а с ними их сопровождающие – полковник [Н. Ф.] О'Рем, ирландец по происхождению, и старый граф [Ю. В.] Комаровский, а за ними блестящая свита молодых офицеров: татар, чеченцев, черкесов и русских.

После короткого веселого завтрака на свежем воздухе под почти что южным небом мы отправились завтракать в татарский полк, где пришлось начать все сначала и где мы снова отведали удивительное кавказское блюдо, приготовленное из риса, мяса, лука и изюма.

Солдаты и офицеры сидели за столами, поставленными подковой в большой риге. Я сидел на узкой скамье между князьями Каджаром и Магаловым и привыкал к полутьме и удивительному сборищу придворных и крестьян, провинциального дворянства и мелких кавказских бандитов, одинаково вооруженных блестящими кинжалами, молчаливо и достойно сидящих, тесно прижавшись друг к другу. На смуглых лицах блестели оживленные быстрые глаза. Солдаты проявляли почтительность по отношению к офицерам, что среди революционного хаоса действовало умиротворяюще.

Внезапно зазвучала музыка: два инструмента выплакивали нескончаемую жалобу, которую сопровождала бесконечно повторяемая гнусавой волюнкой фраза. Солдаты начали танцевать, к ним присоединились офицеры, танцевали они на кончиках пальцев, как балерины. Танцевали великолепно. Корнет Тлатов смотрел на меня смеющимися глазами, то приближаясь, то удаляясь, медленно и грациозно двигая руками. Солдаты¹²⁰ теснились вокруг офицеров, принимавших участие в пляске, и хлопали в ладоши, тонко чувствуя и

соблюдая дистанцию, о которой сразу же позабыли бы русские пехотинцы при подобных обстоятельствах.

На свежем воздухе начались конные соревнования, борьба и снова пляски с кинжалами. Зрители, став стеной, поддерживали танцоров криками и хлопками в ладоши. Потом показывали упражнения с шашками: пускали лошадей в галоп и рубили ветки, поставленные справа и слева¹²¹. Удивительно ловки эти кавказские всадники, которые любят только рубящее оружие. Они презирают копья, клинки и штыки, считая колющее оружие предательским. Они говорят: «Колют еврею». Они тренируются, чтобы наносить необыкновенные удары – срубать головы, разрубать от плеча до сердца, рубить воду так, чтобы не было брызг. У офицеров бывают шашки и сабли, которым по несколько веков, они сделаны в древности знаменитыми оружейниками Дамаска или Шуши. Дисциплину воинственных народностей Кавказа поддерживает патриархальная традиция. Солдаты оказывают русским офицерам такое же почтение, какое оказывают главам династических родов Кавказа, потомкам князей Абхазии, ханов Нахичевани, Шервашидзе, Джорджадзе, которые сидят рядом с князем Фазулой, воодушевленные не меньше своих воинов, вместе с ними танцуют и соревнуются, соревнуясь также в презрении к опасности и смерти.

Вечером князя Фазулу и Магалов отвезли меня в Станиславов на автомобиле. По городу тем временем уже разползлись тревожные слухи. Горожане, с которыми оккупационная армия обращалась весьма достойно, толпились на улице. Солдаты-пехотинцы собирались кучками, обсуждая новости, предвещающие поражения и панику.

5. Разговоры с солдатами

Станиславов, 9/22 июля

Князь Багратион показал мне депешу от генерала Корнилова, возможного командующего группой армий юго-восточного направления. Генерал в очень теплых словах хвалил его дивизию за вклад во взятие Калуша и просил кавказское войско прервать празднование Байрама и отправиться в 11-ю армию на защиту позиций, которые поставлены под угрозу из-за постыдного предательства двух революционных полков, примеру которых последовали и другие «свободные граждане».

Стало быть, завтра мы отправимся в расположение этой армии, и все довольны, что в скором времени мы встретимся с неприятелем. Дивизия, надо сказать, действовала успешно. Русская пехота, численно превосходя противника, взяла 26 июня Бабин, 27-го Блудники и Подворки, чем обеспечила проход к Ломнице, но на другом берегу

реки была остановлена новой линией колючей проволоки. Обойдя Калуш, пехота продвинулась до Мостищ и Копанки, но там вновь и окончательно остановилась перед укрепленными позициями.

Один солдат, член комитета армейского корпуса, выразил желание задать мне несколько вопросов. Я охотно откликнулся на его желание. Правительство и Ставка учредили эти комитеты, считая, что они помогут в ведении войны. Я в этом не уверен.

Солдат спросил меня, почему Франция хочет продолжать войну. Я объяснил, что Франция, вынужденная, как и Россия, воевать, не имеет сейчас возможности прекратить эту войну.

– Страна истощена, – возразил он. – Три года льется кровь. С нас хватит.

Я ответил, что враг все еще на территории России, что мир с немцами лишит русских республиканцев всех выгод, какие сулит им новый режим, что будущее России пострадает от той слабости, какую проявляет армия в эти, возможно, решающие месяцы.

– Но если наши солдаты не хотят больше воевать?

– И что, теперь только от желания солдат зависит, будет сражение или нет?

– В демократической республике нельзя вести войну против воли солдат!

– Безусловно. Но если среди них мало настоящих граждан, желательно использовать пулеметы против строптивцев.

Собеседник рассердился и пустил в меня пулеметную очередь революционно-пропагандистских фраз, называя Францию буржуазной республикой и обещая, что Россия будет республикой по-настоящему пролетарской, и так далее и тому подобное.

Полковой обоз покидает Станиславов сегодня вечером. К нему присоединяется множество подвод, превращая передвижение в отступление. Обеспокоены солдаты-обозники, в них мало военного, они всегда вдалеке от боев, они «дрейфят» и спешат дать деру. Отовсюду в темноте слышится ругань и крики, стоят четыре ряда подвод, растянувшихся на многие километры.

Слухи уточняются. В Тернополе пехотинцы грабили, совершали всевозможные жестокости, подожгли город. Ждут ли Станиславов такие же ужасы? Я вижу обозников, которые грабят магазины под предлогом: не оставим ничего немцам. Они тащат узлы, а потом оставляют их, бросив в грязь. Я сам был вынужден целую ночь помогать одному ресторатору защищать посуду, скатерти и столы.

6. Сцены отступления

10/23 июля

Проспав три часа, я вскочил, как ужаленный. Дивизия ушла, мне нужно ее догнать во что бы то ни стало. На улицах царит разорение. Я в форме и невольно чувствую себя соучастником этих беспорядков, мне стыдно. Подъезжает тележка с привязанной «офицерской» лошастью: я кладу кое-какие вещички и мчусь во весь опор догонять мою «Дикую дивизию».

Ее полки уже в Микитинце¹²², они ждут обоза на перекрестке, пропуская другой, очень большой транспорт, который направляется на юг.

Но вот и мы начинаем двигаться. Я стою с полковыми офицерами, мы арьергард, передо мной проходят все кавказские народности, добровольно вступившие в «Дикую дивизию»: кабардинцы, дагестанцы, татары, чеченцы, черкесы, ингуши, у всех восточный склад лица, но они из разных племен; кое-кто из них роднился между собой, другие – из глубоких долин или с неприступных гор – хранили чистоту своего народа. Они посматривают искоса своими пронзительными глазами, у них отважная небрежная посадка, безупречная выправка, они откровенно презирают пехоту, которая, конечно, выглядит куда хуже и очень их не любит. И понятно, что эти всадники без малейшего колебания направят свое оружие против отбившихся от рук банд, которые в беспорядке, вольничая без командиров, бредут через всю страну.

Наконец, едут туркмены, самый экзотический полк в России¹²³, командование временно придало его нашей дивизии, сделав седьмым полком. В огромных «папах» (большие черные колпаки) со смуглыми лицами арабов, они выглядят очень воинственно. Но еще больше мы восхищаемся их лошадьми, иной раз чистой арабской крови, с тонкими ногами и великолепными хвостами, они полны огня и способны скакать часами. Эти великолепные гордецы вообще ни на кого не смотрят. Один эскадрон весь на серых лошадях, другой на великолепных вороных.

Время от времени мы останавливаемся в поле, чтобы немного передохнуть после бессонной ночи, и перед глазами разворачивается зрелище, которое забыть невозможно. Оно полно жизни и красоты, превосходящей любые фантазии. Вся равнина оживает. Офицеры в красочной форме, в красных с золотисто-желтым башлыках выделяются нарядной группой, а вокруг них до самых холмов, что окружают этот плодородный галицийский рай, щиплют траву изумительной красоты лошади. И все это ярким светом заливают солнце.

Над долиной звучит команда, ее повторяют там и здесь, полки отделяются друг от друга. Люди вскакивают на коней, строятся, возвращаются к дороге, и, разорвав череду пехотинцев и обозных повозок, величественно занимают место в нескончаемом потоке. Теперь мы начинаем понимать, что мы отступаем, оставляем территорию. Я вижу в удивленных глазах революционных солдат, когда они смотрят на бесстрастных всадников, восхищение и опаску.

В Клубовцах я наблюдаю любопытную сценку. Мы обгоняем Латышский полк, тот самый, который решил судьбу революции на улицах Петрограда¹²⁴, на одной из подвод лежит солдат, рядом едет унтер-офицер на лошади, он в ярости. Глаза готовы выскочить из орбит, он хлещет нагайкой лежащего. Солдаты вокруг него, похоже, его одобряют. Унтер-офицер орет:

– Напился, свинья! Нашел время! Нам в бой идти, а он! Вот она, твоя свобода!

Повернулся к товарищам солдата и скомандовал:

– В канаву его! Под мою ответственность! И чтобы никто не смел брать на подводу!

Пьяного сбросили на обочину. Поток движется дальше, а пьяный солдат остается лежать в грязи.

Мог ли поступить так офицер, не оскорбив ревнивую жажду свободы этих солдат? До чего же жаль, что так мало таких унтер-офицеров среди этих крестьян, в которых разбудили самые дурные инстинкты!

Главная военная доблесть простого русского солдата – его послушание. Сейчас он в растерянности от призрачной свободы, которую принесли ему политические расклады. Громкий окрик, тычок кулаком – и он все понял.

Сегодня нам предстоит пройти 35 километров, пришел приказ ночевать в Нижневе.

Мы узнаем, что наши войска на севере от Станиславова, лишившись обоза и резервов, отступили к городу, что там и здесь во время поспешного бегства оставлены батареи.

7. С чеченцами и татарами

11/24 июля

Я ночевал в комнате полковника Мусалаева, замечательного командира чеченского полка. Мой багаж, пристроенный на разных подводах, потерялся, но стоило мне предложить хорошие чаевые, как его тут же нашли.

В 6 часов мы отправляемся в сторону Монастырски и Бучача. Погода великолепная. По дороге мы оказались отрезанными от дивизии, которая отправилась из Нижнева спустя час после нас, и от

остальной армии. Время от времени мимо пронесется автомобиль, галопом мчится курьер, на ходу осведомляя нас о положении дел. Мы движемся к Бучачу проселками, переходим вброд речушки, чтобы лошади напились. Беззаботность солдат, вольное поведение офицеров создают ощущение прогулки, чему способствует и красота окружающей местности. Я двигаюсь вместе с татарским полком, скачу впереди вместе с полковниками: князем Магаловым и графом Комаровским. Магалов блестящий офицер, грузин европейской культуры. Тучный Комаровский очень прямолинеен, он из тех старых русских дворян, которые нынешнему деликатному поколению кажутся грубыми солдафонами. Для графа эта война пятая. Его воинственный пыл простирался от Трансвааля до Пекина и от Маньчжурии до Балкан. Он человек большой университетской культуры, с дипломом Генерального штаба, однако презирает «кабинеты и всяческую говорильню».

Маршрут Дикой дивизии во время отступления в Галиции в июле 1917 г.

Поблизости от Бучача на большой дороге мы нагоняем подразделения пехоты, они без офицеров и двигаются в полном беспорядке. Гвалт оглушает: возницы-обозники с криком нахлестывают лошадей, пытаются продвинуться среди хаоса беженцев, среди телег и возов, груженных мебелью, самоварами, телятами, поросятами и тюками с наворованным добром. Князь Магалов, гарцуя во главе нашего полка, отдает приказ обозу остановиться и дать возможность проехать кавалерии. Обозник, явно не из неуважения, а по восточной ленивой инерции продолжает ехать. По приказу начальника татары срываются с места и хлещут нагайками несчастного защитника Керенского, обомлевшего от такой напасти. Все солдаты вокруг смотрят, вытаращив глаза: при новом режиме такого еще не случалось. Но молчат,

не возражают, не протестуют. Комаровский кричит: «Довольно!». Татары возвращаются в строй, и мы продолжаем путь.

Не могу не заметить, что Бучач, где прошла революционная армия под руководством правительственных комитетов, разграблен до нитки и в нескольких местах подожжен. Лежат несколько мертвых горожан и несколько революционных солдат, наказанных батальонами Неженцева, которые проехали по городу до нас.

Дивизия остается в Бучаче, наши полки отправляются в Трибуховцы. Мы снова отрезаны от остальной армии, и только вечером, когда установили телефонную связь, узнаем, что происходит на фронте. Немцы взяли Подгайцы, они в 30 километрах от нас и, похоже, приближаются маршевым шагом.

Вокруг настоящий ужас. Резервы, которые направлялись в Подгайцы, чтобы поддержать стоящие там войска, были остановлены людьми в форме и в гражданском, эти люди сообщили солдатам фальшивые новости, убедили, что их непременно возьмут в плен, если они двинутся дальше. Так что немцы продвигаются вперед без малейших затруднений.

Повсюду одно и то же: старые солдаты и юные патриоты, объединенные офицерами в *батальоны смерти*, исполняют свой долг на передовой. Зато резервы, части подкрепления, службы снабжения и транспорта под влиянием неустанной пропаганды большевиков впадают в панику и бегут, и за горсткой бойцов образуется пустота. Через короткое время и они вынуждены отступить или оказаться в руках врага, если слишком поздно заметили полную изоляцию, в какой оставили их товарищи.

А евреи повсюду дают нам понять, что это наказание за погромы в Калуше, Тернополе, Станиславове, за ограбление деревень Галиции, где проходила свободная пехота¹²⁵. Не исключаю, что к небесному наказанию – добавлю, вполне заслуженному – прибавилась и человеческая мстительность.

8. Мародерство и бегство

Трибуховцы – Чортков, 12/25 июля

В 6 часов утра мы снова в седле. Я сопровождаю доктора чеченского полка. Следуя полученному приказу, мы уже свернули на дорогу к Чорткову и вдруг совсем близко слышим выстрелы и душераздирающие крики. Неужели неприятель? Нужно знать точно. Мы сворачиваем к деревне, где ночевала другая часть нашей дивизии. Встречаем невероятное: детишки и женщины в слезах умоляют нас не причинять им зла. Старушка с дочерью и внуками становится на колени посреди улицы перед нашими лошадьми и молит о справедливости:

у них отняли последние деньги. Нет, не враги, а революционные солдаты и наши кавалеристы кабардинцы проходили через эту деревню*. У одного из домов старик снимает шляпу. Под фетровой шляпой свежая рана, нанесенная саблей. Он не сразу отдал часы и последние монеты. Доктор, бессильный, как и другие офицеры русской армии, перевязывает рану старику, вокруг которого толпятся плачущие женщины и девочки.

На горизонте видны горящие дома: там по деревням идет русская пехота.

Мы проехали километров двадцать, и в Белобожнице нас остановил приказ по дивизии. Похоже, неприятель атаковал Бучач. Проезжающие мимо всадники уверяют, что все фронтовые резервы сбежали. Сейчас 11 часов. Наши чеченцы повели лошадей пастись в поля овса и ржи. Обозные повозки потоком тянутся на восток, спасая армейское имущество.

Внезапно на вершинах холмов, которые ограничивают равнину с севера, появляются маленькие точки. Зрелище настолько неожиданное, что мы невольно подаемся вперед к этой приближающейся живой линии. Теперь стало видно, что это авангард дезертиров, они идут налегке, без ружей, без вещмешков, несут только одежду. А вот еще и еще цепочки солдат, они тоже спускаются в долину, где повсюду кипит лихорадочная жизнь. Тысячи беглецов, охваченные непреодолимой паникой, спасаются от врага, которого даже не видели. Наши кавалеристы со старорежимной выучкой смотрят на ужасающее зрелище с удивлением и иронией.

Появляется автомобиль с маленьким красным флажком, едет со страшной скоростью: солдат, член комитета армейского корпуса, реквизировал военный автомобиль, чтобы сбежать с «товарищами».

9. Толпа бегущих

Чортков, 12/25 июля

Эстафета привозит нам приказ возвращаться в Чортков. Мы были там час назад, теперь поедem обратно. Из-за повального бегства пехоты задачи нашей дивизии изменились. Мы должны были поддержать части 11-й армии, находящиеся в опасности из-за частной неудачи,

* Кавказские мусульмане сражаются по совершенно мирским причинам: они хотят вернуться к себе в деревню или в семью с орденом на груди и карманами, полными золотом. Чтобы заставить слушаться этих безбашенных фаталистов, офицеры вынуждены закрывать глаза на их «слабости». Это очень трудно для молодых дворян, закончивших военные школы на севере, но они вынуждены смириться!

теперь остаемся здесь и будем обеспечивать общее отступление, чтобы оно не превратилось в катастрофу.

Повара уже готовят обед, и вкусный запах супа наполняет дом, где расположились полковник Мусалаев, О'Рем и я. Приказ получен очень строгий. Мы должны провести глубокую разведку целой бригадой: татарским и чеченским полками.

Сейчас 7 часов. Солнце садится, и длинные тени легли на дороги, забитые тысячью повозок, где вперемешку с армейским имуществом лежит награбленное. Всеобщее недовольство выражается громкой бранью. И вдруг хохот: это с десятков добровольных помощников толкают с веселым смехом подводу, помогая одолеть подъем. Солдаты – большие дети, они, по сути, славные, но им нужна хозяйская рука.

Нас, восемь сотен всадников, разделил оружий беспорядочный поток. Мы переживаем, когда все утихнет и успокоится, чтобы соединиться, и вдруг наступает тишина – все смотрят на странную толпу, которая приближается.

Бредут в беспорядке изнуренные солдаты. Они без ружей, без вещмешков, без фуражек, они устали, едва передвигают ноги – жалкие, напуганные, голодные беглецы.

Пятнадцать тысяч молодых людей пройдут по этой дороге между двумя рядами кавалерии. Они изнурены страхом и лишениями. Кавказцы с презрением над ними насмеваются: «Храбрецы! Руками надумали воевать? А ну быстро назад! Марш на врага!»

И они, в самом деле, возвращаются на фронт, эти пятнадцать тысяч революционных свободных солдат под предводительством восьми казаков с пиками в руках. Жалкое зрелище: удрученные грубые лица, голодные глаза, они похожи на бродячих псов, их было бы жалко, если бы не подлое предательство родины. Ни один офицер не предал своего долга. Мне говорили, что многие офицеры, оставленные солдатами, гибли на своем посту. Дезертиры, которым новый режим, положившись на их совесть свободных людей, поручил с оружием в руках охранять новое правительство, единодушно пренебрегли всеми своими обязанностями, доказав преступную слабость и предельную глупость новых порядков, основанных, по мнению политиков, «на новых принципах».

10. Причины неповиновения

Новый указ Временного правительства объявил, что офицеры имеют право расстреливать мародеров и дезертиров¹²⁶. Значит, верхам не понравилась оригинальная свобода, которую получили «товарищи солдаты» от социалистов-революционеров, связанных с

большевиками, свобода бежать от врага, бросать офицеров и повсюду насильничать и грабить.

Новой мерой на плечи офицеров возложили ответственность за солдатские бесчинства. К несчастью, невозможно в один день исправить те ужасные заблуждения, которые внедрялись многие месяцы.

Нет ничего проще, чем пристрелить на месте мародера или беглеца, если остальная масса солдат, присутствующая при этом, одобряет наказание. Недостаточно убить двух или трех человек, повернувших врагу спину, нужно согласие на это остальных, нужно уметь ободрять нерешительных и воодушевлять слабых.

Известно, что в армиях даже самых смелых и просвещенных народов Европы царят жестокие законы, которые обуздывают страсти, порожденные сражениями и военным хаосом. Русских солдат от этих законов освободили, в большинстве своем они люди простые, и, как свойственно простым людям, склонны к пьянству, насилию и воровству.

Этим людям из очень поверхностных соображений льстили самым немислимым образом – все, сверху до низу* – пышными глупыми вредными речами. И низвели за три месяца современную армию на уровень кочующей орды.

Неужели правительство надеется, что в один миг сотни тысяч этих «товарищей», которых методически настраивали против всех командиров и командующих и которые теперь кочуют, опустошая деревни, будут слушаться молоденьких прапорщиков с револьвером в руках, заведомо лишенных всяческого авторитета? Неужели у них появятся авторитет и власть, если среди всеобщей паники один на один с взбунтовавшимися крестьянами, готовыми на грабежи и убийства, они начнут стрелять?

* Один русский генерал рассказывал мне характерный и типичный случай, при котором он присутствовал: генерал [А. П.] Куропаткин явился к военному министру [А. Ф.] Керенскому. Керенского не было, и он через адъютанта министра доложил о себе начальнику кабинета [Г. А.] Якубовичу. Зал ожидания, куда вошел Куропаткин, был полон солдатами, которые желали в качестве депутатов поговорить с военным министром. Они, как водится, заняли лучшие места, загородили, стоя или сидя, проходы, расположившись скорее живописно, чем вежливо. Бывший главнокомандующий русской армией во время русско-японской войны, бывший командующий армиями Северо-Западного фронта пробыл в кабинете минут десять. Когда он ушел, Якубович громко сделал выговор адъютанту, так что его слышали окружающие солдаты: «Как вы пропустили генерала Куропаткина вне очереди? В следующий раз пусть любой генерал ждет, пока не пройдут по очереди все солдаты!».

11. Грабежи. Возобновление стычек с неприятелем

Копычинцы, 13/26 июля 1917 г.

В это утро наш 34-й армейский корпус насчитывает всего 1500 солдат. Но можно ли на них полагаться? Отступление, которое стало теперь свершившимся фактом, обеспечивает кавалерия. 2-й кавалерийский корпус расположился вокруг Копычинцев, 3-й кавалерийский корпус отправили на север в Волочиск, а мы начинаем работать с сегодняшнего вечера в Хоросткове.

Знаменательный факт: австрийцы после нашего отступления от Ломницы двигаются настолько медленно, что наши патрули, которые должны были бы обнаружить противника, нашли наши батареи, брошенные во время первой паники.

Пока мы готовились к отправке, собравшись возле деревенского колодца, к нам подошел тощий желтый еврей и стал жаловаться, что у него забрали лошадь. Он обвинял двух татар, и офицер приказал ему отправиться вместе с ними за лошадью. Однако еврей так испугался этих насмешливых с ледяным угрожающим взглядом татар, явных разбойников, на которых он даже взглянуть боялся, что отказался наотрез. Его страх вызывал и сочувствие, и улыбку. Комаровский распорядился вернуть ему лошадь, и еврей исчез за оградой, где ему явно не поздоровится.

Полк построен. Мы прячем тревогу и горе за военным великолепием наших полков. Музыканты играют песни, популярные на Кавказе, песни, уже знакомые всем русским: «Разбойники в лесу», «Ала верды» и знаменитую балладу о казаке Стеньке Разине, который топил гордую и счастливую невесту в темных водах Волги.

Крестьяне с женами и детишками вышли из домов и любят издалека выправкой наших красавцев, а они выглядят особенно эффектно, стоя на пустой площади. Мы тоже вскочили в седла, постаравшись позабыть усталость последних дней, чтобы сделать из нашего печального бегства, которому так рады австрийцы, череду триумфальных проездов через цветущие деревни, которые мы покидаем, скорее всего, навсегда.

Но из всех деревень, которые остаются в стороне, кабардинцы и ингуши, отделившись от отряда, приставив хозяевам кинжал к груди, забирают скот, а потом продают его в соседней деревне, где его тут же крадут наши татары и продают дальше, и так до бесконечности.

Кювинцы – Толстое 14/27 июля

Я почевал вместе с графом Комаровским в одном из красивых чистеньких домиков, покрашенных в светлую краску, в селе Хоростков. В час ночи к нам вошел татарин и сообщил нам от имени князя

Магалова, что «последняя линия пехоты отошла, и теперь между нами и неприятелем нет никого, и мы должны быть готовы к любым неожиданностям».

Мы оделись и снова легли в кровать, ожидая сигнала к отъезду, намеченному на 6 часов. Мы почти расстроились, когда немцы, а главное «улань», которых мы лихорадочно и тревожно ждали всю ночь, так и не появились. Для всех будет праздником, если появится возможность их атаковать, пусть даже их будет больше.

С князем [А. В.] Гагариным я встретился в Ключевинцах. Под Калушем ему удалась операция, которая засвидетельствовала, что он прирожденный воин. Новый режим отстранил его, и только благодаря просьбе всех офицеров бригады он удержался на посту. Какими бы ни были его вины в глазах революционеров, он искупил их все следующим фактом: под Калушем пехотный полк, около тысячи человек, обратился в беспорядочное бегство, за ним могли побежать и резервы. Поняв опасность, князь Гагарин соскочил с лошади, отчитал солдат, и ему удалось повести их за собой. Сам он с саблей в руке бросился на врага, который, воспользовавшись беспорядком, выдвинулся вперед, но, увидев наступающих, тут же вернулся на свои позиции.

Князь Гагарин разрешил мне сопровождать при любых действиях его эскадрон из двух полков. 3-я сотня полка черкесов должна была встречаться с неприятелем, и я отправился к ее командиру, штабс-ротмистру Бучкееву, который представил меня своим офицерам: князьям Магомет-Гирею и Сеид-Бею Крымшамхаловым и поручику [Д. А.] Курнакову.

Деревня Ключевинцы расположилась в небольшой долине, поднимаясь на склоны холмов, что стоят вдоль небольшой речки Голодные Ставы.

Мы отправились в путь с приказом найти врага и атаковать его холодным оружием, если он приблизится. На холмах то и дело появлялись черные фигурки – пехотные патрули; другие фигурки быстро двигались на фоне светлого неба – неприятельская кавалерия.

Больше всего мы опасаемся вражеских автопулеметов, у нас нет от них защиты, они скосят нас в один миг. Нет у нас и динамита, мы вручную разбираем мостики. Вынимаем шашками доску, а потом, действуя ею как рычагом, выламываем остальные.

Дивизия ускакала, ускакали полки ингушей и черкесов, за врагом наблюдает только наш полуэскадрон. Полки кабардинцев и дагестанцев с пулеметами находятся на левом фланге, а дивизионная батарея полевых орудий бомбардирует дороги, ведущие к Ключевинцам, и стреляет по кавалеристам, которые то и дело появляются группами.

Неприятель отвечает маленькими снарядами в три пальца, которые рассыпаются шрапнелью над главной дорогой. Мы легко избежим обстрела, если поедем полем.

«Живой занавес», который мы натягиваем между отступающей армией и неприятелем, начинает шевелиться. Нужно появляться то там, то здесь, делать вид, что мы атакуем, обманывать насчет нашей численности и наших истинных намерений и в то же время не слишком рисковать и не слишком дерзить. Наша дивизия прославилась у неприятеля, и нам это на руку, чтобы держать его на расстоянии и пугать, если понадобится, а главное, сеять тревогу. У страха глаза велики, он будет думать, что нас гораздо больше. А тем временем наша славная пехота и обоз могут спастись.

Главную опасность представляет характер здешней местности. Следуя по долине, добираться до места, где ее пересекает другая, и здесь может оказаться ловушка, если передвижение заметил враг. Двигаясь по гребню, ты неминуемо заметен неприятелю, так что удовольствие от такой прогулки сопряжено с большой опасностью. И все-таки я еду поверху с другой стороны холма.

Справа три всадника. Мы останавливаемся, чтобы понять, кто они. Двое из них тоже останавливаются. Начинаем осторожно сближаться. Это штабс-ротмистра [А. Н.] Баранов из полка ингушей. Мы пожимаем друг другу руки, здесь, вдалеке от русской армии, на земле, которую уже занимал враг и которую, похоже, займет вновь. Но оживленная стрельба, что поднялась справа, показывает, что враг просто-напросто сконцентрировал усилия на другом направлении. Другие всадники призывают нас, размахивая руками, и мы мчимся туда, где завязался бой.

Четыре пулемета полка дагестанцев строчат по неприятелю, который, похоже, двинулся в атаку, а теперь бросился на землю и отполз, потому что никого не видно, пулеметы при этом продолжают яростно строчить.

«Сражение» не представляет никакого интереса, и я в ночной темноте возвращаюсь в полк татар. Неприятель явно не желает сражаться.

Когда мы подъезжаем к Толстому, справа от нас горит дом. Я решаюсь сказать, что этот революционный пожар зажжен в знак радости, что врагу снова отданы захваченные им территории, так тяготившие совесть русских. Мне возражают, что, скорее всего, дом подожгли шпионы.

15/28 июля

Мы уезжаем утром под проклятия местного населения, у которого наша революционная армия вмиг пробудила симпатию к царскому режиму и его правительству, мягкому без сентиментальности и твердому без жестокости. За десять дней банды «новых и свободных граждан», которым социалисты-революционеры привили единственную

политическую религию, на какую были способны, разрушили добрую репутацию царской армии, которая держалась здесь на протяжении трех лет, благодаря разумному и ненавязчивому управлению.

12. Разведка с татарами

Мартинковцы, 16/29 июля

2-я бригада сегодня получила задание. И я попросил у князя Магалова разрешения сопровождать его татар: вечером они вернутся в Австрию¹²⁷, чтобы встретиться с неприятелем, о передвижении которого мы ничего не знаем.

Штаб-ротмистр, мусульманин [Зейналабдин-бек] Садыхов, получил приказ заехать за мной в 1-ю сотню вместе с двадцатью татарами: этой ночью мы должны будем точно определить расположение австрийских позиций в районе хутора Дембина.

Враг, похоже, не преследует нас всерьез. Наша пехота вернулась в Австрию и заняла позицию возле Толстой траншеи, защищать их она должна во что бы то ни стало. Австрийцев видели возле хутора Дембина, в 6 километрах на запад от Толстой. Теперь нужно определить, всерьез ли они там окопались.

Мой сотоварищ, Зейнал-Бек Садыхов, дворянин, из рода владельцев Шуши, что на юге Кавказских гор, пошел в армию добровольцем в начале войны. Как солдат участвовал в опасных и необходимых разведках Карпат, получил три или четыре Георгиевских креста и был произведен в офицеры. Ему поручают вылазки, требующие от офицера большой отваги, хладнокровия и ума. Я счастлив, что еду с ним вместе.

Солдаты воодушевлены. Один из них забавляет нас: довольно долго едет во главе колонны, держась за седло руками, ноги в воздухе. Когда Зейнал-Бек отъезжает по какой-то причине от отряда, я до того, как он вернется, остаюсь за главного, и наши солдаты выравнивают лошадей по моей. Хорошее настроение не влияет на присущую этим восточным людям важность, самый незначительный из них исполнен достоинства.

Мы приближаемся к Толстой и уже издали видим суетящихся людей. Это маленький отряд русской пехоты. Преодолев огромное расстояние, оставленное на произвол судьбы революционной армией, он пришел сюда, чтобы занять передовую позицию около деревни на склоне холма. Почему тяжесть войны ложится на плечи такого маленького отряда в такой огромной стране? Уже в начале войны нельзя было не заметить разительного контраста между зоной военных действий, где люди страдали и подвергались неслыханным ли-

шениям, и тыловыми частями, которым, казалось, и дела не было до первой линии.

Защита страны, которая до сих пор именовалась «святая Русь», а теперь стала в некотором смысле ничейной, «интернациональной», доверена горстке добровольцев, составляющих примерно сто двадцатую часть русской армии.

Мы спешили, чтобы поговорить с солдатами, которых не могли не уважать. Революционная пропаганда, за исключением нескольких лицемерных лозунгов, призывала людей забыть о своей родине и о своем историческом долге. Солдаты выглядели изнуренными, лишенными той военной гордости, которая придает сил тем, кто терпел лишения и приготовился к смерти.

На войне часто видишь – и я это видел в русской армии в 1915 г. – удивительное здоровье, прекрасный аппетит, хорошее настроение и вкус к жизни в моменты, когда у человека могут отнять жизнь в любое мгновение. Ничего подобного у этих солдат нет, они производят впечатление страдальцев, обреченных на выполнение долга, но внутри сомневаются и колеблются. В них нет и крупницы того здорового энтузиазма, каким дышали самые последние батальоны русских в 1915 г.

Мой друг Зейнал-Бек постарался поднять в них воинский дух. Добрый Садеков говорит отлично, мягким голосом с простыми достойными жестами. И, похоже, солдаты в глубине души с ним согласны, а если возражают, то только потому, что нельзя же сдаваться сразу. Все их объяснения очень понятны.

– Солдаты совсем запутались, – говорит один из них. – Сегодня им говорят одно, завтра кричат другое. Они не понимают, что им делать.

– Вы храбрецы, – утверждает дворянин черкес, – всему миру известна храбрость русского солдата. Но вам задурили головы идеями, которые вы не очень-то понимаете. Рассудите сами, могут ли командовать полком сразу несколько командиров?

– Что от нас хотеть? Большинство из нас читать-писать не умеет. Во Франции и в Англии, наверное, по-другому?

И все вопросительно смотрят на меня.

Я говорю на своем плохом русском о свободе, той самой, что не сходит с языка у людей фальшивых и своекорыстных, утверждаю, что нет ничего дороже свободы, она дороже благополучия, счастья, цивилизации, она достойна того, чтобы ее защищали даже ценой жизни, потому что жизнь без нее не имеет цены.

Какое-то время мы еще беседуем с этими славными солдатами, им трудно, их оставили наедине с самими собой.

Зейнал-Бек дает команду, и наши ловкие красавцы всадники вскакивают в седла. Кавалькада удаляется, и нам вслед долго смотрит горстка солдат, затерянных на этом бескрайнем просторе, одиноких среди своих сомнений и поражений.

Ночь, не спеша, наполняется жизнью. С севера на юг двигаются пехотинцы, кавалеристы разных полков, отряд кабардинцев... Мы привязали лошадей к плетню на околице Толстой и стали держать военный совет. Неприятель, который только что обстреливал наших, находится за хутором Дембина, и мы тремя небольшими группами пойдем тремя дорогами в поисках неприятеля.

Я еду с пехотинцами под командованием поручика Карелина. Нас семеро: три офицера, три солдата и я. Другие группы, тоже по семь-восемь человек, уезжают одновременно с нами. У околицы мы расстаемся.

Ночь, светлое небо, яркая луна и четкая линия холмов. Неприятелю трудно нас разглядеть, мы специально выбрали лошадей темной масти.

Только мы успели подняться по склону, как зарево позади заставило нас обернуться. Подожен дом, и свет, ослепительно яркий в темноте, падает и на нас. Наше преимущество потеряно, каждое наше движение отчетливо видно на фоне пожара.

Мы осторожно продолжаем продвигаться вперед по дороге среди полей овса и кукурузы. Затем сворачиваем прямо по полю на юго-запад, к другой дороге, идущей параллельно первой. И вдруг справа и слева от себя замечаем довольно многочисленные отряды, скачущие, чтобы нас окружить. Нам ничего не остается, как повернуть назад перед неведомым числом неприятеля. Мы мчимся галопом прямо через поля, а потом рапортуем поручику Зейнал-Беку, временно назначенному главным командиром, о результатах нашей прогулки.

Затем по его приказу мы вновь отправляемся в путь отрядом в двадцать всадников. Пожар к этому времени погас, и нашу вторую экспедицию мы снова начинаем в темноте. Но когда мы скачем по полю, небо позади нас вновь озаряется огнем: подожгли второй дом. Теперь обстоятельства опять против нас: луна исчезла, и враг стал невидимкой, так что мы продолжаем наш путь в молчании.

На этот раз далеко ехать не пришлось. Едва мы добрались до первой дороги, о которой я упоминал, как со всех сторон раздались выстрелы. Мы ответили. Выстрелы идут снизу, стреляют пение. Мы на лошадях, против озаренного могучим пожаром неба, нас отлично видно, и мы бессильны против этого поста или патруля, который застался в темноте и стреляет разрывными пулями. Я скачу галопом и вижу синевато-белые огоньки в траве: пули ударяются обо что-то твердое.

Несколько лошадей перепугались и понесли, остальные ринулись за ними. Сумасшедшая скачка в темноте. Я потерял стремя, безуспешно пытался как-то справиться с лошадью и должен был стискивать ее коленками, когда она прыгнула через ручей, что течет по долине.

После того, как нам удалось утихомирить лошадей, мы поехали к деревне. Со всех сторон опять выстрелы. Похоже, все наши отряды столкнулись с врагом, который давно настоroje. Если бы шпионы не подожгли дома, от темноты нам была бы помощь.

13. Детишки в кукурузном поле

Возле Толстой, 17/30 июля

Зейнал-Бек счел, и я с ним согласен, что заниматься этой ночью разведкой бессмысленно. Значит, у нас впереди несколько часов отдыха – сейчас уже половина четвертого, а потом мы вернемся к нашему заданию.

Восемь офицеров улеглись на полу и на столах в домишке на хуторе. Его хозяйка, ворчливая старуха, не торопилась с услугами. А наши татары тем временем ощипывали кур. Куриная гибель не улучшила настроения старухи. Татары развели могучий огонь в очаге и повесили два больших котла, составив пучком по три винтовки.

Я вышел из дома. Ночь светлая. К изгороди привязаны штук пятьдесят лошадей, и возле них на траве спят наши татары и кабардинцы, завернувшись в серые плащи и черные бурки. Спят, обняв ружья, не расстаются с ними и во сне. Справа и слева всадники – наши аванпосты – на расстоянии нескольких сотен метров от нас охраняют сон остальных.

Я захожу в другой дом, надеясь найти кровать. Мне по плечу тяготы военной жизни, но по возможности я предпочитаю удобства. Из комнаты выходят полуодетый старик и девочка лет десяти, старик спрашивает, что мне нужно. Мы вступаем в разговор. Старик участник войны 1866 г.¹²⁸ Тяжелой трудовой жизнью добился скромного благополучия: хутор, хорошо обработанный надел, коровы, овцы, мебель. Ему казалось, что он прочно и надежно защитился от всех ударов судьбы. И даже, когда началась война и пришли русские, жизнь не слишком переменялась. Не было конфликтов, не было злоупотреблений: «солдаты» привыкли жить среди крестьян. Офицеры крепко держали их в руках. Сердце местных жителей – и уж точно сердце старого солдата – болело за родную Галичину, но со временем галичане начали даже симпатизировать завоевателям.

И как все теперь переменялось! «Творят, что хотят!» Русские солдаты заходят на хутора с саблей наголо и забирают все, что понравит-

ся. Его дом уже четыре раза грабили. А с евреями обращаются еще хуже. С ними вообще все позволено, потому что у них больше вещей, какие нравятся русским. У простых крестьян все проще, для грабителей меньше соблазнов.

Маленькая девочка с чудесными светлыми глазами вдруг заплакалась. Я спросил деда, из-за чего она плачет. «Знали бы вы, как она все переживает! Мария у нас такая нежная! А вы представьте – приходят солдаты, все переворачивают, угрожают – а зачем? Мне же ничего не надо. А они все хватают, шкафы выворачивают, на пол бросают, разбивают, что не понравилось, ругаются черными словами, бывает, что и пьяные. Ее мать и бабушка сбежали после первого грабежа. Что с ними случилось, не знаю».

Я спросил, есть у Марии братья и сестры. «Есть две маленьких сестренки: шесть и восемь. Мои три внучки. Мария захотела с дедушкой остаться, а младшие вырыли на огороде яму в кукурузе, и там прячутся, ночуют в холодные ночи, только бы не попасться в руки разбойников. Знали бы вы, как все переменяла эта русская революция!»

Старик предоставил мне кровать, угостил фруктами, поблагодарил за разговор. «Знали бы вы, что для меня значит поговорить по-человечески, услышать добрые слова, а не ругань и угрозы штыком и саблей. Мария, поцелуй офицеру руку!» Этого я не позволил и сказал, что было бы странно плохо обходиться со стариком и такой славной маленькой девочкой.

Мария показала мне свои сокровища, которые она укрыла от жадных «казаков»: грифельная доска, замусоленная кукла, книжка с цветными картинками и другие драгоценности, на защиту которых она встала бы даже против сабель пьяных солдат.

Два сожженных дома сильно напугали старика и девочек. Но Мария ходила за сестрами, и они вернулись в дом. Все трое ластились ко мне, хотели поцеловать руку, а ночь понемногу редела, двигаясь к заре.

Я не смог заснуть, мне трудно давался сон на нечистых крестьянских постелях, кишаших паразитами. И на протяжении трех часов, какие мне оставались до подъема, я слышал детские голоса – тихие, чтобы меня не потревожить. Девочкам стало спокойнее в моем присутствии, но ржанье лошадей, грубые голоса солдат продолжали их пугать.

С большим трудом мне удалось вложить немного денег в руку девочки, и я вернулся на бивуак. Офицеры спали среди невысшего хаоса. Огонь в очаге продолжал гореть. В него пошли все дрова старухи. Суп, на который солдаты не пожалели десятка кур, все еще не сварился. Огонь полыхал и казался пожаром, освещая разоренную комнату: один из наших татар старательно рубил саблей стулья,

шкафчики, мелкую хозяйственную утварь. Другой кидал обломки в огонь. Третий помешивал драгоценный суп шашкой с серебряной рукоятью. Своей работой они занимались шумно, напевая кавказские песни, переговаривались на своем медлительном с носовыми звуками языке.

Съев каждый свою курицу, ели руками, помогая кинжалами, под проклятия несчастной старухи (ее сухие глаза продолжали плакать), мы уехали из деревни. Патруль выяснил, пока мы спали, и сообщил, что дороги, по которым мы ездили в ночи, вполне безопасны, если не считать выстрелов издалека. Значит, в эту ночь мы имели дело с аванпостами.

Деревня Толстая пуста, жители перешли к неприятелю. Мы ждем нового приказа в брошенном домишке. По распоряжению Зейнал-Бека солдаты действительно купили барашка, и теперь здесь жарится чудесный кавказский шашлык: небольшие кусочки мяса нанизываются на ивовый прут и поджариваются на огне.

Приходит приказ: наша миссия окончена. Вместо нас будет работать разведка ингушей. Я осведомился у капитана Мухина, может ли он мне гарантировать, что они непременно доберутся до врага. Он ничего не мог мне пообещать, и я уступил настояниям Зейнал-Бека и вернулся вместе с ним.

Для наших лошадей наступило замечательное время. Мы отпустили их пастись в поля овса, ржи, молодой кукурузы, они пили из речушек, которые мы переходили вброд, иногда по седло в воде. И мы тоже радовались, радовались тяготам, порой невыносимым, но, преодолев которые, чувствуешь себя крепче, храбрее и мужественнее.

14. Конец вылазки и возвращение

Старое Поречье, 18/1 августа

Мы не нашли нашего полка в Мартинковцах. Пришлось, не откладывая, ехать в сторону Кузьмина, куда, как нас уверили, он был отправлен, хотя для нас никто не оставил никакой записки.

Два полка, с которыми я в последнее время путешествовал, – чеченцы и татары – расположились в Новом и Старом Поречье. Я делю с замечательными офицерами, двумя полковниками Мусалаевым и О'Ремом и полковым адъютантом, великолепный польский замок, хозяином которого теперь русский по фамилии Никитин, и наконец-то после девятидневных странствий мы находим здесь отдых. Я попросился с офицерами и отправился с визитом в штаб дивизии.

Штаб расположился в замке княгини Чарторыйской. Князь Багратион, с которым я провожу вечер, рассказал мне об атаках, в которых участвовал во время войны, и пригласил, как только солда-

ты отдохнут, приехать в полк и поучаствовать в атаке вместе с его кавказцами-кавалеристами*.

Глава VII. В армии патриотов

Я простился с Дикой дивизией, и меня отвезли на ближайший вокзал, чтобы я двинулся в Каменец-Подольский. Я собирался сопроводить туда графа Комаровского, которого штаб 2-й бригады Дикой дивизии направлял туда «по делам», а на деле за бочками с вином: татары и чеченцы уже полтора месяца не видели ни капли и их терпению пришел конец. Я разминутся с графом и больше уже никогда его не видел.

*Я ехал в Каменец на поезде генерала Черемисова, которого Временное правительство только что назначило командующим армиями Юго-Западного фронта¹²⁹. Этот офицер заслуживает, чтобы мы ненадолго остановились и вспомнили о нем. Когда разразилась революция, его необузданное честолюбие, нравственная всеядность, презрение к людям дали ему возможность использовать в своих целях солдатскую анархию и страсть к политике «новых людей». Находясь в немилости при царском режиме и медленно продвигаясь по службе, он решил поклониться новым богам и наверстать упущенное. Он готов был на все уступки революционерам, даже в ущерб армии, и был уверен, что обойдет всех своих товарищей, кого еще удерживали сомнения. Как Брусилев, он искал расположения солдат, но не старался сохранить свое лицо. Как ни далеко заходил Брусилев, он никогда не посягал на боевой дух армии. Генерал Черемисов, зачастую без просьб самих солдат, устраивал боевые комитеты и оперативные комитеты**.*

* В скором времени дивизия генерала Багратиона, вызванная в Петроград Корниловым, желавшим подкрепить свои претензии на диктатуру, потерпела неудачу в полях севера. Чужеземные князья подчинялись власти великого русского царя, но после того, как не стало его магической власти, им расхотелось служить. Ради чего? Неужели воины Кавказа могут стать полицейскими? Зачем им рисковать в бесславных и бесцельных боях, рискуя жизнью, навсегда прошившись с Казбеком и солнечными долинами? Их сумки полны золота и драгоценностей, взятых у неверных. Они покрыты собой славой и в песнях поют о страхе, который они внушают врагам. Последняя нить, связывавшая их с Россией, обрезана. Пусть русские сами разбираются между собой. Война кончилась. Сыны Кавказа, вольные и невозмутимые, возвращаются на родину к своим полям, стадам, высоким перевалам. Князь Багратион вернулся на Кавказ, и спустя какое-то время был расстрелян большевиками.

** Боевой комитет – комитет из солдат, контролирующий приказы командиров. Оперативный комитет – комитет из солдат, которые имели доступ к планам и документам штабов, могли их обсуждать и вносить улучшения. Большевицкая пропаганда требовала учреждения этих двух комитетов, чтобы подорвать власть офицеров. Комитеты имели право veto.

Он сумел убедить Временное правительство, легко поддававшееся на обманы, что, если солдатам дать больше свободы, их революционный энтузиазм доведет армию до сердца Германии*. Друзья генерала, два еврея, господин Рубинштейн, фамилии второго не помню, проповедовали во всех солдатских комитетах, что победить может только этот «по-настоящему революционный генерал». Подтверждали это победами под Станиславовым**, одержанным только благодаря двум ударным батальонам Неженцева и действиям Дикой дивизии, где сохранялась прежняя дисциплина. «Революционные» солдаты не имели к ним никакого отношения. Однако это не помешало генералу Черемисову и его приспешникам приписать победы «освобожденным» солдатам. Его эмиссары ездили повсюду — и в комитеты частей, которыми генерал хотел командовать, и в штабы фронтов, ратуя за «революционного генерала, с которым не офицеры, а солдаты выигрывают битвы!».

Приехав в Каменец-Подольский, чтобы получить полномочия командующего Юго-Западного фронта, генерал Черемисов не знал, что Корнилов, которого он ненавидел, и не без оснований, уже назначил на это место генерала Деникина¹³⁰. Когда мы вышли на перрон, нас встретил офицер штаба фронта и передал приказ генералу ехать обратно. В недоумении и ярости он был вынужден вернуться.

Я поехал в Киев. В середине августа я снова вернулся на фронт. Штаб Юго-Западного фронта при приближении неприятельской армии был переведен в Бердичев. В Каменец-Подольском находился теперь штаб армии.

В Бердичеве я узнал, что министр иностранных дел¹³¹ приказал своему представителю в штабе Юго-Западного фронта «принять против меня меры». Действительно, я написал несколько писем ми-

* Генерал Черемисов имел обыкновение опережать пожелания комитетов. С тех пор, как армия перестала восвать, он не сомневался, что победит всех, потому что его коллеги не имели печальной решимости следовать по его стопам. Он преуспел так, что опроверг даже солдатам.

Назначенный командующим 9-й армии, он произвел смотр всем частям, которые в нее входили. Произнесил пламенные речи, предложил повсюду учредить «боевые и оперативные комитеты». Солдатский комитет 6-го корпуса выразил протест, после чего последовала удивительная сцена: командующий армии настаивал на развале армии, а солдаты сопротивлялись. Кавалерия пострадала меньше других: сформированная при царском режиме, состоящая из отважных воинов, она какое-то время держалась. 6-й кавалерийский корпус послал нескольких солдат к генералу [Н. Н.] Головину, начальнику главного штаба группы армий (исполняющий должность начальника штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта. — Примеч. сост.), с просьбой перевести его в состав другой армии, «чтобы оградить себя от тлетворного влияния генерала Черемисова». Что и было сделано.

** О них я писал в предыдущей главе.

нистру внутренних дел¹³², жалуясь на обыски тайной полиции, сопровождавшиеся воровством, которым я подвергся в гостинице «Регина» в Петрограде. Я не скрывал своего мнения по поводу тех персон, которых Временное правительство считает необходимым внедрять во все службы империи.

В своей почте я нашел письмо от посланника Нидерландов в Петрограде, он сообщал мне, что Временное правительство сообщило ему о строгих мерах, которые намерено принять относительно меня. И как это водится, сообщал, что защитить меня он возможности не имеет. После разговора со штабом фронта, где моим письмам породавались, представитель дипломатической службы господин Алферов сообщил мне, что «Ставка, ознакомившись с моими неуместными письмами, адресованными министру внутренних дел и коменданту петроградского гарнизона, не принимает против меня мер только потому, что я выказал военную доблесть на фронте, ну и т. д.». Я поблагодарил его, и мы выпили рюмочку за «возвращение в Россию порядка».

Ждали государственного переворота. Князь Куракин сказал мне с таинственным видом: «Скоро в России все переменится». Будущее было в тумане, и я продолжил свое путешествие.

Я вновь приехал в Каменец-Подольский и наблюдал невероятное. Вокруг города продолжалось беспорядочное отступление армии с грабежами и всевозможными эксцессами. В городе власть принадлежала солдатам. По своему желанию они останавливали офицеров на улице и проверяли документы. Офицеры сторонились разлагающейся армии, патриоты организовывали отряды добровольцев, политики занимали бесполезные кабинеты штабов и пользовались беспорядками, чтобы повесить себе на грудь солдатские Георгиевские кресты, а также другие награды и занять удивительные военные должности. Черемисов, в июле командующий армейским корпусом, в сентябре стал главнокомандующим армиями фронта, не имея никакого контакта с войсками. И он был такой не один.

На вокзале Каменец-Подольского я увидел полки ингушей и кабардинцев, они грузили лошадей, отправляясь в Петроград. Чуть дальше пятью эшелонами уезжал на север капитан Неженцев со своим ударным батальоном, и Корнилов. Мы полюбовались его великолепным отрядом, состоящим из трех тысяч штыков, сотни казаков и батареи полевых орудий. И здесь та же таинственность. Войска направляют

* Так называемые, «кресты Керенского». Они давались офицерам по представлению солдат. Солдаты отказывали в них строгим офицерам, зато крест можно было получить, увеличив порцию сахара или распределив сигареты. В полках их ценили. Крест носили с пальмовой ветвью.

ся на рижский фронт, но принц Ольденбургский, ученый, полковой адъютант, дал мне понять, что «что-то должно произойти».

Несколькими днями позже я узнал о попытке государственного переворота Деникина и его неудаче¹³³. Я немедленно вернулся в Бердичев.

На вокзале я встретил румынского полковника...¹³⁴ атташе при штабе армий Юго-Западного фронта. Он доверительно сообщил мне, что солдатский комитет по приказу правительственного комиссара арестовал Деникина, Маркова и других. Им плевали в лицо, швыряли в них камнями, отказались дать матрасы, чтобы ночевать. Им грозили смертью. Полковник жаловался, что полковник [Ж.] Табуи, глава корпуса иностранных атташе, под предлогом того, что не имеет права вмешиваться в дела русских, отказался от попытки спасти Деникина, Маркова и других, хотя это способствовало бы победе союзников. Он предложил мне пойти к комиссару фронта [Н. И.] Иорданскому.

У комиссара я увидел генерала, члена штаба фронта, и несколько журналистов. Господин Иорданский, заслуженный революционер, накопил большой опыт конспирации за время своей долгой деятельности, он без труда раскрыл заговор и арестовал одиннадцать или двенадцать человек, в том числе и генералов [А. И.] Деникина, [С. Л.] Маркова, [Е. Ф.] Эльснера, [И. П.] Романовского, князя [С. Ал.] Кропоткина (адъютанта Деникина), а также профессора [Б. А.] Будиловича, этого своего рода Тиртея¹³⁵ с сердцем льва, и чеха поручика [В. В.] Клецанду, отважного боевого офицера, который во время ареста ранил солдата*.

Я попросил у комиссара Иорданского разрешения поговорить с Деникиным, чтобы получить возможность развеять лживые слухи о дурном с ним обращении. Сказал, что уведомя об этом компетентные лица, а через них и правительства союзников. Я понял, что Иорданский хочет, чтобы «заговорщиков» судил солдатский комитет Бердичева, и в этом случае они были бы обречены. После крайне напря-

* Государственный переворот Корнилова и его генералов готовился с такой детальной неуклюжестью, что все его ждали, и комиссарам не составило труда его предотвратить. Говорит само за себя то, что Корнилов деликатно переписывался с Керенским по телеграфу, вместо того чтобы пригласить его в Ставку и заставить подписать необходимые приказы. Когда Корнилов пригласил Деникина и Маркова присоединиться к нему, они привлекли и офицеров главного штаба, информируя их обо всем, что происходит, а среди них было немало сочувствующих новому режиму. Деникин рассчитывал на казачий полк, который должен был арестовать комиссаров и комитеты, но забыл о семи или восьми пулеметах в Бердичеве, которые изъясил Иорданский под предлогом необходимости починить их. В нужный момент на казаков направили пулеметы, они мгновенно сдались, и за час все было кончено.

Иорданский выполнил свой долг. Иностранные атташе замолвили слово только князя Кропоткина, чья роль была весьма скромной. Защищая других арестованных, они могли поступить прометчиво!

женного спора с Иорданским, которого яростно поддерживали красные журналисты, я ушел и дал телеграмму генералу Жанену.

На следующий день газета «Киевская мысль», а за ней и другие русские газеты опубликовали статьи, требуя от правительства суровых мер против меня. Комиссары в Ставке были готовы пустить в дело «революционную справедливость». Генерал Жанен и командующий Бушениульц сумели их успокоить. При подобных обстоятельствах я предпочел покинуть Россию и уехал на Румынский фронт.

В штабе румынской армии меня очень хорошо приняли, так как я привез собственноручное письмо генерала [М.] Пелле, а от генерала Коанда и господина Митилино, посланника Нидерландов, были получены депеши. Мое пребывание в румынской армии было благополучным. Я был прикомандирован к полку 55/67 под командованием полковника Драгу, великолепного храброго командира, любимого своими подчиненными. Он отвечал за сектор перед дереушкой Мэрэшешти, которая дала свое имя знаменитому сражению русских и румын против немцев¹³⁶. Румынские солдаты проявили в ней незаурядную выносливость и хороший боевой дух. Ими умно командовал офицер, которого иной раз называли изнеженным, но он проявил себя ничуть не хуже своих товарищей на других фронтах.

Я совершил несколько коротких поездок в 6-ю русскую армию и нашел там все то же самое, что и в России. Банды красных солдат объезжали местность, грабили и совершали всяческие жестокости. В декабре 1917 г. около тридцати деревень были уничтожены. Положение русских офицеров в Румынии было отчаянным. Они не могли остановить распространившееся зло и были вынуждены нести клеймо общественного осуждения. Русское командование делало все возможное, чтобы пресечь беспорядки в своих войсках. Соседство с превосходными румынскими войсками, которые по-прежнему демонстрировали отличные военные и патриотические качества, могло бы помочь генералу [Д. Г.] Щербачеву противостоять требованиям солдат. Однако по непонятным причинам он шел на уступки большевикам.

В Яссах в один из вечеров в декабре 1917 г. я ужинал у посланника Бельгии, а жил он рядом с резиденцией генерала Щербачева. Внезапно мы услышали оттуда крики и поспешили туда. Русский офицер посягнул на жизнь генерала. Как он мог войти к нему в дом? Потом я узнал, что генерал Щербачев предоставлял свою гостиную для заседаний большевистского комитета, очевидно, считая, что эти люди посланы исполнительным комитетом Петрограда, чтобы окончательно разложить русскую армию в Румынии. Возглавляли эти сборища известная большевистская пропагандистка еврейка мадмуазель Рош и тоже еврей [С. Г.] Рошаль, молодой человек двадцати двух лет, в прошлом президент республики Кронштадт, который самым жестоким обра-

зом казнил не одну сотню морских офицеров¹³⁷. Все они были обысканы, и выяснилось, что ни один из них не имеет никаких мандатов. Рошаль трусливо унижался, плакал, на коленях просил пощады. От него хотели избавиться, но украинский депутат при Щербачеве яростно этому воспротивился.

На состоянии Румынского фронта, безусловно, отразилось перемирие, заключенное между русскими и австро-германцами¹³⁸. Пушки замолчали. Я решил, что моя работа в качестве военного корреспондента закончилась, и в конце декабря уехал из Румынии, собираясь вернуться во Францию. Перед отъездом генерал [Е.] Григореску вручил мне во время скромной и трогательной церемонии офицерский крест ордена Короны Румынии с мечами.

Мое пребывание в румынской армии было относительно спокойным — я участвовал всего лишь в двух разведках между боевыми линиями, но считал бы для себя честью посвятить несколько глав прекрасному полку полковника Драгу, а также генералу Григореску и другим офицерам, которые оказали мне гостеприимство. К несчастью, и записки, и фотографии, снятые в румынской армии, разделили судьбу моих чемоданов. Какие-то из них по-прежнему в Киеве, а другие у меня украли русские «товарищи».

Я приехал в Киев в начале 1918 г. и застал там весьма своеобразную обстановку. С одной стороны, [С. В.] Петлюра, своего рода [Ж.] Буланже, блестящий малокультурный кавалерист, собравший вокруг себя офицерство, если чем-то заметное, то разве что формой в средневековом стиле. В стычках с большевиками Петлюра почти не терпит потерь: при столкновениях они разбегаются в разные стороны. «Украинское правительство», сформированное немцами¹³⁹, не имеет опоры в прошлом и лишено будущего, оно старается обмануть союзников и дожидается немцев. Большевистские эмиссары действуют в городе почти беспрепятственно. Голова большевистского движения — евреи, интеллигенция, балтийские матросы — его руки. Уже начались ночные расправы и аресты. Ждут погромов. Банкир Вайнштейн, «банк коммерции и индустрии», делился со мной своим беспокойством. Союзники не вмешиваются: одни надеются, что немцы восстановят монархию, другие ждут полной победы большевиков и, глядя на течение событий, застыли, скрестив руки.

Я встретился с русскими друзьями, умными офицерами, однако лишившимися всякой инициативы после того, как рухнула иерархия, которая их сформировала. Много генералов с прекрасными фамилиями, верно служивших родине вместе со старой армией, но нет ни одного вожда.

Я уже собрал чемоданы и приготовился уезжать из России, как вдруг случайно узнал об одном комиссаре генерала Алексева, который

собирает добровольцев, формируя новую Донскую армию. Я пошел по-видаться с ним. Это оказался молодой поручик, граф Разумовский, он переоделся в гражданское и жил в маленьком домишке в пригороде. Он назвал мне цифры, но явно преувеличенные. Шестьдесят тысяч казаков и сто пятьдесят тысяч добровольцев под командованием генерала Алексеева вместе с героем Корниловым двинутся на Москву. Мне имеет смысл примкнуть к одному из многочисленных отрядов казаков, которые направляются на Дон под командованием их атамана, генерала [А. М.] Каледина.

Княгиня Барятинская и ее муж, бывший военный атташе в Риме, сообщили мне, что 5 или 6 января Георгиевский батальон (почетная гвардия Ставки) отправился в Ростов¹⁴⁰.

Из Киева к Донскому правительству

1. О «товарищах»

Старания упорядочить русский хаос сосредоточились в Новочеркасске. Все лучшие люди России – генералы, офицеры, дворяне, патриоты всех сословий, бросив разложившуюся армию, горящие деревни, охваченные анархией города, двинулись окольными тропами на Дон к атаману казаков [и] республиканцу Корнилову. В Киеве мои друзья, молодые горячие офицеры-аристократы, все собирались к нему: добраться, переодевшись, и встать в ряды новой армии, что формируется в сердце России, отомстить за честь русского офицерства и армии, запятнанной трусостью, предательством и жестокостями двенадцати миллионов «товарищей»!

* К сожалению, у большинства дело ограничилось намерениями. После расформирования 1-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием генерала [А. П.] Богаевского в Киеве в декабре 1917 г. находился сам генерал и множество его офицеров, принадлежавших к лучшим фамилиям России. Он показал им пример исполнения долга, состоявший во вступлении в армию добровольцев. Позже в Донском правительстве он встретил только двоих. Но это не избавило остальных от жалкой смерти, когда в конце февраля большевики взяли Киев. Впрочем, очевидно, что придворная аристократия России, как, собственно, и повсюду в Европе, была не на высоте по отношению и к своему долгу, и к своим обязанностям. Дюгеклены [автор имеет в виду Бертрана Дюгеклена (1320–1380), выдающегося военачальника Столетней войны, коннетабля Франции. – Примеч. сост.], простые дворяне, вели себя куда достойнее.

В начале 1918 г. на курорте Минеральные воды неподалеку от колыбели Добровольческой армии развлекалась тысяча офицеров. Месяц спустя они оказались в руках большевиков, их расстреляли или вынудили работать на себя, на их злейших врагов (Грондейс указывает на акт красного террора на курорте Кавказских Минеральных вод Пятигорске, произошедший не в начале 1918 г., а в конце октября 1918 г. По постановлению Чрезвычайной комиссии в Пятигорске были казнены 106 человек, среди

Линия сражений украинских банд с большевистскими приближалась к направлению Киев – Ростов, грозя нарушить связь, и я поспешил уехать.

10/23 января я уехал в вагоне штаба фронта в обществе еще тридцати таких же, как я, привилегированных. Нам завидовали все «непривилегированные». В коридоре солдаты в упор смотрели на нас, обмениваясь между собой репликами со словами «контрреволюционеры». «буржуи». Мы догадывались, что без столкновения не обойдется.

Действительно, ранним утром на следующий день наш вагон отцепили на полустанке, я едва успел перекинуть на ходу багаж в теплушку.

В теплушке уже ехали человек тридцать, кто, лежа на полу, кто, сидя на чемоданах или мешках: военврач без погон, казаки, крестьяне, в углу прикорнула женщина и еще молчаливые, в солдатских шинелях, но узнаваемые по тонким чертам лица и чистоте рук офицеры, ехавшие в армию Корнилова.

При моем появлении все замолчали. Здесь явно были и ярые демократы, им я не мог понравиться. Я дал понять, что я иностранец, это их немного успокоило. Вскоре они забыли обо мне, и я мог спокойно наблюдать и слушать.

Старый казак разговаривал с революционным солдатом:

– Дураки вы! Не захотели с немцем сражаться! И что? Теперь в родных братьев стрелять будете! Много выиграла? Нет, не надо, не надо было бежать с фронта!

– Свобода этого требовала, товарищ.

– И никто не работает! Если не сеяли, что жать будем, лодыри вы беспробудные?! Только жрать и пить умеете. Вам бы домой скорей и землю пахать!

– Нет, я не хочу пахать землю! Я всю жизнь ее пахал, а потом три с половиной года кровь лил, не хочу больше ни земли, ни войны, *(и обротившись ко мне)* я хочу быть писателем!

Другой революционный солдат, глядя недобрим взглядом, допрашивал доктора:

– Сколько получаешь в месяц, товарищ?

– Сорок семь рублей.

– Сорок семь?! А я всего двадцать! Несправедливо!

них член Государственного совета князь Н. П. Урусов, бывший министр путей сообщения Российской империи С. В. Рухлов, генералы Н. В. Рузский, Р. Д. Радко-Дмитриев, контр-адмирал А. П. Капнист и др. – *Примеч. сост.*)

Наступила ночь, а разговоры продолжались. Разговаривая, солдаты возбуждались. Им всем хотелось грабить помещиков и уничтожать контрреволюционеров.

В удушающей духоте мне наконец удалось задремать, сидя на своем чемодане, но громкие голоса вскоре меня разбудили. Вокруг зажженной свечи сгрудилось несколько человек: двое кричали с искаженными лицами, добродушные крестьяне смотрели на них, посмеиваясь.

– Мы забрали и поделили зерно, – кричал один, – срубили и продали деревья, выгнали помещика, все в доме поломали, шкафы, столы, картины – все!

Громкий хохот. Однако кто-то возразил:

– Ну и глупо! Буржуев убивать надо, а ломать-то все зачем? Забирать надо и пользоваться.

Разговор перешел на армию Корнилова.

– Пленных у нас не было. Брали офицера и расстреливали.

– Убивать их мало! Их надо в воду бросать! Живыми! В кипяток!

– Шкуру сдирать! Всю спину шомполами!

Разговор показался мне любопытным, и я позволил себе вмешаться.

– Мне рассказывали, что на австро-германском фронте солдаты продали неприятелю лошадей и пушки. Правда это? А сколько немцы заплатили за пушки и лошадей можете вы мне сказать?

– Вот у него спросите. Он должен знать, он командир полка.

Я взглянул на того, кого мне указали: солдата лет тридцати.

– И что ж, господин полковник, – спросил я под смех собравшихся, – много лошадей вы продали неприятелю?

– Сколько смогли. А что делать? Я хотел сначала румынам продавать, но они мало давали. Немцы мне дали по сто рублей за лошадь.

Сразу же поднялся крик.

– Сто рублей! Как же нас-то обобрали!

Обобрали и еще как! Они своих лошадей продавали за 8, 5, 3 рубля. Великолепных офицерских лошадей за 20 рублей... А лошадей туркестанского саперного батальона дешевле.

– А как пушки шли, господин полковник?

– Поначалу нашлись хитрецы, которые сумели продать свои пушки по 15 тысяч за батарею из шести трехдюймовых пушек и за 30 тысяч за тяжелую батарею. Но такой базар быстро кончился. В нашей дивизии немцы платили по тысячи рублей за пушку.

– Думаю, вы много еще чего продавали неприятелю?

– Да все подряд, что было в обозах – мыло, муку...

– В общем, полная ликвидация. А если бы мне захотелось *знамя* вашего полка, вы бы мне его продали?

— Почему нет? Триста рублей, если желаете. Это возьмете, мы другое сделаем.

— Триста? Дороговато за ваше зная. Не стоит оно трехсот рублей. Чуть позже «полковник» мне сказал, что он вернулся с фронта, что он, простой солдат! — с 27 тысячами рублей в кармане. И прогулял их за две недели с «женщинами».

Таких солдат, как эти новорежимные, не бывало еще на свете, они уникальны во всей мировой истории!

2. С казаками

12/25 января 1918 г.

Утром я приехал в Знаменку, собираясь ехать дальше с казаками, возвращавшимися с фронта.

Мои киевские друзья говорили мне, что молодые казаки, отозванные военным Донским правительством, возвращались к себе в станицы целиком на стороне максималистов-пропагандистов, но со своими офицерами они не ссорились, потому что те не требовали от них исполнения долга перед русской родиной. Старые казаки стояли за атамана, Алексеева и Корнилова. Донское правительство расформировывало полки, как только они приходили с фронта, и отправляло людей по станицам подышать родным воздухом, а потом призывало их и формировало новые подразделения со строгой дисциплиной.

Как раз один «комиссар» казаков должен был уезжать сегодня с секретарем и несколькими офицерами на специальном поезде в Новочеркасск. Он выделил мне купе в спальном вагоне. Его тон с офицерами, его отзывы о них были неприятно грубыми.

В два часа дня мы получили депешу, что «вокзал и город Александровск заняли большевики, на мосту установлены две пушки и штук двадцать пулеметов, перекрывая подступ к Днепру. Большевики многочисленны, хорошо вооружены, их намерение — разоружить всех казаков, едущих на Дон».

Комиссар решил, что поезд, где я расположился с таким удобством, вернется в Киев. Казаки ехали на Дон группами, кто поездом, кто верхом. Я собрался ехать с ними. Два эшелона из 11-й дивизии как раз находились на вокзале. Я представился полковнику, он охотно принял меня, и я сел вместе с офицерами в вагон третьего класса.

Предстояло решить существенную проблему. Переправа через широкий и глубокий Днепр — дело непростое, нас могли атаковать отряды максималистов. Полковой командир отправил вперед доктора, он должен был сообщить нам, в каком состоянии находится переправа: есть ли серьезные препятствия для пятисот хорошо вооруженных всадников с пулеметами.

Доктор-еврей, человек очень ловкий, часто исполнял у них роль разведчика и даже шпиона, что требует не только ума, но и храбрости. Однако офицеры уверяли меня, что под огнем он трус. Трусость и отвага в одном человеке удивили меня, но потом я подумал, что доктор, имея дело с крестьянами и солдатами, полагается на свой ум, который помогает ему избегать опасностей, а с пулей не договоришься.

13/26 января

Стоило нашим казакам выйти на вокзале, где останавливался поезд, как к ним тут же подходили неведомо откуда взявшиеся матросы и «рабочие»-агитаторы с горящими глазами и рублеными жестами. В запасе у них десять слов, три идеи, и они яростно твердят их, настраивая и возбуждая толпу. Результат не замедлил сказаться: казаки перестали слушаться старших, начали грубить. Контакт между офицерами и солдатами нарушился. Больше никаких приказов, каждый делает, что хочет.

Во второй половине дня доктор вернулся. Переправа через Днепр обещает быть сложной операцией. Все мосты в руках большевиков. Единственное средство – паром, который может взять только двадцать человек с лошадьми и на путь туда и обратно тратит два часа. В нашем отряде сто пятьдесят человек, значит, нам понадобится на переправу не меньше шестнадцати часов. Последние будут подвергаться серьезной опасности.

В Долгинцево начальник эшелона получил депешу от комиссара казаков в Знаменке: ему приказано ждать артиллерийского подкрепления, которое позволит атаковать Александровск. Спросили казаков, они хотели ехать дальше. Значит, едем.

В Никополе вечером новый приказ от комиссара из Знаменки: не двигаться с места, ждать артиллерию; расчет на полк текинцев (Афганистан)¹⁴¹, преданный генералу Корнилову.

Последовала огорчительная сцена между казаками и офицерами. Казаки не верили, кричали: «Врете! Большевики не заберут винтовки!» Но, возможно, еще не все потеряно. Казаки требуют подтверждения, что приказ исходит от Донского верховного военного совета, потому что не повиноваться совету все же опасно. Эй, офицер! Воспользуйся! Надави на них! Куда там! Он не знает, что сказать, и не говорит ничего толкового. Бесстрастным голосом прочитал депешу и точка. Похоже, думает совсем о другом. Агитатором такое на руку, они смеются. Но большинство казаков смотрит еще на офицера, ждут от него нажима, приказа, призыва. Но не дождались: он стоит неподвижно и молча. Момент упущен. Солдаты скандируют: «Домой! Домой!» И уходят, а мы остаемся – офицер и я.

Восемь офицеров, включая полковника, решают исполнить приказ и дожидаться подкрепления, обещанного депешей. Я уезжаю вместе с пятью из них в Долгинцево на локомотиве, который предоставил в наше распоряжение начальник вокзала. Полковника и остальных офицеров солдаты арестовывают и не позволяют уехать. Потом они их отпускают, но железнодорожные рабочие забирают у них винтовки, так как им нужно огнестрельное оружие. Полковник и три офицера присоединяются к нам только среди дня.

*Театр военных действий Гражданской войны
 в России в январе 1918 г.*

15/28 января

Просидев тридцать шесть часов на стуле в комнате, набитой солдатами, я с наступлением вечера наконец-то присоединился к эшелону 54-го полка донских казаков. Толку от моего сидения было мало. «Вольные сыны степей», одни наглее, другие потише, сошлись на том, что честь для них – пустой звук. Они охотно сдадут оружие. Герои комической оперы.

Эту ночь сплю на соломе. Надо мной поматывают головой два умницы дончака, мне они не мешают, я не спал две ночи. Мне снится

сон: я мчусь на горячем скакуне с героями старинной донской баллады. Но это сон. Утренний свет возвращает меня в реальность: усталые лица, отощавшие лошади.

Остановка в Хортице. Ведутся переговоры с Александровском. Большевики оставляют казакам только личное оружие. А из государственного – 24 винтовки на эскадрон.

До чего же мне все это не нравится! И я уезжаю от казаков, и на свой страх и риск отправляюсь к максималистам.

3. Начальник революционного отряда

Александровск, 16/29 января

Едва я появился на вокзале в Александровске, солдаты меня арестовали и повели к комиссару вокзала, матросу [Э. А.] Бергу. Счастливый случай свел меня с настоящими военными руководителями революции. Сколько раз я спрашивал себя: каким чудом можно объяснить головокружительный успех революционных отрядов и их влияние на население? Меня, иностранца, отделяет от этих доморощенных вождей бездна: социальное происхождение, образ мыслей, их недоверие к нам, наша симпатия к интеллектуалам. И с тем большим интересом я вслушивался в суровую речь одного из этих людей, сумевшего объединить аморфную разношерстную массу. Секрет этих опасных вождей прост: они следуют логике страстей, инстинктов и аппетита толпы.

Берг выходец из народа – сильный, суровый, безжалостный и решительный, при этом убежденный и готовый на все: тип революционера-романтика. Почему-то он проникся ко мне дружескими чувствами и рассказал свою жизнь. Сначала рабочий, потом матрос Балтийского флота, он мучительно страдал от суровой русской дисциплины, латыши не любят жить по чужим правилам. За антивоенную пропаганду в частях его посадили в крепость в Риге и, по его словам, приковали к стене. Его полные ненависти слова звучали жутковато: по всей России тысячами убивали офицеров.

– Никогда им не прощу. Они изуродовали мою жизнь. Они, видите ли, благородные, а нас они презирали, обращались, как с собаками. А вы еще спрашиваете, почему мы в одну ночь уничтожили сразу двести тридцать человек. Мы узнали в ту ночь, что революция, которую мы так долго ждали, произошла в Петрограде.

– Ничего не извиняет жестоких пыток, каким вы их подвергли...

– Они заслужили в сто раз большего, и мы жалели только, что они уже мертвые и им больше не больно. Верьте мне, революция только началась. Мы уничтожим всех дворян. Их будут убивать из винтовок, из пулеметов, на гильотине. Их много засело в Киеве, там продавша-

яся австрийцам Рада их защищает, но мы возьмем Киев и очистим от них Россию.

От Берга я узнал, что треть экипажей находится на военных кораблях, которым оставили все их боевое снаряжение, чтобы сохранить их предназначение, а две трети задействованы в гражданской войне.

– Без матросов нам бы ничего не сделать. Вот это боевые ребята! Вы знаете, что мы забрали у Керенского – он, гад, будь он проклят! Меня три месяца в тюрьме продержал! – шесть автопулеметов всего-то с сотней матросов.

– Поздравляю. И как же проходила эта операция?

– Против нас в Петрограде пустили автомобили с пулеметами, сверху их закрыли, чтобы нельзя было в них стрелять сверху из окон. Мои люди карабкались на автомобили, закрывали ветровое стекло, чтобы изнутри ничего видно не было. Потом они забирались на крышу, один выворачивал пулемет, а другой из револьвера в дыру расстреливал экипаж. Первый автопулемет помог нам захватить остальные. И вот вам мое слово, больше они их не видели. Для отряда в сто человек неплохая добыча, не находите?

– После таких подвигов, я думаю, вы наградили своих крестами и орденами?

– Орденами? Вот еще! Ордена это при старом режиме. Мы сражаемся за свободу. И против контрреволюционеров. Как дьяволы. Никто нас больше не заставит подчиняться их дисциплине. А вот вы послушайте, что мы в Белгороде устроили. Там в большом количестве окопались кадеты¹⁴². Повсюду пулеметы – и на мельнице, и на колокольне. На колокольне мы и нашли попа, который в нас стрелял...

– Вы уверены, что он в вас стрелял?

– А что еще он мог делать возле пулемета?

– Что делать? Да просто был вместе с солдатами, это его обязанность.

– Никогда не поверю, что священник должен находиться среди тех, кто воюет!

– Почему же? Есть люди, верящие, что попадут в ад, если не получат перед смертью отпущения грехов, поэтому религиозная помощь...

Берг расхохотался.

– Да, знаю, есть такие идиоты. А мне тридцать лет вместе с крестом еще кнут и цепи подсовывали. Теперь баста, никто меня на это не купит. А этот поп, которого мы взяли на колокольне и поставили к стенке, стал большим крестом передо мной махать и грозить Страшным судом. Подумаешь, крест! Нажал на курок и разнес ему голову. А потом приказал расстрелять восемь офицеров, которые нам попались. Мы редко когда берем пленных.

– Офицеры перед смертью вели себя так же мужественно, как священник?

– Да, – он пристально посмотрел на меня. – И что из этого?

– А вы не боитесь возмездия? Что если однажды окажетесь не сильнее, а слабее?

– Я свой выбор сделал. У меня два девиза: «Nach einem traurigen Leben, ein mathiger Tod»^{*} и «Gieb mir nicht ein, Kreuz, gieb mir nur einen gotea Sarg»^{**}. И у меня в жизни были хорошие минуты. В Финляндии тридцать тысяч человек мне аплодировали. Сумасшествие какое-то, ей-богу! И хорошо я воевал со своими людьми. У нас командиров не ставят, у нас их сами люди выбирают. Мы друг друга видели в деле. и если меня выбрали, если поставили, то потому что знают: я с револьвером впереди всех бегу, и если они погибнут, за них отомстят. А как мы на бронепоезд под Москвой напали? Чистое безумие, приятно вспомнить. Сорок процентов моих людей погибли, а с той стороны все, без исключения.

Он замолчал, погрузившись в воспоминания. Я спросил:

– А откуда у вас полномочия? Откуда деньги, какими вы расплачиваетесь с людьми?

– Я ни от кого не завишу. Даже от [В. И.] Ленина. Работаю самостоятельно. Раз я бью буржуев, уверен, что прав. Вот смотрите – мы взяли Белгород, и я обложил буржуазию налогом в полтора миллиона. Буржуи не спешили мне нести денежки. Пришел я к одному толстопузому, и он мне, ясное дело, не обрадовался. Протянул я ему обязательство на тысячу рублей: давай подписывай, а он мнетя. Тогда я приставил ему револьвер к правому глазу, и палец держу на курке, он сразу и подписал. Но вообще они редко капризничают.

– А вы не думаете, что солдаты и матросы могут класть деньги в свои карманы?

– Бывает.

Он равнодушно пожал плечами. Потом показал мне мандат. Мандат давал ему, в качестве комиссара, право беспрепятственно бороться с контрреволюцией в Белгородском уезде. Выдан мандат советом города, о центральной власти и правительстве нет и речи. Второй мандат, выданный тем же советом, наделяет его полномочиями по созданию флотилии из легких кораблей, которая должна атаковать Таганрог. Берг хочет сделать Таганрог базой и оттуда идти на Ростов. Своим последним назначением он очень горд.

– До революции таким делом мог заниматься только адмирал, – сообщил он мне.

^{*} «После горькой жизни, гордая смерть» (нем.).

^{**} «Не хочу креста на могилу, хочу красный гроб» (нем.).

Трудно себе представить презрение матроса Берга к толпе, которая перед ним трепещет. Когда мы с ним вышли на улицу, он сказал мне: «Посмотрите на их дурацкие рожи! Удивляются, что мы на чужом языке разговариваем (по-немецки)!».

Жажда мести, жгучая жажда личной мести толкнула в революцию этого вовсе незаурядного человека. У него умное лицо, прямой взгляд, губы кривятся усмешкой, он привык смотреть в глаза опасности. Все говорит о несгибаемой воле и свирепой решимости, столь характерной для настоящего вожака... Я еще вернусь к этой теме, ибо знаю: такого рода мужество встречается не часто.

Во время нашего разговора он тоже задал мне вопрос, но один-единственный:

– По вашему мнению, – спросил он, – почему наши матросы настолько лучше всех других революционных отрядов, например, Красной гвардии?

– Ответ прост: дело в суровой дисциплине, на которую вы так жалуетесь. Она воспитала спаянность, чувство локтя, которое ничем не заменишь и которое сразу дает себя знать. Ваши жертвы вручили вам оружие, которым вы побеждаете дворянство и капитал.

Он сердито на меня покосился и переменял тему.

4. Положение дел в Александровске.

Участие евреев в советах

Когда большевики взяли город – почти без сопротивления, – то первым делом занялись созданием военной кассы и организацией местной Красной гвардии. Ночью они арестовали нескольких богатых горожан и сообщили семьям, что не ручаются за их жизнь, если на следующее утро сумма в 500 000 рублей не будет доставлена в комитет. Родственники заложников бегали всю ночь, собирая требуемую сумму в царских денежных знаках: большевики не принимали ни чеков, ни местных кредитных билетов. Городская буржуазия жаловалась, что насильственная контрибуция распределялась между богатыми несправедливо. В частности, фабрикант Коопс¹⁴³, по вере меннонит, по происхождению голландец, сообщил мне следующие подробности: у него забрали 50 000 рублей, а коммерсант-еврей с таким же капиталом и доходами заплатил всего 3000, причем протестовал против несправедливости. Красную гвардию вербовали из фабричных рабочих. Революция существенно изменила условия их работы: увеличилась заработная плата, уменьшилась норма выработки. За пять часов самой заурядной работы в день рабочий получал от 400 до 500 рублей в месяц. Большевики к тому же проводили в рабо-

чие часы митинги и собрания на политические темы. А если рабочий получал винтовку и охранял, к примеру, мост, помогал экспроприации, воевал с украинцами или контрреволюционерами, то продолжал получать зарплату, и выплачивать ее должен был хозяин. И если этому рабочему взбрело в голову прогуливаться со своей винтовкой по восемь часов в день, хозяин должен был оплачивать сверхурочные.

Повсюду действовала система реквизиций. Ради нужд Красной гвардии реквизировали продукты питания на городских складах, в частных магазинах, реквизировали все, вплоть до сигарет. Бывало Красной гвардии приходило в голову заплатить, тогда она сама назначала цену и всегда много ниже себестоимости. Возражать никому не приходило в голову.

Наряду с большевиками – мгновенно и неизбежно – появились анархисты. В Александровске появилась банда с женщиной-главарем [М. Г.] Никифоровой, она убеждена, что собственность всегда наворована и, значит, отобрать ее – это и есть справедливость. Грабят всех, даже самые мелкие лавочки. Анархисты и большевики одного поля ягоды. Время от времени они ссорятся и даже дерутся, но потом мирятся и совершают совместные налеты.

Я имел нескромность спросить в революционном комитете, кого именно они называют буржуями? Сами комитетчики ходят в солдатских шинелях и крестьянской одежде, но в карманах у них пачки денег, так что их определение выглядит неубедительно. Еще я узнал, что на одной из фабрик – фабрике Коопса – рабочие уволили 83 человека из своих товарищей и заменили их другими. Состав преступления: занимались накопительством, кое-кто даже прикупил себе домик, два-три гектара земли, корову... Стали «буржуями».

В окрестностях города положение не лучше. Банды большевиков и анархистов объезжают деревни и хутора, навещают под предлогом поисков спрятанного оружия состоятельных хозяев, уводят лошадей, коров, забирают продовольствие и мебель. На большое имение возле Хортицы заглядывались три соседних деревни, две маленьких и одна побольше, я обозначу их как А, В и С. Жители А первыми завладели пахотной землей, обработали ее и засеяли пшеницей. Жители В отобрали у них землю, перепахали и засадили овсом. Жители С разозлились, прогнали тех и других и стали охранять землю пулеметами.

И где бы я ни был, я слышу одну и ту же фразу: «Никогда мы не были такими свободными!»

Что касается участия евреев Александровска в большевистском движении, то вот, что мне рассказывали сами революционеры. После второй революции местным евреям удалось получить от Красной гвардии все главные посты в красных комитетах. Своим новым положением они воспользовались с необыкновенным рвением. Взяли

на службу всю родню до пятого колена, стали заключать со своими договоры на самых выгодных условиях, преследовали богатых христиан, шая своих богачей, выказывали по отношению к церкви и русским такое презрение и вели себя с таким высокомерием, что подняли против себя все население и свою собственную гвардию в том числе. В результате кто-то из них сбежал, кто-то был смещен. Однако русские, которые пришли им на смену, оказались настолько неспособными к управлению и все организационно-общественные дела пошли настолько плохо, что солдаты вынуждены были вновь прибегнуть к помощи революционеров-евреев, так как не хотели использовать старые кадры царского режима. Евреи не отказались, но стали действовать с большей осмотрительностью. При совершенно недееспособном русском, занимавшем президентское кресло и подписывающим декреты, написанные под диктовку, а значит, и несущим за них ответственность, снова делами управляли евреи, но уже не так явно.

Похоже, что повсюду в России положение евреев следующее: русские не могут обойтись без них и при этом не дают им развернуться из-за своей вековой ненависти. Я не верю в еврейский заговор: достаточно общей причины, и последствия будут одинаковыми.

5. Путешествие в Ростов

19 января / 1 февраля

Здесь говорят, что в Ростов мне не попасть: город открыт с трех сторон, и его атакуют с севера (Зверев), с запада (Таганрог) и с востока (станции Тихорецкая и Торговая).

Но мне не хотелось поворачивать назад и снова трястись в грязных бронированных вагонах. 20-го ночью я приехал в Синельниково, провел бессонную ночь на вокзале среди солдат, спавших на столах и буфетах, и уехал на следующий день в середине дня. Ночью высадился в Ясиноватой. 21-го утром отправился на товарном в Кирпичную ростовского направления. От нее до Ростова 150 километров, но на таганрогской железной дороге в Матвеевом Кургане сражаются, и нужно сворачивать на север.

22-го во второй половине дня я еду на север и 23-го утром прибываю в Купянск. Нужно теперь подняться до Лисок, а потом спуститься в Новочеркасск.

К вечеру на вокзале появляется поезд, его накрывает людская волна. И вот я уже стою в коридоре, зажатый так, что едва дышу и чуть ли не теряю сознание, а «товарищи» все прибывают. Солдат, не сумевший втиснуться в дверь, разбивает костылем окно и карабкается по нашим плечам и головам, а в углу соскальзывает на пол. Вонь такая,

что дышать невозможно, и я решаю выбраться отсюда. Лучше продрожу всю ночь при восьмиградусном морозе на ветру и под снегом.

Я приехал в Лиски 24-го утром, но в Зверево идут бои, так что попытаюсь ехать через Царицын, по Кавказской железной дороге. Железнодорожные служащие смотрят на меня с присущей простолюдинам в форме спесью и считают сумасшедшим, но я не собираюсь отступать и настаиваю.

25-го в Поворино прождал четырнадцать часов, убивая время в небольшом трактире, сидел и сквозь душистый дым трубки присматривался к народу вокруг самоваров.

Одна компания привлекла мое особенное внимание. Вокруг маленького стола, серьезные и молчаливые сидели четыре старика, явно набожные, с лицами апостолов, какие видишь в Брюгге на бессмертных полотнах ван Эйка и Рогира ван дер Вейдена¹⁴⁴. Те же резкие черты лица, те же бороды, те же ясные невеселые глаза. Кто заподозрит в них вялую покорную душу, свойственную востоку? Я пристально наблюдал за ними, ловя редкие проблески в глубоко спрятанных под бровями глазах, следил за неспешными движениями рук с недлинными тонкими пальцами. Что для них Христос? Что они взяли для себя из его слов и дел? Вера, та самая вера, что двигает горами, помогает ли им раз в неделю добираться до ближайшей церкви, расположенной, как мне сказали, теперь в часе ходьбы? Сейчас они, ошеломленные грозой, обрушившейся на Святую Русь, выглядят печальными обломками. Но мне бы хотелось, чтобы одним невеселым усталым вечером таинственный странник – как это было в Эммаусе¹⁴⁵ – подошел к их маленькой компании, устремил на них лучистый властный взгляд и произнес слова, которые озарили бы их душу, как вспышка молнии, наполнив благодатью. А когда отошел бы от них священный гость, апостолы выпрямились бы во весь рост и с горящими глазами заговорили о нетленных евангельских истинах, что дремлют в русской душе под беззаконием и несчетными постыдными деяниями сегодняшнего часа.

26 января / 8 февраля

Я проснулся в Филоново, в товарном вагоне, имея в кармане билет в первый класс, и обнаружил, что часть моего багажа и фотоаппарат исчезли. Третья экспроприация в пользу русского пролетариата.

В товарном вагоне я спал уже четвертую ночь. «Товарищи» разводили в нем огонь, иногда в печке, поставленной посередине, а иногда прямо на полу, и тогда доски пола загорались. Лежим на соломе. Устройство примитивное, но воздух здесь чище, чем в первом классе, куда набиваются солдаты и без стеснения занимают все места.

В Царицыне, довольно крупном волжском городе, я пробыл день: не по своей воле, разумеется. Волга там не так величественна, как в Астрахани, но берега ее овеяны легендами, и невольно представляешь себе казака-разбойника Стеньку Разина со свирепыми сотоварищами, как грабят они корабли татарских и персидских купцов, что плывут с дорогим товаром: узорными тканями, булатными саблями и китайским фарфором.

На вокзалах я теперь замечаю людей в солдатских шинелях, но с тонкими лицами и вежливых, что говорит об их принадлежности к другому сословию. Здесь на Волге встречаются составы из Москвы и Кракова. Поезд на Кавказ отправляется сегодня ночью. Начальник вокзала твердит, что до Ростова мне не добраться. Но я проделал уже такой путь, что не отступлю.

Залы ожидания переполнены казаками с Кубани, Дона, Астрахани, низенькими армянами, красивыми кабардинцами. Всюду бритые усатые головы и орлиные носы. Черкесы в папахах, в черных бурках с газырями на груди и кривыми текинскими или прямыми татарскими саблями на боку. Разношерстная толпа, говорящая на двадцати языках и сотне диалектов, торопящаяся попасть к себе на Кавказ. Пламенная отвага мусульман, разбойничьи страсти Кавказа, поднятые русским Орлом против государственного врага, после его падения вырвались на свободу и устремились в легендарную страну между Казбеком и Ордубадам¹⁴⁶, чтобы участвовать в тысяче новых авантур, борясь со своим извечным врагом – турками.

Проходя мимо меня, высокий старик в черкеске поприветствовал меня. Встречаясь, мы стали обмениваться короткими фразами, узнали, что оба едем в Ростов. Несколько молодых людей в форме и, скорее всего, с солдатскими паспортами, хотя они явно переодетые офицеры, прибились к нему, и это ядро отряда, которым будет командовать старик, сам он хозяин с Кубани, а в армии был хорунжим.

Позже какой-то путник в гражданском предложил мне стул и был со мной очень любезен. Завязался разговор. Я узнал, что он и его четыре спутника, которые тоже где-то здесь в зале ожидания, направляются, как и я, в Ростов.

И потом я стал различать в толпе офицеров или учеников военных школ, которые хранили из осторожности молчание, прикрывались двухнедельной щетиной, нечесаными волосами, неопрятной одеждой, но не узнать их было невозможно.

Вечером я встретил генерала [Л. В.] Леша. Я виделся с ним в 1915 г. у Брусилова, когда он командовал 3-й армией. Здесь я увидел старика, разбитого душой и телом. Солдаты принуждали его выполнять всякую черную работу: чистить картошку и прочее. Он ехал на Кавказ, где у него был небольшой домик, который, как он надеялся,

никто не тронул, и собирался там доживать. Этот человек потерял все. И желание жить тоже. Передо мной стоял конченный человек.

По дороге мы с ним не разговаривали, чтобы не возбуждать подозрений, но с особым удовольствием, обменивались несколькими словами в коридоре, не глядя друг на друга. Повсюду уши, повсюду глаза, которые только и ждут возможности схватить любого из-за слова или жеста. Моим сотоварищам пришлось молча терпеть крайнюю грубость. Я иностранец и поэтому свободен. Но поскольку «товарищи» меня уже одиннадцать раз арестовывали на фронте за излишне живые реплики, я тоже решил сохранять спокойствие. Но пришла минута, и я не сдержался, я возмутился и заорал, что их армия, как бы они ее не называли, не армия, а банда; что они орда, недостойная свободы; что они единственные в мире солдаты, которые отступают перед противником, которого меньше в восемь раз; что никакой другой солдат в мире, какой бы он ни был национальности, не стал бы продавать врагу лошадей и пушки. Ну и так далее.

Меня тут же окружила злобная толпа, меня стали оскорблять, угрожать кулаками. Но я не мог остановиться. Что-то сильнее меня несло меня, и я орал все громче и громче. И тогда все те, кто хотел меня напугать, мало-помалу утихомирились, замолчали и снова ушли в себя. А в углу в потемках я заметил вдруг улыбающиеся лица. До этого я их не замечал. Снова переодетые офицеры. Откуда они взялись?

На станции Торговая молоденький ученик аптекаря, который пошел на службу к большевикам, проверяет у нас багаж. А мы сейчас, можно считать, среди своих: «товарищи» сошли с поезда. Молодой революционер упорно ищет в чемодане полковника, бывшего адъютанта генерала Поливанова, доказательств, кто он такой. После четверти часа поисков под огнем насмешек он обнаруживает полковничьи погоны. И сразу меняется. Его язвят насмешками более едкими, чем адский камень, и более горькими, чем английская соль, а он со слезами на глазах клянется, что роется в вещах в последний раз, что делает это не по своей воле и больше не будет. Мы смеемся. В этом районе у большевиков не слишком много возможностей сурово и все-речь контролировать людей.

На станции Тихорецкая бритые головы с орлиными носами и мусульманскими бородами покидают нас. Несколько товарных поездов этой ночью отправляются в Ростов. Утром 27 января нас оставливает взвод солдат, у каждого из них разные знаки офицерских чинов, стало быть, теперь мы на территории Добровольческой армии. Вскоре мы переезжаем через Дон и въезжаем в Ростов, город, по преимуществу, торговый, а значит, без своего лица.

Оборона Ростова

6. Штаб Добровольческой армии

Генералы Алексеев и Корнилов – голова и сердце новой армии – выбрали Донскую губернию, считая, что здесь удобнее всего сформировать новую армию, собрав вокруг себя всех недовольных беспорядками в России, желающих положить им конец и установить порядок. Генерал Каледин, войсковой атаман всех донских казаков, предложил им свою помощь: своей властью и авторитетом он брался организовать казачью армию и защищать Придонье от большевиков, которые уже наступали по всем направлениям, ведущим к Новочеркаску.

В истории не найдется другого примера, когда бы в маленькой армии соединилось столько талантов. Генерал Алексеев, лучший русский стратег, бывший главнокомандующий, командовал войском, которое численностью достигало разве что полка. Рядом с ним стоял второй крупный полководец, его бывший антагонист, а теперь соратник – [Л. Г.] Корнилов. В составе штаба армии находились семь генералов, среди которых наиболее известными были [А. И.] Деникин, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего, [С. Л.] Марков, [И. П.] Романовский, [Е. Ф.] Эльснер, [И. Г.] Эрдели и другие. В дальнейшем станет ясно, что обилие военных знаний и авторитет не будут лишними, помогут вести элитную армию, насчитывающую всего-то 3500 человек¹⁴⁷, сквозь бесчисленные опасности, сражаться с противником, превосходящим ее численностью более чем в десять раз.

Разговор негромкий, словно в гостиной. Большинство в гражданском элегантном платье. Среди них я узнал многих генералов. Это и есть собрание удивительного штаба.

Генерал Деникин без бороды – с бородой он походил на священника – и в глазах у него погас веселый огонек, лицо озабоченное, но руку он протянул мне с прежней сердечностью.

Марков ворчит по-прежнему, сердится на закрытую или открытую дверь, на собаку, которая вошла, на беднягу офицера с плохим почерком. Он очень странно смотрится во фраке, когда, задевая всех, ходит по комнате большими шагами и за ним развеваются фалды.

Корнилов, бледный с живыми сверкающими умными глазами, без сомнения, озабочен бесчисленными трудностями, стоящими перед новообразованной армией, но не хочет этого показать: прямодушный человек, набравшийся опыта среди интриг и заговоров, республиканец, действующий среди монархистов.

Алексеев изменился меньше всех. Много думает, мало говорит, а если говорит, то по своему обыкновению четко и коротко. На лю-

дей, живущих головой, а не эмоциями, события оказывают меньшее воздействие.

Многие офицеры, сменив блестящую форму на фрак, смотрятся довольно жалко. Я бы сказал, что их опустили на две или три ступеньки вниз по социальной лестнице. Сутуловатость, животы, дряблые щеки – все скрадывал мундир, и все подчеркнули фраки. Зато дворяне в простой казацкой одежде сразу выделяются изяществом движений, тонкими чертами лица, красивыми руками. Имея такое, кого обманешь?

Дежурный офицер сегодня – молодая женщина, баронесса [С. Н.] де Бодэ, очаровательная и очень элегантная, ей идет форма. Она здороваётся сердечно, любезно и при этом безупречно сдержанно, она не окружена вниманием, как могло бы быть с красивой молодой женщиной. Глядя на нее, невольно хочется улыбнуться, тут же вспоминаешь, что она была дважды ранена в боях и заслужила орден. Вторая молодая женщина, вахмистр, княгиня [Т. Н.] Черкасская, хорошо известная в петроградском обществе, недавно вышедшая замуж за офицера, погибла на днях в бою, заслужив вечную славу.

Только здесь и жив еще хороший тон, здесь обрела последнее прибежище русская элегантность. Горстка смельчаков решилась противостоять могучему валу десятков миллионов безумцев, глашатаев социальной мести. Трудно себе представить одиночество этой маленькой группы людей – патриотов, генералов, светских мужчин и женщин, честных республиканцев, трудно представить и не застыть в изумлении.

Армия добровольцев в стадии формирования: обороняют город небольшие подразделения, роты, эскадроны. Полк Корнилова, батальон Святого Георгия, гвардейские роты, кавалерийский дивизион Гершельмана¹⁴⁸ и несколько отрядов разведки, численностью, как я уже говорил, 3500 человек, представляют собой боевое соединение необыкновенной мощи. Великолепные войска, воодушевленные лучшими чувствами, связанные между собой клятвой чести и крепкими военными традициями.

Их враги – это люди, которых умелая пропаганда переполнила ненавистью, и они не знают, что такое прощать. Война ведется с ожесточением, какое ведомо одним только враждующим братьям. Молодой офицер, сын начальника железнодорожной станции Марцево, неподалеку от Таганрога нашел искалеченный труп своего отца, его убили красные. Преступление старика состояло в том, что он носил с собой портрет сына-офицера в форме Добровольческой армии. Сын захватил несколько красных и убил их. Несколько дней он возил с собой искалеченный труп отца, пока длилось следствие, и убивал боль-

шевиков, попадавших к нему в руки. С этого дня он не брал больше пленных.

Личная смелость отдельных убежденных революционеров составляет контраст с колеблющимся, неуверенным большинством. Рабочий, которого белогвардейцы взяли в заводской конторе, откуда он стрелял в них, крикнул:

– Расстреливайте! Пролетарии борются с капиталом!

Они выполнили его требование.

Другой красноармеец, окруженный возле Таганрога офицерами из полка Корнилова, воскликнул: «Не хочу быть убитым кадетами!» – и пустил себе пулю в лоб.

Офицеры-добровольцы из милосердия приканчивают своих раненых товарищей, если вынуждены оставить их на поле боя.

Присоединившись к офицерам полка Корнилова, я ночевал вместе с ними в большой комнате, спал между своим старым другом хорунжим Гевличем и поручиком кавалерии.

7. Генерал Корнилов

Привлекательнее всего была его пламенная душа. Выделялся он прежде всего ею, а не талантом стратега или политика. Его неподкупная честность, легендарная храбрость, вера в будущее России и свой исторический долг – в этом была его сила. Он внушал безотчетное доверие, притягивал к себе и завоевывал сердца юных русских героев, увлекая их за собой. Редко какой военачальник мог похвастаться таким изобилием окружавших его храбрецов, как Корнилов, и мало у кого была столь бурная и полная риска жизнь. Ему уже перевалило за шестьдесят, но в нем сохранялся юношеский пыл. Он был одним из лучших представителей великолепного русского офицерства, любя дела опасные и трудноисполнимые. До конца дней, не сумев обуздать в себе бурю эмоций, он был подвержен внезапным вспышкам гнева.

Меньше всех русских Корнилов был способен вести войну на современном уровне, который требует взвешенности и анализа. Но он умел зажигать молодые сердца и гальванизировать задремавших патриотов. Кто не знает, что мощные общественные деяния порождены не размышлениями, источник их движения сродни мистики.

У сибирских казаков храбрость граничит с безумием. Корнилов был из тех, кто не умел отступать; стоило ему почувствовать близость врага, и он рвался вперед. Бездействовать, если неприятель рядом, сдавать рубежи из-за стратегических расчетов было невысказано для рубаки из Сибири. Подобный человек не создан для неподвижной окопной войны, и поэтому рядом с ним находились всегда более осторожные военачальники, люди, не склонные к авантюрам. Корнилов

был из тех истинно русских воинов, которых желательно держать на поводке, когда они имеют дело с растянутыми фронтами современных армий, но нужно отпускать на свободу, когда они действуют в одиночку с военным отрядом на бескрайних просторах своей родины. Только теперь, среди исключительной военной элиты, признавшей его военачальником, он мог осуществить мечту любого вождя: он – и Бог – держат в руках судьбы армии.

Во время войны этот замечательный человек нередко выказывал нежелание повиноваться и занимать тот пост, какой ему предназначали. В Галиции он командовал дивизией и находился под началом Брусилова, который командовал армейским корпусом. В сражении под Гродеком дивизия Корнилова находилась на левом фланге. Главная атака проходила по центру, а значит, он получил приказ оставаться в обороне. Но когда в пяти верстах от него загрохотали пушки, когда другие дивизии ринулись в бой, мог ли он сидеть, сложа руки? Он рванулся вперед, как тигр, вырвавшийся из клетки, и увлек за собой солдат. Однако соседи не поддержали его, он потерял немало людей, 28 пушек, и ему грозило быть отрезанным. Пришлось немедленно посылать ему на помощь два кавалерийских дивизиона и пехотную бригаду.

Затем в Карпатах под Гуменне, когда 8-я армия должна была действовать совместно с 3-й, Корнилов получил приказ стоять на вершине одного из холмов и следить за операцией. Подобное задание никак не подходило его темпераменту. Бурные действия, быстрые перемещения – вот его стихия. И что же? В сумасшедшем порыве он бросил всю свою дивизию вниз, мчась первым во главе ее. В долине он оказался один на один с неприятелем, превосходящим его численностью в двадцать раз, и был раздавлен.

Но в русской армии традиционно чтут личную отвагу, и Корнилову, храброму из храбрейших, простили его неповиновение и поражения. Его дивизия была присоединена к 3-й армии, а этой армии под Горлицей был нанесен сокрушительный удар [А. фон] Макензенем. Фронт был прорван, объявлено общее отступление. И снова Корнилов отказался выполнять приказ. Напрасно пять раз звонил ему командир армейского корпуса, приказывая отступать. Корнилов, ни секунды не сомневаясь, что способен в одиночку исправить положение, пошел в атаку. Катастрофа. Отдельные части его дивизии спаслись и присоединились к армии, сам он с большей частью солдат попал в руки врага¹⁴⁹.

Отказался давать слово и сбежал.

Когда он вернулся в Россию, ему устроили оvation. Император лично им заинтересовался и доверил безрассудному генералу армейский корпус.

Корнилов сибирский казак, а значит, прирожденный республиканец. Он не раз говорил мне, что считает республику высшей формой власти, а царскую и императорскую власть переходными этапами у тех народов, которые еще не научились править сами. Когда разразилась революция, он даже раньше Брусилова выразил симпатию новому режиму. Керенский назначил его командующим войсками Петрограда, но Корнилов не смог найти общего языка с советами и солдатскими депутатами. Он поставил условия, их не приняли, и он ушел в отставку. Временное правительство назначило его командующим 8-й армией, которую только что оставил Брусилов.

Вот одна из цепочек случайностей, какими так богата русская революция, чем невольно вызывает мысль, что она повинуетя какому-то тайному закону: на всех этапах военной карьеры Брусилова его сопровождал его полный антагонист Корнилов. Гибкий выжидатель Брусилов тормозил движение армии и нации; устремлявшийся к бездне Корнилов ускорял падение необдуманно политическими действиями и плохо организованными заговорами. Но, возможно, в один прекрасный день, и, возможно, он не далек, Россия будет спасена не хитроумными комбинациями хладнокровных стратегов, а безумной отвагой героев. Пылкая молодежь, мечтающая воскресить Россию, последует не за зрелыми все взвешивающими умами, а за страстными душами, увлеченными невероятными подвигами.

Корнилов, слишком рано заявивший о себе как о диктаторе, потерял армию и проиграл как политик, но это не значит, что он или человек, подобный ему, не способен спасти нацию. Он ошибся, выступив слишком рано, когда никто еще не мог остановить катящуюся вниз обезумевшую массу. Лишившись армии, которую разложила большевистская пропаганда снизу и декреты Керенского сверху, офицеры пошли за Корниловым, когда «главный болтун русской армии» предал его и приказал арестовать. Преданность Корнилову стоила жизни двадцати тысячам из них.

Несмотря на все свои ошибки и неудачи, Корнилов единственный человек, который может вернуть русской молодежи веру в судьбу страны. Россия страдает в первую очередь от безволия. Частичка безумия, таящаяся в деяниях Корнилова, помогает преодолеть нерешительность тех, кто слишком много размышляет; она толкает к действию бездеятельных мыслителей. В самые отчаянные моменты Россия собирается. Дорогу к освобождению покажет России не ловкий политик, а отважный солдат*.

* Я не хочу исправлять эти строки, они справедливы и теперь, хотя выглядит все по-иному. Я написал их, покидая Добровольческую армию, — результат удивительного отбора. История совершила его, но не поддержала. Зрители — русские и не только —

8. Корниловский полк

Ростов, 28 января / 10 февраля

Мой товарищ по путешествию сотник Гевлич и я попали в офицерскую роту Корниловского ударного полка. Наш новый командир штабс-капитан [В. М.] Заремба отвел нам две кровати в комнате, где мы будем делить стол и кров с нашими новыми товарищами. В другой комнате молодые офицеры и юнкера, они приехали вместе с нами, побритые и одетые в новенькую форму. Ждут, когда будет сформирован «летучий отряд», для которого их каждый день готовят.

Полк, к которому я прикомандирован, сформирован по инициативе Корнилова одним из самых преданных его офицеров, капитаном [М. О.] Неженцевым в июне 1917 г. Этот полк был протестом против беспорядков, какие сеяли большевики и указы Временного правительства.

Важно знать всем: знаменитый прорыв русской армии в Галиции в направлении Калуша и Галича был осуществлен не жалкими революционными бандами – как желает нас уверить послушная пресса, но почти что исключительно силами двух корпусов, которые сохранили дисциплину: Дикой дивизии и двух ударных батальонов Корнилова. Я не хочу приводить здесь примеров безудержного попустительства и политической трусости, которым я был свидетелем в июле 1917 г. Я утверждаю только один малоизвестный факт: генерал Черемисов, командующий 12-м армейским корпусом, которому были приданы батальоны Корнилова и Дикая дивизия, не представил к наградам ни офицеров, ни солдат, обеспечивших его военный успех, но щедро наградил те подразделения, которыми дорожил Керенский. Зато Корнилов лично награждал каждого солдата и каждого офицера, участвовавшего в прорыве.

Временное правительство опасно косилось на этот элитный полк. Из-за этого Корнилов, будучи в то время главнокомандующим, вопреки требованию обстоятельств не решился дать приказ Неженцеву формировать еще и еще такие же подразделения. Русская революция и дальше будет нескончаемой чередой колебаний и сбоев. У Корнилова – по его собственной вине – в тот момент, когда он больше всего нуждался в надежных солдатах, оказалось только два полка: Неженцева и текинский. Корнилов, с сердцем льва и недаль-

теперь упрекают Корнилова, Деникина, Колчака, Врангеля в опрометчивости, в бесполезной гибели цвета русской молодежи. Но печальные неудачи этих командующих свидетельствуют не об их слепоте, а о безразличии к судьбам родины, слабости и вялости молодой буржуазии, которая не пожелала покинуть партер и выйти на сцену. Адвокаты, составлявшие «партию порядка» и легион им подобных, продолжают жаловаться и сетовать за границей и в России. Корнилов сражался.

новидным разумом, был оставлен своей армией и сдался. Его полк присоединили к чешскому корпусу¹⁵⁰, стоявшему в Печановке, и в конце октября Временное правительство отправило его в Киев, чтобы противостоять одновременно большевикам и украинцам. Полк прибыл в Киев 29 октября, и вскоре Неженцева стали раздирать между собой две партии, претендовавшие на верховную власть в Украине. Не желая участвовать во внутреннем конфликте, Неженцев попросил у главнокомандующего разрешения принять предложение атамана Каледина присоединиться к его войскам. Духонин отказал ему и отправил полк в Печановку. После зверского убийства Духонина новый главнокомандующий Абрам¹⁵¹, он же [Н. В.] Крыленко, потребовал от офицеров присяги новому правительству. Армия раскололась. Не имея возможности отправить полк на Дон эшелоном, Неженцев распустил его, отдав приказ отправляться в Ростов самостоятельно. Полковое знамя было разрезано и увезено Неженцевым и князем [Н. П.] Ухтомским. Не все солдаты повиновались приказу, но многие присоединились к эшелонам казаков, ехавших на Дон. Полк восстановился позже, с меньшей численностью, но со своим полковым знаменем, 32 пулеметами и 600 000 патронами.

Ростов, 29 января / 11 февраля 1918 г.

Этим утром Корнилов приехал к нам. После смотра он собрал нас и сказал: «7-й и 10-й казачьи Донские полки решили сражаться с немцами; формируются полки на Дону; поднимаются казаки на Кубани. Нам необходимо продержаться здесь еще какое-то время, чтобы дать возможность станицам собрать новые отряды. Австрийцы и немцы двигаются в направлении сил большевиков. Нужно идти против них. Я рассчитываю на вас. Подайте пример».

Корнилов держался просто, смотрел живо и ласково, говорил по-дружески ровным голосом. Он был маленького роста, все мы были на голову его выше. Никакой харизмы, никакого магнетизма, никакого электричества. На нас воздействовали его прошлое, ставшее легендой, неслыханная храбрость и безоглядный патриотизм. При этом слова его были восприняты без энтузиазма, никто не сказал ни слова одобрения. Да, его приказ исполняют, но беспокойство на фронтах не уменьшится: новости с Дона приходят тревожные.

Меня представили Корнилову, и я поговорил с ним несколько минут. Он продолжал верить казакам. А мы, мы относились к ним скептически. Кто как не они повсюду и всегда подводили и бросали добровольческие отряды? Если они действительно поднялись всем народом или хотя бы формируют боевые отряды, нужно будет пойти им на помощь, чтобы защитить Дон. Но казаки точно такие же воюки и патриоты, как и остальные русские «товарищи», а значит, нет смыс-

ла оставаться в этом большом городе, который невозможно отстоять, теряя без толку людей. Нам бы хотелось сохранить наш полк в целости и отступить с ним к казакам на Кубань или даже к Астрахани.

Вечером передали шепотом ужасную весть: казачий атаман Каледин покончил с собой. Его смерть – зловещий символ разрушения России и трагического конца великой мечты. Она отсекала многие вопросы. Нас больше ничего не удерживает на Дону. Наш отъезд на фронт стал бессмыслицей.

Ростов, 30 января / 12 февраля 1918 г.

Разговор с генералом Корниловым. С утра все штабные мрачнее тучи, Корнилов сохраняет свойственный храбрецам оптимизм. Он, русский до мозга костей, безгранично полагается на удачу, избавив себя от тщательных приготовлений, что так свойственно русским.

– Вы знаете, что генерал Каледин застрелился? – спросил он меня. – Тяжелая потеря, но не повод для безнадежности. Казаки начали подниматься, и донское военное правительство объявило военное положение для всех станиц.

– А вы не думаете, что ненадежные войска представляют скорее опасность для армии?

– Не так уж я полагаюсь на этих непредсказуемых. Я распорядился передвижением полка. Офицерская рота, к которой принадлежите вы, займет аванпост. Этой ночью мне надо будет отвести войска к следующей станции, чтобы нас не окружили. У неприятеля новое командование, он изменил тактику. А мы, чтобы показать, что не отступаем, дали ему хороший пинок и взяли одиннадцать пулеметов.

Харьков, 31 января / 13 февраля 1918 г.

Как только я прибыл на последнюю, занятую нашими войсками станцию в направлении Таганрога, я отправился к полковнику [А. П.] Кутепову, бывшему командующему лейб-гвардии императорского [Преображенского] полка, а теперь командиру наших авангардов.

Противником, числом 3500 человек, командовал немец, поручик фон [Р. Ф.] Сиверс¹⁵². Самые надежные – большевики берегли их больше всех – бывшие пленные австрийцы и немцы, и еще латыши. они по всей России сражались за революцию.

Из бывшей русской армии на сторону большевиков перешел 4-й кавалерийский полк под командованием полковника Давыдова¹⁵³. В него входили двенадцать пеших эскадронов, двенадцать кавалерийских и батарея на конной тяге, всего 1200 человек. И еще три батальона Красной гвардии под командованием [Е. А.] Трифонова.

Мы могли выставить только 350 человек, офицеров и юнкеров. Надежду нам внушали неосведомленность противника относительно

наших сил, его недисциплинированность и трусость. Бой к тому же мог быть только на железной дороге. Они приезжали на броневике со вторым паровозом сзади, готовые мигом уехать.

Хапры, 31 января / 13 февраля 1918 г.

Наша офицерская рота выставила посты на вокзале, где мы ночуем на охалках соломы. Штабс-капитан Заремба оборудовал в кабинете начальника вокзала медпункт, и две медсестры – полька и англичанка – присматривают за нашими ранеными.

Вечер тоскливей некуда. Мы молча курим, все время настороже, внимательно прислушиваясь к выстрелам вдалеке, там наши аванпосты сторожат купы деревьев и верхушки холмов на берегу Дона.

Штабс-капитан, бывший инженер, сердечный умный человек, делится со мной своей болью: «Ради чего воюем? Зачем убитые, зачем столько крови? Бог знает, ради чего... Ради родины, которая нас бросила? Ради народа, который травит нас, как диких зверей, ненавидит до иступления, и не только прикончит раненого, но потом еще изуродует труп? Так для чего все это?».

Понятно, что положение у нас уязвимое. Народ расколот, и не угадаешь, кто тут нам друг, а кто враг. Красногвардейцы воюют в рабочих блузах, им достаточно бросить оружие и их не узнаешь в толпе. А мы на виду, за нами следят и рабочие, и крестьяне. Они могут взорвать позади нас рельсы и отрезать нам отступление. Массовые расправы – единственное действенное средство против вооруженного населения, но как можно их применять, если хочешь привлечь это население на свою сторону? Наши раненые, зная свою участь, предпочитают самоубийство на поле боя.

9. Армия из одних офицеров

Хапры, 1/14 февраля 1918 г.

Этим утром рота офицеров лейб-гвардии вернулась с фронта в товарных вагонах, спали на соломе. Я поговорил с их командиром, полковником [А. А.] Морозовым. При царском режиме все эти люди были блестящей аристократией, и теперь они сами для себя выбрали это суровое существование. Теперь они носят вещмешок и винтовку, выполняют работы, требующие немалой физической подготовки, довольствуются в качестве транспорта пулеметными тачанками и телегами с боеприпасами, чистят оружие, помогают на кухне и, разумеется, устают больше, чем «мужики». Но они это делают. В бою с ними никто не сравнится, их смелость безупречна. Почти все они получили во время войны ранения. Они воодушевлены благородным чувством воинской чести, они пламенные патриоты и глубоко презирают сво-

его врага, что дает им силы переносить тяжкие испытания партизанской войны.

Уникальное историческое явление: часть, сформированная из одних офицеров! Правительство и, к сожалению, многие из генералов, последовав революционной моде, распространили новую концепцию власти и на армию. Но основа армии, даже у самого свободного народа, старинные, вассальные отношения командира и его солдат, без них немислимо никакое управление. И эти отношения вернули во вновь созданную армию. Алексеев и Корнилов исходят из принципа, что маленькое, но абсолютно надежное подразделение успешнее большой армии, в которой разгильдяйство хотя бы одной из частей провалит все. Исходя из этого принципа, они формируют отряды, роты, батальоны из офицеров старой выучки, присоединяя к ним в очень скромной пропорции добровольцев без чинов.

Вот, как выглядит офицерская рота нашего полка: 1 полковник, 4 капитана, 12 штабс-капитанов, 30 поручиков, 23 подпоручика, 47 прапорщиков, 3 юнкера и 3 добровольца без чина.

Добровольческая армия в надежде на большой приток добровольцев делится на регулярные части и иррегулярные отряды.

В регулярном войске батальонами в ожидании того, что они станут армейскими корпусами, командуют генералы, в прошлом командиры армий и фронтов.

Регулярные части следующие.

Корниловский ударный полк, состоящий из офицеров, кадетов, юнкеров и добровольцев, исключительно студентов.

Три *офицерских батальона*¹⁵⁴ под командованием генерала [С. Л.] Маркова.

Георгиевский батальон составлен из солдат знаменитого Георгиевского батальона, все солдаты с наградами.

Юнкерский батальон составлен исключительно из кадетов¹⁵⁵.

Кавалерийский дивизион Гершельмана: офицеры, кадеты, юнкера, казаки, крепко спаянные с офицерами.

Артиллерийский дивизион под командой полковника [С. М.] Икишева.

Иррегулярные войска собирались стараниями их командиров. Батальоны, сформированные в Ростове, действовали почти что независимо от штаба армии. Самый знаменитый среди них – батальон полковника [В. М.] Чернецова, составленный из самых разных добровольцев. Затем отряды войскового старшины [Э. Ф.] Семилетова (казаки), полковника [Г. Д.] Каргальского (казаки), полковника [В. Л.] Симановского, сотника [Г. А.] Грекова, полковника [Т. П.] Краснянского, хорунжего Мазурова и полковника [И. В.] Сарина, командира казаков из станицы Гниловская.

Характерная особенность иррегулярных отрядов – отсутствие тыловых служб. Все они находятся на самообеспечении. Отряд располагается поездом, который служит ему базой во время боя. Командир держит в нем боеприпасы, перевязочный материал, одежду, и таким образом он оказывается независимым от остальной армии.

10. Разведка

Хапры, 1/14 февраля

С тех пор как в командовании Красной гвардии появились немцы, она осмелела. У нее появилась новая тактика и необыкновенные военные хитрости. Накануне моего приезда на этот фронт большевики Таганрога прислали эмиссаров к полковнику Кутепову: они приглашали его в Таганрог «объединиться против «национального врага». Предложение было чревато серьезными стычками между русским гарнизоном и немецким, уличными боями... Кутепов не дурак, переговоры кончились ничем.

Теперь большевики пытаются повернуть нас, но их парализует страх. Они решаются двинуться вперед только массой. Их кавалерия не отваживается напасть даже на горстку наших разведчиков.

Мы предполагаем, что противник разделился на три корпуса по тысяче человек каждый, собираясь отрезать нам возможность вернуться в Ростов. Чтобы убедиться в верности предположения, полковник Кутепов решил отправить в разведку девять офицеров из моей роты под командованием штабс-капитана. Я еду с ними. Нам нашли казачьих лошадей, некрасивых, но крепких и надежных.

Небо покрыто тучами, дует ледяной ветер. Земля промерзла и покрыта тонким слоем снега. Слева от нас под толстым слоем льда течет рукав Дона. Мы держимся гребня холмов, что тянутся вдоль северного берега. Повсюду деревеньки и хутора, в них полно врагов. А дальше серьезные гнезда большевистских сил.

Проехав версты три, мы выезжаем за наши аванпосты, расположившиеся вокруг сторожки на железной дороге. Хапры, хутор*, безусловно, симпатизирует большевикам. Старичок атаман не решается или не хочет сообщить нам хоть какие-то сведения о противнике. Мы доезжаем до деревни Савинково – это, я думаю, станица, вокруг нас собираются старые казаки. Они совсем другие, чем крестьяне. Вековая свобода, привычка к оружию и самоуправлению, положенному свободным гражданам, очень чувствуются – из-под черных

* Казаки живут в станицах, больших и богатых селах Донской губернии. На хуторах, обычно бедных, живут крестьяне, зависимые от казаков и не имеющие прав свободных граждан.

папах на нас смотрят гордые лица. Они принимают нас с симпатией, но большевистская пропаганда, которую ведут молодые казаки, приехавшие с фронта, расписала им советы, которые впоследствии разрушат весь традиционный порядок Дона, как новую власть, направленную исключительно против «больших капиталистов». Наш командир приглашает: «Идите к нам, получите полную экипировку и сто пятьдесят рублей в месяц». Старый казак и его сын лет пятнадцати обещают, что завтра приедут на рекрутский пункт в Ростов. Они говорят, что следующие деревни заняты врагом. И в самом деле, стоило нам приблизиться к деревне Недвиговская, как застрочил пулемет, и нам пришлось повернуть обратно. В деревнях Малые Салы¹⁵⁶ и Большие Салы сосредоточены значительные силы, в частности, там находится 4-й кавалерийский полк полковника Давыдова, о котором я уже упоминал.

Мы вернулись через деревню Чалтырь, она еще не занята.

11. «Вольные сыны Дона»

Мы привозим следующие известия: поблизости 3000 большевиков, снабженных артиллерией и пулеметами, а значит, нам нужно готовиться к отступлению. Кутепов телефонировал о своих опасениях в штаб армии. В ответ нам передают, что весь Дон наэлектризован трагической гибелью своего атамана, он поднимается, и к вечеру мы получим подкрепление. Действительно, проходит несколько часов, и к станции подъезжает поезд, это старики казаки из станицы Гниловская, они откликнулись на пронзительный призыв Военного совета Дона, который называется «Круг», и прибыли самостоятельным отрядом под командованием казачьего полковника [И. В.] Саринова. Двадцать лет они не брались за оружие и жили вне любой дисциплины. Неважно! Пыл, которым они воодушевлены, их энтузиазм внушают нам надежду. Наконец-то пришла помощь, которую столько раз обещали и в который вновь и вновь отказывали. Артиллерийская группа, почти целиком из офицеров, прибыла почти одновременно. Офицеры приветствуют казаков:

– Урра! Да здравствуют казаки!

И старики отвечают хором, как это было принято в царской армии:

– Здравия желаем, господа офицеры! Урра! Урра! Урра!

Казаки самых разных возрастов, есть которым под шестьдесят. К ненависти к немцам у них прибавляется презрение к рабочим и крестьянам, которых они считают гораздо ниже себя, «грязью». Новые веяния тоже внушают им смутный страх. Благодаря всему этому в них пробудился военный пыл и память о временах молодости.

Казаки уехали в Хоперск. Я заснул поздно, устав от скачки и переживаний дня. Около 3-х или 4-х меня подбросило: совсем рядом грохочут пушки и слышна стрельба.

12. Казаки и горожане

Хапры и Ростов, 2/15 февраля

Поутру возвращаются офицеры, большинство из них ранено, они в ярости и горько жалуются на казаков. Через полчаса возвращаются казаки, тоже в страшном возбуждении, злясь на «господ офицеров». Это те же самые казаки, которых мы видели накануне в таком воодушевлении.

А произошло вот что.

Желая немедленно воспользоваться воодушевлением казаков, их бросили в атаку на Малые Салы. Они отправились с 20 офицерами-корниловцами под командованием войскового старшины князя Мачавариани.

Атака была, безусловно, ошибкой. Этот смешанный отряд из людей всех возрастов и всех сословий, не прошедший учений, почти что без командования, столкнулся с противником, превосходящим его в числе в восемь раз, хорошо укрепившимся, снабженным пушками и пулеметами, которым командовали немецкие офицеры. А наступать они должны были по старинке, как это делалось до появления пулеметов.

Самое удивительное, что эти 20 офицеров и 300 казаков, одни на лошадях, другие пешие, захватили батарею, взяли десять пулеметов и посеяли панику в рядах противника. Испортила полный успех фальшивая тревога. Большевики или немцы рассеяли небольшой отряд конных казаков, остальные, по простоте душевной преувеличив серьезность происходящего, повернули лошадей назад, поддавшись внезапной панике. Бегство конных казаков вызвало панику среди казаков пеших, большевики приободрились. Ночью они укрепили оборону, казаки поголовно отступили, и офицеры остались одни против двухтысячного неприятеля, который стрелял, как сумасшедший. Князь Мачавариане получил пулю в позвоночник, ему отказали ноги, и офицеры отступили тоже. С невероятными трудностями они тащили его вместе с пулеметом. Князь просил о нем не заботиться. Боли усиливались, и он уже тоном приказа распорядился пристрелить его. Адьютант, видя приближающуюся орду врага, решил исполнить приказ.

— Куда стрелять?

— В затылок.

Приказ был исполнен. Выжившим – их было человек десять – удалось вернуться к нам пешком, совершенно обессилевшими.

На вокзале шум. Один казак громко кричит: «Офицеры нас предали!» Крик словно начинен порохом, за ним следует взрыв: люди бросаются к нашей группе корниловцев, мрачно и молчаливо наблюдающей за возмущением.

– Пусть господа офицеры сами дерутся, если нравится! С нас хватит! Мы по домам! Война закончена!

Возле вокзала конные казаки, те самые, что разбежались ночью, уезжают к себе в станицы по два-три человека, не глядя на нас. Те, что толпятся на вокзале, кричат, чтобы им дали поезд. «Война кончилась!» «По домам!» Сорок человек влезают на паровоз, остальные набиваются в товарные вагоны.

История с казаками закончилась. Мы еще раз поверили в пустые крики и фальшивые обещания «вольных сынов Дона». Сердце сжимает отчаяние. Так что же, все кончено? Неужели кончено? Враг продвигается, раззор и безумие раздирают великую нацию, а у нас нет материальных средств и помощи, нас оставляет боевой дух и вера.. Можно ли когда-нибудь будет сплотить эти толпы, столь скорые как на воодушевление, так и на малодушие?

Это главный вопрос.

Вечером после всех этих невеселых событий я возвращаюсь в Ростов вместе с несколькими приятелями: усталые, грязные, грустные мы сопровождаем тела двух офицеров, чтобы похоронить их с воинскими почестями. Прохожие под руку с женами в роскошных мехах идут торопливо и косятся на нас с любопытством, но без симпатии. Возле распахнутых и освещенных окон кафе хорошо одетые молодые люди пьют шампанское с девицами легкого поведения. Одна из них показывает на нас пальцем. Это коммерсанты и сыновья коммерсантов, наше присутствие их не радует. Наши неудачи удивляют их и внушают тревогу, наполняя враждебностью. Ростов, торговый город, внушив нам надежду на будущее, теперь сожалеет о том, что нас принял. Мы его компрометируем. Большевики тоже внушают тревогу, их считают грубыми и опасными, но с ними надеются договориться и торговать. Здесь это главное.

На Дону

13. Визит к вдове Каледина

Ростов, 3/16 февраля

Бои на севере от Новочеркасска. Похоже, там казаки сражаются лучше, чем на юге. Я собираюсь поехать посмотреть. Генералы [А. П.] Богаевский, заместитель атамана Дона¹⁵⁷, и [В. А.] Степанов

приняли меня как нельзя лучше и оказали помощь, чтобы облегчить мне доступ к штабу «военного донского атамана». Стало быть, я пускаюсь в путь.

Ростовский вокзал охраняет офицерская рота, расположившаяся в зале ожидания. Всюду и всегда бывшие офицеры пытаются оберечь страну от двух бед, которые ей грозят: анархии и вторжения. Между тем на улицах видно множество здоровых, хорошо одетых молодых людей, которые продолжают как ни в чем не бывало праздновать, между тем их родина в опасности...

Новочеркасск, 4/17 февраля 1918 г.

У меня до сих пор при себе письма, которые я должен был передать генералу Каледину от общих друзей: генерала князя Е. Барятинского и его бывшего адъютанта, графа Бобринского. Теперь это печальный долг – я должен передать их вдове.

Я навещаю мадам Каледину во дворце атамана Дона. В просторных залах огромного дома ее траур обретает трагическое величие. Со смертью этого человека погибла надежда целого народа. Нет меры безнадежности.

Вдова – француженка из почтенного семейства¹⁵⁸, воспоминания о родине ей особенно дороги в час одиночества и скорби, но она не хочет оставить свой дом, хотя ей грозит здесь жестокий враг.

Я говорю ей о своем печальном недоумении, о горе, охватившем добровольческую армию, когда до нее дошла трагическую весть. Глаза бедной вдовы – глаза, все еще видящие, но уже выплакавшие все слезы – на секунду вспыхивают, она горда причастностью к делу великого патриота.

«Любовь к родине была его религией. Родина – Богом».

Такой приговор вынесет этому человеку и история. На протяжении нескольких месяцев он был воплощением доставшегося нам от Средних веков долга сеньора. Кто-то упрекает его в слабости, кто-то в отсутствии гибкости. Каледин принял гибель на своем посту как один из последних солдат, отстаивающих Россию. Как Алексеев и Корнилов, последний донской атаман поднял знамя патриотизма против анархии.

– Своей смертью мой необыкновенный муж хотел поднять казаков. Когда он увидел, что его голос заглушает анархия, что его перестали слышать, он прибегнул к последнему средству, чтобы повести казаков против врага. Его смерть сделала больше, чем жизнь. Дон поднимается.

Именно по этой причине митрополит увенчал благородного покойника «венцом победителя». Толпа рыдала, прощаясь с тем, кто по убеждению церкви, «погиб в славе». Увы! Трудно верить, что эта

смерть гальванизирует донское войско, которое осталось равнодушным к страшным бедам своей родины. Я помню, что случилось вчера, и я в это не верю.

14. Конец мечты

Чтобы понять причину столь скорого и, очевидно, неизбежного неуспеха, нужно вернуться к истокам. Напомню, что в Донской области казаки составляют меньшинство. 1 700 000 казаков и 2 000 000 неказаков. Неказаки – это торговцы и крестьяне, а крестьяне – это бывшие батраки в казачьих хозяйствах. Разразилась революция, но неказакам не нашлось места в исключительно военном правительстве.

А казаки – здешние, особенно на севере – по большей своей части утратили знаменитые боевые качества, за которые когда-то получили привилегии. Русская граница, которую они защищали на юге от татар, чеченцев и черкесов, давным-давно переместилась. Казаки северных станиц, чьи земли граничили с Великороссией, еще раньше сделались крестьянами. Южные сохранили больше воинственности.

Казак рождается воином и земледельцем. Как только начинается война, он обязан по призыву царя идти воевать, сев в седло своей лошади, правительство выдает ему пику, винтовку и форму. На протяжении многих веков казаки имели собственного командира – атамана. Его выбирал «круг», составленный из представителей станиц. Русское правительство стало опасаться этого войска, размещенного среди империи, в нем под одной рукой находилось около пятидесяти кавалерийских полков. Атамана стала назначать корона, и она перестала ставить во главе казака. Последним атаманом царского режима был граф [М. Н.] Граббе, родом из Балтии.

Главным достижением русской революции для Дона было возвращение драгоценной привилегии: самим казакам выбирать себе главного командира, независимого от контроля правительства. «Круг» воспользовался своим правом и выбрал в атаманы самого популярного на Дону человека – командующего 8-й армией генерала Каледина. Чтобы понять значение этой должности и те надежды, которые вспыхнули в сердцах кадетов, нужно знать, что донской казачий атаман – это *primus inter pares*¹⁵⁹, он имеет право представлять одиннадцать казачьих округов: казаков Дона, Кубани, Терека, Урала, Оренбурга, Семиречья, Астрахани, Сибири, Забайкалья, Амура и Уссурийского края. На Государственном совещании в Москве генерал Каледин зачитал резолюцию от имени всех казаков России.

После «корниловского мятежа» Каледин встал на сторону Корнилова, казаки защищали его против эмиссаров Керенской, которые пришли его арестовать. Позже он резко отрицательно от-

несся к большевикам и рассчитывал, что Дон будут защищать молодые казаки, вернувшиеся с фронта. Но скоро понял, что в большинстве своем они захвачены духом максимализма. Отцы, стоявшие за Калединым, уже не имели былой власти над сыновьями, а молодежь была не столько предана новым политическим идеям, сколько не желала подчиняться дисциплине.

Проект расформирования старых полков и формирования новых провалился: люди не пожелали приехать в назначенные для сбора места. Казаки-фронтовики хотели договариваться с большевиками, старые хотели с ними драться, но никто не дрался.

На Большом круге в декабре 1917 г. обозначился раскол. Однако большинство станиц, за исключением северных, были за меры, предложенные Калединым. Не желая навлекать своим именем ненависть большевиков на донских казаков, Каледин попросил отставки, но был переизбран 570 голосами против 100 под горячие аплодисменты собравшихся, среди которых было всего 200 фронтовиков. Для Каледина это был триумф. Однако собрание приняло резолюцию, которая ускорила его неуспех.

Некто [П. М.] Агеев предложил проект закона, по которому часть власти должна была отойти неказакам. Каледин, то ли из дипломатических соображений, то ли по слабости не отменил это предложение, которое грозило нарушить равновесие сил. Помощник атамана, генерал Богаевский, почувствовал опасность и постарался настроить круг на то, чтобы права выборщиков получили только крестьяне. Его не послушали. Рабочие и мелкая буржуазия тоже получили право голоса. Правительство Дона, куда до этого входили 8 казаков, к январю уже насчитывало 15 человек, из которых 7 были социалистами, склонными к максимализму. Социалисты делали все возможное, чтобы покончить с войной и амнистировать изгнанных или арестованных большевиков.

С 15/28 января с десятков полков, среди которых было и два полка казачьей охраны, восстали против атамана, выбрали революционный комитет под руководством солдата [Ф. Г.] Подтелкова¹⁶⁰ и потребовали отставки правительства. Атаман немедленно исключил их из Добровольческой армии. Мятежные полки заняли Лихую, Звереву, Макеевку и другие важные железнодорожные станции. Не имея возможности справиться с возникшим движением и не располагая силами, чтобы подавить мятеж, правительство пообещало снова созвать круг.

И в этот момент, когда из-за измен и отступничества сановников, генералов и депутатов здание государства готово было окончательно рухнуть, на его защиту все-таки выступил один-единственный человек. Полковник Чернецов, еще довольно молодой неслыханной от-

ваги человек, во главе своего отряда в 400 человек (гимназисты, студенты, юнкера, офицеры) атаковал казаков и занял Звереву и Лихую, выгнал фронтовиков, оттеснил десять полков казаков и за два дня укрепил шаткое положение атамана. Его отряд сражался на всех направлениях – не меньше одного сражения в день! – и одержал победы над опытными солдатами, в десять раз превосходившими его числом, но менее решительными и без талантливоего командира. За четыре дня его имя стало легендой.

25 января / 7 февраля с тридцатью соратниками Чернецов атаковал около тысячи большевиков, которых встретил во время разведки, и одержал бы снова победу, если бы не был ранен. Я слышал от его людей: они видели, как он упал, потом поднялся, вскочил на лошаадь и ускакал. Большевики объявили, что поймали его и убили, а потом держали его голову на протяжении двух недель на штыке в помещении революционного комитета в Миллерово. Однако «партизаны» Чернецова убеждены, что он жив и как только залечит рану, вернется к своим храбрецам¹⁶¹. Я пишу эти строки, а за окном кричат эти ребята, отказываясь расформировывать свой отряд и идти в другие. Полковник Чернецов продолжает вести своих людей в бой.

В тот день, когда распространилась весть об исчезновении Чернецова, авторитет правительства пал и на этот раз окончательно. Бунтарей-казаков возглавил войсковой старшина [Н. М.] Голубов, известный до революции весьма консервативными взглядами. Каледин арестовал его, а потом отпустил, взяв с него слово, что он не предпримет никаких действий против правительства.

Корнилов, надеясь, что старые казаки прислушаются к призыву своего атамана, отправил батальон в Новочеркасск. Станицы пообещали прислать войска, но не прислали. Между тем армия добровольцев создавалась не ради того, чтобы спасти Дон против воли его жителей, а ради того, чтобы установить в России «национальное правительство». Положение Добровольческой армии стало трагическим: серьезная угроза шла со стороны Таганрога, но она подвергала себя опасности, дожидаясь подкрепления от казаков, на которых рассчитывала, но которые не приезжали. Корнилов отозвал батальон из Новочеркаска и объявил о намерении покинуть Дон.

Для Каледина это стало последним ударом.

Малое количество войск, которое сохранило ему верность, держало железную дорогу. Новость, что с запада к Новочеркасску приближается Голубов, застала его врасплох. Жителями города овладела паника. Каледин почувствовал, что его все бросили. Бурное собрание круга убедило его, что он больше не пользуется у собрания должным авторитетом. Тогда он и решил выстрелить себе в висок.

То, что великий атаман донских казаков, несмотря на все свое благородство, был бессилен совершить при жизни, совершила его смерть. У гроба, стоявшего в Новочеркасском соборе среди рыдающей толпы, старые военачальники казаки вновь дали клятву спасти землю своих отцов.

Донская легенда расцвела опять на несколько дней, а потом увяла уже навсегда.

15. Стычка отрядов. Ночная атака

Персияновка, 5/18 февраля

«Походный атаман», генерал Попов, охотно дал мне рекомендательное письмо для начальства, командующего войсками на севере. Начальник железнодорожной станции в Новочеркасске предоставил в мое распоряжение паровоз.

Вокзал Персияновки, куда я приехал ближе к вечеру, занимали военные всех мастей. Кого только не было: казаки, офицеры, гимназисты, ученики военного училища Новочеркаска, кто в меховых шубах, кто в простых полушубках теснились в залах ожидания и на подступах к вокзалу.

Полковник [К. К.] Мамантов, командующий на этом фронте, пригласил меня остаться у него. Но я предпочел продвинуться дальше. Большевики, в изобилии снабженные боеприпасами, занимают Каменоломню на юге от Александро-Грушевской станицы. Отряд Чернецова послан вперед, чтобы защищать столицу, которую не хотят защищать казаки. Я отправляюсь туда на паровозе.

Мы проехали несколько километров, и машинист высадил меня посреди снежной равнины возле другого поезда, а сам вернулся в Новочеркасск. Представьте себе поезд из пятнадцати вагонов, который ездит туда-сюда по снежной равнине, где со всех сторон его подстерегает враг. Я с двумя чемоданами в руках бегом побежал к поезду, влез в санитарный вагон, откуда меня направили к начальнику поезда.

Между Новочеркасском и Александро-Грушевской,

6/19 февраля 1918 г.

В полдень наш поезд прибыл на станцию Господский Двор, в шести километрах от Каменоломни. Мы получили приказ атаковать сначала этот вокзал, а затем Александро-Грушевскую. Действовать будем совместно с двумя подразделениями казаков: полковника Каргальского справа и полковника Семилетова слева.

В 2 часа мы вылезаем из вагонов, и наши 170 человек располагаются двумя стрелковыми линиями, направляясь в сторону

Каменоломни. Снег по колено, небо затянуто облаками, ледяной ветер дует в лицо. От полковника Каргальского приходит сообщение: он с 150 конными казаками находится поблизости от Каменоломни. Полковник Семилетов с 200 пехотинцами и 30 кавалеристами остановился перед рекой Атюхта, на которой слабый лед. Перейти удалось только четверым или пяти человекам, они и отрезают дорогу между Александро-Грушевской и Каменоломней.

В 4 часа мы получаем приказ идти на ближайшую от Каменоломни станцию. Я в 1-й сотне подполковника [А. А.] Корнилова, иду рядом с подьесаулом [В. И.] Дьяковым, добровольцем, командиром 2-й роты.

Идти трудно, переводим дыхание только на площадках, где ветер выдул снег. Когда пересекаем ложбины, приходится специально выделять людей, чтобы тащить наши 6 пулеметов. Мы шли семь часов на виду у неприятеля, который стрелял в нас из окопов. Слева от нас всадники, мы считаем, что это казаки Каргальского.

В 9 часов добираемся до железной дороги и встречаем там полковников Черевкова и Мамонтова. Первая сотня располагается справа от путей, вторая слева. Я при кавалерийском подполковнике Корнилове, который командует первой сотней. Командиры рот первой линии Туроверов и Пудловский, второй – Самохин и Дьяков.

Перед нами в потемках едва вырисовываются хозяйственные постройки хутора и темное пятно леса, откуда слышится беспорядочная ружейная стрельба.

Мы с подполковником Корниловым идем впереди сотни. В такой темноте невозможно определить с целью. Корнилов отдает приказ: «Стрелять наугад!» Мы двигаемся цепью длиной метров в пятьдесят. И каждый раз перед продвижением Корнилов приказывает стрелять из пулемета. Теперь у нас стреляет только один пулемет, остальные повредились по дороге. Наши пулеметчики не знакомы с этими механизмами, починить не могут. По счастью, противник не упорствует. Когда мы добираемся до кустов, откуда стреляли, там никого. Мы забираем четыре полевых орудия, оставленных на снегу между первыми постройками. Потом держим совет с Корниловым. Ни справа, ни слева ни звука. Где казаки, которые поддерживают нашу атаку?

Вдруг в темноте я различаю какое-то движение. Справа черная на черном тихо движется какая-то масса. Это по рельсам медленно движется поезд. Впереди пять пустых платформ на тот случай, если путь заминирован, бронированные вагоны, еще две платформы, затем череда товарных, разумеется, набитых солдатами. Из первого бронированного в нас стреляют. Им удобно – мы хорошо видны на белом снегу. Многие из нас ранены. И тут как раз замолкает наш единственный пулемет. Бегу туда. Возле пулемета спокойно развалились трое ребят.

- Чем занимаетесь, так вас раз-этак!
- Вон он ранен!
- Ты не ранен! Почему не стреляешь?
- Не можем ящик с патронами открыть.

Я вскрываю штыком ящик, вставляю ленту и начинаю палить в проем вагона, откуда стреляли в нас. Приказываю продолжать стрельбу. Я знаю, что даже, если мы промахиваемся на расстоянии 40 метров, солдаты-максималисты из трусости прекращают стрельбу, как только пули начинают свистеть в непосредственной близости.

Я возвращаюсь к подполковнику Корнилову, и мы снова советуемся. Потери наши растут. Как же действовать дальше? Мое мнение: любой ценой атаковать поезд.

– Бронированный вагон открыт сверху. Закинем несколько ручных гранат и возьмем поезд благодаря неожиданности.

– С бронепоездом нам делать нечего. Мы вынуждены отступить.

– Отступая, теряем больше людей, чем атакуя.

– У нас всего три-четыре гранаты на роту.

Последний довод прекратил дискуссию. Действительно, делать нечего. наших продолжали выбивать. Подполковник Корнилов получил пулю в ногу и передал командование поручику Пудловскому. Упал и Пудловский с пулей в животе. Мы кинулись к нему. Он не мог подняться и закричал: «Не занимайтесь мной! Я свое получил!» Я приказал двум солдатам сделать для него носилки, скрестив винтовки.

Командование сотней принял поручик Туроверов и вскоре тоже был ранен: пуля прошла ему руку. Подполковник Корнилов дал сигнал к отступлению. Кое-кого из солдат охватила паника, в том числе и тех, кого я послал на помощь Пудловскому. Я присел возле офицера, спросил, может ли он подняться, опираясь на меня. У нас не было ни минуты лишней: большевики, воодушевившись нашим отступлением, стали выскакивать из вагонов с победными криками. Я почувствовал, как Пудловский окостенел у меня в руках: умер. По крайней мере, я на это надеюсь.

Я вернулся к своим людям, и мы стали отступать. Я помогал идти раненому, с другой стороны его поддерживал один из наших. Убили раненого, убили его товарища, и я снова остался один. Продвигались с большим трудом. Вдруг за собой я услышал шум, обернулся и увидел то, что никогда уже не забуду.

Хорунжий Самохин с револьвером в руке собрал шесть солдат. Он приготовился совершить безумство: затеял контратаку с шестью солдатами, чтобы помочь раненым. Заметил меня и закричал, не выпуская револьвера:

– Вы кто?!

- Голландец!
- Ваше место не здесь! Идите назад!
- Ни за что! Я с вами!

К нам присоединились еще два раненых. В ночной безлунной темноте движутся зловещие тени. Один из наших хватает бегущего солдата. Тот подает голос:

– Отпусти! Видишь же, товарищ!

Самохин резко бросает:

– Из какого отряда?

– Из московского.

Московский отряд – подразделение большевиков. Взрыв. Вспышка освещает землистое лицо солдата, он отшатывается. Он подумал – тем более, что наши уже далеко, – что мы такие же большевики, как и он.

Нам нужно спешить. Поддерживая наших двух раненых, мы догоняем остатки нашего подразделения: небольшими группами люди бегут от железной дороги в разные стороны. За нами шум и крики: радостные вопли большевиков и стоны наших умирающих. Потом мы снова возвращаемся к железной дороге и бежим по ней до того места, где стоит наш поезд. Полночь. Операция не удалась. Мы потеряли 73 человека из 170, какие состояли в нашем батальоне.

На следующее утро наш начальник, полковник Черевков, отправил офицера узнать, по какой причине подразделения Каргальского и Семилетова не поддержали нас, из-за чего и провалилась вся операция. Ответ пришел следующий: эти господа не могли двигаться дальше после 9 вечера, лошади и люди слишком устали.

16. Мы оставляем Новочеркасск

Новочеркасск, 8/21 февраля

Я долго беседовал с женой подполковника Корнилова, в прошлом певицей Петроградской оперы, которая пожелала всюду следовать за мужем. Она ждет конца этой тщетной и кровавой кампании. «Всякий раз отряд теряет треть или четверть своих людей. Вины казачьи! Они бросают нас постоянно. Когда же кончатся наши мученья? Как бы я хотела жить спокойно со своим мужем!»

Впервые Малый круг обязал станицу сформировать «дружину»*. Арестовали революционный комитет в Грушевской, она в 15 километрах от Новочеркаска. Здесь у нас говорят, что большинство казаков

* Батальон местной армии.

настроены сражаться: их добрую волю парализует меньшинство – вернувшиеся фронтовики.

Хорошая новость! 6-й Донской казачий полк вернулся с оружием, отказался сдать его большевикам. Что-то не верится: слишком уж красиво! Какова-то изнанка? Донское правительство принимает его перед собором с большой торжественностью: музыка, речи и прочее. Прославляют их храбрость, все полны воодушевления. Каждый казак получает в подарок 400 рублей...

Новочеркасск, 9/22 февраля

В начале вечера распространился ужасный слух: Корниловский полк почти весь уничтожен. Генералы Алексеев и Корнилов задерживались с армией в Ростове, надеясь на солидное пополнение от донских казаков, но теперь двинулись в путь. Значительный авангард расположился в Аксае, небольшой станции на половине дороги между Ростовым и Новочеркасском.

Я поехал в Аксай вместе с несколькими офицерами нашего отряда за распоряжения начальства. По дороге паровоз, на котором мы сгрудились, был обстрелян. Предположительно, казаками, они чувствуют наше поражение.

В Аксае я встретил штабс-капитана Левашева, с которым когда-то виделся в Ставке. Высокого роста, видный, говорит и держится беззаботно. Рассказал мне историю, которая, очевидно, его занимает:

– Вы только представьте себе, до какой степени революция перевернула людям мозги! Позавчера профессор теологии попросил генерала Алексеева принять его, у него, мол-де, есть интересное предложение. И разворачивает перед нашим генералом целый план, как убить Ленина и Троцкого. По его словам, это будет стоить нам сто тысяч рублей. И это говорит человек, который всю жизнь изучал Святое Писание!

– А что если он изучал в основном истории Эхуда¹⁶² и Юдифи?¹⁶³

– В любом случае, дворяне так не поступают!

Сегодня впервые в наших рядах произошел раскол. Несколько офицеров и среди них наш командир, полковник Черевков, вместе с доктором Петровым отказались покинуть Новочеркасск. Они признались мне, что не верят в будущность Добровольческой армии. Оставшись в Новочеркасске, они хотя бы оставляют за собой надежду раствориться среди населения и таким образом уйти из рук большевиков, которых ждут с недели на неделю.

Остальные пожелали вступить в Добровольческую армию и двигаться вместе с ней. Армия уже покинула Ростов и направилась в сторону Нахичевани.

Делегату круга, который приехал узнать причину нашего решения, совет офицеров нашего отряда ответил, что отряд постоянно бывал в самых опасных точках, что казаки ни разу нас не поддержали и мы в каждом деле теряли треть, а то и половину наших людей. Теперь мы хотим стать частью Добровольческой армии.

Вечером генерал [П. Х.] Попов, походный атаман, нашел нас на станции и передал разрешение круга: мы можем ехать, куда хотим. Отставка Черевкова тоже была принята. Корнилов, сын знаменитого адмирала, был произведен в подполковники и назначен командиром «отряда Чернецова»¹⁶⁴. Все, кто принимал участие в последнем сражении, получили Георгиевские кресты.

Армия Корнилова в степях

17. Исход патриотов

Аксай, 11/24 февраля 1918 г.

Мы в Аксае. Сегодня воскресенье, в чистом весеннем воздухе вовсю звонят колокола. Подполковник Корнилов в сопровождении жены проводит смотр отряда. Настроение у всех прекрасное. Каким мужеством нужно обладать, каким негасимым пламенем надежды, чтобы горстка людей, летучий отряд, добровольно выбрали для себя судьбу армии Корнилова, тоже горстки людей в океане врагов!

Мы уходим пешком, идем по двое по узкой дорожке, оставленной санями в ледяной пустыне. Переходим через Дон по льду. За нами на повозке едут сестры милосердия. Раненый смельчак Корнилов на лошади, и Туроверов тоже, и тоже раненый. Госпожа Корнилова едет в повозке. Рядом с бывальыми солдатами, в бородах и с наградами, безусые мальчишки – студенты, гимназисты. Их учат даже на марше: «Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре!»

Мы приближаемся к станции Ольгинской, пункту сбора всех подразделений. С юга прибывают войска удивительной армии добровольцев: пехотинцы, кавалеристы, артиллерия – почти что все офицеры с погонами и знаками отличия под командованием самых великих русских генералов. Бывшие командиры армий командуют ротами. Деникин, в прошлом командир армий фронта, теперь распоряжается батальоном. Во главе офицерской армии, по численности равной полку, шагают Алексеев и Корнилов, оба с винтовками на плече, с вещмешками на спине, а за ними Эльснер, Романовский, Деникин, Марков и другие.

Возможно, благоразумие подсказало бы этим военачальникам после горьких разочарований и трехмесячных бесплодных усилий

распустить свою армию и передать отдаленному будущему осуществление своих самых дорогих надежд. Но любовь к родине Алексеева и нестигаемая отвага Корнилова, очевидно, более зрячи. Эта горстка людей олицетворяет твердую убежденность в том, что нельзя оставить будущее на волю слепого случая. Среди всеобщего разрушительного безумия, когда разом повалилось все, здесь поставлен во главу ум, твердые решения и надежда, которая всех объединяет.

Значимость этой замечательной группы людей вовсе не в том, что все они военачальники, умеющие командовать. Они больше этого, они лучше этого: они солдаты, которые в море анархии противостоят ей исполнением долга. Лишившись благосостояния и безопасности, принеся столько жертв, пережив столько поражений, они утешают себя надеждой спасти сокровище, дорогое каждому патриоту, – они несут с собой в степь честь русской армии.

18. Дворяне и крестьяне

Станица Ольгинская, 11/24 февраля

По прибытии мы явились к генералу Корнилову, которому подполковник Корнилов представил наш отряд.

Генерал устроил нам смотр: оказавшись передо мной, он пожал мне руку и задал несколько вопросов. Напоследок из груди стоявших вырвался крик: «Урра герою Корнилову!» Потом ряды смешались, и мы отправились искать пристанище. Все партизанские отряды будут расформированы, и из них будет создан один большой разведывательный отряд под командованием бывшего помощника донского атамана Богаевского¹⁶⁵. Только наш отряд за примерное поведение сохранится в целостности вместе с именем. Не могло быть лучшей дани памяти полковнику Чернецову.

В домах казаков после года революции висят портреты царя. Ни авторитет Керенского, ни слава Каледина не уничтожили в малодушных и неустойчивых казаках любви к законному государю.

Станица Ольгинская, 13/26 февраля

Офицер, только что приехавший из Новочеркасска, сообщил мне новости о знаменитом 6-м полку, который вернулся с Дона, не сдав оружия, и который так торжественно чествовало донское правительство на площади перед собором. Каждому казаку было выдано по 400 рублей, а потом дан приказ выступать против большевиков в Каменоломне. И тут без всяких причин и объяснений полк развернулся и отправился по домам. Я был прав, когда им не поверил!

Началась наша одиссея. Дивизион Гершельмана отправляется в северную сторону за лошадьми для армии. Я поеду с ними. Ожидая,

пока мне купят лошадь, провожу несколько часов с двумя офицерами его отряда, князем Химшиевым и бароном Бухгольцем, наслаждаясь их диалогом:

– Сделайте любезность, *князь*, скажите, который час.

– Полагаю, *барон*, сейчас ровно половина пятого, – тотчас отзывается Химшиев.

И вся беседа в том же духе. Тон, который они сохраняют, невольно производит впечатление. Они культивируют вежливые обороты, настаивают на дворянских привилегиях, хотя их окружает враждебный к ним народ, который с удовольствием будет их пытаться и мучить.

В деревнях, по виду совершенно спокойных, тлеет жестокость и ненависть. Я встретил двух мужичков, которые тащили сани.

– Скажи, казак, сколько отсюда до станицы?

– Я не казак, я крестьянин. Вот он казак (он указывает на своего товарища), а я большевик.

Его товарищ, желая ответить мне, вклинивается в разговор и говорит, что до станицы версты три, но крестьянин продолжает:

– Ваш Корнилов... будь он проклят! (тут он плюет на землю). Скоро он своего дождется! И он, и все его подголоски! Всех уьем, до единого!

– А это мы еще посмотрим! Я хоть и иностранец, а вас хорошо узнал. Вы смелы на словах, но я-то видел вас перед немцами. Как замечаете, врассыпную, как зайцы!

– Немцы? Ну, нет, чего их бояться! Мы их палкой погоним. Нам и ружей не надо, мы их палкой, палкой!

– Замолчи, мужик! Видно, выпил лишнего! Шампанского перебрал!

И казак расхохотался.

Ночевал я в комнате полковника Гершельмана, бывшего командира лейб-гвардии кирасирского полка в Варшаве. Человек тонкого ума, соединивший в себе славянскую мягкость и восточную решительность. Он объяснил мне, почему нужно было оставить Ростов. Добровольческая армия не может посылать вперед большие подразделения. Аванпост самое большее 300 человек. Фронтальной атаки он не выдержит, значит, есть риск попасть в окружение. Поэтому отступление неизбежно.

19. К зимовникам*

Хомутовская, 14/27 февраля

По дороге наш дивизион – сто всадников и две медсестры – обогнал большую часть нашей пехоты. Корнилов идет пешком, Алексеев, слишком старый и усталый, едет в шарабане. Мы отдаем им честь. Всюду вижу знакомых – вот [Л. В.] Половцев, бывший член Думы, он за кучера на телеге с мясом. Подобные детали лишь прибавляют величия уникальному зрелищу, что разворачивается перед нашими глазами.

Дивизион направляется на север, и мы оставляем позади станицы и богатые деревни, расположившиеся вдоль больших дорог. Теперь перед нами нескончаемая равнина с невысокой травой, покрытая тонким слоем снега. Во главе нашей кавалькады спокойный и улыба-

* В Донских степях издавна растили лошадей для русской кавалерии. Донские воины на протяжении веков использовали местных лошадей, живущих на воле большими табунами. Зимние холодные ветры иногда пригоняют их десятками тысяч на восточный берег Дона. Эти лошади сильные и выносливые, но не обладают статью. Их породу стали улучшать, скрещивая с английскими лошадьми. Три четверти чистопородной крови и четверть местной дали прекрасной результат, эти лошади и стали главными для русской кавалерии.

Огромная территория в 840 000 десятин, разделенная железной дорогой Царицын – Екатеринбург примерно на две равные части (Восточное и Западное степное коннозаводство), была предназначена военным правительством (Войсковое правительство) для поставки лошадей, и оно поставляло 13 000 великолепных лошадей в год.

Эта территория разделена на участки по 2400 десятин каждый. Правительство арендует их у частных лиц за смехотворную плату: 50 копеек за десятину в год. Арендаторы строят на них фермы с ригами и конюшнями, заводят лошадей, коров и овец, которых стерегут калмыки, оснащенные «лассо». Некоторые семьи арендуют по несколько участков. Например, у Софроновых – их 13, у Пишвановых 8 и т. д. Арендатор должен выполнять следующие условия: он имеет право обрабатывать только 400 десятин земли, остальные 2000 должны оставаться пастбищем. Для себя он может иметь только 300 бычков и 600 овец. На каждом участке должно быть единовременно, по крайней мере, 200 лошадей. Арендатор может продавать частным лицам только чистопородных лошадей, все остальные должны поступать в ремонтную комиссию, которая выберет из них лучших. Каждый участок должен поставлять государству минимум 15 лошадей в год. Если арендатор трижды не выполнит это условие, он лишается аренды.

Лошади пасутся на вольном воздухе, зимой они разгребают снег, добывая себе траву. Каждый вечер калмыки с длинными бичами загоняют их в конюшни, расположенные там и здесь по степи, которые и называются «зимовники».

Русское государство таким образом обеспечивало свою мощную кавалерию прекрасными лошадьми за очень умеренную цену (примерно от 100 до 280 рублей за лошадь). Оно также сумело заселить эти обширные пустыни, которые на протяжении десяти веков колонизации так и не были использованы.

чивый полковник Гершельман, аристократ с характером, выкованным суровой войной. Я еду то рядом с ним, то вместе с полковником [Д. П.] Резниковым. А за нами парами около сотни всадников. Одежда на нас драная, оружие не блестит, как на парадах, но редко видели в мире отряд таких искусных наездников и решительных воинов. Все сожгли свои корабли. Большинство из них гвардейцы, дворяне, помещики, разоренные конфискацией имущества и безоглядно бросившиеся в это предприятие.

Насколько хватает глаз вокруг пустота – ни дома, ни риги, ни дерева – трава и трава, которую щиплют стада и которой со дня сотворения мира не касалась крестьянская коса. Мы едем то шагом, то рысью по тропам, которые наобум проторили крестьяне, продвигаясь наугад по этой бескрайности без единого ориентира. Изредка вдаль мелькнет зеленый купол или мельница, но бархатистая линия горизонта тут же вновь их стирает. Бывает, появляются небольшие группы всадников, стальной взор наших следит за ними неотрывно.

В нашу сторону направились сани. Потом заметались, надеясь избежать с нами встречи. Решились и поехали навстречу опасности. Вскоре мы различаем женщин в светлой одежде и празднично одетых мужчин. Какой контраст с нашими лохмотьями! Догадались: свадебный поезд. По знаку новобрачной, тонкой дипломатки, муж слезает с саней и предлагает сначала полковнику, а потом всем остальным по стакану местного вина. Не забыта и наша медсестра, барышня-дворянка. Вино на удивление вкусное. Мы все пьем за здоровье и счастливое будущее новобрачных.

И опять вокруг тишина, гнетущая для затерянных в снежной пустыне. Тоска томит душу, когда час за часом видишь все тот же горизонт, ту же дорогу, на которой не остается следов наших лошадей. и мы не чувствуем, что двигаемся. К вечеру истомленные душой и телом, мы едем, будто во сне. Будя наши сомлевшие души, кто-то запекает подорожную, да такую задорную, такую веселую! Мы выпрямляемся в седле и на миг забываем степь, ее гнетущую скудость, утомительное однообразие. Припев мы поем все вместе, и он раскатывается по неоглядным далям, теряясь неведомо где. Буря, ураган вскриков, присвистов. Однако пустоту не расшевелишь весельем. Мало-помалу лица вновь серьезнеют, вновь на них печать меланхолии. О чем думают эти молодые люди, красивые, гордые, высоко несущие честь и достоинство воина, готовые жертвовать собой? Они оставили матерей, невест, возлюбленных, которых, скорее всего, больше никогда не увидят... Наверное, любимые лица ласково смотрят на них из этой белой пустоты. Теплый голос запекает всеми любимый романс [Б. С.] Борисова.

Как цветок голубой среди снежной зимы,
Я увидел твою красоту,
Яркий луч засиял мне из пошлости тьмы,
И лелею свою я мечту.

И все мы подхватили хором:

Ах, время изменится,
Горе развеется,
Сердце усталое
Счастье узнает вновь.

Смолкли голоса, и вокруг опять тишина. Слышен лишь негромкий топот эскадрона на марше – он такой тихий, такой незаметный в этой пустыне.

Спустилась ночь, мы заночевали на жалком хуторке Конторский. Хозяева его не казаки, а бедные крестьяне или, может, «иногогородние»*, были явно «большевиками» и приняли нас скрепя сердце.

Две комнаты отвели нашему «главному штабу». Меня положили на единственную кровать; полковник Резников, полковники Гершельман, Яновский и адъютант спали рядом на соломе. Ординарцы легли в соседней комнате. Ординарец у меня дворянин из Балтии, русский патриот, барон [О. С.] фон Тизенгаузен. Мальчик юнкер из военного училища в Новочеркасске, прежде чем сесть с нами за стол, обтирал мою лошадь и следил за вещами. Мы живем здесь порядками старой русской армии.

Кузнецовский, 15/28 февраля

С 6 до 9 утра слышались пушки со стороны Батайска. Неужели генерал Эрдели вернулся с подкреплением кубанских казаков? Или это немцы и большевики дерутся между собой? Так, во всяком случае, утверждают кавалеристы, вернувшиеся сегодня утром.

Наши лошади плохо питаются и очень устали. Проехав больше двадцати верст, мы остановились на хуторе Кузнецовский, здесь нет казаков, и поп нас принял с сердечным гостеприимством.

Он сообщил, что наше прибытие послужило причиной мгновенного бегства революционного комитета. Срочно собравшись, рево-

* Чужаки, пришедшие из другого города. (Иногогородние – некоренное население Дона и Кубани, преимущественно переселенцы из Центральной России и Украины; отношения между казаками, обладавшими льготами, за которые они несли военную службу, и иногородними, в большинстве случаев намного хуже обеспеченными землей, были очень сложными, выливаясь в конфликты, что стало одной из движущих сил Гражданской войны на Юге России. – *Примеч. сост.*)

люционеры сначала решили в нас стрелять, но потом опомнились: «кадеты сожгут деревню!». Деревни нас мало интересуют. Aquila поп caril muscas¹⁶⁶. Начальник и секретарь сбежали, и крестьяне закрыли помещение.

К нам пришла депутация, попросив разрешения задать полковнику следующие вопросы: «Какова ситуация на Дону? У кого больше шансов, у большевиков или у корниловцев?» К крестьянам послали адъютанта, он должен был просветить этих... идеалистов.

Случай, о которых поведал нам поп, окончательно расставил все по местам. Политической ориентацией крестьяне обязаны солдатам, вернувшимся с фронта. Они еще приходят на службу, но уже курят и плюют на пол в церкви. Когда поп заставляет их читать правила, как вести себя в Доме Божием, они высокомерно улыбаются: «Вы что, не знаете? Теперь свобода!»

Корольково, 16/29 февраля

В полдень мы приехали в зимовник* Корольков, хозяин которого некий Гудовский¹⁶⁷.

Хозяин не выразил большого желания продавать нам лошадей. А те, которых предложил, были тощие и страшные: наши офицеры от них отказались. Он пообещал поговорить с калмыками, которые стерегут табун, но нам показалось, что втайне он даст им совсем другие распоряжения. Двенадцать сотен лошадей бродят на свободе по территории размером около десяти [квадратных] миль, и поймать их невозможно без помощи этих самых калмыков, которые и не позволили бы никому ловить своих лошадей. Неутомимые наездники, они стерегут днем и ночью гордых подопечных. Калмыков обычно трое: один отдыхает, а двое в седле. Мне показали одного из них. Два раза в неделю на одной и той же лошади он ездит за почтой для своего хозяина за 50 километров отсюда, делая, таким образом, 110 километров в сутки.

Полковник старается убедить Гудовского продать ему лошадей, в противном случае большевики заберут их без денег. Но тот уперся: нет и нет, и большевики их не получат. Зачем продавать, когда деньги дешевеют с каждым днем?

* Место, защищенное от холодных ветров, где пасутся лошади зимой.

20. Кара, постигшая одну деревню

Корольково, 18 февраля / 3 марта

В деревне Красновка воплотили в жизнь максималистскую доктрину. После единодушного решения деревенского совета сельчане вооружились и в сопровождении немалого числа «фронтовиков» явились на телегах в зимовник по соседству, разграбили его, забрали из погреба вино, напились, увели с собой лошадей и скот. Хозяину, которого они грозились убить и заперли, удалось сбежать. Он и рассказал нам об этом постыдном, безобразном событии. После рассказа о разоренном зимовнике у наших встали перед глазами другие разграбленные и сожженные поместья, другие убитые и замученные в огне пылающей России. В результате полковник Гершельман приказал командиру взвода штабс-ротмистру [О. Н.] Сомову отправиться с 30 нашими и 10 чехами в деревню, расположенную в 12 верстах, произвести там дознание и примерно наказать виновных в назидание другим. Я присоединился к экспедиции.

В 11 часов утра наш маленький отряд покинул хутор, где мы расположились, обогнул лесок, куда на день прятались волки, и поскакал по степи. Мы ехали шагом под низким небом по единственной дороге, накатанной саями. Ехали офицеры и юнкера из бывшей русской кавалерии. Сомов, благодаря своей репутации отважного и решительного человека, получил от Гершельмана все полномочия. Никаких песен, слышен только негромкий стук копыт и иногда ржание. Мой ординарец, барон фон Тизенгаузен, еще не бывал под огнем, он дает мне адрес своих родителей на случай несчастья.

На расстоянии полуверсты от деревни пять наездников поворачивают налево, пять направо, чтобы окружить деревню и не дать сбежать виновным. Двое, что пытались прорваться, были мгновенно уложены. А мы по приказу Сомова с винтовками наперевес галопом, «лавой» мчимся к деревне.

И не встречаем никакого сопротивления. Дозорные, что сидели на стогах сена, объявили тревогу, и вот – ни одного мужчины. Женщины делают вид, что не понимают причины нашего появления, притворяются, будто работают себе по огородам, не поднимая глаз.

Но вот идет какой-то крестьянин. Сомов останавливает его.

– Где тут прячется председатель революционного совета?

Крестьянин что-то бормочет и клянется всеми святыми, что знать ничего не знает.

Сомов приставляет ему револьвер между глаз.

– Веди или убью!

Эффект мгновенный. Не прошло и трех минут, как крестьянин вернулся, волоча за собой «председателя», маленького коренастого

мужичка с пронзительными сумасшедшими глазами, низким лбом и упрямым подбородком. Он прикрывается руками, защищаясь от ударов хлыстов и нагаек, которые сыплются на него со всех сторон. Затем чехи с большим удовольствием берутся за него. Вскоре залп дает нам понять, что за приверженность московским теориям заплачено жизнью. Что до секретаря комитета, то его так и не нашли.

Крестьянин, которого допрашивали, где он прячется, тупо повторял:

– Не знаю, товарищи!

– Да как ты смеешь? Какие мы тебе товарищи?

Удары посыпались на плечи мужичка.

– А ну повторяй: ваше благородие, господин офицер!

Крестьянин поднес руку к шапке.

– Прошу прощения, ваше благородие!

– Не смей отдавать честь! Ты не солдат!

Крестьянин стягивает шапку и наклоняет обнаженную голову.

– Прошу прощения, ваше благородие.

В недоумении от столь быстрого возвращения былых порядков, он, низко склонив голову, ждет наших приказаний. А ему приказано обойти сорок два жалких домишка, из которых состоит деревня, и объявить:

– Через 15 минут все оружие, вино и украденные лошади должны быть возвращены. Если у кого-то через четверть часа останется хоть одна лошадь из зимовника или оружие, он будет немедленно расстрелян.

Мы распорядились отвести нас в дом секретаря. В доме только его жена с младенцем на руках, трое других держатся за юбку. Она твердит одно: бумаги исчезли вместе с мужем. Осталась только печать. Сомов забирает ее, чтобы делать фальшивые пропуски.

Наши кавалеристы объехали Красновку. Женщины продолжают работать, демонстрируя величайшее спокойствие. При нашем приближении все следы воровства постарались тщательно замести. Страшные местные клячи, две бутылки водки, охотничьи ружья, старые пистолеты, ржавые сабли – вот все, что нам принесли.

Между тем нам привели солдата, который «нашел где-то тут» лошадь-чистокровку, а потом еще двух, они прятались за сеном в конюшне и у них мы нашли патроны. Вчера в деревне жили безобидные крестьяне, новый режим превратил их в бандитов.

На жалких растерянных пьяных лицах солдат я читаю страх, жуткий страх перед насильственной смертью. Этот страх прогнал их с фронта, но именно с такой смертью они рискуют встретиться здесь, в тылу.

Офицеры допрашивают солдата так, словно не было никаких социальных катаклизмов, и мы по-прежнему живем при старом режиме:

– Почему нет кокарды на фуражке?

Солдаты бормочут какие-то извинения.

– Какого полка? Почему сняли с погон лычки?

Снова невнятное бормотанье.

– Ясно! Всех троих в телегу!

Штабс-капитан Сомов пересчитывает людей. Короткая команда, и мы покидаем деревню. На этот раз женщины на нас смотрят и прожужают тревожными тоскливыми взглядами, бросив работу и не притворяясь больше беззаботными.

На белую равнину спускается вечер. Жалкую деревеньку со стогами сена и покосившимися домишками заволакивает туман, в котором исчезает все.

Мы возвращаемся в зимовник уже среди ночи. Вокруг хутора бродят волки. Полковник Гершельман принимает рапорт Сомова и приступает к допросу пленника, которого привели три чеха.

– А где еще два пленных? – спрашиваю я.

– Да они бежать надумали дорогой...

Большевика колотит дрожь, он пытается объяснить, как оказался в этих местах, говорит, что из резервного полка бывшего тульского фронта. Но посмотрев в лицо молчаливого высокомерного Гершельмана, меняет тактику: предлагает нам услуги против своих товарищей. Гершельман пристально смотрит на него несколько секунд и с улыбкой, молча, передает его чехам.

– Что с ним будет?

Полковник будто бы задумывается на секунду, потом говорит небрежно:

– Боюсь, у него не получится убежать сегодня ночью.

Корольково, 19 февраля / 4 марта

В деревне Черевково 240 большевиков, 2 пушки и 4 пулемета. Забавно было бы забрать эти пушки с помощью нашего единственного пулемета, но они нам будут только мешать.

Ротмистр [Г. П.] Апрелев пошел за приказаниями к Корнилову. Мы догоним Добровольческую армию завтра в Лежанке, за ней начинается уже Ставропольская губерния. Двадцать лошадей, которых нам удалось достать, поведут два калмыка*, которых Гершельман ре-

* Эти калмыки живут в округах на пограничье с Волгой, они особая народность, но не живут как отдельная нация. Они наездники и замечательно дрессируют лошадей. Они приезжают в Россию на лошадях, с семьями, селятся в зимовниках, но не ассимилируются со славянами. Они идолопоклонники, привозят с собой божков из камня

шил взять с нами, заплатив им солидную сумму. Прямые в седлах высоко поднимаясь на стременах, они описывают большие круги своими бичами. Лошади бегут за нами свободно, «табуном».

21. Гвардейцы-гасконцы

Зимовник Кузнецовка, 19 февраля / 4 марта

Повсюду небольшие разведывательные группы на лошадях. Я встретил группу из отряда Чернецова, они в какой-то станице увидели копыя. Мы напрягаем глаза, готовясь увидеть большевиков и броситься на них. Но они не показываются. Красногвардейцы и революционные солдаты умеют расправляться с офицерами в армии ударом в спину, в подъездах домов Киева, Севастополя, Таганрога, напав неожиданно несколько на одного, но они не решаются нападать, когда офицеры готовы к обороне.

Ночуем в брошенном зимовнике, к нам присоединяются чехи. Нас семеро в маленькой комнатухе: [Д. П.] Резников, [В. С.] Гершельман, Яновский, [Г. П.] Апрелев, Критский, Фермор и я. На нас не одежда, а лохмотья. У графа Фермора рваные штаны и продранные локти. Мы сморкаемся в два пальца и очень страдаем из-за отсутствия нижнего белья. Едим с ножа или руками из одной кастрюли, да и еда, прямо скажем, условная. Но зато сохраняем прежнюю учтивость. И сами над собой смеемся. Эта война одного против сотни похожа на безумное пари или вызывающую фанфаронаду. Графу Фермору мы напоминаем [героев] «Сирано»¹⁶⁸, и он принимается декламировать:

или матери, кормят их салом или наказывают, в зависимости от обстоятельств. Выносливость их уникальна, они могут оставаться в седле сутки и даже больше. Табуны, которые доверяет хозяин калмыкам, охраняются обычно тремя человеками: один из них спит, два других сторожат, получается, что каждый сторожит по 16 часов. В зимовнике, где я был, калмык ездил два раза в неделю за почтой (55 верст). Он отсутствовал не более суток, проделывая 110 верст за один присест.

При царском режиме их считали бесполезными для армии и не брали на военную службу. На протяжении 1918 г. генерал Деникин приписал калмыков к астраханским казакам, обязав таким образом служить в армии. Молодому подполковнику Корнилову, о котором я писал выше, было поручено их организовать. Старые генералы не советовали ему браться за заведомо безуспешную работу, чтобы не портить себе репутацию. «Они подведут вас при первой же встрече с противником». На опыте обнаружилось, что эти монголоиды-кочевники, не знающие ничего кроме скудных степей, отделенные от соседних народов своей религией, скромно и боязливо ведущие себя при русских медведях, обладают большим талантом к военной службе. Они очень храбры и никогда не бросают оружия, что является особенностью настоящих воинов. Был случай у подполковника Корнилова, он отправил в разведку пятеро калмыков, они встретили врага, были вынуждены расстаться с лошадьми и вернулись пешком, проделав 20 верст, но все вернулись с винтовками, длинными копиями и тяжелыми саблями английских кавалеристов.

Дорогу – гвардейцам гасконским!
Мы дети одной стороны,
И нашим коронам баронским,
И нашим мечам мы верны!..
Это гвардейцы-гасконцы.
Карбона Кабель-Жалу!

Как нельзя кстати! Мы смеемся и.. внезапно замолкаем. Вспоминаем дни, когда гуляли по улицам Варшавы блестящие гвардейцы офицеры, командиры великолепных полков его величества императора.

У меня на языке вертится вопрос, и вечером после такого же долгого мечтательного молчания я задаю его:

– Ходят слухи, что Керенский где-то здесь, неподалеку. Как вы поступите, если он объявится и попросит вашей защиты?

– Под конвоем отправлю в главный штаб. Но сомневаюсь, что объявится.

– Почему вы все так его ненавидите?

– Почему?! А вы знаете, как создается хороший полк? Двадцать лет подряд только о нем и печешься, все дела, все мысли только о нем, постепенно полк проникается духом товарищества, завоевывает репутацию, становится послушным, опасным орудием. И представьте: в три месяца декретами и бесчестными действиями дисциплина уничтожена, и твой полк стал бандой трусливых грабителей, они бегут от врага, убивают сограждан. Посмотрите, кто подписывал декреты? Там стоит одно и то же имя! Спросите, откуда появилась революционная пропаганда и пораженческая идеология в армии? Винават все тот же человек, на нем лежит за это ответственность. Теперь вам понятно, почему мы ненавидим автора всех этих постыдных дел и решений?

– А что вы тогда скажете о генералах, о бывших военных министрах, бывших командующих армиями, чье послушание служило одновременно личным амбициям и политическим проектам адвокатов? О генералах [Н. Н.] Янушкевиче¹⁶⁹ и [А. А.] Поливанове¹⁷⁰, они готовили и подписывали те самые декреты, о которых вы говорите? О [В. А.] Черемисове, который вступал в заговоры с солдатами и революционными комиссарами против своего начальства? [Д. Г.] Щербачеве, предоставлявшем свою гостиную для большевистских заговорщиков? [М. В.] Алексееве, подписавшем декрет о солдатских комитетах?¹⁷¹ [А. А.] Брусилове, поощрявшем Керенского в роли стимулятора гибельных процессов? Если бы они попали вам в руки, вы бы их расстреляли?

– Я не имею право судить свое вышестоящее начальство.

22. Сражение под Лежанкой

Зимовник Кузнецовка, 20 февраля / 5 марта

С утра впереди нас грохочут пушки. Войска Корнилова выступили против большевиков.

Мы без столкновений прошли путь вдоль железной дороги от Торговой до Ростова. Всюду беженцы, казаки, кто пешком, кто на лошади втроем-вчетвером. Мы ни секунды не сомневаемся, что одержим победу. Но путь забит телегами и лошадьми. Мы входим в деревню только в 7 часов вечера в полной темноте. Лошади спотыкаются о трупы, их особенно много у моста и вокруг церкви, где сосредоточилось сопротивление. Наконец-то мы можем расположиться в доме, который занимали большевики. Мы находим там готовый обед, на который у этих господ не достало времени, и съедаем его без малейших угрызений совести.

Противник занимал более выгодную позицию, нашим пришлось спускаться вниз к мосту, а потом подниматься к деревне. Большевики – 600 солдат, 400 красногвардейцев, призвав на помощь крестьян, выкопали две линии траншей. Восемь пушек с трех позиций открыли огонь по нашим войскам, у которых вся артиллерия состояла из 6 полевых орудий.

После артиллерийской дуэли Корнилов и Алексеев дали сигнал к атаке. Впечатляющее зрелище. Алексеев и Корнилов с эскортом текинских ханов стреляли на ходу. Первая линия тут же снялась. Там нашли только несколько мертвых. Корниловский полк прискакал ко второй линии у входа в деревню и пошел в штыковую. Через полчаса враг побежал, бросив артиллерию: нам досталась пушка и 11 пулеметов. Обойдя погребя, нашли немало большевиков. 200 погибли в бою, 50 были расстреляны офицерской гвардейской ротой, 35 чехами.

23. Последний разговор с Корниловым

Средне-Егорьевск, 21 февраля / 6 марта

На следующий день после этих событий у меня был долгий разговор с Корниловым. Суть того, что он мне сказал, можно свести к следующему:

«Я обязан служить примером. Такая армия, как наша, держится только тем, что внушает страх, без этого она пропала. Вы знаете отвагу наших солдат и знаете, каким опасностям мы подвергаемся. Нам так мало, что мы все, включая врачей и медсестер, постоянно находимся на первой линии. Каждый из двух моих вестовых, князей текинцев, убил в бою собственноручно по пять человек врагов на моих глазах. Наша тактика состоит не в том, чтобы сражаться любой це-

ной, а в том, чтобы сохранить как можно больше наших, внушая страх противнику, отвоевать Кубань, укрепиться там, а потом, если обстоятельства будут благоприятными, сделать новый рывок.

Я послал нейтральных казаков предупредить деревню, что мы пройдем через нее. Крестьяне собрались на совет. Старики, не желая поддаваться предложениям большевистских эмиссаров, стояли на том, что война между корниловцами и красногвардейцами их не касается. Молодые говорили следующее: «Если Корнилов вступает с нами в переговоры, значит, он слаб и нужно его атаковать». Мнение молодых взяло верх, и я вынужден был применить репрессии.

Мы взяли Лежанку так быстро, что у большевиков не хватило времени перерезать связь со своим главным штабом. Один из моих офицеров поговорил с их главнокомандующим. Мы точно знаем, сколько большевиков в Тихорецкой, Торговой и Белой Глине.

Я верю в будущее. Скоро ко мне присоединится генерал Попов с 2000 солдат. Завтра мы вступим на территорию Ейского района, там располагаются два полка, которые были приданы моему, когда мы действовали в Карпатах, сегодня я принимал от них делегатов. На Кубани генерал Эрдели приведет мне два славных батальона казаков и два батальона горцев.

Что касается кавказцев, то в декабре я подписал соглашение с Союзом объединенных горцев, и они предоставят мне кавалерийский корпус.

Вы знаете, сколько разочарований принесли мне казаки. Всюду, где мог, в каждой станице я говорил с ними, старался объяснить, что как только они познакомятся с системой большевиков, то вернутся ко мне*.

Я сам казак, а значит прирожденный республиканец. Как только началась революция, я встал за свободу и собрал вокруг себя надежных людей. К несчастью, я убедился, что моя несчастная страна еще не созрела для высшей формы правления, а именно республиканского. И поэтому я говорю всем: «Если свободным желанием русского народа будет вернуть монархию, мы согласимся с его желанием, но мы не примем ее под давлением немцев. Из рук немцев мы не примем никакого режима».

Вы собираетесь ехать от нас в Киев, опасное предприятие. Я бы мог вам посоветовать поехать с двумя моими офицерами, которые едут на Кубань к генералу Эрдели, но не уверен, что в Новороссийске вы найдете надежный пароход до Одессы. Мне известно, что в Киеве

* Генерал Корнилов имел обыкновение перед тем, как покинуть любую станицу на Дону, собирать казаков и звать их с собой, произнося патриотическую речь. Всегда безуспешно. И тогда он говорил одни и те же слова: «Ну и сволочи же вы!».

много офицеров, которым место здесь. Возвращайтесь сюда вместе с ними. Вы найдете нас, если сядете на пароход до Туапсе.

Скажите всем и в первую очередь генералу Жанену, если встретите его, что мы представляем собой русскую армию, все ее благородные военные традиции, что в нас живо чувство чести и чувство товарищества. Настанет день, когда несчастная Россия поймет, что ее предали и продали, и все патриоты будут с нами. А пока наша миссия состоит в том, чтобы держаться. И мы будем держаться».

Глава VIII. В плену у большевиков

1. Я уезжаю из Добровольческой армии

Средне-Егорьевск, 22 февраля / 7 марта 1918 г.

До сих пор наша маленькая армия продвигалась вперед небольшими бросками, встречая вокруг себя пустоту. Трудно себе представить, но многочисленные подразделения большевиков, вооруженные пушками и пулеметами, бежали перед нашими разведывательными группами, и мы уверились, что скопище псевдосолдат в степи не представляет опасности для наших решительных офицеров. Всюду, где бы в радиусе тридцати километров ни появилась кавалерия Гершельмана, большевики запрягали тачанки, реквизировали телеги и лошадей и исчезали, словно за ними гнались черти.

Однако теперь все переменилось. Теперь мы зажаты сетью железных дорог, ведущих на Кавказ, по которым будут ездить вражеские бронепоезда, доставлять оружие и боеприпасы. Для того чтобы пересекать железные пути, нам нужно рассеивать свои силы, придется атаковать линии, взрывать мосты, уничтожать гарнизоны на полустанках, перерезать телефонные кабели и телеграфные провода.

Нас выслеживают со всех сторон, и мы будем вынуждены наказывать противника с особой жестокостью, чтобы запугать население и лишить его инициативы. Понадобится множество хитростей, чтобы обмануть противника на пути, который мы выберем, и в тех пунктах, где мы наметим переходить через железную дорогу, которую противник будет издали обстреливать из орудий. А ведь переходить через пути будет не только кавалерия, но и подводы с золотом, провиантом, с ранеными и сестрами милосердия. Наше войско утратит таинственность, какой обладало в степи, оно обнаружит свою слабость перед свирепым и внимательным врагом, население встанет на его сторону.

Я не мог разделить оптимизм Корнилова. Я верил в немислимый героизм его соратников, но не верил в поддержку хаотичной массы

русского народа, лишенного идей, но увлеченного анархией, которую он пока еще считал для себя выгодной.

Я пообещал полковнику Юберу, главе французской миссии в Новочеркасске, отвезти срочное письмо его начальнику, генералу [Ж.] Табуи, в Киев. Речь шла об опасном положении миссии: в ближайшее время она могла оказаться полностью в зависимости от красногвардейцев*. Со своей стороны я надеялся найти в Киеве тех самых офицеров, о которых мы говорили с Корниловым и которых он просил меня сопроводить к нему по Черному морю.

Мы договорились, что я буду плестись в арьергарде на телеге и позволю взять себя большевикам. Генерал Алексеев, чтобы навести их на ложный след, дал мне следующий документ:

Начальник 4-й секции
штаба Добровольческой армии
22 февраля 1918 г.
№ 237

Средний Егорлык

Корреспондент нидерландской газеты г-н Грондейс и Павел Александрович Демидов, арестованные штабом Добровольческой армии, отпущены на свободу с приказом покинуть местность, контролируемую Добровольческой армией, уехав в любом, выбранном направлении.

Подпись: подполковник [В. П.] Баркалов
Помощник начальника (подпись) Сорочкин

Офицер, который поздно ночью привез мне этот документ, посоветовал от имени генерала Алексеева выбрать направление на Белую Глину.

Утром в 5 часов, попрощавшись с Гершельманом, Ивановским, Критским, Фермором, Апрелевым и остальными, я отправился к графине Сиверс, где разыгралась забавная, по существу, сценка. Я встретил там милую баронессу [С. Н. де] Боде, Бориса [А.] Суворина и других уважаемых офицеров. За утренним чаем мы обсуждали способы, которые помогут мне избежать расправы населения, находящегося, безусловно, в ярости после казни 260 пленников в Среднем Егорлыке¹⁷². Никто в удачу особо не верил, но у каждого в Киеве, Кракове, Петрограде был сын, жена или друг, которым хотелось пере-

* Большевики перехватывали письма и знали о превосходных отношениях французского правительства и Добровольческой армии. Когда красные вошли в Новочеркасск, местный комитет арестовал французских офицеров и приговорил их к смертной казни, однако по приказу Москвы они были отпущены.

дать привет, возможно, последний, так что все меня нагроузили письмами и посылочками. Я не отказывал, но предупреждал, что в случае моего расстрела деньгами, которые мне доверили для пересылки, воспользуются наши враги.

6 часов, пора трогаться. Мы пожимаем друг другу руки. Сиверс и еще один офицер с винтовками в руках грубо вталкивают меня в повозку, которую я нанял и кричат:

– Убирайтесь! И чтобы мы вас больше здесь не видели!

2. Спасен большевистским комиссаром

К 7 часам Добровольческая армия уходит из деревни, впереди скачет отряд разведчиков. Отделяются фланги – слева кавалерийская колонна полковника Бакланова, справа кавалерийская колонна полковника Гершельмана, в центре – подводы с провиантом и санитарные повозки с сестрами милосердия.

Куда ни посмотришь – всюду наши кавалеристы. Мы с Демидовым пропускаем их, многие меня узнают, но не выдают, чтобы не заронить подозрений у старика крестьянина, с которым мы едем.

После часа езды на горизонте появляется другая кавалерия. Наши, пригнувшись, стреляют, и далекие всадники исчезают. Полковник Бакланов скачет во главе своего отряда, мы вскоре с ним встречаемся, и он советует мне остановиться, дождаться в чистом поле ночи и тогда уж перебраться через линию противника. Но мне кажется, что лучше добраться до противника днем, чем рисковать быть убитым в потемках часовыми.

Со всех сторон вспышки огня. Бакланов кричит мне на ходу, что я вот-вот окажусь между пулеметами. Я приказываю остановиться возле стога соломы посреди бескрайней степи. Три всадника – арьергард колонны Бакланова – обгоняют нас. Еще офицер, он один возвращается из разведки, здоровается и галопом догоняет своих. Теперь полное одиночество.

Час ожидания, вдалеке показываются две маленькие точки. Возница убежден, что это старухи возвращаются в деревню, откуда убежали на время боя. Он зовет их к нам, машет им шапкой, делает приглашающие жесты, подтверждая свою расположенность уговорами:

– Чего не идете? Да вы не бойтесь! Мы по-дружески, по-приятельски. У нас и оружия нет! Идите сюда, идите!

Силуэты сначала двигаются, потом останавливаются, потом снова начинают медленно двигаться. После получаса пантомимических жестов между нашим крестьянином и неведомыми тенями они наконец решаются и направляются к нам. Это солдаты-большевики с винтов-

ками у щеки, что чувствительно уменьшает рвение и доброжелательность нашего возницы.

К этим двум солдатам присоединяются еще два, вынырнувшие из травы, они заставляют нас поднять руки, обыскивают и объявляют пленниками. Один из них в прошлом офицер, он служит под началом солдата. Изучив мой дипломатический паспорт, длиной в 70 см, покрытый визами, он извиняется, что чуть было не начали в нас стрелять: «Это ваша вина, вы одеты по-кадетски».

Мы доезжаем до сторожки поблизости от станции Белая Глина, и тут нас окружают рабочие и красногвардейцы, они вылезли из траншей, которые роют вдоль железной дороги. Хотя мундиры у нас рваные и грязные, симпатии мы не вызываем. Лица искажены ненавистью. Раздаются крики: «Капиталисты! Убить их!» Нас толкают, показывают кулаки. Кое-кто в толпе вооружен. Сейчас достаточно первого удара, и толпу уже не остановить. Бывшему поручику царской армии, похоже, стало нас жалко, он толкнул нас в повозку, и мы поехали, слыша угрожающие крики сотен гвардейцев, они сначала шли за нами, потом отстали.

На вокзале стоял бронированный поезд большевиков, в нем штаб группы большевистских армий. Туда нас и привезли. Охранники разделили нас, а когда читали выданный нам документ, то перемигивались. Пока допрашивали Демидова, у меня было время вникнуть в ситуацию, которая стала вызывать беспокойство. В кармане у меня лежал документ, подтверждавший мое участие в боях Добровольческой армии, и мне хотелось его сохранить. Но если его найдут, немедленно расстреляют. Время его уничтожить было, но я предпочел рискнуть и сохранил бумагу.

Охранники, провожая меня к начальнику и смеясь, говорили о «пленном корниловце», и я понял, что пропал. Они привели меня к комиссару [З. Б.] Шостаку, молодому человеку лет двадцати трех, хорошо сложенному еврею с живыми умными глазами. Во время войны он был в Калифорнии, бегло говорит по-английски и, похоже, рад встретить иностранца. Он удовлетворился нашей с Демидовым бумагой, хотя, похоже, она его не обманула. Меня он удержал в качестве пленника, но для моей же собственной пользы: покинь я бронепоезд, меня бы растерзали.

Я сообщил, что должен попасть в Киев, ну и так далее.

– У вас ничего не получится. Железная дорога между Торговой и Ростовом, Новочеркасском и Тихорецкой перерезана разведкой Корнилова.

– Я мог бы поехать на санях.

– Далеко не уедете. Вас пристрелят в первой же деревне. Я выделю вам купе в моем поезде. Как человек нейтральный вы будете на-

блюдателем этой гражданской войны и увидите, как рассеется мелкая банда (that little bunch) разбойников.

Прибежал, задохнувшись, в панике офицер, отрапортовал, что оборонительный рубеж перед Белой Глиной покинули 230 человек. Шостак невозмутимо распорядился взять на станции другие 230 человек и отправить на оставленный рубеж. На мои расспросы он ответил, что пока и речи быть не может о формировании регулярных войск. Приходится довольствоваться случайными людьми и случайными командирами.

3. Большевистский комиссар

Шостак, русский еврей из Крыма, уехал во время войны в Соединенные Штаты, вполне возможно для того чтобы избежать военной службы. Он умен, малообразован, амбициозен, благодаря своему пребыванию за границей имеет довольно хорошие манеры. Для своего возраста он на удивление скептичен, не верит в людей и пользуется идеями Троцкого, не вникая в них.

Ненавидит аристократов и презирает народ. Считает себя настоящим русским и уверен, что работает ради народного блага. Однако возможностей быть понятным этим народом у него нет. С офицерами и солдатами он обращается свысока. Красногвардейцы подчас с трудом выносят его промахи, но недоверие к классам, которые управляли ими при царском режиме, отдает их во власть «гонимым при царе»: полякам, латышам, евреям.

«Убеждения» молодого комиссара состоят из симпатий и пристрастий вне разума. Он обожает Соединенные Штаты, где ощутил уважение к себе, в каком ему отказывали порой соотечественники. В Новом Свете, где все попросту, он научился презирать тысячи разных вещей, которые составляют богатство истинных цивилизаций. Подобно десяткам тысяч революционеров, вернувшихся из Америки после того, как царский режим обрушился, он представляет себе русскую культуру, столь великолепно о себе заявившую и столь многообещающую, только в экономическом аспекте, в виде конфликта труда и капитала. Доллар преследует его и на берегах Волги. Все тонкие и глубокие вопросы, связанные с религией, старыми институциями, укладом и традициями предыдущих поколений, которые формируют будущее нации, он отмечает, смеясь над ними и не желая обсуждать. Миллион Советов – вот лекарство, изобретенное вчерашними угнетенными, и эти же Советы – фундамент будущего общества, которое возникнет в мгновение ока.

Он безоглядно верит в эту панацею, восхваляет ее пышной риторикой, и его окружение, в котором нет ни единого представителя «интеллигенции», поддерживает его необоснованные амбиции. При

старом режиме он был простым артиллеристом – по крайней мере, по его словам, а теперь он член штаба Северного Кавказа с правом «вето» на решения командования. Троцкий доверил ему еще одну важную миссию: борьбу с контрреволюцией в Кубанской, Терской и Ставропольских губерниях и организацию во всех населенных пунктах этих губерний Советов.

Силы большевиков составляют следующие группы.

Революционные отряды больших городов (Москва, Петроград, Кронштадт).

Бывшие солдаты, сгруппировавшиеся по образцу бывших подразделений.

Местные отряды с местными командирами, сформированные местными Советами.

Местных отрядов много, и повинуются они собственным штабам.

Задача Шостака и его товарищей координировать все эти бесформенные массы, все эти отряды, которые только и делают, что ускользают из рук централизованной власти.

Шостаку необходима вся гибкость его природного интеллекта, чтобы постоянно утверждать свой авторитет в глазах людей, для которых революция – это отсутствие любых авторитетов. Против авторитета Шостака постоянно идут войной амбиции других. Живущий в изоляции, располагающий единственным орудием в виде мандата с подписью Троцкого, он борется со своими конкурентами с помощью недоверия. Правила отменены, закона, на который можно опереться, не существует, и тогда подозрительность становится орудием уничтожения.

Дважды я видел, как Шостак использовал это уникальное орудие. Честолюбивый юнец стал протестовать против какого-то решения комиссара Шостака, а комиссар словно бы невзначай распорядился: «Арестуйте этого провокатора!». Молодой человек попытался возражать, но не смог защитить себя: подозрение у этих трусливых перевозбужденных людей равно преступлению.

4. Преследование Добровольческой армии

Белая Глина, 23 февраля / 8 марта

Уничтожение корниловцами 260 пленных произвело оглушающее впечатление. Шостак говорит об этом трагически. Люди по-настоящему испугались. Красные солдаты согласны выходить из траншей только плотной толпой.

Шостак жалуется, что приходится иметь дело только с кавалерией Добровольческой армии, чья численность сильно преувеличена ее репутацией. Штаб большевиков считает, что в Добровольческой армии 8000 человек пехоты, 3000 кавалерии, 8 пушек и несчетное ко-

личество пулеметов. То ли шпионы, то ли крестьяне точно посчитали только пушки¹⁷³.

На самом деле пехота Корнилова насчитывает около 3000 человек, которых прикрывают небольшие кавалерийские отряды в 60 или 80 всадников¹⁷⁴ под командованием полковника Бакланова, Гершельмана и других. При командирах состоят еще «разъезды» от 3 до 10 человек, они постоянно в движении, отличаются крайним пренебрежением к опасности, разъединяются при необходимости идти в разведку, объединяются при необходимости совершить налет. Если появляется враг, разъезд предупреждает остальных, и тогда на вражескую кавалерию несется отряд с копьями. Эти разъезды создают словно бы живой заслон Добровольческой армии, маскируя ее передвижения.

Шостак дожидается целый день корниловцев, которые, по его мнению, должны именно в этом месте переходить железную дорогу, а они об этом и не думают.

Покровка, 25 февраля / 10 марта

В 9 часов утра наш бронепоезд, за которым следует еще четыре поезда, набитые солдатами большевиками, все с красными флагами, подъезжают к селу Покровка. Жители этого села угрожали большевикам, когда они вознамерились помешать проходу корниловцев. Два генерала, которых послал Корнилов, торопят сформированный здесь по старому образцу батальон присоединиться к Добровольческой армии.

Четыре поезда отчетливо видны на путях, и Шостак с гордостью мне их показывает. Сельчанам он отправляет следующее послание: «Именем революции даю полчаса, чтобы сложить оружие. Слов не будет. В случае отказа бомбим ваш город».

Колокола единственной церкви звонят, как сумасшедшие, собирая обитателей. Красные солдаты готовы броситься в деревню и арестовать офицеров. Но Шостак, не желая рисковать жизнью с такими ненадежными вояками, предпочитает запугивание.

В 10 часов утра первый снаряд разрывается возле дома, где, как говорят, живут генералы. Четверть часа спустя восемь делегатов от полка приходят и сообщают о сдаче, отдали 8 пулеметов и оружие. Вид у них бравый, выправка солдат старого режима. Оба генерала и все офицеры ускакали на лошадях после того, как безуспешно пытались убедить полк последовать за ними.

Вторая половина дня, 4 часа

Шостак продолжает войну с Корниловым. Мы приближаемся к полустанку Порошинская и вдруг слышим крик: «Остановите поезд! Немедленно!».

Поезд замедлил ход, мы подбежали к двери. Два всадника мчатся галопом от железной дороги. Висят перерезанные телеграфные провода и телефонный кабель. Отряд красных на полустанке принял всадников за большевиков, преследующих кадетов, и поэтому те сумели ускакать. На путях сумка с динамитными шашками: они хотели подорвать поезд и нас.

На вершине холма, километрах в двух, мы видим кавалеристов, которые скачут параллельно железной дороге. Вполне вероятно, это Бакланов.

Шостак обсуждает возможный взрыв, и тут вдруг мы снова слышим крики: «Их бьют! Они забьют их!» Не зная еще, в чем дело, Шостак выскакивает из поезда с криком:

– Не смей бить! Не смей убивать!

Красные взяли двух невооруженных казаков, виноватых лишь в том, что они из деревни, где только что стояли корниловцы. Не вмешайся Шостак, их разорвали бы на куски.

Тихорецкая, 26 февраля / 9 марта

Шостак, командующий эшеленом, и Луговцов, начальник бронепоезда, побывав в Тихорецкой у [А. И.] Автономова, командира Кавказской Северной группы¹⁷⁵, получили приказ штаба ехать назад, чтобы помешать задуманной Корниловым переправе через железнодорожные пути.

Отъезд назначен на 6 часов утра, но уезжает поезд только около 12: солдаты отказались ехать, пока не набили вагоны огромным количеством неведомо где найденных консервов.

Шостак, глядя на так называемую 2-верстную карту, развивает свои стратегические теории перед солдатами, глядящими на него с открытым от восхищения ртом. Красногвардейцы, все на нервах, то и дело вламываются в купе к Шостаку, спрашивают, что он собирается делать, и громко хрипло ему возражают. Шостак бесстрастно ставит их место, и они удаляются, как побитые собаки.

Сегодня дважды я выходил из поезда немного пройтись, и меня дважды арестовывали и вели к Шостаку. Он посоветовал мне больше не выходить из купе.

На всех станциях телефонные аппараты забрали корниловцы. Я постоянно вижу на горизонте разведку Корнилова, она следит за железной дорогой. Близость добровольцев гальванизирует железнодорожных служащих, и они саботируют приказы Шостака. Мы приближаемся к Кубани.

Леушковская, 4 часа 30 минут

Мы видим вдалеке много вражеских всадников, они стоят неподвижно и сторожат наши поезда. Собираются напасть? Красные сол-

дат бояться и, спрятавшись за бронепоезд, стреляют из винтовок и пулеметов на расстоянии трех километров. Шостак в ярости кричит, чтобы они прекратили стрелять, не тратили понапрасну боеприпасов, но никто его не слушает. Огонь замирает, когда совсем неподалеку человек восемь атакуют нас. Потом вновь вспыхивает перестрелка. Через несколько секунд всадники появляются с другой стороны: это прискакали разведчики большевики.

Вечер, 5 часов 30 минут

Шостаку сообщили, что Корнилов находится в Леушковской. Все заволновались. Отряд, которым командует Шостак, насчитывает несколько тысяч человек, они хотят окружить добровольцев, расстрелять и т. д. Но поезда поддержки, которые обещал штаб, не подошли, и Шостак не имеет ни малейшего желания рисковать.

Опять угрозы и крики. Солдаты окружили какого-то крестьянина и яростно грозят ему смертью. И вот за что: он пришел к нам по путям, и на вопрос, в порядке ли они, ответил утвердительно. А пути, пусть не сильно, но повреждены небольшими взрывами динамита. Не сильно, но достаточно, чтобы поезд пошел под откос. Шостак счел, что вина крестьянина не доказана и забирает его к себе в вагон.

Вечер, 7 часов

Пришло донесение, что Корнилов ушел без потерь и в деревне сейчас только малочисленный арьергард. Шостак в ярости громко обвиняет свой штаб в саботаже, крича, что у него отняли победу. Солдаты грозят устроить котел штабу в Тихорецкой. Слух, что по степи уже скачет множество красных отрядов на подмогу, прибавляет Шостаку и его солдатам решимости отправиться в Тихорецкую. Они хотя и злятся, но довольны.

5. Главный штаб в бегах

Тихорецкая, 27 февраля / 12 марта 1918 г.

Добровольческая армия перешла через железную дорогу без потерь. Арьергард из 300 человек, задержавшийся в Леушовской, окружили 2000 красных, которых послал Автономов: благодаря темноте они сумели проскользнуть между домов. Корниловцы забаррикадировались в домах по 10–15 человек, решив дорого продать свою жизнь. Именно в этот момент красные, утомленные маршем, почувствовали, что «ни на что не способны», и корниловцы смогли убежать, не потеряв ни одного человека.

Утро, 10 часов

Солдаты окружили и атакуют поезд, где находится Автономов со своим штабом. По счастливой случайности сам Автономов уехал на север с инспекцией. Начальник штаба Иванов успел прыгнуть в пассажирский поезд и сойдет только в Армавире. Остальные члены штаба разбежались и спрячутся в деревне. Трех *dii minores*¹⁷⁶ безжалостно избили, так что они не смогли встать.

В Тихорецкой в это время находилось около 20 000 человек. Подписав контракт на 6 месяцев, они получают одежду, жалованье и питание. Сегодня объявили новый декрет правительства: жалованье получают только те, кто находится в своей военной части. Но все это не помешает им сидеть на месте, когда начнется сражение.

Шостак утверждает, что в Кубани 230 000 человек вооружены против Добровольческой армии, в Терской губернии – 200 000, в Дагестане – 100 000, и в Ставрополье 150 000.

Здесь ждут прибытия более серьезных войск: должны приехать несколько латышских полков, которые сейчас держат вокзал в Ростове и ростовские пригороды. Они покинули Ригу, когда подошли немцы, которых латыши ненавидят не меньше царской власти, теперь они служат большевистскому правительству, но не потому что стали убежденными большевиками, а потому что им лестно привилегированное положение, какое отвела им Москва. Вот история, которая их характеризует: узнав, что одна из станиц возле Новочеркасска симпатизирует Корнилову, несколько офицеров и солдат из латышей, переодевшись в русскую форму, отправились туда набирать добровольцев. Сколько-то человек казаков соблазнили условиями, которые им предлагали, и явились в условленное место, где им должны были выдать оружие и деньги. Засевший по кустам батальон латышей расстрелял их.

6. Психология так называемой большевистской резни

Тихорецкая, 27 февраля / 10 марта

В России задолго до революции меня поразила пропасть, которая разделяет «образованный» класс, составляющий, наверное, 1 % населения, и всю остальную массу. Великие русские – политики, писатели, композиторы, художники, генералы – почти исключительно принадлежат к аристократии, и облик этих людей настолько отличается от облика нижних слоев общества, что невольно думается о двух разных расах, граница между которыми вряд ли преодолима. Приоритет «интеллигенции» благодаря ее достоинствам был естествен, и народ принимал его, но революция лишила интеллигенцию ее места, она

оказалась в изоляции, а после лозунга [К. Б.] Радека* превратилась в объект гонений.

С тех пор как даже мелкая буржуазия предпочитает прятаться, можно ехать по России неделями и не встретить ни одного интеллигентного лица. Крестьяне снимаются со своих мест, хотят видеть, как «проходит революция». Они оставили свою работу и по целым дням толкуются вокруг красных знамен на вокзалах. Анархия превратила их в безвольных бессмысленных дикарей, рот у них постоянно полуоткрыт, глаза блуждающие и ленивые. Лица отражают каждое движение души. Для мимоидущего наблюдателя, которого они не замечают, они представляют любопытное зрелище. Противоречивость внутренней жизни, свойственная всем живым существам и порой их столь огорчающая, здесь в прямом смысле на виду. Эти физиономии, можно сказать, прозрачны, эти люди чужды притворства, дающего начало любой цивилизации. Они ставят в вину высшим классам их утонченность, которую до этого безмерно превозносили. Но и бывшая почтительность, и сегодняшняя ненависть имеют одно и то же объяснение: ощущение собственной неизлечимой неполноценности.

Аристократ может нарядиться в одежду крестьянина, скопировать его повадки, но ему не спрятаться. Выдаст манера садиться, поднимать голову, подносить к губам стакан, а главное — его доброжелательность к окружающим. За таким повсюду будут следить с подозрением, зададут коварный вопрос, грубо толкнут. Проснулся свирепый хищник, он почувствовал вкус крови.

Этим утром мы нашли возле вокзала мертвеца в одежде рабочего, прошитого пулями. Вчера он сошел с поезда, идущего на юг. Взглянув на его спокойное лицо, красногвардейцы потребовали у него паспорт. Он показал удостоверение, скорее всего, фальшивое, стрелка-пехотинца одного из полков Кавказского фронта. Однако солдаты и рабочие, остановившие его, недоверчиво оглядывали его подтянутую фигуру, высоко поднятую голову, четкие черты лица. Один из солдат насмешливо крикнул: «А ну покажи руки!».

Пять минут спустя он упал возле освещенной солнцем стены, где мы его и нашли.

Я рассказал об этом Шостаку, и он вручил мне небольшую стопку документов и рапортов, подписанных революционным комитетом, они касались уничтожения крестьянами и красногвардейцами одного санитарного подразделения. Листая документы, я вспомнил тех, кто стал жертвами этого уничтожения: двух молоденьких сестер милосердия. Я встретил их на вокзале в Новочеркасске, они работали там в отделении Красного Креста. Покончив со своими обязанностями

* «Каждый дворянин, каждый буржуа — контрреволюционер! Убей его!».

ми в Добровольческой армии, они вместе с доктором и санитарями собирались ехать в Царицын, а потом в Москву. На станции Целина красногвардейцы их арестовали и отправили в село Печановка, где находился революционный комитет. В главном штабе красных в Белой Глине узнали об их аресте и отправили нескольких солдат за арестованными. Как только они вышли на улицу, толпа рабочих, крестьян и бывших солдат накинулась на них. Несчастные, спасая свои жизни, побежали, яростная толпа гналась следом и забила их палками и саблями.

Я написал эти строки, имея перед глазами удостоверения и другие бумаги пятнадцати человек, которые так приняли свою смерть. Девушки: фамилия одной Осипова, русская, 19 лет, две медали за храбрость на фронте, и другой — Замута, полька, 18 лет. Да смилостивится Господь над их бедными душами!

Последняя новость из Новочеркасска подтвердила свирепый настрой народонаселения. В город вошли красногвардейцы вместе с казаками войскового старшины Голубова и сразу же принялись расстреливать офицеров, которые не захотели присоединиться к нам и остались в городе. 500 человек были расстреляны на вокзале¹⁷⁷, 1700 взяты под стражу казаками и остаются под строгим наблюдением.

Я спросил Шостака, производятся ли эти расстрелы по приказу исполнительного комитета Москвы. Вместо ответа он показал мне копию сообщения о расстрелах в Астрахани, которое его штаб отправил телеграфом Троцкому.

Как и повсюду, кадеты Астрахани были вынуждены покинуть город, потому что у них не было артиллерии, чтобы противостоять артиллерии большевиков, и они не хотели подвергать лишней опасности горожан. Красногвардейцы, войдя в город, уничтожили на улицах, в домах и перед тюрьмой 6000 горожан, среди которых были в том числе и гимназисты.

Штаб Шостака не раз жаловался в высшие инстанции на подобные бессмысленные убийства, но ни разу не получил ответа. Судя по всему, Троцкий никогда не давал приказа уничтожить буржуазию. Но он никогда не возражал статьям официальной прессы, в которых требовали непримиримости к этому ненавистному классу. Не осуждались и авторы этих статей. У Шостака возникло впечатление, что Москва довольна стихийными массовыми убийствами, поскольку они избавляют советскую власть от необходимости подписывать на этот счет декреты, а значит, нести ответственность*.

* Иногда эти массовые убийства считают проявлением азиатской жестокости. Подобное мнение свидетельствует лишь о короткой памяти. Жестокость присуща любой революции, и если есть у Запада преимущества, то только в методах убийства. Больше

Пленников, отправленных в штаб, чаще всего отпускают. Но в те дни, когда популярность Автономова ослабевает, красногвардейцы их расстреливают. Среди офицеров, которых привезли в Тихорецкую, самой крупной фигурой был полковник [Г. П.] Полковников. В прошлом адъютант Керенского, в декабре 1917 г. он организовал отряд из донских хуторян, в основном тех, чьи зимовники были ограблены большевиками. Его ненавидели и большевики, и кадеты – такова участь всех умеренных – но он отважно вел войну в одиночку. В Софронове большевики его взяли, перевезли в Тихорецкую и посадили под замок, но обращались прилично. Он пожаловался Шостаку только на отсутствие чистой одежды. Во время последних волнений красногвардейцы забрали его и расстреляли в Ростове.

7. Деревни, вооруженные до зубов

Тихорецкая, 1/14 марта

Шостак получил приказ отправляться в Царицын и налаживать связи между штабом и революционными комитетами городов. Железнодорожные пути, во многих местах испорченные партизанскими отрядами, которые оставил в этих местах Корнилов, сейчас успешно починены. Шостак уедет сегодня вечером на своем броневике, вооруженном до зубов.

скажу, я сомневаюсь, что Ленин или Троцкий, приняв решение не мешать процессу, дали своим коммунистам приказ, похожий на тот, какой дал Конвент 19 января 1794 г. генералу [Л. М.] Тюро: сформировать двенадцать колонн и уничтожить в Вандее всех «разбойников», их жен, дочерей и сыновей, не щадя никого, кто может внушать подозрение; а также сжечь все, что только может гореть: деревни, фермы, леса и прочее. Генерал отрапортовал 19 жерминаля II года: «Марей-сюр-Ле горит. Да здравствует республика! Разбойники множатся: тем хуже и тем лучше, чем больше мерзавцев, тем больше гадов будет уничтожено, и земля очистится».

Колонны тринадцать раз прошли туда и обратно по приходу Бофон. Солдаты находили дьявольское удовольствие мучить и убивать бедных людей, которые молились в церкви, пытаясь обрести надежду. Тысячу пятьсот женщин, детей и стариков гнали из Анжу колонны Тюро, долгие дни они шли пешком, без хлеба, над ними издевались, их оскорбляли, в Тифанже их расстреляли. В Эпесе и Монтурне старики и грудные дети были сожжены в печах или прирезаны после изощренных жестокостей. В Эрбе детей резали на груди матерей и уносили на штыках. Женщин и девушек насиловали, многие из них получили неистребимые признаки постыдной болезни, пожирившей колонны поджигателей. См. [Э.] Габори «Наполеон и Вандея». (Речь идет о книге: *Gabory E. Napoléon et la Vendée. Paris, 1912. – Примеч. сост.*)

Что же касается жестокости простых людей, то я сомневаюсь, что русские женщины участвуют в зверствах, как участвовали в них парижанки из низов, прикалывая булавами к кофтам окровавленные уши. Факт общеизвестный.

Примером революционных зверств остаются и пытки Мари Гределе. Ее привязали к столбу, отсекали грудь ударами сабли, прибили ноги к земле и развели между ними огонь (См. [Ж.] Ленотр «Революционный трибунал»). (Речь идет о книге: *Lenotre G. Le Tribunal révolutionnaire. Paris, 1908.*)

Только что с бывшего Кавказского фронта прибыл полк, а вернее то, что от него осталось, с двадцатью пулеметами и батареей из шести полевых орудий. От имени штаба Автономова Шостака поехал уговаривать этих людей передать оружие, которое им уже не нужно, в распоряжение штаба для борьбы с «разбойничьими бандами контрреволюционеров».

Однако солдаты считают пушки и пулеметы своей коллективной собственностью. Революция подкупила их возможностью не повиноваться штабам, и они мгновенно приходят в ярость при одном только намеке, что их к чему-то принуждают. Они окружили Шостака, представили ему ко лбу револьвер с криком: «Скажи слово и умрешь!» Побитый Шостака ушел в ярости, бессильный что-либо сделать.

Солдаты отправились дальше, к родным местам. Там они установят батарею перед помещением революционного комитета и получают возможность диктовать свою волю окрестным деревням. Система автономии маленьких коммун и других социальных ячеек кладет конец социалистической революционной доктрине. Умелая пропаганда лукавых или просвещенных адвокатов сумела – и в дальнейшем тоже будет этому способствовать – разрушить принципы совместной жизни. Она раздробила Россию на множество крошечных республик, которых ничего не объединяет между собой. Как цементировать песчинки? Единственное средство – пока его все отвергают – восстановить безжалостную центральную власть. Уже теперь московский Совет комиссаров для того, чтобы реквизировать и увезти местные продукты питания, вынужден отправлять за ними свирепые вооруженные отряды, их действия, необходимые для поддержания возникшего режима, заставляют жалеть о бывшем режиме, который в своих самых жестоких проявлениях кажется теперь отеческим.

8. Комиссарский шантаж. Атака красного отряда

Царицын, 4/17 марта 1918 г.

К моему удивлению, на улицах этого торгового города я увидел множество прилично одетых людей, военных, в которых и без погон сразу можно угадать офицеров, упитанных коммерсантов под руку с супругами – и никакого волнения. Революционные ужасы становились все менее заметными по мере того, как мы удалялись от боевых действий. Знаменитый рынок, который был оригинален только тем, что на него съезжались чуть ли не пятьдесят разных народностей, сейчас пуст, как во времена [Е. И.] Пугачева. Остальная часть города, целиком коммерческая, не заслуживает упоминания. Тысячи комиссаров – завтрашние буржуа – стремятся попасть в салоны, породниться с семьями, присоединиться к «интеллигенции».

Шостак принимает у себя в вагоне пожилую даму-еврейку и ее дочь, они пришли просить у него помощи. Ее муж находился в Астрахани и уехал оттуда до прихода красных и до расстрелов, с собой у него был чемоданчик, а в нем все их состояние: ненадежные рубли он превратил в драгоценности и бриллианты, в чемоданчике было больше миллиона. На одной из станций по линии Царицын – Торговая его арестовали. Солдаты, желая отобрать чемоданчик, обвинили его в том, что он везет помощь корниловским партизанам, которые действовали в этом районе. Заподозрить старого еврея в готовности рисковать жизнью ради старого режима – крайняя нелепость, но все идет в ход ради чемоданчиков.

Но речь шла не о состоянии – понятно, что оно потеряно раз и навсегда, речь шла о жизни несчастного. Женщины предложили Шостаку, похоже, в таких случаях здесь это принято, 100 000 рублей, прося его заступиться за старика. Шостак, молодой человек с принципами, от денег отказался, но сразу же отправил телеграфом необходимые распоряжения. Он сказал мне, что состоянию большинства комиссаров положили начало аресты богатеньких.

Тихорецкая, 6/19 марта

Проежая станцию Великокняжеская около полуночи, Шостак – и я, очевидно, тоже – избежали большой опасности.

Через час после того, как уехал наш бронепоезд, летучий отряд в 170 человек под командованием штабс-ротмистра Матти из отряда генерала [П. Х.] Попова атаковал станцию, где находились 700 красных.

Большевиков было всего лишь четверо больше, так что для атакующих они не составляли проблемы. Изрубив штаб гарнизона, перерезав провода и телефонный кабель, отряд ускакал, оставив четырех раненых, очевидно, решив, что они мертвы. В момент атаки большинство из 700 человек находилось в помещении школы, превращенной в казарму. Услышав крики корниловцев и шум сражения, они заперлись и отказались выйти, заявив, что еще не прошли военного курса. Взятые в плен сообщили перед тем, как их прикончили, что их подразделение сформировалось в Новочеркасске и насчитывало 1200 человек, но как только они вышли из города, люди разбежались.

Тихорецкая, 7/20 марта

Прибыло сильное подразделение армян, вооруженных винтовками и пулеметами, снабженных достаточным количеством боеприпасов, оно направляется с севера на кавказский фронт, который хотят открыть против турок, хозяев тамошних мест. Троцкий признал право армян защищать свою независимость от многовековых врагов. Но,

похоже, Москва дала совсем другой приказ. Их поезд, прибывший сегодня, отвели на запасной путь. Его окружили большевики-казаки, угрожая бомбардировкой при малейшем сопротивлении. Они разоружили армян, побили и прогнали.

Я выразил свое крайнее удивление Шостаку:

– Как штаб мог позволить такое подлое насилие? Право защищать самостоятельность своего народа с оружием в руках – принцип вашей революции! Постарайтесь вернуть им хотя бы оружие!

Но Шостак выглядел очень довольным. Казаки, похоже, смеялись над армянами, людьми маловоенственными.

– Знали бы вы, – сказал мне Шостак, – до чего казаки ненавидят кавказские народы!

Не трудно догадаться, какие руки управляли казацкими нагайками.

9. Добровольческая армия переходит железную дорогу, направляясь к Екатеринодару

Тихорецкая, 13/26 марта

Совершив несколько маневров в разных направлениях, армия добровольцев решительно повернула к железной дороге и после 12-часового ночного марша внезапно появилась у путей. В деревне, через которую проходила дорога, корниловцы заняли все высоты, включая колокольню, поставили на них пулеметы и в утренних сумерках открыли огонь. Большевики, разбуженные пальбой, были легко уничтожены, и часть корниловцев перешла через пути еще до того, как завязался бой.

Командир отряда Луговцов только что вернулся, его отряд дрался с отрядом Гершельмана. У многих бойцов Гершельмана забинтованы головы. Луговцов показал мне окровавленную записную книжку, взятую у мертвого штабс-капитана Критского. Сколько раз на протяжении долгих дней скакали мы рядом, чувствуя незабываемое тепло взаимной приязни! Сколько раз спали рядом на охапке соломы!

Среди мертвецов люди Луговцова нашли одного из адъютантов Корнилова. Неужели кого-то из юных и верных текинских ханов? А потом еще несколько трупов кавалеристов Гершельмана, «уже с двумя или тремя ранами и забинтованными головами».

Луговцов, в прошлом солдат, награжденный тремя Георгиевскими крестами (он жалуется, что из-за «зависти комиссаров» не может их носить), приписывает себе «победу» над Корниловым. Эта победа, одержанная 3000 человек с шестью пушками над 600 белыми с 4 орудиями, свелась, по существу, к неудавшейся попытке помешать

Корнилову войти в Ставропольскую губернию. Похоже, он доволен хотя бы тем, что его люди не разбежались. Впрочем, свой успех он объясняет тем, что большая часть его противников была пьяна. Заявляет, что видел, как они шатались, когда дрались врукопашную. Возможно ли, чтобы кто-то из офицеров злоупотребил алкоголем, зная о численном превосходстве противника и его более мощной артиллерии?

Солдаты Луговцова чуть было не сбежали в самый критический момент. Он остановил их, закричав, что «умеет стрелять из пулемета и вмиг расстреляет дезертиров!» Я спросил его:

– Неужели у вас есть право расстреливать дезертиров?

– У меня есть все права.

– Я спрашиваю, есть ли у вас письменное разрешение, подписанное военным комиссаром, дающее вам право стрелять в бегущих от противника людей?

– Нет. Но теперь и законов тоже нет.

– Значит, вы действуете под свою личную ответственность?

– Я делаю все, что считаю нужным.

– Но, если вы будете против своих солдат, они как-нибудь возьмут и убьют вас.

– Могут, но мне плевать. Я не боюсь.

– Bravo! Вы смелый человек. Но лично я не понимаю, как научить слушаться ваши разнузданные банды.

Луговцов занял со своими людьми станицу Кореновская. Один казак, страстный почитатель Корнилова, стрелял из окна в проходящих большевиков. Когда пришел Луговцов, соседи казака, простые крестьяне, донесли на него, и он предстал перед революционным трибуналом. После долгого разбирательства его отпустили за отсутствием доказательств. Подойдя к солдатам, которые брали его под арест и осыпали ругательствами, он показал им решение суда и сказал:

– Я и вправду в вас стрелял, но меня отпустили. Не вы тут главные! Я и дальше буду в вас стрелять!

Вызов не прошел даром, солдаты его убили. Великану казаку понадобилось не меньше пятнадцати ударов штыком, чтобы умереть.

К несчастью, один из адъютантов генерала Алексеева потерял на поле боя драгоценную записную книжку с перечислением всех подразделений Добровольческой армии и многими другими сведениями. Штаб большевиков удивился и успокоился.

10. Главнокомандующий красных. Бывший царский офицер

Тихорецкая, 16/29 марта, 1918 г.

«Главнокомандующий» Автономов совсем не похож на военного. Тонкие губы, тонкий нос, узкая грудь. Никакой выправки. Он похож на чиновника, на политика и, вероятно, никогда не был под огнем.

Автономов — донской казак, родился в станице Каменская, хорунжий одного из донских полков. Когда разразилась революция, он с помощью солдат арестовал всех офицеров своего полка, включая полковника, и случилось это в тот самый день, когда успехи революционеров в Петрограде распространились и на армию. Этим Автономов хвастался передо мной, этот факт снискал ему симпатии большевиков и открыл блестящую революционную карьеру. Как все революционные офицеры, он продолжал в армии яростную социалистически-демократическую пропаганду и в скором времени стал большевиком.

Вместе со своим дивизионом (8-м) он вернулся на Дон и обосновался в Новочеркасске как раз тогда, когда Каледин впервые занял Ростов. Полковник Голубев, кандидат в войсковые атаманы, всячески противостоял патриотической деятельности генерала Каледина, возбуждая против него казаков-фронтовиков, его беззаветным соратником был Автономов.

Его избрали делегатом от казаков-фронтовиков и в Войсковой круг, и на съезд. Каледин арестовал его и отправил в тюрьму, но охранники помогли ему бежать. В Царицыне в качестве члена штаба красных он организовал народное движение против героев Дона. Вскоре с турецкого фронта почти в полном составе вернулась в Россию замечательная 39-я дивизия под командой Шостака. Автономов был отправлен в нее из Царицына, солдаты выбрали его прапорщиком — офицерские чины были отменены революцией, но в отдельных подразделениях их возвращали, а затем комиссаром.

Он руководил сражениями против «кадетов» под Екатеринодаром, боем под Выселками, а затем военными операциями под Батайском, когда армия добровольцев была вынуждена покинуть Ростов и перейти на Кубань. Бывший офицер [В. А.] Антонов[-Овсеенко], комиссар, готовый на все против контрреволюции, назначил своего молодого коллегу командующим революционными войсками Северного Кавказа, солдаты подтвердили это назначение, и Автономов вошел в должность.

Я беседовал с Автономовым, когда вошли трое достойно выглядевших военных. В царской армии они были полковниками. Один из них, секретарь революционного комитета Новороссийска, приехал обсудить с Автономовым судьбу большого числа офицеров, кадетов, юнкеров и гимназистов, подозреваемых в симпатии к корниловцам и арестованных комитетом. Автономов посоветовал отпустить их на свободу. Шостак считал, что их нужно оставить там, где они находятся. Разумеется, возобладало последнее мнение.

Два других полковника с дипломами генштабистов, специализирующиеся один по артиллерии, второй по пулеметам, были явно

смущены моим присутствием. Артиллерист вел огонь против своих бывших начальников, которые пешком одолевали кубанские степи. Пулеметы второго будут косить их на южных склонах Екатеринодара.

11. Комиссар, бывший семинарист, начальник штаба

Иванов принял меня у себя в вагоне, где установил пулемет «Льюис» после того, как солдаты вынудили его бежать в пассажирском поезде. По внешности он принадлежит к самому красивому типу русских: высокий, стройный, широкоплечий, хорошо сложенный, у него серьезные глаза, лицо священника, четкий профиль.

Родители с детства хотели видеть его священником, и он поступил в Новочеркасске в семинарию. В 1907 г. за месяц до посвящения в сан он был арестован вместе с одиннадцатью другими семинаристами как член подпольного революционного кружка. После года предварительного заключения и девяти месяцев тюрьмы его отпустили на свободу. Но двери в церковь, равно как и другие пути, перед ним закрылись. Он уехал из России, чтобы найти работу на заводах Германии, Австрии, Швейцарии, следуя примеру крупных русских социалистов, изучавших, как живут рабочие за границей. В 1912 г. он по зову сердца вернулся в Россию, поступил на военную службу, служил и воевал до 1916; в 1916 г. попал в немецкий плен. Его отправили в лагерь в Старгард, ему удалось бежать, и через Швейцарию он снова вернулся в Россию и снова отправился на фронт. Его замечательные качества – ум, любовь к родине, авторитет в своем кругу не стерли памяти о его прошлом: ему не удалось стать офицером. Когда началась революция, его переполняли горечь и честолюбие.

Присущее Иванову умение руководить людьми и революционный энтузиазм пошли ему на пользу в южной армии, пока еще свободной от влияния Москвы. Солдаты его выбрали, он повел их на Ростов, который защищал генерал [Д. Н.] Потоцкий, и преуспел.

Я долго обсуждал с ним разложение командования и армии, уничтожение авторитета офицеров, в которых повинна его революционно-социалистическая партия. Иванов, как Автономов, как другие командиры, сформированные первой революцией, одурманенные свободой, теперь не знали, как справиться с анархией, которую сами же создали.

Он признал, что надо бы усилить наказания, но по-прежнему считался с солдатскими комитетами, которым небезызвестный декрет генерала Алексеева поручил разбираться с военными преступлениями.

– Вы теряете драгоценное время и увеличиваете беспорядки, доверяя товарищам наказание за преступления и нарушения.

– Что поделаешь? Наши люди никогда не согласятся отдать право наказания в одни руки.

– Вы бежите от ответственности. Отменив смертную казнь, вы все же вернули ее в армии за контрреволюционную пропаганду, шпионаж и спекуляцию. Почему же вам не ввести ее декретом за самовольные действия перед противником?

– Такой декрет противоречил бы нашим политическим принципам, и солдаты могут его не принять. Сейчас офицер для них товарищ, он назначен ими самими, они слушаются его по доброй воле, могут его контролировать и критиковать даже на поле боя. Как он может получить право их расстреливать? Власть офицера целиком зависит от солдат. И если мы признали их права свободных людей, священные права выбора и свободного выражения своего мнения, то как мы можем лишить их права не соглашаться с приказами, которые им навязывают и которые им не нравятся?

– А вы не видите, что увязли в болоте? Заметьте разницу между вашей сотней тысяч псевдосолдат и тысячью корниловцев, с которыми вы никак не можете справиться.

– Только исполнительный комитет в Москве может вмешаться и изменить отношения между командирами и нашими солдатами. Мы тут бессильны.

– Позвольте задать вам один вопрос. Ваши солдаты обычно расстреливают офицеров Корнилова, попавших к вам в руки. Они действуют по вашему приказу?

– Нет. За исключением нескольких особо опасных военачальников. У нас нет возможности защитить корниловцев от наших солдат. Наше буржуазное происхождение ставит нас под подозрение и связывает нам руки.

– Многие газеты и народные низы требуют гильотины и казней в самом широком масштабе.

– Я бы никогда не пошел на уничтожение какого бы то ни было класса!

12. Девушки в бою. Уничтожение пленников

Екатеринодар, 19 марта / 1 апреля 1918 г.

Красные взяли столицу казачьей кубанской губернии – и это серьезная потеря для Добровольческой армии. Ограничена сфера действий для будущих маневров, затруднен проход к Черному морю.

Бои не представляли из себя ничего выдающегося. Огромное численное превосходство, сильная артиллерия, добровольная поддержка со стороны бедного городского населения и крестьян, недобровольная со стороны казаков и пассивная тактика «добровольцев» позволили большевикам одержать победу.

Нельзя также забывать, каковы были местные белые отряды, которые присоединялись к корниловцам. Это были в основном гимназисты и юнкера, не имеющие военной подготовки, под руководством импровизированных начальников. Увлеченные поначалу юношеским энтузиазмом, они терялись в бою.

Все мы знаем о готовых к самопожертвованию девушках-революционерках, боровшихся с царским режимом. Контрреволюция тоже имела в своих рядах таких мучениц, и даже красные говорили о них без ненависти и иронии.

24 января / 6 февраля отряд из Екатеринодара дежурил на железнодорожной станции Выселки. Барышня из родовитой семьи Богарсуковых отвечала за пулемет, укрепленный на железнодорожной насыпи. При приближении бронепоезда весь отряд ускакал, легкораненая девушка была взята в плен солдатами, которые хотели ее линчевать. Начальник поезда подверг ее военному суду, в тот же день ее расстреляли.

Через неделю был бой под деревней Платнировская неподалеку от Екатеринодара. Пяти ученицам городской гимназии, 17–18 лет, была отведена позиция в подвале, их вооружили винтовками и пулеметом, дуло которого выставили в окно. И здесь отряд, к которому они принадлежали, отступил, оставив их на милость врага. Девушки продолжали стрелять, пока сзади не вошел казак и не порубил их саблей.

Екатеринодар, 20/2 апреля 1918 г.

В это утро к начальнику штаба пришла молодая вдова и попросила у него разрешения эксгумировать тело своего мужа, убитого при обстоятельствах, о которых она, плача, мне рассказала.

4/17 марта, когда Красная армия отбила Екатеринодар, толпа, которую до этих пор держали в руках корниловцы и местные белые отряды, арестовала 2000 человек по подозрению в том, что они «буржуи» и сочувствуют контрреволюции. Их согнали и заперли в вагонах и бараках на вокзале, где круглосуточно заседал революционный комитет. Судьи, назначенные Автономовым и Ивановым, пока еще независимые от Москвы, были настроены снисходительно. Они были готовы отпустить этих горожан, чей патриотизм и классовое чувство вовсе не делали их контрреволюционерами. Однако толпа, разогретая газетными призывами из Москвы, думала иначе. Красногвардейцы и крестьяне после собрания, на котором на все лады повторялся рево-

люционный призыв Радека*, разъярились, набросились на арестованных и всех без исключения убили.

Иванов позволил молодой вдове отыскать в общей могиле, куда были свалены все тела, своего мужа. Он дал ей и ее семье в помощь и для охраны отряд солдат, пока они будут искать мертвого: толпа, увидев группу «буржуев», снова могла не устоять перед желанием убивать.

13. Армия добровольцев спаслась

Екатеринодар, 20 марта / 2 апреля

По сведениям штаба красных, войска Корнилова тщетно пытались захватить железную дорогу на участке Тихорецкая – Туапсе. К Добровольческой армии присоединились отряды генералов Баратова¹⁷⁸ и [В. Л.] Покровского¹⁷⁹, сформированные в Екатеринодаре и поначалу оставленные в арьергарде, чтобы прикрывать отступление. Теперь армия насчитывала 12 000 человек¹⁸⁰. Она находилась в краю, богатом зерновыми, располагала большими запасом пуль и даже немалым числом самоходных орудий, которые за отсутствием бензина пока что везли лошади. Но что касается снарядов, то их запас, похоже, был исчерпан.

Население хорошо относилось к корниловцам. Большевики, появившись на Кавказе, стали вести себя по отношению к мусульманам как завоеватели. После грабежей и в особенности насилий, которые неизбежны при нашествии такой орды дикарей, жители деревень, расположенных неподалеку от железной дороги, убежали в горы и стреляли в каждый проходящий поезд.

Черкесы¹⁸¹, живущие вокруг Екатеринодара, – народ воинственный, сохранили древний феодальный уклад рыцарей, мусульманских воинов. Они преданы своим ханам, презирают и ненавидят «северных варваров». Редкие тропы в болотах, окружающих Екатеринодар, известны только им. Часовые на передовых постах и маленькие разведывательные отряды, высланные большевиками, не возвращаются никогда: находят только мертвые тела с пулей или кинжальной раной. К Корнилову присоединилось несколько кавалерийских отрядов черкесов и чеченцев¹⁸², знаменитых своим напором и презрением к смерти.

Оставив Ново-Дмитриевскую, Добровольческая армия направилась к горам вблизи от Черного моря. В долине, параллельной морю,

* Вся буржуазия была объявлена «подозрительной», и пролетариат призывали уничтожать ее.

засели, дожидаясь добровольцев, 6000 большевиков, посланных из Туапсе. Но... воинственного духа у большевиков не прибавилось. Две пехотные роты большевиков с большим количеством пулеметов заняли позиции за откосом железной дороги на участке Екатеринодар – Новороссийск. Пятьдесят кавалеристов под командованием полковника Гершельмана неожиданно ринулись на них галопом в атаку. Большевики осыпали их пулями, потом побежали и были бы изрублены в куски, не вмешайся большой отряд разведки.

Автономов распространяет прокламации, призывая командиров и солдат сражаться, и посылает в Москву успокоительные сообщения. Кругом твердят, а газеты публикуют, что приняты все меры, чтобы уничтожить армию добровольцев в два или три дня. Но прошли уже недели. Корниловские герои преодолели суровейшие испытания и, сплотившись еще теснее, перегруппировываются в труднодоступном районе, где население с распростертыми объятиями приняло этот кровоточащий обломок бывшей империи¹⁸³.

14. Я возвращаюсь в цивилизованный мир. Донос

Екатеринодар, 21 марта / 3 апреля

Возвращение Черным морем для меня не осуществимо. После того как немцы оккупировали Одессу, матросы Севастополя закрыли морской путь между Кавказом и Одессой. Они с предельным вниманием осматривают каждый проходящий пароход, снимают подозрительных пассажиров, а если подозрение переходит в уверенность, расстреливают.

Шостак собирается ехать в военный комиссариат в Москву, чтобы передать Троцкому пожелания штаба группы армий. Похоже, что враждебность к немцам, которую притормозили приказы свыше, вновь проснулась в Красной армии. Стало известно, что армия [В. А.] Антонова[-Овсенко] отступила перед немцами. Стало также известно, что немцы расстреливают всех коммунистов, в первую очередь матросов Балтийского флота, какие только попадают им в руки. Кровавые расправы постигли рабочих и крестьян из латышей по распоряжению балтийских баронов. Красная армия не понимала отношения московских комиссаров к немецкому правительству: войска воевали, а в Москве и Петрограде давали аккредитацию немецким дипломатам и открывали консульства. Комиссары и офицеры считали, что в интересах родины и революции будет лучше, если армии, которые освободились после окончания «корниловской авантюры», будут направлены на Украинский фронт.

Шостак предложил мне ехать с ним в специальном вагоне, и я согласился.

Я никогда не забуду, что комфортабельное заточение, предложенное им мне, спасло меня от ненависти гвардейцев, которые дважды приходили к нему и спрашивали, «почему меня еще не расстреляли», а Шостак отсылал их. Но я предпочел бы смерть этой жизни, если бы она затянулась.

Будь Шостак оголтелым большевиком, общаться с ним было бы затруднительно. Но социальное положение, каким он обязан новому режиму, не только льстило ему, но и смущало. Я никогда не скрывал от него, что думаю о большевистских теориях, которые он был обязан представлять. Только изредка и, наверное, желая произвести впечатление, Шостак шутливо нацеливал на меня револьвер. Я не мешал ему, но напоминал, чтобы был осторожнее. Раза два, когда я употребил выражения, возможно, слишком сильные, он, вспомнив о своем советском комиссарстве, восклицал: «Не знаю, почему я вас не арестовал!» (Я-то знаю: он еще надеялся распротиститься с большевизмом.) Я спокойно смотрел ему в глаза. Весь красный, он выходил из купе, а вернувшись через несколько минут, заговаривал о другом.

Ростов, 27 марта / 9 апреля

Шостак и я воспользовались тем, что проезжаем через Ростов, и осмотрели город. Еще нам очень хотелось помыться. На улицах почти нет следов деятельности красногвардейцев. Мы видим комиссаров, сидящих с красивыми женщинами за столиками, точь-в-точь как сидели раньше офицеры, среди напуганной, но прилично одетой буржуазной публики.

Кое-какие вещи, которые я оставил в камере хранения на вокзале, сохранились под строгим надзором старорежимного чиновника в длинном рединготе¹⁸⁴ с золотыми пуговицами. Он бы даже снял фуражку, приветствуя меня, если бы это не было строжайше запрещено. Он отказался от «чаевых», которыми я хотел вознаграждать его за честность. Старик из тех характеров, которые Петр Великий властной и торопливой рукой пригибал и гнул, а они выстаивали в бурю!

Я проводил Шостака – он хотел купить кое-какие средства гигиены – к аптекарю еврею, у которого я бывал два месяца тому назад при Корнилове. Мать и обе дочери тут же узнали меня, так как часто видели вместе с офицерами Корнилова. Они заговорили со мной, мы обменялись новостями, учтивостями, одним словом, слегка полюбезничали. Когда я отошел на секунду и склонился над витриной, женщины что-то шепнули Шостаку. Они донесли на меня, сказали, что я корниловец! По существу, для меня это не представляло большой опасности: иностранец мог себе позволить находиться среди людей одной партии, а потом среди представителей другой, однако женщины, вернувшиеся к своим обязанностям, после ответа Шостака были

потрясены моей безнаказанностью. А мне стало по-настоящему плохо, не потому что я представил себе опасность, которая могла бы мне грозить, мне стало плохо от отвращения к несказанной низости, к постыдному поступку, совершенному без малейших угрызений совести и без всяких на то оснований (я бы понял, если бы это была бы, например, месть). К готовности отправить человека на смерть.

15. Посещение Брусилова

Москва, 2/15 апреля, 1918 г.

2 ноября большевики обстреливали Москву и с неожиданной для них точностью отправили снаряд в дом генерала Брусилова в квартале, который занимали сами¹⁸⁵. Это был единственный снаряд, который упал в этом квартале. Он повредил ногу бывшему командующему русскими армиями, и тот пошутил, что пушку наводил артиллерист-немец¹⁸⁶.

Я пришел к моему дорогому старинному другу в хирургическую лечебницу доктора [С. М.] Руднева в Серебряном переулке. Он подвергался долгим и болезненным операциям. Примерно раз в месяц ему надрезали ногу, чтобы извлечь осколок кости или вскрыть абсцесс. Но и на одре болезни он улыбался своей чудесной улыбкой. Как и в 1915 г., когда я три раза в день сидел с ним за одним столом, он смотрел пронзительно и чуть насмешливо, манеры имел учтивые и мягкие, речь ясную и отчетливую.

Русские офицеры в армии рассказывали мне, что московские комиссары при известии о ранении Брусилова прислали к прославленному командующему кого-то из своих с извинениями. Неистребимая доверчивость этих офицеров приписала комиссарам буржуазные пороки, именуемые благородством и деликатностью.

Мы говорили о Корнилове. Столичные газеты только что сообщили о его гибели, почетной гибели солдата. Отдав дань его несравненной храбрости, Брусилов сурово раскритиковал его за политическую карьеру.

«Корнилова выбрали моим преемником вопреки моему совету. Как только возникла идея диктатуры Корнилова и Керенского, стало ясно, что Керенский будет отстранен, так как он не имел поддержки военных. Но так вообще нельзя было ставить вопрос.

Корнилов — горячая голова, рубака, превратил в культ мужество, а на деле оно всего-навсего средство. Он все упустил: и армию, и политический момент, в который был единственным человеком в России, способным ей помочь. Он не заручился симпатией народа и начал действовать слишком рано, что было нерасчетливо нервной реакцией. В ответ одни погрузились в полную апатию, другие ответили

всплеском революционных идей, благодаря чему большевики получили возможность завладеть властью. Солдат можно было бы завоевать, противясь революции осторожно и тактично. Они были брошены, им позволили убивать своих офицеров тысячами. Корнилов в ответе за их смерть.

Если бы Наполеон, разумеется, я не сравниваю с ним Корнилова, взял власть двумя годами раньше, его бы смели и убили, и нация рухнула бы в пропасть, куда она и катилась. Диктатор Бонапарт появился тогда, когда все устали от беспорядка и пресытились революционными идеями.

Ни один человек не способен создать ничего прочного против воли народа. Нельзя подавить умонастроение целой нации. Последние ошибки Корнилова те же, что и первые. Он хотел одолеть обстоятельства упорством. Всю жизнь он полагался на мужество и отвагу. Но для вождя, для руководителя этих качеств мало: его решения должны быть результатом осторожности и пристального наблюдения.

Моя нога¹⁸⁷ помешала мне присоединиться к моему бывшему начальнику Алексееву на Дону. Но после того, как провалилась попытка организовать донских казаков, я бы не стал бесполезно жертвовать молодыми жизнями, я бы распустил армию добровольцев, когда это было еще можно.

Эту армию, отважную, с благородной патриотической программой, народ не поддерживал. Общий настрой – и сейчас он пока еще точно такой же – революционно максималистский, и все усилия Корнилова были заранее обречены».

Я рассказал генералу, что некоторые друзья, бывшие офицеры аристократических полков, присоединились к анархистам, единственной партии, противостоящей большевикам.

– Благородно, но глупо. Какая растрата юных сил и энергии! Если не можешь уничтожить врага, лучше бездействовать. Наши неосуществленные надежды его усиливают.

Я спросил, правда ли, что большевики предложили ему идти к ним на службу.

– Правда. Я никогда не занимался политикой, а интересы службы часто обязывали меня не следовать естественным для меня социальным симпатиям. Я считаю, что старый режим отменен на долгое время. Считаю, что все контрреволюционные движения обречены на угасание. Если мне предложат чисто русскую армию, которая будет сражаться за национальные интересы, я приму командование над ней, если мне захотят его передать, но я не буду занимать себя экономическими и политическими взглядами правителей¹⁸⁸.

Совершенно очевидно, что, дав свое имя, я могу быть полезным теперешнему правительству. Я сохранил определенную популяр-

ность среди солдат. Те, которых время от времени присылали ко мне комиссары с обыском, извинялись, входя, отдавали честь, сохраняя должную почтительность. Множество офицеров, которые работают сейчас в военном министерстве, будут рады прикрыть моим именем свое «обращение». Представителям комиссаров, которые пришли ко мне с предложением восстановить русскую армию, я поставил три условия:

«Введение смертной казни.

Назначение офицеров не солдатами, а вышестоящими чинами.

В военных зонах подчинение гражданских властей военным».

Ответа я не получил.

* * *

Один великий философ* говорил о «хитрости разума», который выталкивает человека из присущей ему инерционности, подвигает на деяния, превосходящие его силы, и в конечном счете использует энергию, с какой человек добивается личных целей, на осуществление своих тайных замыслов. У большинства людей разочарование и обида из-за несбывшихся надежд стираются новыми иллюзиями, заменяющими предыдущие. И только человек проницательный замечает, что «им играют», и отказывается от игр.

Брусилов и Корнилов – два человека, в равной мере известных и повлиявших в небольшой степени и вопреки собственным представлениям на революцию. Их исполненные славы жизни, прожитые одинаково достойно, определили выбор, какой они сделали перед лицом страшных обстоятельств; те пути, какими они последовали. Сколько разных возможностей быть одновременно честным человеком и патриотом! Оба этих военачальника действовали так, как должны были действовать. Оба поспешили навстречу неизбежному, один со свойственной ему гибкостью, другой с присущей ему отчаянностью, один с проницательной выжидательностью, другой с пророческой безудержностью. Кто же из них был прав?

16. Москва великая. Общество интеллигентных сапожников. Преемники царей

Москва, 19 апреля / 2 мая

До чего же не похожи две русские столицы! Петроград – город без нутра (немецкий, по словам москвичей) – сдался революции без

* Гегель [Г]. «Феноменология духа»; он употребляет выражение «хитрость разума», имея в виду Мировой разум, который правит миром.

сопротивления. Победоносные солдаты легко взяли верх над напуганной буржуазией и четвертым колеблющимся сословием. Москва всегда противопоставляла новшествам неколебимое хладнокровие. В сентябре 1917 г. я увидел в Москве самодостаточных горожан, сохраняющих внутренний уклад жизни, вовлеченных в течение событий лишь настолько, сколько надо, чтобы не помешать их победительному движению. Я чувствовал, что революционеры, а здесь они в меньшинстве, царят лишь с помощью запугивания, пользуясь пассивностью людей, чьи вековые представления остались незыблемыми.

Вернувшись в Москву спустя семь страшных месяцев второй революции, после вторжения большевиков и кровавой гражданской войны, я нашел атмосферу большого города почти не изменившейся. Если искать в русской истории сходную ситуацию, то, наверное, нужно вспомнить не национальное божество — страшного и великолепного Ивана Грозного, а вторжения монгольских ханов, которые пытались — но тщетно — сломить веру и гордость этого мощного народа.

Я был поражен до глубины души, увидев, что громоносное большевистское движение, наполнившее русскую империю до самых отдаленных границ грохотом пулеметов и яростным клокотаньем речей, в Москве выглядит так скромно, таясь за фасадом цельной глубокой и древней цивилизации. Горожане, ощущая себя сыновьями матери русских городов¹⁸⁹, хранят глубокую веру в судьбу своего народа, в его достоинство, противостоящее бедам, что делает их в сто раз выше обывателей стран Европы и европейских колоний в Америках, Азии и Австралии*.

Постоянные обыски, аресты и расстрелы не подействовали на город, в котором комиссары хотели искоренить тревожащее их несогласие, чреватое будущими мятежами. Время от времени я видел длинные процессии, с которыми комиссары боролись плакатами. Сотни крестов, икон, хоругвей в руках десятков тысяч верующих, без сомнения, принадлежащих самым бедным классам¹⁹⁰. Мужчины, женщины, дети вместе со священниками, полные радости и жертвенности, шли под враждебными взглядами красногвардейцев**.

В целом продолжалась привычная жизнь, и нужно было пройти полупьяным солдатам, стрелявшим по фасадам домов, чтобы вспом-

* Я часто встречал русских, которых искренне недоумевали, и я бы сказал, мало недоумевали, когда с ними покровительственно обращались американские граждане, люди поверхностные и зачастую неразвитые, но претендующие на культуру, равную их культуре. Кто же может вообразить, что убогие демократические институты, землеройные машины и повсеместное употребление консервов что-то прибавит к духовности народа?

** Я видел, как какой-то комиссар выпустил сигаретный дым в сторону иконы, и рассерженный рабочий дал ему пощечину.

нилась революция с ее крайностями. Но как только они исчезали, снова открывались лавочки и на тротуарах появлялись прохожие: унылые старички-рабочие, щекастые мальчуганы в длинных синих пальто, рыжебородые священники с пронизательным взглядом, красивые женщины в светлых нарядах, которым знакомые при встрече галантно целовали ручку.

Без меня описали во всех подробностях удивительный город, который хотели бы построить Советы, город без фундамента и без куполов. Тысячи декретов, которыми комиссары засыпали своих приверженцев, не изменили характер революции. Причина этой, как и всех предшествующих, в упорном и неискоренимом непонимании между толпой и правителями. Революционная толпа не стремится воплотить какую-то доктрину, создать идеальное общество, и ее вожаки это прекрасно знают. Толпа хочет без всяких усилий получить свою долю национальных богатств, а еще – и это характерный для низов идеализм – она хочет свободы, иными словами, хочет уничтожить любые формы почитания. Ей обидно склонять голову перед высшими – высшими по рождению, по установленному порядку, по уму, по талантам, по воспитанию. И этих вожаки бросают толпе как добычу: «Унижайте, убивайте, издевайтесь над теми, кем восхищались, это ваши враги и враги революции»*.

Понаблюдайте за красногвардейцем, идущим по улице, он всматривается в прохожих, нет ли на ком медали, ордена, гимназической кокарды. Ничто другое его не интересует. В провинции расстреливают за ухоженные руки, за носовой платок, в который сморкаются. В Москве революционные солдаты заняты исключительно «пролетарским реваншем», о котором им изо дня в день вещают газеты.

Сегодня служанка одних моих знакомых вернулась, дрожа от страха. Она крестьянка, одетая по-городскому, ходит в шляпке. Проходящие мимо солдаты пригрозили ей штыком: «Ты, буржуазия, заслуживаешь смерти!». Бедняжка возразила: «Я же из деревни, посмотрите на меня, мне есть нечего!». Солдаты, прогоняя ее, заявили: «Так тебе и надо, буржуйке, мы вам всем головы поотрываем!»

Повсюду, где революционеры перестраивают учреждения и организации, главная их задача уничтожить превосходство «интеллигенции», отомстить буржуазии. На заводах рабочие смещают инженеров. В гимназиях швейцары заведуют образованием и получают больше преподавателей. В военных госпиталях, а кое-где и в гражданских солдаты повысили зарплату фельдшерам, они получают 450 рублей, а врачи – 400. В больших московских домах дворники стали предсе-

* Декрет Радека.

дателями домовых комитетов. После реформ у комитетов нет другой заботы, как охранять полученное и не давать приблизиться другим. Это и называется защищать революцию.

Это общество-перевертыш, пьяное и бездумное, шагающее на руках, болтая ногами в воздухе, может только насмешить, не больше. На заводах никто никого не слушается, и они стоят. Переодетый барином дворник потерял всю свою уверенность. Фельдшера смущает его начальственное положение, он совершает ошибку за ошибкой под ироническим взглядом подчиненных докторов. Швейцара, директора гимназии, приходится угрозами принуждать руководить, до этого в руках у него были щетки и мокрые тряпки.

У меня прохудились сапоги. Мне посоветовали обратиться в «общество интеллигентных сапожников», они занимают квартиру в том же доме, что и я. Я захожу в просторную комнату, вокруг длинного стола сидит человек десять мужчин с интеллигентными лицами в фартуках и под руководством старичка — военного сапожника кроют кожу, ставят новые подметки, шьют мужские и женские башмаки. Я представляюсь, господа сапожники встают, и глава сообщества представляет мне коллег. Сам он банкир Сигов, организатор мастерской. Секретарь — генерал Около-Кулак, казначей — генерал¹⁹¹ [А. Н.] Бехтеев, бывший предводитель дворянства Тамбовской губернии¹⁹². Число желающих было так велико, что в общество пришлось принимать людей с чином не ниже полковника. Дамы-аристократки из высших московских кругов тоже приняты в этот клуб. Кое-кто из них, стесняясь дневного света, в сумерках приходит сюда работать и получить немного денег на пропитание. Вечером офицеры в потрепанных плащах, перчатках, с прямой спиной и военной выправкой отправляются по домам. Я спросил, нет ли у них желания работать в каком-нибудь советском учреждении. Один из них ответил: «Как это можно? Я же монархист!»

Офицеров помоложе и погорячее не устраивает столь безликое существование. Дня не проходит, чтобы я не встретил кого-нибудь из моих фронтовых товарищей. Один редактирует конституционно-демократическую газету, которая издается под носом большевиков. Другие — из гвардейских полков, полков ингушей, татар — готовят контрреволюцию. Я иногда встречаю их в обществе откровенно темных личностей: это члены штаба анархистов, которыми офицеры пытаются руководить.

Но нет никакой системы, никакой организованности в их частных усилиях. Один за другим эти большие дети будут арестованы и уничтожены. Военное воспитание сформировало их для подчинения, оно редко формирует вождей. Корнилов погиб в степях, Брусилов инвалид и выжидает. Романовы, законные вожди русского народа, но ли-

шенные сильных сторон его характера, отказались выполнять свой долг, и молодые сердца, которые они обязаны были вести, теперь разбиваются, как стекло.

Однако в Кремле, среди теней полубогов, какими были московские князья, правят несколько человек, не имеющих наследственных прав, но, похоже, являющихся законными продолжателями древних царей. Они сродни им отчетливостью целей и жесткостью средств, силой, изобретательностью, безжалостностью и влиянием на свое окружение. Решив удержаться на самом великолепном троне, какой только знала Вселенная, и не доверяя народу, который возвел их на этот трон, они следуют примеру императоров поздней Римской империи: солдаты их выкрикивают, а двери к ним охраняют варвары-чужеземцы. Кремль охраняют не русские, внушаемые и переменчивые, а латыши, грубые умелые солдаты, самостоятельные и дисциплинированные, их в Кремле привечают, обогащают и кормят¹⁹³.

Кто знает, может впоследствии извинением московским комиссарам за их кровавое царствование послужит то, что в период, когда Россия предавалась гибельным экспериментам охлократии*, они спасли автократию, без которой Россия погибла бы.

Эпилог второй части

Проект Шостака (и штаба Автономова) состоял в том, чтобы отправить красные армии Кавказа на Украинский фронт под командование Антонова. Шостак всячески старался привлечь на свою сторону Совет комиссаров. Он переговорил со всеми представителями миссий союзников – хитро обойденных Троцким – и тешил себя несбыточными надеждами. После двухнедельных бесполезных стараний, он признался мне, что никто из народных комиссаров, а также из людей их окружения не думает всерьез о возобновлении войны вместе с союзниками. Ведя переговоры с союзными офицерами, они просто хотят выиграть время. Это был май 1918 г. На французском фронте дела шли плохо, и это было видно даже по советским газетам. Во время длинного разговора с Троцким Шостак убеждал его в необходимости направить все красные армии против немецкого империализма. Троцкий, глядя ему в глаза, спросил:

– А почему не против французского и английского?

* Вырожденная форма демократии, основанная на меняющихся прихотях толпы, постоянно попадающей под влияние демагогов. Временное правительство легализировало заводские комитеты, которые погубили русскую индустрию.

При этом советская Ставка продолжала разрабатывать с союзными офицерами проекты реорганизации русской армии и ее перегруппировку для борьбы с «национальным врагом»¹⁹⁴. Ставка располагалась в роскошном поезде на Александровском вокзале. Я дважды виделся там с генералами [М. Д.] Бонч-Бруевичем и [Н. А.] Сулейманом. По всей России убивали офицеров, носивших знаки отличия, напоминавшие о царском режиме. На Александровском вокзале генералы и их свита выставляли напоказ царские награды, когда принимали иностранных представителей. Несчастные генералы, комиссары использовали их внешность и способности, чтобы водить за нос иностранцев. Во время разговора между двумя офицерами Генерального штаба, Шостаком и мной Сулейман внезапно спросил у Шостака, который поддерживал Автономова, командующего Кавказской группой армий:

– Скажите, пожалуйста, а кто он такой? Он профессиональный военный? Кто и когда его назначил?¹⁹⁵

Когда мы спросили, где в настоящий момент находится Антонов, главнокомандующий советскими войсками, ведущими борьбу с контрреволюцией, ни глава Генерального штаба, ни его заместитель не могли нам этого сказать.

В конце мая я приехал в Петроград. Ехал в невообразимо роскошном купе спального вагона. Замечательное обслуживание, идеальный порядок. В провинции отмена классов на железной дороге все еще является частью революционной программы. Здесь в коридоре видишь только советских комиссаров и спекулянтов: красногвардейцы не пускают сюда бедняков. Советское правительство начинает поддаваться обольщениям дотоле ненавистных условностей старого режима, и это внушает надежду относительно будущего.

В Петрограде немыслимая нищета и подавленность. «Интеллигенция» продает на углах улиц спички. Порция хлеба 50 граммов в день, в хлебе рубленая солома. Когда хлеба нет, совет заменяет его 50 граммами соленой селедки. Как раз в это время [Г. Е.] Зиновьев, председатель петроградского Совета, выдвинул знаменитый лозунг: «Давать буржуазии еды столько, чтобы не забыла, что есть хлеб». Сам он и его окружение ни в чем не нуждаются, и кронштадтские матросы тоже, их поддерживает правительство. Видишь, как жирные сытые люди в обществе хорошо одетых женщин прогуливаются по проспектам среди теней. Беспросветная нищета и крайности изобилия характерны для революций. Мои друзья-иностранцы встречали в элитных барах большевистских бонз вроде [А. А.] Иоффе и других, они тратили деньги, не считая, в обществе роскошно одетых дам. Балерины ничего не потеряли от перемены режима. Им дарят реквизированные драгоценности и возят в старорежимных ландо.

Советский свет – мелкие комиссары в него не вхожи – располагаются в роскошных дворцах. Там все очень довольны: в городе появились немецкие миссии. Париж бомбардируют и, похоже, скоро возьмут. С победившей Германией здесь собираются затеять всяческие дела – такой общий тон разговоров.

Я поначалу собирался вернуться во Францию через Швецию, Шведский пароход, на который я взял билет, дожидался прибытия солидного груза меди, экспортом которого распорядился Совет комиссаров. Когда груз прибыл, совет порта запретил его грузить. Капитан показал разрешение на вывоз, подписанное Троцким и [Г. В.] Чичериным, но председатель Совета заявил, что в Петрограде всем распоряжаются местные комитеты.

Тогда я решил ехать через Мурманск. Как раз в день, когда я приехал туда, в Англию отходил «Порто», судно под флагами Англии и Португалии, с 2500 пассажирами на борту.

Я приехал в Париж в начале июля. Мои рассказы об эпопее велико-лепных корниловцев производили большое впечатление. На то время я был единственным участником Кубанского похода, который вырвался живым из мясорубки, и подробности, какие я мог сообщить, выслушивались с жадностью. Армия добровольцев, окруженная врагами, отрезанная от заграницы, но непобежденная, была принята в расчет на будущее. Между тем стало видно, какую игру ведут Советы: они сделали ставку на Германию.

Новая глава русской революции началась в Сибири. Французское правительство отправило туда свою военную миссию под руководством генерала [М.] Жанена и верховного комиссара графа [Д.] де Мартеля. Министерства иностранных и военных дел прикомандировали меня к этой миссии в качестве официального военного корреспондента.

Часть третья. В СИБИРИ

Ибо хотя говорят, что болезни и жизни бесчестье
Быть нам страшнее должны, чем Тартар – смерти обитель...
Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство.

[Тит] Лукреций [Кар]. О природе вещей. III

Я тебе дам первый совет:
не причиняй зла единокровным,
а если обижен ими, умерь месть.
Дам тебе и второй совет:
не полагайся на обещания врага,
у которого убил отца или брата.
Волк не ушел из логова,
хотя тебе кажется, что он сыт твоим золотом.

Старшая Эда. I

Глава I. В Харбине

В начале сентября 1918 г. я покинул Францию и направился в Сибирь. По дороге я заехал в Вашингтон, где имел несколько крайне любопытных разговоров с послом Франции. Беседовал я также с несколькими представителями Военного министерства и Госдепартамента. А еще имел удовольствие вести долгий разговор с бывшим президентом [Т.] Рузвельтом сначала в Нью-Йорке, а затем у него на даче на Ойстер Бэй. Он высказывался за военную помощь Соединенных Штатов в борьбе против Советов. Через два месяца он умер, его партия перестала вести независимую внешнюю политику и целиком увязла во внутренней политической борьбе¹⁹⁶.

В Токио я встречался с военным министром¹⁹⁷, а также с начальником¹⁹⁸ и заместителем начальника Генерального штаба. Проблема японского вмешательства предстала передо мной во всей своей сложности. К Рождеству я пересек Японское море на японском судне в обществе генерала [Я.] Такайнаги, веселого спутника и тонкого дипломата. И вот я во Владивостоке и с осторожностью вступаю в лабиринт долгой сибирской эпопеи. Прежде чем увидеть собственными глазами, что происходит на Урале, а я понял, что проблемы [А. В.] Колчака могут разрешиться только там, я стал встречаться и беседовать как с правыми, так и с левыми.

Генерал [Д. Л.] Хорват произвел на меня прекрасное впечатление: тонкий умный старик, большой патриот, не забывающий ни на секунду об интересах великой России, подлежащей восстановлению. Темперамент генерала [А.] Нокса показался мне таким же, как у заговорщиков-революционеров, приверженцев грубых манер, но он прямодушен, и у него неумная энергия. Генерал [У.] Грейвс, его антипод, он необыкновенно симпатичен, но, возможно, слишком уж благодушен; он убежден, что его семь тысяч солдат находятся в Сибири для того, чтобы научить белую гвардию обращаться с большевиками не по-евангельски. Генерал Отани [Кикудзо], пожилой аристократ, вносит утонченность и неподражаемое чувство меры, присущее японским дворянам.

Харбин, 10 января 1919 г.

Транссибирская железная дорога проходит по нейтральному Китаю на протяжении 1400 километров*. Города и земли, прилегающие к железной дороге, – зона фиктивно экстерриториальная, по договору она находится под русской юрисдикцией, но с тех пор как нет жандармов и солдат, чтобы осуществлять контроль, экстерриториальность стала иллюзорной.

Китайские гарнизоны вновь стали главными в Маньчжурии после того, как упал авторитет русских. И по злейшей иронии истории Россия обязана восстановлением своего правительства штыкам не слишком отважных местных жителей.

По мере того как большевики устанавливали свою власть, сопротивление «партий порядка» сконцентрировалось на этой нейтральной ветке Транссиба. И после того как иностранные армии вынудили отойти политиков в сторону, те же нейтральные китайцы стали прикрывать побежденных от карательных мер прежде гонимых.

* От Маньчжурии до Пограничной.

1. Город

Вокзал и город – русские (город и пристань недавно построены), находятся под наблюдением русской полиции, которая изрядно распустилась в Сибири и получила время и возможность распуститься и здесь. Харбин служит пристанищем для русских преступников, которым удалось перебраться через границу, здесь они свободно встречаются с каторжниками всех стран¹⁹⁹.

Пристань, торговый квартал, где без всяких ограничений заключаются самые беззащитные сделки. Союз восточного хитроумия с западным искусным криминалитетом только и может объяснить здешнее обилие крупных капиталов.

Среди множества миллионеров заметнее всего бывшие большевики, прибывшие из России и Сибири с карманами, полными денег. Бывшие председатели военных комитетов, опустошившие армейские кассы, бывшие революционные комиссары, собравшие состояния шантажом и расстрелами или «реквизицией» частных капиталов, ведут здесь роскошную жизнь.

Бывшие рабочие и солдаты содержат театральные артисток. Чиновники зарабатывают 2000 в месяц и тратят 15 000. Офицеры в отставке проигрывают, не моргнув глазом, от 40 000 до 50 000 рублей за один вечер.

Вся эта публика живет благодаря беззаконию и беспорядкам и всеми силами поддерживает их, считая хлебным промыслом. Расхлябанность всех государственных служб поощряет процветание мошенников и бандитов. Таможенники смотрят сквозь пальцы на контрабандистов, торгующих спиртным. Опиум и кокаин, произведенный в Персии и привезенный в Китай, после наступления эры красных возят и гражданские, и военные, совершая рейды по пограничным городам и сколачивая себе состояния. Из-за развала транспортных служб цены в сибирских городах на товары первой необходимости возросли неимоверно. Порядок и закон уничтожат это безобразие. Коммерсантам Харбина не по душе восстановление государства, к союзным войскам они относятся, как к чуме.

2. Железная дорога

Только японские дивизии сохранили жесткую дисциплину, остальные союзные войска, расставленные вдоль железной дороги небольшими подразделениями, захлестнул всеобщий беспорядок, и они участвуют в злоупотреблениях. Железнодорожники целенаправленно разваливают порядок на железной дороге. Царит такое безначалие, что самые высокопоставленные распоряжения, самые на-

сущные военные нужды оставляются без внимания любым мелким чиновником.

Поезда, которые возили в Сибирь товары, но с 23 декабря были переданы в распоряжение военных, продолжают возить товары. Начальники станций, русские и союзнические офицеры, располагая немалым количеством вагонов для военного имущества, руководствуются принципом: «Денег нет только у дураков!» Они продают вагоны коммерсантам, и цены на них растут по мере того, как в Сибири растет спрос на товары. Для поездки в Иркутск цена на вагон колеблется от 20 000 до 50 000 рублей. К этой сумме прибавляется еще страховка, так как русские гарнизоны могут по дороге конфисковать вагон.

Вагон куплен и наполнен товарами для Сибири, от начальника станции и офицеров можно не ждать подвоха. Однако задержать вагон может любой мелкий служащий, отвечающий за проверку, признав его «не готовым». 200 рублей рассеивают подобные сомнения. Теперь нужно вагон прицепить. Чтобы он не застрял навечно на станции, нужно получить разрешение начальника станции или дежурного. А чтобы прицепить его к единственному поезду, который идет в тот же день, нужно заплатить 1000 рублей. Укладчик и механик имеют право – но не обязанность! – прицеплять вагоны. Стоит это 50 рублей за каждый.

Вагон отправлен, но риск коммерсанта только увеличивается. Вагон могут реквизируют семеновцы*, или офицер, начальник поезда, объявит, что он сгорел. И в том и в другом случае это означает, что он продан на сторону. Коммерсанты Харбина идут на риск только из-за баснословных прибылей, и цены по мере того, как поезд удаляется от Китая, с каждой верстой растут. Здесь сахар стоит 90 копеек, а в Омске 25 рублей, пачка сигарет (20 шт.) рубль и 10 рублей в Омске.

Все сверху донизу берут взятки. Господин [Д. Ф.] Стивенс сказал мне: «Мы дошли до края, хуже уже быть не может».

Окошко стоит закрытым: свободных мест нет. Но через заднюю дверь, заплатив за билет в четыре раза больше, можно получить место. Кондуктор сурово запрещает заранее вносить чемоданы в зарезервированное вами купе. 10 рублей, и он вам улыбается. Механики, которые получают зарплату с переборами, ускоряют или замедляют ход поезда, задерживают его на станции или, напротив, сокращают остановку за очень умеренную цену, можете мне поверить.

* Русские отряды, действующие в районе Владивосток – Верхнеудинск, не признававшие адмирала Колчака. Они подчинялись только местному начальнику – атаману [Г. М.] Семенову.

Л. Грондейс. 1918 г.

Свита генерала от артиллерии Н. И. Иванова возле его поезда.
Слева направо: Чубаров, доктор Кобзаренко, неизвестный, князь
С. А. Радзивилл, князь Куракин, князь Оболенский, Л. Грондейс,
штатс-капитан Мальцев, полковник Л. И. Булацель. Октябрь 1915 г.

Два казака, судья Белозерский, Грондейс, три галицийских
крестьянки. 1915–1916 гг.

Набросок, сделанный рукой русского солдата Антона Комапка: застолье иностранных офицеров в русской Ставке. Справа налево: генерал М. Жанен, генерал сэр Д. Хэнбери-Уильямс, генерал барон фон Рикель, полковник Марсенго, генерал К. Коанда, генерал граф Ренико Ланжени, Л. Грондейс, комендант Бушеншульц. Апрель 1917 г.

Л. Грондейс (сидит второй слева) среди чинов Корниловского ударного полка Добровольческой армии. Январь–февраль 1918 г.

В Кавказской туземной дивизии. Слева направо:
князь Д. П. Багратион, Л. Грондейс, полковник В. Н. Гатовский.
Лето 1917 г.

Л. Грондейс со своей будущей женой В. Гончаренко-Петренко и японскими офицерами в вагоне поезда в Сибири. 1919

Вопедние первыми в Стерлитамак прапорщик Борисов, Л. Грондейс, прапорщик Лебедев, два унтер-офицера, в центре – казначей 45-го Сибирского стрелкового полка. Апрель 1919 г.

Французская военная миссия в Сибири. В первом ряду слева направо: полковник Леманен, генерал М. Жанен, майор Легра, капитан Фабьян. Во втором ряду слева направо: капитан Субен, солдат Краус, ординарец чех, капитан Тихнарев, полковник Бушеншульд, полковник Цуаро, Л. Грондейс. 1919

Л. Грондейс. 1957

LUDOVIC-H. GRONDIJS

LA GUERRE
EN
RUSSIE ET EN SIBÉRIE

AVANT-PROPOS

DE

M. MAURICE PALÉOLOGUE

AMBASSADEUR DE FRANCE

PRÉFACE

DE

M. ÉMILE HAUMANT

PROFESSEUR A LA SORBONNE

ILLUSTRÉ DE 64 PHOTOGRAPHIES

ET DE 10 CARTES

ÉDITIONS BOSSARD

43, RUE MADAME, 43

PARIS

1922

За исключением французов и японцев, которых строго контролируют их миссии и не меньше собственные привычки, далекие от купли-продажи, русские и все остальные союзники охотно занимаются спекуляцией, за что коммерсанты обижаются на интервентов, говоря, что они явились сюда, чтобы составить им конкуренцию*.

3. Биржа и политика

Биржа в Харбине²⁰⁰, единственная в Сибири, где курсы соответствуют заграничным торгам. Финансы и коммерция Харбина всерьез влияют на товарооборот и движение транспорта в Сибири, а значит, и на тамошнюю политику. Коммерсанты, русские и заграничные, внимательно следят за театром военных действий гражданской войны, составляя третью силу, она идеологически нейтральна, не связана ни с красными, ни с патриотами, и для своей выгоды подкупает то тех, то других. Эта бесчестная компания – тем более опасная, что пользуется в современном мире почтением определенного сорта – не питает особой симпатии к большевизму, который не дает ей гарантий для безопасности торгового ремесла. Однако режим Колчака – Семенова и вторжение союзников, о котором просили патриоты и которое приветствуют иностранные коммерсанты, вовсе не из моральных соображений, означают для коммерсантов Харбина восстановление порядка, куда менее выгодного для них, чем царящая анархия. К тому же иностранная коммерция может вытеснить их с сибирского рынка.

У всех этих коммерсантов, собравшихся здесь в немалом количестве, специфические, но отнюдь не национальные интересы. Торговцы из Маньчжурии и Читы, завязавшие тесные связи с офицерами, числят себя патриотами, при этом благосклонно посматривают на японцев, чье присутствие гарантирует им стабильность их сотрудничества с военными. Здесь, в нескольких сотнях километров от Читы, выгода требует гибкости в политике: с одной стороны, у них слабое русское правительство²⁰¹, погрязшее в интригах, с другой, контроль со стороны иностранцев, которого им вовсе не хочется. В зависимости от ступеньки социальной лестницы, на которой они находятся, в зависимости от связей с финансистами Мельмоты-скитальцы²⁰² странствуют между патриотизмом «с широкими взглядами» и откровенным изменничеством.

* Посылки, которые я доверял господам офицерам союзникам, полагаясь на их чувство чести, чаще всего оказывались разворованными. Закрытые ящики с вещами личного характера, которые я отправлял сам себе из Америки приходили ко мне открытыми и постыдно ограбленными, и так было всегда! Однако теперь в воровстве обвиняют только русских.

Немалое число коммерсантов, не обращаясь напрямую к красным, так как подобные попытки провалились, приветствует мятежи и восстания, с которыми вынуждено справляться правительство Омска, равно как и всевозможные препоны, создаваемые на пути иностранцев. Они поддерживают и ободряют эмигрантов, которые ездят туда и обратно по Транссибу до Томска и Омска и сеют волнения в новой русской армии. Я встречал у одного интеллигента-еврея таких юных эмигрантов. Они с воодушевлением рассказывали об успехах большевистской (или левой социал-революционной, что по сути одно и то же) пропаганды в Сибирской армии²⁰³.

В отношении иностранцев мнение коммерсантов различно, оно зависит от того, как они представляют собственные интересы. Русские круги опасаются в первую очередь американцев, еврейские видят опасность во внедрении японцев.

Вот мнение президента биржевого комитета Харбина, человека, который недавно крестился в православие и которого мне порекомендовал настоятель Софийского собора: «Американцы и японцы хотят ввозить свои товары, эксплуатировать страну, заморозить русскую торговлю. Главную опасность представляют американцы. Выйдя из войны, ничего в ней не потеряв, они займутся в первую очередь торговлей. Они вовсе не демократы – они так говорят о себе и хотят, чтобы им поверили, но они самонадеянная, самовлюбленная буржуазия. И неправда, что союзники помогают устанавливать в здешних местах порядок. Все обстоит совсем по-другому. Стоит русским патриотам что-то наладить, как являются иностранцы – чехи с [Г. М.] Семеновым, японцы с [И. П.] Калмыковым, приписывают себе все заслуги, занимают железную дорогу и забирают себе часть наших доходов. У нас сильная армия, и в один прекрасный день мы скажем союзникам: “Мы в вашей помощи не нуждаемся, отправляйтесь по домам!”».

Так считает господин [Н. В.] Водянский, новообращенный православный, свежее испеченный патриот, а главное – биржевик.

Еврейские круги в Китае и в особенности в Харбине находятся под влиянием американцев, которые действуют исключительно посредством американских евреев. Для русских евреев, прекрасно ладящих с американскими финансистами в Китае и Сибири*, характерна

* Среди русских переводчиков, которые работают в американской миссии (речь идет о Межсоюзном железнодорожном комитете, международном органе, созданном в марте 1919 г. для технической реконструкции и восстановления деятельности железной дороги востока России. – *Примеч. сост.*) инженера [Д. Ф.] Стивенса, имеющих обширные финансовые планы, 90 % исповедуют иудаизм. Фамилии этих людей я называю в следующей главе. Они сочувствуют «демократической» политике миссии, у них

крайняя степень японофобии. И ее только отчасти можно объяснить вторжением на рынок японских товаров. Газетные статьи, а газеты находятся целиком в руках евреев, полны ярости, связанной с трудностями, какие испытывает коммерческий еврейский гений при подчинении себе японского общества. Японские военные исполнены достоинства и сдержанности. Японский кодекс чести несовместим с предпринимательской неразборчивостью, и они ей противостоят. Японская империя, ревниво охраняемая националистическим правительством от посягательств интернационалистов любого разбора, возможно, единственная ускользает от комбинаций финансовой верхушки. В Сибири японцы не захотели ограничиться только военной славой, отдав союзникам плоды принесенных ими жертв. Они захотели обеспечить своим коммерсантам и промышленникам прибыль, которая соответствовала бы усилиям и вложениям страны. Отстраняясь и не доверяя обширным финансовым затеям Америки и Европы, японцы вызвали к себе антипатию, которая и выплеснулась сейчас в Китае.

4. Большие и малые большевики. Жалоба еврея

Иной раз сильно преувеличивают сплоченность евреев при красном режиме. Ни в России, ни в Сибири нельзя заподозрить евреев в том, что они составили заговор против русского общества. Их роль повсюду была исключительной, но она не была предумышленной. По существу, они всего-навсего взяли на себя функции, для которых революция, достигнув определенной стадии своего развития, сочла их пригодными. Они заполняли ту пустоту, которая возникла с исчезновением «интеллигенции». И все они это делали так одинаково, с таким воодушевлением, талантом и желанием действовать сообща, что их повсеместная энергичная деятельность показалась кому-то следствием заговора.

Стороннего наблюдателя смущает в русских евреях совсем другое: их неустанное попечение о своей выгоде и необъяснимое равнодушие к политике. Я не верил в политические таланты Семенова, пока не увидел мобилизованные им еврейские батальоны²⁰⁴. Он не ставил их под огонь (считая, что на первой линии они ненадежны), но обеспечил себя их поддержкой, поделившись – пусть номинально – привилегиями и обязанностями, какими располагало его правление. Повсеместно, где правительство – не важно, белое или красное – ка-

историческое отторжение от службы, они все из среды коммерсантов, заинтересованных в американских проектах.

залось ненадежным, евреи медлили с участием. Они сотрудничали с самыми разными режимами, всегда обогащаясь под покровительством правительства, с которым делились прибылями.

Мало кто из них не умел считать и рассчитывать. Это относится и к мелким евреям в Сибири, на первых порах революции они сразу выделились умом и энергией, их соблазнила бесконтрольная власть и неограниченные возможности. Обойденные царским режимом, они опьянели от неожиданных перемен и надежд на возмездие, но всерьез обожгли себе крылышки.

Пример тому Аркус, молоденький аптекарь из Харбина, не слишком умный, малодушный, но живой и обаятельный. Никому неизвестный, он вышел на первые роли, когда в Харбине появились большевики. Солдаты обратили на него внимание, им понравилась его «преданность свободе», красноречие, решительность, честолюбие, ненависть к царизму. Единоверцев он смущал бурным характером и опрометчивостью. Но он нашел куда приложить свои силы. Революционный комитет в Китае, как, впрочем, и повсеместно, состоял в основном из евреев. Председателем комитета, т. е. ответственным лицом, был русский, а душой – еврей: Аркус, [Б. А.] Славин, [А. Г.] Майофис и другие. Солдаты доверили Аркусу ответственнейшую должность начальника полиции. Он сменил грязную рубашку на новенькую форму и стал прогуливаться по улицам с револьвером, время от времени тыча им в нос какому-нибудь «буржую». Он арестовал немало «подозрительных», экспроприировал деньги у «капиталистов» и жил припеваючи. Но в один прекрасный день китайские солдаты разоружили две тысячи русских солдат, на которых покоилась власть Аркуса. Президент [М. Н.] Рютин, его помощники Славин, Майофис и другие сумели сбежать. Но Аркус был у всех на виду. Сердитые горожане не позволили ему спрятаться. Его арестовали и отвезли под конвоем нескольких китайских солдат в Маньчжурию, где Семенов сначала выпорол его, а потом расстрелял²⁰⁵.

Эти сведения сообщили мне члены еврейской общины вместе с ее главой, господином [А. М.] Мордуховичем. Господин Мордухович, владелец водочного завода, почтенный человек с благообразным интеллигентным лицом, жаловался мне мягким серьезным голосом на то, что много молодых евреев увлеклись идеями большевизма.

«Кровь многих наших единоверцев, которые месяц за месяцем погибают в Галиции и Польше, лежит на их совести. Мы старались уберечь их от гибельных доктрин, которые не имеют к ним никакого отношения. Все ими соблазнились, но нас заставят платить за это заблуждение дороже, чем тех, кто их соблазнил (1). Виновнее всех ренегаты, взявшие русские имена, предавшие веру своих отцов; ин-

тернационалисты, отрицающие любые связи с нами. Дела этих людей мы осуждаем».

Я сказал, что его чувства делают ему честь, но евреев, участвующих в большевистском движении в Сибири, вряд ли кто-то соблазнял, без них это движение очень скоро бы угасло. [А. М.] Краснощеков во Владивостоке, Гольдберги²⁰⁶ и Гольдштейны в Иркутске не были жертвами, они были инициаторами. И неверующих евреев-большевиков соплеменникам тоже следовало бы давным-давно простить. Синагоги в России и Сибири продолжали существовать, с еврейскими «буржуями» повсеместно обращались чрезвычайно мягко. По возвращении из-за границы они получали полноценные паспорта и имели возможность сохранить значительную часть своего состояния. Невольно напрашивается мысль, что их ценят за серьезные услуги и участие их куплено немалыми привилегиями: белогвардейцы на первой линии, а также на поле сражения среди мертвых и раненых находили только русских «дураков», поменявших начальников, но не свой характер.

Среди недовольных есть еще одна особая группа – это люди, которых по их происхождению или социальным амбициям притягивает большевизм, но они не становятся большевиками. В них живет тревожный дух несогласия, не связанный с четкой доктриной, они обречены всегда и везде находиться в оппозиции, потому что им нужно что-то из себя представлять. Сейчас это социалисты-революционеры. При большевистском режиме – а это жесткая авторитарная система – они тяготеют к либерализму, сожалея о бывшем – весьма свободном русском обществе. Но... власть фатально перемещается из одних рук в другие. И как только на улицах вновь начинают звенеть шпоры и сабли, они восстают против сословного превосходства и преимущества силы, что подогревали революцию. Бывшие политзаключенные, может быть, их потомки, нищие студенты, честолюбивые казаки ревниво приглядываются к каждому режиму, находят слабости, недостатки и набрасываются, как только он начинает гибнуть. Справедливо сказать, что Сибирь, огрызающаяся на любую власть, будь это обыкновенный полицейский или социалист-революционер, успокаивается и ладит с той властью, которая умеет за себя постоять. Программу левых социалистов-революционеров порой бывает трудно понять, но зато они служат своеобразным указателем: если критика резкая, значит, правительство слабое.

5. Мнение одного патриота

Итак, в Харбине существует группа людей, заинтересованная в том, чтобы противостоять восстановлению порядка с помощью сил

союзников. Коммерсанты, левые социалисты-революционеры, бывшие комиссары, которым удалось спастись, нашли в нем идеальное место, нейтральную территорию возле единственного пути сообщения между правительством Омска, его армиями, иностранными миссиями и базами на Тихом океане. Отсюда распространяется пропаганда против военной дисциплины, ненавистной для всех на свете революционеров. Здесь фабрикуют тысячи панических слухов, которые потом разбегаются по всей Сибири, добираясь до глухих закутков и отдаленных станиц. И ни одного умиротворяющего. Все о мятежах в новой армии, несогласии между союзниками, волнениях в провинциях. Они возбуждают население, держат его в тревоге, мешают людям, напуганным самым различным революционным опытом, почувствовать, что они вместе.

Действуя самыми разными средствами, недовольные согласны в одном: молодая Сибирская армия выше всяких похвал. Ее солдаты смелы и исполнены патриотизма, ее офицеры безупречно исполняют свой долг. Их одобрение – еще одна форма протеста против вмешательства союзников.

И напротив, партия кадетов в Маньчжурии считает, что относительный порядок, который установился в настоящее время в Сибири, вовсе не заслуга русских сил, пока еще не слишком сплоченных. Кадеты убеждены, что стоит войскам союзников удалиться, в Сибири окончательно восторжествует анархия. Таково мнение, пусть уже не влиятельной и не большой партии.

Глава партии кадетов господин [П. С.] Тищенко, мэр Харбина²⁰⁷, высказал мне свое мнение, которое я и передаю.

«Когда мы 18 июня подписали просьбу жителей Харбина к правительствам стран-союзниц прийти на помощь России, мы в первую очередь думали о Франции и Великобритании и действовали исключительно из патриотических соображений. Мы нуждались в иностранной армии, мы понимали, что ни Франция, ни Англия не претендуют на Сибирь. Самой желательной для нас была бы помощь Франции, французская политика никогда не была корыстной, и сейчас французская миссия единственная, при которой нет советников-финансистов.

Но при этом мы понимали, что в первую очередь мы можем рассчитывать на японцев и американцев. Коммерческая партия в Китае на стороне американцев, их финансисты охотнее других заключают сделки с нашими, тогда как от прихода на нашу территорию японской армии выиграет японская торговля, так как их армия будет поддерживать Семенова, а его наши коммерсанты не жалуют.

Что касается нас, патриотов чистой воды, то мы предпочитаем помощь японцев. Япония во время войны вела себя исключительно

корректно. Да, она ведет заинтересованную политику, как любая уважающая себя страна, но ее политика ясна и понятна. Вторжение американцев организовано как деловое предприятие, и оно нас пугает. Первым у нас появился Красный Крест, затем была оказана щедрая помощь одеждой, но только служащим железной дороги, которой и хотят завладеть Соединенные Штаты, а когда пришли солдаты, то они стали распространять среди населения листовки, предлагая помочь им организовать такую же, как у них, республику (не спросив, подходит она нам или нет). Их поведение внушает нам беспокойство. Национальный характер как американцев, так и японцев далек от нашего, мы не чувствуем себя комфортно ни с теми, ни с другими. Мы союзники с Англией и Францией и не только с военной точки зрения, мы люди одной культуры. Нам нечему учиться у Америки или Австралии, их культура слишком молода. Культура Японии глубока, но абсолютно не похожа на нашу. И все-таки нам кажется, что мы найдем с Японией общий язык. Наши военные настолько восхищаются японской армией, что наше поражение в 1904 г. не оставило у них горького осадка. Японские войска ведут себя повсюду безупречно. Дисциплинарные нарушения у солдат – редчайший случай, офицеры не занимаются торговлей, какую без стыда и совести ведут и русские офицеры и иностранные».

Глава II. Победы Сибирской армии

Побывав ненадолго в Чите, Иркутске и Омске, я отправился на фронт. Судьбу нового правительства могли решить только армии. Я не задерживался в штабах, зачастую плохо информированных, не ведающих о боеспособности собственных подразделений, плавающих в мистическом тумане. Оценить остановку я мог только среди солдат.

Я приехал в Челябинск, где располагался штаб Западной армии, через несколько дней после того, как была взята Уфа (13 марта). Генерал [М. В.] Ханжин, заслуженный артиллерист, и весь его штаб были исполнены радужных надежд. Прибытие союзнических миссий, распределение оружия: пулеметов (400 в одной только армии Ханжина) и пушек французской миссией, сообщение о вступлении союзнических войск, которое до этого так долго откладывалось, уверенность, что весь мир следит за событиями в Сибири, наполняли их энтузиазмом. Пока еще ни Колчак, ни его генералы не были опьянены успехом. Оптимизм*

* В настоящий момент существовали три армии: Сибирская генерала [Р.] Гайды в Екатеринбурге, Западная генерала [М. В.] Ханжина в Челябинске и армия [А. И.] Дутова.

для этой страны представляет большую опасность; беспокойство по поводу сил противника, тревога по поводу предстоящих сражений — стимулы к работе.

Бесспорно, однако, что центр тяжести этой гражданской войны находился вовсе не наверху, не в штабе армии, который невольно преувеличивал собственную значимость, им были ударные батальоны, которые при желании сражаться легко решали исход боя.

Напомню, что в это время года вся местность, где шла война, была за исключением дорог, покрыта толстым слоем снега (от трех футов до десяти). Лыжников почти не было. Значит, все передвижения происходили по дорогам и тропам. Отступление становилось невозможным, если противнику удавалось вклиниться между продвинувшимся вперед отрядом и его тылом. Мерзнущие войска думали об одном: как бы не попасть в окружение*. Армии в любую минуту готовы были сдаться, однако удачно проведенная малыми силами операция могла обернуться крупной победой.

Армия Ханжина располагала двумя замечательными «ударными» подразделениями: [4-й] Уфимской стрелковой дивизией под командованием полковника [В. Д.] Косьмина и егерской бригадой²⁰⁸ полковника [В. М.] Молчанова**. Прежде чем их задействовать, штаб Ханжина рассекретил что-то вроде военной тайны, распустив через своих шпионов по Уфе слух, что белая армия собирается окружить город и взять в плен занимающие его войска. Красным комиссарам пришлось успокаивать своих солдат даже через газету Уфы (номер от 20 февраля). Но удар они все-таки получили.

Когда дивизия Косьмина прорвала вражеский фронт в направлении Бирска, к нему присоединились два вражеских батальона, и в дальнейшем они сражались против своих бывших товарищей. Пять красных подразделений, отправленных, чтобы задержать продвижение дивизиона, были с легкостью сметены одной решительной мощной атакой. Потери были большими. Уфа эвакуировалась так беспорядочно, что гарнизон Стерлитамака не был даже предупрежден. Комиссар-еврей, отправленный в штаб в Уфе, считая себя на дороге в безопасности, был схвачен казаками и изрублен в куски. Решительное продвижение

* Военные действия совершенно изменятся, как только снег растает и фронт снова станет бескрайним.

** Этот замечательный отряд был сформирован из рабочих Ижевского завода, тех что были настроены против советской власти. Жены сопровождали мужей, во время боя подносили снаряды, потом ухаживали за ранеными. К помощи этих подразделений прибегали там, где требовалась прочная оборона, в частности, против венгров, китайцев и коммунистов.

Дивизиона Косьмина поддержал капитан Франсуа из французской миссии²⁰⁹, знакомый мне еще по Ростову.

Заметки о советской армии в Сибири

I

Каждая «дивизия»²¹⁰ состоит из 3-х бригад, в бригаде – 3 полка, в полку – 3 батальона, в батальоне – 3 роты, в роте – 3 взвода, во взводе – 3 отделения.

Каждый командир полка имеет пулеметную роту (8 пулеметов), командир батальона – пулеметную команду (6 пулеметов), командир роты пулеметный взвод (2 пулемета). Таким образом, каждый полк имеет 44 пулемета.

В роте обычно 150 человек, в полку от 1200 до 1300. В дивизии до 10 500 штыков.

В дивизии имеется также артиллерийская бригада из 3 артиллерийских дивизионов, в каждом из которых по 3 батареи с четырьмя орудиями. У каждого командира полка в распоряжении своя батарея. Командир артиллерийской бригады распоряжается только ее технической частью.

Каждый дивизион состоит из дивизиона тяжелых орудий и трех батарей с четырьмя орудиями в каждом. По правилам в каждом дивизионе есть еще 2 батареи с пушками против аэропланов и 2 авиационных отряда.

II

Войну ведет Высший революционный военный совет на трех фронтах:

Западный фронт: против поляков и латышей;

Восточный фронт: против Сибирской армии;

Южный фронт: против Украины, Дона, Деникина.

Начальник полевого штаба Генерального штаба полковник [Ф. В.] Костяев²¹¹.

III

На Сибирском²¹² фронте воюет пять армий. При каждом командующем находится член Высшего революционного военного совета с правом «вето».

Я прибавил к именам некоторых царских офицеров слово «по принуждению» (к сотрудничеству с большевиками), но не могу ругаться за точность этих сведений²¹³.

Группой армий в Сибири командует полковник [С. С.] Каменев (по принуждению); начальник штаба подполковник [А. А.] Коленковский (по принуждению), члены РВС [И. Т.] Смилга и [К. А.] Мехоношин.

3-я армия, находящаяся перед Пермью (29-я и 30-я дивизии и часть 7-й), командующий [М. М.] Лашевич, начальник штаба штабс-капитан [М. И.] Алафузо (по принуждению), член РВС казак [В. А.] Трифонов.

2-я армия, стоящая перед Красноуфимском (28-я дивизия, 5-я Уральская и часть 7-й), командующий генерал [В. И.] Шорин* (по принуждению); начальник штаба подполковник [Ф. М.] Афанасьев (по принуждению); начальник отдела боевых операций генерал [А. О.] Зундблад** (по принуждению); члены РВС профессора [П. К.] Штейнберг и [В. И.] Соловьев, оба евреи.

5-я Уфимская армия (26-я и 27-я дивизии), командующий [Ж. К.] Блюмберг (23 года), еврей²¹⁴; начальник штаба – подполковник [П. И.] Ермолин (по принуждению); члены РВС [В. Д.] Михайлов, [В. М.] Смирнов.

1-я армия – Оренбург (24-я и 1-я Пензенская дивизия), командующий прапорщик [Г. Д.] Гай, члены РВС [Р. И.] Берзин, бывший командующий 3-й армией, смещенный после поражений под Кучино и Пермью.

4-я армия – Уральск (25-я дивизия), командующий Антонов²¹⁵; члены РВС [Г. Д.] Линдов и Майолов, оба убиты казаками во время безрезультатного приступа.

Пять армий насчитывают от 120 тысяч до 140 тысяч штыков и 200 пушек.

1. Уфа

Уфа, 28 марта 1919 г.

Уфа возникает на южном берегу реки неожиданным возвышением, холмом с просторной вершиной и крутыми склонами, нарушая однообразие нескончаемых русских равнин. Если смотреть издалека. Уфа сверкает золотистыми башнями и зелеными колокольнями – монастыри, веселые разноцветные крыши и река, источник жизни для горожан – трогательный русский город, вызывающий в памяти Киев, место древнего поклонения, с его кипарисами и быстрыми водами Днепра.

Но когда поднимаешься по ступеням или по крутой тропке ближе к городу, ощущение красоты и счастья понемногу тает.

* Во время Великой войны командовал двумя бригадами на германском фронте.

** Бывший командующий армейского корпуса.

Победы Сибирской армии

Изобильная, оживленная, мило провинциальная жизнь этой, еще недавно губернской столицы оскудела: пустые улицы, разъехавшиеся в разные стороны семьи, варварство страшной гражданской войны. Встречаешь только крестьян, изредка рабочих. Остальные побежали за Красной армией.

Крепкие деревянные дома горожан, украшенные по сибирскому обычаю резьбой и ажурными наличниками, брошены на произвол судьбы. Ждешь невольно, что эта война, столь жестоко истребляющая людей, будет так же уничтожать дома пожарами и грабежом. Но следы пожаров редки. И вот чем отличается эта война от других, ей подобных: она ведется среди населения, которое становится к ней все равнодушнее и все старательнее от нее отдалается, в то время как каждая из противоборствующих партий стремится привлечь это население на свою сторону. Оставляя город, уходящие произносят громкие слова, обещают вернуться, взять его обратно и уже навсегда. Большевики, хотя и ушли из Уфы, не сомневаются, что вернут всю Сибирь, считают ее своей и ведут себя по-хозяйски.

Большевики провозглашают одно, но поступают по-другому. На протяжении двух с половиной месяцев, пока большевистский режим царил в несчастном городе, казнили примерно 1200–1300 человек. Собрать свидетельства об уничтожении мужчин, женщин и детей труда не составило.

Одна дама по фамилии Шаровкина в узком кругу выразила радость по поводу приближения Колчака. На нее тут же донесли, обвинили в «буржуазных чувствах» и в ту же ночь расстреляли.

Некий Пунтаков, подросток шестнадцати лет, подобрал прокламации, которые на скаку разбрасывали мчавшиеся мимо городского предместья казаки. Товарищи, с которыми он ими поделился, донесли на него, и революционный трибунал приговорил его к казни. Родители, плача, говорили мне, что голова их несчастного мальчика была проколота штыками.

В целях «очистки» предместий красногвардейцы разыгрывали следующую комедию: они в потемках тайком подбирались к домам, просили приютить, говоря: «Мы белые». Если хозяин говорит: «Слава Тебе, Господи!», его расстреливали.

Эти убийства не дело рук Красной армии, состоящей из мобилизованных, ими занимаются специальные отряды из иностранцев (китайцы, латыши, австро-германцы и т. д.), и действуют они по приказу комиссаров, полных ненависти к буржуазии. В Уфе особыми зверствами отличалась одна еврейка из окружения командующего Комракова. Каждое утро она являлась в тюрьму и спрашивала коммуниста тюремщика:

– Есть сегодня гуси?

Если были приговоренные, то эта молодая женщина с университетским образованием становилась, приложив к плечу винтовку, вместе с расстрельной командой.

Из моих опросов я сделал вывод о присутствии большого числа евреев среди комиссаров. В Уфе, как, впрочем, и по всей России, евреи придерживаются своей религии, даже если публично заявляют об отступничестве от веры. А среди православных считается дурным тоном признавать свою религиозность. Недоверие, даже незначительное, к комиссару еврею, а также критика в его адрес расцениваются теперь как действия «погромщика» или «черносотенца». Большевикско-еврейская пропаганда объявила эту критику преступлением, свидетельствующим о «контрреволюционном настроении», и позволила за него наказывать. Новый режим, противопоставляя себя старому, культивирует в православных ложный стыд, а в евреях укрепляет самодовольство и высокомерие. А поскольку никто в России не берет на себя защиту церкви, то религиозная жизнь лишается основы и корня. Комиссары в Уфе (да и повсюду) не работают один день в неделю, и этот день суббота. Многие официальные брошюры подписаны комиссарами-евреями и многие газетные статьи, в которых призывают красногвардейцев не позволять священникам носить крест и рясу на людях, тоже – я сам это читал лично. Но я нигде и никогда не видел обличения синагог. Никто их никогда не чернил. Погромщик, посмевший учинить в синагоге святотатство, был бы наказан смертью. Но я видел устроенные в церквях казармы, видел, как красногвардейцы вбивают гвозди в нос Христа или Девы Марии, чтобы повесить на него фуражку. В часовне епархиального училища гвардейцы учиняли бесстыдные оргии. На церкви – я забыл ее название – вместо креста водрузили пятиконечную звезду.

Я встретил нескольких высших офицеров, они и генерал, командир гарнизона, тоже поселились у евреев-лавочников и прекрасно с ними поладили. Сначала евреи проворачивали дела со своими друзьями красными, а теперь, когда от них ждут доносов на старых друзей большевиков, задержавшихся в городе, они доносят на них с похвальной поспешностью. Доносят, чтобы выжить, чтобы забыли об их прежнем сотрудничестве, чтобы нажиться на сменяющих друг друга режимах.

2. Новое подразделение армии: подводчики.

Русские прапорщики

Камышлы, 1 апреля 1919 г.

Утром в 10 часов я уехал из Уфы, один на санях. Широкая дорога на Стерлитамак круто спускалась от города к равнине, покрытой на

два-три фута снегом. Вскоре я оказался в бескрайней белой пустыне, где дул яростный ветер, от которого слабо защищали редкие деревья, что росли вдоль дороги. Редко-редко вдруг ехала мне навстречу подвода с сеном или мукой. Но на этой пустынной дороге в разгар гражданской войны я чувствовал себя в безопасности: население не враждовало. Были две армии, они сражались. Вот и все.

Поднимался ветер, недобрый хозяин неоглядных степей под Уфой и Оренбургом, известных жестокими зимами. В санях с фуражом прикорнувшие солдаты спрятали головы в сено. Крестьяне скакали мимо на лошадях без седла. Я поговорил с ними. Их мобилизовали большевики вместе с лошадьми и санями. А они, пользуясь неразберихой, бросили сани и поскакали обратно.

На обочине лежит несколько мертвецов, никто не думает их хоронить. Наши солдаты поглядывают на них с любопытством: кто знает, может, лежат бывшие товарищи по оружию, с которыми расстались, чтобы продолжать войну с чужаками, а встряли здесь в войну с братьями. Вороны расклевали раны от штыков; от головы одного из них уже мало что осталось.

В Камышлах я остановился возле командного пункта. Три подпоручика заняты отправкой боеприпасов на фронт. Каждую минуту они посылают солдата за старостой.

– Староста! Немедленно десять саней для отправки боеприпасов в Толбазы!

Старик отвечает «слушаюсь» и бежит искать сани. По мере того как подъезжают сани из тылов, а они подъезжают редко, деревенские отдают сани с лошадей и возницей, чтобы везти грузы в полк. Никто против этих поездок не возражает.

Бесплатные услуги, которые вменял в обязанность деревням царский режим, кажутся теперь пустяком по сравнению с тиранией большевиков. На деревни легли не только тяготы военной службы, они оказались в руках разнузданной солдатни. Деревня больше всего обрадовалась принесенному революцией освобождению от воинской повинности. Большевики вернули молодежь к сельскохозяйственным работам, а потом забрали не только молодежь, но мобилизовали еще отцов семейств и прихватили стариков в качестве возчиков. Их отрывают от очага, посылают зачастую в другие губернии, подставляют под огонь противника.

Сибирская армия действует умнее, и обоз, который она использует, уникален в анналах военной истории. «Подводчики» от «подвода», транспортное средство, везут необходимый груз до ближайшей деревни – обычно на расстояние 20–25 километров, а затем возвращаются к себе, передав его другим крестьянам, те везут его дальше.

На дорогах постоянное движение саней: к фронту идут нагруженные, обратно в деревню налегке.

После года полной свободы, а затем второго с жестокой тиранией, отягощенной воровством и всякого рода притеснениями, крестьянин рад порядку Сибирской армии, при котором он уезжает из дома всего на день или на два, не разлучается со своей лошадью, оставаясь ее полным хозяином, и получает пусть небольшую, но все-таки плату (5 рублей в день).

Военные тоже довольны: они без труда находят сани для поэтапной службы, и в их распоряжении всегда свежие лошади.

К вечеру мало ветра, повалил еще и снег. Снежные вихри слепили людей и лошадей. Я предпочел остаться ночевать у молоденьких прапорщиков, они были студентами, их мобилизовало Омское правительство после того, как они успели повоевать на другом фронте против национального врага.

Как большинство их товарищей, они из средней и мелкой буржуазии, и на эту войну отправились без большой охоты. Они далеки от жертвенности добровольцев и не собираются вступать с ними в соревнование. Именно в таких офицерах нуждается новая Россия, в добровольческих отрядах мало представителей «интеллигенции». Вынужденно попав на военную службу, молодые буржуа не противятся и добросовестно принимаются исполнять свои обязанности. Они участвуют в войне надежными пешками, каковыми и являются. Без большого опыта, но старательно исполняют работу, которую поручают им их язвительные нетерпеливые начальники.

Офицер старого режима раздражает пришедшего служить солдата жесткостью, недоступностью и обращением всегда свысока. Эти прапорщики обращаются с такими же, как они, молодыми солдатами доброжелательно, что не уменьшает авторитета.

Молодые офицеры одеты бедно, чуть ли не в лохмотья, лишены всех удобств, какие в изобилии в тылу. Здесь не увидишь красивой формы – плащей, ярких доломанов, киверов, богато украшенных сабель, как в Омске, Иркутске, Чите, Харбине, Владивостоке, где царские офицеры, объявившие, что революция их разорила, поражают и эпатажируют общество расточительностью. Здесь, в действующей армии, нет ни табака, ни сахара, ни кофе, нет даже муки, хотя все это имеется в интендантстве армейского корпуса и армии. Провиантом пользуются тылы, где не слышно грохота пушек.

Мои молодые друзья – старшему двадцать лет – живут и в своей новой жизни домашними привычками. Один из них прекрасно играет на виолончели. Я отыскал у одного из местных жителей старенькую скрипку, и мы устроили концерт, пока за стеной завывала метель. Возле окон, дверей, у печки и старого могучего шкафа появи-

лись лица солдат, крестьян, улыбающихся татарок – все в удивлении от встречи с [И. С.] Бахом и [А.] Корелли. Я играл, а маленький теле-нок с мягкой настойчивостью тыкался в мои ботинки, гусь пытался склевать с них застёжки. И вот в этой классической для Рождества атмосфере скрипка и виолончель выводили итальянские адажио и протяжные славянские мелодии.

3. Военные сюрпризы

Бекетово, 2 апреля 1919 г.

Метель продолжается и сегодня. Ветер яростно гонит черные тучи в белой замяти²¹⁶. Мне привели лошадей, и я вместе с ординарцем и санями с чемоданами погружаюсь в снежную вьюгу. На широкой, обсаженной вековыми березами дороге от Уфы к Стерлитамаку выбита одна колея, и ею поочередно на протяжении долгих месяцев пользуются то красные, то белые. Я хочу объехать едва ползущих подводчиков, и моя лошадь утопает в снегу по колено, под тонкой корочкой он мягкий.

Проехав 16 километров, останавливаюсь в Бекетово отдохнуть. Нас гостеприимно принимает у себя священник, ставит самовар, угощает хлебом. У него я встречаю знакомого артиллериста С., неделю тому назад он оставил большевикам свои пушки. Вот его рассказ.

«Командующий 5-й советской армией, желая исправить впечатление после взятия Сибирской армией Уфы, собрал перед Уфой весьма значительные силы: 8000 штыков, 120 пулеметов и 21 пушку. 3-й интернациональный полк и 3-й советский ударный полк тоже были там и должны были в три дня вернуть Уфу красным.

27 марта в Бекетове расположились два батальона 45-го Сибирского [стрелкового] полка. Враг мог появиться с любой стороны в этой войне без фронтов. Маленький гарнизон поместил свои две пушки вместе с пулеметами на верхушке холма, выкопал траншеи на западе, юге и востоке и расставил в соседних балках дозорных.

Зная о том, что противник приближается, гарнизон не спал всю ночь, но на рассвете, когда пал густой туман, все с удивительной беззаботностью заснуло. В 6 часов красные без единого выстрела вошли в деревню. Командира одного батальона убили прямо в постели, второй был тяжело ранен. Артиллеристы выстрелили три раза по наитию. Поручик С. пытался снять замки со своих пушек, но красные пошли в штыковую атаку. Туман, позволивший большевикам устроить белым сюрприз, теперь дал возможность скрыться горстке солдат и офицеров».

Крестьянин, который привез меня, рассказал, что тяжело раненого в грудь поручика Ложкина принесли к нему в дом, бросили на

пол и всячески оскорбляли. Когда он попросил пить, кто-то из солдат влил ему в рот кипяток. Офицер страшно закричал. О дальнейшей его судьбе никто ничего мне сказать не мог.

4. Латышский генерал. Латыши во время революции. Война батальонов

Бузовьязы, 2 апреля 1919 г.

После полудня немного прояснилось, но вскоре горизонт снова исчез. Метель замела с новой силой. Казаки меня обогнали, встали на стременах, пригнулись и пристально высматривали чаемое жильё. Я обогнал сани и удивился безразличным неподвижным лицам крестьян и солдат.

В сумерках я добрался до татарской деревни Бузовьязы, горсточки маленьких домишек, в беспорядке разбросанных вокруг мечети и мусульманской школы. Генерал [Р. Г.] Бангерский, командир 12-й [Уральской стрелковой] дивизии, принял меня в небольшой комнатке, в школе.

Генерал-латыш высокого роста, из простых. У него еще три брата, солдаты русской армии, двое из них убиты на войне. Начальное образование он получил у себя в деревне на балтийском побережье, потом сумел закончить Академию Генерального штаба в Петрограде, вышел в числе первых. Не будучи аристократом, продолжал свою карьеру в действующей армии, где его уважали за храбрость и хорошее обращение с солдатами, с которыми он делил опасности и лишения боевой жизни.

Популярность предназначила ему роль рупора, и в ноябре 1918 г. в Перми во время банкета фронт его устами попросил военного министра Колчака объявить себя диктатором и положить конец анархии, изнуряющей Сибирь²¹⁷. Военной диктатуры потребовали не монархисты, ее хотели офицеры, ратуя за порядок. Колчак не сразу ответил на тост республиканца Бангерского, но армия была против социалистически-революционных доктрин, как и положено любой здоровой армии, что и решило дело. Желание переворота шло от низов*.

* Поведение латышских полков во время второй революции удивило как русских, так и иностранцев. Объяснение следующее: царский режим никогда не призывал в армию латышей, зная их антирусские настроения. В 1915 г. капитан Бангерский предложил использовать ненависть латышей к немцам. Латыши с трудом терпели давнее ярмо балтийских баронов. Эти умные и жестокие крестьяне не забывали фактов, поданных следующему: во время революции 1905 г. помещик-немец убил 45 крестьян-латышей, которые пришли к нему, а русская полиция защитила убийцу от мести.

Капитан Бангерский предложил собрать в отряды латышей, которые уже были в армии и состояли на медицинской службе, на телеграфе, в штабах и т. д. Ставки при-

Сибирская война велась немалыми силами – от 140 000 до 150 000 у красных – на фронте протяженностью около 900 километров, так что о непрерывной линии фронта не могло быть и речи. Зима здесь длится по шесть месяцев, бескрайние равнины становятся сугробами высотой в два-три фута, а в низинах до двенадцати. Леса недоступны. Поэтому все военные действия вынужденно сосредоточились вдоль дорог. И продвижения вперед и отступления – если только речь не идет о небольших отрядах лыжников – происходят исключительно по дорогам и тропам, которые не может покинуть кавалерия.

Война, загнанная в эти жесткие границы, приобретает крайне своеобразный характер. Противники сталкиваются на дорогах, защита которых относительно нетрудна. Задача всякий раз состоит в том, чтобы окружить отряд противника и его изолировать. Окруженные брались за штыки, чтобы прорваться, в редчайших случаях.

Все сидят по занятым деревням. Боевая колонна отправляется по тропе, собираясь зайти в тыл вражеского гарнизона. Противник, по-

нял его предложение. К июлю 1916 г. было организовано 8 полков (составляли Латышскую стрелковую дивизию. – *Примеч. сост.*), первым из них командовал Бангерский, вторым – полковник [И. И.] Вацетис, его соперник, тоже с дипломом академии. Вацетис хотел сформировать из латышей полки, дивизии и в конечном счете армейский корпус. Бангерский считал возможным ограничиться ударными батальонами и использовать отменные боевые качества этих национально ненадежных людей лишь в небольших рискованных операциях. Немцы платили латышам такой же ненавистью, друг друга они не щадили.

После подписания Брест-Литовского мира перед латышами возник выбор: сдаться немецкой армии или отступить вместе с разложившейся русской. Немецкая армия уже приняла сторону балтийских баронов и обрушила кровавые репрессии на латышских крестьян. Батальоны, сформированные Бангерским, последовали за красными и мало-помалу поддались большевистской пропаганде, большевики обещали им возвращение на родину, засыпали деньгами и привилегиями.

Вацетис проявил во время революции большую гибкость. Когда к власти пришел Керенский, он служил ему, с октября 1917 г. предложил свои услуги Троцкому и стал его правой рукой. Быстрая организация советских армий – его заслуга. Справедливости ради надо добавить, что большинство офицеров-латышей не последовали его примеру. В контрреволюционном движении в Москве в июне 1918 г. участвовали 1825 русских офицеров и 400 латышских, не пошедших на поводу у своих солдат. До московского революционера, знаменитого великана [Н. И.] Муралова, дошли об этом слухи, ему удалось арестовать 125 из них, и они были расстреляны.

На протяжении долгого времени латышские подразделения были единственной поддержкой московских комиссаров, и, что любопытно: латыши восвали с немцами в Риге, но были их союзниками в Москве, что не давало им никаких преимуществ при возвращении в Ригу.

Я встречался с латышами дважды. Впервые в Тихорецкой на Кавказе в апреле 1918 г., куда их отправил Вацетис, чтобы покончить с корниловцами. Они произвели хорошее впечатление среди расхристанных большевистских вояк. Второй раз в мае того же года в Кремле, где эти красивые парни меня арестовали. Они вели себя по-хозяйски под благосклонным взглядом комиссаров, творили, что хотели под предлогом охраны покоя Троцкого.

чувствовав опасность, отправляет свою колонну по перпендикулярной тропе, чтобы отрезать противнику путь назад. И первая колонна вынуждена вернуться.

Иногда две мощные вражеские колонны подходят с двух противоположных сторон и берут базовую точку противника. Когда они возвращаются с победой к себе, их встречают салютом. Так 46-й Сибирский полк занял Терегулово, а 231-й советский – Адзитарово.

Атаки кончаются успехом только в том случае, если ведутся быстро и с воодушевлением. Можно себе представить, как комична и гибельна подобного рода война в стране, где флегма и упрямство тормозят любое действие.

5. Башкиры соблюдают нейтралитет.

Пролетарская армия на автомобилях.

Только враг нас накормит

Толбазы, 3 апреля

Ночуя у директора татарской школы в деревне Бузовьязы, я долго беседовал с ним, пытаюсь побриться без зеркала, вода бритвой вслепую по щекам, что вызывало сочувственные и насмешливые «ахи» и «охи» у женщин и детей, столпившихся у двери.

Глава семейства меня уверил, что мусульмане рады уходу красных и нашему приходу, но они не хотят принимать активного участия в гражданской войне. Они другой расы, аванпост Монголии и Кавказа, им неинтересны распри русских. Вообще-то, они крестьяне и мало похожи на своих собратьев, кавказских горцев, хотя и сохранили память о воинственности предков, совершавших набеги.

Люди они подвижные, но не мощные, смуглые, с живыми глазами, очень привязанные к своей религии и укладу. Основное их желание мирно жить в кругу своей общины. Женщины, некрасивые, ходят с открытыми лицами, держатся скромно и с достоинством, Дома, за исключением домов священника и директора школы, бедные, неухоженные. Мы оказались среди побежденного народа, отброшенного на задворки христианской цивилизации.

Еще деревенские жители сказали, что красные принудили их выполнять их требования. Но и мы не можем говорить с ними мягче, а то они запрягут свои скудные запасы подальше, и мы вообще ничего от них не получим. Стало быть, нужно повышать голос и трясти их, потому что они подчиняются только силе, а наши тылы ничего нам не присылают.

Мы уезжаем рано утром. Генерал Бангерский, его адъютант и я укладываемся в плетеную ивовую корзину на полозьях – обычный

для здешних мест зимний вид транспорта. Нас сопровождают казаки на случай вполне возможной кавалерийской атаки.

Старинный тракт, ведущий от Уфы до Стерлитамака, — единственная дорога, по которой движутся в обе стороны все сани и все артиллерии, вражеские и дружеские. Он похож на вздыбленное бурей море, чьи буруны заморозил мороз. Лошади с трудом тянут наши сани через рвы, глубиной иной раз больше метра, эти рвы пересекают дорогу и встречаются нам через каждые десять-двенадцать километров.

Ветер улегся. Рассеивается туман, и тусклое зимнее солнце окрашивает красным старые березы, что растут вдоль дороги. При нашем приближении с равнины, где лежат окровавленные люди и лошади, поднимаются тучи воронья. Их клювов избегли редкие мертвецы, что лежат у самой обочины, шум дороги отпугивает ворон, и они лежат, белые и твердые, как камни. Мертвых не хоронят. Хотя я не раз замечал солдат, которые останавливают сани и, молча, их рассматривают. Для них это трупы врагов.

Мы остановились в Толбазах переночевать. Путешествуем мы благополучно, но небезопасно.

Враг отступает по тракту, забирая из близлежащих деревень свои гарнизоны. Черда саней длиной в несколько десятков километров^{*} тянется в панике к югу. Наша 12-я дивизия и 45-й полк преследуют их на тракте, а другие, справа и слева, грозят окружением. Полки 41-й и 46-й обогнали 45-й километров на десять и взяли врукопашную деревни, которые им были указаны. Однако из-за нашего быстрого продвижения мы потеряли связь с соседом слева. А отступающие красные могут сыграть с нами дурную штуку: зайти по поперечной дороге нам в спину. Дорога эта, но не вся целиком, под контролем нашего 47-го полка, который потерял четверть своего состава в недавних сражениях.

Но мы надеемся, что войска, отъезжающие на санях с таким количеством добра, заняты в первую очередь своим спасением. Красную дивизию, отступающую по дороге, ведущей от Архангельского завода на Стерлитамак, преследует 3-я бригада оренбургских казаков, действующая на востоке. Но на казаков можно рассчитывать только тогда, когда они чувствуют полное поражение противника.

* Да, красные солдаты, пролетарии и коммунисты избавляли себя от тягот пешего пути, путешествуя на крестьянских санях. Сани рассчитаны на 4 человека, значит для полка в 1400 штыков нужно 450 саней и еще, по меньшей мере, 650 для всякого рода провианта и боеприпасов. Каждый полк, стало быть, представлял из себя процессию примерно из 1100 транспортных средств и занимал единственную доступную дорогу на добрый десяток километров, а то и больше. Наши солдаты — и офицеры тоже — шли пешком и выигрывали в скорости.

Красных, отступающих без значительных потерь, нельзя считать побежденными.

Я ночую у татар вместе с тремя офицерами-артиллеристами, которые участвовали в Великой войне. Изучив в комнате кровати и диваны, кишасшие насекомыми, мы легли на соломе. Среди ночи раздался телефонный звонок. Полковник Шлезинский схватил трубку и узнал, что две тяжелых батареи и две легких (у каждой по два орудия) стоят под яростным огнем противника. Батареи получили приказ обстреливать позиции противника на рассвете и просят немедленной поддержки боеприпасами. У тяжелых батарей – у одной 35 снарядов, у другой 40; у легких соответственно 5 и 10. Полковник в ярости от бессилия кричит в телефон: «Исполняйте приказ командира корпуса! Мне нечего вам послать! Соблюдайте строжайшую экономию! Завтра получите боеприпасы у противника!»

Повесив трубку, тут же отправляет телефонограмму в корпус: «Предлагаю немедленно отозвать батареи с фронта. Они в опасности. Вот уже много дней не поступают боеприпасы».

Беда в том, что наши боеприпасы вот уже неделю находятся в Чесноковке, но нет саней, чтобы их к нам переправить. В Уфе, где разместился генерал, начальник артиллерии 4-го армейского корпуса²¹⁸, ответственный за снабжение фронта, саней в избытке, но куда веселее ходить по ресторанам с нестрогими красотками и вести образ жизни, достойный дворянина, а не скучать в деревне с дикарями, где к тому же чертовски холодно и опасно.

Мои мужественные товарищи, полковники Шлезинский и [Л. Х.] Бек-Мамедов²¹⁹, жалуются только на недостаток снарядов, но я вижу, что сюда почти не поступает и другое: мука, например, или кофе, сахар, табак, которые хотя бы как-то помогают скрасить фронтную жизнь. А они себя утешают:

– Сумеет прогнать врага быстрее, вернем награбленное.

И я начинаю понимать, что эту лишенную тылов армию двигает вперед не только энергия военачальников и доблесть солдат, но и потребность в пище.

6. Солдаты-сибиряки. Стерлитамак

Стерлитамак, 4 апреля 1919 г.

Снег все падает крупными хлопьями и в этот серый темный день. Верховые, крестьяне-татары, солдаты-сибиряки, сани и пушки на полозьях – дорога движется и рябит перед глазами, словно бегущая, играющая вода.

Примерно в 6 километрах от города я встретил командира полка, он жестикулировал в группе офицеров под столетними березами, что

растут возле знаменитого тракта. 45-й один следует по дороге. Справа грохочут пушки: красные не сдают дорогу на Самару, которую хотят у них отнять. Слева тишина. Разведка, отправленная, чтобы наладить связь с 47-м, вернулась ни с чем. Впереди нас, на этой же самой дороге, которую не может покинуть враг, войска, которые приходится теснить, если они не теснятся сами: этой ночью мы идем на Стерлитамак.

Я присматриваюсь к солдатам, теснящимся вокруг нас. Мальчишки лет 18–20, в которых революция не искоренила еще умения повиноваться. За эти четыре дня плохо одетые, полуголодные они прошли тяжелый путь по глубокому снегу, попадая по два-три раза на день под огонь и имея ночью не больше трех часов на сон. Я вижу в толпе худых подростков с закрывающимися от усталости глазами, детей, вызывающих жалость, у них нет утешения, что они здесь по своей доброй воле. Но они из той породы, что притерпелась ко всем тяготам жизни, даже к холодам, которых никакой другой солдат в мире не смог бы терпеть целых полгода подряд. Их еще детьми готовили к тому, что в одиночку с топором в руке они будут обороняться от голодных волков и медведей. Обучать, приноравливать этих юных солдат к тяготам армейской жизни нет времени, их сразу ставят против многочисленной и хорошо снабжаемой армии. Тыл жирует за их счет, воруя у них сапоги и одеяла, оставляя без медикаментов и оружия, без боеприпасов и хоть каких-то удобств, какие облегчают жизнь солдатам других армий.

Дух этих солдат поддерживает дисциплина, которую я нахожу великолепной, ими командуют доброжелательные молодые офицеры, которые их понимают. Все они из среды, которую смертельно страшит большевистский режим, в деревнях их встречают как спасителей. Их поддерживают победы и свидетельства о беспорядках в стане красных, а еще чувство товарищества и военной гордости, что уже! – стало душой полка. Они младшие братья тех русских солдат, которых посылали в огонь в 1914 и 1915 гг. без винтовок и без артподготовки и которых косили немецкие пулеметы, тех храбрецов, какие поразили чужеземца²²⁰ своей кротостью и воодушевлением, тех несравненных русских солдат, каких история больше не увидит.

Два батальона 45-го остаются на местах; первый, которым командует штабс-капитан Седич, продвигается вперед, и я иду вместе с ним. Седич строит свои 200 человек (в некоторых ротах всего 43 солдата) в две линии перпендикулярно дороге. Кое-кто из солдат начинает рыть в твердом снегу траншеи, но приходится их выгонять оттуда, потому что мы идем в атаку. 8 часов. Мокрый снег летит в лицо, но вокруг становится светлее. Вскоре нам кажется, что на горизонте мы видим город, он темнеет между белым снегом и серым небом. Издали

доносится вой, в минуты тишины он кажется долгой пронзительной жалобой. Вполне возможно, где-то там едет поезд красных.

На горизонте слева вспыхивает красная точка и становится все больше: горит дом. На фоне освещенных пожаром туч мы различаем стройный силуэт минарета, потом собора. Вдалеке скачут несколько всадников, черные на фоне красного, вот они скачут обратно, и сразу же застрочили пулеметы.

Впереди нас палят из винтовок. Наши солдаты снова замерли, их нужно подтолкнуть вперед. Подбежал разведчик и сообщил, что вражеская траншея перед нами в 500 метрах. У солдат иногда не выдерживают нервы, и они стреляют в никуда. Приходится призывать их к порядку и тишине.

Мы отчетливо слышим девять ударов с городской колокольни. И тут же вспыхивает новый пожар рядом с первым, а потом фейерверк: разрывные снаряды, длинные светящиеся параболы с одного конца неба на другой, и в их свете на покрасневшем снегу двойная цепь черных силуэтов – солдаты. Вскоре мы наблюдаем целую серию мощных взрывов. Значит, красные отступают всерьез, если подрывают склады с боеприпасами.

Из вражеских траншей раздаются крики. Сначала имена или слова, которых мы не различаем, а потом сильный голос отчетливо кричит:

– Третий батальон к дороге!

Теперь мы ждем яростной атаки венгров и китайцев на тракте, мы знаем, что они стоят против нас (неопытные давно бы уж открыли огонь). Мы наводим наши три пулемета на дорогу, но снова воцаряется тишина.

Я добираюсь до разведчиков, они на 100 метров впереди расположились по обеим сторонам дороги. Там же в полумраке двигаются неясные фигуры. Нужна уверенность. Я посылаю вперед двух прапорщиков вместе с их 17 солдатами. Через три минуты: во вражеских траншеях никого. Через десять минут: первые дома. Опрос жителей: они сообщают, что красные только что ушли.

В полукилометре от собора движущиеся фигурки: беглецы. Сначала предупреждаем, потом стреляем. Преследуем ближайшие тени, юркнувшие во двор дома. Вбегаем туда с револьверами наготове, но те уже перемахнули через забор. Какое уж тут преследование...

Наши солдаты группами по два-три человека обшаривают дома, разыскивая спрятавшихся большевиков, и вдруг позади нас выстрелы. Это первый батальон наконец вошел в город и принял нас за врагов. Мы обрушиваем на них весь свой военный лексикон: «Свиньи, сволочи, идиоты! Не смейте палить по своим!».

Десять ударов колокола с колокольни. Скачущий галопом отряд прискакали казаки «преследовать» врага. Значит, новость, что мы вошли в город, добралась и до арьергарда. Повернули за угол и с радостью увидели темную громаду старинного собора. Как он смотрится на белом снегу! Стерлитамак наш!

7. Горожане. «Предатель»

Стерлитамак, 5 апреля 1919 г.

Когда я утром вышел на улицу, она вся была запружена народом. Буржуа и пролетарии, рабочие и крестьяне, русские, татары, башкиры, христиане и мусульмане, мужчины, женщины, дети в радостном возбуждении толпились возле наших солдат и казаков.

Привыкнув к выстрелам и нескончаемому перемещению войск, они спали, крепко запершись по домам, не ожидая, что их сон с утра пораньше потревожит наша армия. Увидев идеальный порядок входящего войска, погоны офицеров и красные лампы казаков, народ обомлел от изумления. Никто не кричал от радости, не пел и не танцевал на улицах – такого у русских не бывает, но горожане, похоже, вздохнули полной грудью. С утра до ночи они толпились на улицах, заговаривали с нашими, слушали их музыку, заходили в церкви, молились. Дома сидели только больные и увечные.

Большевистские мечты осуществлялись как группами товарищей, так и каждым товарищем индивидуально. Солдаты забирали у прохожих пальто, если они им вдруг понравились. Коммунисты входили в женские спальни и требовали себе места на кровати или кровать всю целиком. Днем и ночью могли войти в дом с оружием в руках и унести все, что вздумается. Сопротивление оборачивалось для «контрреволюционера» арестом, а когда инцидент был исчерпан, то он возвращался в пустой дом. Надо еще учесть, что эти «меры» относились вовсе не к одним «буржуям». Грабили всех подряд, забирали утварь у бедных, и они, перепуганные, отдавали последнее.

Перед домом, где расположился командир 45-го полка, собралась толпа крестьян, татарских и русских, вид у них жалкий, одежда рваная. Они кричат, плачут. Жалуются, что красные отобрали у них последнюю лошадь, последнюю корову. Это люди, полностью исцеленные от большевизма за те несколько дней, что мы здесь пробудем...

Не обошлось и без забавного. Госпожа N, пианистка, рассказала мне, что красные комиссары, как только вошли в Стерлитамак, решили, что солдаты должны пользоваться плодами культуры, которые присвоила себе буржуазия. Госпожа N и ее коллега, обе закончили Петроградскую консерваторию, были «национализированы», чтобы давать публичные уроки игры на фортепьяно товарищам. В зал

привести около сорока пианино. Обеих дам посадили у роялей на эстраде, и они должны были делиться тайнами музыки с сотней желающих, столпившихся возле инструментов в зале. Бедные пролетарии узнали одно: радости цивилизации доступны лишь благодаря калокатии²²¹, а брошенное в толпу чистое золото превращается в тусклые досадные медяшки. После двух уроков они поняли, что не смогут сыграть ни фокстрот, ни тустеп (музыкальные вершины для простолюдинов) и недовольные разошлись.

Стерлитамак, 7 апреля 1919 г.

Позавчера к генералу Бангерскому явились человек двадцать офицеров, служивших красным, и попросили принять их. Подобного рода людей можно разделить на три группы.

Первая — авантюристы, в данном случае это чех, скользкая личность, был шпионом у генерала [А. И.] Дутова и одновременно шпионом у большевиков (заявил, что хотел как можно лучше служить нашим), предлагает работать у нас в штабе. Умоляет не отправлять его в Омск, где его могут расстрелять соотечественники.

Вторая — люди, подчинившиеся обстоятельствам. Пятнадцать офицеров из Башкирского полка, преданные своими солдатами, окруженные коммунистами, были вынуждены вместе со своими солдатами служить красным. Их принимают после короткого допроса.

Последняя группа вызывает у наших офицеров разногласия. Например, к нам попал поручик царской армии, исполнявший обязанности начальника штаба 20-й Пензенской дивизии. Я раза три встречал его в кабинетах и коридорах 12-й дивизии. Он говорил с нами с рассеянным видом, принял от меня сигареты, но чувствовалось, что между нами пролегла пропасть. Он отказался дать сведения о Красной армии и проявил неприязнь даже к тем, кто готов был простить ему «измену». В яростных спорах относительно судьбы этого человека, одни и те же факты подтверждали противоположные мнения. Для одних его отказ сообщить планы красных свидетельствовал о воинской чести, для других — о солидарности с армией, которая с варварской свирепостью обходилась с нашими офицерами, его бывшими товарищами. В целом добровольцы, служившие в царской армии, требовали его смерти. Не соглашались старики, которых жизнь научила прощать человеческие слабости и у которых в России, возможно, остались сыновья.

Этой ночью поручика расстреляли. Члены Верховного военного революционного комитета вынудили его поставить свою подпись под декретом, обрекающим на смерть часть гражданского населения. Расстрельную команду возглавлял один из моих друзей, молодой отважный офицер, приятный молчаливый человек, разоренный

революцией. Его отца красные убили и плохо обошлись с сестрами. Он попросил генерала Бангерского оказать ему милость, дав возможность командовать огнем, направленным против приговоренных «предателей». Мы с ним были в теплых дружеских отношениях, при встречах всегда обменивались рукопожатием. Он был интересным собеседником, но когда я его спросил об «экзекуции», он загадочно улыбнулся и промолчал.

8. Омский оптимизм

Стерлитамак, 8 апреля 1919 г.

Генерал Бангерский только что получил копии новых распоряжений для армии. Довольный Омск не сомневается, что столь же благополучна вся вселенная, он приказывает без промедления продолжать операцию. Мы возьмем Казань, Самару и пойдем на Москву. Наши войска будут делать по 30 верст в день под огнем противника...²²² И, разумеется, горячий оптимизм тылов, патриотизм «из кустов» мало влияют на интендантские службы. Не доставляется мука, снаряжение, сапоги, одеяла, винтовки. Таяние снегов увеличило реки, маленькие разливаются в ширину на версту или две. Пулеметный огонь над бескрайними полями грязи деморализовал бы любых солдат мира, полуголодных и полураздетых, но наши держатся на энтузиазме. В ротах в среднем не больше сорока человек добровольцев, совсем юные обессилены. Комплектовать подразделения предполагается на марше. Полковое начальство умоляет дать людям отдых, экипировать их, дать время на сплочение. Но в Омске военные и штатские соревнуются только в тостах, восхваляя достоинства несчастного русского солдата, который сам выпутается из всех бед, поддерживаемый лишь благодарностью тыла.

Между тем красные, отступающие, но не побежденные, начали оказывать сопротивление. Заметили это оренбургские казаки, отправленные их преследовать. Солдаты красных ни в чем не нуждаются, мы видим это по провианту, который они нам оставляют. И у них есть класс, которого нам недостает, он именуется «коммунисты». Коммунисты одержимы яростным фанатизмом и занимают все посты. Они вновь внедряют дисциплину. Снизу доверху соблюдают строгое подчинение, вернув это драгоценное достояние старого режима. Подчиняются людям, несущим смерть, людям-хозяевам.

Глава III. Стратегическое отступление

1. Эвакуация Уфы

Туркан (западная часть Уфы), 29 мая 1919 г.

Отступление Западной армии по линии реки Белая решено. Оснований много. Два месяца сказочных успехов воспламенили Омск и Ставку, и они решили продолжать наступление, не обращая внимания на мнение фронтовых штабов. Между тем войска изнурены и потеряли до двух третей действующего состава*. Во многих полках оставалось от 700 до 800 человек, в некоторых ротах по 40–50 солдат. Таяние снегов невероятно увеличило реки, так что обороняться стало очень легко. Враг готов был противопоставить нам свои прекрасно организованные ударные батальоны, воспламененные резкими речами пророка Троцкого. Наши солдаты, плохо экипированные и полуголодные, должны были делать по 30 верст в день и – чтобы не задержать победный марш на Самару – комплектоваться и сплываться на ходу.

К неизбежным нестыковкам и неурядицам теперь прибавились еще и предательства. К нашей армии, состоящей из мобилизованных крестьян Уфимской, Пермской и Акмолинской губерний, которым незачем было переходить на сторону врага, прибавились украинцы, одетые в новенькую английскую форму. Вместо того чтобы рассеять их среди сибиряков, из них организовали отдельные отряды. Возможно, для того чтобы облегчить им предательство. Им поручали боевые действия на железной дороге, очевидно, внедряя в них идею о сдаче и возвращении на родину. Большевицкая пропаганда не замедлила этим воспользоваться. Под Бугурусланом украинский полк, любимец генерала [В. О.] Каппеля и английской миссии, уничтожил офицеров (говорят, около 200 человек) и единодушно присоединился к атакующим красным, оголив таким образом фронт²²³.

Черета мелких неудач по всей протяженности фронта говорит о том, что не стоит надеяться на быстрый успех. *Мгновенно* занять правый берег Белой будет невозможно, и в глазах усталых подавленных солдат эта крупная операция воспримется как новая неудача.

Тысячи вагонов с боеприпасами и провиантом, артиллерия трех армейских корпусов, выдвинутая вперед ввиду похода на Самару, теперь собраны в одном месте перед плохо обороняемым фронтом. Отступление несколько подавленной армии перед гораздо лучше снабжаемым противником сосредоточивается на участке желез-

* Убитыми, ранеными, взятыми в плен и дезертирами.

ной дороге от Чишмы (пункт, где соединяются линии, ведущие от Симбирска и от Самары) через мост через Дёму к Уфе.

Местность между Белым и сегодняшним фронтом уже обречена быть оставленной, туда понемногу перемещается враг, на нее постоянно совершает набеги красная кавалерия, и наши войска, такие разношерстные, едва сопротивляются постоянному напору вражеских войск.

В этой зоне вдоль железной дороги сторожевые посты, расположившись под открытым небом возле станций и полустанков, следят за подступами к полотну. С заходом солнца в степи и в лесах зажигаются большие костры.

Во время нескончаемо долгих вечеров солдаты, лежа или сидя вокруг костра, предаются отрадным воспоминаниям о городской жизни, слушают песни или смотрят танцы, которые иной раз с изумительным мастерством исполняют местные умельцы. Отъезды и приезды разведчиков, смена часовых на аванпостах проходят незамеченными среди беззаботного веселья, составляющего удивительный контраст с бедственным положением нашей армии.

Мой вагон движется навстречу основному движению поездов, направляющихся на восток, и за последние сутки почти не продвинулся. В Туркане остановился окончательно.

Этим утром командование приказало отвести все поезда на станциях и полустанках на боковые пути, и по основному загрохотал тяжелый и грозный бронированный поезд, везущий на своих платформах пулеметы на фронт.

И я с двенадцати часов не могу тронуться с места, застрял на полустанке Туркан в 6 километрах от Чишмы. Поблизости слышны выстрелы из винтовок. Наши аванпосты отгоняют вражескую кавалерийскую разведку. Красные предпринимают усилия, чтобы перерезать путь между Чишмой и Уфой, где скопилось около тысячи вагонов. Я, боясь потерять свой вагон, постарался прицепить его к первому поезду в сторону Уфы.

2. Оптимистичное отступление

Уфа, 20 мая 1919 г.

Артиллерия отступает по плохим дорогам с излишней, пожалуй, поспешностью. Тяжелые транспортные колонны во главе с мощными отрядами кавалерии ищут новые позиции в тылу, которые в скором времени тоже будут оставлены, так как не имеют опоры в пехоте.

Штабы отсылают поезда в тыл, оставляя себе в качестве транспорта автомобили и верховых лошадей. Едут вагоны штабные, вагоны са-

нитарные, интендантские, с людьми, с военными мастерскими, едут платформы с понтонами и пушками, подводами и санями и разными другими транспортными средствами. Составы с невероятной медлительностью движутся по направлению к Уфе по дороге, которую прокладывали вовсе не из стратегических соображений. Остановки возникают у Дёмы, перед большим мостом через Белую и в самой Уфе. Но беспорядок только кажущийся: поезда из 70, а то из 75 вагонов, замедляющие ход на каждой станции и ползущие со скоростью 2 километра в час, все-таки передвигаются в безопасную зону.

Отступая, наша армия разрушает небольшие мосты, чтобы помешать вражеским броневикам. В случае необходимости она пожертвует даже большим мостом через Дёму. И это варварское деяние после одиннадцати месяцев борьбы, в которой ни ожесточение, ни отчаяние не доходило до мысли о невозможности реванша, станет признанием непоправимого поражения.

Аша-Балашовская, 1 июня

Оставив свой вагон в безопасном месте, я снова поехал на фронт. Гражданским и военным чиновникам трудно было понять, как можно при отступлении ехать в противоположную сторону. А я сел в теплушку вместе с десятью офицерами и двадцатью солдатами и получил возможность смотреть и наблюдать.

Надежды, еще месяц назад только радужные, и теперешнее отступление составляют такой контраст, что поползли самые невероятные слухи, к ним стали прислушиваться даже высшие офицеры, а проверять их трудно, так как связи между штабами нет вот уже несколько дней, она прервалась и пока еще не восстановлена. Между тем люди верят, что наше отступление – часть генерального плана, что армия [Р.] Гайды уже в 120 километрах от Казани и возьмет вот-вот этот последний редут большевизма, что бегство красных и объединение с Деникиным вопрос ближайших дней, ну и так далее. Мужественные опять воодушевлены.

Многие штабисты заслуживают уважения. Штаб генерала [С. Н.] Войцеховского, командующего 2-м Уфимским армейским корпусом, дважды находился на расстоянии ружейного выстрела от врага и не трогался с места. А штаб генерала Каппеля сел на лошадей и в окружении верховой охраны отправился проверять работу полка. Пятидневное отсутствие вестей от него стало источником всяческих оптимистических догадок, я о них уже говорил. И все же удивительно, что связь с помощью казачьих постов так и не восстановлена.

3. Беды беженцев

Между Аша-Балашовской и Уфой, 2 июня

Не прекращается движение на восток. 3500 вагонов перевозят армейское снаряжение и уфимскую буржуазию. Правительственные чиновники, местные власти, служащие железной дороги, священники, богатые и бедные горожане, христиане, иудеи, мусульмане – все, кому при красном терроре грозила смерть или служебные неприятности и кто по своему общественному положению или связям могли раздобыть вагон, пассажирский, товарный или для перевозки скота, все тронулись в путь. Двери вагонов открыты, и можно наблюдать муравьиную тщету человеческих усилий.

Эти бедные люди месяца два тому назад вернулись в Уфу с мебелью и скарбом, доверившись обещаниям и прокламациям, полным оптимизма, и принялись восстанавливать разрушенные семейные гнезда. На этот раз они берут с собой только то, что им дорого. Например, одна дама, помещица, которую я встречал в Стерлитамаке, отправилась в путь с двумя детьми и пятью лошадьми, они все вместе в вагоне для скота. В других вагонах по два-три семейства, люди явно с положением, хорошо одеты, они ухитряются даже в этих суровых условиях поддерживать чистоту. Иной раз картины невероятные: вокруг стола с огромным самоваром сидят веселые девушки в светлых платьях. Но чаще в вагонах, где ожидаешь увидеть коров или лошадей, сидят, сгорбившись, люди с тревожными мрачными лицами.

В толпе беглецов чувствуют себя увереннее те, кому удалось попасть в список на место в вагоне.

Вдоль железной дорогой еще один нескончаемый поток: рядом с богатыми бегут бедные. Среди них тоже есть свои «буржуи», которые, как видно, не поверили в столь скоропалительную неудачу или решили остаться под красным террором, оберегая невеликое свое достояние, но, услышав грохот пушек у города, перепугались до смерти и теперь бегут. Несчетное число рабочих и крестьян, родителей солдат, служащих в белой армии, или тех, кто уже побывал под большевиками, заполнили до горизонта дороги, ведущие из Уфы в Златоуст.

Спасаются люди состоятельные, так или иначе связанные с властями, с правительством, но вместе с ними бегут и совсем другие, и это наводит на разные мысли. Правительство не могло оказать давления на этих бедняков, их спонтанное отчаянное бегство свидетельствует о том, как они относятся к режиму, кричащему, что он воплощает их надежды. Сельчане, рабочие, мелкий городской люд бежит от дороговизны, голода, физической угрозы жизни, бежит от многоликкой тирании, которая не шадит их многовековую веру, семейный уклад, привычки, традиции. Их бегство не знак особой привязанно-

сти к правительству адмирала, но это правительство они ощущают, как свое, как русское, хотя и не в силах объяснить, что это значит, но они это чувствуют. А красный режим – для них это противостояние народа русским аристократическим классам, недаром красные гротескно гипертрофируют грубость и дурные манеры, свойственные всем демократам*.

Мимо нас проходит крестьянин-татарин с женой и маленьким сыном, все трое босиком, с мешками на плечах, мрачные и усталые. В степи, на опушках леса – всюду я вижу расположившихся лагерем беженцев, они варят себе нехитрую еду на кострах из сучьев, которые собирают ребятишки. Распряженные лошади, коровы бродят вокруг сбившихся в кучу людей разных сословий, ставших братьями по несчастью. И на всех дорогах до самого горизонта видны бредущие одна за другой группки беженцев. Молчаливый, красноречивый народный плебисцит относительно революции. Ее бурно приветствовали как переход к лучшему социальному устройству, но теперь о ней судят иначе.

4. Солдаты в английской форме. Реквизиции

Тавтиманово, 3 июня

Армия Ханжина состоит из частей весьма неравноценного достоинства. Недавно на фронт приехал целый армейский корпус генерала Каппеля²²⁴, хорошо подготовленный, насколько хорошо могут быть подготовлены солдаты в тысяче километров от войны, полной неожиданностей и сюрпризов. В этих солдатах должна была пробудить особое достоинство их новая английская экипировка, поспособствовав заодно и другим военным добродетелям, но на деле они ничем не отличаются от своих собратьев по оружию, голодранцев, воюющих вот уже одиннадцать месяцев. Скажу больше, полк, которым в Сибири все восхищались как живым примером помощи союзников своей несчастной сестре, перешел на сторону большевиков – я уже упоминал об этом, и эти мнимые храбрецы ждут теперь в качестве платы за предательство отправки на родную Украину.

В санитарных вагонах и теплушках я видел много раненых в английской форме. Приблизительный подсчет дал следующие результаты: 80 % ранены в указательный палец левой руки, 15 % в тот же палец правой (очевидно, левши), и только 5 % имеют более серьезные ранения²²⁵. Все это внушает мало надежды. Сомневаюсь, что эти от-

* «Хорошие манеры исчезают по мере того, как уменьшается влияние двора и замкнутой аристократии». Ницше, «Человеческое, слишком человеческое».

кровенные проявления трусости сошли бы у большевиков, у которых царит теперь кровавая суровая дисциплина.

Иглино, 3 июня

Два вагона боеприпасов, которых срочно потребовал фронт и к которым я прицепил нашу теплушку, вот уже два дня стоят в Тавтиманово. Пришел приказ об отступлении, но господа чиновники, сколько их не тряси (а красных комиссаров и казаков, приставляющих револьверы к их вискам, у нас нет), не отправляют составов в противоположную сторону.

Я оставил ржаветь пули и снаряды в 50 километрах от фронта, нашел телегу с двумя лошадьми и приказал башкиру отвезти меня в Иглино.

В деревне Башкирская, *mirabile dictu*²²⁶, совершенно русской, где я остановился, чтобы выпить чаю, и с этой просьбой обратился к жителям, но они показали мне на маленький беленький домик:

– К нам не ходите. Идите туда, к буржую!

Страшное обвинение в момент, когда все ждут, что вот-вот придут красные. В белом домике, бедном, но чистом, с гравюрами на стенах и красивыми букетами, говорящими, что у хозяев есть вкус, меня встретила старушка, мать школьного учителя, который ушел из деревни вместе со священником и частью крестьян.

В Иглино я переночевал в крестьянском доме. Здесь, как и всюду, деревня сопротивлялась командиру этапа, у которого военные то и дело требовали повозок и лошадей. Большевики забирали необходимое безапелляционно и грубо, белые действовали более гуманно. Население поначалу радостно встречало «освободителей» – иной раз даже крестным ходом^{*}, но потом неизбежно восставало против посягательств на священное право собственности, тогда как любая армия считает священной обязанностью граждан жертвовать этой собственностью. Войне против большевиков крестьяне без сопротивления отдали своих сыновей; но как только понадобилось подвозить этим

* Те же самые крестьяне будут потом повсеместно выходить навстречу советским войскам вместе со священником, держа в руках иконы и хоругви, поднося хлеб и соль победителям. Почему? Выражая протест против жестокостей режима адмирала? Или выражая пролетарскую радость по поводу прихода освободителей? Ни то, ни другое. Русское правительство (да и любое другое) глубоко ошибается, придавая серьезное значение «воле народа». Правительство Омска не располагало элитой, необходимой для управления нацией. Оно было слишком суровым в городах и слишком мягким в провинции. Крестьяне боялись комиссаров и смеялись над человечностью офицеров и чиновников Колчака. Вынося всякий раз победителям не только хлеб, но и иконы, они, видимо, имели в виду одно: «Кем бы вы ни были, будьте сильными, и мы будем вас слушаться и любить!».

сыновьям на фронт провиант и боеприпасы, они мигом попрятали в дальних лесах лошадей и подводы. Надеялись, что как только объявят мир, сыновья вернуться и найдут хозяйство в целостности и сохранности.

Времени на уговоры упрямцев не осталось. Правительство Омска долгое время разумно и осторожно обращалось с провинцией, щадя чувствительных мелких собственников, надеясь найти в них опору, но теперь оно было вынуждено сажать под арест и наказывать людей, которые всеми силами уклонялись от выполнения закона о реквизиции.

Турбаслы (на Белой), 4 июня

Я уехал из Иглино утром и в полдень был в Шакше, небольшой станции на берегу реки Уфы, где находился генерал Войцеховский, командующий 2-м армейским корпусом. Генерал – молодой энергичный умный офицер, его деятельность в Сибири, так же как деятельность генерала [П. П.] Гривина, началась вместе с чехами. Я увидел рядом с генералом капитана Лако, французского офицера, известного своей отвагой и утонченной культурой.

Две армии стояли друг против друга вдоль берегов Белой. Инициатива была за красными, наша роль сводилась к ожиданию. Мы боялись, что они переправятся в крайне опасном для нас месте – там, где река возле Красного Яра образует излучину, а значит, мы не сможем целиком защитить наш берег.

Я поехал к командующему 4-й дивизией генералу Косьмину, который отвечает за северный сектор. Генерал Косьмин прославился после того, как в марте, взяв с собой 4000 человек, осуществил глубокий прорыв через линию красных, и Уфа таким образом была взята. Он образованный, энергичный офицер, не раз проявлявший отвагу и неустрашимость, качества, какими обладают далеко не все командиры дивизий в этой сибирской «герилье». Он знает о том, что происходит в Омске и в интендантствах, и сказал, что, если фронтные обстоятельства позволят, он в ближайшее время отправится в Омск со своими четырьмя полками и разгонит банду окопавшихся.

Вечером я приехал к полковнику [А. М.] Слотову, командиру 14-го [Уфимского стрелкового] полка. Он оренбургский казак, крепкий, приземистый, энергичный. Любит войну ради войны, разделяет ненависть своих солдат, воодушевляет их речами. Как генералы Бангерский, Косьмин, Гривин, полковники Молчанов, Ларионов, он из когорты высших офицеров-патриотов, каких не так уж много в Сибири, эти люди обладают бесстрашием, просты в обращении, в ладу со своими людьми, входят в их нужды и тяготы. По существу, эти офицеры как нельзя лучше подходят для частей, состоящих из солдат, которые не сами захотели, а вынуждены воевать, и они могли

бы сделать гораздо больше, если бы их поддерживали тылы, которые их бросили или все равно что бросили. Пропасть разделяет полки, которые воюют в изоляции и страшной нужде, и штабы, которые управляют их боевыми действиями с расстояния в тысячу пятьсот верст. Мнения этих двух сторон о пополнении, учении, вооружении сражающихся отрядов диаметрально противоположны.

Из-за малого количества войск и большой протяженности фронтов, из-за спонтанности действий противника сибирская война представляет собой цепь неожиданностей и случайностей. Она требует от командиров отваги, инициативы, готовности к нестандартным действиям. За теми из них, кто благодаря опыту этой партизанской войны заслужил славу отважных, а значит, успешных, охотнее идут люди.

Год тому назад офицеры, о которых я говорю, собрались под эгидой чехов (мы найдем иностранцев во всех начинаниях, какие возникали в Сибири), они были первыми добровольцами, сплотившимися вокруг русского флага. Эти офицеры, занявшие серьезные посты, стали сегодня главными исполнителями военных действий в этой войне, исполнителями, которые не могут повлиять на ее ход.

В тылу, вдалеке от фронта, офицеры, чей военный опыт был прерван пребыванием в Китае и сибирских столицах, формируют подразделения, снабжая их в изобилии оружием, экипировкой и всевозможными удобствами. А воюющие полки, которые ведут войну вот уже год, находятся на самообеспечении, они должны сами добывать себе провиант, обмундирование, оружие, а когда смеют жаловаться, им цинично советуют пойти и забрать все это у красных. Но сейчас решено отступать, и воюющим будет очень не хватать обильных, находившихся под строгим контролем, запасов красных.

6. Магометане-санкюлоты²²⁷

Ново-Турбаслы, 5 июня

Полковник Слотов ознакомил меня со своим полком. Представьте себе сотни молодых людей с нездоровыми лицами, выражающими при этом решительность и решимость, одетых и вооруженных кое-как. Они напоминают скорее разбойничью банду, чем регулярный армейский полк. Кители, френчи, фраки, поддевки, рубахи в заплатах или прорехах. Каких только нет штанов – от рейтуз в обтяжку до шаровар всех цветов, но голое тело торчит из любых дыр. А головные уборы! Серые, коричневые, черные, зеленые фуражки, вязаные колпаки, меховые треухи²²⁸, фетровые и касторовые шляпы, папахи, ушанки, каскетки²²⁹, тирольские шляпы... На ногах сапоги черные, ярко красные, желтые, штиблеты, валенки, гетры, гамашы²³⁰ – все

в ужасном состоянии, жалкие остатки доисторической коллекции. Один солдат из девяти или десяти вообще босой. Встречаются и сияющие в новом обмундировании и блестящих сапогах: счастливику повезло — убил высокопоставленного коммуниста.

Но несмотря ни на что, эти люди воюют вот уже год, не имея иной раз даже обмоток, чтобы согреть ноги в 40-градусный мороз (на протяжении нескольких месяцев люди не имеют обуви). Военную кампанию они начали в Екатеринбурге в сентябре 1918 г. с пятью патронами на человека и без единого пулемета, теперь в полку, одетом в лохмотья, 70 пулеметов, отнятых у врага.

Источник удивительных боевых качеств солдат в обостренном религиозном и расовом чувстве. Полк на 75 % состоит из мусульман (башкир) Златоустовского уезда, который изрядно пострадал от большевистских отрядов. Число добровольцев (примерно 200 из 900 человек, составляющих полк) достаточно большое. Мусульмане, чувствуя себя заодно с обиженными православными, чьи церкви и монастыри им приходилось защищать, привносят в атаки частичку священной ярости, какую возбуждают в истинных правоверных слишком уж ревностные гонители веры: «Неверующего ведет ложь. Верующего светоч веры»*. Один молодой человек сказал мне: «Большевики нам сказали, что вся Россия должна думать обо всем одинаково, что мы должны отказаться от своих взглядов. Они забрали у наших родителей зерно и хлеб и хотят забрать у нас веру. Мы не подчинимся!».

Безжалостная суровость к врагу — вот еще одна причина успешных действий этого полка, так я считаю. Обнаружив офицеров и своих товарищей, убитых с жестокостью, эти солдаты неукоснительно используют право наказания. Молва об их храбрости и неумолимости такова, что противник от них разбегается. В этой войне тактика небольших отрядов состоит в стремлении окружить врага. Угроза быть отрезанным от базы вынуждает врага мгновенно ретироваться.

Правительство Омска колеблется между казаками, желающими противостоять большевистскому террору нагайками, и иностранцами, проповедующими более гуманные принципы, но не без корыстных целей. Сейчас, когда я пишу, военные прокуроры арестовывают

* Большевистская пропаганда в Сибири не нападала только на синагоги. Русские оставляли свои церкви со странной мягкотелостью. В Уфимской губернии башкиры защищали не только мечети, но и христианские монастыри. Татарин, оставленный сторожить иконную лавку и магазин белья, при приближении красных спрятал иконы в безопасное место и не позаботился о белье. В белебеевском районе татары, живущие возле женского монастыря, защищали его с оружием в руках: русские крестьяне его оставили.

и отправляют в тюрьму офицеров, которые наказывали вражеских пленников. Отправляют в тюрьму заслуженных военачальников за то, что они плохо обращались с коммунистами или их расстреляли*. Если бы в Омске так же преследовали тех, кто ловит и уничтожает заговорщиков, посягающих на драгоценные жизни адмирала, министров и 2500 офицеров правительственных служб, никакого правительства давным-давно бы не было. Война и на Западном фронте – между людьми более цивилизованными и более мягких нравов – не обходилась без многочисленных жестокостей. Они необходимы, чтобы лишить противника преимуществ, какими он мог бы воспользоваться. Во всех войнах самые жестокие и бесчеловечные выдумки становятся законом. Только сильный имеет право на благородство. Благородство слабого никогда не расценивается как добродетель, только как расчет.

7. Оборонительная война

Ново-Турбаслы, 5 июня

Река Белая разделяет противников на протяжении 200 километров, похоже, все реки Сибири представляют собой идеальную оборонительную линию. Около нас, однако, река делает изгиб, образуя почти что полуостров, который трудно надежно защитить. Противник – на нашем уже берегу и занял его нос. Укрепленные позиции противника защищают лес и пулеметы с левого берега. К тому же у него есть великолепный пункт наблюдения – холм, поднимающийся на повороте реки.

Напротив нас, возле деревни Красный Яр, противник держит наготове пароход, который наши войска, к несчастью, оставили на том берегу и который невозможно взять на прицел из-за леса, о котором я уже упомянул. Наши батареи получили задание неприцельным огнем уничтожить его, потому что на нем можно перевезти на наш берег пушки. Прежде чем истратить 45 снарядов, которые нам подвезли, нам надо установить наблюдательный пункт в том лесу, из-за которого мы не видим пароход. Для этого нужна сотня человек с энергичным командиром, но, видимо, с некоторых пор внутренняя пружина у людей ослабла. Приказ пойти и поджечь лес не был исполнен: «Там сплошное болото!» Другой приказ: «Сбросить красных в воду и поставить там огневую точку, которая будет корректировать огонь!» тоже не был исполнен: «Мы не знаем, сколько там красных». Траншеи на полуострове, которые я тщательно осмотрел, находятся

* Два молодых офицера написали мне письма, прося за них похлопотать: генерал [К. В.] Сахаров отправил их в тюрьму за то, что они побили спекулянта-большевика.

на расстоянии полукилометра отлеска, где засел противник. Ни у кого нет ни малейшего желания двигаться вперед. Артиллерия стоит на месте, пехота заняла оборонительную позицию, и жалуются друг на друга. Инициативный дух угас.

Читателям, которые вздумают осуждать молодых офицеров Сибирской армии, я напому, что ни один офицер Западного фронта не воевал в подобных условиях: после предательства под Бугурусланом любой из русских командиров мог ожидать, что солдаты его бросят или подвергнут пыткам, в то время как приказ сверху запрещал им превентивные наказания.

Приказ к отступлению был дан, атак не предвиделось ни здесь, ни по соседству. Оголенный (с двух сторон) участок фронта сулил удачу противнику, если он задумает атаковать, и мы решили держаться, оставив за врагом кусок земли на нашем берегу, где, возможно, уже готовится переправа, чего все мы опасались, но не трогались с места с философской покорностью и стоицизмом.

8. Город Уфа под казаками

Уфа, 5 июня

Я въехал в Уфу с северной стороны в конце второй половины дня. За исключением не слишком настойчивой бомбардировки, которой красные подвергли город, я нашел в нем идеальный порядок. В пригородах, по большей части покинутых, отдельные семейства крестьян или рабочих мирно сидели перед своими домишками, поджидая изредка проходящих мимо солдат, чтобы расспросить их. Центр города пуст: взглядом можно было охватить пустые дома.

В доме, где я поселился, есть электрический свет и вода в ванной комнате. Работает муниципалитет: отдел по делам управления и отдел по вопросам снабжения. На перекрестках милиция, пожарные ездят по улицам, тушат пожары, зажженные снарядами большевиков. Подобие естественной жизни, порядок в большом пустом городе, где население работает под наблюдением казаков (а их встречаешь повсюду), наводит на мысль, что к столь скорым переменам причастны нагайка и револьвер. А произошло вот что.

1-й Сибирский казачий полк, расквартированный в обычное время в Омске, был отправлен к Чишме с тем, чтобы остановить продвижение противника. Воевать им пришлось с отрядом [И. Д.] Каширина*,

* Три брата Каширина (Иван, Петр и Николай Дмитриевичи. — *Примеч. сост.*) организовали отряды «красных» казаков. Их отец (Дмитрий Иванович Каширин. — *Примеч. сост.*), богатый казак, атаман одной из станиц на Урале, бывший хорунжим на германском фронте, выдвигал свою кандидатуру на пост окружного атамана Верхнего

известным как отвагой, так и жестокостями. Каширин сутки удерживал большой мост на Дёме, позволяя пешим и запоздавшим экипажам отступить к городу. На протяжении этого дня в городе творилось что-то невообразимое.

Множество спекулянтов, как говорят, в основном евреев, приехали из Сибири, чтобы дожидаться здесь, между двумя фронтами, ту волну голода, что двигалась из центра России. Они договорились с солдатами, и те продали им армейский провиант: 240 тонн муки. Запасенная правительством адмирала по сибирским городам водка представляла собой не менее желанную добычу. Дирекция винного склада передала солдатам, их друзьям и подругам за несколько часов тысячу ведер (20 000 бутылок) 96-градусного спирта. И... повальное пьянство. Били витрины магазинов, бандиты входили в дома, грабили и убивали. Мужчины, женщины, дети теснились в церквях и молились. Рабочие прекратили все работы, ссылаясь на бомбардировку. Медицинский персонал и охранники сумасшедшего дома сбежали. Пожары, вспыхивающие повсюду, никто не гасил, объясняя, что лошадей нет, их увели белые. Среди всего этого бесчинства местные большевики, которые ждали прихода советских войск, начали действовать. Красные интеллигенты распространяли прокламации, прославляющие Советскую Республику, и заготовили огромные красные знамена, я сам читал на них сделанную большими белыми буквами надпись: «Да здравствует Русская советская социалистическая федеративная республика!». Они вступили в контакт с врагом и помогли нескольким переодетым комиссарам и большевистским офицерам войти в город. К вечеру световые сигналы вспыхнули возле наших батарей у вокзала. Наши плоты, привязанные возле правого берега на случай необходимости переправы, были отвязаны и пушены по течению. Всю долгую кромешную ночь город грабили банды разбойников.

И вот тут на сцену выступили казаки. 1-й Сибирский казачий полк имел большой опыт по части урегулирования проблем, какие революционеры доставляли русскому правительству. Через несколько часов рабочие службы водоснабжения и электричества приступили к работе под присмотром казаков, готовых к мгновенной расправе за малейшие признаки саботажа. Врачи сумасшедшего дома, постав-

Урала, но его не выбрали. Deinde irae [то гнев (лат.). – Примеч. сост.], человек ^{оса} убеждений, как Голубов на Дону, он предложил свою поддержку большевикам. Его ^{три} сына, тоже, как он, русские офицеры, люди неумные, как большинство казаков, грубые, жестокие, большие выпивохи, весьма уважаемые среди своих, организовали ударные отряды, ставшие лучшими среди того, чем располагал Троцкий.

ленные перед альтернативой быть расстрелянными или продолжать работу, покорно вернулись в больницу вместе с другим персоналом. Пожарные в медных касках впряглись вместо лошадей в помпы и отправились на пожары в сопровождении молчаливых казаков. Всплески радости редких, но громких местных большевиков смолкли. Шпионы, пропагандисты нового евангелия, бандиты, спекулянты двигались нескончаемой чередой к пустырям, где их вряд ли ожидали медали. Через полтора дня в Уфе было слышно падение иголки. Такого порядка Уфа не знала даже в лучшие дни благоденствия. Это был порядок Варшавы²³¹.

Но благодеяния казаков на этом не кончились. Комендант города, энергичный помощник командира 1-го полка, счел необходимым наладить «нормальную» жизнь в городе. Поскольку все чиновники муниципалитета эвакуировались вместе с бумагами, казаки согнали горожан на площадь. Комендант произнес перед перепуганной толпой речь, полную угроз и здравого смысла, и через час под безоблачным летним небом город получил мэра, городскую управу, земскую управу и еще несколько служб, которым было приказано незамедлительно приступить к работе.

Я-то считаю, что казаки в Уфе преподнесли великолепный урок демократическому режиму. Без больших усилий они преобразовали анархию в общество, организованное на выборном принципе и на основе неукоснительного порядка. Правда, и после этого казаки не ослабили контроля: вся милиция была в красных погонах сибирских казаков, а истребительные отряды по-прежнему днем и ночью сопровождали зловещие процессии. Глядя на них, горожане забывали дышать*.

В цивилизованных обществах сила, обеспечивающая порядок, предстает перед нами в виде добродушных городских полицейских, стоящих – и это чуть ли не синекура – по углам улиц. Эти сибирские казаки – их собратья, и было бы несправедливо считать их как в России, так и в Сибири организаторами массовых расстрелов и убийцами невинных граждан.

Другое дело, что эта грубая, жестокая и, нужно сказать, порой слепая сила, которую обрушивают на любые группы, сеющие беспорядок, должна находиться в твердых руках. Нужно, чтобы глава этих казаков, будь то его превосходительство [В. И.] Волков²³² или какой-то другой замечательный казак, уверенный в необходимости применения силы, подчинялся единому властному жесту правительства, чувствуя, что оно неизмеримо выше его и от него никак не зависит.

* За свое короткое пребывание в Уфе казаки расстреляли 670 человек.

По обеим сторонам азиатской границы²³³ граждане страны расплачиваются за слабость своих правителей.

9. Переправа через Белую

Уфа, 6 июня

Вчера могучую сибирскую реку Белая²³⁴, почти что непреодолимое препятствие, форсировал враг. Он вышел на армейский корпус²³⁵ генерала [В. В.] Голицына чуть ли не в тот самый момент, когда его штаб рапортовал командованию армии, что красные не пройдут и патриоты могут спать спокойно. На протяжении всего дня офицеры нашей 12-й дивизии (командир генерал Бангерский), занимавшей южную часть Уфы, наблюдали перемещение войск и пушек в северном направлении. Значит, там будет решаться судьба города.

Этой ночью красные продвинули свои пушки с невероятной дерзостью почти что к самой реке, откуда мы их прогнали, стреляя прямой наводкой. Почти час длилась перестрелка и не привела практически ни к чему. Противник сделал попытку переправиться, но она не удалась благодаря бдительности 13-го полка.

Мы поместили несколько легких батарей повыше вокзала как раз над Белой. Оттуда открывается незабываемый вид на бескрайние степи Уфимской губернии, покрытые светлой кустистой травой, затопленные талой водой. Белая течет сверху, извиваясь среди редких рощиц, а внизу ее воды образуют излучину, сверкающую под пылающим небом. На берегах этой реки, еще недавно столь оживленных, а теперь опустевших из-за отсутствия навигации, над городом, процветавшим еще не так давно, над заброшенными полями рвутся и рвутся в пустоте снаряды.

Наши батареи привлекли к себе огонь противника, в частности, две тяжелые пушки, расположенные на рынке в самом центре города, и еще несколько батарей за холмом, нависшем над Белой.

Однако, видимо, точного расположения враг не знает. Снаряды падают на город без всякой системы. Вот уже три дня ни один снаряд не задел наших батарей, ни один солдат не был убит или ранен. Буржуазия полностью отсутствует. Бледные и перепуганные бегают жены и дети рабочих в ужасе от стрельбы своих друзей.

Этим утром Белую, непреодолимое препятствие, если бы ее стерегли регулярные войска, враг перешел еще в одном месте, возле деревни Красный Яр, как раз там, где я недавно был. Красные использовали тот самый пароход, который на протяжении четырех дней мы так и не смогли уничтожить, к тем пушкам, которые уже были на нашем берегу, перевезли еще.

В чем причина успеха этих внезапных дерзких (и опасных!) вылазок противника и в чем причина наших постоянных промахов? Почему переменялись роли? Откуда после столь жалкого отступления появился у большевиков «боевой дух» и преданность своей цели? Как упрямое желание большевистской верхушки победить во что бы то ни стало так легко заразило молодых крестьян, весьма нерасположенных к гражданской войне?

Отсутствие алкогольных напитков у красных, добровольческие отряды коммунистов, невозможность для офицеров-профессионалов отсидеться в кустах, контроль за штабами и интендантскими службами заинтересованных в сохранении своего режима комиссаров – вот незаметные, незначительные в отдельности факторы, которые, став системой, обеспечили успехи красных и их превосходство над нами.

10. Вялый бой

Степановка, 8 июня

Три красных полка перешли Белую и двигаются к Уфе. Командующий армии отрядил против них группу маневра, состоящую из трех полков (39-й и 30-й пехотные и 1-й казачий Оренбургский) под командованием полковника Ларионова и его соратников [А. Н.] Пепеляева, [С. Н.] Войцеховского, [П. П.] Гривина. Боевое задание: отбросить противника, прижать его к реке и оттеснить на другой берег.

Благополучие армии, а возможно, и родины зависит от исхода битвы. Сколько мощных оснований, чтобы бросить все силы в бой!

К несчастью, на поле боя не бывает импровизаций. Все, что было в прошлом, сыграет свою роль, обязательно скажутся все просчеты и неподготовленность.

Едва выехав из Уфы, я встретил большую группу солдат в ломотьях под командованием унтер-офицеров. Это было пополнение, посланное на фронт без винтовок (а их, между прочим, хватало) и которое пока что использовали для погрузки вагонов в Уфе. Как только работа была закончена или прервана приближением красных, их направили в тыл без каких-либо определенных указаний.

Подполковник Ларионов находится в Степановке. Дорогу к Степановке обстреливали. Щадя лошадей, мы поехали в объезд и встретили подполковника Ларионова, он ехал в штаб группы. Подполковник предложил проводить меня к месту боя. Кажется, атаковать будем мы! Мы помчались галопом, чтобы успеть вовремя, и сильно обогнали моего ординарца-серба. У него вопреки национальным традициям воинский дух угасал по мере приближения к битве.

Сражение развернулось в долине, образованной двумя могучими валами земли, поднявшимися вдоль реки. Из деревни, где мы находились, вниз шел крутой склон к маленькому ручью, за ручьем километра на два тянулась равнина, а за ней закрывал горизонт другой холм, на котором укрепился враг.

Еще два ручья и длинные изгороди делили равнину на ленты земли, где росла пшеница, цвели какие-то травы, стояли деревья и кусты. Вторая деревня, Гладьево, лежала внизу, правее от нас, и часть ее была скрыта зеленью. По Гладьеву и лупили вражеские пулеметы, по всей длине улицы, наугад, куда попадут.

Мы спустились в долину и уже перед первым ручьем обогнали наших всадников – роту разведчиков на лошадях и две сотни казаков, стоящих в резерве. Затем мимо двух пулеметов, как мне сказали, они неисправны, мимо повозок с боеприпасами для винтовок и пулеметов, спрятанных в кустах. Минуем длинную линию одиночных окопов, растянувшуюся по всей долине, откуда следят за нами усталые, кое-как одетые пехотинцы. Перед отдельно стоящими дворами, позади которых деревня, несколько офицеров линейного полка и полусотня казаков прячут лошадей от шальных пуль, которые постоянно нас сопровождают, утыкаясь с мягким шуршаньем в траву или всхлипывая в пруду или грязи. Деревенские с поистине русским упорством и тоской в душе ждут конца сражения в домах без погребов. В дома время от времени залетают пули, но крестьяне не покидают их, боясь пожаров.

В полукилометре от нас две волны солдат оставили за собой деревню, двигаясь по направлению к противнику. Вражеский огонь усиливается. Я вижу, как по знаку офицера солдаты ложатся, потом встают. Движение замедляется. Остановившись, первая волна задерживает и вторую. В деревне мы обнаруживаем целую роту, это новички, у части из них нет винтовок, они бродят позади домов боязливыми барашками. Мы кричим им, что нужно идти на линию к своим товарищам, спрашиваем, где их офицеры. Они не могут нам указать офицеров. Вполне возможно (я это уже несколько раз видел), офицеры сняли с себя знаки различия, в случае плена это облегчит их участь. Вот доказательство необходимости суровых мер в отношении тех, кто пренебрегает своими обязанностями.

Наверху наши солдаты не ели уже два дня, провиант доставили в тыл, скорее всего из трусости, и никто не потрудился привезти сюда хоть что-нибудь. Однако я слышу, как они кричат «Ура!». Голоса слабые, их заглушает фыркание лошадей, свист пуль и еще какие-то крики, раздающиеся сзади, смысл которых уловить невозможно. Пехотинцы, что рядом с нами, в недоумении. Слева, возле гребня

холма, по которому наискось движутся красные, казачья сотня ждет исхода боя, они готовы преследовать врага, но не атаковать.

На самом гребне, перед нашими, на фоне пламенеющего заката видны фигурки красных, высокий всадник, вполне возможно, коммиссар — человек не из боязливых. На миг все замирает в ожидании — наши две волны, двигавшиеся вперед, и линия красных в сотне метров, осыпавшая пулями долину. Два солдата падают, потом еще один, несколько человек уже бегут. Первая волна останавливает вторую, потом обе исчезают из наших глаз, но через несколько минут мы видим, как наши выныривают из высокой травы и короткими перебежками возвращаются к аванпостам и линии окопов. Раненые, как почти что всегда, брошены.

Настала очередь красных кричать «Ура!». Сейчас подхваченные победным порывом, они сметут наши линии.

Но не будем забывать, что и на той стороне воюют такие же солдаты, как наши, и у них столь же много желания воевать, а своим превосходством они обязаны множеству неощутимых факторов, которые медленно делали свое дело. Не стоило ждать театральных эффектов от солдат, лишенных воодушевления. Как только наши вернулись на позиции и застрочили наши пулеметы, красные победители тоже исчезли. Побежали назад и наши резервы. Делать было больше нечего, и мы последовали за общим потоком. Раненых мало, пули настигают зачастую беглецов, какие в этой войне стали привычными действующими лицами. Внезапный неодолимый страх просыпается в них, и они бегут кто куда по 30 и 40 километров. Я никогда не забуду несчастного крестьянина-башкира, который обогнал нас: немолодой уже человек, с широко раскрытыми глазами, из которых текли слезы, он обезумел от ужаса и бежал что было сил. Мы спросили его: куда? зачем? Он нас не услышал и продолжал бежать, как слепой.

Вернувшись к нашим пулеметам, мы стали убеждать командира выдвинуть их вперед. Он не согласился, говоря, что моторы в ужасном состоянии, они то и дело глохнут, шины проколоты и растрескались, ленты (не помню уже, французские или американские) плохо подходят к нашим пулеметам. На протяжении вот уже двух недель он не мог добиться починки, так как по неизвестной причине (а с ними здесь сталкиваешься постоянно) передвижная мастерская уехала дальше на 50 верст. Командир, капитан и профессиональный военный, не хотел сдвигаться с места, но мне удалось его убедить. Несколько стаканов водки шоферу и экипажу, и вот мы уже в пути.

Я сел рядом с шофером. Когда мы пересекли нашу первую линию, я увидел, что в глазах несчастных солдат мелькнула тень надежды. Продвинувшись на сотню метров вперед, наши два пулемета начали стрелять наугад, делая всякий раз по семь-восемь выстрелов, после

чего приходилось вытаскивать ленту, остаток который забивался в ствол. Но хватило и этого. В наступающих сумерках мы увидели множество бегущих черных точек, вскоре их скрыла высокая трава. Мотор у нас постоянно глох, приходилось выходить и заводить его. Будь у красных хоть капля инициативы, нам бы несдобровать, но они такие же бараны, как наши. Шофер отказался ехать в Гладьево, объясняя, что в случае опасности рядом не будет пехоты, чтобы нас поддержать. Я, в свою очередь, объяснил, что именно продвижение вперед пулеметов и пехоты решит в благополучную для нас сторону исход боя. Я старался убедить в этом и командира пулеметного расчета, его фамилии я называть не буду. Он много говорил и не хотел ничего слушать. В конце концов он решил, что оба пулемета отправятся в резерв. «Сначала отдохнем, а завтра посмотрим!».

Ночь остановила все операции.

Виноват в происходящем командующий группы, полковник Ларионов, его место здесь, среди воюющих, а не среди бумажек карикатурного штаба. Он составил себе славу, организовав не без помощи чехов батальон добровольцев во время прекрасного начала сибирской кампании. И мог бы продолжать в том же духе, сражаясь на фронте среди своих солдат, потому что обстоятельства мало изменились. Он не имеет права ограничиваться приказами, не проверяя, как они исполняются, так как знает, что командуют солдатами юные гимназисты, нерешительные и неспособные передать своим подчиненным волю к победе.

Но у нас все были счастливы уже тем, что враг убежал дальше нас. Замечательный результат. На нем мы сегодня и остановились.

Эти одновременные бегства устраивали обоих противников, они характерны для этой войны, у них есть классический прототип: взаимные отступления в 1480 г. армий царя Ивана III и хана Ахмата²³⁶. На протяжении двух недель две армии стояли друг напротив друга на берегах реки Оки. В одну морозную ночь Ока покрылась льдом. Это неожиданное событие предоставило двум армиям, давно уже выстроенным в боевом порядке и понуждаемым к святой войне священниками, возможность осуществить свои воинственные намерения. Но охваченные паникой они побежали без оглядки и остановились: только один в Сарае на Ахтубе, другой в Москве. Русь чудом была избавлена от монголов.

К несчастью, орды красных, управляемые лучше, чем управлял своими хан Ахмат, завтра непременно вернуться.

11. Голодный солдат

Максимовка, 7/8 июня

Наступила ночь, над «полем сражения» – полная тишина. Между тремя полками «красных», желающими воспользоваться своей поразительной переправой через Белую, и тремя подразделениями белых, которые должны их отбросить на противоположный берег, лежит на протяжении ночи нейтральная полоса, шириной примерно в три километра. Из туч сыплет теплый обильный дождик и шуршит по крышам. Ничего в этой навевающей печаль полутьме не говорит о войне. Причудливые силуэты казаков на лошадях с пиками у стрелени, столь скорых на преследование и на бегство, растворились в потемках. Вместе со своим ординарцем-сербом – я нашел его живым, здоровым и прекрасно отдохнувшим – еду в башкирскую деревню Максимовка. Она в шести километрах позади фронта.

Там мне нашли место. Вместе с военным священником и тремя офицерами мы расположились у крестьян в маленькой комнатухе, где как будто бы ночевал уже не один полк. Грязь и обилие насекомых выгнали нас на улицу, и мы легли на соломе у костра, который развели казаки. Ночной воздух, свежий и теплый, полон запахов цветущей степи. В юго-западной стороне пламенеют тучи и бушует ураган взрывов. Утром мы узнаем, что Уфа горела целыми улицами. Дома загорались от снарядов красных, казаки ушли, пожарные перестали работать.

В молочном свете раннего утра появились серая тень. Рука тянется к приоткрытому окошку, отворяет его полностью, и жалобный голос просит: «Тетенька, дай хлеба, я голодный!». Мы кричим в ответ, что у нас тоже есть нечего, пусть поищет хлеба в другом месте. Жалобная просьба слышится у других домов. Это молоденький башкир, давняя историческая путаница вовлекла башкирскую молодежь в распрю между русскими²³⁷. Они подвижные, ловкие, при самых разных обстоятельствах выказывали себя храбрецами, по-настоящему преданными своим командирам. Они совсем еще дети с живыми темными глазами на смуглых лицах, и два месяца тому назад кое-как одетые и плохо вооруженные радостно шли завоевывать Уфу, а потом, раненые, были брошены на произвол судьбы или на месть врагам. Им досталось не по заслугам много страданий и лишений в этой гражданской войне, и теперь, обессиленные, они уходили из нее. Всю ночь кто-то жалобно просит хлеба. Но люди своим хлебом не делятся. И нам за кружку молока и краюшку придется заплатить втридорога.

Не будем забывать, что мы имеем дело с крестьянами, людьми независимыми и себялюбивыми. Они проявили щедрость в тот миг, когда наши войска избавили их от трудно переносимых методов

большевиков, но в следующий они вновь вернулись к присущему им политическому безразличию. Красным, по-хозяйски заправляющим в деревнях, они подчиняются с ропотом. И наши тоже уже прослыли узурпаторами. Хотя никто из наших офицеров, услышав отказ, не лезет с проверкой в погреб или в шкаф и не занимается конфискацией. Молодые офицеры еще не позабыли мягкого обращения в семейном доме, им претят жестокость и грубость. Они выглядят слабыми, их не прощают. Казаки со своими лошадьми всегда сыты.

12. Снова отступление. Река Уфимка

Шакша, 8 июня

Ранним утром я отнес свой багаж в безопасное место, в поезд генерала Войцеховского. Он сказал мне, что вчерашняя операция не удалась и вечером его армейский корпус будет отступать к реке Уфимке. Я немедленно отправился к месту сражения.

Около полудня я снова был в Максимовке, где встретил полковника Ларионова вместе с командиром²³⁸ 8-й [Камской стрелковой] дивизии, они готовились оставить деревню. Полковник жаловался, что ему слишком поздно сообщили об отступлении врага и поэтому он не смог выдвинуть свой полк раньше утра. 30-й [Аскинский стрелковый] полк (я вчера наблюдал за его бесплодными усилиями) продвинул свою линию на четыре километра вперед без малейшего сопротивления красных. Установив разведывательные посты до самой реки, он отрезал три красных полка от Уфы и мог бы отогнать врага еще дальше, но это продвижение вперед «исчерпало и порыв и инициативу». Красные пулеметы остановили его на подступах к деревне Александровка. Тем временем 32-й [Прикамский стрелковый] полк, который действовал от него справа, отступил. И я снова вижу, что желание победить отсутствует. Здесь продолжают играть в главный штаб вместо того, чтобы идти и сражаться. Не обеспечили обороны, не вернули 32-й в бой, позволили 30-му вернуться на вчерашние позиции, непригодные для обороны, и потеряли все дневные достижения.

Дождь льет как из ведра. Снимаются последние карты со стен, грузятся ящики на подводы. Еще несколько звонков в армейский корпус – и снимут телефонный аппарат. Теряя связь с другими частями, теряют и доверие к ним, опасаются, что их бегство повлечет за собой немедленное появление красной кавалерии в этой деревне. Гаснут последние надежды, меркнут остатки воодушевления. Но хуже всего то, что никто не чувствует, что он ответствен за эти беды. На протяжении нескольких месяцев привыкли верить в близкие и легкие победы, а теперь вот уже с месяц привычными стали уныние и подавленность.

Офицеры, среди которых я вижу достойных представителей старой армии, не находят себя в этой войне. Она напоминает им скорее жестокий 1917 г., а не отступление 1915 г. Возбужденные лица, жесты, полные отчаяния. Если не сумели удержаться перед мощной рекой Белой, где мы сможем остановить врага? Два пехотных полка – казаки исчезли уже вчера – будут удерживать красных еще несколько часов, а потом должны занять новую позицию на реке Уфимке. Надолго ли? Штаб на нервах: в ярости, бормоча ругательства, все вскакивают в седла и исчезают в пелене дождя.

Я продолжаю путь к Степановке и там нахожу почти то же самое, что и вчера, с той только разницей, что бронемашины отъехали – отдыхают! – а красные привезли артиллерию. Нам здесь нечем ответить красным, артиллерия армейского корпуса на позициях вокруг Уфы. Наши солдаты только что получили хлеб после того, как голодали три дня. Я сообщаю командиру 30-го полка, что полковник Ларионов отступил, он понятия не имел об этом.

Мы разговариваем с командиром на улице, не отрывая глаз от долины, к нам подходит высокий старик крестьянин вместе с несколькими солдатами. Солдаты жалуются, что старик не хочет ставить им самовар. А старик громко заявляет:

– Я сказал, поставлю им самовар и получше самовара поставлю, только пусть сперва красных прогонят, которые вон там стоят! И будет у них все, что пожелают! Я что, плохо сказал?

Старик смотрит на нас, ища одобрения. Все молчат. Офицеры пожимают плечами и покидают деревню. Вестовой садится на лошадь и едет к войскам с приказом отступить.

Перед нами все то же, что и вчера. Только деятельности гораздо больше. Звуки ружейной пальбы контрастировали с пустой и неподвижной степью. Степь спрятала солдат, и теперь они, не спеша, появляются из окопов, канав, кустов и овинов в усадьбах и стекаются к тропинкам. На позициях остаются только первые линии. Несколько офицеров в больших чинах, вестовые на лошадях, подводы со снаряжением для пулеметов, резервный батальон, и среди солдат раненые, их на удивление мало для фронта, где решалась судьба всей армии.

Наши пулеметы – и вражеские тоже – строчат с перерывами. Когда полк скрывается за холмом, снимаются и первые линии. Они сдерживали противника на протяжении получаса. Внезапно сражение начинает грохотать по-иному: вражеские пулеметы яростно обрушиваются на наших пехотинцев, а они бегут со всех ног. Артиллерия противника, до сих пор молчавшая, возможно, имея намерение обрушиться на наши автопулеметы, если они снова вступят в бой, теперь стреляет по дорогам. На этот раз я вижу, как падают наши солдаты, не защищенные никаким огнем. Они разбегаются в панике, ползут по

пшеничному полю, выползают из него, карабкаются по склону, выбирая траву повыше, и двигаются на вершушку холма в самых разных местах позади деревни. Красные ограничиваются стрельбой, никакого преследования! Так что наше отступление совершается в идеальном порядке, и только когда несколько снарядов разрывается посреди дороги, ведущей к Максимовке, невозмутимость офицеров колеблется, и лошади берут в галоп.

Пехота уходит по железнодорожному мосту у Шакши, орудия перевозит на другой берег баржа, которую тянет пароходик, день и ночь снующий по быстрым водам Уфимки. Тяжелые орудия занимают позицию на крутом левом берегу. Вестовые движутся туда и обратно вдоль берега. И в ту самую минуту, когда наши тяжелые пушки дают свой первый залп, посылая снаряды за шесть километров к противнику, поезд генерала Войцеховского медленно покидает линию фронта.

В тот же час был взорван большой мост через Дёму, прибавив к общему обвалу еще и обломки множества рухнувших вагонов.

Отступление перешло в последнюю фазу. Взорванный мост был признанием, что возвращение невозможно, что мы будем отступать и отступать, что у нас нет другого выхода.

Глава V. Отступление продолжается

1. Предприимчивый враг

Екатеринбург, 23 июня 1919 г.

Армия Гайды, два месяца тому назад стоявшая в 130 километрах от Казани, взятие которой обеспечило бы нам контроль над Волгой и, возможно, связь с Деникиным, отступила из-за неудач Ханжина.

Во время отступления от Уфы войска Гайды занимали линию, проходящую через Глазов, Уржум и Малмыж, и он надеялся воспользоваться своей продвинутой позицией и ударить врага во фланг. Но такая же угроза нависла и над его левым флангом. Многочисленными армиями противника командовали опытные стратеги – [А. А.] Самойло, [Д. П.] Парский, их продвижение сопровождала мощная пропаганда, которая вербовала на их сторону население, и затягивала частично и наших солдат. Целый полк из группы генерала Пепеляева, энергичного и умного военачальника, перешел на сторону врага. Молодые сибиряки были плохо вооружены против неустанной вербовки красных, которую поддерживали их военные успехи и воодушевление деревень, встречавших их как освободителей; всего этого им у нас не хватало.

Враг постарался прорвать наши линии возле Красноуфимска. Железная дорога Пермь – Кунгур – Екатеринбург, шедшая параллельно фронту, находилась в опасности. Ставка ответила на эту угрозу боковой атакой, которую должен был осуществить недавно сформированный [Сводно-]ударный корпус, на который возлагались большие надежды. Он был отдан в распоряжение генерала Гривина, командующего 4-м армейским корпусом, занимавшим сектор Красноуфимска.

2. Уральские пейзажи

Екатеринбург – Красноуфимск, 24/28 июня 1919 г.

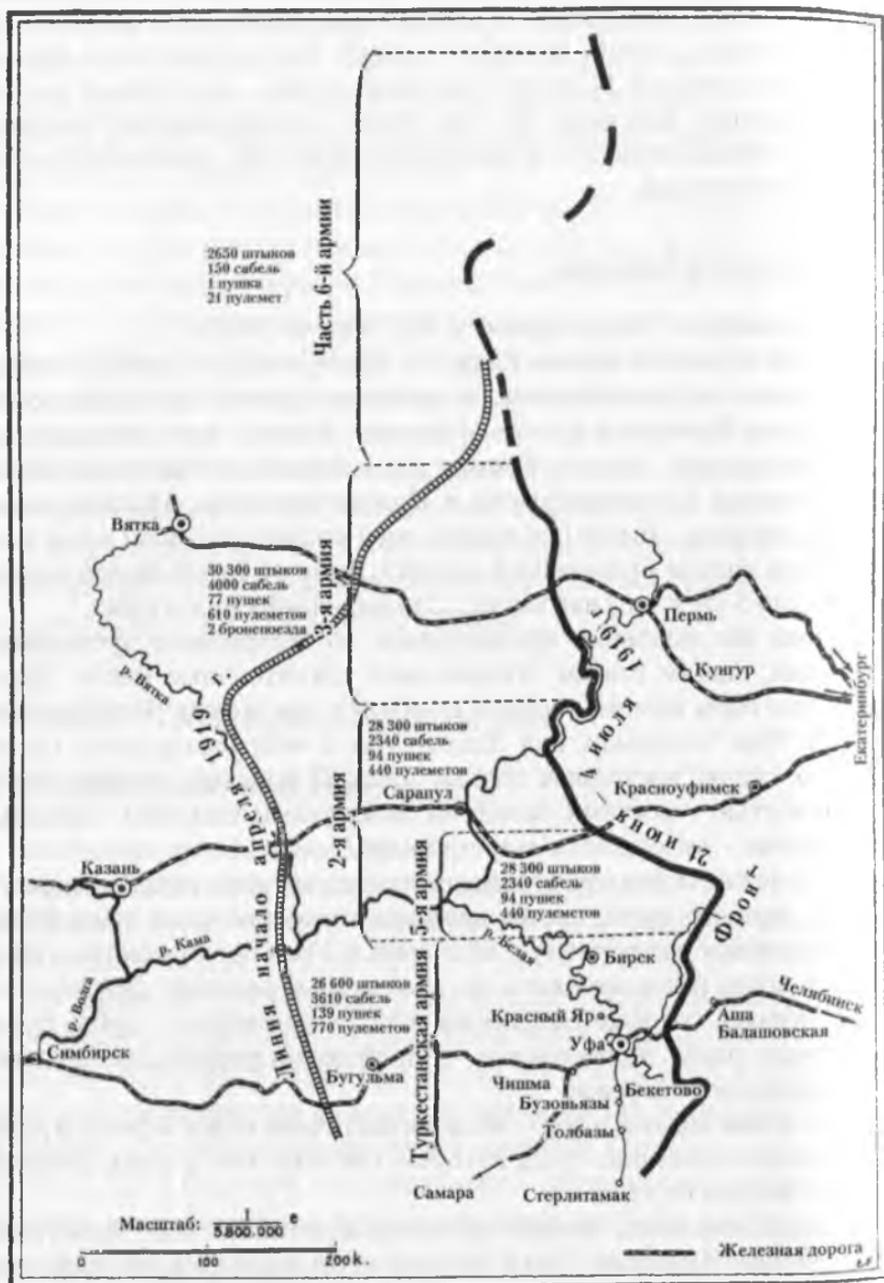
Проект железной дороги Казань – Екатеринбург к началу войны только начал осуществляться, и железная дорога была построена лишь между Казанью и Красноуфимском. По мере того как двигался сибирский фронт, генерал Гривин клал рельсы на приготовленные насыпи между Екатеринбургом и Красноуфимском. Насыпи были малонадежными. Ливни последних дней сильно размыли их, и кое-где рельсы висели буквально в воздухе. Даже на самой малой скорости (от 3 до 5 км в час) нас качало, словно на морских волнах.

И пока мы медленно продвигались по бескрайним пустынным просторам, нашим глазам открывались удивительные места. Здесь Уральские горы красивы совсем по-иному, чем между Челябинском и Уфой. Там, например, под Златоустом к небу вздымаются голые отвесные скалы, настоящие горные пики. И повсюду человек своей деятельностью – мостами, заводами, акведуками, шахтами, городами и деревнями – вторгается в мир природы.

Здесь нет величия причудливых горных вершин, горного чистого воздуха, особого света, пронизывающего высокие слои атмосферы. Каменные пики утонули в густой зелени, и Урал продолжается в виде зеленых волн, вздымающихся на необъятной равнине. Долины покрыты лесами, которые тянутся на сотни километров, – дубы, буки, ели, березы, липы, лиственницы – и изредка одинокий домишко железнодорожного сторожа.

На склонах холмов и гор – везде неразлучные ели и березы, и даже на вершинах каменных гряд, которые темнеют там и здесь, видишь хрупкие цепкие березки.

Красота этих мест, спящая при резком дневном свете, пробуждается к вечеру. Никаких бездн и бурно стремящихся вниз пенистых потоков, плавным амфитеатром, ступень за ступенью, спускаются холмы к гладким полноводным рекам, мощно устремленным к озерам с изрезанными берегами, которые мы видим вдаль. Иногда цепь холмов мягко расходится, и видна долина, что тянется к далеким степям, где заходящее солнце золотит теплыми вечерами дымку.

Сибирский фронт в апреле-июле 1919 г.

Вдоль бесчисленных ручьев, чье журчанье слышится громче в тишине ночи, тянутся луга, покрытые цветами, особенно яркими в тени деревьев. Синие колокольчики, причудливый пурпурный ятрышник, шиповник, горящий алыми розами и верно следующий изгибам ручья. Похоже, что в этом раю не бывают люди, никто не мешает счастливым птицам щебетать и порхать. Но бывает, их беззаботное пение превращается в пронзительный крик, который гложет в густой траве. В вышине орел вычерчивает круги, планирует над нашим поездом, целясь крючковатым клювом, и резко уходит в небо над поперечной долиной.

Среди этой природы, мягко приглашающей человека к трудам, он словно бы отдан этой природе целиком и полностью. И позабыт историей. Редко, но видишь здесь истинно русских – они высокого роста, их едва сгибает ноша непомерной тяжести, их лица патриархов обесмертил Лев Николаевич²³⁹. Они одиноки и безучастны. Шерстяная рубаха прикрывает могучую грудь, широкие штаны заправлены в высокие сапоги. Растрепанные волосы, кудлатая борода, резкие черты лица, лоб высокий, а под ним глаза, как озера в лесу, не ведающие о свете солнца. В этих людях угадываются исконные хозяева русской земли, далекие от прогресса, по первобытному независимые и недоступные. Со времен формирования европейских наций они живут вдали от путей, проторенных различными культурами, храня образ жизни и обычаи предков. Над ними властвовали вторгшиеся чужаки и собственные своенравные князья, их угнетали, продавали, унижали, эксплуатировали, но они никогда не забывали о своем праве на свободу; вопреки всему, они сохранили в глухих лесах славянских идолов и глубокую привязанность к своей земле.

3. Пощечина. Генерал Гривин

Красноуфимск, 1 июля 1919 г.

Маленький невзрачный городок «променадом» под тремя рядами лип вдоль илистой Уфимки. Но наш вагон остановился не в городе и не среди болотистых прудов с кувшинками, через которые медленно течет река, а в березовой роще, подарившей нам немного прохлады после безжалостно яркого и жаркого солнца.

На этот раз мне не надо было отправляться в штаб армейского корпуса с просьбой отправить меня на фронт, фронт сам приближался ко мне. Через несколько часов после того как я приехал в Красноуфимск, генерал Гривин, командующий 4-м армейским корпусом, которому была поручена оборона этого важнейшего фронта, появился на вокзале.

Генерал Гривин – боевой офицер, знающий все тонкости сибирской партизанской войны, для которой одарен многими достоинствами и в которой приобрел немало недостатков. Он из той небольшой группы заслуженных офицеров, которые после того как был локализован и остановлен Семенов, сделали еще одну попытку освободить Сибирь, на этот раз под эгидой чехов. Гривин организовал один из первых русских батальонов, которые сражались под командованием Гайды, и получил повышение на полях сражения под Пермью. Командир, отважный в бою, Гривин, человек холодный и флегматичный, был суров к штатским и заботлив и снисходителен к солдатам. Он был воплощением старого служаки, ворчуна, какие воевали на Березине и под Плевной²⁴⁰, несравненные в бою, невыносимые в период выжидания*.

Иностранные офицеры жаловались на его «старорежимные замашки». Например, на глазах у всех он дал пощечину технику-железнодорожнику. Инцидент получил огласку только потому, что отсутствовало единое мнение относительно дисциплины. Пощечину получил «начальник дистанции», техник, ответственный за продвижение определенного состава, он оказывал Гривину молчаливое сопротивление, не выполнял его приказов, не посылал своих рабочих работать ночью и т. д. Армейский корпус браво продвигался вперед, а железная дорога отставала, боеприпасы и провиант поступали с задержками. Гривин публично ударил техника, предоставил в его распоряжение 3000 пленных и, угрожая расстрелом, потребовал, чтобы работы были сделаны в срок. Две недели спустя было уложено 20 километров рельсов и построено 12 деревянных мостов.

В этом характерном случае (подобные случаи бывали гораздо чаще, чем думается иностранцам) генерал Гривин показал себя последователем Гайды: военным успехам в Сибири этого самоназначенного, но блестящего и успешного военачальника способствовала его непримиримость к колебаниям, отступлениям, саботажу, могущим повлиять на успех операции. Чехи и русские одинаково любят справедливость, и это чувство помогает им приставлять револьвер ко лбу командира батареи, начальника вокзала, инженера, механика – любого человека, кто, по их мнению, недостаточно рьяно содействует успеху военного предприятия. Солдаты, чьи труды и жизни отданы в распоряжение такого начальника, благодарны ему: он искореняет халатность, недосмотр, разгильдяйство, которые сводят на нет принесенные ими жертвы.

* Собрат по оружию Гривина – Войцеховский, который был моложе его, но стал его командиром по приказу Колчака, во время отступления в октябре 1919 г. не дрогнувшей рукой расстрелял его за неповиновение.

Русские по натуре медлительны, но их легко зажечь, и они прощают своим самым суровым командирам жестокость, если чувствуют, что их ведут к великой цели.

4. Пьянство. Фанфары

Красноуфимск, 1 июля

«Проводник», которого я отправил в город за покупками, вернулся с известием, что там серьезные беспорядки. Сразу же после него вернулись человек десять солдат с 50-ведерным баллоном водки, присланным для нашего штаба. Прежде чем загрузить баллон к нам в вагон, солдаты черпали из него полными стаканами и пили под моим окном. Я поспешил предупредить генерала Гривина, что его солдаты напиваются возле его поезда. Он не выказал ни малейшего удивления и сказал, что пошлет «команду» навести в городе порядок. Я вскочил в седло и прибыл как раз вовремя: офицер с пятью солдатами, которых немедля отрядил генерал, отъезжали.

В Красноуфимске, как в любом сибирском городе, имелся винный склад (магазин спиртного), по приказу адмирала они снова начали работать. После бегства ответственных чиновников ими стали заведовать солдаты под снисходительным и небескорыстным оком воинских начальников. Здесь начало положили казаки, они сняли с дверей печати, затем со всех сторон набежали солдаты, а следом появились крестьяне – на телегах с бутылками, ведрами и бочками. Унтер-офицеры выстроили эту орущую, ругающуюся толпу в длинную очередь.

Пить люди начинали прямо на улице. Вскоре на тротуарах лежали вповалку вусмерть пьяные. Более крепкие и предприимчивые разбивали витрины брошенных магазинчиков и продавали крестьянам все, что под руку попадет.

Жандармы ухитрились навести относительный порядок: лежащих пьянчуг растащили по домам, разогнали грабителей, закрыли винный склад. На меня все косились недобрый взглядом, похоже, винили за то, что рай так скоро прикрылся.

Между тем перевозка на вокзал бочек и баллонов со спиртным продолжалась. Я видел, как их грузили на автомобили, которые разъезжались в разные стороны: штабы получали подкрепление.

Во второй половине дня генерал Гривин приказал раздать водку машинистам, механикам и солдатам нашего поезда. Группа из 15–16 человек получала – и с сегодняшнего дня ежедневно – «четверть» 96 % спирта, что составляет 12 литров 40-градусной водки. Стало быть, начиная с сегодняшнего дня каждый вечер я буду любоваться пьяными. «Штабная железнодорожная бригада» бродит, спотыкаясь,

возле нашего вагона. Солдаты из личной охраны генерала празднуют вместе с крестьянками, набежавшими неведомо откуда. Я вижу, как они в своей драной одежде танцуют, а потом вместе валяются в траву или отправляются с криками и воплями в лесок вместе с подружками. Утром их будут собирать под деревьями и тащить пьяным-пьяных за ноги к поезду.

Вечером неподалеку раздается победное пение фанфар. Все, кто может, выскакивают из вагона, бегут, задают вопросы. После месяца нескончаемых неудач все готовы услышать ободряющие новости о фронтовых успехах. Но любопытные, узнав, в чем дело, вскоре потихоньку ретируются: это оказывается, генерал Гайда, командующий армией, приехал с визитом к генералу Гривину.

Полковник Любиньяк, человек крайне активный, предложил генералу Гривину помощь французов – офицера, унтер-офицера и солдата, у них есть пулеметы и они намерены организовать ударный батальон под командой французского офицера. Боюсь, что эта помощь, принимаемая, впрочем, очень холодно, сильно запоздала. У меня уже нет никакой надежды.

5. Народная беда

Красноуфимск, 2 июля

Сегодня фронт приблизился на 15–20 километров, противник во многих местах переправился через реку Ирень. Штаб останется здесь до последнего, но население, хранившее несбыточные надежды, теперь спешит занять места в последних поездах, забирая с собой все, что смогли скопить на будущее, в том числе и продовольственные припасы.

Здесь повторяется все то же самое, что я наблюдаю уже на протяжении нескольких месяцев. На платформах сбиваются в кучу горожане, крестьяне, пленные, женщины, дети и там же подводы, пушки, ящики с боеприпасами, а сверху палит солнце.

Четыре священника сидят между военными автомобилями, багажа у них всего по какому-то мешку, и они являют собой убедительнейшую картину всеобщей нищеты. В заплатанных рясах сидят и беседуют между собой, не обращая внимания на остальных обитателей платформы, от которых, впрочем, их загораживают колеса колымаги. С непокрытыми головами, с клочковатыми бородами они похожи на апостолов и явно принадлежат к пролетариям духовенства. Они из простых, жили деревенской жизнью, и, вполне возможно, взгляды у них тоже деревенские. Им неведомы «буржуйские» улады, у них нет вкуса к мученичеству, но в глазах большевиков они виновны, они!

представители бредовой религии масс, и теперь они сродни староведам, которых так долго и яростно преследовали.

Самые обездоленные в этой всеохватывающей войне не солдаты, как бы ни были они плохо экипированы и заброшены бессердечной администрацией, у солдат, даже во время отступления, есть всегда ночлег и еда. В маленьких провинциальных городах предусмотрительность военных властей и возможности чиновников не распространяются на попавшее в беду население. Вагоны, где могли бы разместиться с багажом семьи беженцев, отсутствуют. Группки людей из «интеллигенции» расположились в подобиях палаток, сооруженных возле тяжелых орудий, и они готовы свои места защищать. Две девушки, явно из «института благородных девиц», сидят на платформе среди ящиков со снарядами под открытым небом, загородившись чемоданами, и пытаются защитить свое «гнездо» от типов с разбойничьими рожами, которые, ругаясь, лезут на платформу. Убедившись в тщетности своих усилий, перепуганные до смерти бедняжки убегают сами в поисках защиты.

Осенью 1915-го я наблюдал душераздирающую картину эвакуации населения в польских и литовских провинциях. Это была насильственная эвакуация из военных и политических соображений, жителей деревень принуждали к ней, преодолевая их сопротивление. Помню импровизированные кладбища среди леса, где хоронили умерших по дороге стариков и детей. Путь этого исхода отмечали стайки крестов, сделанных из зеленых веток. Но плач этих гонимых тонет в вопле целой земли, охваченной пожаром. Насколько же отчаянней выглядит добровольный исход целого народа! Что же это за глубинный неодолимый страх, который поднимает тысячи людей и заставляет их бежать с заплечными мешками, оставлять пожару и разграблению нажитое: горожан их домишки, купцов магазины с товарами, мещан, крестьян, рабочих утварь, доставшуюся по наследству от дедов, сады с фруктовыми деревьями?

Военнопленные венгры, находящиеся под особым присмотром, отправляются подальше от фронта. На это есть основания. Немцы и австрийцы, совершенно равнодушные к гражданской войне, будут работать на вокзале до последнего, эвакуируя необходимое, разрушая остальное.

6. Ударный корпус

История возникновения русских «ударных корпусов»

В мае 1917-го большевистская пропаганда начала опустошать Русские фронты. Капитан [М. О.] Неженцев, чин штаба армии Корнилова, собрал два отряда добровольцев, которые согласно быто-

вавшей военной терминологии были названы батальонами. Среди добровольцев, приходивших из самых разных частей, Неженцев после месяца самого тщательного наблюдения выбирал самых лучших. Эти солдаты, почти что все с наградами, воюя с немцами и австрийцами, получили боевой опыт и «сжились со смертью». Чтобы отличить их от мобилизованных, им дали особые знаки отличия, которые вскоре стали знаменитыми: череп с костями и два черно-красных шеврона. Именно эти два ударных батальона – и только они – решили исход сражения под Станиславовым, который открыл путь к Галичу.

Керенский не позволил увеличивать число замечательных батальонов. Однако по примеру Неженцева, который со славой погиб под Екатеринодаром, многие офицеры, хоть и с меньшим тщанием, стали создавать подобные отряды. «Ударники», предшественники теперешних белых партизан, не столь блестящие, как у Неженцева, сражались всегда достойно, и история сохранит о них благоговейную память.

В гражданской войне отсутствует патриотическое воодушевление. Боевой дух войска могут поддерживать только мощная пропаганда и специальные организации добровольцев. Троцкий на этот случай располагает как старыми красными отрядами, которые стали частями регулярной армии, так и новыми специальными формированиями. Полки 238-й и 239-й (бывшие Брянский и Курский) – пример старых формирований, отряд Каширина – нового.

Сибирское правительство под влиянием английской миссии тоже, очевидно, решило прибегнуть к помощи новых формирований. Предоставленную генералом Ноксом экипировку оно выдало не воюющим в лохмотьях сибирякам, а новобранцам. Тыл, убежденный (такие убеждения могут быть только у интендантов), что хорошо вооруженные и накормленные мобилизованные крестьяне могут быть элитным войском, пришил им всем подряд на левый рукав черно-красные шевроны «ударников», а кое-каким отрядам и череп с костями бывалых вояк 17-го года. Самый обеспеченный полк, который на параде в Екатеринбурге произвел расчудесное впечатление на высшее городское общество, получил, еще даже не поняв пороха, наименование бессмертного полка генерала Гайды²⁴¹. Восторженные дамы при виде молодых офицеров, которых ввели в этот полк, между прочим, они попали туда, потому что целый год не спешили завербоваться в армию, очень одобрили наименование, какого никогда не имели самые заслуженные русские полки, ни Преображенский, ни Измайловский²⁴². Серьезным людям, а их было очень мало, показалось, что они смотрят в театре водевиль.

7. Бессмертный полк и остальные

Ачитское, 4 июля 1919 г.

3-я дивизия под командованием Ракитина²⁴³ движется на лоша-
дях по дороге Кунгур – Екатеринбург. С севера от нее «бессмертный
полк», с юга – остальные части [Сводно-]ударного корпуса.

Желтая тяжелая пыль стоит в безветренном воздухе. На дороге
между трех рядов деревьев движется плотный поток военных: пехот-
ные резервы шагают беспорядочно, не в лад; в строгом порядке едут
невозмутимые эскадроны, за ними орудия с опущенными вниз носами
и бесконечные подводы – обоз всего армейского корпуса. Никто
не удивляется отступлению, оно стало обыденным делом. Русская
флегма может замедлить продвижение вперед, для отступлений она
идеальна.

В Ачитском нахожу, наконец, штабс-капитана Ракитина, коман-
дира 3-й дивизии. Положение на этом участке фронта близко к траге-
дии, и оно – увы! – непоправимо. Осуществлялся охват двух враже-
ских полков, задача «бессмертного» полка была не трогаться со своих
позиций, но полк сбежал. Кавалерийские отряды, посланные узнать,
какова обстановка на данный момент, доложили о брешах в 35 кило-
метрах отсюда. В эти пустоты проникают вражеские разведгруппы.

Ракитин расположил три полка полукругом вокруг деревни.
Генерал Гривин, надеясь «залатать» брешь с помощью кавалерий-
ской дивизии, которую предоставили в его распоряжение, приказал
3-й оставаться на месте.

Темнеет, наши пулеметы строчат примерно в трех километрах от
штаб-квартиры. На улице небольшой скандал: пьяный полковник с
тремя подчиненными пристает к прохожим. Полковник (командир
57-го [Павлодарского] полка) сумел со своими офицерами раздобыть
правительственный спирт.

Небольшая группа солдат под руководством двух молоденьких
офицеров шагает мимо флажка нашей дивизии, не потрудившись
зайти, чтобы получить приказ. Их окликают, посылают вслед обид-
ные замечания. В полдень этот полк разбежался и теперь где-то со-
бирается, солдаты усталые, но не узнавшие, что такое слава, бредут со
своими великолепными нашивками «побратимов смерти». Но будем
справедливы: полк отступил без потерь, и если не заслужил бессмер-
тия, то не по вине солдат и офицеров: они сделали все, чтобы избе-
жать смерти.

Ачитское, 5 июля 1919 г.

В 4 часа утра снова начался обстрел. Я пошел по дороге, ведущей
в долину, и увидел наших солдат и офицеров в индивидуальных око-

пах, вытянувшихся длинной цепочкой по хлебному полю. Все на своих постах. Офицеры, грязные и оборванные, солдаты в лохмотьях. У них мало воодушевления после столь долгого отступления, но их обязательность в подобных условиях – неоценимое достоинство. Русскому солдату не нужна красивая форма, для того чтобы хорошо сражаться. Думаю, будет ошибкой лишить его той формы, к которой он привык: длинные брюки, высокие сапоги на тонкой подошве, просторная гимнастерка из грубой прочной ткани, удобная для его грубо скроенного, прочного тела. Английский китель, более изящного покроя, превращает его в участника парада. Парады любят штабисты, избавленные от тягот и лишений фронта и привязанные к жизни гораздо больше, чем это позволено русскому солдату.

И эти штабисты смеют вновь и вновь отправлять в огонь безоружных санюлов, которые сражаются вот уже год, которых часто оставляют без хлеба, которые зачастую лишены минимальных жизненных удобств. Дивизия, где я нахожусь, получила 15 мая пополнение в количестве 2100 человек. До этого их использовали на работах при железной дороге Сарапул – Красноуфимск. Они приехали не только без винтовок, но большинство из них вообще никогда не держали винтовки в руках. 1 июля дивизия штабс-капитана Ракитина получила еще 1500 человек, гораздо лучше обученных, но тоже без винтовок. Однако прошли те времена, когда изумительный героический русский солдат отправлялся без оружия под заградительным огнем на первую линию, чтобы забрать у своих мертвых или раненых товарищей винтовки и сражаться за матушку святую Русь*.

Но беда не только с винтовками, но и с пулеметами. Штабс-капитан Ракитин сказал мне, что у него в рабочем состоянии в одном полку 6 пулеметов, в другом – 3, в третьем – 4. Вот уже полгода он просит запчасти для замены, но ничего не получил. Солдаты, как и большая часть офицеров, страдают от чесотки, но они ни разу не получили нижнего белья, которое Омск посылает, но не следит за доставкой. За последние полгода армейский корпус получил в качестве одежды для офицеров тысячу пар ремней, все остальное пропало по дороге от Омска к фронту**.

* Постыдная нерадивость интендантских служб, а может, что-то еще более худшее становится еще очевиднее, когда узнаешь, что в армии Колчака был избыток винтовок в количестве 80 000.

** Из Омска в один только армейский корпус были отправлены 40 000 комплектов носильного белья и сукна на 30 000 форменных костюмов. Ничего этого не было получено. Интендантская служба Омска отправила в армию 300 000 пар обуви, большую часть распродали по дороге.

С тех пор как началось отступление и запасы противника перестали попадать нам в руки, люди не видят ни сахара, ни табака. Несколько офицеров разживаются малым количеством того и другого через родню, которая покупает это у армейских интендантов*.

Высокое начальство не повышает в чинах, не награждает за доблесть, оно не поощряет подвиги в подтверждение того, что существует братство между страждущими и жертвующими собой солдатами и властью, которая бдит, следит и вдохновляет.

Штабс-капитан Ракитин, назначенный командиром дивизии за блестящую операцию, вот уже год остается в прежнем чине, безусловно неся тяжелую службу. Шесть или семь представлений на чин подполковника, сделанных генералом Гривиным, остались без ответа. Зато подполковник, командир полка 3-й дивизии, служащий под началом Ракитина, представленный к чину полковника Генеральным штабом, незамедлительно получил повышение. Что же касается прапорщиков, на которых лежат главные тяготы войны, то их и не повышают, и не награждают. Они прекрасно знают, что эти блага оставлены для их товарищей в Омске, Иркутске, Харбине и Владивостоке.

Командир полка, которого я встретил на кунгурской дороге, несет службу на своем посту, окруженный со всех сторон врагами, это еще один из множества пасынков этой армии. В 1914 г. он был солдатом и, совершив несколько подвигов, стал прапорщиком. На мой взгляд, он воплощение целого большого отряда энергичных, крепких целеустремленных военных, которые находятся в тесном контакте с нижними чинами и готовы преданно служить тому режиму, который отменит в армии несправедливые привилегии и внутренние корпорации, именно такие офицеры могли бы противостоять коммунистам, ставшим главной силой большевиков.

Этот прапорщик и его товарищи, грязные, раздетые, страдающие чесоткой, не имеющие оружия и элементарных удобств, которым в случае ранения вряд ли помогут доктора, не имеющие лекарств и инструментов, были главной опорой сибирского правительства, но в них нерадением и пренебрежением погасили тот священный огонь, который сумели зажечь в них чехи и который поддерживала в войсках горячая и энергичная молодежь.

* Из огромного количества табака, закупленного в Харбине для фронта, 85 % было распродано по дороге офицерами, сопровождавшими транспорт, остаток распределили по главным штабам. И так далее, и тому подобное.

8. «Мы с ними справимся!».

Почему отступили «ударники»?

Разговор между бывшими коллегами

Ялым, 5 июля 1919 г.

Только в 8 часов генерал Гривин приказал отступить трем полкам, находившимся на позициях перед Ачитском. Операция, в которой генерал Гайда отводил такую важную роль атакующим частям, отменена. Завтра попробуют ударить на Кунгур, генерал Пепеляев пойдет с юго-запада, другой командующий в том же направлении, но двигаясь от железной дороги между Кунгуром и Екатеринбургом. В то же самое время целая кавалерийская дивизия будет брошена в лесном районе на севере Ачитского.

Масштабные замыслы верхов оживили офицеров. Снова вспыхнули надежды, вера в возможности других частей на других фронтах.

– Замечательная операция! Она не может не удалиться!

– Красные на этот раз отступят! Вот увидите, будут у нас еще чудеса!

О себе они знают точно: они в плохой боевой форме.

– Мы-то что можем с четырьмя пулеметами на полк?

Рассчитывая на непререкаемый успех на севере, сами на нашем участке готовятся отступить. На мои саркастические замечания отвечают:

– Подумаешь! Это ничего не значит. Ну, отступим еще на тысячу километров, а потом наступит их очередь. Дадим им под зад коленом, и они откатятся на две тысячи.

Из долины доносится веселая музыка: «Стенька Разин», «Алаверды», «На сопках Манчжурии», «Штыками на солнце сверкая», все подряд. Что это? Успех? Победа? Ничего подобного. Приближается 10-й полк во главе с оркестром, единственный в нашей дивизии, который невольно отделился от линии фронта и теперь возвращается обратно*. Трубы трубят, кларнеты свистят, барабаны бьют, народ сбегается. Даже крестьянка, которая нам прислуживала и теперь плачет слезами заливаясь, потому что большевики отберут у нее последних коровок, вытерла слезы и улыбнулась.

Ну, что ж, возможно, беспричинно хорошее настроение и есть самое лучшее, что может быть в наших печальных обстоятельствах. Если приглядеться, оптимизм таит в себе немалую долю слепоты или трусости, но при этом спасает от отчаяния и гнетущих мыслей.

* В этом полку, на 75 % состоящем из черемисов (устаревшее русское наименование марийцев. – Примеч. сост.), солдаты не понимали офицеров.

К полудню два кавалерийских полка отправляются в северном направлении, чтобы занять бесполезную боевую позицию. Вдоль дороги полевые кухни и сотни котелков на маленьких костерках распространяют восхитительные запахи. В каждой компании наших санюлотов сидят неведомо откуда взявшиеся молодые и не очень солдатики «бессмертного» полка. Они побросали по дороге прочные, на толстой подошве английские ботинки, слишком для них тяжелые, в которых они стерли ноги, и переобулись, кто в валенки, кто в лапти*. Кое-кто из них щеголяет в одном только нижнем белье.

– Вы, что, думаете, нам охота попасть в руки большевиков в заграничной форме, да еще с нашивкой «ударник»?

Вот и ответ на вопрос, какой мне задал сегодня английский майор, храбрый офицер, специально прикомандированный к ударному отряду и не имевший никакого опыта общения с русскими. Он спросил меня:

– Как это может быть, чтобы молодые серьезные люди, отлично экипированные, точь-в-точь как лучшие европейские части, повели себя таким непредсказуемым образом?

Я ему ответил:

– Это бедняги мобилизованные, их тут ничего не греет, и они совсем не расположены к мученичеству. Светское общество и интенданты Перми и Екатеринбурга объявили их героями и хвалили за храбрость, но на фронте они быстро сообразили, услышав пропаганду большевиков, во что им обойдутся английские мундиры и тем более красно-черные шевроны и череп с костями на рукаве, если они попадутся в руки врагу. Большевики иногда прощают мобилизованных, которых «заставили сражаться против своего класса», но они, без сомнения, приготовили особые пытки «воскресителям России», готовым «умереть, но не сдаться». Вырядив несчастных в театрализованную форму, объявив их готовыми на все жертвы героями, их обрекли не на героизм, а на постыдное бегство.

Бисерское, 6 июля 1919 г.

Этим утром генерал Гривин перегруппировывает свои силы. Тридцать человек забрали оружие у «бессмертного» полка. 1-й полк [Сводно-]ударного корпуса, который вел себя несколько храбрее других, остался при красно-черных шевронах, но без черепов²⁴⁴, его разместили вдоль левого берега реки Бисерть до Красноуфимска. 4-я кавалерийская дивизия, которая вчера была назначена заменить «бессмертный» полк, попала под огонь пулеметов и вернулась.

* Валенки – сапоги из фетра, лапти – тапочки, плетеные из липового лыка.

В 11 часов я навел штат несчастного [Сводно-]ударного корпуса, который, вместо того чтобы оставаться на месте сражения, поддерживать и вдохновлять, по сложившийся у «ударников» традиции удалился как можно дальше и оттуда уже никак не может руководить боем. Полковник [П.] Степанов сообщил мне, что его 1-й полк небольшими частями расставлен на линии фронта длиной в 10 километров.

— А где ваши резервы?

— У меня их нет. У меня едва хватает людей, чтобы охранять десять километров реки, которую можно переплыть в любом месте.

Вместо того чтобы создать две или три маневренных группы и речной патруль, который поддерживает с ними связь и следит за берегом, Степанов разделил полк на пять небольших отрядов, каждый из которых мгновенно сметет переправившаяся через реку колонна красных.

Я вскочил в седло и поехал посмотреть диспозицию, но не проехал и двух верст, как встретил первую группу отступивших: красные переправились, и черно-красные шевроны снова побежали первыми. Я вернулся к железной дороге, зашел в поезд полковника Степанова и сообщил о новом неуспехе. Он ничего не знал, и боюсь, не был к этому готов.

Через четверть часа я был у генерала Гривина.

— Вас ждет новый переезд, господин генерал! Красные могут быть здесь через несколько часов!

Он расхохотался.

— Вот, черт побери! Ударники снова нас бросили? Но я не удивляюсь. Однако опасность не велика. Мои солдаты день продержатся. Вот только боюсь, мерзавцы сбежали и не обрезали телефонный кабель. Поедемте к аппарату, предупредим, что большевики теперь могут напрямую сообщаться с Екатеринбургом.

По дороге генерал Гривин сказал, что получил от генерала Гайды приказ: полковник Степанов должен вернуть все оружие, какое забрал у «бессмертного» полка. Он ответил, что просит избавить его от «ударного» корпуса.

Едва мы успели войти в кабинет начальника штаба, как раздался телефонный звонок. Начальник штаба взял трубку.

— Кто у телефона?

Молчание.

Опять тот же вопрос.

— Поручик N из штаба 3-й дивизии (такого поручика в штабе не было).

— Здравствуйте, чем могу служить?

Следует оживленный разговор: вопросы о численности нашего состава, о наших намерениях и все более несурзные ответы. Их пол-

сказывает генерал Гривин, держась за бока от смеха. Через несколько минут собеседник замечает, что над ним издеваются, и раздражается потоком брани, которую полковник слово в слово передает своему начальнику, не упуская возможности ответить соленым словцом. Наконец оба успокаиваются. Собеседник никто иной, как начальник штаба 26-й дивизии советов, без сомнения, офицер с дипломом, который принудительно или добровольно пошел служить красным.

Наш полковник осведомляется:

- Ну и как там у вас?
- Спасибо, мы довольны.
- Раз уж мы так мило беседуем, скажите, как вам наши ударники?
- Чудесное подразделение, нам очень нравится. Одно удовольствие их атаковать – бегут всенепременно. Не забудьте их выставить против нас в самое ближайшее время!

Давясь от смеха, Гривин подхватил:

- Слышите? Не мы одни обожаем наших новоиспеченных ударников. Враги о них такого же мнения!

9. Благо автократии

Бисерское, 6 июля 1919 г.

Возвращаясь к себе в вагон, я обнаруживаю рядом с ним развалившихся на траве солдат – лица красные, храпят вовсю. Другие, пошатываясь, увлекают в лесок крестьяночек, заманивая их выпивкой. Эта пьянь – охрана штаба. Фронтная перестрелка слышна отчетливо. А у этих всю ночь была пьянка, так что нам очень повезло, что солдаты держатся, не отступили, не дали возможности прорваться какому-нибудь отважному батальону, который вырубил бы саблями весь штаб.

Запретив продажу водки, царь Николай оказал своему народу величайшее благодеяние²⁴⁵. Но подобные меры может позволить себе только автократия, это мое твердое убеждение. Парламент или правительство, сформированное на основе договора между партиями, не смогло бы возвыситься до понимания блага как такового. Принадлежа какой-то партии, каждый от нее зависит, защищает ее интересы, выше которых не может подняться.

Алкоголизм в России – бедствие, несравнимое с тем, что происходит на этой почве в других странах. Здесь пьянство принимает устрашающие, болезненные формы. Тот, кто в годы революции видел, как видел я, безумие и буйство толпы, проникшей в дворцовые подвалы, или безумие и буйство полка, дорвавшегося до бочек с водкой, согласится, что русское пьянство не просто вредная привычка, это чума, заразная и губительная.

Страна, в которой домашний уклад и общие представления не противостоят пороку, а считают его прощительной национальной слабостью, нуждается в правительстве, которое не только может навязать свою волю народу, но и получает власть не из рук этого народа.

Продажа водки была запрещена сначала на период мобилизации, а затем окончательно декретом царя от 28 сентября 1914 г.²⁴⁶ Тысячи писем царю (я читал некоторые из них), написанные в непринужденной и трогательной манере, характерной для той патриархальной привязанности, которую чуть ли не вся нация испытывала к своему императору, говорят о благе, которое запрет на водку принесет стране.

С запретом продажи водки заглохло и ее производство.

Императора поддержали многие видные лица, и страна сохранит о них добрую память. Среди них был и Брусилов, он уничтожал цистерны и перегонные аппараты в районе, где находилась его армия. Старые офицеры порой поднимали голос, жалуясь на вынужденное воздержание и находя его невыносимым, но их не слушали: трезвость, как целомудрие, – горькое лекарство, но целительное.

Только в июле 1917 г. я увидел в русской армии случаи массового пьянства, такое было еще в австрийских погребках в Галиции. И тогда же русские газеты писали о повальном пьянстве, сопровождаемом резней, во всех русских городах. В связи с этим мне кажется не лишним задать вопрос: только ли любовь к свободе воодушевляла гневные толпы, разоряющие богатые кварталы?

Царский декрет против спиртных напитков, поддержанный и ужесточенный правительством большевиков²⁴⁷ – они тоже автократия*, был отменен правительством Омска. Наличие огромных запасов водки в Сибири подвигло Омское правительство на разрешение ее продажи с установлением норм отпуска в одни руки, месячной нормы и полного запрета на период мобилизации. Однако белое правительство не могло не знать, что проповедуемый большевиками дух вольности настолько вскружил людям головы, что все запреты и ограничения перестали действовать**. И чиновники, ответственные за продажу, и органы контроля – все поддались непомерной

* Продажа и употребление алкоголя карались у красных смертной казнью. В Уфе я видел дом одной вдовы, которая была расстреляна по приказу комиссаров за то, что гнала самогон. Трезвость большевистского начальства, в большинстве своем малолетних евреев, общеизвестна.

** На этот счет у меня в феврале 1919 г. был разговор с министром С... (возможно, автор имел беседу с Н. С. Зефировым, с 18 ноября 1918 по 1 апреля 1919 г. министром продовольствия и снабжения в Российском правительстве. – *Примеч. сост.*), человеком с извращенным умом. Я спросил его: из каких соображений его правительство разрешило продажу водки? Все знают, какие размеры в вашей несчастной стране принимает злоупотребление алкоголем.

жажде, охватившей страну. Даже во время мобилизации в Омске и Новониколаевске можно было купить в свободной продаже и в правительственных винных магазинах водку.

Сибирские города вновь стали свидетелями сцен, каких не видели с 1914 г. и от которых страну отучили большевики.

Но пагубнее всего алкоголь оказался для фронта. Виновно правительство, а не люди, часто очень слабого характера, изнуренные лагерной жизнью и неудачными боями. Я считаю существенным фактором успехов Сибирской армии в марте и апреле отсутствие спиртных напитков в городах и деревнях, из которых отступили красные и в которых они ранее драконовскими мерами искоренили производство алкоголя. Отступая, армия Колчака находила «у себя» огромные запасы спиртного, его было куда больше, чем нужно, чтобы лишить людей остатков энергии и ускорить крах.

10. Зарисовки отступления.

Несчастный случай на железной дороге

Екатеринбург, 13 июля 1919 г.

Мы отступаем по холмистой местности без больших рек, но с легами, грозящими сюрпризами, и отступление у наших войск, привыкших пятиться, вошло в привычку. Все заразились усталостью, от которой нет лекарства. Потери на фронте отсутствуют. Впечатление такое, что противник продвигается вперед, потому что мы идем назад. Все утешаются мыслью, что, отступая, мы сохраняем силы, что в один прекрасный день наш многокилометровый откат остановится и

– На это у нас было много причин. Во-первых, безденежье нашего правительства. Во-вторых, повсеместное изготовление «самогонки» крестьянами, зачастую плохо очищенной и вредной для здоровья. Правительство решило заменить ее чистым и более безопасным алкоголем.

– Но почему не запретить в первую очередь производство и продажу? Почему не наказывать крестьян за подпольное изготовление водки, как это делают большевики? Вы знаете, что Троцкий ввел за это смертную казнь?

– Это было бы невозможно. Только представьте себе, сколько бы нам потребовалось жандармов! Крестьяне продолжали бы гнать самогон, в Сибири всегда его пили. И потом скажу вам главное. Запретив населению водку, мы бы вынудили людей чувствовать себя виноватыми перед законом, они стали бы гражданами-нарушителями. Лучше позволить то, чего не можешь не допустить.

– Весьма наивная логика. Сам Лигуори [Альфонсо де Лигуори (1696–1787) – католический епископ, святой покровитель исповедников и моралистов. – *Примеч. сост.*] так не пекся о грешниках. Если в своем новом обществе вы не сможете искоренить воровство и взяточничество, вы их разрешите, исходя из вашей предупреждающей юриспруденции?

мы вновь перейдем в наступление. Но никто не додумывает, когда это будет и где: все ждут знака свыше.

На станции «Бисертский завод», где остановился генерал Гривин, я прицепил свой вагон к первому товарному поезду, который шел в сторону Екатеринбурга. На всех станциях чувствуется, что фронт близко. Железнодорожники давно уже на стороне красных и теперь при поддержке рабочих нескольких больших заводов, которые целиком на стороне советов и прекрасно организованы, ведут себя тихо, не давая никаких поводов для вмешательства казаков, но готовятся присоединиться к большевикам.

Мелкие железнодорожные чиновники ничего не теряют от перемены режима, поскольку большевики умеют выделять среди «буржуазии» тех, кто будет им полезен. Вполне возможно, победная армия уже подкупает их солидными чаевыми, и они замедляют работы и переходят к прямому саботажу.

На каждой станции есть свой начальник, чаще всего молодой офицер, который ничего не смыслит в сложном хозяйстве депо, путей, стрелок и проч.: нет у них и напора Гайды, Семенова, Калмыкова и других известных командиров, которые с револьвером в руках добивались повиновения. Офицер сидит и подписывает приказы на перевозку войск, боеприпасов, раненых, а рядом на той же станции чиновники при любой okazji ставят ему палки в колеса, устраивая сложные маневры на путях, тормозя отбытие и прибытие поездов.

На станции Дружина, где встречаются две ветки, ведущие в Екатеринбург – от Красноуфимска и от Бердьяуша, я прицепил свой вагон к поезду, который, как мне сказали, отъезжает в ближайшее время. Он действительно отъехал от станции, а потом застрял на путях, закрывая проезд поездам армейского корпуса. Прождав четыре часа, я отправился за сведениями к начальству, сначала военному, где мне подписали новый ордер, затем к железнодорожному. Дежурный по станции, бестолково мешая технику с географией, ничего не объяснил. Чиновники второго и третьего уровня разъяснили мне загадку. Из Екатеринбурга ехал поезд, для которого не перевели стрелку, и с разрешения того же начальника вокзала, который отправил наш, этот поезд вот уже четыре часа стоит нос к носу с нашим. Чего таким образом добиваются? Для пользы красных хотят задержать переброску армейского корпуса? Или хотят окончательно заблокировать проезд сотни эшелонов? Я отправляюсь к начальнику станции и произношу несколько очень разумных и угрожающих фраз. Через четверть часа наш поезд возвращается на вокзал, за ним въезжает тот, что в нас упирался, после чего мы отправляемся в Екатеринбург.

Город волнуется. К вокзалу направляются всевозможные эшелоны, на платформах и под открытым небом расположились бивуаком

горожане и крестьяне, ожидающие отъезда. Все в недоумении от этой внезапной эвакуации после того, как на протяжении двух месяцев готовились к встрече правительственных учреждений.

Оживились подпольные силы. На железной дороге и на других транспортных артериях рабочие бунтуют. Схватка завязалась возле складов с мукой: железнодорожники не позволяют их эвакуировать*. Ночью я видел, как на вокзале собирались и шептались небольшие группы людей и сразу же разбежались, увидев мою форму. Мне попадались полупьяные типы с разбойничьими рожами, которые набрасывались на механиков, машинистов, стрелочников, кондукторов. После двенадцати пять человек, среди которых две хорошо одетых женщины, были арестованы, их обвинили в подстрекательстве к саботажу, и их постигла та же участь, какую большевики предназначают для защитников противоположных идей.

В час ночи произошло столкновение поездов: разбито четыре товарных вагона, вышли из строя два железнодорожных пути. К 4 часам новое столкновение в 39 километрах от нас, и единственный путь между Екатеринбургом и Омском на полдня заблокирован. Понятно, что все это не просто случайности.

Саботаж сопровождается еще и шантажом: деньги вымогают со всех сторон. Ставка генерала [М. К.] Дитерихса²⁴⁸ приготовилась к отъезду, постаравшись скрыть это как от французской миссии, так и от населения, которому генерал гнал относительно положения на фронте и которое теперь, даже не предупредив, оставлял на милость врага. Всю ночь велись переговоры с составителями поездов, их просили прицепить такой-то вагон к такому-то эшелону, о котором стало известно, что он вскоре отправляется. Однако первым уезжает совсем другой поезд, потому что подмаслили чиновника выше рангом.

Я заговорил об этом с генералом Джеком²⁴⁹, предложив ввести суровые меры наказания для составителей поездов, стрелочников и механиков, которые вынуждают армию терять столь дорогое для нее время. Он высказал мне свое осуждение. Когда нужно присоединить к поезду штаба армии пять вагонов иностранных миссий, он отдает приказ и не удивляется, что его исполняют**. Однако он до сих пор не

* Повсеместно врагу оставлялись большие запасы зерна, и невольно напрашивается вопрос: а что если форс-мажорные обстоятельства были только удобной отговоркой для интендантов и начальников транспорта? Перед мостом в Уфу было оставлено множество эшелонов с зерном, в Уфе 6 миллионов пудов зерна и 4 миллиона пудов овса достались довольным красным и проданы коммерсантам-евреям, присхавшим в Сибирь за зерном, чтобы торговать им в России. В Челябинске необъяснимым образом интенданты оставят еще 4,5 миллионов пудов зерна.

** На следующее утро генерал Джек пожаловался за выговор от главного штаба Русских, его, специалиста по железнодорожным перевозкам, отчитали за то, что он рас-

знает, что подобной исполнительностью обязан русскому фабриканту (директору завода на основе английского капитала, что и обеспечило ему покровительство англичан), чей «служебный вагон» находится среди вагонов офицеров-союзников, и он в своих собственных интересах обеспечивает перемещение всей группы, платя 250 рублей составителям поездов. Фабрикант избавил офицеров от необходимости применять силу или давать взятки служащим. Генерала Джека мое сообщение не порадовало.

Нескончаемая череда поездов с интервалом в 50 метров ползет к Омску. Время года солнечное, и пассажиры большую часть времени гуляют рядом со своим вагоном. Посмотришь – до горизонта поезда. Когда самый первый паровоз трогается и эхо сто раз повторяет шум заработавших локомотивов, пассажиры кидаются к вагонам. Четыре раза по дороге мы видели следы недавних столкновений: паровозы, увязшие в песке, вагоны, разбитые в щепки или сгоревшие, – деяния нового режима, который страна готовится принять.

В городах на рынках, куда я заходил за провизией, население лукаво посмеивается, глядя на лишившихся всего «буржуев», теснящихся в грязных вагонах для скота, убегающих от власти пролетариата. Но почему крестьянки бросают нам на ходу такие злобные презрительные слова именно сейчас, когда они вот-вот окажутся под жестоким режимом, избавление от которого они встречали крестными ходами два месяца тому назад?

– Не дадим вам хлеба, – сказала мне одна крестьянка. – Надо что-то и красным оставить.

– Бегите, бегите, – сказала мне другая, – только до моря не останавливайтесь, а то догонят.

– Не хотим ваших омских денег, – сказал старик крестьянин. – Их и в Омске скоро брать не будут, а в Иркутске и давно.

За две недели мы проехали от Екатеринбурга до Омска через бескрайние хлебные поля Пермской и Акмолинской губерний. Они и есть – истинная цель красных. Как тут не вспомнить завоевательные войны Средних веков? Кочевые воинственные племена нападали на смягчившиеся и упорядочившиеся цивилизации, чтобы завладеть богатствами, созданными систематическим трудом, к какому сами они не были способны. Получив что хотели, они возвращались к своим шатрам в горы.

Глава VI. Крестьянские восстания

1. Сибирские крестьяне

Барнаул, 10 августа 1919 г.

Транссибирская дорога в некоторых местах была опасна из-за банд, обосновавшихся в деревнях, расположенных недалеко от железной дороги. Те, кто отождествляет эти банды с русскими большевиками, глубоко ошибаются. Хотя красная пропаганда сыграла немалую роль в формировании этих партизанских отрядов, но их ни в коей мере нельзя считать силами советских войск. Недовольство, которое подвигло множество крестьян (20 000 только в южном районе Новониколаевска)²⁵⁰ взяться за оружие против войск сибирского правительства и его союзников — чехов, поляков, итальянцев, японцев, имеет сложные причины.

Русские крестьяне веками мечтали не только о собственности на землю, которую обрабатывали они и их предки, но еще и об автономии их маленьких коммун (они называют их «мир»), то есть о неограниченном и исключительном праве действовать во имя собственных интересов. Большевистской революции, в первую очередь, стали симпатизировать деревни как в Сибири, так в России из-за организации понятных для крестьян учреждений — местных комитетов. Комитеты назначали чиновников, судей; штабы в организованных ими отрядах вводили новые законы, заключали союзы с другими комитетами или группой комитетов. Такой союз, обычно недолговечный, был единственной высшей инстанцией по отношению к комитету. Большевики поначалу поощряли заложенную в русской коммуне тенденцию к децентрализации, считая ее самым надежным инструментом для разрушения старого общества или того, что от него еще оставалось, однако вскоре децентрализация вошла в открытый конфликт с новым принципом большевиков — принципом диктатуры пролетариата.

Пролетариат в качестве организованной политической силы мог выстоять и бороться, только имея над собой железную руку. У русского пролетариата был вождь, которого представляли тысячи комиссаров, разносившие по всей стране «волю пролетариата». После эфемерной иллюзии независимости крестьяне вновь обнаружили над собой централизованную власть и новую аристократию, гораздо более агрессивную, чем была патриархальная. Они почувствовали, что их предали, и отправили против комиссаров своих партизан, но повсеместно их яростное и злобное сопротивление быстро гасло, они пасовали перед организованными силами пролетариата.

В Сибири крестьяне пока еще не расстались со своими революционными иллюзиями, приветствуя автономию, о которой продолжают

твердить им юные дурачки, студенты и студентки, но какую ни один политический режим им не даст.

2. Недовольство крестьян. Атаман Анненков

Строгое, но предельно справедливое обращение могло бы подвести крестьян к осознанию своих обязанностей по отношению к нации, обязанностей, которые им кажутся глубоко антидемократичными. У Омского правительства было для этого достаточно доброй воли. Его законы и декреты, его предписания чиновникам были продиктованы гуманными принципами. К сожалению, Омское правительство имеет скорее символическое значение, а реальная власть акмолинского атамана распространяется не далее Омского округа.

Начиналось все с мелких стычек населения с чиновниками. Жителей деревни Панфилово около Семипалатинска обязали очищать от снега железную дорогу на протяжении всей зимы за 7 рублей в день, но они не получили ни копейки.

Связь главного округа с деревнями была плохо налажена, зачастую приказы о мобилизации или уплате налогов приходили в них после указанного предельного срока, и с крестьян брали штрафы.

Однако подобные неурядицы не привели бы к восстанию целых провинций. Более серьезное недовольство возбуждало поведение банд, которые, будучи на службе у Омского правительства, «восстанавливали» порядок в этих районах. Самые известные отряды грабителей находились под командованием атамана [Б. В.] Анненкова.

Есаул Анненков, казак из Семиречья, хороший командир, человек смелый и грубый, на начальном этапе организации Сибирской армии не получил помощи от знаменитого генерала [А. Н.] Гришина-Алмазова, военного министра Омска. При поддержке частных лиц Анненков требовал смещения и наказания министра. Он сражался вместе с чехами на Уральском фронте, где отличился кровавыми расправами. Деревня Славгород, где красные предательски убили около двадцати офицеров, была им утоплена в крови²⁵¹. Анненков отказался подчиняться чешскому командованию, что было предписано русским войскам указом из Уфы, покинул фронт и вернулся в родной Семипалатинск²⁵², где его встретили без особой радости.

Он обосновался в Семипалатинске, где им руководили – по слухам – английские офицеры. Ему удалось создать многонациональное войско, куда входили казаки, великороссы, украинцы, венгры, башкиры, пруссы, монголы, татары, китайцы²⁵³. Под черепом с костями эти солдаты писали: «Бог и атаман» или «Не боимся никого, кроме атамана». Анненков по своей воле творил суд и расправу, и гражданское население района страдало по вине амбициозного атамана.

Под девизом защиты «Семиреченского фронта» от малоопасных красных отрядов войска Анненского пользовались любым предложением, чтобы появиться в какой-нибудь деревне, ограбить ее и поджечь. Анненков «реквизировал» все подряд: банковские сейфы, наследие русских и союзнических интендантств, дома, драгоценности, сырье. Следующая история свидетельствует о независимости Анненкова от правительства. Анненков занял здание Волжско-Камского банка. Директор отправил жалобу адмиралу и вступил в разговор с атаманом. Тот, польщенный, решил, что конфискует только деньги страховой кассы, предназначенные для заболевших рабочих. На следующий день директор обнаружил совершенно пустое помещение – из банка вынесли все, включая столы и стулья. В полном расстройстве он отправился к Анненкову, тот показал ему гневную депешу адмирала с запретом трогать банк. «Можете опять пожаловаться адмиралу», – заявил он директору.

После систематических ограблений города и района Анненков стал вести себя скромнее: источники иссякали. Союзники предложили ему свое посредничество в переговорах с правительством. Чтобы поддержать фикцию единого командования в Сибири, Омск признал Анненкова и его банду и сделал частью Сибирской армии, ни в чем не изменив его войска. Таким образом, на свое несчастье правительство Омска, слишком слабое, чтобы осуществлять серьезный контроль, взяло на себя ответственность за действия местных банд, не получая от них при этом никакой поддержки при угрозе общенациональному делу*. Крестьяне, возмущенные разбойным поведением анненковцев, открыто поднимались против сибирского правительства, которое было вынуждено в таких случаях наводить порядок и поддерживать свой авторитет при помощи регулярных и союзнических войск.

* В июле 1919 г. отряд Анненкова был отправлен на фронт под Екатеринбургом, чтобы укрепить его, но он отказался сражаться (из Партизанской дивизии атамана Анненкова на Западный фронт были отправлены отдельные части; отказываясь выполнить приказ о переброске дивизии, Анненков объяснял это нежеланием находившихся в составе отряда киргизов и китайцев покидать российско-китайскую границу, а семиреченские казаки, по его словам, не хотели оставлять на разграбление свои хозяйства. – *Примеч. сост.*). В городе он начал с того, что выгнал евреев из публичного сада, ограбил несколько кварталов, устроил 12 июля кровавый еврейский погром и сбежал за три дня до появления красных. В качестве извинения за погром начальник отряда прислал следующий рапорт: «11 и 12 июля разведчики моего отряда могут подтвердить, что евреи Екатеринбурга скупали денежные билеты Керенского в 20 и 40 рублей и готовились радостно встретить красных. Считая их поведение антиправительственным, я приказал моему отряду, защищающему город, положить этому конец, применяя при необходимости оружие. Солдаты, верные слуги отечества, не в силах перенести такой обиды от евреев, решили без ведома командиров, убить евреев. Что и было сделано. Учитывая исключительную отвагу этих солдат (1), прошу их не наказывать».

Но и правительственные войска и отряды действовали порой не лучше анненковцев.

Майор чех Бейл в мае 1919 г. во время операции против «красной» банды в районе Красноярска обнаружил отряд [И. Н.] Красильникова в деревне Талая, южнее Каменска, отряд грабил деревню. Одежда, самовары, часы, женские украшения были сложены на подводу. На замечание Бейла командир отряда ответил: «По приказу Колчака». Несколько казаков банды, тронутые рыданиями женщин, тоже хотели положить конец бесчинству и обратились к чехам: «Братья чехи, если вступитесь, мы с вами!» На протяжении четырех часов, какие Бейл пробыл в деревне, он защищал русских от русских.

Поручик Васильев из 42-го Сибирского полка, следователь Фрид и начальник местной милиции поселка Волчиха вошли в сговор, избивали крестьян, «реквизировали» у них деньги, насиловали женщин.

Местные жители были недовольны также чехами, обвиняя их в том, что они истощают край: скупают скот, зерно и сырье*.

3. Большевистская пропаганда в деревнях

Сибирские крестьяне, особенно в тех районах, где я побывал (между Новониколаевском и Алтаем), — вовсе не большевики. Потомки беглых крепостных или каторжников, они крайне ревниво относятся к собственной независимости и сопротивляются любому принуждению. Они не смогли бы и дня вытерпеть тиранию красных, и многое потеряли бы при их режиме, так они — собственники и нередко крупные собственники. Но большевизм только входит в свою решающую фазу, и местные крестьяне еще не представляют себе, что это такое по существу. Многие деревни, которые поддерживают отряды, действующие против правительства адмирала, стали спонтанно прогонять и красных тогда, когда чехи чистили Транссибирскую дорогу²⁵⁴.

Крестьянские восстания не означали симпатии к режиму Москвы, и нет сомнения, что, если бы Москва добралась до этих мест, она бы столкнулась с точно такими же бунтами.

Однако «революционные» организации в деревнях складывались благодаря пропагандистам и активистам, приехавшим из России.

* Из-за беспорядка в обращении денег — в Сибири ходило около тридцати различных валют, не считая всевозможных фальшивок, население вернулось к прямому обмену товарами. От рубля отказывались в качестве платы, но сохраняли его как основу расчетов. Так, киргизы продавали корову за 1500 руб.; масло — за 300 руб. за пуд; овес — от 22 до 30 руб. за пуд. Свои товары они меняли на чай — 30 руб. фунт; веревки для телег — 35 руб. аршин; железные листы и гвозди — 120–150 руб. за пуд; войлок — 60 руб. за квадратный аршин.

Омское правительство не имело возможности контролировать те тысячи военнопленных, которые в начале этого года устремились из Германии в Сибирь; по мере того как войска адмирала продвигались вперед, красные «благородно» пропускали этих бывших военнопленных через свои линии. В марте возле Уфы я разговаривал с несколькими такими бывшими военнопленными, и они признались мне, что многие их товарищи не были в Германии. Вместе с возвращающимися военнопленными в Сибирь прибыло множество большевистских агентов, снабженных инструкциями и деньгами, что способствовало их успешной деятельности.

В каждой группе красных партизан, которые действовали в этом районе, среди начальства был, по крайней мере, один командир из приезжих, более умный и целеустремленный, чем местные. В Бийске мимо моего вагона вели группу из 30 крестьян, захваченных чехами в лесу, где они спрятались, собираясь напасть на наш эшелон. При виде этих пленников мне трудно было не почувствовать удовлетворения. Ночью была гроза. Станция не охранялась. Нас бы всех перебили, если бы их не обнаружили. Думаю, что многие из них тоже заплатили бы жизнью за эту операцию. Среди этих злобных, лишенных оружия людей мне не составило труда определить главного. Он и в шаге от смерти сохранял влияние и авторитет.

Приближение Красной армии повысило престиж пропагандистов, которых крестьяне принимали поначалу с недоверием. Желая поквитаться за анненковцев, за чиновников и проч., свободолюбивые крестьяне попадали под влияние «комиссаров», хотя и не собирались связывать с ними свое будущее. Речи молодых и горячих людей, в большинстве своем студентов и студенток, лишенных когда-то права жить в больших городах, сводились к нескольким весьма популярным в начале революции идеям: отмена крупной собственности, автономия коммун, расширение прав земства, создание деревенских комитетов, отмена классовых привилегий и т. д.

Красные «штаб-квартиры» активно действовали во всех направлениях. Офицеры 5-го Чешского полка²⁵⁵ нашли в деревне Шилово следующее сообщение, повешенное на церкви: «В ближайшие дни, сюда пожалует банда разбойников, переодетых солдатами (намек на чехов, которые охраняли железную дорогу), они будут грабить и жечь ваши дома, уводить скот. Вооружайтесь и гоните узурпаторов! (подпись) Штаб красных, Изим».

4. Формирование повстанческих отрядов

Примерное количество вооруженных «большевиков»: между Новониколаевском и Барнаулом до 3000, между Барнаулом и Семипалатинском от 4000 до 5000, вокруг Бийска 12 000. Но среди

них повсюду бурлящее население, которое при малейшей возможности «выплескивает» повстанцев.

Два месяца тому назад в этом районе уже сформировалось ядро, готовое к восстанию. Каторжники, освобожденные советскими властями, бывшие красные солдаты, загнанные в леса победоносными чехами²⁵⁶, поденщики, которым терять нечего и которых захватила красная пропаганда, — все они ушли в тайгу (леса непроходимы отчасти из-за воды, отчасти из-за густого кустарника) и оттуда совершали набеги на богатые деревни. К этим бандитам красные эмиссары могли присоединить еще и крестьян, возмущенных Анненковым и чехами, или тех, кто впрямую бунтовал против правительства как такового.

Красные эмиссары начинали с того, что заставляли жителей принимать себя, прятать и кормить. Они пользовались любым предложением, чтобы силой или уговором вооружать во имя революции — перед этим словом устоять было трудно — все новые и новые деревни. С некоторого времени даже богатые крестьяне (имеющие по 10 000 и 20 000 пудов зерна в амбаре) приходили к повстанцам.

Самыми желанными были отпускники, приехавшие с фронта на побывку с саблей, винтовкой и патронами (!). Многие из них, пропустив срок возвращения, боялись вернуться в полк и отправлялись вместе со своим оружием к повстанцам. Случалось и дезертирство. Небольшие патрули часто переходили на сторону врага. Полтора месяца назад сторожевой пост у моста через Обь, возле Барнаула, дезертировал с оружием и несколькими ящиками патронов*. Существовал тариф, по которому продавался армейский провиант. Два солдата, уехавшие с уральского фронта в отпуск, были пойманы за воровство двух пулеметов с боеприпасами, которые они провезли чуть ли не по всей Транссибирской дороге.

Вооружение партизан: от 10 до 20 % — ружья, берданки или охотничьи, у остальных косы и пики — металлический стержень, заточенный деревенским кузнецом и прикрученный к длинной палке, наподобие пик казаков. Крестьяне всегда атакуют большим числом, на лошадях, с немалым мужеством. Они идут даже против пулеметов, благодаря чему добираются иной раз до первой линии противника. На станции Топчиха чехи, осажденные крестьянами, были вынуждены драться с ними всерьез. Такие сплоченные и дисциплинированные отряды несут огромные потери: 78 убитых партизан и два раненых чеха (Топчиха) или 266 убитых против нескольких раненых (Усть-Тальменка).

* Официальный рапорт русских сообщает, что красные напали на сторожевой пост у моста и взяли пленников. Расследование, проведенное русскими и чешскими офицерами, установило факт, который я и изложил.

Их часто можно видеть вдалеке большим отрядом. Крепко сбитые, коренастые, свирепые, грубые, они ездят без седел с копьём в руках, нападают на станции день за днем; бросаясь в бой, крестятся, словно идут против колдовства; отступают, если чувствуют твердую решимость противника, потом нападают с другой стороны. Пехотные отряды, отделенные друг от друга большими расстояниями, мало что могут сделать против них, они должны быть настороже днем и ночью, из-за чего охрана железной дороги становится изнурительной. Поляки и чехи находили изуродованные тела своих товарищей, которые попались в руки партизанам. Перед смертью эти несчастные изгнанники, вовлеченные в совершенно чуждую им гражданскую войну, претерпели страшные мучения: их протыкали раскаленным железом, по частям отрубали руки и ноги, снимали скальп, выкалывали глаза, сдирали кожу, осуществлялись и другие надругательства, по которым можно узнать убийц, отпущенных на волю из сибирских тюрем.

5. Репрессии чехов и русских

Теперь для охраны железной дороги одних только русских недостаточно. В настоящее время русские полки обнаруживают сносные боевые качества только на фронте, во время боя. Война, захватившая большие территории, отделяет бойцов друг от друга и затрудняет пропаганду среди противника.

Отряды милиции и мелкие гарнизоны провинциальных городков тоже зачастую на стороне партизан. Партизаны — по виду те же крестьяне, они смешиваются с публикой на станции, присоединяются к торговцам, которые продают и покупают, ездят по рынкам. Они говорят с вами, а стоит вам повернуться, выстрелят в спину. В Барнауле я видел, как русский на лошади убил ударом сабли мужичка из простых, который агитировал среди своих. Другой пропагандист был удачливей: несколько подразделений сбежало к партизанам.

Офицеры, командуя маленьким изолированным отрядом, не решаются действовать, опасаясь несогласия, неисполнительности, предательства своих подчиненных. В час опасности такой отряд, спасая свою шкуру, может пожертвовать командиром. Бывали случаи, когда молодые офицеры сбежали — с основанием или без — от своих солдат и возвращались в одиночку в казарму. Русские гарнизоны действуют всегда массой, хорошо вооружившись, осмотрительно, медленно, тяжело, двигаясь на врага, уже предупрежденного, у которого есть время спастись, убравшись куда-нибудь подальше.

Неуверенность, витающая в воздухе над войсками, оборачивается непрерывной угрозой бунта и гнетет живущее в городах начальство.

Все миндальничают с противником, надеясь его умаслить. Один партизан-крестьянин, взятый в плен чехами возле Калманки, заявил, что его отряд, который так и не был пойман, получал информацию от поручика N и начальника милиции Барнаула. Разговаривая с людьми, я часто слышал фразу: «Мы ни за кого. Ждем, когда война кончится». Правительство, которое борется за существование, ничего не может поделать со своей вялостью и нерешительностью. Их преодолевает только авторитет силы.

Восстание красноярского гарнизона и пленных венгров было подавлено только благодаря чехам и казакам, это свидетельствует о том, что охрана Транссибирской железной дороги может быть доверена только иностранцам²⁵⁷. Подразделения чехов, поляков, итальянцев, японцев, американцев, размещенные вдоль железной дороги, недосягаемы для красной пропаганды в силу собственной национальной пропаганды и дисциплины, к тому же красные восстановили их против себя своими жестокостями, и иностранцы одним своим присутствием поднимают боевой дух русских гарнизонов.

Небольшого иностранного подразделения с хорошим командиром обычно хватает для того, чтобы устранить беспорядки и наказать саботажников, но такое подразделение ничего не может поделать с «подрывными отрядами», специально предназначенными для систематического разрушения железной дороги. Отрезок пути Новониколаевск – Барнаул и две ветки к Бийску и Семипалатинску длиной в 740 верст охраняли всего лишь кавалерийский полк, пехотный батальон и чешская батарея.

На станциях было распространено вредительство: отводили поезда на другие пути, снимали масленки, портили тормоза. Ночью выгибали рельсы: привязывали один конец [веревки], который тянули 8 лошадей. Рельсы выходили из строя, тратилось время на то, чтобы привезти другие. Жгли деревянные мосты, бесчисленные в этих краях с немыслимым количеством балок и оврагов. Отряд из нескольких тысяч партизан, уничтожая мосты, блокировал бронепоезд или поезд с личным составом в лесу, облегчая себе задачу расправы с оккупантами.

Угнаться за партизанами могли только верховые. Чешская кавалерия, даже небольшими отрядами, с этим справлялась. Скорость была единственным условием их успеха, никаких замедлений они позволить себе не могли, поэтому не брали пленных. К тому же они мстили за своих товарищей, не забывая о кровавых останках, какие собирали с трудом.

На объявлениях, какие развешивали «красные штабы» по деревням после падения сибирского правительства и провозглашения Российской советской федеративной социалистической республики.

указывалась цена за головы местных контрреволюционеров: каза-
чьих атаманов и чехов, этих свирепых демократов.

6. Аванпост ночью

Барнаул, 13 август 1919 г.

Чешский батальон (из 5-го полка) с отличным командиром капи-
таном Костяком, размещенный в Барнауле, распределен следующим
образом: две роты охраняют большой мост через Обь, одна в порту,
другая в городе. Еще одна стоит наготове, чтобы отправиться чуть
севернее к станции Усть-Тальменка, где вновь сформированные под-
разделения только что заблокировали железную дорогу. 4-я рота за-
нимает аванпост на станции Калманка, куда я и решил отправиться.

На улицах множество русских солдат, то и дело слышишь, как
они, маршируя, поют, но только чехи всерьез ведут наблюдение за
прилегающей к железной дороге местностью, можно подумать, что
они одни обеспечивают порядок в этом взрывоопасном обществе.
Видишь, как уходят многочисленные русские подразделения с пуш-
ками и пулеметами, целые регулярные кавалерийские полки или от-
ряды казаков в красивом облачении, но все эти передвижения – одна
видимость военных действий. Нерешительность этих войск наво-
дит на мысль о попустительстве; общие безволие и медлительность
приводят всегда к одному и тому же результату: враг успевает уйти.
Между Барнаулом и Семипалатинском, между Барнаулом и Бийском
только колонны чехов реально действуют.

Батальонный бронепоезд остался в Калманке. Так что мы отпра-
вляемся на фронт в менее надежном поезде. Позади паровоза, на кото-
ром солдат-чех со штыком наготове присматривает за машинистом и
механиком, прицеплено с десятков платформ с песком и китайскими
кули²⁵⁸, которые в этой несчастной стране все чаще заменяют русских
рабочих, а после них багажный вагон, где мы сидим пятеро, капитан
Костяк, я и трое солдат, вооруженные винтовками и гранатами.

Между низких холмов предгорья Алтая пейзаж меняется непре-
станно. Скучные плохо обработанные поля сменяются широкими
лентами лесов, что тянутся по всему этому краю: болота и густой ку-
старник делают их почти что непроходимыми. Попадая в тень боль-
ших деревьев, мы на территории этой непредсказуемой войны чув-
ствовали себя неуютно.

И вот мы в зоне недавних боев. Пять свежесрубленных мостов
окружены искривленными рельсами и обожженными столбами. За
три первые отвечает ближайшая деревня. Чехи предупредили: «Если
хоть один сгорит, сожжем всю деревню». Безоружные крестьяне сто-

ят возле них на посту, готовые дать сигнал солдатам, охраняющим мосты в отдалении.

Пыхтя, приостанавливаясь возле каждого подъема, чтобы набраться сил, наш поезд медленно ползет по невыразимо скудной местности, глядя на которую, не понимаешь, зачем понадобилась эта дорога. Но спустя не одну сотню верст оказываешься в богатых краях Семипалатинска, где уже не один век пионеры великого славянского народа, казаки Семиречья или Сибири, крепостные, купцы или военные русские командиры протягивают руку для дружбы или сталкиваются в противостоянии с мусульманскими и буддийскими народами Азии: башкирами, татарами, монголами и киргизами.

В Калманке мы оказываемся в военном лагере, охраняемом часовыми и патрулями. Рота русских, расположенная возле станции, приободрилась благодаря соседству чехов, сплоченных, быстрых, жестоких, внушающих страх. К вагонам чехов – бойцы лепятся к ним, как улитки к раковинам – прикреплены в качестве военных трофеев пики большевиков, украшенные цветами и белыми с красным флагами. По платформам чинно прогуливаются уверенные в себе славяне, братья русских солдат, которые развивались по-другому: многовековая борьба с германцами сплотила их и научила нестигаемой дисциплине.

Эта рота чехов неделю тому назад подверглась настоящей осаде на станции Топчиха и была вынуждена ее оставить. Бойцы жили в этом же самом поезде и оказались в 120 верстах от самых ближайших подразделений, в полной изоляции от них из-за обрыва телеграфных проводов и сожженных мостов. Отряд из двух или трех тысяч верховых партизан попытался, надеясь на численное превосходство, взять роту чехов в 107 человек, забаррикадировавшихся между своим поездом и товарным. Большинство крестьян были вооружены только пиками, но нападали яростно. Они пользовались уловками, какие нам известны из романов Майна Рида и [Г.] Эмара²⁵⁹: атаки в масках со стадом коров впереди, продвижение ползком по густой траве или полю, а потом появление с жуткими воплями и т. д. Ночь была беспокойной и страшной. Партизанам удавалось приблизиться к поездам, и тогда их убивали прикладами. Офицер и несколько солдат, уехавшие на паровозе с двумя ротными пулеметами, вернулись на рассвете, сумев проехать по мосту, уже охваченному пламенем. С помощью пулеметов, воздействие которых на этих темных людей непредсказуемо, чехам удалось расширить круг нападающих, но не разорвать его. Крики партизан раздавались со всех сторон, мычали раненые коровы. Поезд чехов тронулся, они починили несколько мостов и прибыли на станцию Шилово. Здесь повторилось то же самое. Партизаны набежали со всех сторон, закрыли путь вперед, разрушенные мосты по-

зади не давали возможности двинуться обратно. Чехи приготовились пробиваться с оружием в руках через толпу озверевших крестьян. И тут появился полуэскадрон поручика Себерта, он молнией налетел на деревню Шилово, порубил человек двадцать крестьян, поднявших руки вверх, и разогнал остальных, впавших в панику. Осажденные и освободители горячо обнялись. Пехотинцы навек зареклись ругать дурными словами кавалеристов.

Капитан Костяк и я продолжили наш путь в батальонном бронепоезде. Мы решили навестить полуэскадрон, расквартированный в качестве авангарда группы защиты железной дороги перед деревней Шилово.

Едва мы успели остановиться в поле, как к нам навстречу подскочил поручик Себерт, молодой, стройный с костистым энергичным лицом, дышащим воинственностью. Великолепный мушкетер, влюбленный в войну, как в искусство или спорт, он создал из своих 50 всадников великолепный отряд, внушающий такой страх, какой «батюшка» [Т. Г.] Масарик никогда не надеялся внушить своим духовным детям. Он пожаловался нам на монотонную жизнь, которую скрашивает среди дней нестерпимой скуки только ожидание военного приключения.

Отряд обосновался на небольшой территории, окопав ее рвом. Пятьдесят кавалеристов. Обслуга двух 37-миллиметровых скорострельных пушек и 4 пулеметов пушек – еще 40 человек. Маленький гарнизон из 90 человек ночует в двух крестьянских избах и под открытым небом.

Легкие облака плывут по темному небу. Наши глаза наконец привыкли к темноте, и нам стало казаться, что вокруг нас мелькают какие-то тени. Три верховых мгновенно отправляются на разведку и исчезают в темноте. И вот, что сказал Себерт: «Своеобразное у нас положение. Днем и ночью мы окружены несколькими тысячами партизан, жаждущих мести. Они следят за нами издалека и, если замечают, что мы устали и немного расслабились, норовят ударить в спину. Мы видим только их силуэты на горизонте, зато ночью они приближаются, считая, что охраняют местность – опасность воображаемая: мы нападаем только вынужденно; а если бы захотели взять местность, взяли бы. Днем и ночью мои патрули объезжают окрестности. Сегодня после полудня семь верховых с пулеметом отправились патрулировать, и тут же возникли три сотни партизан на лошадях. Патруль продолжал прогулку, не делая ни единого выстрела, а его на значительном расстоянии сопровождал опасный эскорт».

«Наше сотрудничество с русскими? Никакого сотрудничества. Ненадежность их войск не дает возможности на них рассчитывать. Получи я под свою команду роту или полк русских, я не мог бы рас-

считывать на успех своих планов и на безопасность моих людей. У них нет ни решительности, ни воодушевления, ни быстроты – того, что обеспечивает наши успехи и малое число потерь».

7. Русский офицер, командир монголов

Бийск, 16 августа 1919 г.

Бийск стоит на реке Бия, неподалеку от города она сливается с рекой Катунь, и они образуют реку Обь. Это главный город округа и русский аванпост перед дикими землями Монголии. Он расположен на важном пути, ведущем в Китай через ущелья и перевалы Алтая. Бийск – рынок, где встречаются охотники и горнорабочие Алтая с покупателями и продавцами двадцати разных народностей. Перед большой церковью в рыночные дни встречаются киргизы, калмыки, башкиры, татары, монголы в длинных меховых плащах, шапках и капюшонах ярких цветов с купцами из России, Китая, Японии и Кореи.

На следующий день после моего приезда партизаны разобрали рельсы перед поездом около Хайрузовки и остановили, таким образом, на четыре дня все движение. Я воспользовался этой вынужденной остановкой, чтобы познакомиться с несколькими заметными личностями. Кроме чехов, я нашел только штабс-ротмистра фон Мейера²⁶⁰, дееспособного офицера с убеждениями.

Штабс-ротмистр фон Мейер, храбро сражавшийся на войне с японцами^{*}, не был допущен на фронт во время Великой войны из-за своего балтийского происхождения²⁶¹. Недоверие России к офицерам-эстонцам²⁶² зачастую не имело под собой основания. Их характер и взгляды формировали русские матери и русские предки, а не фамилия. Фон Мейера отправили в предгорья Алтая, в Бийский округ, где он получил в свое распоряжение сотню забайкальских казаков и стал носить желтые погоны²⁶³.

* 14 июня 1904 г. он был послан в разведку с 18 верховыми казаками в район Син-Ю-Чен. За поворотом балки он повстречал пешего лейтенанта-японца с двумя солдатами. Сдаться японец отказался и встал в боевую позу. Не желая атаковать, ротмистр фон Мейер предложил дуэль на саблях, японец согласился. Солдаты получили приказ не вмешиваться, что бы ни происходило. Гигант-противник выбил у маленького японца саблю, но тот снова отказался сдаться. Во время следующего этапа поединка японцу удалось ранить противника в шею (знаменитый прямой удар в горло). Считая этот удар предательским, в чем он ошибался, фон Мейер проломил японцу голову. Он отправил солдат с телом их командира к японцам, а сам отправился перевязывать обильно кровоточившую рану. На следующее утро к нему явился японский парламентарий, которого отправил генерал [Т.] Куроки, желая узнать имя русского офицера столь безупречного поведения. Подобные случаи, напоминающие о старинном рыцарстве, были редкими.

Фон Мейер человек высокого роста, прекрасный наездник, любит приключения. В 1915 г. он поймал в горах немецкого офицера, ехавшего из Пекина, скорее всего с опасными намерениями. Получив задание найти и наказать монголов, которые, будучи русскими подданными, отказались помогать фронту и угнали скот, он с 75 казаками проник в Монголию, наказал виновных и разгромил монгольский батальон, который хотел помешать ему въехать на китайскую территорию. Познакомившись с начальниками-монголами, он сумел, как это умеют делать только русские и в особенности русские офицеры, расположить их к себе. Три монгольских хана: Клан-гун, Цукер-бай и Конбай-гун, под чьей командой находилось десять тысяч сабель, полюбили его. Оценили его силу, прямую грубоватую речь, выносливость в непогоду, среди тягот и за столом со спиртными напитками, его практический не без лукавства ум, старание понять другие народности, дипломатичность и справедливость. Он не позволял себя обманывать, но не упорствовал в ненависти и умел прощать. Слушаясь его, словно полубога, они знали, что будут оценены по достоинству, если соглашались подчиниться, то потому что были уверены: к ним отнесутся с уважением. Монголы обожали в фон Мейере русского.

Фон Мейер мечтал о верховенстве русских над монголами, киргизами, калмыками – кочевыми народами, умеющими великолепно управляться с лошадьми. Пожив среди их воинов, в их юртах, он узнал их отвагу, склонность к мародерству, понял, насколько они опасны, но оценил дисциплинированность, они беспрекословно подчинялись своим командирам, которые умели ими управлять. Фон Мейер не хотел отдавать красным и иностранцам богатства Алтая: золотые, серебряные, платиновые рудники, уголь, редкие меха, огромные стада и табуны, живую силу быстрых горных рек.

Два инженера-американца, приехавшие изучить возможность использования «голубого угля» реки Катунь, были мгновенно арестованы киргизами, которые немного их помучили и отпустили.

Фон Мейера буквально трясло от гнева при мысли о красных или китайцах. Он надеялся, что против военного движения в сторону юга можно использовать монгольскую кавалерию, которая примкнет к правому крылу сибирских казаков. Эта отважная безжалостная орда станет мощной силой, если ее организовать. Подходы к Алтаю можно легко защищать в селеньях Чаратская, Солонерная, Куган, Комар, достаточно поставить там несколько пулеметов.

А если – фон Мейеру это казалось невозможным – Красной армии удастся добраться до Бийска с помощью взбунтовавшихся крестьян, он устроит новое монгольское нашествие – пусть монголы дойдут до Транссибирской дороги. Это будет ужасно, но он предпочитает победу воинственных кочевых народностей победе холодных теоретиков,

разваливших его родину. В ожидании реставрации Романовых он в качестве уполномоченного атамана Семенова готов управлять империей, расположенной между двумя мирами. Он сохранит ее в неприкосновенности для будущего русского господства.

8. Мятежники взяли отпуск

Барнаул, 18 августа

Большинство партизан вернулись к себе в деревни. Хлеб созрел, на полях обильный урожай. Партизаны бросили копья и берданки и отправились собирать мирную жатву. Возобновления гражданской войны можно ожидать не раньше, чем через два – два с половиной месяца.

Глава VI. Большевистский заговор

1. Разоблачение большевистского заговора

Новониколаевск, начало августа 1919 г.

Полтора месяца тому назад секретная служба чехов обнаружила в Новониколаевске головную организацию большевистских заговоров в Сибири. Постоянная порча железной дороги и заводов, подстрекательство солдат к мятежам, вооружение красных крестьян в сибирских деревнях, саботаж в системе городских служб – все это планировалось и тщательно готовилось. Я долго беседовал с полицейским, который первым почувствовал недоброе, с рвением шел по следу и в конце концов докопался до корней. Позже я получил возможность ознакомиться с протоколами процесса и был поражен обилием деталей, говорящих в первую очередь о самих этих людях; деталей, помогающих нам представить их темные, малопонятные жизни, увидеть в этих деталях, пронизывающих их жизни как кровеносные сосуды, будущие неминуемые трагедии.

Эти подпольные общества окружали себя глубокой тайной. Каждый заговорщик, будь он глава или подручный, убежденный или привлеченный, становясь хранителем опасных секретов, ощущал прикосновение ледяных пальцев смерти. Смерть отныне подстерегала его повсюду – неожиданная и бесславная, не оставляющая памяти ни о человеке, ни о героизме.

Против глухой тишины и злого умысла затаившихся в потемках у полиции не было другого средства, кроме терпения. Время от време-

ни случай давал ей в руки ниточку, следовать по которой нужно было с величайшей осторожностью.

Ниточки тянулись от самих заговорщиков. Долго, тщательно, умно и предусмотрительно они готовили заговор. Многие дни, занимаясь подрывной работой, они хранили смертельно опасную тайну. Разрушительные намерения скрывали под маской спокойствия и безразличия. Но однажды под влиянием алкоголя роняли неосторожное слово, оно улетало, легкое, как перышко, но их жизни, давно уже повязанные со смертью, обрывались.

2. Варя и девочка Оля

Тысячи пропагандистов и тысячи беженцев прятались по дальним деревням от приближающейся чехословацкой армии в августе–сентябре 1918 г. Пропагандистов направляли из России напрямик через линии фронта, чтобы готовили крестьян к восстанию. Пропаганде поддавались целые гарнизоны. Но людей нужно было снабдить винтовками, пулеметами, пушками. Иной раз удавалось дерзким нападением захватить отправленную из Омска плохо охраняемую партию оружия. Несколько солдат-поляков из полка в Новониколаевске выказали готовность участвовать в заговоре и должны были помочь завладеть двумя полковыми батареями и оружием. Вооруженные банды должны были войти в город в условленное время ночью, атаковать казармы и дома, где живут офицеры, с помощью тайно привлеченных к заговору военных устроить массовую резню, после чего с полученным оружием организовать небольшую армию. Эта армия, удобно расположенная в центре Сибири, на жизненно важной военной и коммерческой артерии, должна была «зажать» правительство Омска между воюющими и восставшими. Дело шло к концу, плелись последние нити паутины, соединявшей болота на севере с Алтайскими горами на юге. В правительственном лагере никто ни о чем не подозревал.

И вот однажды вечером двое рабочих, пошатываясь, спускались по лестнице одной из больших русских казарм на Воронцовской улице, где бок о бок, ничего не зная друг о друге, сосуществует множество людей. Рабочие считали, что на темной лестнице никого кроме них нет. Один наклонился к другому и сказал шепотом: «Скоро придет женщина с маленькой девочкой говорить с Павловым и готовить восстание». И они пошли своей дорогой дальше, а фраза растворилась в холодном ночном воздухе.

Но наверху, наклонившись над перилами, молодая женщина ждала своего возлюбленного, солдата-чеха. Ее позабавили услышанные

слова, и она пересказала их другу. Вот и ниточка, теперь терпеливо и внимательно наблюдая, нужно было по ней двигаться.

Полиция арестовала молодую женщину и завербовала ее к себе на службу. Особых усилий для этого не потребовалось. Как наблюдатели любовницы необыкновенно ценны. Любовь делает их внимательными, прозорливыми, скромными, они в таких случаях просто незаменимы.

Спустя два дня женщина сообщила о двух новых жильцах, которые проскользнули в дом в сумерках со двора. Солдаты-чехи окружили дом и обыскали его. На чердаке они обнаружили женщину и маленькую девочку 10 лет, которые на все вопросы отвечали одной заученной фразой: тетя с племянницей приехали в город за покупками. Их разделили и заперли по отдельным камерам. Женщина прекрасно понимала последствия откровенности и на протяжении нескольких дней продолжала настаивать на своей невинности. Другое дело девочка. Как только ее освободили от зловещего влияния старшей и она просидела целый день в потемках, она написала письмо агенту секретной службы, пожаловавшись на скуку и попросив книг. Ей прислали книги и конфеты. Ребенок был теперь не только заинтересован, но и расположен. Ласковое обращение, подарки, и секрет – детям так несвойственно хранить секреты – стал мало-помалу выплывать наружу. Стремление сохранить верность мешало девочке выложить все, но один полицейский, то ли самый грубый, то ли самый нетерпеливый, пригрозил ей поркой, и она все рассказала.

Маленькую Ольгу Солнцеву учила шпионить Варя, купившая ее у тети Лизы, с которой девочка жила в Омске после смерти родителей. Никто на вокзале в Новониколаевске не мог ни в чем заподозрить десятилетнюю малышку, продававшую солдатам-чехам сигареты, печенье и лимонад. Она со смехом их расспрашивала о проходящих эшелонах, получили ли они винтовки и провиант, где еще стоят чехи, враги свободы. Она была слишком мала для опасных для дела любовных интрижек, охотно слушалась свою наставницу. Словом, со своей милой простодушной мордашкой она была бесценным сотрудником. Собрав днем важную информацию, она, исполненная собственной значимости, сообщала о ней на секретных собраниях, присутствуя при всех разговорах, ее ласкали, баловали и не принимали всерьез. Опасно доверяться детям? Все опасно для заговора, который понемногу становится все разветвленнее.

Победив старые симпатии Оли, ей устроили встречу с Варей. Та замкнулась в суровом и упорном молчании. Но опытным полицейским не составило труда справиться во время театрально организованной встречи с бдительностью женщины, которая подверглась суровому испытанию одиночеством. Варя внезапно призналась во всем

и, зная, что теперь обречена, за водку и сигареты, которые ей давали каждый день, рассказала обо всем, о чем ее спрашивали. Она была членом той знаменитой «пятерки» в Омске, чьи члены после того, как ее обнаружили, были казнены омскими казаками. Она, простая женщина без образования, избежала расстрела, ставшего участью других, более заметных революционеров. С заурядной внешностью ей не составило труда прятаться сначала в Омске, а потом уехать из столицы в Новониколаевск вместе с маленькой Олей. Там, после этих страшных дней, она надеялась зажить новой спокойной жизнью.

Но тот, кто однажды испытал риск жизни заговорщиков, кто втянулся в игру со смертью, никогда навсегда от нее не откажется. Откуда берется тяга к заведомо трагической судьбе у людей столь неразвитых, лишенных возможности вынести ее тяжесть? Думаю, от непомерных амбиций. Работницы, вроде Вари, едва умеющие читать и писать, надменные, но темные крестьяне, не способные последовательно мыслить, но свирепо ненавидящие «буржуев», счастливы собираться на ночные суды и судить мир и людей, обрекая на всевозможные муки тех, кому всю жизнь завидовали и кого презирали. Побывав рядом со смертью, человек стремится к безопасности, но, почувствовав вкус к власти, он не хочет больше подчиняться и заниматься низкооплачиваемой физической работой.

В Новониколеуске Варя мало-помалу снова втянулась в горячую атмосферу большевистской агитации, а потом стала членом одной из второстепенных «пятерок», имея за душой только одно качество – непримиримую ненависть к хорошо одетым людям.

На этот раз игра была проиграна, она это знала и говорила об этом цинично. Но подпольщица не собиралась уходить одна. За водку и сигареты она предала своего товарища Пашу Лавренева. Его арестовали, и после очной ставки с Варей, наглой до крайности, он признался во всем. За водку и сигареты эти два жалких человека сообщили все сведения, о которых их просили. Уверенные в неизбежности конца, они хвастались тем, сколько на их совести смертей, досадовали, что провалились, и не хотели покинуть этот мир, не погубив сообщников.

Все без исключения политические процессы в этой стране показали нам, что заговорщики из низших классов зачастую лишены чувства чести и с легкостью предадут сообщников, друзей, родственников. Верность и честность – нежные растения, которые требуют долгого и продуманного воспитания и образования.

Благодаря откровениям Вари и Паши чешская полиция заподозрила наличие здесь центрального комитета большевиков.

3. Студенты и студентки

В тот момент, о котором я говорю, большевистские организации в Сибири группировались вокруг центрального комитета в Новониколаевске, он именовался «центр» и состоял, как стало теперь известно, из одиннадцати человек. Центр собирался в доме, адрес которого полиция в настоящий момент не могла узнать, так как часть членов была убита, а другие бежали. Члены центрального комитета тщательно выбирались из революционной элиты и не попали бы в поле зрения полиции, если бы имели возможность действовать в одиночку. Но их задачей были организации: повсюду – в существующих революционных клубах, в глухих деревнях они искали руководителей и исполнителей, объединяли, учили создавать вторичные, а затем местные комитеты с четко прописанными обязанностями, обеспечивать связь между центром и периферией, снабжать периферию оружием и деньгами, то есть они постоянно имели дело со связными, которые передавали сведения друг другу: кто-то получал инструкции непосредственно от начальства и далее по цепочке.

Руководители таких больших заговоров в большинстве своем надежны или почти надежны, у исполнителей всегда есть личные амбиции и интересы. Доверенная им даже малая часть секретной информации делает их опасными в случае их слабости или прямого предательства. Их можно не допускать к обсуждениям центра, можно держать на расстоянии от особо серьезной деятельности, но они не могут не знать тех, кто связывает их со следующим звеном, и таким образом, следуя от звена к звену, можно добраться до руководителей. Хочется вспомнить, что история знает удивительные примеры верности: люди выдерживали пытки и безнадежность долгого заключения, но это, за редким исключением, были заговорщики-аристократы, да и те времена были далеки от декаданса*. Заговоры же большевиков – это чаще всего заговоры сброда.

Руководитель центра, некий [А. С.] Павлов, сумел привлечь к заговору несколько польских солдат из новониколаевского гарнизона, через которых надеялся получить пушки, ружья и пулеметы польской дивизии, расположенной в этом городе. Точные сведения Варри и Паши позволили приблизиться к польским заговорщикам. Чехи ввели к ним одного своего сотрудника, снабдив его паспортом давнего исчезнувшего чешского большевика. Его приняли, он участвовал в

* Однако римские аристократы времен Тиберия и Нерона, запуганные террором, легко предавали друзей, братьев и матерей, в то время как вольноотпущенник Эпихарис, искалеченный пытками, не выдал даже заговорщиков-чужаков (*Тацит [Корнелий]*. *Анналы*. 15, 57).

собраниях и докладывал поутру своему начальнику обо всем, что там слышал. Но он был уже в годах, женат и не мог заниматься долго такой опасной и трудной работой (около трех недель). Последние принесенные им сведения были особенно ценными: очередное собрание должно было состояться в лесу, вне города. Поляки окружили лесок и арестовали семь солдат-поляков, руководителя Павлова, Юрлова и еще двух членов комитета. Их немедленно отправили в чешско-польский трибунал, они были допрошены и расстреляны с необъяснимой быстротой через несколько часов после ареста.

Самой главной фигурой среди арестованных был руководитель Павлов. Он заслуживает того, чтобы мы посвятили несколько минут его памяти. Его узнал один польский офицер, который встречал его в Петрограде, учась в университете. Получив некоторый опыт при царском режиме, когда тайные общества и конспирация были распространенным среди русской молодежи интеллектуальным спортом, Павлов сумел сделаться заметным во время революции. Его начальники, равнодушные к талантам, но умеющие вознаграждать рвение, стали поручать ему важные задания. После того как он побывал на уральском фронте в качестве комиссара, его отправили организовывать стачки и восстания в Сибири за спиной Временного правительства. Снабженный инструкциями и значительной суммой денег, он среди возвращавшихся из Германии военнопленных без труда добрался до фронта, охраняемого сибирскими властями весьма небрежно.

Павлов был молод, хорошо одет, с интеллигентным лицом и вежливыми манерами, умел следить за собой (при аресте у него нашли маникюрный набор). Крестьянам и рабочим он внушал почтение, какое внушает простым людям воспитанный буржуа или, как они говорили, «аристократ». Полиция считала его опасным злоумышленником, а я, пытаясь разобраться в его характере, очевидно, достаточно простом и ограниченном, перебирал в памяти подростков-революционеров, чью деятельность имел возможность наблюдать. Внезапно у меня мелькнула мысль, что этот Павлов – один из дворян-революционеров Достоевского, которого 50 лет назад он нарисовал в «Бесах» под именем Николая. Петруша говорит ему: «Вы смотрите всем ровней, и все вас боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен. Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею, и чужою. Вы именно таков, какого надо»²⁶⁴.

Павлов до конца держался великолепно. Не дорожа своей жизнью, он не прилагал ни малейших усилий, чтобы защититься, и сразу же сообщил, кто он, и все, что его касается. Но даже когда его перед поляками и русскими казак по приказу русского офицера жестоко

выпорол – привычная и самая простая форма пыток, – он отказался давать показания относительно заговора и своих сообщников. Очень бледный, он молчал, держась холодно и сдержанно. Грудь под пули расстрельной команды подставил с видом равнодушным и презрительным. Его заблуждения и добродетели стойка были плодами той самой культуры, от которой он отрешивался. Он был из тех изумеров, которые заслуживают как восхищения, так и смерти.

Окружение Павлова узнало о его казни в ту же ночь. Его соратники смогли поспешно покинуть город и укрыться в деревнях, жителей которых они подстрекали к восстаниям и к порче железной дороги, ведущей к Бийску и Семипалатинску. Их приверженцы и ставленники единодушно стали их выдавать. В первую очередь указали на трех молодых и красивых женщин: Вера Шиглатова (22 года, студентка Казанского университета), латышка Хильда Рада (23 года, из латышского землячества в Красноярске), обе блондинки, не без манер, и Мотя Жеданова (модистка, 18 лет, обладательница небольшого состояния). Выдали и еще одного, пятого по важности человека: юного студента Казанского университета, его фамилию я забыл. Еще двое (не такие образованные) были названы только по именам: Глеб и Василий. Вот и все члены революционного комитета «центр».

Если задумаешься, кто помогал бессмысленным бедам, на ком ответственность за крушение поездов, сотни неповинных жертв, восстания, в которых в жестокой резне потоками льется кровь, гражданскую войну, обрывающую все средства связи и обрекающую на голод целые провинции, непременно вспомнишь о юных студентах или студентках лет 20-ти, получивших кое-какое образование, но не успевших накопить собственный опыт и сформулировать свои мысли, о молодых говорливых невеждах, вещающих истины с апломбом.

Они устраивали заговоры при старом режиме под сочувственным взглядом «интеллигенции», которой нравилось противостоять своими туманными взглядами самонадеянных дилетантов несгибаемой твердости полиции. Они привлекали к себе симпатии, будучи гонимыми: их выслеживали тайные агенты, били нагайками казаки, они скитались по европейским столицам с высокомерной улыбкой скептиков, не имея опыта практической жизни, разуверившись, потому что не имели веры.

Как же мало знаний, разума и опыта у этих ниспровергателей правительств! В упорядоченных или, по крайней мере, нормально функционирующих обществах даже самые сведущие, трезвые и бескорыстные головы, желая осуществить простейшее социальное преобразование, ищут решение наощупь, перебирая тысячи вариантов.

Что за таинственный рок заставил историю в смутное время отдать управление событиями заурядным недоучкам, детям, чье единственное достоинство жертвенность?

Эти неуравновешенные «просветители», которых рабочие и крестьяне считают живым воплощением доктрины, презируют науку и все прочее, что составляет честь и славу современного общества. Достоевский охарактеризовал юных варваров, слегка подлакированных культурой, следующими словами Петруши: «Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями...»²⁶⁵.

4. Мелкие сошки

Медленно, терпеливо, с помощью случайностей, а они всегда против тех, кто в проигрыше, от доноса к доносу, от заговорщика к заговорщику, добрались до самых мелких. Эти мрази стали грызться между собой, как крысы в теплой клетке. Во время допросов ни одного благородного чувства, ни одного доброго слова; полицейские, знай себе, записывали, потом забирали. Сошек радовала возможность разрушать, быть грозной силой в мире, где они так мало значили, пугать продажных чиновников, ощущать лестное могущество.

Проиграли? Ну, так пропадай все пропадом! Эти несчастные, постоянно имеющие дело со смертью, похоже, отдали должное превосходству врагов и, освобождаясь от долгой тяжести принуждения, даже смеялись вместе с ними. Часто, проникнувшись внезапной приязнью к тюремщику или следователю, внушившим им теплые чувства, они предавали, когда их никто не просил, своих друзей, которые могли бы спастись, на кого не падало подозрения. Те, кто не сумел вовремя сбежать в степь, в отряды, которые нападают только скопом, были обречены. Их товарищи подстерегали их, тянули к ним руки из тюремных камер.

Малышка Ольга окончательно перешла в стан врагов. Она гуляла под охраной солдата-чеха и выискивала новые жертвы. Она рассказала все, что могла вспомнить, но могла еще навести на след – маленькая собачка на поводке.

Осматривая один из домов, где заговорщики проводили свои собрания, полицейские увидели в саду человека, спящего в тени дерева. Они прошли мимо него, но Ольга обернулась. «А я вроде знаю этого дяденьку». Присмотрелась и добавила: «Да, это Битков». Чехи его взяли, он показал паспорт с фамилией Семенов. Сказал, что не знает Ольги, не знает, чей револьвер, который нашли рядом с ним в кустах.

Несколько ударов нагайкой и новая очная ставка с девочкой, и он все рассказал. Он не знал, что Павлова нет в живых, и приехал к нему за инструкциями. Его допрашивали без грубости, и он сразу же указал на женщину по имени Шура.

В тот же вечер арестовали Шуру у нее в комнате, куда полицию проводил Битков. У нее не нашли никаких компрометирующих бумаг, был только донос ее приятеля. Когда ее допрашивали, солдаты, окружившие дом, заметили прохожего, он внимательно смотрел на окна комнаты, где происходил арест. Молодой человек, прилично одетый, казалось, обеспокоен происходящим. На всякий случай забрали и его.

Шура на очной ставке с Варей, Ольгой и Битковым начала с того, что все отрицала: она защищала свою жизнь. Друзья добавили подробностей, о каких не знала полиция, чтобы уличить бывшую сподвижницу. Варя, смеясь, повторяла:

– Да признавайся ты, чего скрывать? Они уже заарестовали половину, а вторую расстреляли. Не валяй дурочку.

Шура упорствовала, но настал день, она не выдержала напора бывших друзей и призналась.

Молодого человека, который был арестован той же ночью, что и Шура, казалось бы, без всяких оснований, она очень скоро «узнала». Он упорно молчал, но, проведя три недели в тюрьме, сдался и написал начальнику полиции следующую записку: «Я знаком с Шурой, работал с ней в организации у большевиков и готов рассказать все, что знаю».

Пожелав сократить допрос, которому его немедленно подвергли, он попросил бумагу и ручку и написал подробный отчет о своей деятельности, избегая всего, что могло бы скомпрометировать его сообщников. Однако он ставил себе в заслугу организацию в окрестностях города повстанческих отрядов, боровшихся с сибирским правительством. Он из добропорядочной буржуазной семьи, учился в Казанском университете. Отчет он завершил следующим образом: «Я буду искать и найду средство убежать».

Сообщая таким образом о своих намерениях, он, очевидно, вспоминал какого-нибудь из своих собратьев, которого несколько раз арестовывали, но он несколько раз бежал из русской тюрьмы. Но в полицейском расследовании, о котором я рассказываю и которое так интересовало военных союзников в Сибири, принимали участие только два русских офицера, остальные «враги свободы» являлись иностранцами. Русского тюремщика в современных условиях можно подкупить. Но из чешско-польской тюрьмы эти враги рода человеческого не убежали никогда. Студента из Казани постигла та же участь, что и всех остальных.

Несколько дней спустя после этих событий чехи, охранявшие большой мост через Обь, заметили пьяного крестьянина, он громко орал, задирал прохожих, пригрозил какой-то женщине револьвером. Поскольку пьяница оказался на запретной территории, дебоширил и имел револьвер, чехи сочли за лучшее посадить его на несколько дней под арест. Он сидел в общей камере, через которую вели Пашу Лаврентьева на очередной допрос. Паша узнал дебошира (с паспортом на фамилию Иванов) и воскликнул:

– Надо же! И тебя взяли! Как дела, Поликарп Понамарев?

Дебошир побледнел и ничего не ответил. Чехи наострили уши. Они давно искали Поликарпа Понамарева, известного постоянной порчей железнодорожных путей, поездов, поджогом мостов, это имя им называли его прежние соратники. Дебошира немедленно подвергли допросу. Он держался за паспорт и все отрицал. Но Паша Лаврентьев со смехом все же заставил его признаться, перечисляя их совместные предприятия.

Понамарев – приземистый мужичок, безграмотный, агрессивный, с явной склонностью к разрушительству. Он начальник «подрывного отряда», думающий о народном благе и призванный освободить Сибирь, по которой он странствовал, разоряя и сжигая то немногое, что связывало эти глухие места с цивилизацией.

5. Мир, тонущий в крови

Листая свои заметки, обращаясь к воспоминаниям, я пытаюсь представить себе жизнь этих конспираторов, таких же людей, как мы, мужчин и женщин, с которыми мы встречаемся на улице, не замечая их и не сомневаясь, что они живут точно так же, как мы. Но они отделены от нас, от жизни общества глухой стеной ненависти и какого-то непонятного губительного упорства.

И вот из кровавого тумана появляются одно за другим их давно исчезнувшие лица: молодые и морщинистые, привлекательные и отталкивающие, умные и звероподобные, просветленные и участливые или грубые и злобные; лица юных девушек и бандитов. Но у всех у них пристальный напряженный взгляд, их всех томит роковая жажда, самые лучшие из них только по виду пророки, а по сути преступники.

«Мир поворачивается бесшумно», эволюция свершается молчаливым трудом идей. Но эти люди живы грохотом и взрывами. Не осторожное обдумывание будущего, а лихорадочное желание действовать. Покончить как можно быстрее – вот лейтмотив революционеров.

И нет ничего заразительнее, чем миропорядок негодяев. Пожары, убийства, покушения, постоянная смута и неразбериха, неумолкающие призывы к анархии и своеволию – и все, образованные и безграмотные, свыкаются с варварством с пугающей быстротой.

Выстрелы из револьвера, которыми обмениваются прохожие в зимних потемках, очереди расстрельных команд ближе к рассвету, изуродованные трупы, убийства, отягощенные жуткими пытками, не впечатляют никого. Как мало нужно, чтобы люди избавились от более мягких нравов, какие наживались век за веком с медлительностью капель, которые точат камень.

Варя, Паша, Шура, Поликарп, студент из Казани. Битков и еще многие, и многие были отправлены в Томск и темной зимней ночью получили пули.

По всей провинции крестьяне бросаются с пиками, предварительно осенив себя крестом, на разбойников, которые их притесняют и грабят, и по иронии этой комедии ошибок уничтожают их пулеметы чехов, принадлежащих партии порядка.

Политических врагов можно расстрелять безнаказанно днем на площади из револьвера, лужу крови засыпят песком, и через час никто ни о чем и слова не скажет.

В Сибири, как в России, убивали из-за одного неосторожного слова или движения. Бронепоезда забирали несчастных сотнями, а потом равнодушно оставляли их на снегу в далеких лесах. И рядом со смертных дел мастерами трудились любители: любой ради общего блага самоотверженно сдавал друзей и родню.

А чтобы враг не свыкся с мертвецами, людей не просто убивали, им выкалывали глаза, сдирали кожу, расчленили, медленно обескровливали, а потом выбрасывали на дорогу в назидание живущим.

Сейчас, когда враждующие стороны изощряются в жестокости, не время настаивать на новых казнях. Но главные виновники, если можно говорить о таковых в этой всеохватывающей катастрофе, – вовсе не крестьяне и не рабочие, они зачастую обмануты красными, главные – безголовые студенты и студентки с горячими завораживающими речами, пахнущими кровью.

Глава VII. С японскими войсками по Сибири

Ибо несноснейший страх – страх смерти их не тревожит.
Вот и стремится солдат навстречу мечу и охотно
Гибель приемлет в бою, не щадя возвращаемой жизни.

[Марк Анней] Лукан. Фарсалия. I, 460.

1. Восстание казаков

Продвижение советских армий вглубь Сибири пробудило новые надежды и вызвало новую волну местных восстаний против забайкальского правительства²⁶⁶. На протяжении всей Амурской железной

дороги горели мосты и мастерские. В глубине страны участились вооруженные, зачастую превосходно организованные, вылазки и убийства служащих и офицеров Семенова. Заводы и шахты обезлюдели, доставка грузов шла с перебоями, исчезло ощущение безопасности, правительство перестало ощущаться как законное, все сомнительные элементы оживились.

Организационный центр мятежников располагался у китайской границы в трех деревнях: Богдатское, Беренски и Зерен на реке Урюмкан. Всеми восстаниями в районе руководил некто [П. Н.] Журавлев, бывший при царе штабс-капитаном, и его «штаб».

Русское и японское командование решили покончить с гнездом мятежников операцией охвата, задействовав в ней 9 кавалерийских полков и 2 пехотных батальона семеновцев с 13 полевыми орудиями, а также 14 рот японской пехоты с 6 пушками. Казаки Семенова, как всегда, отказались драться самостоятельно, и им были приданы японские роты, по одной или по две на каждый русский полк.

Меня пригласили участвовать в этой операции, и я прибыл в Сретенск, откуда генерал Сузуки, командующий 5-й японской дивизией, и генерал [Д. Ф.] Семенов (дядя атамана)²⁶⁷, начальник «маньчжурских отрядов», должны были руководить операцией. Из-за беспорядков на железной дороге я опоздал и приехал только 1 октября, когда ушла уже последняя колонна. Догонять войска в одиночку по пустынным дорогам между воюющими станицами было смерти подобно. Здесь, в стране охотников, люди привыкли терпеливо ждать добычи, затаившись в кустах. Два японских солдата, маршируя вместе со своим батальоном, были вчера ранены ружейными выстрелами, виновники благополучно скрылись в тайге.

Что ж, пришлось ограничиться ожиданием донесений, которые должны были прийти в самом скором времени. И они пришли: восемь русско-японских колонн окружили независимых казаков и разбили их: на поле сражения 600 убитых, взяты 2 пушки и 300 подвод с провиантом, три деревни уничтожены. Журавлеву с несколькими товарищами удалось бежать в Маньчжурию. Уцелевшие из шести полков, которыми он располагал, разбрелись по району.

Таков итог операции. А в нашем стане обиды. Генерал Семенов и начальник его штаба полковник Зубковский жалуются, что генерал Сузуки отвел свои войска и лишил русских поддержки. Командир 5-й японской дивизии объяснил мне свое неожиданное бездействие: казаки атамана повсюду постыдно бежали, и всякий раз крошечные японские отряды, поставленные, как обычно, в арьергарде и брошенные союзниками, не считали возможным сдаться и выстаивали под яростным натиском противника, боящегося попасть в окружение и в двадцать раз превосходящего его числом.

Карта района Сретенска

Так, например, колонна, состоящая из двух казачьих полков и резервной японской роты, вышедшая из станицы Нерченский Завод, столкнулась возле Богдатского с тремя полками независимых казаков, решивших во что бы то ни стало пробиться через вставший им на пути кордон. Капитан, командующий японской ротой, выдвинулся вперед с лейтенантом, унтер-офицером и одним взводом, чтобы оценить обстановку. В момент атаки казаки Семенова удрали и оставили 40 японцев посреди дороги в страшно невыгодном для защиты месте против 1500 кавалеристов. Японцы отступили к главному пункту дороги и приготовились к рукопашной схватке. Остальная часть роты прибежала на шум сражения, нашла 13 раненых и убитыми обоих офицеров, унтер-офицера и 18 солдат. Вокруг тел офицеров с многочисленными ранами от сабель лежали семь казаков, убитых холодным оружием, у двоих из них голова была рассечена до шеи.

Подобные случаи, большие и бессмысленно жестокие потери, выпавшие на долю нескольких японских подразделений, очень взволновали и рядовых, и командование. Генерал Сузуки демонстративно покинул Сретенск. Японские подразделения, доставленные для операции, были возвращены в их полки. Майор Накатани, из штаба 5-й дивизии, остался в Сретенске, чтобы заняться переброской японских войск в направлении Благовещенска.

2. Большая артерия Сибири: река Шилка

На реке Шилке. 9 октября 1919 г.

Вчера вечером майор Накатани сообщил мне, что лейтенант Кикийо этой ночью повезет приказ одному японскому подразделению в северной стороне. Я тоже отправлюсь вместе с этим молодым офицером.

Около часа ночи лейтенант пришел за мной в мой вагон, и мы отправились к маленькому пароходнику, который входил когда-то в «амурскую флотилию», реквизированную японской армией²⁶⁸. Пароходник выглядел жалким и заброшенным, впрочем, как все виды транспорта, которые затронула революция. Ни мебели, ни ковров, ни занавесок, ни хозяйственной утвари. Разорено все и повсюду, так что даже самый отдаленный уголок Сибири предстает олицетворением беды, постигшей империю.

Фонари парохода рассекают ночную тьму и туман, полосы то сужаются, то расширяются. Время от времени в них появляются темные купы деревьев, прибрежный утес и снова растворяются в темноте. При встрече с другим пароходом начинаются дотошные выяснения на японском: нужно убедиться, не полковник ли это Умеда, он со своими людьми уже плывет на зимние квартиры, но новый приказ отправляет его на север.

Нам нужно спешить. Густой туман, сквозь который мы плывем, предвещает скорое и сильное похолодание. Мелкие притоки Шилки уже замедлили течение, и дней через десять встанет и главная река. Все пароходы амурской флотилии должны вернуться в Сретенск, если не хотят застрять где-нибудь и попасть в руки красных.

Пароходик то и дело попадает в такой густой туман, что придется бросать якорь. Туман показывает: где-то здесь в реку впадает приток. Течение в реке быстрое и опасное, и мы, чтобы благополучно проскочить между песчаных банок, ждем, когда ветер рассеет туман, возникший от встречи двух воздушных потоков.

Только к полудню солнце пробивается сквозь тучи. Свежий ветер набирает силу и разгоняет туман, отправляя его большими клочьями в ущелья, а перед нами открываются дикие красоты Амура.

Долина без конца петляет, путь реке преграждают скалы, и река, запертая между склонами, начинает казаться неподвижным озером, которое вытягивается, сужается, расширяется между постоянно меняющихся берегов. Время от времени она вдруг становится больше – очередной приток присоединяет светлые торопливые воды к прихотливому потоку Шилки.

Часы за часами тянутся дикие скалы с пятнами бурого мха и фиолетовыми полосами. То там, то здесь река нанесла могучие слои ал-

лювия, иногда высотой в несколько десятков метров, а потом, много позже, сама же проторила через них новый путь. Встречаются оставленные русла, следы эрозии и многих других трудов природы, песчаные отмели, маленькие острова, где расцвела какая-то зелень. Но деревьев здесь нет, редко-редко упрямая березка вцепилась в крутой склон, и ветер тербит ее последние листочки.

Изредка обрывистый берег становится пологим, появляется полоска пригодной для жизни земли, и стоит на ней с десятков домишек под соломенными крышами, лачуги рыбаков или охотников и несколько домиков почище, каких-нибудь других работников.

Нет следов человеческой деятельности, только где-то в глубине, за холмами, есть золотые и серебряные рудники. Муку сюда привозят с юга, со стороны Читы или с севера, со стороны Благовещенска, но поезда не ходят, запасы истощаются, и голод гонит население в объятия большевиков.

Возле Усть-Черной река выписывает гигантскую букву S, огромная масса воды дважды огибает скалы, напирает на них, разбивается и, пенясь, выгрызает в них выемки.

Много судов разбилось о скалы, погибло в водоворотах, и теперь в опасных местах ставят заграждения из бревен, они помогают, если течение тащит судно на скалу.

Дальше, возле Горбицы, красные перед тем, как передать власть семеновцам, которые воспользовались плодами побед чехов и японцев, затопили большой грузовой пароход, поставив его поперек реки, чтобы воспрепятствовать навигации. Но течение медленно, но верно справилось с препятствием.

Во время нашего путешествия часовые японцы внимательно следят за обоими берегами, откуда часто стреляют в проходящие пароходы. Месяц тому назад шесть пассажиров парохода, на котором мы сейчас плывем, были ранены пулями красного отряда, стрелявшего с берега. Один офицер Семенова, который рискнул отправиться в опасное путешествие, чтобы встретиться с родственниками в Благовещенске, покончил с собой с помощью ручной гранаты, когда его готовы были взять красные.

Капитан и весь гражданский экипаж парохода – русские, они держат нейтралитет в этой гражданской войне и пассивно покоряются любой власти. В случае необходимости они прячутся на мостике за большими железными щитами, укрепленными бревнами. Два пулемета постоянно нацелены на берега.

Ближе к вечеру мы видим на берегу крестьян, они с десятком запряженных возов ждут парома, который перевезет их на другой берег. Когда становится возможным переговариваться, мы узнаем, что

эти вozy реквизированы отрядом независимых казаков, которые направляются на северо-запад.

Поздно вечером за поворотом реки мы встречаем две больших грузовых баржи, которые плывут нам навстречу против течения. Мы останавливаем их: это солдаты полковника Умеда. Полковник отвел меня в каюту и рассказал о полученном приказе. Ему предстоит следующая операция. Маленький японский гарнизон на станции Могоча оказался в изоляции из-за уничтожения всех железнодорожных мостов через Амур на протяжении 250 километров. Три недели от него не было вестей, наконец стало известно, что он окружен многочисленным вражеским отрядом и обороняется из последних сил. 80 человек закрылись в здании вокзала и отражают нескончаемые атаки. Мы идем их спасать.

Амурская железная дорога следует параллельно реке и связана с ней небольшими ветками, которые ведут на пристани, исполняющие роль перевалочных и пересадочных пунктов. Мы высадимся на одной из последних под названием Часовенская и оттуда начнем наш поход.

3. Печальная картина

Часовенская, 10 октября

Баржа пристала к берегу в час ночи. В половине третьего я увидел на берегу возле маленькой пристани солдат, готовящихся к походу. Провиант выгружен на берег. В темноте слышно лошадиное ржанье. Всюду снуют маленькие тени, это японцы торопливо двигаются в свете разведенных костров. Возле огромного костра из бревен я вижу коренастую маленькую фигуру полковника Умеда. Мы едва успеваем обменяться несколькими вежливыми фразами, как он подает сигнал к церемонии отправления.

Полк выстроен повзводно и поротно, полковник один стоит перед полком. Лейтенант Миано, знаменосец 71-го полка, в сопровождении караула торжественно, театрально, поднимается на небольшое возвышение перед строем солдат. И там разворачивает полотнище с диском восходящего солнца с расходящимися лучами, он наклоняет знамя к солдатам и спускается с ним к полковнику.

Мне кажется, что мы вернулись во времена античности. Полковник произносит горячую речь, подняв глаза к знамени, призывая офицеров и солдат выполнить свой долг, потом определяет для каждого командира его задачу. А командиры рот и унтер-офицер, командующий группой разведки, громко повторяют полученные приказы. Пропели фанфары, знаменосец зачехлил знамя, полковник Умеда убрал саблю в ножны, и колонна двинулась в путь вдоль железнодорожных путей.

Эта ветка, связывающая Амурскую железную дорогу с речной навигацией на Амуре, идет по долине вдоль небольшой прозрачной реки, которая вьется рядом с полотном среди скал и камней.

О присутствии человека свидетельствует разве что крохотный огородик возле домика железнодорожного сторожа, брошенного из-за близких военных действий. На земле валяется какая-то мебель, что-то из домашней утвари. С крыши сняты балки, их сожгли в кострах. В одном из таких разоренных домишек я видел большого пуделя, он лежал среди обломков шкафа, положив голову на лапы, и даже не поднял головы, когда мы проходили, — ждал хозяина, который, возможно, и не вернется.

Сопки достигают нескольких сот метров, они широкие, похожи на голые плато. Повсюду только кустарник и крошечные деревья, вцепившиеся в скудный слой земли. Никаких дорог и тропинок в суровом и негостеприимном пейзаже. Со дня творения человек не увеличил плодородия этой скудной почвы, не смягчил сурового климата, не продлил короткого лета.

Любой пехотный отряд в этом районе испытывает два рода трудностей. Если он двигается по долине вдоль железной дороги, по сути единственному возможному пути, то ему грозят сюрпризы от большевистских партизан, которые могут прятаться наверху, за скалами. Если же из тактических соображений пехота двинется поверху, ей придется торить себе дорогу через густой труднопроходимый кустарник, что замедлит продвижение.

Год тому назад две японские роты оказались примерно в такой же местности около Уфы, западнее Ушумуна. Авангард отряда, преследуя врага, который бежал от него, попал на самом деле в ловушку: его уничтожили шесть рот независимых казаков, которые прятались за гребнем. Оставшиеся две роты, услышав перестрелку, безоглядно, не соблюдая никаких мер предосторожности, бросились на помощь и тоже погибли. Никто не сдался. Офицеры и солдаты сражались одинаково храбро, доходило до рукопашной, что редко кто выдерживает. Раненые кончали жизнь самоубийством. Найденные потом убитые были жестоко изувечены. Даже большевики отдали дань этому единодушному героизму, трагически бесполезному из-за непредусмотрительности командира. Только японские газеты ничего не написали об этом случае, скрыв от своего народа проявление мужества и храбрости, какие являются самыми древними добродетелями японцев.

Между быстротой и безопасностью полковник Умеда выбрал быстроту, и полк шагал по железной дороге. Части солдат были готовы при малейшей тревоге двинуться одна по правому, другая по левому склону. Полковник и я с ним рядом ехали во главе отряда из 40 вер-

ховых разведчиков. За нами шли небольшие отряды в 10–20 человек пехотинцев, а затем уже остальные шесть рот, саперы, пулеметы, везли ящики с боеприпасами, замыкали колонну две небольшие 37-миллиметровые пушки.

В Таптугарах мы остановились в доме железнодорожного сторожа и узнали, что две японские роты, присланные на помощь гарнизону по приказу, отданному раньше нашего, прогнали красных после ожесточенной перестрелки. Ко мне из-за моей иностранной формы подошли несколько рабочих. Хозяйка принесла нам молоко и яйца, а мужчины стали жаловаться на большевиков, «заразу» здешнего края.

Я, зная, как недолго мы здесь пробудем, посоветовал им в их же интересах держаться как можно нейтральнее.

Отряд, который действует в здешних местах и который называют «большевистским», насчитывает 600 человек, 60 % в нем китайцев (разбойники хунхузы). Русские – это по большей части сибирские каторжники, отпущенные на свободу революцией, по меньшей мере, бедняки-крестьяне, соблазнившиеся возможностью жить за счет «буржуев». Они проводят революционные принципы в жизнь: замещают начальников станций, инженеров и старших мастеров простыми рабочими, отбирают все, что могут, у буржуазии и обычно не трогают бедняков, грабят склады иностранных коммерсантов и склады с мукой и хозяйственными принадлежностями, которые бывший режим со свойственной ему мудрой предусмотрительностью устроил для жителей этого края, где растут зерновые и не производятся предметы первой необходимости. Бандиты объявляют «буржуями» и лишают прав всех, кто носит форменные фуражки: начальников станций и мастерских, врачей, у которых они тут же опустошают погреба и платяные шкафы. Думаю, нет необходимости добавлять, что старост деревень, которые в глазах этих разбойников являются представителями власти, против которой они борются, они казнят с немислимой жестокостью.

4. Гарнизон Могочи. Обломок старого режима

Таптугары, 11 октября 1919 г.

Мы прошли еще несколько километров и вынуждены были остановиться из-за необычного обстоятельства. Красные после того, как взорвали мост, утопили поезд, где жили несколько месяцев, в реке. Последние вагоны, поднявшись в воздух, упали на паровоз, другие валялись внизу среди обломков моста.

Гарнизон Могочи, поддержанный двумя ротами и снабженный провиантом и боеприпасами, находился вне опасности, прожив не одну неделю в страшном напряжении. Враг, пользуясь ночной тем-

нотой, спешивался и подбирался к зданию, где заперлись 80 японцев и командир-лейтенант. Но отряд отражал все атаки. Не в силах справиться с отважным маленьким отрядом красные попробовали уничтожить их морально. Они специально не перерезали телефонный кабель и пользовались им для того, чтобы с помощью молоденького сибиряка, который бегло говорил по-японски, передавать осажденным самые зловещие слухи и вести, лишая их надежды на спасение. Иркутск взят советскими войсками. Возмущенное население расправилось с Семеновым и его молодчиками, японская армия разбита и бежит, оставив гарнизон в Могоче, считая его уничтоженным. Молодой командир не снисходил до ответов на предложения сдаться. Но боеприпасы подходили к концу, рис давно кончился, а доставать хлеб становилось все труднее: хозяева положения до смерти запугали местное население.

Молодой командир, выслушав в молчании угрожающую речь противника, наконец, снизошел до ответа: «Придите и возьмите нас. Последний сделает харакири».

Нам больше нечего было здесь делать, и мы пустились в обратный путь к нашим баржам, переночевав у начальника станции. Я долго говорил с хозяином и его домашними об их несчастной родине. Он придерживается нейтралитета в этой гражданской войне, но на деле остается чиновником бывшей империи, обездоленным революцией.

Дом у него пустой, ограбленный-переограбленный, но у хозяина прямая спина, на истертой форменной тужурке блестят начищенные пуговицы с орлами, от прошлых времен он сохранил начальственный вид и замашки, хоть и в несколько смягченном виде. Вот они-то, а вовсе не его «капиталы» вызывают ненависть «четвертого сословия» и желание мстить. У него самого нет уже политических симпатий и пристрастий. Вера в само собой разумеющуюся реставрацию и народное неприятие большевизма мало-помалу померкла. Отряды Семенова, которые он видел в действии, не имели, по его мнению, ничего общего с могуществом, величием и престижем прошлого режима. Теперь он мечтает хотя бы о каком-нибудь порядке на железной дороге, которой смиренно служит, и хотя бы о какой-то безопасности для близких, которых то и дело тревожат в пустом доме то семеновцы, то большевики. В прошлом преданный царскому режиму, пройдя через множество бед и испытаний, он готов подчиниться любой власти, лишь бы она установилась окончательно. Словно сторожевой пес в доме без хозяев перед долгой ночью, он застыл в ожидании, не понимая, что же будет.

5. С японцами по Амурской железной дороге

Сретенск. 16 октября 1919 г.

Полковник Умеда надеется, что успеет со своими людьми добраться до зимних квартир 71-го полка в Нерчинске.

Шилка – Амур затянулись блестящей прозрачной мембраной льда. Не пройдет и недели, как реки окончательно встанут и уже до апреля месяца. Теперь нужно сменить гарнизон в Могоче, он нуждается в отдыхе, поставить несколько небольших гарнизонов вдоль железной дороги и перестроить систему связи с северными районами до того, как выпадет снег, представляющий для военной кампании большую опасность.

Полубатальон железнодорожных войск сопровождает нас на север с тем, чтобы чинить мосты, которые разрушили красные. Гарнизон в Могоче, укрепленный двумя ротами, и одна рота военно-инженерного корпуса спустятся с северо-востока. Две колонны попытаются взять в кольцо противника, надвигаясь с двух сторон, собираясь соединиться, скорее всего, в Урюме.

Между Укуреем и Бушулеем. 18 октября 1919 г.

Несколько поездов идут вверх по Амурской железной дороге: эшелон штабс-капитана Чезинского, поезд полковника Умеда, к которому я прицепил свой вагон, поезд со служащими и рабочими железной дороги и эшелон с японцами. Мы точно следуем протоколу участия иностранных сил в военных действиях в Сибири: на первой линии местные войска, иностранные войска находятся в арьергарде и вмешиваются только в случае крайней опасности.

Подразделение Чезинского, которое едет раньше нас, было вытеснено из Бушулея при характерных обстоятельствах. Рассказ о них даст читателю представление о состоянии нашей армии в ту минуту.

Гарнизон Бушулея состоял из двух забайкальских казачьих сотен (местные дружины) под командованием сотника Лисковского и 120 пехотинцев штабс-капитана Чезинского, занимавших поезд на станции. Вчера вечером, услышав выстрелы с вершины холма, нависавшего над станцией, Лисковский решил прижать врага к дороге, обойдя его. Он поскакал со своими двумя сотнями, и больше никто его не видел. Может, его казаки отказались идти на врага, узнав в них казаков из соседних станиц? Или просто отказались, не зная численность противника? Во всяком случае, к ночи стрельба с холма возобновилась с новой силой. Поручик Станевич, командир пулемет-

* Лисковский дал впоследствии такое объяснение.

** Примерно 120 человек «независимых» казаков.

ного подразделения, приказал унтер-офицеру Зуеву и двум солдатам выйти из поезда с пулеметом, установить его на перроне и начать стрелять по смутным, едва различимым в потемках теням. Только они успели открыть огонь, как противник с криком «Ура!» пошел в атаку. Чезинский мгновенно дал приказ отъезжать. Поручик Станевич высунулся из окна и крикнул троим солдатам, которых собирался бросить: «Стреляйте! Стреляйте, черт вас возьми!» И они стреляли, истратив еще несколько лент. Казаки, прячась за деревьями, стали бросать ручные гранаты. Зуев едва успел вынуть затвор пулемета, оставил сам пулемет и 2000 патронов красным. Этим троим невероятно повезло: они спрятались на чердаке здания вокзала. Казаки их не искали.

И вот Чезинский сегодня возвращается, чтобы отбить Бушулей обратно. Поздно вечером я зашел к старому полковнику Умеда. Он был помощником министра [М.] Тэраути и в Сибири находится всего два с половиной месяца. Он был в большом затруднении и не мог понять, каким образом можно взаимодействовать с такими странными военными. Он спросил меня:

– Скажите, пожалуйста, эти русские могут нас предать?

– Одерживайте победы, и они будут вам верны.

– Но как с ними работать?

– Да, вам не повезло ни с врагами, ни с друзьями. Нельзя быть уверенным ни в тех, ни в других. В качестве врага большевики самые надежные. Если солдаты Семенова будут настаивать на участии – мне это кажется невероятным, – примите их, но действуйте так, как будто их нет с вами. Не отводите им ролей в вашем плане. Ничего не приказывайте. Имея дело только со своими солдатами, пусть даже в малом числе, вы будете меньше рисковать их жизнями.

В подтверждение своих слов я поделился боевым опытом времен Корнилова, когда все задуманные операции не удавались из-за предательства казаков.

В сторону Бушулея. 19 октября 1919 г.

Наш поезд медленно тянется за поездом Чезинского, он стал как бы начальником нашего комбинированного эшелона. Полковник Умеда, подполковник Като и знаменосец Миано едут в моем вагоне. Они вместе со мной удивляются частым остановкам и медленному, словно бы неуверенному движению поездов. Опасаясь саботажа, Умеда посылает вооруженного солдата, чтобы тот прибавил машинисту рвения. Солдат возвращается и докладывает: «Русский командир приказал останавливать свой поезд, как только расстояние между нашими поездами становится больше 50 метров. Дорога извилистая, и офицеры, глядя в окно, не упускают наш поезд из вида».

Полковник Умеда пожал плечами и оставил все, как есть. В трех километрах от станции мы узнаем, что враг при нашем приближении сбежал. Чезинский отправляет в Бушулей разведчиков, но они не хотят идти по железнодорожному полотну. Двадцать человек направляются к холмам слева, сорок к холмам справа, те и другие будут примерно на километр выше станции. Прождав бесполезно час, полковник Умеда отправил своего лейтенанта с двумя солдатами на дрезине. Они вернулись через полчаса и сообщили, что путь свободен.

6. Боевые действия начались.

Социальные принципы большевиков

Бушулей, 19 октября 1919 г.

Противник бежал в сторону Адамской. Отряд разведчиков и рота пехоты отправляются этой ночью, чтобы гнать его дальше. На рассвете подполковник Като уходит с двумя ротами охранять саперов.

120 «красных» казаков, которые прогнали 200 казаков дружины Лисковского и 120 солдат Чезинского, – все из станицы Газимурская и поселка Адамский. Свой отряд они создали из стремления к независимости и желания отомстить за жестокости Семенова, но кочевая жизнь и общий раззор толкнули их к грабежам. При этом они не забыли свои первые побудительные мотивы и ссылаются на них, оправдывая свои действия. Они забрали у жителей Бушулея, у бедняков в том числе, последние шапки, сапоги, полушубки. В кооперативной лавке на железнодорожной станции, которая одна практически снабжает весь этот бесхлебный район хлебом, забрали всю муку (197 пудов), оставленную офицерами Семенова.

Однако сиротский дом, куда они явились, собираясь ограбить и его, они не тронули, поглядев на тщедушных обитателей. Я сам видел нетронутые риги с зерном. Директор сиротского дома, назначенный еще при царизме, продолжает работать при любых правительствах, какие сменяют друг друга как в России, так и в этой деревне, не стал брать муку, которую ему предложили казаки.

7. Военная демократия. Взгляды самураев

Бушулей, 19 октября 1919 г.

Не желая рисковать своим вагоном при встречах, которые мы ждали завтра, я отправил его в Куэнгу, а сам вместе с русским солдатом, которого атаман Семенов предоставил в мое распоряжение, занял место в вагоне 3-го класса вместе с японскими офицерами.

Потрясающий контраст представляют образ жизни одних союзников, включая чехов, которые устраиваются у себя в вагонах не только с удобствами, но и с роскошью, и образ жизни других: офицеры-японцы живут предельно просто, сурово, без всяких удобств. Из вагона убраны все скамьи. Мы лежим на полу, друг напротив друга, по всей длине вагона на одеялах, которые японские власти щедро поставляют своим военным без различия чинов. Личные вещи запрещены. У этих офицеров, людей иногда богатых и знатных, нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало о роскоши. Я вспоминаю о своем посещении генерала [X.] Хосоно, командующего бригадой, в Маньчжурии. Гостиничный номер, где меня принял старый военный, сверкал чистотой, у генерала в качестве вещей был маленький чемоданчик, его туалетные принадлежности ничем не отличались от солдатских. Он был настоящим самураем и ходил вместе со своими подчиненными в разведку.

В нашем вагоне денщики спят у нас в ногах, по соседству с всегда раскаленной из-за сибирских холодов печкой. Они то и дело ставят на печку то котелок, то чайник, то кастрюлю, где варится все то же мясо и консервированные овощи. Офицеры и солдаты едят одно и то же, готовя еду совершенно одинаково в одинаковых алюминиевых котелках.

Отношения между солдатами и командирами изумили меня сердечностью и простотой. Самое удивительное в прославленной японской дисциплине то, что она действует без шума и усилий. Солдат, входя, совершает церемониальный поклон и, уходя, точно такой же. С офицером он говорит своеобразным искусственным голосом, нарочитым басом, что выглядит очень странно у молодых людей. Эта манера говорить, вытянув шею, голосом, выходящим из глубины горла, четко артикулируя звуки, которую застенчивые японские крестьяне осваивают на службе очень быстро, идет от самураев, она была принята еще в те времена, когда военным искусством занимались с утра и до вечера тысячи людей.

Офицер отдает приказы, никогда не повышая голоса, солдат, молча, вникает в приказ и благоговейно его исполняет. Поразительный контраст с русской армией, где врожденный у крестьян дух непокорности выбивали при царизме палками, но как только началась революция, он смел всю армейскую табель о рангах.

В Японии верность начальнику век за веком числится среди главных добродетелей. Удивительное послушание солдат – это подготовка к неслышанным жертвам в исполнении долга, что общественная мораль вменяет в обязанность каждому. На протяжении тысячи лет нацию формировали феодальные идеалы, сплавляя практику с вековыми традициями, выковывая общность интересов у разных слоев.

объединяя людей перед смертельной опасностью, никакая демократия никогда не спяет так общество. В Японии воинский дух, унаследованный от феодализма, пронизывает всю армию, как солдат, так и офицеров. Их серьезность и безупречное поведение контрастируют с расхлябанностью, что порой можно наблюдать в других иностранных корпусах. Не подумайте, однако, что солдаты, безоговорочно послушные офицерам, сдержанные и безупречные на улицах, не что иное, как рабы. Нет, они необыкновенно горды, словно служат самому императору. Любой японец готов пресечь малейшую невежливость по отношению к нему, каких немало допускают некоторые иностранцы. Японцы отличаются от них более древней и глубокой культурой. И если они меня приняли и даже с сердечностью, то потому, что увидели мои добрые отношения с их офицерами и мое уважение к их порядкам.

Генерал на войне и его ординарец, чистящий ему сапоги и лошадь, – члены единого военного братства, где командование и подчинение – неотъемлемые условия успеха. Никаких различий в удобствах, питании, степени опасности. Во время сражения при Богдатском²⁶⁹ генерал Хосоно, командующий маньчжурской бригадой, шел во главе своих солдат под огнем противника. Офицеры и солдаты во время военной кампании получают один и тот же паек: одинаковое количество риса, мяса или рыбы, сухих или консервированных, и каждый готовит себе это традиционным образом в алюминиевом котелке. Всякий раз, когда военная машина трогается с места, все без исключения погружаются в это единообразие, которое сначала поражает монотонностью, а по зрелом размышлении величием.

Вечером, завершив труды, мы рассаживаемся большими группами вокруг чайников (которые без конца приходилось наполнять) и пьем чай с национальным печеньем. Солдаты в отдалении почтительно нас слушают. Я бы забыл о них, но мне доставляет удовольствие наблюдать за ними: с неподвижными лицами они внимательно блестящими глазами неустанно следят за своими командирами.

Каждый офицер знает, по крайней мере, один иностранный язык, но говорит на нем нечисто. Говоря со мной, оба полковника, заместитель командира и несколько человек младших офицеров прибегали к посредничеству лейтенанта Миано, знающего превосходно немецкий. Мы говорили на военные темы и, в частности, о долге офицеров. Мои собеседники делали акцент на различиях между отношением к войне японцев и европейцев.

Их поражала легкость, с какой целые полки сдавались врагу во время Великой войны. Миллионы военнопленных, крепости, сдававшиеся с тысячами, а точнее, с десятками тысяч солдат, неиспользованные пушки, склады, заполненные боеприпасами, – все это им не-

понятно. Они признались, что были удивлены сдачей Порт-Артура²⁷⁰ и Цзяо-Чжоу²⁷¹. Напомнили мне случай с японскими военными, попавшими в плен во время русско-японской войны. Когда они вернулись на родину, все, включая соседей, облили их презрением, и они были вынуждены покинуть родные места. Рассказали о морском офицере, он служил на корабле, отправленном адмиралом [X.] Того, чтобы заблокировать вход в Порт-Артур, и его подорвали русские. Экипаж погиб. Этого одного офицера вытащили из воды живым и держали в плену до конца войны. Когда он вернулся на родину, его судил военный трибунал, созданный для суда над офицерами и штатскими, сдавшимися врагу. Ему поставили в вину то, что он не покончил с собой, чтобы избежать позора оказаться в руках врага. Вынесли смертный приговор. Потом помиловали, но, понизив в чине, уволили из армии. Офицер покончил с собой.

Мы проводили вечера, всегда окруженные ординарцами, которые проявляли живой интерес к нашим беседам, обмениваясь вопросами, рассказами, спора. В спорах мои друзья проявляли величайший такт и безупречную вежливость. Говорили они с оживлением, легкостью и остроумием, оставив холодную отстраненную манеру, которая часто им свойственна. Эта манера – проявление осторожности. Они редко выходили за пределы военных тем, но эти темы интересовали их глубоко. Я имел большой успех со следующими задачами: «Два отряда, один 300 человек, другой 500, вступают в бой. Боеспособность солдат у них примерно одинакова, вооружение и экипировка тоже. Никаких преимуществ в позициях нет. Нет сомнения, что второй отряд одержит победу. Сколько в нем будет человек, когда у врага останется всего 20 солдат и они сдадутся?»

Несложный подсчет, и вот результат: 404 человека.

Если честно, то молодые японские офицеры, за редким исключением, далеки от гуманитарных наук и литературы. Но я видел, как тщательно они соблюдают собственное достоинство, насколько сдержанны, умеренны, горды своей бедностью и как презирают торгашей, что свидетельствует об их аристократизме, ибо эти качества в основе любого аристократизма – шпаги, маэти или умственных занятий. Они вернуться в Японию такими же, какими уехали, без багажа, гордые, что не запятнали военную форму спекуляциями, оставаясь среди европейских отбросов, какими кишит Сибирь, среди тысяч офицеров-европейцев, наживающихся на раззоре и беспорядках, воплощением благородства и бескорыстия.

Как-то вечером в вагон вошел русский офицер: сотник, посланный генералом [Г. Е.] Мацневским, командующим – номинальным – союзническими войсками на амурском фронте. Генерал просил полковника Умеда составить полный список русско-японских частей, а

также дать оценку сил противника, намереваясь отправить в его распоряжение два полка казаков. Наш командир, польщенный и благодарный, проводил посланника с изысканной вежливостью.

8. Соприкосновения с красными

Между Бушулеем и Зилово, 20 октября

Утром меня разбудил лейтенант Миано.

– Противник стреляет по мосту, полковник едет ознакомиться с ситуацией, приглашает вас с собой.

Мост возле Шорги на забетонированных деревянных опорах, которые держат железные арки, горел этой ночью в третий раз. Полковник стал задавать вопросы инженерам, а они стали жаловаться на «данаидову работу»²⁷² – чинят и чинят, а все без толку.

В этих краях невысоких сопок и обильных рек морозы, начинающиеся с конца октября, сужают реку до ручейка, зато весенний паводок занимает всю долину. Сейчас река текла ручейком по плоской равнине между сопок. Справа несколько красных, хорошо видных в бинокль, стоило им поднять голову, простреливали подступы к мосту, мешая его починке. Густой дым поднимался от тлеющих опор, и мост проседал все ниже.

Стоило нам с полковником приблизиться к мосту, как противник удвоил огонь. Инженеров загораживал паровоз, и они смотрят на нас с самым невинным видом, словно бы говоря: «Так и надо, это ваш долг находиться под выстрелами». Несколько секунд мы стоим неподвижно. Противник стреляет вразнобой, но вот в рельс, на котором мы стоим, метрах в двух попадает пуля. Похоже, красные пристрелялись. Самое время уходить. Но кто подаст сигнал к отступлению? Японец? Такого не может быть, даже впервые под огнем он чувствует себя самураем. Умеда предлагает уйти мне, но я тоже самурай, не на такого напали! И мы стоим еще несколько секунд, сложив на груди руки и рассуждая, сколько там может быть красных. А красные продолжают стрелять, по счастью, неудачно. Умеда широким жестом предлагает мне вернуться.

– Вы наш гость.

Я возмущенно отказываюсь.

– Ни за что на свете, вы старше меня по чину!

Мы стоим и разговариваем еще несколько секунд, но вот пуля со свистом исчезает в траве откоса, где мы стоим, а другая рикошетит от опоры моста. Медленно и как бы с сожалением, разумеется, не из-за этих ничтожных пуль, Умеда идет назад, а за ним Миано и я. До паровоза расстояние в пятьдесят метров, противник занервничал и палит вовсю. Умеда останавливается, небрежно поворачивается и произно-

сит несколько фраз. Еще несколько метров, и – наконец-то! – мы вне опасности.

Теперь будем выбивать противника. Преимущество красных в скорости перемещения. Они все на лошадях, лошадей привязывают в леске за гребнем сопки, на которой хотят устроить засаду, как только противник приготовится к атаке, вскакивают в седло и появляются в другом месте.

Чтобы справиться с таким противником, нужны такие же быстрые отряды, действующие с такими же уловками, с командирами, хорошо знающими местность и готовыми обуздать безжалостного врага, действуя по жестокому закону «око за око».

А у нас под деревьями по обеим сторонам железной дороги выстроились два батальона полковника Умеда. Унтер-офицеры тщательно проверяют винтовки и мешки. Затем командиры рот произносят долгие речи перед строем, словно центурионы перед римлянами. Они готовятся к сражению по правилам, предполагая, что противник тоже следует правилам тактики, но они имеют дело с людьми, чья сила в нарушении всех правил, они легко отступают и появляются где угодно.

На наше счастье леса сейчас облетели, и партизанщина стала не такой успешной. Наконец все солдаты проверены, приказы повторены, отряд трогается с места. Впереди старый полковник и я, затем знамя и его охрана, несколько высших офицеров, а потом солдаты. Один взвод отправлен вправо на разведку. Солдаты разворачиваются в цепь, чтобы идти в атаку широким фронтом, имея возможность охватить части противника. Все это напоминает учения: тщательно выверенные занятия тактикой. Но вот что приятно: командующий не из тех стариков офицеров, которые слишком ценят личный военный опыт и считают, что, погибнув, оставят солдат без защиты.

Умеда во главе отряда поднимается на холм, отправив знамя в арьергард, чтобы на склоне не подвергать его опасным сюрпризам. Поднявшись на вершину, откуда открывается изумительный вид на три долины, мы видим человек пятьдесят всадников, скачущих по равнине. Наши солдаты дают залп, один из всадников падает. Мы потом подберем этого умирающего.

9. Кавалькада в ночи. Сцены в доме горожанина

Большая часть вражеских отрядов вернулась в Зилово. Наши войска идут туда пешком; поезда нас догонят позже.

Я иду вместе с одним офицером и двумя солдатами позади солдатских рядов. Большевики не были разбиты, и тишина сумерек кажется таинственной и грозной из-за витающей вокруг опасности. Справа

от нас редкий кустарник тянется до самой вершины сопки, а наверху золотятся блестками последние листочки. Слева над равниной, изрытой по весне ручьями, ушло за небольшой холмик солнце, красные полосы еще не померкли в прозрачном воздухе.

Повсюду в домишках железнодорожных сторожей пусто, все сбегали – валяется разломанная мебель и солома, на которой ночевали красные.

Вскоре мы догоняем пулеметный расчет, японцы одеты по-русски, в овчинные полушубки и папахи, идут очень прямо и воинственно и кажутся выше, чем на самом деле.

К нашей колонне присоединяется прапорщик с десятью казаками. Необъяснимое поведение некоторых русских командиров внушило японцам недоверие, и они держатся от русских как можно дальше.

Солнце село. Сопки, еще недавно освещенные закатными лучами, кажутся теперь застывшими волнами, уходящими в бесконечность, каждая волна темнее предыдущей на фоне густой синевы неба с меркнущими тучами.

Теперь мы идем в темноте по единственной дороге, проложенной среди этих диких равнин, называется эта дорога железной. Сняв на больших участках рельсы, взорвав мосты, красные уничтожили и последние свободные паровозы, отправив их на полной скорости в распадки, где они разбились о скалы или утонули в песке, оставив глубокие ямы.

Полковника Умеда с офицерами я нашел в «казарме» (доме для работников железной дороги) в шести километрах от деревни Зигово. Шесть японских офицеров сидели вокруг самовара в нищей комнате, какие мы видели уже столько раз, что их нищета уже стала привычной. Старик с дрожащими руками, довольно молодая женщина в бедном цветном платье, желающая быть привлекательной, и слабоумная девушка, глядящая на нас то пустым, то подозрительным взглядом. Без сомнения, сборище военных пугает ее, и она отвечает на вопросы уклончивыми жестами. Эти трое не родственники, между ними нет близости, они просто вместе работали в этом глухом углу. Остатки провизии подходят к концу. Их грабили и белые, и красные, и теперь они, сложа руки, ждут голода.

Офицеры рассматривают карту и обсуждают только что полученные сведения, и тут входит прапорщик, который пожелал нас сопровождать. Мгновенно воцаряется тишина. Когда он садится рядом с нами у самовара, один из солдат, ординарец командира, предлагает ему удалиться.

Прапорщик кричит:

– Я имею право, я офицер!

Японцы прервали свой военный совет и смотрят на русского с холодным безразличием. Едва прапорщик выпил чашку чая, как его тронул за рукав унтер-офицер.

– Допьете чай и извольте выйти, у нас серьезный разговор.

Не понимая, в чем дело, прапорщик позволяет себя увести, а когда оказывается на улице перед закрытой дверью, снова кричит:

– Я имею право, я офицер!

Прождав два часа в казарме, мы продолжаем наш путь и приходим в Зилово в час ночи. Красные ушли отсюда полтора часа тому назад.

10. Покинутая деревня. Политика примирения

Зилово, 21 октября

Когда красные вошли в Зилово, местное начальство – начальник станции, начальник депо, администрация – все уехали, оставив дома и обстановку на старуху мать или жену.

Бедняки, напротив, побежали этой ночью, боясь попасть в руки семеновцев, которые не замедлят к нам присоединиться.

Я пошел прогуляться, со мной боязливо заговорили двое рабочих. Я успокоил их, прервав выражение их политических симпатий, которым, впрочем, не поверил. Один из них спросил:

– Не могли бы вы заступиться перед японцами за сорок наших товарищей, которые сбежали, боясь бронепоездов Семенова? Они в шести километрах отсюда, прячутся на приисках (золотые рудники) или еще дальше, в тайге, с женами и детьми, под открытым небом с кострами. Люди они смиренные, не воюют. Японцы в союзе с семеновцами, они смогут защитить наших товарищей, если те вернуться?

Я отвел их к полковнику Умеда, который тут же отдал приказ земской управе сделать следующее сообщение:

«Японское командование объявляет всем, кого это касается, что жители района Алексеевская должны вернуться из тайги и с гор к себе в дома и приступить к работе.

Зилово, 21 октября

Подпись: [В. М.] *Седякин*,
председатель земской управы».

Рабочие тут же отправились с доброй вестью к беглецам. В тот же вечер они привели с собой несколько товарищей, остальные вернулись ночью.

После социальных ущемлений большевиков и тупых расправ семеновцев повяло новизной, которая должна внушить жителям надежду на лучшее будущее. Умеда объявил председателю Седякину о новой политике, которая будет проводиться в районах, освобожден-

ных японской армией. С сегодняшнего дня каждый мирный гражданин будет находиться под защитой японской армии и получать защиту как от красных, так и от белых. Все воюющие, если они сдадут оружие и подчинятся японским властям, получат амнистию и будут находиться под защитой, как все остальные.

Чтобы стало понятно значение этой новой политики примирения, я напомним, что боролись между собой две политические силы, а население, безразличное к политическим режимам и желающее только экономического мира, жило парализованное страхом.

11. Союз бунтарей

Фронт, на котором сражались войска полковника Умеда, был частью «мирового фронта борьбы против капитализма». Его официальное название: третий сектор Восточного фронта. Благодаря замечательной полиции Колчака на востоке от Иркутска не нашлось видных красных комиссаров, способных организовать здесь армию. Здесь действовали партизанские отряды. Ненависть к Семенову, которая, по существу, была ненавистью к существующим властям, объединила людей с самыми разными чувствами и разными побуждениями к действию.

Первая группа – казаки. Возможно, первым их желанием было постоять за иллюзорную независимость станиц, потом главным стало возмущение офицерами атамана Семенова, казаки образовали ядро народного сопротивления. В основном они из станиц Ломовская, Курлыченская и Ундинская, участвовали в Великой войне, действуют под началом своих офицеров, командует которыми поручик Швецов. Они повсеместно убеждают население, что пришли «освободить» его, что они не большевики. Доктрины большевиков они не принимают, но согласны на временное сотрудничество с ними. И, кажется, совершают больше жестокостей, чем красные, заявляя, что мстят за непростительные обиды.

Вторая группа – бедняки со смутными революционными представлениями и энергичными главарями, воодушевляющими их. Понятие о созидании отсутствует. Их уровень «Nimm-und-Essrecht»^{*} и начальный этап деятельности [Ж.-П.] Марата и [В. И.] Ленина. Буржуазия, которую можно и нужно грабить, для них – это те, кто сделал запасы на зиму, на трудные времена, на старость. Настоящую буржуазию уже разогнали или ограбили, и эти «революционеры», продолжая свою беспечную жизнь, расширили границы класса и

* Брать и есть (нем.).

«реквизируют» имущество казаков, крестьян, рабочих, в конечном счете бедняков.

Символ веры у них – не бриться и сморкаться двумя пальцами. Когда бедняга продавец из кооперативной лавки деревни Зилово достал из кармана носовой платок, революционный боец объявил с угрозой в голосе:

– Сдается мне, парень, ты буржуй!

Для красного междуцарствия характерны темные безграмотные личности, которые плюются, сморкаются, хлопают себя по ляжкам, орут и употребляют ругательства.

Начальствуют над ними два каторжника – Парфенов и Намаконов. Первый высокого роста, коренастый, энергичный, смелый, по сути, темный и свирепый мужик с постоянно кипящими во рту громкими словами, которых сам он не понимает. Намаконов, сидевший за мошенничество, называет себя анархистом и ратует за «смягчение нравов», выступая против жестокостей. В силу своей темноты они не справились бы со своей деятельностью без умственной помощи трех братьев Лишманов – Абрама, Соломона и Хаима. Братья никогда не участвуют в сражениях. На собраниях не обращают со страстью в свою веру крестьян, как это делает Парфенов. Они привносят в движение, которое их без особого сопротивления захватило, добрую волю, ум и умение делать дела. Им трудно даются лишения кочевой жизни, но так они спасают свое состояние и увеличивают его.

Третья группа – настоящие разбойники: 150 хунхузов, которых русский человек Абрам Бойко, неизвестно на какие деньги нанял среди сопки китайской Маньчжурии. Они хорошо одеты и вооружены. Их командир, человек высокого роста, крепкого сложения, носит ослепительно красный плащ и серебряную перевязь. Преследует он политические цели? Или его, как и его разбойников, соблазняет возможность наживы? Неизвестно.

Три группы воюющих бунтовщиков воплощают специфику примитивных обществ, к чему скатилась несчастная нация, выпав из когтей умирающего орла: маленькие коммуны стремятся к независимости, идет беспорядочная *bellum omnium contra omnes*²⁷³, иноземцы вторгаются с грабежами. И воюют они против тоже бессильных феодалов-семеновцев.

12. Православно-революционные похороны

Отряд Парфенова, состоявший сначала из 40 человек, войдя 10 сентября в Зилово, уже насчитывал около сотни. Два дня спустя он встретился с японцами у знаменитой горы Шорга. Парфенов поте-

рля там 6 человек убитыми, еще двое раненых умерли вскоре в больнице. 15-го их хоронили. Похороны вышли очень оригинальными.

Даже большевики, свежеепеченные атеисты и яростные гонители попов, обращаются за духовными дарами к христианству при трех самых важных событиях в жизни: рождении, женитьбе и смерти. Живут, ругаясь почему зря, дерутся, как черти, но не хотят умирать по-собачьи.

Похоронная процессия вышла из больницы. Гробы были покрыты красным, их сопровождало много народу, ни один житель не решился отсутствовать. Множество красных знамен плескалось в воздухе. Четыре крепких мужчины держали над гробами огромное кумачовое полотнище, на котором белыми буквами было написано: «Вечная память борцам за свободу!». Под пламенеющим полотнищем прошагивал священник, «реквизированный» по приказу Парфенова, в облачении, которое после долгих споров было ему оставлено.

Священнику помогал дьякон, известный в здешних местах бас, замечательно певший на панихидах. Как только священник начал отпевание, красная банда под командованием каторжников Парфенова и Намаконова вместе с комиссарами Соломоном, Хаимом и Абрамом Лишманами принялись орать «Марсельезу», потом «Интернационал», потом опять «Марсельезу» и так без конца. Дьякон, прославившийся мощным голосом, пожелал поддержать свою репутацию, но его голос и голос священника тонули в гадком хоре свирепых бандитов. Торжественное пение слышалось только в паузах между революционными песнями.

Тем не менее в церковь, которую по обычаю сначала обошла процессия, все эти люди пожаловали. Фальшивомонетчики, убийцы, со вчерашнего дня неверующие шли со свечами в руках за священником, как когда-то детьми шли и молились за умершего родственника – с лицами важными, серьезными, еще не понимая, что такое смерть. Потом священник вновь начал молиться, а красные орать «Интернационал» и «Марсельезу», этим безобразным пением и завершилась «панихида»*.

Затем процессия медленно, но не стройно двинулась к кладбищу. Священник произнес проповедь по поводу нынешних трагических обстоятельств. Он напомнил разбойникам о хрупкости человеческой жизни, о достоинствах и выгоде добродетели. Он мягко и осторожно сказал о их многогрешной жизни, о грехах, которые они совершали, веселясь, и напомнил о покаянии. Он воздал честь воинам, похва-

* Заупокойная служба.

лил их силу и опять очень осторожно призвал отдохнуть от ратных трудов.

– Перекуйте мечи на орала, – воскликнул он. – Вернитесь к возделыванию полей, растите оливы и лавр у вас в саду, примиритесь с Господом и вашими врагами.

Парфенов смотрел на священника злобно, братья Лишманы насмешливо. Его прерывали криками и шумом. Священник хотел продолжать, но голос у него прервался, и он больше ничего не сказал. Зато раздался голос Парфенова:

– Глупостей вы тут наговорили. Мы будем воевать с капиталистами, мы разрушим дворцы, повесим царей, расстреляем буржуев и т. д., и т. д.

13. Дофеодальные князьки на бронепоездах

В Сибири царит хаос, характерный для переходных времен. От старого режима в каждом человеке сохранились привычки. Всем хочется в новом режиме разглядеть скелет старого привычного для них порядка. Есть центральное правительство с представителями во всех провинциях и районах, повсюду есть военные гарнизоны, есть депутаты от сообществ населения. Но все эти организации и сообщества не более чем фикция.

На деле царит анархия, порождая злоупотребление силой. Центральное правительство, которому противостоят местные органы, не имеет никакой власти на местах. Офицеры, привычно сохраняя внешние манеры, делают что хотят. Земств никто не слушает. Зверская власть сабель не знает предела. Сформировался новый класс офицеров, чья причастность к благородному военному искусству обернулась партизанщиной и кровавыми расправами, невыносимыми для любого честного человека.

Офицеры царского режима, которых революция швырнула в это адское пекло, ничем не связаны с сибирскими народностями. Они чужаки на этой территории, но делают вид, будто пытаются оживить выдохшиеся политические идеи. Но они не Муравьевы, не Пржевальские, не Семеновы-Тянь-Шанские²⁷⁴ – гении русского народа, великие колонизаторы, они завоеватели, не имеющие политических взглядов, силой навязывающие свою временную власть, и их воспринимают как соперников, на равных.

Сабельные царства породили опасное явление – бронепоезда, крепости на колесах, их владельцы – полновластные сеньоры, они творят скорые суд и расправу, а главное – собирают дань. И оправдывая их бесчеловечные жестокости, о них слагают песни. Вот, что поют, например, приверженцы Семенова:

Атаман Семенов,
Грозный мститель,
Беспощадный победитель,
Справедливый усмиритель и т. д.

Молодой человек, полковник Степанов, соратник атамана в начале его сибирской деятельности, командовал «дивизией бронепоездов», сделав ее орудием мести. Но действовал он с излишней жестокостью. Показательное наказание большевика или комиссара, взятого с оружием в руках, или подстрекателя, пойманного с поличным, будет понятно людям, о которых известно, что им не до благородства. В страшных расправах гражданских войн есть некая справедливость, какую чувствует и принимает народная душа. Но важно, чтобы закон «око за око» действительно был основан на справедливости, чтобы это находило отклик в общественном мнении, чтобы жестокость была в какой-то мере оправдана заботой об общественном благе. Наказания могут быть публичными, но должны оставаться исключением, осуществляться с чувством меры и осторожностью. Здесь все было наоборот.

Квартира штаба бронепоездов, станция Адриановка, на протяжении года была местом жестоких и бессмысленных репрессий. Я ограничусь в качестве примера свидетельством русского офицера, поручика Н, принадлежащего к отряду Андриановки.

В июле 1919 г. со стороны Верхнеудинска следовал эшелон, где находились 348 гражданских лиц, среди которых было много женщин и детей 15–16 лет. Все они были арестованы по весьма туманным причинам и отправлены в Читу, где не знали, что с ними делать, и отправили в Адриановку, где никогда не медлили с эффективными решениями. Полковник Степанов, как сказал мой собеседник, не располагая достаточными средствами для того, чтобы прокормить эту многочисленную «компанию», сел вместе с полковником Поповым и казаками гарнизона в Макеевке в бронепоезд «Семеновец» и направил эшелон к месту расстрелов Тарская падь, в трех километрах от станции. Несчастные пассажиры, которых выгнали из поезда казаки, побежали, спасая свои жизни, но были расстреляны из пулеметов. Спустя полчаса бронепоезд и эшелон вернулись в Адриановку, чтобы пропустить экспресс, идущий из Омска, затем они вновь вернулись в Тарскую Падь и завершили зверство.

В тот же вечер казаки продавали окровавленную одежду убитых.

Подобные бессмысленные кошмары совершались немногими и подвергались суровому осуждению офицеров, сдержанных и трезвомыслящих. К несчастью, полковники Степанов, Попов, [Э. Г.] Фрейберг и [Н.] Аппарович, командиры Сидоров и Скрыбин,

поручик Меров и им подобные получили от атамана неограниченную власть. Доктора Зимин и Тишинов, поручик Манчуров смели возражать против казней в Адриановке и были расстреляны как пособники большевиков.

Подобные чудовища не были людьми. Помощник командира Скрябин в журнале, предназначенном для экипажей бронепоездов, опубликовал статью, в которой давал советы неопытным офицерам, как завлекать честных женщин к ним в поезда, а потом использовать их доверчивость. Я видел эту статью собственными глазами, она подписана «Петька, орлиный глаз» – псевдоним Скрябина. Я имею также свидетельства, подтверждающие, что Скрябин – молодой человек из хорошей семьи с манерами, которые восхищали женщин, и его приятели пользовались его методами для совращения жен, сестер и невест своих товарищей. Я сначала не понял, почему эти молодчики именуют свою методику итальянской. Но затем вспомнил кое-какие эпизоды из «Мемуаров» Казановы, наверное, единственного литературного произведения, прочитанного этими дикарями.

В скобках прибавлю, что офицерам [И. П.] Калмыкова тоже можно вменить в вину безотчетно совершенные преступления. В ноябре 1918 г. они расстреляли доктора-шведа, представителя шведского Красного Креста в Хабаровске, фамилии его я не смог найти. Он занимался военнопленными в приморской полосе, вызывал какое-то мелкое недовольство и был арестован по смехотворному обвинению: будто бы намеревался распространять тиф среди населения. В декабре 1918 г., когда я проезжал через Владивосток, мне показали вещественные доказательства его вины: тубики с вакциной против тифозной горячки.

14. Насилие семеновцев. Расследование в Зилово.

Уничтожение нейтралов

Зилово, 22 октября 1919 г.

Экипажи бронепоездов добывали «реквизициями» провиант, которым не снабжала их Чита. Офицеры, не чувствуя над собой никакого контроля, нередко поддавались искушению обогатиться за счет местного населения. Мой друг Седакин, предводитель районной земской управы, бывший офицер, антибольшевик *si quis alius*²⁷⁵, показал мне сегодня депешу, которую отправляет атаману: «В подтверждение депеши, отправленной беженцами (NB: горожане, убежавшие при приближении большевиков), прошу срочно приказать солдатам вернуть муку, одежду и прочие вещи. Войска не признают местной власти. Уже месяц они кормятся за счет крестьян, не платя ни копейки.

что может снова вызвать недовольство. Прошу дать распоряжение о расследовании с представителями от правительства.

Председатель земской управы

Подпись: *Седякин**.

Чтобы лучше понять, какой вред приносили бесноватые с бронепоездов своему делу²⁷⁶, достаточно вспомнить факт, характерный для всех гражданских войн: за исключением двух воюющих между собой маленьких групп, большинство людей нейтральны, ждут восстановления порядка и подчиняются победителю текущего момента. И это большинство – все те, кто завтра обеспечит своей родине восстановление хозяйства, кто занимается интеллектуальной и духовной работой в государстве.

Разум подсказывает, что именно их нужно оберегать и привлекать на свою сторону**. Офицеры Семенова, напротив, взяли за правило карать население деревень, в которых побывали красные, за «сотрудничество» с врагом. И вот тому пример.

10 сентября 1919 г., после бегства белого гарнизона, человек сорок красных вошли в деревню Зилово. Неделью спустя они ушли, испугавшись японцев. Сотня бедняков ушла вместе с красными; остальные, довольные их уходом, приготовились встречать победителей. Японские войска вошли в деревню 18 сентября. Бронепоезд «Мститель», которым командовали полковники Степанов и Попов и штабс-капитан Скрябин, прибыл на следующий день. Депутация, которая пришла к ним с хлебом и солью, была арестована и несколько дней спустя расстреляна вместе с другими жителями деревни, всего 10 или 12 человек. Мои беседы с русскими и японскими властями убедили меня, что речь идет о факте варварского убийства, совершенно бессмысленного***.

* Не стоит и говорить, что расследование, проведенное по приказу атамана молодым полковником, приятелем виновных, закончилось ничем.

** Молчаливое соглашение между войсками Колчака и советскими войсками, подтверждаемое инструкциями адмирала, обеспечивало служащим железной дороги, в первую очередь, механикам и машинистам, а также работникам общественных служб возможность исполнять свои обязанности при любой власти, не подвергаясь за это наказанию.

*** Вот несколько имен и подробностей:

Ковалев, местный богач, владелец общественных бань, противник большевиков, был убит за то, что сдал в красный комиссариат ружье, которое якобы до этого утаил от белых. Ружье — берданка, с обрезанным стволом, годное убивать только зайцев. Осталась жена и восемь детей.

Подопригора, машинист, 25 лет службы на железной дороге, «беспартийный», человек степенный, флегматичный, был расстрелян за то, что 10 сентября повез к Уржуму 40 красных, принужденный к этому Парфеновым и Намаконовым. Свидетели гово-

Кроме того, были семеновцы, творившие в своих бронированных крепостях надругательства над молодыми женщинами, которых арестовывали вечером под любым предлогом.

- Ты по улице ходила с комиссаром.
- Ты им пришивала красные кокарды.
- Ты чинила им одежду.
- Ты с ними спала.

Женщины стыдились сказать, что с ними делали (я пробовал расспросить дважды), их молчание поощряет игры белогвардейцев. Молодой девушке в Нерчинске, помощник командира Скрябин сказал: «Слово скажешь, под землей найдем!».

15. Свидетельство о групповых насилиях

Документ, который представлен ниже, был написан и подписан в моем присутствии женщиной по фамилии Довгаль, она давняя и хорошая знакомая Седякина. Я привожу это страшное свидетельство, не меняя ни слова.

«Первая нижеподписавшаяся, Домна Алексеевна Довгаль, сообщает в присутствии двух других нижеподписавшихся, Василия Михайловича Седякина, бывшего офицера русской армии и председателя земской управы Зилово, и капитана Лодевейка Германовича Грондейса, следующее:

“Мой муж был арестован местной милицией деревни Зилово 8 октября 1918 г. и приговорен к одиннадцати месяцам тюрьмы за то, что

рили мне, что на паровозе видели рядом с ним трех красных с винтовками. Осталась жена и трое детей.

Александров, мелкий чиновник на станции, расстрелян за то, что год назад в августе 1918 г., находясь «под чехами», ругал «буржуев».

Андреев, стрелочник, известный пьяница, расстрелян за то, что повесил на дверях своей сторожки красный сигнал, когда красные вошли в Зилово.

Тараненко, мещанин, «беспартийный», расстрелян за то, что купил два охотничьих ружья у комиссара Лишмана, которые тот «реквизировал» в другой деревне.

Сапожников, еврей-лавочник, родня Лишмана, расстрелян за то, что хранил товары, «реквизированные» комиссаром Лишманом.

Чугай, 17 лет, рабочий-механик, расстрелян за то, что при красных ходил с ружьем: и т. д.

В деревне говорят, что команды бронепоездов не просто расстреливают, но рубят на куски. Я предпринял усилия, чтобы выкопать тела тех, кого собрали и похоронили на кладбище, но никто не решился действовать заодно со мной. Люди ждали прихода семеновцев после того, как японцы очистят округ от красных.

Семеновцы, выехав из Зилово с 16 арестованными, чтобы расстрелять их в лесу, увидели на дороге 12 рабочих-китайцев, служащих Железнодорожной компании. Зная, что среди красных есть китайцы (точнее, хунхузы), и желая по образцу персов «преподнести наглядный урок», они забрали и этих невинных людей и тоже расстреляли.

его забрали в красную банду, которую он сопровождал, безоружный. У меня шестеро детей, один из них закончил гимназию. После ареста мужа жить мне стало очень тяжело, и двое из моих детей не смогли продолжать учиться в гимназии.

19 сентября 1919 г. двадцать человек большевиков под командованием грозного командира Парфенова вошли в Зилово, все сельчане вышли к ним с хлебом. Большевики принесли мне материю и велели шить им одежду. Я повиновалась, как все остальные женщины, которых определили на эту работу.

18 сентября вошел авангард казаков и японские войска, на следующий день приехал бронепоезд "Мститель", чтобы совершить аресты. Имена всех, кто работал на большевиков, были сообщены офицерам Семенова.

Во второй половине дня 19-го моя дочь 19 лет была арестована вместе с двумя другими девушками. Одна из них, мадемуазель Седякина, дочь второго нижеподписавшегося, была вскоре освобождена по просьбе матери. В отношении двух других разгорелся яростный спор между двумя офицерами, один из которых хотел их задержать в вагоне, но их все-таки отпустили с приказанием прийти в 8 часов на следующее утро. Но в 11 часов ночи к нам вошли два солдата, чтобы вести мою дочь в поезд. По счастливой случайности вышло так, что один из солдат, по фамилии Солдатенко, был товарищем моего сына по гимназии и знал мою дочь. Ему стало стыдно исполнять приказ, и он ушел, чтобы арестовать каких-то других девушек.

Для арестов семеновцы пользовались различными предложениями, например, обвиняли девушек в прогулках с красными. В случае моей дочери и дочери Сидякина – это ложь.

20 сентября в 10 часов утра два солдата пришли, чтобы арестовать меня, обвинив в краже у доктора Максимова материи, той, что большевики принесли мне для шитья одежды. По дороге я потеряла сознание, и остаток пути меня поддерживали солдаты. В поезде фельдшер Трибус оказал мне медицинскую помощь в купе проводника в вагоне 3-го класса. Когда мое состояние немного улучшилось, меня втолкнули в другое купе, где сидели еще трое: Маруся... 25 лет, и две девчонки – служанка доктора Максимова, 14 лет, и служанка при вокзального буфета, ей 15 или 16 лет.

Вскоре вошел офицер заурядной внешности, небольшого роста, блондин, лицо и голова бритые. Он посмотрел на нас, увидев меня, сморщился и вышел. Тут же вошел солдат, увел девочку постарше и приказал Марусе дожидаться в кабинете Трибуса, где мне была оказана помощь.

Примерно через полчаса я услышала следующий разговор между солдатами:

– Капитан мне тоже позволил.

– С какой?

– С этой. (Он показал на кабинет Трибуса)

Они пошептались, потом первый сказал:

– А шлюх этих после того, как их... хорошенько, я сам всех и расстреляю.

Второй сказал:

– Я после тебя.

Четвертый солдат возразил:

– Вот уж нет! Ты ж болеешь!

Разгорелся спор. В конце концов солдату пообещали:

– Ладно. Ты тоже, только после всех.

Девочка вернулась, бледная, вся в слезах. Офицер заперся с ней и с молодой женщиной в кабинете Трибуса, где та ждала. Оставался там примерно пятнадцать минут, потом ушел. Солдаты повеселели и оживились. Трибус вытолкнул меня в соседнее помещение и запер между ними двери. Около десятка солдат побывали у этих девушек. Стали подходить еще и еще. Они хотели войти немедленно, но их оттолкнули те, кто уже там побывали.

Я услышала крики одной из девочек, возможно, самой маленькой:

– Не смей! Не трогай меня!

А потом стоны и рыданье. Послышалось: “Замолчи!” и все черные слова, какие любят русские солдаты. Потом девочка замолчала, и я уже больше женских голосов не слышала.

Вскоре солдат с довольным видом вышел из первого купе и крикнул тем, кто сидел во втором (где находилась и я): “Можете все идти, если нет болячки на...” И один за другим, они пошли, крича первым поторопиться. Как-то дверь распахнулась, и я увидела, что часть купе, где находились девушки, отгорожена занавеской. Солдат заглянул с улицы и спросил:

– Что здесь происходит?

На него смотрели, молча, и смеялись.

– А, понял, маленький публичный дом!

– Да, но имен здесь не спрашивают.

Вошел юный солдатик Солдатенко и занял очередь. Я спросила его:

– Могу я с тобой поговорить?

– Конечно.

Мы отошли чуть дальше.

– Я вижу, дитя мое, что тут происходит. Застрели меня, я не хочу, чтобы со мной было то же самое.

– Ты, что, боишься?

– Да, мой мальчик, убей меня.

– Не бойся, тетя, тебя не тронут*.

Он отвел и посадил меня подальше, в другое купе, чтобы я уже больше ничего не видела.

Три солдата занимались своим туалетом в купе, где меня посадили. Один брился. К нему подошел приятель и сказал:

– Кончай быстрее и иди.

Первый ответил:

– Не хочется. Был бы вечер и со мной милая девушка, и мы с ней только вдвоем, другое дело!

И тут же, бросив бритву, подбежал к двери и закричал тем, кто уже находился за дверью:

– А ну быстрее, мне не терпится!

Постояв несколько минут у дверей, он вернулся страшно ругаясь.

– Слишком медленно работают черти проклятые! Все желание прошло!

Большинство молодых мальчиков прошли через эту очередь, отказавшись только один. Когда ему предложили последовать общему примеру, он сказал:

– Я пришел сюда не за этим. Как после этого я смогу посмотреть маме в глаза?

Человек сорок солдат прошло через этот вагон, и разве что десять-двенадцать отказались принимать участие в этом ужасе. В очереди один из ожидавших громко сказал, рассчитывая на одобрение товарищей:

– Если задержимся здесь на пару деньков, все жены, сестры и дочки красных здесь побывают.

Из соседнего купе выходили с расстегнутыми штанами, показывали наготу и медленно в моем присутствии застегивались, то ли из-за недостатка времени, то ли по небрежности, то ли из наглости.

Продолжалось все это часа три, когда вернулся тот самый офицер, который все это начал, он, смеясь, спросил:

– Ну как справились?

Солдаты принялись бахвалиться:

– Я, вот....

Второй:

– Ерунда, я...

И все по очереди. Фарс продолжался, офицер и солдаты хохотали во все горло. Затем офицер распорядился:

– Хорошо! Наведите порядок и помойте руки.

Следом прозвучала еще команда:

– Стрелки на платформу!

* Довгаль было 45 лет.

И солдаты разошлись.

Бронепоезд двинулся в направлении Уржума, остановился через 5–6 верст перед золотыми рудниками. Дали четырнадцать залпов по рудникам, ответа не получили и вернулись в Зилово.

Меня поместили в арестантский вагон, но через десять минут отпустили. Я была свободна. Дома, когда я вернулась к своим, я тяжело заболела, у меня полностью парализовало левую руку, частично правое плечо и язык. Я и сейчас еще не совсем оправилась.

“Мститель” в тот же день уехал из Зилово и вернулся через два дня. Утром 22-го или 23-го два офицера из его экипажа пришли утром ко мне пить чай. Они свободно рассуждали на разные темы, осмотрели книжный шкаф с хорошими книгами. Во второй половине дня один из них вернулся, чтобы меня арестовать. Я лежала в постели парализованная и не могла встать. Офицер поставил у моей постели двух солдат со штыками наголо на тот случай, если мне станет лучше. Доктор Максимов, считавший, что я виновата, сначала отказался ко мне прийти, пришел только поздним вечером. После криков и упреков, на которые я не могла даже ответить, он выдал мне бумагу, и солдаты вынуждены были уйти. С тех пор я на свободе, но постоянно боюсь, что меня снова арестуют.

Позже я видела двух девочек, с которыми так ужасно обошлись. Они умоляли меня никому не говорить ни слова. Лично я считаю, что насилие при подобных обстоятельствах не отнимает чести. Но по этой причине арест молодых женщин офицерами с бронепоездов окружен тайной. Одна женщина из Зилово*, которую взяли на бронепоезд, умерла по дороге. Другая, претерпев подобное же обращение, заболела и находится в тюрьме в Нерчинске. Обе молодые, и никто здесь не имеет о них точных сведений.

На этот раз три жертвы экипажа “Мстителя” ушли с красными, точно так же, как все их родственницы и другие молодые женщины станции Зилово”.

*Домна Алексеевна Довгаль,
Лодевейк Германович Грондайс,
Василий Михайлович Седякин».*

16. Население по-доброму принимает японские отряды

Зилово, 23 октября 1919 г.

Полковник Умеда произнес сегодня речь перед жителями, которых Седякин собрал на станции. Председатель земской управы пока-

* Это была молодая сестра милосердия из больницы в Зилово. Фельдшер, человек интеллигентный и уравновешенный, уверил меня, что причиной ареста были только ее молодость и привлекательность.

зал мне в толпе рабочих, которые, не опасаясь больше бронепоездов, откликнулись на призыв японского командования и вернулись на работу. На население произвело благоприятное впечатление следующее обещание, которое Умеда повторил сегодня публично: «Если большевик, любой, в том числе и сражавшийся, добровольно сдастся и сдаст оружие, он будет под охраной моих войск против кого бы то ни было, о чем я отдал моим войскам строжайший приказ. Они могут приняться за работу без всякого беспокойства»*.

* Думаю, будет небезынтересно прочитать мужественные и полные достоинства слова полковника Умеда, обращенные им в прокламации ко всем общинам Амурского края: «К концу мировой войны в России разразилась революция, и страна была вынуждена заключить сепаратный мир с Австрией и Германией. Таким образом, Россия после четырехлетней кровавой и героической войны не смогла участвовать в конференции, касающейся мира, и не получила в качестве бывшего союзника никакой доли от одержанной победы. В России царствуют большевики. Повсюду беспорядок. Великая империя распалась на множество независимых провинций, и зрелище этого развала пробуждает в нас великое сожаление.

Находятся люди, воображающие, что заслуга большевиков в том, что они освободили страну от гнета царизма. Но на самом деле большевики лишь разрушили порядок, установленный бывшим правительством, и толкают народ в бездну. Не только союзники, но и Германия и Австрия считают большевизм большой опасностью для всех народов. Условия жизни сделались во всех странах настолько тяжелыми, что беспорядки, раздирающие Россию, могут перекинуться и на другие страны. По этой причине союзники хотят, чтобы в России как можно скорее установилось сильное правительство.

Союзные войска были посланы в Сибирь, чтобы помочь чехословакам, вместе с ними продолжить восстанавливать порядок. Япония на протяжении долгих лет жила в хороших отношениях с русским соседом. Мы симпатизируем России и сожалеем о рухнувшей империи. Мы хотим, чтобы в России как можно скорее восстановился порядок, и послали своих солдат, чтобы этому помочь. Впереди еще много дела. У большевиков в Сибири нет армии, они располагают бандами грабителей и убийц, которые легко собираются и легко разбегаются. Война против них похожа на борьбу с мухами. Здешние большевики живут там же, где сражаются, они знают местных жителей и все особенности местности. Нам, напротив, трудно договориться с населением, получить от него правдивую информацию. По этой причине наша работа не кончена и продлится еще какое-то время. Но вы знаете нас, вы знаете, что японцев не остановит страх смерти, что главное для нас достичь поставленной цели.

Мы трудимся ради блага России, но, несмотря на это, часть населения помогает большевистским убийцам. Они надели сапоги на голову и шапку на ноги (японская поговорка). Может быть, эти люди боятся большевиков и думают, что поступают хитро? *Но подумайте сами: разве не благо, если человека ведет твердая воля, соблюдающая моральные принципы? Японская армия – лучший врач для Сибири, и ваш долг помогать нам, и даже, если понадобится, то пожертвовать жизнью ради родины. Если вы, русские, без сопротивления, поддадитесь обстоятельствам, ситуация вскоре может стать непоправимой. Неужели в Сибири, которая больше в тридцать раз, чем Япония, не найдется достаточно патриотов, чтобы спасти свою родину?* [Курсив оригинала. — Примеч. пер.]

Японская армия соблюдает законы рыцарства, ни один безоружный большевик не будет убит, как не будет убит славшийся на поле боя. На этот счет я дал строжайший приказ.

Это явно что-то новое для людей, привыкших за год к тому, что их избивают или расстреливают за то, что они были членами комитета или красного отряда. Высокого роста русские, а таких большинство, с удивлением смотрят на маленьких солдат-японцев, привыкнув бояться их в качестве союзников зверя Семенова. А японцы ведут себя дисциплинированно, сдержанно, корректно. Японцев в деревне первыми приняла буржуа, счастливые защитой от красных, и бедняки, переставшие бояться жутких бронепоездов, затем мелкие торговцы, уставшие от бесконечной и бесполезной гражданской войны, которая разрушает все связи, нарушает торговлю и удорожает жизнь.

Японские солдаты действовали согласно строжайшим распоряжениям. Я не раз наблюдал, как они заходили в частные дома, чтобы купить хлеба (они часто предпочитали его рису) или дичи. Чтобы не возникало сомнений в их добрых намерениях, они, не владея языком, входили, держа на ладони купюру в половину иены. Хозяева их принимали хорошо, часто приглашали к самовару выпить с ними чаю, но солдаты избегали подобного сближения.

Старания японской армии быть удобными и приятными для населения не исключали предельной осторожности перед множеством угроз, которые исходили от жителей, поддерживающих красные отряды. На каждом деревенском доме японский командующий приказал написать по-японски, сколько в нем мужчин, женщин и детей, к какой политической партии принадлежит хозяин, если сам он был в отсутствии. После восьми часов вечера жителям было запрещено выходить на улицу. Патруль мог войти неожиданно в любой дом, чтобы убедиться: все члены семьи на месте.

Отношения между японцами и сибиряками улучшаются. Я прошу вас нам помогать. Не забывайте, что наши солдаты выполняют свой долг перед своей родиной и помогают вам. Если порой они ведут себя по отношению к вам не так, как вы ожидаете, не забывайте, что это люди другой цивилизации. Большевиком влиятелен только в вашей несчастной стране, в других странах его не существует. Для того чтобы возбудить в вас враждебность к нам, вам говорят, что мы хотим присвоить сибирские территории. Это ложь. Ни одна страна без согласия другой ничего не может себе присвоить. Говорят также, что японцы дурно себя ведут. Мы не станем отвечать на клевету. Вы будете судить о нас сами.

Представьте себе теперь, что мы уходим из Сибири. Хаос будет только углубляться, порядочным людям придется покинуть страну. Основа народного счастья – порядок, который позволяет людям спокойно и прилежно трудиться. Сибиряки, помогите нам всеми силами справиться с большевизмом. После притеснений царизма вам грозит более тяжкое ярмо большевиков. Если Бог посылает вам такие страдания, то вы сами, русские, оставшись безучастными, станете ответственными за них. Дайте нам возможность помочь вам, невзирая на то, что мы принадлежим к разным расам и национальностям. Помогите нам, чтобы спокойствие и простое человеческое счастье вернулись к вам. Полковник *Умеда*.

Единственная жалоба, которую я услышал от жителей: кража нескольких яиц. Результат моего расследования меня позабавил. Часовой, находившийся на посту на крыше дома, чтобы оттуда обозревать окрестности, ходил туда и обратно на морозе в 10 градусов и вдруг увидел на чердаке большое количество яиц. Хозяева, как водится, прятали их, боясь реквизиций семеновцев. Солдат взял несколько штук, согрел в кармане и съел. Вот единственная жалоба за год после неоднократного пребывания в деревне японцев.

Японские офицеры довольствовались собственным обществом. Когда я приходил их навестить, они сидели на циновках, которые сумели себе достать, устроив по-японски уютный и суровый интерьер, какой и подобает воинам. Они пили зеленый чай с японскими сладостями, которыми их снабжали предусмотрительные интенданты, курили прекрасные японские сигареты, всегда в окружении почтительных ординарцев, всегда настороже, всегда в ожидании приказа от начальства. К их достоинствам можно прибавить невмешательство в домашнюю жизнь хозяев, холодную вежливость по отношению к ним, что очень отличало их от многих других.

17. Трупы после пыток. Японское хладнокровие

Поблизости от Уржума, 25 октября 1919 г.

Пути и мосты починили японские саперы. Этим утром мы вновь заняли места в своем поезде и продолжили наше путешествие. В сорока верстах на север от Зилово нам указали на голого мертвеца, лежащего на снегу рядом с рельсами. Через несколько сотен метров снова мертвец, и еще, и еще... Семь изуродованных мертвых тел. Четверых мы узнали: это были казаки, отправленные на разведку полковником Умеда со станции Бушулей, они попали в руки красных.

Старый казак, 64 лет, отец Седякина, — человек спокойный, простой, никогда не занимавшийся политикой, его могли убить только как «буржуя». Красные оказали ему небольшое снисхождение — сначала ножом увеличили рот, надрезали шею, но потом все-таки убили ударом штыка в сердце.

Шестеро других, прежде чем умереть, мучительно страдали. У всех на теле и ногах глубокие рубцы от ударов нагайкой, у нескольких мелкие надрезы ножом на руках и ногах. Зарядов у красных мало, их убили холодным оружием. На теле одного казака я насчитал 34 удара штыком. У троих выколоты глаза, лица покрыты бесчисленными порезами, губы и язык вырваны. Сабельные удары на плечах, предплечьях, на голове, на шее. У старого казака снимали лоскуты кожи с мясом с груди и дотягивали их до шеи, несколько раз втыкали в шею нож или саблю.

Все мертвецы раздеты догола, руки заломлены назад и согнуты. Создается впечатление, что на этих руках сидели, чтобы обеспечить неподвижность тела во время пыток. Мороз в 20 градусов сохранил все страшные подробности: конвульсивные движения, искаженные болью лица словно бы продолжают кричать или стонать.

Красные хотели нас напугать этой выставкой мертвецов вдоль железной дороги, но только ожесточили солдат.

Издали до нас донеслась неровная перестрелка, наши войска снова сражались с врагом. Через несколько часов мы получили донесение: рота, вошедшая в долину, попала под огонь многочисленной колонны красных, спрятавшихся за гребнем сопки, в близком к железной дороге месте. Командир-японец приказал прятаться за камни и кочки и стрелять только в цель и ни в коем случае наудачу. Японцы и красные вели перестрелку на протяжении двух часов, причем японцы не имели возможности встать и атаковать казаков сверху. Вскоре подошел поезд, и красные получили подкрепление, но с нашей стороны подошел отряд, грозя красным захватом, и они сбежали. На вершине мы нашли трех убитых, среди них командира красных. У него нашлись письма от Парфенова со сведениями о красных бандах поблизости.

Во время схватки японцы потратили по семь зарядов на человека.

18. Горестные сцены. Отпевание

Зилово, 27 октября 1919 г.

Семь мертвых тел привезли и опознали. Я присутствовал при тяжелых сценах, когда на убитых смотрели вдовы и сироты. Бесслезные неподвижные лица и при этом пронзительные крики, вой, взмахи рук и битье себя в грудь – боль проявляется внешним образом, но так, словно человек совершенно один. Это необычно, не характерно ни для европейцев, выражающих чувства крайне сдержанно, ни для восточных людей, исполненных чувства собственного достоинства, умеющих владеть собой. В горе и страдании бедные женщины повторяли все, чему научила их церковь: падали ниц перед искалеченными телами, крестились и кланялись, будто поклонялись Слову, ставшему плотью.

Зилово, 28 октября 1919 г.

Я пришел в дом председателя земской управы Седякина, там собралась уже целая толпа, в основном женщины. Прошло несколько минут, вошли два японских офицера, представители полковника Умеда, и тогда мы перешли в соседнюю комнату, где на большом деревянном столе стоял гроб. Страшные раны покойного удалось за-

крыть венком из цветов и гирляндами из зеленых листьев. На лице старика исчезло даже выражение страдания. Теперь, когда с него стерли следы преступления, оно дышало почти что покоем. Венчик на лбу, узкая ленточка с изображением святых, закрыл рану, нанесенную саблей. Руки, сложенные на груди, закрыли глубокие штыковые раны.

Мы встали вокруг гроба. Священник в облачении из потускневшей парчи встал у изголовья между двумя большими подсвечниками, когда-то посеребренными, теперь же медными. Бедность подходит древнему культу униженных.

Мужчин почти нет. Они не решились встать у гроба, рядом с которым вопреки набожности и благочестию не может не вспыхнуть ярость. Пусть цветы прикрыли следы пыток, но воображение воскресит их, пробуждая желание отомстить так же жестоко. Женщин, похоже, напротив, эта бессмысленная животная жестокость доводила до религиозного экстаза. Священник заговорил, он знал свою паству и привык управлять ее мыслями.

«Чему служит революция? Какие надежды она пробудила и что принесла? Принесла хаос, пожирающий крохи нашего благополучия, растлевающий наши души, погружающий нас в постоянный страх. Люди бесцельно убивают друг друга, уничтожают стариков и детей. Старый Седякин заслужил спокойную смерть среди детей и внуков, которые молились бы за него, благоговейно сложив руки. Россия захлебывается в крови своих детей. Перестаньте сражаться, оставьте партии, вернитесь в церковь и молитесь со слезами Господа, чтобы помог вам потушить бессмысленную войну и т. д.»

В сложенные руки нам дали по зажженной свечке, и началась заупокойная служба. Дьякон, в старом пальто, застегнутом наглухо, чтобы скрыть лохмотья, поддерживал громовым басом мелодичное пение священника. После отпевания близкие дали волю своему горю. Вдова, сгорбленная старушка, то словно застывала, то бросалась к гробу с поцелуями. Сын, поначалу очень сдержанный, зарыдал, обхватив голову руками. Японский офицер, стоявший очень прямо во время церковной службы и, подобно мне, наблюдавший за происходящим как бы со стороны, повернулся ко мне со словами: «I am very sorry for him»²⁷⁷, и снова уставился на горящую свечу у себя в руке.

Священник с дьяконом ушли, началось прощание с покойником. Вдова то ли в приступе горя, то ли из желания показать свое горе окружающим принялась танцевать, как безумная, в изголовье гроба, выкрикивая что-то непонятное. Старая служанка, вслед за хозяйкой завывала, как бесноватая. Окружающие постарались их успокоить. Затем члены семьи и все присутствующие стали подходить к гробу с прощальным поцелуем. Седякин, плача, поцеловал отца в губы.

«Красные убийцы!» Маленькую девочку подтолкнули к покойному, она вытянула губки, но не захотела его коснуться. Остальные внуки, потерявшие дедушку, прикасались к венчику или к ладанке, бессильному амулету, который был на старике во время пыток.

Похороны, которые я описал ранее*, были эмоциональнее. Буржуа и офицеры, хоронившие жертву зверского убийства, не говорили о мести. Между двумя прощаниями – бездна, разделяющая большевиков-победителей и побежденную «интеллигенцию». Как было бы красиво – да и безопасно – поклясться перед гробом окровавленной жертвы отомстить ее палачам. Но сын, в прошлом офицер, и все остальные присутствующие плакали, смирившись с горем и несправедливостью.

Согласие с христианской моралью людей молодых, у которых есть, за что постоять, выглядит натяжкой, и какой-то нечеловечностью. Японцы смотрели на меня вопросительно: это их солдатам предстоит брать реванш?

Похоронная процессия двинулась на кладбище, во второй половине дня начались поминки. К вечеру вокруг дома столпились жители деревни: желание выпить самогонки возобладало над страхом быть причастным к похоронной церемонии, страхом перед кровавой рукой Красной гвардии, пусть сейчас она далеко, в доброй сотне километров.

19. Эпilog. Необычайный трибунал атамана на секретном заседании

Чита, 3 ноября 1919 г.

Приехав в Читу, я сразу отправился к атаману Семенову, с которым поддерживал вполне корректные отношения. Я сказал ему примерно следующее.

– Иной раз удивляет, почему с таким упорством бунтует население в районах, которые занимают ваши солдаты. Позвольте мне вас спросить, вы уверены, что ваши войска достойно сражаются с красными? Ваши бронепоезда, действительно, воюют с мятежниками?

– Мне известно, что недавно людям с «Грозного» пришлось разобрать пути перед бронепоездом большевиков, на котором было гораздо больше солдат.

– Правда состоит в том, что у большевиков нет бронепоездов. Большинство из них вооружены в лучшем случае ружьями системы «Бердан», и зачастую заряды для них им приходится изготавливать в железнодорожных мастерских, но, несмотря на это, им удается обра-

* См. эту же главу, № 12.

тить в бегство ваших казаков и ваши бронепоезда. Вам известно, что рота под командованием штабс-капитана Чезинского, атакованная отрядом мятежников, которых было гораздо меньше, оставила у них в руках пулемет?

– Нет, мне об этом неизвестно.

Семенов записал подробности и фамилии.

– Население вас ненавидит, я не говорю, что всегда справедливо. Вы знаете, что ваши войска следуют за японцами только для того, чтобы убивать и грабить, а воюют одни японцы? Вы замечали, что за исключением спекулянтов* население почти всегда восстает как против красных, так и против ваших бронепоездов, предпочитая власть японцев?*

– Нет, повсеместные восстания возникают из-за поражений Колчака и приближения советских армий.

– Простите, а вы мне не скажете, почему большая часть буржуазии стала безразличной к политической борьбе? Почему казаки Нерчинского округа, который выбрал вас атаманом, давно уже взяли в руки оружие и воюют против вас? Известно вам, казаку, что изнасиловать дочку рабочего и дочку казака – это два разных преступления?

– Мне давно рассказывают байки об этом. Я не раз назначал расследования, и ничего не подтверждалось. Две недели назад американский вице-консул²⁷⁸ подал мне жалобу как раз на этот счет. Я попросил у него доказательств. Он мог сослаться только на слухи. И я попросил его уехать из этого города.

Я показал атаману свидетельство Довгаль*** и другие донесения. Он внимательно их просмотрел. Я продолжил.

– Это свидетельство не является уликой. Но я прошу вас вызвать сюда госпожу Довгаль, гарантировать ей безопасность и устроить очную ставку с экипажем бронепоезда. Я сумею вам указать и других свидетелей, которых полезно выслушать****.

* Интернациональная банда спекулянтов, которая накинута на Восточную Сибирь, каждодневно через недобросовестную прессу Владивостока, Харбина и проч. высказывалась против военной оккупации союзников, в особенности против японцев и чехов. К несчастью, эту кампанию поддерживали и некоторые миссии.

** Факт, о котором я сообщаю, кажется противоречит сообщениям сибирской прессы, которая – как и повсюду – представляет вовсе не интересы или пожелания страны, но точку зрения небольшой группы финансистов. Я процитирую слова – неосторожные и преувеличенные – одного архипастыря Нерчинска, отца N: «Страна устала от красных и от семеновцев. Бог хочет, чтобы японский император стал здешним господином».

*** См. главу 15.

**** Атаман не мог воспользоваться моим предложением, оно лишало его инициативы, делало значимыми обвинения, представленные иностранными миссиями, и из-за их близости вынуждало его наказывать сотни офицеров.

– Нет, я поступлю по-другому. Я сейчас отправлю бумагу с моей подписью с приглашением на суд двух офицеров, которых вы обвиняете, — полковника Попова и штабс-капитана Скрябина. Вы тоже получите приглашение участвовать в процессе. Я прошу вас прийти, принести ваши свидетельства и все, что вы захотите представить суду.

– А вы не думаете, что придется заменить все экипажи бронепоездов, офицеров и солдат? Люди с такими привычками не могут от них отказаться.

– Я приму меры против этих офицеров. Я их расстреляю. Я пробовал разные меры наказания: понижение в чине, отправка в трудовые батальоны, но это не действует. Нужно казнить нескольких. Эти скандалы – давняя история. Вы убедитесь, что я горячо желаю с ними покончить!

Чита, 22 ноября 1919 г.

Сегодня в три часа дня я явился в штаб [Сводной] Маньчжурской дивизии, где должен был собраться экстраординарный суд. Старшему из четырех офицеров-судей 26 лет, и он носит чин полковника. Роль общественного обвинителя исполняет штабс-капитан Грант, человек весьма печальной репутации*. Сразу же после нашего прибытия ввели под конвоем обвиняемых, полковника Попова и штабс-капитана Скрябина. На миг мне показалось, что будет разыграна комедия, но, выслушав обвинение, я усомнился в первом впечатлении. В нем не было и речи о насилиях и жестокостях. Офицеров обвиняли в вооруженном сопротивлении аресту. Вот, что, оказывается, произошло.

Семенова убедили в необходимости сменить командование бронепоездов. Молодой полковник Степанов, виновный в беспорядках, процветавших в этой дивизии, был отправлен с поручением в Японию. Генерал [Н. Ф.] Богомолец, офицер царской армии, который заступил на его место, был настроен очень решительно. Неделю тому назад обвиняемые, оба пьяные, привели невесту Попова в вагон, где жили жены офицеров. Изнасилованная обоими, она громко кричала, в испуге кричали и другие женщины. Попов и Скрябин угрожали им, что они войдут к ним, сломав дверь. Скандал был громким. Генерал

* Капитан Грант вместе с полковником [А. И.] Сипайло и штаб-капитаном [К. Ф.] Годлевским утопил 5 января 1920 г. 31 заложника из Иркутска в озере Байкал. (Речь идет об убийстве 31 заложника из тюрьмы Иркутска, произошедшем 6 января 1920 г. на ледоколе «Ангара» по распоряжению подполковника А. И. Сипайло и начальника гарнизона станции Байкал штабс-капитана К. Ф. Годлевского. Среди убитых были сторонники иркутского Политического центра, выступавшие против Российского правительства; в числе убитых оказались видные деятели эсеров: Я. Я. Ауцен, Б. Д. Марков, П. Я. Михайлов, Н. П. Петров, Я. Ф. Терещенко, М. П. Храбров и др. — *Примеч. сост.*).

Богомолец отправил к ним офицера с приказом их арестовать, но эти господа, приученные Степановым к полной свободе, стали стрелять из пистолетов, потом вскочили на бронепоезд «Мститель» и приказали машинисту уезжать из Читы в неизвестном направлении. Генерал Богомолец приказал арестовать поезд и вернуть слушников.

После чтения обвинительного акта Попов, высокий, худой, повел себя вызывающе; Скрябин, ростом пониже, с обрюзгшим лицом и пронизательным взглядом, ограничился тем, что все отрицал. Когда Грант зачитал свидетельство Довгаль, безразличие Скрябина как будто исчезло, он уставился на меня ненавидящим взглядом и прибавил уверенно: «Ложь!». Когда были зачитано другое свидетельство, предоставленное мной, он признал:

– Расстрелы были. Я приказал расстрелять в Зилово кое-кого из обывателей (*весьма небрежно*), не помню точно, три или четыре женщины и около двадцати мужчин.

Судьи промолчали, для них это было в порядке вещей. У обвиняемых не было адвоката, им самим дали говорить только для формы. Заседание завершилось, судьи удалились для решения. Они вернулись через пять минут. Приговор был заготовлен заранее и уже отпечатан на машинке, им оставалось только его подписать.

Снова привели обвиняемых, им зачитали смертный приговор. Исполнение в тот же вечер. Попов, стоя очень прямо, спросил:

– Могу я обжаловать приговор?

Председатель суда ответил:

– Нет.

Офицеры развернулись, и их повели к коменданту города. Грант попросил меня подождать его, а сам пошел с приговором к атаману. Через полчаса он показал мне приговор с его подписью. Предложил мне присутствовать при казни. Я отказался: послушные пули по ночам выделывают иной раз разные фортели.

Грант уверил меня, что оба приговоренных будут сегодня в 8 часов разжалованы перед строем роты, а затем со связанными за спиной руками переданы в ведение контрразведки, которая и будет ими заниматься. Им будет предоставлена возможность исповедоваться, и в 10 на грузовом автомобиле их отвезут к месту расстрела в десятке верст от города. Друзья и родственники не получают разрешения хоронить их в освященной земле. Растаявший снег обнажит побелевшие кости среди десятков тысяч скелетов на этом пустынном поле, о существовании которого жители Читы узнали по тучам ворон, собирающихся над холмами*.

* Возмутительно пренебрежение, с каким были попраны права обвиняемых во время этого псевдосуда. Все вместе было свидетельством, каким образом привыкли

Глава VIII. Французская военная миссия в Сибири

Отправление военной миссии в Сибирь являлось просто-напросто следствием внешней политики французского правительства. И продиктовано оно было в первую очередь военными нуждами.

Заключив Брест-Литовский мир, Советы поначалу колебались в выборе между воюющими сторонами, но с апреля 1918 г., после победы Центральных стран, окончательно заняли враждебную позицию по отношению к союзникам²⁷⁹. Немецкие военнопленные под командованием немецких офицеров, подчиняющихся немецкому Генеральному штабу, влились в Красную армию²⁸⁰. Союзные войска (чехословацкие, польские и т. д.), направлявшиеся на Западный фронт, были остановлены и разоружены по приказу Москвы²⁸¹. Все выглядело так, что Советы собираются открыть на берегах Тихого океана и в Китае новый фронт Мировой войны.

Французы не собирались посылать войска. Сибирь, край, не знавший рабства, восставала против новых хозяев. Правительство Уфы располагало армией примерно в 150 000 человек²⁸². Предприимчивые офицеры – Семенов, Калмыков – организовывали боевые отряды, которые с успехом воевали. Французское правительство собиралось способствовать национальному движению, опираясь на долгие братские военные отношения с Россией. Оно не хотело оставлять на волю случая великолепный патриотический порыв в то время, как законный правитель оставался к нему безучастным, а руководили им несколько краснобаев и мелких кондотьеров. Им нужно было помочь, их нужно было направить. Необходимо было спешить, чтобы не опоздать безнадежно. Уже в марте англичане проявили инициативу и стали финансировать Семенова, к этой инициативе присоеди-

судить своих политических противников. Аморальность – характерная черта революций, и нельзя не улыбнуться, когда слышишь, что революции необходимы, чтобы восстановить справедливость. Пренебрежение к праву и справедливости, присущее революции, выражено с исчерывающей полнотой в законе от 22 прериала, принятом под аплодисменты 750 членов Конвента (речь идет о Законе о Революционном трибунале от 22 прериала Второго года Французской республики, известного как Прериальский закон. – *Примеч. сост.*):

«Каждый гражданин имеет право хватать и вести в магистрат заговорщиков и контрреволюционеров. Он обязан это делать, если знает о таковых.

Отменяется предварительный допрос обвиняемого.

Если есть материальные или моральные доказательства, свидетели не нужны, если только речь не идет об обнаружении сообщников.

Единственное правило для вынесения приговора: совесть судей, просветленная любовью к родине.

Никаких адвокатов; закон не предоставляет их заговорщикам.

Единственное наказание – смерть».

Советская ЧК, похоже, реализовала, возможно, в смягченном виде все эти законы.

лись французы, затем японцы. В Париже узнали о миссии генерала Нокса, которого английское правительство отправило в Сибирь для организации там новой русской армии, только после его отъезда. Остаться безучастным в этот решающий момент было бы непоправимой ошибкой.

По решению [Ж.] Клемансо 25 июля 1918 г. генералу [М.] Жанену, назначенному главнокомандующим Чехословацкой армии, было поручено организовать в Сибири и России заградительный барьер, который соединит Архангельский фронт с фронтом на Черном море, против большевизма²⁸³. Ему вменялась также в обязанность охрана Транссибирской железной дороги — единственного пути сообщения сибирского правительства с остальным миром. Генерал Жанен должен был взять на себя командование правительственными войсками и многочисленными иностранными отрядами (чехословацкими, югославскими, сербскими, польскими, румынскими, латышскими). Поскольку все пребывало в неопределенности и не было оснований сомневаться в боеспособности новой русской армии, генерал Жанен собирался сделать попытку привлечь японское правительство (предполагая, что оно к этому расположено) к расширению интервенции, которая до этого была ограничена Дальним Востоком.

Генерал Жанен ехал в Сибирь через Соединенные Штаты и отметил отсутствие энтузиазма у американского правительства по поводу боевых действий в Сибири.

Русские отделы департаментов единодушно стояли за мощную интервенцию, направленную против Советов. Президент²⁸⁴, прислушиваясь к советам судьи [Л.] Брэндайса и полковника [Э.] Хауза²⁸⁵, отказался увеличивать численный состав экспедиционного корпуса (7700 человек гарнизона Гонолулу под командованием генерала [У.] Грейвса²⁸⁶), который должен был быть отправлен, чтобы уравновесить военные силы японцев. Представителям союзных сил в Вашингтоне не удалось переубедить президента²⁸⁷. В меморандуме от 28 сентября президент, дорожа своей особой позицией, обозначил для союзнических правительств сферу вторжения американцев в Сибирь: восточная часть Урала*. Высшие финансовые круги в этот момент были заняты другими проблемами, газеты не имели никакой

* Я долго беседовал с президентом [Т.] Масариком в Вашингтоне о политике Вильсона. До 27 сентября [1918 г.] профессор Масарик был согласен с генералом Жаненом и полагал возможным продвижение чехословацких войск (в это время сгруппированных вокруг Самары) в сторону Москвы, но только если будет подтверждено, что немцы заключили военный союз с советским правительством и отправили свои регулярные части против чехословаков. Идея союзников о стратегической помощи чехословакам базировалась на плане продвижения войск в Россию, американское правительство этот план поддерживало.

позиции в сибирском вопросе, и то, что называют общественным мнением, также отсутствовало. Бывший президент [Т.] Рузвельт, с которым я имел честь вести долгие беседы сначала в Гарвард-Клуб, а затем в Ойстер-Бей, начал с первых чисел октября публикацию серии статей, направленных против политики президента Вильсона, и просил, чтобы на *Западный Урал* был отправлен генерал Леонард Вуд с 50 000 кавалеристов, пребывающих в праздности на Дальнем Западе. Республиканская партия на какое-то время сплотилась вокруг своего прозорливого главы, но не выработала никакого широкого и систем-

Предыдущее решение президента Вильсона (от 3 августа) предполагало широко-масштабное внедрение американцев в Россию, что означало помощь русским в организации их национальной защиты, восстановлении правительства, администрации, организации индустрии средств связи.

Меморандум от 27 сентября (не предназначенный для публикации) обозначил совершенно неожиданный поворот в политике президента по отношению к России. Опубликованный без предварительных консультаций с другими правительствами, он изумил весь мир. В нем объявлялось «решение военных властей Соединенных Штатов о том, что продвижение военных сил на запад от Урала невозможно». Сделав все, чтобы ограничить вмешательство японцев и сорвать вторжение союзников, президент решительно отказался поощрять чехословаков в продвижении вместе с русскими войсками на Москву. «Что касается сотрудничества Соединенных Штатов, то правительство Штатов должно было откровенно заявить, что, по его мнению, чешские силы должны отступить на восточную сторону Урала до точки, в которой они смогут получать поставки, отправляемые с востока, и предпочтительно с которой они смогут сделать так, что немцы не смогут получать поставки любого рода из Западной Сибири, но в любом случае, откуда они смогут защитить себя от нападения».

Президент Масарик, который договаривался в Вашингтоне о признании нового Чехословацкого государства, был в затруднительном положении. Он опасался, что новое решение американского правительства ограничит действия и других союзных войск. Действительно, о проблеме Сибири и особенно в вопросе о вторжении японцев Вильсон до этого говорил в не допускающем возражений тоне и все ему подчинялись.

В Вашингтоне в военном министерстве и в Государственном департаменте мне говорили, что президент через своих двух официальных советников поддался влиянию университетских, литературных и финансовых кругов, имеющих симпатии к большевизму. Нужно прибавить к этому борьбу на Дальнем Востоке между евреями и японцами за влияние, борьбу рас, религий, философий. Но в данный момент мы не будем на этом сосредоточиваться.

Новая американская политика была, похоже, вызвана боязнью поражения красных. На Архангельском фронте – большевистский манифест тому подтверждением – красные отделяли «американских братьев» от клеветов мирового капитализма, французов и англичан. В Сибири американцы группировались исключительно вокруг Транссибирской дороги, которую контролировала миссия Стивенса. Одежда и медикаменты, предназначенные для русских предыдущим правительством, распределялись только среди работников железной дороги. Только на них распространялась и помощь Красного Креста. Никакие медикаменты Красного Креста не облегчали страдания русских воинов. Русские военные, Колчак и Семенов, с большим недоверием относились к американскому экспедиционному корпусу. Только внешняя политика Омского правительства, весьма, надо сказать, неумная, позволяла сохранять несбыточные надежды на эффективное вмешательство в будущем Соединенных Штатов.

ного взгляда на события, ограничившись только внутренней политикой. После смерти Теодора Рузвельта Республиканская партия будет упрекать президента Вильсона за сибирскую авантюру и потребует полного возвращения войск и миссий.

В Японии генерал Жанен встретился с определенными трудностями. Японское правительство не горело желанием увеличивать свои вложения в Сибирь. Поначалу японцев отстранял от деятельности в Сибири генерал Хорват, затем, когда французы и англичане пригласили их участвовать в интервенции, американское правительство ограничило ввод их войск 17 000 человек²⁸⁸. Перед нашими глазами разыгрывался грустный спектакль: русские военные в согласии с английскими и французскими представителями во Владивостоке и Токио умоляли Японию отправить минимальное количество войск: три дивизии, а американское правительство, решившее ничего не делать, возражало изо всех сил против помощи, запланированной японским Генеральным штабом. Покинув Японию (9 ноября 1918 г.), генерал Жанен, не прекратил деятельности в пользу японской интервенции на западе от Байкала. Ему удалось договориться с местными японскими властями, и было решено отправить три японских полка к Омску. Эта помощь могла бы кардинально изменить судьбу нового русского государства. Переворот 19 ноября, приход к власти адмирала Колчака, враждебного Семенову, очень холодно относящегося к Японии и находящегося под большим влиянием английской миссии, изменил ситуацию. Войска не были отправлены.

16 декабря 1918 г. генерал [Г.] Танака, военный министр, сказал мне, что Соединенные Штаты яростно борются с Японией, а англичане всеми силами стараются ее оттеснить. Все союзнические военные миссии – кроме французской – не имея возможности задействовать свои национальные войска и не желая придавать главное значение военной помощи, что выдвинуло бы Японию на первое место среди друзей нового русского правительства, делали упор на национальное движение русских. Генерал Танака не придавал этому движению особого значения*. По его словам, русский патриотизм – за редчайшим исключением – исчез вместе с царским режимом. Советские войска возможно победить только иностранными войсками в достаточном количестве. К сожалению, японское правительство не может отправить на фронт то количество войск, какое могло бы обеспечить успех, потому что американское и английское правительства берут под подозрение и стараются ограничить любые военные усилия Японии

* Серьезная военная комиссия японцев в тот момент только что тщательно провела анализ положения на уральском фронте, который показал проницательному наблюдателю все отрицательные факторы, которые впоследствии будут только усугубляться.

в Сибири, они стараются найти себе сторонников не среди русских военных, а среди политиков. На национальный подъем в Сибири можно рассчитывать только среди казаков, которые еще сохранили достоинства, присущие старому режиму. При таких условиях вмешательство Японии ограничится территорией до Байкала. Министр также сказал, что генералу Жанену придется улаживать конфликты, которые не замедлят возникнуть в Сибири между союзниками, а также устанавливать взаимопонимание между русскими военными и иностранными.

Действительно, французская миссия в Сибири занимает совершенно особое место. Мэр Харбина, глава кадетской партии в Маньчжурии, отметил, что только французы строят свою политику в России на принципах, что французская миссия единственная, которую не сопровождают финансисты и которая не требует концессий в обмен на помощь.

Генерал Жанен и начальник его штаба полковник Бушеншульц обладали не только большим военным опытом, но имели также опыт общения с русскими. Во время революции они отличались независимостью суждений и проницательностью. Генерал Жанен, стажировавшийся в Николаевской академии, был своим среди русских генералов, военный министр генерал [В. Г.] Болдырев был с ним в давних дружеских отношениях. Болдырев, безусловно, способствовал бы французской миссии в ее работе с новой русской армией. Генерал Жанен, человек большой культуры, обладал даром убеждения и большим личным обаянием. На всех фронтах — я был свидетелем — все офицеры, в том числе и боевые, относились к главе французской миссии с уважением. Его личные контакты облегчили бы ему задачу реорганизации русской армии (он хотел сделать примерно то же, что [А.] Бергло в румынской) и проведение операций против красных.

К сожалению, соперничество между союзниками, игра в независимость войск и последствия государственного переворота в Омске помешали осуществлению этого выигрышного плана.

Государственный переворот 18 ноября, которому содействовала английская миссия*, поставил у власти не комитет политиков, который помогал французской миссии в управлении военными операциями, а русского военного. Подчинение иностранцу стало в этом случае невозможным. Соглашения между французским и английским правительствами, а затем между представителями союзников и

* Англичане просили у правительства Омска за введение войск на Южном Урале концессию и монополию на использование богатств Туркестана. Нонятно, что только автономное русское правительство, обязанное своим существованием англичанам, могло давать подобные концессии.

адмиралом отодвинули на второй план миссию Нокса, отправленного в Сибирь с тем, чтобы организовать армию в Уфе; дело свелось к обеспечению тыловых служб, инструктаж и подготовке войск под контролем генерала Жанена, который действовал как представитель высшего межсоюзнического командования, вырабатывал директивы совместно с русским правительством, а оно готовило дальнейшие приказы и инструкции. Если эти приказы касались союзнических войск, генерал Жанен утверждал их.

У адмирала не было прочного авторитета. Он объявил Семенова «предателем родины», возмущался Анненковым и прочими мелкими командирами, а они потешались над этим от всего сердца²⁸⁹. Соперничество между генералами в Омске, столкновения между гражданскими и военными властями становились неизбежными при Колчаке и были бы мгновенно устранены авторитетом главы французской миссии. Но ни один русский не желал признать, что непомерная сложность ситуации и разброд в головах требуют «радикального вмешательства в русскую автономность». Осторожные и разумные усилия графа [Д.] де Мартеля, назначенного верховным комиссаром Франции при правительстве адмирала, не увенчались успехом.

В начале 1919 г. русская Ставка еще находилась под влиянием генерала Жанена, который в январе занимался перегруппировкой Уральского фронта. После первых побед под Уфой все изменилось. Русские, живущие на европейской части, раздули эти победы, преувеличили, представили как заслугу режима Колчака, тогда как на деле они являлись последствием всплеска народного энтузиазма, который новое правительство, слабое и ошибочно действующее, не сумело поддержать. Офицеры Омска носили форму царской армии и были полны амбиций и гордости великолепной империи. Они верили в возвращение былого в самое ближайшее время и не сомневались, что через несколько месяцев будут в Москве. Мировая пресса поддерживала их опасную лихорадку. Русские величественны в беде. Оптимизм опасен для русского характера. Эти сибирские офицеры, живущие в тревоге и беспокойстве под началом отчаянного рубака, могли бы победить, но победа ускользнула от них, потому что они в ней не сомневались. Им выпала задача бороться с режимом, руководимом, возможно, впервые в мире, прожженными журналистами. Советы постоянно посылали депеши, подтверждающие бюллетени Омска, что само по себе должно было заставить задуматься. Они очень ловко с оттенком безнадежности писали о бегстве красных, развале их штабов, жителях, которые бегут из городов при приближении сибирской армии, восстаниях, кризисе снабжения продовольствием, остановке заводов по производству боеприпасов. Эти животрепещущие призывы и прокламации, написанные с подкупающей искренно-

стью, целили – через головы красных – в правительство Омска, которое они сумели деморализовать с помощью несбыточных надежд.

Тем временем Троцкий формировал и группировал ударные отряды (впоследствии именно они выиграют войну), а такие же отряды Колчака (войска Ижевска, дивизия Косьмина) теряли свои боевые качества, новые же формирования (ударные отряды Степанова) были вообще их лишены*. Часть европейской прессы требовала, чтобы союзники признали Омское правительство.

Колчак отдал приказ армии, плохо вооруженной, раздетой и голодной, проходить по 30–35 километров в день по болотам, под пулеметным огнем противника, который притворялся безнадежно отступающим, в то время как перед Волгой уже группировались новые красные дивизии под предводительством лучших русских генералов, за которыми стояли комиссары с револьверами²⁹⁰.

Не могло быть и речи о том, чтобы навязать свою волю правительству Омска, преисполненному гордыни и не обращавшему внимания на советы и предупреждения. Не было и рычага, которым можно было бы воздействовать на адмирала. Веря «в свою национальную армию, которая справится самостоятельно», он попросил сначала отозвать чехословацкие войска, а потом разоружить их.

Что же представляли из себя чехословацкие войска²⁹¹ в то время, когда в Сибири появилась французская миссия? Этих прекрасных солдат сформировали необычные обстоятельства: они набирались опыта, шагая по бескрайним русским губерниям, гибнущим от беспорядков. Чехи создали у себя комитеты по образцу русских революционных, стали избирать офицеров, заменили военную дисциплину «товарищеским содействием», главными для них стали их вожаки. От этого первородного греха они не избавились до конца своей сибирской эпопеи. Несмотря на то что французскому (совместно с чешским) командованию удалось убрать комитеты – не без яростного сопротивления, – чешское командование так до конца и не могло отдавать приказы войскам, предварительно не посоветовавшись с ними или, по крайней мере, не узнав их настроения.

Начиная с декабря 1918 г. чехословаки просили генерала Жанена, своего главнокомандующего, увести их с фронта. Они жаловались, что сражаются в одиночку, хотя союзники обещали им эффективную поддержку. Русские продолжали готовить свои резервы, и их штабы распределяли винтовки только среди резервных войск. Бездействие русских ставило чехов в трудное положение: боевые действия под Пермью осуществлялись их силами, и при отступлении на южном

* См. главу IV «Отступление продолжается».

направлении вели бои тоже чехи. Правительственный переворот, который привел к власти адмирала, подтвердил, что большинство русских офицеров предпочитает политику в городах боям на фронте.

В то же время русские неприязненно относились к командованию генерала [Я.] Сырового, которого Директория возвела в главнокомандующие, и требовали убрать чехов с передовой.

Генерал Жанен, совместно с генералом [М.] Штефаником, который находился в Сибири с ним вместе, решил расположить силы чехов вдоль Транссибирской дороги с тем, чтобы они охраняли ее от нападения местных банд. В апреле 1919 г. президент Масарик строгими приказами запретил чехословацкой армии возвращаться на фронт и принимать участие в междоусобицах русских. С этого момента чехи ждали только кораблей, которые придут во Владивосток и отвезут их на родину. Они окончательно отошли от борьбы с советской Россией. Чехи продолжали обеспечивать спокойствие на Транссибирской железной дороге, защищая таким образом свое собственное существование, и русские уже не были им благодарны за эту своекорыстную службу. Чехи перестали быть союзниками в борьбе против советов и эсеров и почти что перестали быть дружественной армией. Тысячи конфликтов и случаев взаимного недопонимания возникали как среди начальников, так и между простыми солдатами. В момент, когда отступление Омска грозило увлечь за собой и чешские подразделения, распределенные на дистанции в 2000 километров, никакой моральной связи между правительством Омска и чехословацкими войсками уже не существовало. Конфликт с адмиралом, его приказы уничтожать мосты и туннели, мешающие им вернуться в Европу, превратили чехов в его врагов*.

При этих обстоятельствах французская миссия не имела никаких рычагов воздействия на адмирала.

Глава IX. Атаман Семенов

1. Человек

События двух последних лет выдвинули на первый план любопытную фигуру атамана Семенова. Союзники давно лишили его своего расположения. Ревность сибирских конкурентов осталась: и старые товарищи по оружию в Харбине, и новые коллеги во Владивостоке завидовали как его военным, так и финансовым успехам.

* См. подробности в последней главе.

В начале 1918 г. этот кавалерийский командир получил уникальную возможность защитить свою несчастную родину, вернуть ее введенному в заблуждение народу и, возможно, повести к более счастливой судьбе. И у него было все необходимое, чтобы выполнить эту завидную миссию: обожание масс и поддержка заинтересованных правительств. Но судьба людей записана на небесах. Удадь, которая приковывала к нему все взгляды, возможно, была его единственным достоинством. Бесстрашного командира эскадрона, ставшего походным атаманом казаков Забайкальского, Амурского и Уссурийского краев, я бы сравнил с пешкой, которую интеллектуальными усилиями провели по всему шахматному полю и наделили достоинством королевы.

Атаман был среднего роста, плотного сложения. Под высоким лбом маленькие глазки, взгляд то пристальный, то застенчивый. Он говорил без жестов, тщательно подбирая слова, и они производили то же впечатление, что и сам человек в целом: простоты и здравого смысла. Я имел удовольствие не раз с ним беседовать и у него в поезде, и в маленьком доме в Чите, и во время поездок среди сопот Забайкалья. Я по-прежнему чувствую к нему симпатию, какую он внушал всем вокруг, и мне жаль его самого и жаль Сибирь, которая могла бы лучше сопротивляться его окружению и слушаться более разумное правительство. Еще мне кажется, что счастливее всего он был в начале своей кампании «против врагов России и всего рода человеческого», когда своей отвагой вдохновлял своих солдат. В нем жила упорная энергия, но... у юного Самсона обрезали волосы²⁹², оставив одну прядь, «прядь Наполеона», и каждое утро он любовно напускал ее себе на лоб*.

2. Его деятельность

Семенов, забайкальский казак, родился в станице неподалеку от Нерчинска. В 1914 г. ушел на войну в чине хорунжего, отличился на германском фронте и получил Георгиевский крест. Дело было так: его полк, неожиданно атакованный большим подразделением уланов, потерял знамя. Семенов с меньшими силами повел контратаку и знамя вернул²⁹³.

Керенский отправил его на Дальний Восток организовывать монголо-бурятский полк (буряты – народность, живущая в Забайкалье)²⁹⁴. Вторая революция, переговоры о мире в Брест-Литовске освободили

* Окружение называло Семенова русским Наполеоном. Его фотографию со знаменитой прядью на лбу распространяли на фронте.

его от этого поручения. В конце 1917 г. он жил вместе с одиннадцатью офицерами в маленьком пограничном с Маньчжурией городке. К возобновлению деятельности Семенова подтолкнули русские солдаты, отказавшиеся соблюдать воинскую дисциплину, и большевистские комиссары. Насладившись радостями свободы, солдаты пожелали стать начальниками. Каждую ночь двенадцать офицеров баррикадировались в оставленной китайцами казарме, чтобы гарнизон не застал их врасплох.

Январским вечером 1918 г. 200 солдат этой железнодорожной станции собрались в казарме на «политический митинг»²⁹⁵. Горстка офицеров под предводительством Семенова окружила казарму. Поручик Урбанович вошел, держа в каждой руке по гранате.

– Руки вверх! Вы окружены! Сопротивление бесполезно! Сдавайте оружие или разнесу всех на куски!

Солдаты подняли руки, офицер обошел помещение и забрал оружие. Семенов торжественно вошел, прогнал комитет и сам встал на трибуне. Держа в одной руке револьвер, а в другой над головами солдат гранату, он произнес следующее:

– Я бы мог вас всех расстрелять. Благодарите Бога, что я решил обойтись словами. Идиоты, сволочи и т. д.

Солдаты, успокоившись, благодарно зааплодировали. Семенов запер солдат в шесть багажных вагонов и в тот же вечер отправился с ними в Сибирь²⁹⁶. У него было оружие, были боеприпасы, и он предложил генералу Хорвату сражаться с красными. К несчастью, офицеры Харбина были против него.

Эти офицеры – среди них было много храбрых и интеллигентных людей – не захотели подчиняться казачьему атаману. Но генералы Харбина – [Н. М.] Переверзев, [М. М.] Плешков, [М. К.] Самойлов – не были командующими, каких требовало время. В отрядах и подразделениях, которые создавались, не было души. В китайском городе, где не надо было опасаться большевиков – здесь китайцы (в Харбин большевики не пойдут), офицеры привыкли к праздности, они занялись административными функциями, стали работать в банках и коммерции.

Генерал Самойлов так охарактеризовал Семенова: «Плохой офицер, плохой товарищ, чуть было не изгнанный из полка!» Красавцы офицеры Харбина пожимали плечами: Семенов – офицер без диплома, он не сумеет управлять боем»²⁹⁷. И прибавляли: «Нет никакой необходимости сражаться, красные не атакуют, а атаковать без надобности – большая ошибка!» Но в начале 1918 г. среди тысяч офицеров, оглушенных свалившимся несчастьем, этот «плохой офицер», «этот заурядный стратег» был единственным, кто действовал. Чтобы судить о нем – таком бравом командире и таком плохом админи-

страторе, нужно помнить, что умеренные партии были в то время совершенно подавлены, что «буржуазия» так мягкотело прогибалась и так бессмысленно предавала свои убеждения, что движение вперед Семенова значило для выпрямления спин гораздо больше, чем десять дипломатических конференций.

Не найдя поддержки у товарищей, Семенов решил действовать самостоятельно и начал свое дело освобождения почти исключительно с инородцами. Он начал воевать со 170 русскими (стрелки), 700 многоголо-бурятами, 300 сербами и 400 японскими добровольцами²⁹⁸.

Поначалу он действовал совместно с подразделениями Харбина через посредство генерала Хорвата²⁹⁹. Когда полковник [В. В.] Враштил с 250 кавалеристами и 3 полевыми орудиями пришел поддержать воюющих семеновцев, он про себя улыбнулся, увидев маленький оборванный отряд, где знаки отличия люди рисовали карандашом. Его отряд, сытый, хорошо экипированный, щеголял перед тощими и яростными мушкетерами своими лампасами. Прошло десять дней, и сытый отряд без разрешения покинул свои посты и отправился – уже безвозвратно – отдыхать в Харбин*. Среди начальников всех этих отрядов (а это были Рашильский, [В. В.] Враштил, [Н. В.] Орлов, Потапов, [В. Н.] Доманевский) Семенов был единственным командиром. Он и его люди – молодые, бедные, смелые, патриотически настроенные, рисковали жизнью, не имея за душой ничего, кроме чести. И это были лучшие времена Семенова. Его успехи еще не привлекли к нему интриганов и воров, которые впоследствии составят двор «великого атамана», «второго Наполеона», «одного из величайших людей, каких только знала история». Все это будет позже, когда «семеновцы» почувствуют себя в безопасности за союзническим заслоном (японско-чехословацким) и начнут воевать ради обогащения.

Генералы и полковники Харбина должны были бы устремиться под командование отважного человека действия, каким был Семенов, такие люди встречаются гораздо реже дипломированных военных. Но они раскритиковали его и оставили на молодых авантюристов, которые его и погубят, занявшись грабежами и насилием.

3. Окружение

«Бусидо»³⁰⁰, монумент воинской чести, строго предписывает воинское презрение к любой выгоде. Воин стоит в обществе на высшей ступени, купец на низшей. Важно научить воина, у которого благодаря

* Другие подразделения вели себя точно так же.

оружию возникает множество возможностей обогатиться, отворачиваться от них с презрением*. Честь – жена без приданного.

Семенов не требовал от своих офицеров такого бескорыстия. Он вообще его не требовал. Во время одной поездки в окрестностях Читы я как-то заговорил с ним о разбойничьих выходках (реквизициях), в которых упрекали его людей. Он дал мне ответ, который меня насторожил: «Моральные установки в истории страны меняются, как времена года». Я выразил надежду, что установки прошлого вернуться.

В ноябре 1918 г. 655 железнодорожных грузов весом 8000 тонн были присвоены семеновцами и проданы. Продажи осуществлялись с помощью союза коммерсантов Читы и Харбина. Прежнее презрение офицеров к торгашам, к несчастью, исчезло вместе с прежним режимом. Теперь они нашли с ними общий язык. Отношения между Марсом и Меркурием³⁰¹ стали тесными и взаимовыгодными. Вагон, который реквизировали в Чите или в Маньчжурии, незамедлительно оплачивался и опустошался торговцами, которые таким образом избавляли офицеров от бесчестного занятия торговлей.

Особенности «лавок Семенова», созданных для помощи беднякам, свидетельствовали о причастности к хитроумному миру финансистов. В них продавали бедному населению предметы первой необходимости. Управляющий атамана продавал их только за добрые царские деньги, которыми располагали одни банкиры и их подопечные. Стало быть, бедняк не имел возможности купить себе муку в дешевой лавке, и эта мука продавалась в лавки по-соседству, где на нее сразу повышали цены. Офицеры и коммерсанты делили прибыль, полученную от перепродажи.

В провинции реквизиции составляли неотъемлемую часть системы оккупации. Казаки осуществляли их в собственную пользу, восстанавливая население против правительства.

Читатель найдет в другой главе** уточнения, касающиеся жестокостей, совершаемых некоторыми офицерами Семенова. Эти жестокости были следствием – крайне нежелательным – тех методов, к каким был вынужден прибегать Семенов в начале своего правления. Устанавливая свою власть среди населения, дорожащего независимостью и возбужденного энергичными агитаторами, Семенов считал своей обязанностью действовать жестко и решительно. В это время голубиная кротость вела к смерти, жестокость себя оправдывала. Но «жестокость применена хорошо в тех случаях – если позволительно

* Награждать генерала за победу деньгами – мысль купеческая. Понимание победы как удачной сделки, приравнивание успешного коммерсанта к воину-аристократу – тоже стремление кушцов.

** Глава «С японскими войсками по Сибири».

дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданных»*. Но Семенов не был государственным мужем. Он не стремился успокоить население, не стремился к миру. Вокруг Семенова собрались русские офицеры, родившиеся в тысячах верст от Забайкалья, чужие этим краям, их населению, готовые, если дело обернется плохо, отправиться за границу и проживать там капиталы, накопленные в китайских банках.

Семенов, не вникая в подробности многочисленных возмутительных поступков, о которых отчасти не знал, и в которые отчасти, как он говорил, не верил, так как расследования их не подтверждали, пустил все на самотек. В крайних случаях он наказывал нескольких виновных, но подобные запоздалые меры плохо понимались и принимались офицерами, привыкшими к неограниченной свободе, они сразу же угрожающе ощетинились**.

Чита, конец ноября 1919 г.

4. Эпилог

Личные амбиции атамана Семенова не распространялись дальше Забайкальского, Амурского и Уссурийского краев. Он мечтал о господстве в Монголии, и мне кажется, в более спокойное время преуспел бы в этом. Русский рожден для того, чтобы править монголами.

Когда говорят, что события подтвердили, что не Семенову было управлять Дальним Востоком, то следует уточнить, что дело тут не в Семенове. В этом краю маленьких коммун, одержимых идеей независимости, никакое правительство без надежной и преданной полиции не могло заменить исчезнувшее законное. Каждое новое правительство встречали рукоплесканиями, потому что оно прогоняло старое. Если бы Семенову удалось выбить красных из Читы, он бы вернулся в свою столицу с триумфом. Скажу больше, адмирал Колчак по настоянию представителей союзников давно признал его атаманом, то есть главой региона и командующим армейскими корпусами, иными

* *Макиавелли [Н.]. Государь. Гл. 8. (Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 28. – Примеч. сост.).*

** После расстрела нескольких офицеров по приказу атамана, один полковник сказал мне, что Семенову следует хорошенько подумать: есть и другие командиры, кроме него, например, барон [Р. Ф. фон] Унгерн-Штернберг, он столь же решителен, но более образован. Я ответил, что барон знаток военного дела, а легендарный казак из Забайкалья – вождь.

После отъезда Семенова вместе с окружением в Китай только барон фон Унгерн остался и продолжал дело своего начальника. Он был предан монголами (это очевидно), которых водил против красных, взят в плен и погиб героем.

словами, крупным русским сановником. А на излете своего правления назначил его главнокомандующим всеми военными силами Сибири*. Кроме великолепной деятельности в начале пути у атамана было еще законное право преемственности на военную власть в Сибири, чего не было ни у одного генерала Владивостока.

Мнения на счет Семенова разделились. Одни возражали, не считая его способным на руководство. Справедливо, но довод неосновательный для страны, где свершившийся факт всегда принимается как должное.

Другие не возражали, опасаясь новых проблем, так как атаман никогда бы не принял их возражения. Смелостью, здравым смыслом, умением влиять на людей он, как им казалось, заслужил свое назначение, но его ограниченность пойдет ему во вред.

Место Семенова было там, где ему сопутствовал успех: на фронте. Он боевой офицер, вдохновитель великолепных солдат, которые умеют идти за тем, кто умело их ведет. Ему простили бы его промахи, памятуя, что воспитанием и конкретностью мышления он плоть от плоти старинных казачьих воителей. Разумное правительство, составленное из опытных государственных деятелей, использовало бы Семенова, уважив его самостоятельность, в качестве походного атамана, кем он и был выбран казаками. Ему необходимо было внушить, что сила может быть только орудием, но никогда не основой управления.

Глава X. Японская интервенция в Сибири

1. Семенов. Поэтапное внедрение

В конце января 1918 г. сопротивление русских советскому режиму окончательно угасло. В России армия добровольцев сдала Дон. В Сибири русские офицеры, оглушенные нескончаемой чередой несчастий и неудач, разбрелись, не имея вождя, и старались всеми сила-

* Адмирал сделал одну оговорку: «С подтверждением генерала Деникина» (дословно приказ от 4 января 1920 г. гласил: «Ввиду предрешения мною вопроса о передаче верховной всероссийской власти главнокомандующему Вооруженными силами Юга России, генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской Восточной окраине оплота государственности, на началах неразрывного единства со всей Россией: 1) Предоставляю главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины». – *Примеч. сост.*). Деникин не предпринял ни малейшей попытки опротестовать назначение, у него не хватило времени, чтобы его подтвердить.

ми перебраться в Соединенные Штаты или в Европу, куда консулы закрывали им доступ.

И тут из хаоса вынырнула неизвестная фигура, и все консульские канцелярии возложили на нее свои надежды. Офицер Семенов, казак из Забайкалья, приехал в Маньчжурию собирать отряд добровольцев, его отряд стал успешно сражаться с красными.

Генерал Хорват, начальник железной дороги Дальнего Востока, к которому молодой Семенов обратился за помощью, нуждаясь в оружии и боеприпасах, в свою очередь, обратился к правительствам Англии, Франции и США через их представителей в Харбине. Правительство США, которое благодаря мнению своего представителя в Пекине, а также, возможно, мнению консула Мозера и инженера Стивенса, рассчитывало заключить договор с Советами, дважды отказало в любой помощи. Англичане мгновенно выдали сумму в 100 000 рублей, а затем стали выдавать по 300 000 рублей в месяц (10 000 фунтов стерлингов), часть из которых платило французское правительство. К японцам Хорват не обращался.

Что касается вооружения и технической поддержки, вопрос был более сложным. Французы и англичане были заняты Западным фронтом. В феврале в военное министерство Англии обратился генерал Танака, военный атташе Японии в Лондоне, с просьбой японского правительства обратить особое внимание на командира Семенова, который заслуживает незамедлительной поддержки. Королевское правительство дало свое согласие. Министр Тэраути³⁰² послал своего агента [Т.] Каваками, а затем генерала [М.] Накадзима к Хорвату с предложением поставить вооружение. Генерал попросил у них* официальных гарантий от правительства, что Япония не претендует на территориальные выгоды. Генерал Накадзима ответил, что Япония надеется только на концессии в области коммерции. Его заявление подтвердили денеша генералов [Г.] Танака и [М.] Тэраути и барона [С.] Гото: «Япония хочет дружеских отношений с Россией».

В марте 1918 г. Троцкий вел с союзниками серьезную игру. Наступление на Париж еще не началось. Союзнические миссии, обманутые подставными лицами, надеялись восстановить в России фронт против немцев, и Троцкий всячески поддерживал эти надежды. Английский посол [Б.] Локкарт в Москве и [К.] Хитц-Вильямс в Киеве убедили министерство иностранных дел изменить политическую ориентацию. С этого момента английские дипломаты перестали консультировать своих русских коллег на Дальнем Востоке,

* Хорват говорил мне потом, что «поставил это условие, когда речь шла о помощи японцев».

и им было отказано в употреблении шифров в их депешах. Начиная с апреля 1918 г. англичане живо отговаривают японцев от помощи Семенову. Японцы не соглашаются, и не без оснований: месяц спустя французы и англичане возобновляют ежемесячные субсидии, которые они будут вносить по октябрь месяц того же года.

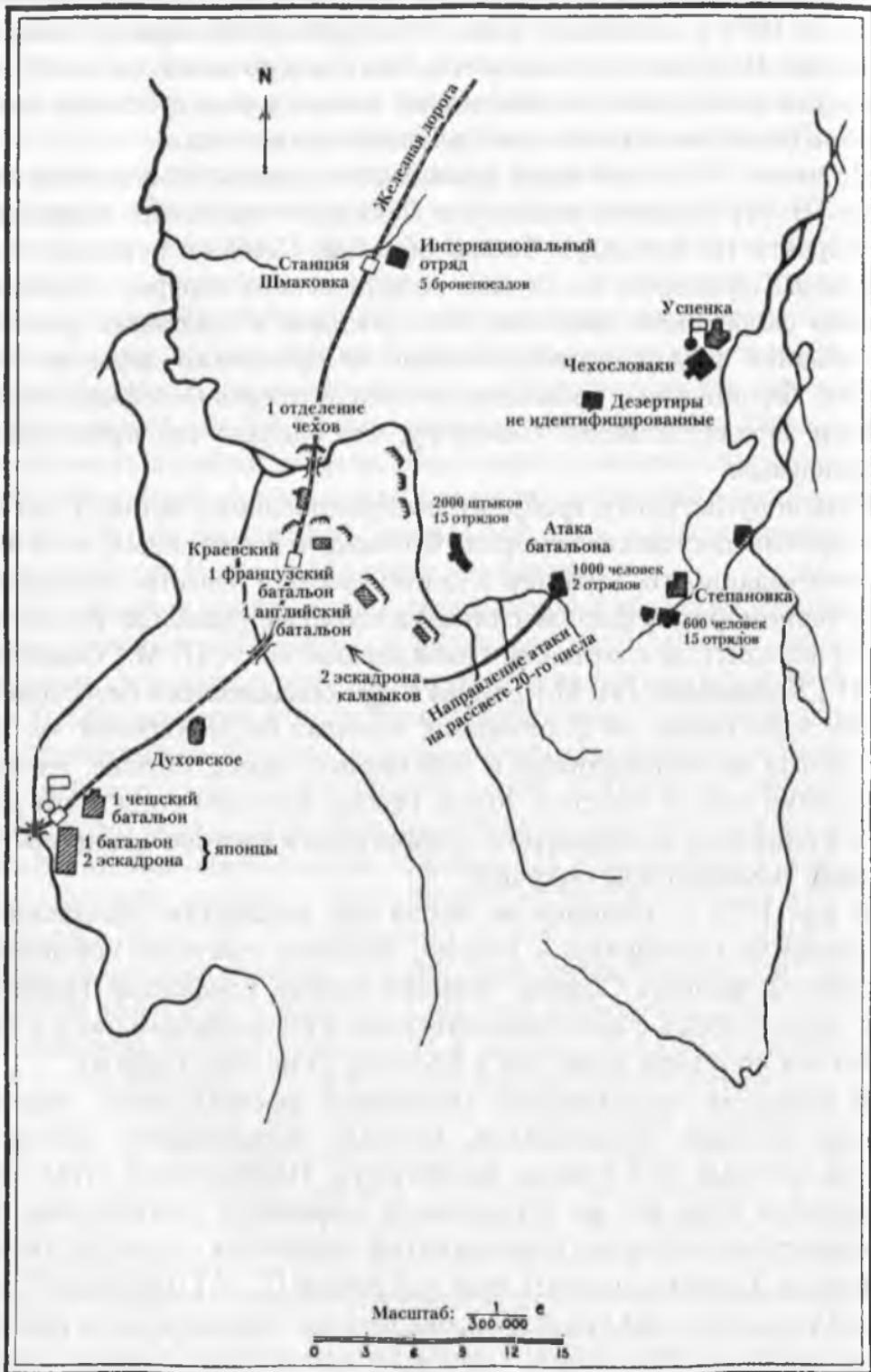
До июня 1918 г. субсидии французского правительства получает князь [Н. А.] Кудашев, министр в Пекине, с тем, чтобы передавать их Хорвату (и Колчаку). Таким образом, Семенов считался подчиненным офицером на службе политического центра в Харбине. Однако скоро было замечено, что субсидии в основном тратятся на создание формирований, которые не проявляют желания сражаться. Французское правительство стало отправлять финансовую помощь непосредственно Семенову, что сделало его практически независимым.

Семенову, патриоту, храброму, но ограниченному офицеру, англичане противопоставили адмирала Колчака, чей достойный, хоть и не без необузданности, характер и деятельность в качестве командующего черноморским флотом снискали всеобщее уважение. Колчак не сумел поладить ни с мелкими командирами, вроде [Г. М.] Семенова, [И. П.] Калмыкова, [И. М.] Гамова и др., обладавшими безусловными достоинствами, ни с японцами, которых он шокировал экстремистскими высказываниями и действиями, каких, похоже, генерал Накадзима ему не простил. Когда Колчак все-таки понял, что русским в одиночку не справиться, и обратился в военное министерство в Токио, помощи он не получил.

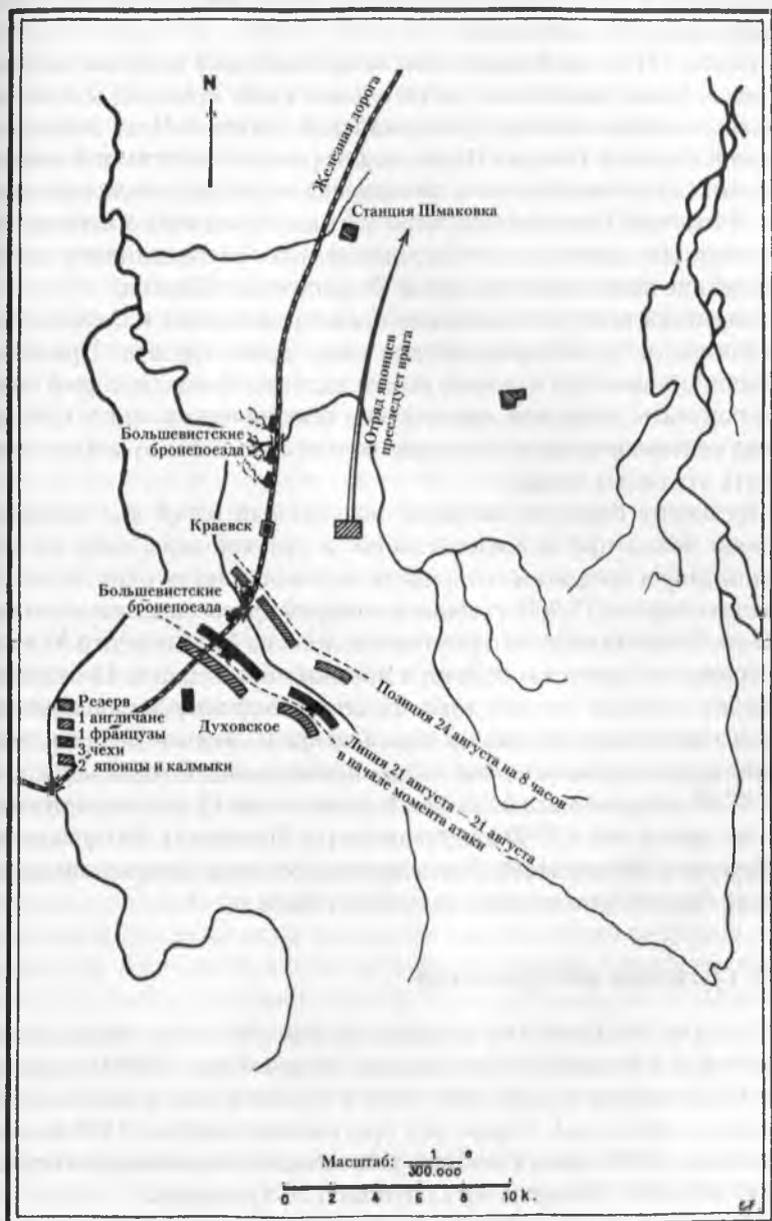
В мае 1918 г. союзники не могли еще выработать однозначной политики по отношению к России. Масарик советовал союзникам (в апреле) признать Советы. Чешские войска, преданные Троцким, шли через Сибирь с недобрим чувством к большевикам, но и у них была своя политика, иная, чем у Колчака, Семенова и других.

В Иркутске представитель союзников заставил чехов* вернуть оружие войскам большевиков, которые предательски атаковали их, но которых они сумели разоружить. Недовольные этим принуждением чехи все же продолжали «защищать революцию». Во Владивостоке несколько коммерсантов, связанных с консульствами, помешали Хорвату одержать верх над эсером [П. Я.] Дербером³⁰³, который установил там правительство: русские офицеры были разоружены приказом союзнических консульств и вдобавок лишены знаков различия. По сути, политика невмешательства союзнических властей

* Угрозой, что их не отправят во Францию.

Общая ситуация на вечер 19 августа 1918 г.

Сражение при Краевске 24 августа 1918 г.

вынуждала их постоянно вмешиваться, но эти вмешательства шли на пользу только большевикам.

В июле 1918 г. на Владивосток, освобожденный первыми чешскими эшелонами, двинулись значительные силы красных, к которым присоединились части австро-германских пленных. Чехи попросили военной помощи. Генерал Пари, глава французской военной миссии, выступил за срочный десант, по меньшей мере, двух японских дивизий. Японский Генеральный штаб 25 июля предложил немедленно отправить две дивизии, к его предложению присоединились все союзнические правительства, кроме Соединенных Штатов.

Союзники получили законное право вторгнуться в Сибирь, чтобы помешать формированию там еще одного фронта. Президент Вильсон оставался в стороне, но его склонил довод, который часто будет звучать, объясняя присутствие союзнических сил в Сибири. Довод сентиментального порядка: нельзя позволить красным уничтожить отважных чехов.

Президент Вильсон, внезапно покоренный идеей коллективной помощи чехам при невмешательстве в русские дела, взял на себя инициативу и предложил отправить на помощь чехам одну японскую дивизию числом 17 000 штыков, к *которой присоединится население Сибири*. Вооруженная интервенция не должна была перейти Уссури.

Приказ от 2 августа объявил в Японии мобилизацию 12 пехотной дивизии, сообщая, что *эта мера принята императорским правительством, чтобы оказать помощь чехам по предложению Америки с тем, чтобы другие правительства также приняли аналогичные меры*.

17 000 японцев высадились во Владивостоке 12 августа, примерно в то же время, что и 7700 американцев (из Гонолулу), 500 французов из Пекина и 800 канадцев. Последующие события дали основание генералу Пари объявить силы недостаточными.

2. Сражение под Краевской

Когда во Владивостоке высадились союзнические войска, между Иркутском и Владивостоком находилось примерно 35 000 вооруженных большевиков (среди них тысячи пленных под командованием немецких офицеров). Хорват мог противопоставить им 1500 человек Семенова и 3400 своих (которые действовали независимыми отрядами по 900, 600, 200 человек), 22 пушки и 50 пулеметов.

19 августа Владивостоку угрожали 5000 красных на первой линии и 3000 в резерве. Мощный, так называемый интернациональный отряд двигался по железной дороге в пяти бронепоездах, сопровождаемый отдельными группами, среди которых была и группа чехов-дезертиров. Союзники встретили их возле деревни Краевская.

4000 человек, в том числе и конные: французский батальон, английский батальон, четыре чешских батальона и пять эскадронов Калмыкова – все под командованием полковника [Ю. Л.] Пишона. Генерал [С.] Оой с 4000 японцами находился в резерве.

Сражение, само по себе не решающее, отразило сложность международной политики. Чешское командование, похоже, намеренно действовало очень сдержанно, поощряя тем самым активность других иностранных отрядов, чье участие американское правительство вообще считало излишним, однако оно избавило бы чехов от надоевшей им чужой гражданской войны. Японцы, чье время еще не настало, держались в стороне, находясь в 15 километрах от первой линии.

20 августа на рассвете красные выдвинули 1000 человек в правый фланг союзников, стремясь окружить их и поставить между двух огней. Англичане мгновенно побежали и увлекли за собой остальных. Генерал Оой, которого попросили помочь фронту, оказавшемуся под угрозой, ответил, что момент еще не наступил.

Когда отступление русско-англо-чехословацко-французских войск стало свершившимся фактом, генерал Оой, не сдвигая свои войска с того места, где они стояли и откуда до этого он наблюдал за боем, остановил наступление красных. С 21 по 23 августа японцы пассивно держали фронт. 24-го на рассвете генерал Оой повел своих людей в бой, и они с присущим им мужеством и упорством отогнали противника к Медовой.

Во время сражения, о котором я рассказываю, произошел впечатляющий эпизод. Огонь японских орудий разрушил путь позади красного бронепоезда, вооруженного пушками и пулеметами. В поезде, застрявшем на насыпи, было множество бойцов и среди них немало женщин, которые в полной боеготовности ждали атаки. Генерал Оой, возможно, желая впечатлить союзников, которые наблюдали за происходящим, приказал двум полуротам справа и слева от поезда идти на приступ. Красные стреляли из окон, с подножек, с паровоза, на котором столпилось человек тридцать. Японцы бежали без соблюдения равенства с примкнутыми штыками прямо на пули. Тридцать человек погибли, но они поднялись на откос, в поезд и уничтожили красных. Тех, кто пытался спастись, выпрыгнув из окна, приканчивали штыками солдаты, стоящие внизу.

Командир чешского батальона Жикха, смотревший на происходящее рядом с генералом Оой, заметил, что, наверное, было бы лучше разбить поезд пушечными снарядами. Генерал Оой ответил, что главным была скорость, чтобы никто из экипажа не сбежал.

Разбитый наголову враг отступил в Хабаровск, где предстояло расправиться с его остатками.

Французы потеряли около двадцати человек, японцы триста.

3. Происшествие в Маньчжурии 28 августа 1918 г.

18 июня 1918 г. между Японией и Китаем был заключен договор о том, что Маньчжурию будут охранять от вторжения большевиков китайские и японские войска. Они должны были также охранять многочисленных иностранцев, живущих на границе. У большевиков не было ни малейшего желания раздражать китайцев вторжениями на китайскую территорию, но китайцы опасались, что большевики сочтут восточную железную дорогу русской территорией. 7-я японская дивизия под командованием генерала Фудзиу со штабом в Чжау-Чжан двигалась вдоль железной дороги до границы с Сибирью, которую предписание президента Вильсона запрещало ей переходить.

Семенов со своим отрядом в 1500 человек в это время находился в Маньчжурии, защищенный японскими штыками. Военная партия Японии страстно желала, чтобы русские, французы, чехи и англичане перешли к активным военным действиям, но японское правительство всеми силами избегало конфликта с Соединенными Штатами, и военный министр не решался взять на себя ответственность за действия, нарушающие договор с Америкой.

На чашах весов лежали дипломатические соображения и насущные военные нужды. 28 августа Семенов обратился к генералу Фудзиу с просьбой о помощи для предотвращения нового продвижения большевиков вперед. Солидный военный отряд под грамотным командованием генерала [А. А.] фон Таубе, русского балтийца, приближался к Даурии, где большое количество надежных зданий позволило бы создать сильную позицию перед Маньчжурией. Эти красные войска нужно было отогнать немедленно.

Просьба застигла генерала Фудзиу врасплох. Он находился в подчинении не генерала [К.] Отани, командующего экспедиционными войсками в Сибири, а генерала [С.] Накамура, командующего вооруженными силами Кореи, находившегося в Порт-Артуре. Сотрудничать с японскими подразделениями во Владивостоке он мог только с разрешения своего начальника и военного министра, что приводило к непоправимой потере времени. Он предпочел не вмешивать свое не слишком дальновидное начальство в проблему, которую ставил перед ним текущий момент и разрешил ее по-солдатски, обратившись к своему штабу со следующей речью:

– Я послан сюда охранять границу от большевиков. Я получил приказ не переходить границы. Но я не считаю, что в данном случае я должен повиноваться этому приказу. В этот решающий момент я не могу оставить единственного русского, который хочет и может сра-

жаться с нашим общим врагом. Если император не одобрит мой поступок, я знаю, как поступить самураю*.

В тот же день японский пехотный батальон и артиллерийская рота пересекли русско-китайскую границу в тылу отряда Семенова. Большевики, не зная численности японцев, отошли без боя сначала от Даурии, потом от Оловянной.

Политический инцидент, созданный генералом Фудзюу, обеспокоил японских дипломатов, но здравый смысл представителей союзников в Токио помог урегулировать его в самом скором времени. Только американское правительство хранило неодобрительное молчание, «презрительное молчание», как сказал мне один из американских представителей в Токио.

4. Оккупация Транссибирской железной дороги

Преследование большевиков было однообразным, но нетрудным. 12-я дивизия японцев двигалась от Владивостока к Благовещенску, где она должна была встретиться с бригадой из 7-й дивизии, двигающейся из Карымской, в то время как другая бригада той же дивизии направлялась в Благовещенск через Цицикар, чтобы отрезать красным путь отступления в Китай. Русско-японские войска захватили несколько сот красных, которых японцы считали военнопленными, а семеновцы грабителями. Несколько большевиков сбежали в северную тундру и вернулись во Владивосток, где были интернированы американцами.

Вскоре 3-я дивизия сменила 7-ю, которая вернулась в Китай охранять Китайско-Восточную железную дорогу. В октябре 1918 г. чехи, намереваясь открыть новый фронт на Урале, попросили Семенова сменить их. На самом деле эта просьба была обращена к японцам. Вопрос о русских гарнизонах на Транссибе ставился всегда именно так**. Начиная с этого времени 3500 километров железной дороги между Читой и Владивостоком, амурскую ветку и китайскую охраняли три японских дивизии.

В системе союзнических операций японцы получили задание охранять Транссиб от моря до Верхнеудинска. Впоследствии американ-

* Генерал Фудзюу знал о разногласиях между Генеральным штабом и Министерством иностранных дел, эти разногласия сказались любопытным образом в деле острова Принкипо, в котором позиция японского представителя была продиктована стремлением идти в фарватере американской политики. Генерал поклялся предкам совершить харакири в случае неодобрения его действий правительством.

** См. главу «С японскими войсками».

ские войска охраняли более или менее спокойный отрезок дороги от Верхнеудинска до озера Байкал.

В районах, прилегающих к Амуру, кишели красные банды, нападая с сопок на охранников дороги внизу. Японцы расставили небольшие гарнизоны на станциях и возле главных мостов, а летучие батальоны вели на бронепоездах постоянную дозорную службу.

Война была тяжелой. Японцы были лучше вооружены и несравненно более дисциплинированы, но красные, которых поддерживали еще отряды казаков, недовольных режимом Семенова, воевали особыми, подходящими им методами. Все их усилия были направлены на одно – на разрушение железной дороги. Изолировав несколько гарнизонов, состоявших зачастую из одного взвода, красные привязывали своих лошадей к деревьям в близлежащей тайге за сопками и начинали настоящую осаду станции, расположенной в распадке. Иногда они брали верх над горсткой японцев, отчаянное сопротивление которых завершалось самоубийствами и пытками раненых. Если же приходила помощь, красные на лошадях исчезали в тайге.

Ни любви, ни ненависти к японцам, о которых писали продажные журналисты, не было. Японцы держались в стороне от местного населения. Но во всех деревнях внутри страны, куда мне довелось входить с японскими войсками, я видел: с их приходом положение улучшалось, японцы клали конец безудержной анархии как большевиков, так и семеновцев. Желая узнать подлинное мнение людей о присутствии японцев, я спрашивал о них священников, которые в большинстве своем сохраняли влияние на народ. Я не встретил ни одного православного батюшки, который был бы недоволен присутствием японцев. Все отдавали должное их военным достоинствам, какие прославили их по всему миру, и отсутствию у них лицемерия. Японские офицеры держались закрыто, отстраненно и очень вежливо, не проявляя ни малейшего желания вмешиваться в русские дела.

Газеты Харбина, Владивостока и др. писали о японцах враждебно. Эта пресса, всегда еврейская, защищала интересы коммерсантов, которым угрожала сибирская политика японцев.

5. Японская политика в Сибири.

Сотрудничество с семеновцами

Японская политика, проведению которой постоянно препятствовали англичане и американцы, состояла в создании сфер влияния вокруг японских гарнизонов с тем, чтобы понемногу внедрять туда свою индустрию и торговлю.

Японцы таким образом вступали в конфликт с американцами, чьи намерения осуществляла комиссия Стивенса, состоящая из 200 аме-

риканских инженеров, которых пригласил Керенский для полной реорганизации Транссиба, включая и управление железной дороги, что, по сути, означало захват американцами главной сибирской артерии. По предложению японцев техническая помощь должна была быть интернациональной под общим управлением русских. Стивенс отказался от помощи других стран и меньше всего хотел сотрудничать с японцами, считая, что они ничего не смыслят в железных дорогах. Все миссии старались привлечь на свою сторону служащих Транссиба. Одним из внушительных *captationes benevolentiae*³⁰⁴ американцев был специальный поезд, увешенный огромными плакатами «Братская помощь служащим железной дороги», который привозил и бесплатно распространял среди работников Транссиба теплую одежду, отличного качества одеяла, которые незамедлительно перекочевывали на городские рынки. Японцы, в свою очередь, организовывали возле станций больницы и т. д.

Англичане метили выше. Они не распространяли среди железнодорожников библий, дешевого сахара и нижнего белья. Не строили больниц. Их интересовал верховный правитель. У них была конкретная цель, и они хотели достигнуть ее, используя свое влияние на Колчака, которого Нокс привез в Омск, не посоветовавшись предварительно с союзниками.

Приход адмирала к власти не уменьшил трудностей. На протяжении нескольких месяцев существовали два правителя, которые не хотели договориться и придерживались диаметрально противоположных позиций. По инициативе генерала Жанена японцы при посредничестве генерала Хорвата попытались примирить противников.

Внешняя политика Омского правительства была враждебна по отношению к японцам и доброжелательна по отношению к Соединенным Штатам, от которых оно до последней минуты ожидало интервенции *de facto*³⁰⁵, каковой не последовало.

Сближение с Японией произошло только в последние месяцы 1919 г. Императорское правительство прислало своего главного комиссара в этом году в сентябре (господина Като). Он предложил союзникам взять на себя всю разведку адмирала. Согласия не последовало. Серьезные шаги к сближению сибирского правительства и правительства Японии были предприняты во время отступления, когда все министерства были переведены в Иркутск. Господин [С. Н.] Третьяков, ставший министром иностранных дел вместо господина [И. И.] Сукина, говорил мне 13 декабря: «Мы лично и весь русский народ надеемся теперь только на тесное сотрудничество с Японией. Мы попросим у Японии одного: занять фронт, на сто верст западнее Иркутска, проходящий через шахты Черемхово, которые не должны попасть в руки красным. Одного только присутствия япон-

цев и уверенности в их помощи будет достаточно, чтобы поднять боевой дух наших войск, которые мы должны полностью реорганизовать, прежде чем снова посылать в бой. При этом мы хотим сохранить верность нашему главному принципу: воевать против большевиков только своими силами.

Японская интервенция, которую представляли как глубоко своекорыстную, не корыстнее всех остальных. Я не могу сказать, какие выгоды получила Япония за свои усилия, огромные траты и кровь, которую проливали ее солдаты. Если Япония захочет организовать работу на наших шахтах и добывать для нас уголь, который к нам больше не поступает, мы немедленно примем эту помощь. Население Сибири ничего не имеет против японцев, и мы тоже. Русские все яснее понимают, что сотрудничество русских и японцев, причем не только на Дальнем Востоке, но и по всей России, – вещь естественная и органичная.

Сибирское правительство было бы радо помощи от Америки, но она пока только выражает нам симпатию. Американцы помогли нам через Красный Крест (надо заметить, что японцы тоже), но не там, где нам больше всего требовалась помощь – не на фронте, не нашим бедным солдатам.

Американское правительство с самого начала совершило ошибку, поверив, что в большевизме есть зерно полезных и новых реформ. В нем нет ничего. Мнение президента изменилось после того, как он побывал в Европе, но политику страны быстро не изменишь.

Правительство полагает, что вмешательство, какого мы просим у Японии, не будет для нее тяжело. Мы ждем только прибытия адмирала и предложим японскому правительству полный план действий».

Я точно привожу эту часть разговора с господином Третьяковым, потому что его мнение в точности совпадало с мнением других «интеллектуалов» Иркутска.

Договор с Японией не состоялся. Воспользовавшись отсутствием главнокомандующего, которого по дороге арестовали чехи, социалы-революционеры Иркутска создали правительство, которое, как и все другие эсеровские правительства, стало подготавливать большевистский режим³⁰⁶. Возможно, японский Генеральный штаб собирался в какой-то момент организовать фронт против советских армий (этого хотели японские военные). Но двух дивизий для этого было явно недостаточно, а американское правительство продолжало держаться за договоры августа 1918 г. Значительное японское подразделение (включающее в себя больше одной бригады пехоты, кавалерию и т. д.) погрузилось на пароходы в японском порту с тем, чтобы плыть в Сибирь. Американская нота остановила уже нагруженные корабли.

С этого момента никаких точек опоры для русско-японского сотрудничества не осталось. Колчак был арестован между Новониколаевском и Иркутском, став узником, он передал верховную военную власть Семенову. Падение Колчака вернуло Семенову местную власть, но надежды на большее не было. Командир Семенов в январе 1918 г. претендовал на роль народного вождя и пробуждал надежду на национальный подъем. Атаман Семенов в начале 1920 г. стал генералом, потерпевшим поражение, его оставили казаки, которые когда-то его выбрали, и теперь он воевал без всякой надежды на успех. Могло ли японское правительство формировать новую политику с русским генералом, которого оставляют соратники?

К тому же в это время японские газеты начали подводить итоги сибирской экспедиции. Нельзя сказать, что японская пресса является мнением японского народа. Но как крупное индустриально-финансовое предприятие она располагает большой свободой и независимостью, что не всегда служит пользе дела. Пресса давно уже начала глухую кампанию против вторжения своих соотечественников в Сибирь. Героизм японских солдат, их выносливость и страдания, их преданность национальным военным традициям не занимали журналистов. Скорее всего, они ориентировались на высшие финансовые круги, не желавшие углубления разногласий с американцами. Как и всюду, газеты в Японии – средство влиять на общественное мнение, но сами они свободны от четко сформулированных мнений.

Японские газеты задали вопрос: стоят ли будущие коммерческие выгоды в Сибири тех 707 солдат, которые были убиты на фронте, и еще 470, умерших впоследствии из-за болезней*.

Вот еще такого же рода пример.

«Никакой золотой прииск или добыча железа не стоит крови японского солдата, – сказал мне генерал Хосоно, – но мы здесь для того, чтобы защитить от большевизма подступы к Китаю и Японии. Мы бы легко с этим справились, если бы не препоны двух наших союзников».

Газеты стали отрицать опасность большевизма. «Не только пулеметами можно бороться с идеями!» и т. д. Впрочем, коммерсанты были недовольны. Из-за курса рубля торговля оказалась невыгодной: он позволял сбывать только дешевку. Климат, привычный для крепких сибиряков, был тяжел для японцев: случалось, что часовые замерзали до смерти на посту. Население, которое поначалу благожелательно встречало японцев, стало относиться к ним значительно хуже,

* Заявление министра [Г.] Танака в палате депутатов 25 января 1920 г. Потери с августа 1918 по январь 1920 г.

в некоторых городах под влиянием комитетов эсеров и большевиков начался бойкот японских товаров, иногда убивали часовых.

Тем временем американское правительство отозвало свой экспедиционный корпус, а также прекратило помощь Красного Креста. Японцы оказались перед сменяющимися друг друга командующими, зависимыми, в свою очередь, от союзнических миссий, которые, не получив основательной поддержки, быстро сходили со сцены. [Р.] Гайда, [С. Н.] Розанов, затем [А. И.] Медведев, [В. Г.] Болдырев и т. д. На протяжении какого-то времени войска генерала Оой* сотрудничали даже с эсерами, которые позволяли себе нападать на одиноких солдат-японцев. Каждое утро можно было видеть мрачного вида самурая из японского руководства, который пешком следовал в штаб в окружении нескольких вооруженных офицеров, поглядывавших на недоброжелательное население.

Затем политикой японцев в Сибири стало невмешательство, но эту политику трудно было проводить всегда и повсюду. В оккупированных зонах (Владивосток, Хабаровск и т. д.) предпочтение отдавалось военной партии, которая меньше других занималась политикой. В некоторых районах японцы старались поладить с местными властями**.

Сопrotивление правительству Колчака и сопrotивление большевизму, то есть неприяtie двух централизующих принципов, вокруг

* Оой сменил генерала Отани на посту командующего экспедиционного корпуса.

** Среди тысяч мелких республик, выделялись пять более или менее значительных – Верхнеудинск, Чита, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток. Эти пять «одемократившихся» городов постарались подчинить себе окрестные деревни. Комиссар-еврей Тобинсон ([А. М.] Краснощеков) (в 1918 г. председатель Дальневосточного Совнаркома, руководитель штаба Дальневосточного большевистского подполья; в 1919 г. член Иркутского губкома РКП(б); в марте–августе 1920 г. член Дальбюро РКП(б); в августе 1920 – сентябре 1921 г. член Дальбюро ЦК РКП(б). – *Примеч. сост.*), располагая полнотой власти по мандату Троцкого, старался подчинить все центральной советской власти, которая из Москвы управляла бы буферным государством, иными словами, управляли бы чужаки, живущие за 4000 километров. Тобинсон вел с японцами переговоры с целью закончить формирование этого буферного государства признанием его императорским правительством. Вот краткая историческая справка.

30 апреля 1920 г. – генерал Оой предлагает правительству Верхнеудинска создать нейтральную зону, в которую не входят ни японские, ни советские войска.

Начало мая – Советы отводят из Сибири большую часть своих войск, за исключением 3-й дивизии на востоке Иркутска, одной в Минусинске, одной на Енисее, одной в Барнауле и одной в Семипалатинске.

6 мая – правительство Верхнеудинска (то есть Тобинсон) объявляет, что принимает предложение японцев при условии, что японское правительство прекращает все отношения с Семеновым.

Генерал Оой отказывается совмещать два эти вопроса и посылает в Верхнеудинск делегацию под руководством генерала Такаянаги.

25 мая – в Верхнеудинске начинаются переговоры, которые ничем не кончаются. Японцы отказываются обсуждать вопрос о Семенове и возвращаются в Читу.

которых группировалась русская революция, поставило Сибирь в весьма своеобразное положение. Понимание русскими демократии проявилось в Сибири в самой яркой форме: россыпь коммун и крошечных республик, отказывающихся подчиняться любой централизованной власти, воспринимаемой как попрание меньшинством свободы большинства. Представители императора, чиновники республики, большевистские комиссары – все кажутся простым людям врагами. Эти люди сохраняют иллюзию, что они хозяева собственной судьбы только в маленькой коммуне, где каждый гражданин знаком с соседом, и у них есть общий, понятный им интерес. Они против любого правительства, отнимающего у них эту иллюзию. В Сибири под наблюдением бесстрастных японцев русская демократическая идея, обеспечившая революции успех, воплотилась в своем самом органичном виде.

Глава XI. Адмирал Колчак

1. Адмирал Колчак, карьера

Своей известностью, сыгравшей немаловажную роль в Сибири, адмирал Колчак был обязан не столько блестящему военному прошлому, сколько той позиции, какую он занял во время революции, командуя флотом на Черном море. Экипажей на Черном море не коснулась всеобъемлющая анархия, сопровождавшаяся жестокостями и мгновенно захватившая Балтийский флот. Как Брусилову на Юго-Западном фронте русских армий, адмиралу Колчаку с помо-

31 мая – правительство Владивостока публикует воззвание: генерал Семенов мешает заключить договор между японцами и правительством Верхнеудинска. Пора свергнуть власть Семенова.

Начало июня – Семенов ведет серьезные бои под Читой. Правительство Верхнеудинска, согласившись на создание нейтральной зоны, которую предложили японцы, отзывает 5-ю дивизию из-под Читы. Будет ли японское командование, дружески расположенное к Семенову, по-прежнему оказывать действительную помощь своему боевому соратнику?

3 июня – японское правительство отправляет генерала Тзуно с шестью батальонами в Новониколаевск, где гарнизон и персонал консульства (мужчины, женщины и дети) были жесточайшим образом уничтожены. Дом японского консула окружили красные, самого консула сожгли в доме, жену и детей убили и потом бросили в огонь.

14 августа – Семенов оставляет Читу и обосновывается в Даурии. Из японцев с ним остаются капитан Сузуки с маленьким отрядом и некоторое количество добровольцев, не принадлежащих ни к какой японской военной организации.

10 сентября 1920 г. – отправление на родину последних чехов. Начиная с этого дня присутствие японцев уже не мотивировано необходимостью помогать чехам возвращаться на родину, мотивировка – необходимость защитить империю от большевистских посягательств.

чью некоторых реформ удалось сохранить влияние на своих подчиненных³⁰⁷. Он тоже не потерял личных контактов с нижестоящими, тоже обладал красноречием, но, возможно, меньше потворствовал недисциплинированности. Большевики направляли свою искусную пропаганду в первую очередь на подразделения вблизи Петрограда, затем на армию, до Черного моря руки у них не доходили. Адмирал одолжил Брусилову несколько моряков-краснобаев, которыми старый лукавый аристократ искренне дорожил: они хорошо поработали среди солдат перед тем, как они пошли в атаку 1 июля.

Статья о замечательной дисциплине у адмирала появилась в прессе, публика восхищалась, а Исполнительный комитет большевиков встревожился. В июле 1917 г. большевики исправили положение, послав на Черное море человек двадцать агитаторов. Через несколько недель адмирал на капитанском мостике был вынужден сдаться своему экипажу³⁰⁸. Он это сделал с большим достоинством, отказался от сабли и бросил ее в море. Красивый жест вдохновил поэтов на патриотические стихи, а кое-кого на карикатуры.

Адмиралу удалось проявить достаточно гибкости, чтобы остаться нужным для революционных кругов, и достаточно разума, чтобы не пренебрегать здоровой воинской дисциплиной, что очень тревожило Временное правительство. Корнилов в это время как раз готовил государственный переворот. Керенский отправил Колчака с миссией в Соединенные Штаты («Или вы едете, или будете арестованы!»). Адмирал основательно задержался в Швеции³⁰⁹ и там узнал о провале попытки страстного патриота³¹⁰.

Колчак возвращался из Америки через Японию и там узнал о приходе к власти большевиков³¹¹. Он хотел продолжать сражаться с немцами. Не желая получить в союзном флоте чин ниже того, какой он занимал в русском, Колчак отправил депешу в Министерство иностранных дел в Лондон, выразив готовность служить в сухопутной армии в любом чине*. В телеграмме из Лондона его просили прибыть в Шанхай, а оттуда следовать в Месопотамию, где командование будет предупреждено.

Колчак ездил несколько раз в Пекин к князю Кудашеву и министрам-союзникам, в том числе и к англичанам, что подало им идею использовать его в одном широкомасштабном плане. План состоял в том, чтобы объединить под командованием известного и уважаемого командующего разрозненные силы офицеров Харбина, Семенова, Орлова и других. Адмирал отказался от предложения Семенова, воз-

* Один из его друзей говорил мне, что он выбрал английскую армию, потому что английский был единственный иностранный язык, на котором он немного говорил.

можно, внушенного Хорватом, взять под свое начало подразделения Харбина: «Он дал слово англичанам».

Адмирал был неприятно удивлен, когда, прибыв в Сингапур и встретившись с английским представителем Министерства иностранных дел, получил «разрешение вернуться в Сибирь». Такого назначения адмирал не просил. Он вернулся в Шанхай и узнал, что назначен членом Совета управления Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)³¹². Назначение давало возможность поручить ему командование военными силами, не создавая новой должности. Дело в том, что русско-китайский договор, касающийся функционирования этой важнейшей части Транссиба, предусматривал существование бригады пограничников, охраняющих железнодорожные пути³¹³. Эти войска были внесены в бюджет Министерства финансов и носили зеленые погоны. Их численность определялась пунктом договора: 20 человек на версту. Генерал Самойлов, сменивший на этом посту геройского Корнилова³¹⁴, командовал ими во время революции. Он пытался, но не сумел организовать офицеров Харбина, и генерал Хорват, начальник железной дороги, надеялся, что авторитет адмирала совершит это чудо*.

Полагая, что японцы будут играть в Сибири важную роль, адмирал попросил посла в Токио, господина [В. Н.] Крупенского, передать японскому Генеральному штабу, что он хотел бы обсудить с его представителями будущую деятельность, и просил «послать распоряжения на этот счет представителям генерала Танака в Харбине и Пекине». Но договориться с этими представителями он не смог. Опыт союзников подсказывал, что на многочисленные отряды офицеров Харбина надеяться нельзя**. Надежнее них был мелкий командир Семенов, он единственный хотел сражаться, по неделям не слезал с лошади и его уже без пяти минут признали правительства союзников. Японцы верили только в казаков***, план интервенции у них был четким: они не выйдут за пределы Уссурийского края, где казак Семенов, даже в одиночку, мог быть реальной силой.

Адмирал попытался подчинить себе казака Семенова. Понапрасну прождав его визита, он сам поехал к нему на станцию Маньчжурия.

* Генерал Самойлов говорил мне в январе 1919 г.: «Русский офицер не может служить солдатом». Генерал Плешков: «В русском полку на три батальона должен приходиться один иностранный».

** Единодушное мнение консулов и военных представителей союзников в Харбине.

*** Генерал Танака говорил мне в декабре 1918 г.: «Если генерал Жанен хочет достигнуть цели, к которой мы все стремимся, он не должен сотрудничать с русскими. Русские за редким исключением исчерпали свой патриотизм. Чтобы восстановить порядок, рассчитывать можно только на казаков!».

Встреча вышла холодная. Когда адмирал сообщил, что Семенов назначен атаманом Уссурийского края, тот ответил: «Напрасно старались, я сам себя им назначил»³¹⁵. Колчак был адмиралом, и как потом мне сказал Семенов: «Для нас, офицеров сухопутных войск, адмирал человек вроде гражданского!».

Семенов среди патриотов был единственным командующим, который готов был рисковать своей жизнью на фронте, после того как он оттолкнул Колчака, тот вынужден был продолжать делать то, что делали «гражданские» генералы Хорват и Попов³¹⁶: заниматься организацией и экипировкой парадных – совершенно бесполезных – отрядов в Китае. Создается впечатление, что Колчак всякий раз отказывался помогать военными силами строптивому командующему, когда тот оказывался в опасности, и всякий раз Семенова выручали японцы*. В Харбине успели забыть, что русским в этот момент нужен был пример, что гении сабли встречаются редко и они ценнее политиков.

Необычное положение восточной железной дороги – русской земли, защищаемой китайскими штыками, позволило многим русским офицерам, покинувшим Россию (имеется в виду ее европейская часть), устроиться на ней чиновниками, открыть магазины, заниматься торговлей опиумом, продолжая носить в городе вновь изобретенную форму и звеня по тротуарам саблями. На таких военных, утративших чувство родины вместе с царским режимом, быстро развращенных порочной атмосферой торгашества и спекуляций, вероятно, мог подействовать своим примером такой человек, как Корнилов. Честный адмирал со своим ораторским искусством и патриотическим горением был бессилён.

В июне 1918 г. адмирал, осознав это, приехал в Токио³¹⁷ и имел беседу с генералом Танака в присутствии господ Крупенского, Шишкина, Степанова и других. Начальник Генерального штаба Японии посоветовал адмиралу «на какое-то время устраниваться от дел». «Мы отводим вам в будущем роль более важную». Шла речь об отпуске? Или уже существовал договор с англичанами?

Адмирал два месяца провел, отдыхая, в Японии. Между тем помощь чехов, которые поддерживали Директорию, позволила мобилизовать в Сибири значительную армию. Когда генерал Нокс во главе английской военной миссии прибыл в Сибирь, с тем чтобы организовать ее, он по дороге встретил адмирала³¹⁸. Встреча сыграла важную роль.

* Полковник [И. В.] Орлов был отозван Колчаком с Маньчжурского фронта, когда Семенов находился в критическом положении.

Генерал Нокс остановился во Владивостоке. Адмирал продолжил свой путь и вскоре оказался в распоряжении генерала Болдырева, члена Директории и главнокомандующего. Через месяц он был назначен военным министром³¹⁹ вместо генерала [П. П.] Иванова-Ринова. Адмирал часто ездил на фронт, где был популярен, и воодушевлял войска. Армия к этому времени стала республиканской. Офицеры-монархисты уже обеспечили себе места в тылу. Фронтвые офицеры, по большей части республиканцы, были недовольны тем, как ведутся дела³²⁰. Неизбежные трения между политиками-эсерами и офицерами продолжались повсюду. Главной слабостью партии эсеров во время революции было желание изменить характер армии. Каждая попытка сделать это (под предлогом большего участия солдат в решении военных задач) лишь ухудшало ее состояние. И вот на офицерском банкете в Екатеринбурге, где председательствовал адмирал, совершавший поездку по фронту, один русский генерал* под аплодисменты русских и нескольких союзнических офицеров впервые выразил пожелание офицерского корпуса, чтобы адмирал взял власть в свои руки. Адмирал отказался отвечать, но потом позволил себя уговорить.

2. Вокруг переворота

Переворот совершился 18 ноября 1918 г. Члены Директории были арестованы и отправлены к границе, адмирала объявили диктатором. Этот преждевременно совершенный государственный переворот был, судя по всему, ошибкой. Во-первых, адмирал, незнакомый с механизмом армии и не имевший политических убеждений, неизбежно попадал в руки серых кардиналов, и вся его политика носила характер скачкообразный характер. Во-вторых, он вызвал сопротивление атаманов на востоке, потребовав от них безоговорочного подчинения, но предварительно не поговорив с ними. В результате офицеры Семенова останавливали все то, что посылалось в Омск. Но еще худшей ошибкой являлось то, что инициаторы переворота обошли вниманием чехов, без которых не могла бы возникнуть Директория Уфы и не могло существовать новое правительство³²¹.

Против 100 000 красных правительство Омска могло выставить только 15 000 русских добровольцев под командой Войцеховского, Пепеляева, Каппеля, Гривина и т. д.³²², прикрытых 35 000 чехов, которые считали, что лучше бы офицеры Омска помогли им на фронте,

* Это был генерал Бангерский, латыш, сын крестьянина, республиканец, офицер, известный своей храбростью. См. главу II, где изложены мои личные впечатления о нем.

чем арестовывали в Омске адвокатов. Недовольные чешские солдаты вскоре бы успокоились и стали бы относиться к перевороту индифферентно, как «к внутреннему вопросу русских», к чему призывал их президент Масарик, если бы не вмешались комитеты и политические агенты, разумеется, с позиций и во имя демократии, потому что только политики требуют преданности демократии. Манифест Национального совета чехов, опубликованный русскими газетами, сурово осуждал переворот. Главный штаб, по счастью, помешал его распространению в армии. Возможно, чешские адвокаты имели право протестовать против ареста их политических товарищей*, но они способствовали беспорядкам и настроили левых против уже свершившегося факта**.

Не нужно думать (некоторые политики хотели бы уверить в этом Европу), что население Сибири было против прихода верховного главнокомандующего. Наивнейшее мнение! Единственным результатом влияния, возможно, оказанного революцией, которая по сути означает глупое и кровавое выяснение отношений, на идеологию сибирского крестьянина является возникшее недоверие к монархии, впрочем, малообъяснимое в двух или трех тысячах километров от столицы***. Крестьянина ничего не интересовало, кроме распределения земли и продажи производимого им продукта, порядка на транспорте, в администрации и полиции. Поскольку адмирал пообещал все это, население приняло его, считая сильным. Кроме большевиков, левых эсеров и эсеров-центристов (они были за национализацию земли), все остальные политические партии были за адмирала. «Демократический» блок, который его поддерживал, состоял из 1) кооперативов; 2) Совета коммерческих и промышленных ассоциаций; 3) комитетов военной индустрии; 4) партии кадетов; 5) пле-

* Двенадцать членов Государственного совещания в Уфе находились в момент переворота в чешской зоне, и генерал Сыровый защитил их от ареста, но в его отсутствие по приказу генерала Дитерихса их забрали. Это посягательство на полноту власти было воспринято чехами очень болезненно и значило больше, чем сам переворот.

** 21 декабря в Омске вспыхнуло восстание. Восставшие освободили 12 политиков, о которых я говорил, без всякого желания с их стороны. Через несколько часов политики вернулись и остались в качестве узников. Тем не менее их «судил» «комитет офицеров», и они были утоплены в Иртыше. (Речь идет о восстании большевиков в Омске, поднятом в ночь на 23 декабря 1918 г.; было подавлено правительственными войсками 23 декабря; в числе жертв расстрелов, проходивших после подавления восстания, оказались и арестованные ранее социалисты-депутаты Учредительного собрания А. А. Брудерер, И. И. Девятков, Н. В. Фомин и др. — *Примеч. сост.*)

*** Один крестьянин из Забайкалья, разочарованный двумя годами революции, сказал мне: «Все царя ругают! Да какую беду он мог нам сделать за три тысячи верст от нас?».

хановской секции эсеров; 6) рабочей партии (руководимой интеллигенцией); 7) правых эсеров.

Господин [А. В.] Сазонов, председатель Совета Всесибирских кооперативных съездов, очень влиятельного экономического и политического органа, назвал адмирала «русским Вашингтоном»*. Иными словами, всем хотелось единовластия. Ни одна из политических партий, которые я перечислил, не подчинилась бы другой. Но так остро ощущалась необходимость твердой руки в правительстве, что все склонили головы перед саблей, орудием, в высшей степени, нейтральным. К несчастью, у сабель тоже есть своя политика.

Во всех городах вскоре заработали «антишпионские службы», поглотив большую часть офицеров, которых правительство наделило практически неограниченной властью. Если гражданин критиковал правительство, значит, он был сторонником свергнутого. Подозреваемых обычно отправляли в «республику Иртыш». Было немало случаев, когда богатство обрекало подозреваемого на смертный приговор.

3. Проблема офицеров. Прапорщики

Правительство адмирала – причем изначально – не могло направить своих офицеров туда, где они были необходимы и принесли бы пользу. В сибирских городах находилось множество профессиональных офицеров, которые отказывались идти на фронт. В Харбине они узурпировали административные должности и держались за них, одни «ввиду будущих мобилизаций», другие, «потому что было бы иллюзией создавать полки из одних только русских, необходим иностранный батальон, чтобы поддерживать дисциплину»**.

В Чите и Забайкалье японцы вели большую работу, но на уральском фронте отсутствовали полки Семенова, сначала потому что адмирал не хотел признать Семенова атаманом всего Дальнего Востока, а когда Семенов был признан, потому что его войска стали нужны на фронте Забайкалья, Иркутск был монархистским. «Пока Колчак не сказал, что хочет восстановить монархию, нам не за что сражаться», – заявили мне русские офицеры. И далее в том же духе. В Омске было немало превосходных молодых офицеров, хорошо зарекомендовавших себя на германском фронте.

* Только в январе 1920 г. господин Сазонов обнаружил, что ошибся. На деле единственным просчетом адмирала был его неуспех.

** Генералы С. и П. говорили мне, что, по их мнению, ни от одного русского полка нельзя ждать ничего хорошего без батальона японцев, который защищал бы офицеров.

Но мне иной раз казалось, что Военное министерство специально создает всевозможные отделы и комиссии^{*}, чтобы дать им возможность отсидеться: так много их было на улицах и так неуместно было их присутствие в городе, когда не хватало опытных командиров на фронте. А ведь именно офицеры считали себя наследниками лучших традиций старого режима и надеждой России. Их называли «стеной, защищающей от анархии и беспорядков», но, к сожалению, стена не выдержала революционных потрясений, стены не стало с тех самых пор, как исчез цемент, скрепляющий камни: привязанность к законному правителю страны.

То же самое было и с Директорией Уфы. В конце октября 1918 г. генералы Сыровый и Дитерихс, назначенные один главнокомандующим, другой начальником штаба группы армий³²³, обнаружили в тылу фронта немыслимую ситуацию. Тысячи офицеров, бежавших из России, объединились в 160 штабов³²⁴, отдающих приказы солдатам. Среди прочих был армейский корпус, насчитывающий 60 военных, 24 из них были офицерами, которые все работали в отделах Ставки. Эти офицеры утаили от фронта пушки, пулеметы, боеприпасы, храня их где-то в тылу, ожидая, что солдаты явятся их «организовывать»! Нужно было бы арестовать их и отправить по начальникам военных округов, на которые разделилась Сибирь. Только Корнилов своим примером мог принудить все эти тысячи офицеров взять в руки винтовку и повесить на спину вещмешок, адмиралу не дано было отправить их туда, где их присутствие было необходимо. Когда я приехал на фронт (март 1919 г.), ситуация с офицерами была следующая: профессиональные военные — 5 %, прапорщики — более 70 %. Приведу только один пример: в 45-м полку при мне было 58 офицеров, среди них 3 профессионала³²⁵: полковник, его помощник (подполковник) и один капитан, человек без покровителей, которого обошла судьба на Великой войне. Полковник вернулся на службу из патриотизма, его помощник, пожилой человек 60 лет, чтобы отомстить красным за обесчещенных жену и дочь. Среди 55 офицеров резерва 41 человек — прапорщики.

Они обучают призывников, ходят в разведку (на этой войне офицеры, попадая в плен, становятся мучениками), ведут солдат в бой и не могут порадовать себя ни одним из тех удовольствий, какими услаждают себя их товарищи, окопавшиеся в городах.

Мы помним, как эти блестящие товарищи смеялись над прапорщиками во время Великой войны, как ядовито потом обвиняли их в распространении революционных идей в армии, а если не в распро-

* Например, в Омске была создана батарея без пушек, где служили 17 офицеров.

странении, то в одобрении, когда их распространяли среди солдат другие. Но это не мешало прапорщикам погибать в атаках июля и августа 1917 г. Конечно, возможно, они не сумели оценить серьезность происходящего (того, что произошло, не ожидал никто в мире), но таких людей было большинство. Наравне с кадровыми офицерами их убивали матросы в Севастополе, Одессе и Киеве только за то, что у них были офицерские погоны, а во время второй революции только за то, что они офицеры.

По отношению к прапорщикам сохраняются старые правила повышения в чине. Есть проницательные командиры, к сожалению, их очень мало, которые отличают этих прапорщиков. Они видят в них тот металл, из которых будущее выкует командиров русской армии. Трагизм войны русских с русскими подтверждается фактом: эти прапорщики, обвиняемые в том, что они способствовали и подготовили большевизм в русской армии, каждый день встречаются среди взятых в плен кадровых офицеров и своих товарищей из прошлого (старого режима).

4. Слабость режима

Молодость и неопытность офицеров, в большинстве своем недавних гимназистов, которым нет и 20, часто ставит армию на низшую ступень боевой готовности. Но молодые набрались бы боевого опыта, они бы продвинулись вперед, если бы тыл помогал им. Но между Омском и фронтом образовалась дыра, и в эту дыру проваливается все: обмундирование, сапоги, фуражки, одеяла, сахар, табак, офицерское белье и даже винтовки и боеприпасы, предназначенные для фронта. Объяснить безнаказанность подлецов, живущих за счет армии, можно только тем, что их очень много.

С самого начала в Омске за хорошие деньги можно было получить военный пропуск, позволяющий коммерсанту – а кто не занимается торговлей в эти трудные времена? – ехать военным эшелоном за товаром в Харбин и возвращаться с ним в столицу. Каждую ночь солдаты на 13-м или 14-м пути омской железнодорожной станции разгружают товары – предметы роскоши для дам: духи, парижские панталоны (мы и в Омске любезные кавалеры). Не сколотил ли себе славное состояние* некий министр, используя по своему усмотрению 20 вагонов товаров, предназначенных для обедневшего населения. Дело вышло наружу, уважаемый коллега был отправлен в отставку,

* Хорошо нагруженный вагон приносил благодаря разнице цен между Харбином и Омском немногим больше миллиона рублей.

но вернуть награбленное от него не потребовали. Возможно, чтобы не создавать неприятного прецедента.

Торговля с помощью военных составов была в Омске секретом Полишинеля³²⁶. Дважды я видел коммерсантов, явившихся к военному коменданту омского вокзала, которого несколько смущало мое присутствие. У них были бумаги с печатью Ставки, и они обязывали этого офицера предоставить в их распоряжение транспорт. Почему нужно было дожидаться восстания для того, чтобы осудить одного из главных виновников подобного беззакония — генерала, заведующего транспортом в Генеральном штабе?* Какие неодолимые препятствия мешали судебному преследованию?

О слабости режима свидетельствовала та противоестественная легкость, с какой приговаривали политиков или близких к политике деятелей к смерти: адмирал никогда не налагал на это запрета, возможно, потому что не мог. Он был верховным правителем только по названию. Россия была олигархией, а это худший из режимов. Раздробленность власти дает возможность всяческим злоупотреблениям. Некоторые скандалы напоминали ситуацию царя Давида и Урии**, или, если воспользоваться более свежим примером, Морица Саксонского, который добился королевского указа о заточении без суда и следствия, чтобы сделать супруга более уступчивым***.

Настоящими врагами Омского режима были не большевики, которых все ненавидели, настоящие враги находились внутри него.

* Генерал [В. Н.] Касаткин был приговорен к смертной казни, но помилован в результате вмешательства заграницы, благодарной за услуги во время отступления. Однако он не был единственным офицером высшего состава, замешанным в это дело. (Генерал В. Н. Касаткин занимал должность главного начальника военных сообщений Ставки; в связи с делом о злоупотреблении служебным положением офицеров его ведомства был арестован в августе 1919 г., отчислен от занимаемой должности и привлечен к военно-полевому суду; приговором суда понижен в должности и приговорен к шестимесячному заключению, которое отложили до окончания гражданской войны. — *Примеч. сост.*)

** Самуил. 11–15. (Грондейс отсылает к библейской истории Урии Хеттеянина, храброго воина, и израильского царя Давида; царь согрешил с его женой и пожелал гибели Урии, написав командиру армии письмо, в котором приказал поставить Урию там, где будет «самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер», что и случилось. — *Примеч. сост.*)

*** Имеется в виду Фавар, муж знаменитой актрисы Шантийи, в которую был влюблен маршал Саксонский [Мориц Саксонский — французский полководец (1696–1750)]. — *Примеч. сост.*]. А в данном случае речь идет о министре С. «Королевским указом» стала отправка на первую линию фронта, военный министр охотно подписал это распоряжение. (Возможно, речь идет о Д. А. Лебедеве, военном министре Российской империи и начальнике штаба Ставки, который после смещения с должности в августе 1919 г. был назначен командующим Отдельной Степной группой войск. — *Примеч. сост.*)

Солдат сражается, гражданин платит налоги, и отчет в действиях исполнительной власти им не нужен. Отчетов требуют честолюбцы, желающие участвовать в общественной жизни. Население хочет твердой руки и спокойной жизни в настоящем или будущем, которая возместит им принесенные ими жертвы, а во имя каких принципов от них потребовали этих жертв, ему безразлично. В глазах большинства плохая политическая программа, хоть бы и большевистская, реализуемая твердо и четко, лучше сладких обещаний, которые затуманивают голову несбыточными надеждами и оставляют ощущение обмана.

Именно этими соображениями я объясняю себе то, что в августе 1919 г. даже буржуа не решались оставить свои дома, чтобы разделить судьбу правительства. Мне говорили так: «Понятно, что министры и генералы спасают свою шкуру, у них деньги уже лежат за границей. А мы? У нас возможности вернуться не будет».

Неправда, что Омское правительство поддерживала только небольшая группа монархистов. Большая часть населения Сибири приняла его вначале, когда прокламации адмирала внушали доверие. Но неспособность и неопытность его окружения*, а также воровство мало-помалу привели все к неотвратимому концу. Все достоинства адмирала, его честность, его энтузиазм ничего не могли поделать. Падение было естественным концом этого режима. Сибирь начиная с июля 1919 г. высказалась за режим, который станет окончательным. Беспорядок при большевиках был меньшим злом, чем беспорядок колебаний и неуверенности [при Колчаке]. Все устали от теорий. Все приготовились терпеть режим с сильной армией.

5. Адмирал

Я дважды имел удовольствие говорить с адмиралом. Он был маленького роста с квадратными плечами и, похоже, всегда оставался командующим. Взгляд немного неподвижный, но честный, выражение лица приятное. Во время разговора мог вскинуться из-за пустяка. Об американской интервенции в Сибири он говорил мне с пеной на губах. Близкие к нему люди восхищались его гневными вспышками, считали их проявлением силы и какого-то пророческого вдохновения, но это было опасной слабостью. Он был исполнен благородства, как его понимали старинные русские сказания – без гибкости, хитрости и осторожности. Он верил в то, что делал, и это хорошо. Он делал все, во что поверил, и это было очень плохо. Его политика состояла

* Поначалу все были довольны участием в государственных делах молодых чиновников, *не опорочивших себя работой при старом режиме*. Как будто можно обойтись без практических знаний, нарабатываемых всегда с большим трудом.

из вспышек, и часто утром была одной, вечером другой. Окружала его одна «молодежь». Чего же лучше для командира батальона, живущего порывами. Но для главы государства – это принципиальная ошибка: молодежь была уже не так молода и принесла в Омск надежды прошлого времени. Нужны были бывалые зубры, которых годы излечили от их собственных доктрин.

В адмирале чувствовалась печаль человека, чьи усилия не приносят результата. В нем недоставало генеральства, чтобы стать начальником для трех тысяч офицеров, занимавших должности в Омске, и он не был политиком, который вел бы великолепное и заманчивое предприятие: восстановление России в ее былом величии, вел холодно, последовательно, как ведут дело. Выбор великого князя* на пост главы государства был бы ошибкой (хотя, кто знает?), но, по крайней мере, офицеры сплотились бы вокруг своего командующего, как отряды коммунистов сплываются вокруг тех, кто отрицает командующих, и тогда можно было бы располагать надежным ядром. Сила любого режима в надежности небольшого круга людей, остальные не важны. В Сибири, как мне думается, люди, поддерживающие режим, только делали вид, что преданы адмиралу, а сами пользовались им, чтобы устроиться на тыловые должности и безнаказанно совершать большие и малые беззакония**.

Во время наших разговоров адмирал подчеркивал роль иностранцев (к ним он относил латышей и евреев), которую они играли и продолжают играть во всех разрушительных событиях в России и в Сибири. Он показал мне несколько фотографий революционных комитетов (пятерок)*** в Омске, Екатеринбурге и т. д. Фотографии были сделаны в подвалах перед повешением виновных. Лица пещерные, искаженные страхом. «Вот фамилии восьми заговорщиков из

* В офицерских кругах было принято считать революцию какой-то ошибкой. Верили, что в самом скором времени появится великий князь Михаил Александрович (убит в июне 1918 г. большевиками. – *Примеч. сост.*). Между собой таинственно перешептывались и передавали *святую ложь* о его пребывании в Сибири с самыми мельчайшими подробностями. Говорили, что он то в Омске, то в Харбине, то в Чите, где было больше всего офицеров-монархистов. И вполне возможно, великого князя неплохо встретило бы и население, если бы он предложил широкую примиряющую либеральную программу.

** Всякий раз, когда поведение офицера должно было бы повлечь наказание (пьянство, дезертирство, хищение денежных средств), адмирал говорил, что «большевики и без того убили много офицеров в России, чтобы мы продолжали убивать их в Сибири». Только уже в конце режима были введены жесткие меры пресечения.

*** Пятерка (группа из пяти человек) – слово из революционного словаря: тайный комитет, по одному в каждом русском городе, состоящий из 5 членов, которые при старом режиме налаживали конспиративную работу. С тех пор число членов в комитете изменилось, но символическое название осталось.

Екатеринбурга, – сказал он мне, – среди них два русских, три еврея, три латыша. Посмотрите на лица русских – настоящие дураки, и они символ всей России, безграмотной, необразованной, соблазненной хитрыми инородцами. В пятерке Омска та же история. Среди семи членов один русский. Но не это самое интересное. Во главе комиссар, посланный Троцким».

Американскую политику адмирал считал для России вредной.

«Соединенные Штаты отправили к нам представителей, столь же злонамеренных, как их президент, их влияние вредно, они только ухудшают ситуацию. Говорят, что американцы плохо информированы, нет, они знают столько же, сколько все другие власти. Отношение их командующих Грейвса, [О. П.] Робинсона, [Р.] Морриса и их солдат было таким, что невольно вызывало подозрение: они здесь для распространения большевизма. Вы можете говорить всем, кому хотите: их надо отозвать всех, вред от них не поддается измерению, отношения между Россией и Америкой становятся только хуже. Их политика по преимуществу еврейская, и здесь, в Сибири, они в основном окружены евреями, русскими подданными**». Что касается других

* Я никогда этого не делал.

** «Вестник Маньчжурии» опубликовал в номере от 18 сентября 1919 г. список русских переводчиков, предоставленных генералом [М. М.] Ивановым, комендантом города Харбина, комиссии Стивенса: Райгородский (Илья Моисеевич), Гальберг (Морис Иосифович), Рузанов (Федор Никанорович), Жикович (Иван Никанорович), Лихоренко (Абрам Алексеевич), Розен (Израиль-Иосель Вениаминович), Ланис (Шолим Абрамович), Гуревич (Израиль Иосифович), Фейнгольд (Леон Сальфитович), Шишковский (Бениан Маркович), Каганский (Михаил Самуилович), Гуревич (Паса Исаакович), Сайгельман (Мейер Вольфович), Кан (Григорий Петрович), Реховский (Мошко Хаимович), Бливес (Мозек Мейерович), Барабан (Моисей Фридрихович), Гуревич (Борис Семенович), Петраскас (Бортлем Матис), Родионов (Павел Иванович), Амрон (Рубин Мориц), Пергаменщик (Маум Аронович), Минин (Касьян Иванович), Берекер (Абрам Элейв), Вольфович (Моисей Израелевич), Белинк (Хаим Михайлович), Урбан (Иосиф Бернгард), Анфиногенов (Николай Сергеевич), Пазик (Иосиф Фойруш), Иванен (Франк Андреевич), Борисов (Семен Иванович), Елл (Изер Абрамович), Сабшин (Мордох Аронович), Сабшин (Нахман Аронович), Шинкирук (Василий Иванович), Гудман (Эммануил Карс), Чумак (Вильям Андреевич), Лямин (Соломон Борисович), Василенко (Владислав Петрович), Галатский (Вениамин Ионтелев), Каплан (Макс Израелевич), Шекот (Самуил Хаимович), Монзарс (Изи Абрамович), Гольдштейн (Исаак Лазаревич), Улановский (Гириш Давидович), Келлер (Лунс Иосифович), Зарецкий (Мордох Абрамович), Вексельштейн (Абрам Петрович), Казан (Карл Франк), Делловский (Марк Самуилович), Якубович (Маурис Менакимович), Гручкунис (Иосиф Петрович), Госма (Соломон Иезович), Пестунович (Абрам Петрович), Брозд (Нафтулин Иеклев), Рябкин (Александр Михеевич), Кенус (Борис Шаджи), Закрепский (Михаил Иосифович), Крупник (Карл Самуилович), Кишен (Антон Мартинович), Шперлинг (Эрис Владимирович), Кисин (Лунс Самуилович), Колтозов-Масальский (Александр), Ермолинский (Ефим Львович), Павлюк (Гарри Иванович), Герайлюк (Иван Михайлович), Иванов (Иван Александрович), Лейер (Карл Карлович), Глик (Юген Леонтьевич), Зильберг (Гаус Исакович), Франк (Левис Лаза-

правительств, то нам не на что жаловаться. Многим из них мы очень обязаны. (Адмирал не пожелал уточнять чем.) Но на фронте мы не нуждаемся ни в каких иностранных войсках (намек на помощь японцев на Урале, помощь, к которой японцы не были расположены). Мы не хотим, чтобы иностранцы проливали за нас кровь. От заграницы мы ждем помощи оружием и экипировкой».

6. Адмирал и чехи

Окружение адмирала было проникнуто традиционной имперской гордостью и поэтому страдало от необходимости мириться с присутствием союзнической армии, повинующейся приказам со стороны, от необходимости иметь дело с армией, которой не можешь распоряжаться.

Между тем простая житейская осмотрительность могла бы подсказать необходимость хороших отношений с чехами. Адмирал имел возможность нейтрализовать влияние чешских политиков, которые своими декретами и манифестами постоянно пытались вмешаться во внутренние дела русских. Добрые слова, горячая благодарность за услуги, оказанные России, помогли бы адмиралу завоевать сердце «братьев славян».

Однако адмирал пользовался любым случаем, чтобы этих братьев обидеть. Зная, что они прикреплены к Транссибу, он хочет их выгнать из Сибири: «Пусть убираются и забирают все, что успели у нас прихватить!». Зная распоряжения их президента, хочет заставить их вернуться на советский фронт.

Возможно, он считал, что они дезорганизованы, так как ими было трудно командовать. Но чехи — вовсе не русские крестьяне, которых, если они вдруг бросятся в разные стороны, вернуть можно только страхом. Солдаты-чехи были людьми образованными и смелыми. Да, они поддавались противоречивым влияниям, могли быть дезориентированы, но у них было достаточно внутренней самодисциплины, чтобы внять голосу необходимости и снова вернуться в строй.

ревич), Ролмик (Филипп Ньютерович), Шварцман (Давид Гершевич), Круикс (Мартин Давидович), Казанин (Маркус Исаакович), Каган (Шлепа Борис) Рутмик (Иван Михайлович), Роушварцер (Петр Александрович), Беренсон (Тойва-Борис Фешелеф), Бабченко (Петр Самуилович), Смирнов (Михаил Яковлевич), Муравчик (Натан Моисеевич), Троицкий (Леонид Иванович), Браун (Самуил Моисеевич), Порецкий (Нисон Янкелевич), Сибиряков, Маковский, Соколов, Морозов, Сумароков, Дворкин. Полонецкий, Бурсов, Эмер, Грусман, Грохольский. Перечисленные переводчики были приглашены явиться в течение трех дней к коменданту с тем, чтобы отправиться в части, куда они приписаны.

Непонимание этого объясняет странные демарши министров адмирала. В конце июля 1919 г. господин Сукин, министр иностранных дел, выпалил генералу Жанену следующую нелепость: «Если чехи не хотят, чтобы их разоружили, пусть отправляются на фронт!» Правительство Омска повторило то же самое в начале сентября консулу [Б.] Павлу. Адмирал продолжал угрожать «этим военнопленным», что, когда он их возглавит, «тогда потечет кровь!».

Чешская миссия, прибывшая в сентябре в Сибирь, чтобы решить вопросы, которые легионеры передали правительству в Прагу, отказалась контактировать с адмиралом. Господа [Б.] Павлу и [В.] Гирса опубликовали резкий манифест против Колчака в стране³²⁷, которой он управлял, возможно, для того чтобы объяснить войскам, почему им запрещено вмешиваться во внутренние дела русских*.

Возникает впечатление, что через головы русских и чехов, которые могли сотрудничать, адмирал со своей стороны, политики со своей подлили масла в существующий конфликт и сделали все, чтобы сотрудничество стало невозможным.

Глава XII. Смерть Колчака

1. Отступление из Омска

В начале ноября 1919 г. приближение советских армий поставило Омск в опасное положение. Сибирская армия разбежалась. Ее солдаты, мобилизованные по большей части в губерниях Перми, Уфы и Акмолинска, дезертировали по дороге и возвращались по домам. В некоторых дивизиях оставалось не больше 750 человек, была бригада с 184 солдатами. 8 ноября французская и японская миссии покинули Омск. Остальные уехали раньше.

Отступление проходило беспорядочно, к нему не готовились, потому что недавняя беглая улыбка фортуны внушила большие надежды. Интендантские службы собрали огромное количество провианта в Омске и Новониколаевске и не отправляли его до самой последней минуты – такое уже было и в Уфе, и в Челябинске, и в Екатеринбурге, невольно, честное слово, возникало подозрение о его сговоре с врагом. В это же время сообщение главного штаба Советов объявило генерала Нокса «официальным поставщиком Красной армии». Администрация железной дороги, распределяя для отступления паровозы и уголь, большую часть и того и другого направила на

* Адмирал на него ответил, политики со своей стороны тоже, и эти ужасные выяснения продолжались во время отступления.

участок Омск – Новониколаевск, полностью оголив участок Тайга – Красноярск (450 километров). Преступная халатность привела к катастрофе.

Что касается служащих Транссиба, то на протяжении двух лет гражданской войны их нейтралитет был молчаливо признан обоими противниками. Но правительство Омска лишилось остатков их лояльности, не платя им вот уже три месяца.

В начале отступления у правительства было 300 миллионов рублей долга перед железнодорожниками Омска и 600 миллионов перед теми, кто служил между Омском и Иркутском, куда члены правительства поехали дожидаться адмирала. Ни одного рубля не было больше в кассе Новониколаевска, в Красноярске полмиллиона – капля в море! Во время отступления начальники станций и инженеры сбегали. Так, на станции Боготол начальство оставило 30 замороженных паровозов, предоставив инициативу рабочим, которые очень оживились при приближении красных.

Между тем печальная череда поездов, набитых разного достоинства горожанами и потерявшими, к несчастью, боевой дух солдатами, тянулась от Челябинска и Перми до Новониколаевска, загромождая пути и мешая продвижению на Запад. Первоначально решение о порядке эвакуации было следующим: первыми уезжают министерские службы и союзнические миссии, затем гражданские беженцы и медицинские службы, в последнюю очередь войска. К сожалению, этот порядок был нарушен своеволием большого числа русских офицеров высшего состава. Не полагаясь на возможность управлять своими полностью деморализованными частями, они хотели только одного: как можно скорее оказаться в безопасности под охраной частей союзников. Каждый с собственным поездом, каждый со свитой и большим багажом, грозя оружием, забирал паровоз и уголь и заставлял начальников станций, иногда на больших дистанциях, останавливать все другие поезда, давая возможность проехать ему в ту или в другую сторону*. Они мешали прибытию войск и угля на фронт, подвергали опасности эвакуацию чехов, подготавливая конфликт между несчастными русскими солдатами и единственными иностранными подразделениями, которые могли бы помочь обеспечить отступление.

2. Чехи приостанавливают русское отступление

Чтобы правильно уяснить роль, какую сыграли чехи в драме, о которой пойдет речь, нужно понять их умонастроения. Еще недавно под-

* В ноябре–декабре я встречал немало таких поездов от востока Байкала до Читы.

данные Австро-Венгерской империи и военнопленные, они в 1916 г. сформировали новые отряды, чтобы на русском фронте сражаться с немцами. Царское правительство отнеслось к ним с подозрением, а потом их стали использовать на всех опасных участках. В августе 1917 г. именно чехи спасли в битве при Зборове³²⁸ русский фронт, который готов был рухнуть. Вторая революция и Брест-Литовский мир освободили чехов. Они двинулись через Сибирь, желая попасть на Западный фронт. Их остановили и, не спрашивая их согласия, дали новый приказ: готовить приход Колчака. Чехи трудились и страдали ради своих братьев славян без большого воодушевления, но чувствуя благородство своей миссии.

В целом это были славные солдаты, обладавшие не только «славянским обаянием», но и солидным немецким образованием*. Их безупречное поведение, равно как и самостоятельность, вызывало всеобщее восхищение. Даже в огромной Сибири чувствовалось их присутствие. Небольшая часть чехов желала продолжать борьбу против Советов, но большинство устало жить вне родины, которая к тому же обрела самостоятельность, и их командование не решилось требовать от них новых жертв. Распоряжением чехословацкого правительства – а эти распоряжения становились все жестче – обязанности чешских подразделений ограничивались охраной Транссибирской дороги на участке между Омском и Верхнеудинском со строгим запретом вмешиваться во внутренние дела русских.

Запрет нарушал сложившуюся связь чехов с правительственной русской партией, в нем зрело зерно конфликта, который и не замедлил разразиться. Нейтралитет чехов не помог им стать более приемлемыми для красных. Охрана Транссиба обязывала их к постоянным вооруженным стычкам с партизанами, к трудной и кровавой войне, которую они вели с присущей им добросовестностью**. Их положение в Сибири было крайне двусмысленным и неприятным. Правительство Омска постоянно их оскорбляло, Москва и сибирские заговорщики считали, что их вина в том, что правительство Колчака все еще держится. Подавление крестьянских восстаний, расправа с отрядами саботажников (подрывными бригадами) в правительственных гарнизонах на железной дороге снискали им ненависть красных, но не благодарность правительства. Точно так же, как японцы, они находили изуродованные тела своих товарищей с лицами, искаженными

* В отдельных частях, где я побывал, 40 % солдат окончили бакалавриат.

** Во время оккупации Транссиба 360 колонн, созданных чешскими добровольцами, воевали с партизанами. Когда об этом говорили адмиралу или его окружению, ответ был один: «Они стараются не для России, они защищают свои собственные поезда».

предсмертными муками. Они воевали против старого режима, против Директории, большевики объявили их контрреволюционерами и обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах. Перспективы улучшить отношения с красными для них не существовало.

Декретом от 28 сентября 1919 г. чешское правительство вместе с Верховным советом отдало приказ своим войскам, находящимся в Сибири, двигаться во Владивосток для отправления на родину³²⁹. Это решение, принятое без учета ситуации на фронте, осуществлялось крайне медленно из-за трудных обстоятельств, в которых находилась Сибирская армия. Своеволие, отличающее большинство русских генералов, пугало чехов, они опасались*, что им придется остаться в арьергарде и воевать с красными. Среди шести-семи военных поездов, которые ежедневно отправлялись с некоторых станций, были поезда с беженцами и санитарные, но не было составов с чехами. Чешский командующий, генерал Сыровый приказал в середине декабря, чтобы транспортом на Транссибе управляли исключительно чешские коменданты на различных станциях, подчиняясь приказам штаба Иркутска**. Ни один поезд, направляющийся на восток, не будет принят на северный путь, который будет оставаться свободным для перевозки угля в районы, нуждающиеся в нем, и транспортировки военных эшелонов на фронт. Ни один русский поезд не будет эвакуирован до того, пока все чешские эшелоны не проедут в безопасную зону.

Между чехами и адмиралом Колчаком вспыхнул яростный конфликт. Верховный правитель ехал на семи поездах***, нумерованных, то есть не включенных в приказ об отступлении. Адмирал в отдельном поезде возил с собой золотой запас правительства Омска (600 миллионов золотых рублей), обеспечение его шаткой власти. На станции Мариинск верховный главнокомандующий впервые столкнулся с чешскими войсками. Поначалу он проявил высокомерие, не признавая права за чехами вмешиваться в административные дела русских и противиться воле главнокомандующего, но вскоре был вынужден смириться с неизбежным. Русские и чехи находились в положении

* Вспомним, что польские войска, которыми командовали хуже, оказались в руках Советов.

** Решение, позже ратифицированное высшими комиссарами союзников в Иркутске.

*** Император Николай II ездил на двух, великий князь Николай Николаевич на одном. Русские упрекали чехов в том, что их эшелонов слишком много. Поезда были рассчитаны на удобно размещенных 100–150 человек и большое количество багажа. Не надо забывать, что чехи прожили в Сибири больше двух лет, что беспорядочное отступление и большие расстояния между гарнизонами не дали им возможности реорганизоваться. Они реорганизуются позже, перед тем как попасть в японскую зону.

двух потерпевших кораблекрушение и схватившихся за обломок, который может выдержать только одного. Угрозы уже ничему не помогали. Спасти мог сильнейший, а тому, кто будет излишне суетиться, суждено погибнуть.

Адмирал повсюду сталкивался с негибимой волей [чехов]. Ему не давали возможности перейти на северный путь, если возникали препятствия на южном. Никаких преимуществ в снабжении углем. Когда он пытался применить силу, против него выставляли бронепоезд «Прага», как знамя людей, которые не желали лишиться последнего шанса вернуться на родину. Семь поездов Колчака двигались на восток еле-еле (14 декабря – 90 верст), тогда как один, быстро доехавший до Иркутска, возможно, спас бы и режим, и его главу.

3. Неразрешимый конфликт

В Красноярске поезд Колчака остановился. Среди шести поездов, которым удалось прийти сюда за неделю, три принадлежали верховному главнокомандующему, остальные – чехам. Поезда с углем направлялись к станциям, где его не было (от Тайги до Красноярска). Однако чехи не спешили отправлять еще четыре поезда адмирала, а время поджимало. Колчак упорно вел себя по-рыцарски, не желал оставить свою свиту, которая за него цеплялась. Он телеграфировал верховным комиссарам и союзническим правительствам – и что самое худшее – атаманам на Востоке, требуя немедленного отправления не только четырех поездов, но всех поездов Ставки, товарных и санитарных поездов. Всех их должны были пропустить чехи.

18 декабря адмирал согласился на меру, которую предложил генерал [А. М.] Михайлов: государство берет на свое полное обеспечение работников шахт в Черемхово, батальон саперов будет охранять его. Но адмирал опоздал – все уже работали на Транссиб. Чехи в этот критический период уже успели организовать добычу и транспорт угля из Черемхово.

Быть может, осторожная дипломатия могла бы спасти положение, признав заслуги чехов, установивших в Сибири порядок, который как-то еще поддерживал погибающий режим. Но русское командование забыло о дипломатии, но не забыло о своей гордости, упорство чехов их возмутило. Генерал Каппель, главнокомандующий остатками Сибирской армии, отправил генералу Сыровый депешу с весьма неосторожными выражениями, я привожу из нее следующую патетическую фразу: «Русская армия хотя и переживает в настоящее время тяжкие испытания боевых неудач, но в ее рядах много честных благородных офицеров и солдат, никогда не поступавшихся своей совестью, стоявших не раз перед лицом смерти и большевистских пыток.

Эти люди заслуживают общего уважения и такую армию, и ее представителя оскорблять нельзя»³³⁰.

Вызов, брошенный генералу Сыровый генералом Каппелем, молодым офицером, известным своей храбростью и горячим нравом, понятен, но бесполезен.

24 декабря верховный главнокомандующий отправил сибирским атаманам ужасную депешу, которая испортила окончательно все. Он приказал им препятствовать продвижению чехов, «даже взрывая мосты и туннели Транссиба».

Приказ был не лишен красот красноречия и был вполне в духе такого неистового и уверенного в своей значимости человека, каким был адмирал, но он испортил все окончательно, не оставив представителям союзников возможности каким-либо образом вмешаться. До тех пор конфликт русских и чехов носил частный характер, и верховные комиссары и командование могли бы в него вмешаться, так как верховная власть не говорила решающего слова. Депеша от 24 декабря, следствие вспышки слепого гнева, который лишал адмирала умения управлять, была объявлением войны, и вся чешская армия поднялась против верховного главнокомандующего. Семенов передал приказ своим подразделениям, они встретили его с энтузиазмом, не подумав, можно ли его исполнить.

4. Ситуация на Транссибе

В тот момент, о котором я говорю, Омск, а затем Новониколаевск были взяты. Сделанное публично предложение генерала Нокса вооружить немецких военнопленных с тем, чтобы они сражались против большевиков, – преждевременное и опасное, осталось без последствий. Наступивший кризис, впрочем, как все кризисы, вызванные внутренней смутой, не мог быть улажен только материальными средствами. Мощный водоворот, поднявшийся словно бы из глубин самой истории, смешивал все события.

Адмирал, поклявшийся не оставлять своей столицы, сформировал отряд из офицеров старого режима и добровольцев в количестве 5000 или 6000 человек, которые готовы были пожертвовать собой, спасая отступление. Отряд сдался красным, не сделав ни одного выстрела. Некоторые из них пошли на службу Советам под командование генерала Эверта³³¹, другие были отправлены на восток с приказом, запрещающим «служить против адмирала и явиться к нему, как только он прибудет в Иркутск». Каждый в качестве пропуска получил купюру в 1000 рублей Омского правительства с припиской: «Годится как пропуск такому-то, следующему к авантюристу Колчаку».

Готовность, с какой они все приняли волю главного штаба красных, не очень удивила население сибирских городов, через которые они проезжали.

Сотни километров путей Транссиба были заняты поездами с женщинами. В обычное время маленькие станции кормились благодаря соседним деревням, но теперь крестьяне не приносили ни хлеба, ни молока, возможно, потому что им запрещали красные или потому что омские деньги, которыми запаслись «буржуи», не имели уже хождения. В остановившихся вагонах старики и младенцы умирали сотнями.

18 декабря 180 поездов оказались в руках красных. Телеграммы официальных лиц обвинили в этом чехов. Справедливо ли? Как объяснить, что русские поезда (с женщинами, детьми, ранеными) ехали вслед за русскими войсками, которые должны были бы их защищать? К 20 декабря русский фронт, в последний раз установленный по реке Обь, перестал существовать. Русский арьергард исчез. Польская дивизия под командованием полковника Шима вступила в схватку с врагом. Вот его донесение от этого числа: «Русского арьергарда нет, никакого командира или офицера, с кем можно было бы говорить. Есть только русские штабы, которые бегут в беспорядке в тыл. Банды грабят и хотят силой завладеть нашими поездами, возникают схватки. Вчера в Мариинске мы дрались с русскими, которые выгоняли наших солдат из поездов».

Несколько дней спустя польские легионеры, соблазненные обещаниями большевиков, постыдно сдались. Полковник [В.] Чума попал в руки красных, его адъютант [К.] Румша и несколько офицеров сбежали.

25 декабря генерал Сыровый сообщил своим войскам об отношении к ним адмирала Колчака и атамана Семенова. Конфликт стал неразрешимым в тот самый момент, когда Колчак больше всего нуждался в доброй воле и покровительстве чехов. Безусловно, остановка поездов, невозможность транспортировать надежные войска, оживление в деятельности организаций железнодорожных рабочих при приближении большевиков помогали восстаниям, которые почти одновременно вспыхивали в больших сибирских центрах. Между 20 и 25 декабря республики возникли в Красноярске, Нижнеудинске, Черемхово и других городах, через которые адмирал должен был проезжать, чтобы попасть в Иркутск, где его ждали министры и союзнические миссии. Но 25 декабря 1919 г. восстание вспыхнуло и в Иркутске.

5. Адмирал, оставленный своими

Между 25 и 30 декабря верховный главнокомандующий находился в дороге, не имея связи со своим правительством. 30-го он с четырьмя поездами, в том числе один бронированный и один с золотом, прибыл в Нижнеудинск, где только что сформировался социалистическо-революционный комитет, опиравшийся исключительно на рабочих, а значит, симпатизирующий большевизму. В ожидании прихода советских – партия эсеров никогда не могла организовать дисциплинированную армию и никогда не могла удержать власть – восставшие поставили себе целью уничтожить последнее препятствие на пути большевиков: сместить адмирала Колчака.

Местные революционные комитеты заняли вежливую позицию по отношению к чехам, чехи обладали реальной силой, и они приняли все их вердикты, касающиеся железной дороги. В Нижнеудинске комитет потребовал разоружения адмирала, включая бронепоезд, сдачи золота и сложения с себя обязанностей верховного главнокомандующего в письменном виде. Судьба адмирала передавалась в руки комитета Иркутска (Политического центра).

Реакция на это его окружения сделала одиночество адмирала еще горестней. Большая часть солдат из личной охраны перешла со своим оружием в лагерь революционеров. Большая часть военных и гражданских лиц, надеявшихся до этого спастись под его защитой, потихоньку побывали у коменданта гарнизона Верхнеудинска, чтобы заявить, что «они не имеют ничего общего с адмиралом». Нашлись офицеры, которые побежали к китайской границе с правительственным золотом*. Чехи будут препятствовать подобным изменам.

Вся железная дорога была поднята на ноги. Прокламации революционных комитетов Нижнеудинска, станций Тулун, Зима, Черемхово, через которые Колчак должен был проследовать в Иркутск, запрещали рабочим и служащим оказывать содействие адмиралу. Они словно бы цитировали депешу Колчака, призывая «не останавливаться перед разрушением мостов, лишь бы не дать уйти главнокомандующему».

Адмирал с несколькими близкими ему людьми оказался в изоляции. С одной стороны, была его бесхарактерная свита, с другой, население, готовое с ним расправиться. Помочь могли только чехи, которых он сам превратил в непримиримых врагов и которые обращались с ним с холодной враждебностью.

* Говорят, группа офицеров добралась до Шанхая с двадцатью ящиками золота, они продали его банкам, а те взяли это золото, не моргнув глазом. Дело есть дело, деньги не пахнут. Господа офицеры уехали в Египет, там их след затерялся.

Поведение Колчака в эти трагические дни было столь же достойным, как вся его жизнь. Он и из Красноярска не уехал, пока не дождался своих спутников. Чехи в Нижнеудинске объявили, что готовы его переправить в его же вагоне, но он предпочел красивый жест и попросил отправить союзническим властям телеграмму с отказом: «Адмирал приказал вам передать, что по моральным соображениям не может оставить на растерзание толпы своих подчиненных, он решил разделить их судьбу, какой бы страшной она не была».

6. Представители союзников в растерянности

В начале 1920 г. в Сибири царил беспорядок, справиться с которым могла бы только диктатура, он царил во всей русской провинции на протяжении трех лет. В отсутствие верховного главы и его армии в городах Транссиба вспыхнули стихийные восстания, однако их одновременность наводила на мысль о том, что они подготовлены. Действовали социалисты-революционеры, среди которых были и члены Конституционной партии³³², они воспользовались слабостью правительства, чтобы с ним покончить. Можно ли предположить, что они надеялись в этих трудных условиях создать что-то прочное, поднять дух, организовать линию сопротивления, остановить красных? Позвольте усомниться. Подобие режима, мгновенно сформировавшегося вокруг Политического центра в Иркутске, было временкой, созданной при отсутствии настоящего политического чутья. Аморфное тело, заполняющее пустоту между гибнущим правительством и приближающимися красными.

Тем не менее союзники должны были вести с Политическим центром переговоры, так как он объединил все противоправительственные силы, и к нему присоединилась сплоченная масса служащих и рабочих Транссиба. Из правительства Колчака в Иркутске практически никого не осталось. Все министры успели спрятаться до грозы, и представлял их делегированный [А. М.] Ларионов и генерал [К. И.] Сычев³³³. Верховному главнокомандующему, уже почти что всеми брошенному, всерьез грозила гибель. Гарнизон Иркутска в большинстве своем перешел на сторону восставших*. Мост через Ангару, единственная связь города и железнодорожного вокзала, был разрушен. Левый берег (город) находился по большей части в руках восставших, а генерал Сычев, начальник номинального гарнизона, располагал от 500 до 600 курсантов в качестве надежного

* Солдаты, с которыми я говорил в начале декабря, говорили мне, что дезертируют, если подойдут советские.

войска. Нетрудно догадаться, что главные бои шли вокруг вокзала: там находились все миссии, если бы в результате бомбардировки станция была разрушена, то с эвакуацией чехов было бы покончено. Первоочередной задачей миссий было вернуть нейтралитет железнодорожному вокзалу Иркутска и Транссибу на этом участке.

Вопрос о вооруженной поддержке правительства адмирала даже не поднимался, положение адмирала было безнадежным. Верховный комиссар Японии — господин Като пообещал охрану вокзала японским батальоном под командованием полковника. Батальон подъехал на двух поездах с тем, чтобы обеспечить выезд из Иркутска японской колонии и миссии.

Для чехов, а это были единственные войска, какими располагали союзники для осуществления своих решений, вопроса о поддержке гибнущего режима не стояло вообще. Приказы президента Масарика («Вы уже пролили достаточно крови...» и т. п.) и политические комитеты запрещали им вмешиваться в конфликты русских. При этом их симпатии были на стороне восставших после того, как адмирал объявил им войну. У чехов было одно-единственное желание: выбраться живыми из русского пекла, поэтому прежде чем отдавать им приказы, нужно было хорошо понимать, будут ли они их выполнять.

Семенов, назначенный главнокомандующим сибирских армий, по приказу адмирала отправил генерала [Л. Н.] Скипетрова с 2 кавалерийскими полками, 2 пехотными батальонами и 3 бронепоездами с 2 вагонами динамита взорвать байкальский туннель*. Представители правительства адмирала, дав согласие на нейтралитет железной дороги, забыли сообщить о своем решении генералу Скипетрову, который продолжал двигаться к Иркутску. Можно было опасаться, что, воспользовавшись схватками на вокзале, он сыграет с чехами дурную шутку и взорвет туннели при отступлении. Скипетров высадил на вокзале 600 человек, через три четверти часа половина из них дезертировала. Несмотря на присутствие чехов, а кто-то утверждает, что благодаря их присутствию, восставшие взяли вокзал. Были стычки и раненые среди придерживающихся нейтралитета.

Верховные комиссары вели переговоры и с представителями адмирала, и с восставшими. Перемирие между враждующими было достигнуто. С обеих сторон были даны самые твердые обещания не применять расправы в отношении друг к другу. Восставшие также твердо пообещали передать в руки генерала Жанена живым и здоровым адмирала, если он станет их пленником.

* Обнаружение такого количества динамита и сообщение о его предназначении привело чехов во вполне понятную ярость и все испортило.

Что касается адмирала Колчака, то были приняты следующие решения: если между адмиралом и восставшими вспыхнет вооруженная борьба, чехи не будут принимать в ней участия. Союзники имеют право использовать чехов только вне вооруженных конфликтов, так как президент Масарик запретил своим солдатам вмешиваться в дела русских. В случае если адмирал примет отставку и откажется противостоять восставшим подданным, откроется путь к переговорам, и чехи обеспечат ему защиту. Он будет перевезен вместе с правительственным золотом в вагоне с союзническими флагами: французским, английским, японским, американским и чешским.

Предлагая главнокомандующему защиту союзников, верховные комиссары и генерал Жанен высказывали, по существу, только пожелание. Осуществить его должны были чешские войска, которые чувствовали себя освобожденными от всех обязательств по отношению к России, а также и от обязательств по отношению к командованию, возможности которого строго ограничил их президент. Только хорошие отношения, установленные союзническими миссиями в Иркутске с восставшими, позволяли надеяться: если не возникнут новые трудности, дело кончится благополучно.

Однако семеновцы создали новый конфликт, который стоил адмиралу жизни.

7. Главнокомандующий до последнего вздоха

1 января 1920 г. адмирал получил в Красноярске депешу верховных комиссаров, в которой ему предлагалась безопасность в случае, если от него последует просьба о протекции, означающая, по сути, обещание нейтралитета. Верховный главнокомандующий не был готов вернуться к частной жизни, он выжидал несколько дней в Красноярске, обдумывая послания своих приверженцев: они предлагали то уехать из Сибири, то сопротивляться.

Между тем вокруг него все рушилось. Прокламация от 2 января*, подписанная господином Сазоновым, председателем Совета Всесибирских кооперативных съездов, лишала адмирала поддержки этой могущественной организации, которая в светлые дни омского

* «Я искренне надеялся найти в вас, адмирал Колчак, русского Вашингтона, но я жестоко ошибся. До сих я вас поддерживал, не раз выслушивая суровые упреки от демократического правительства, которое я представлял. Но теперь я говорю вам открыто: вы увеличили беспорядки, вы губите родину, прекратите бесполезное пролитие крови, откажитесь от власти передайте другим восстановление России во имя народа!». О чем говорит эта тирада, как не о слабости правительства, которому всаживают нож в спину!

режима обеспечила диктатуре содействие сибирской демократии, которое было знаком уважения силы. Верховный главнокомандующий, возведенный наверх силой, мог бы подвергнуть сомнению знаменитый принцип святого Льва Великого³³⁴: «Qui praefuturus est omnibus, ab omnibus eligatur!»³³⁵. Теперь, когда штыков у него больше не было, молчание народа и его ненависть свидетельствовали о его слабости, сводя на нет все его претензии.

И все же этот человек продолжал – до самой своей гибели – играть волнующий спектакль, представляя одного из античных героев, гонимых судьбой. Как они, он подставлял себя ударам безжалостного рока, ослепленный как своими достоинствами, так и своими недостатками. Ему была не по плечу взятая им на себя историческая миссия, адмирала погубили его собственные ошибки и ошибки его соратников, но он до конца ни от чего не отрекся и сохранил достоинство.

6 января адмирал, под влиянием событий, объявил, что передает верховную власть генерал-лейтенанту Деникину, которого он назначает преемником. Акт отречения адмирал, однако, собирался подписать только в Верхнеудинске, первом городе, занятом японскими войсками*. До этого адмирал Колчак желал ехать в качестве верховного главнокомандующего на «своих поездах со своим персоналом», сохраняя таким образом возможность столкновений с каждой из «республик», через которые он проезжал по дороге к Иркутску.

В тот же день адмирал решил освободить свитских офицеров от их обязанностей (многие из них уже освободились от них сами), предоставив им «свободу действовать по своей совести». И создал почти мгновенно вокруг себя пустоту, что позволило ему с оставшимися занять всего один вагон, который был прицеплен к чешскому эшелону. Создавалось впечатление, что возвращаются дни отречения его величества Николая II.

8. Заложники Иркутска

Полагаю, что не было ни малейшего сомнения в том, что даже при таких обстоятельствах, какие я описал, адмирал живым и здоровым прибудет в Иркутск, если бы не возникло новое непредвиденное обстоятельство, которое возмутило восставших и помешало строптивым и враждебно настроенным чехам пожертвовать хоть чем-то ради адмирала.

* Революционеры рассматривали включение этого условия как готовность адмирала взять свои слова обратно, как только он окажется в безопасности. В декабре нечто подобное произошло на станции Тайга. Пообещав отречься и уехать, адмирал, как только выехал из зоны войск генерала Пепеляева, не стал отказываться от своего поста.

Во время первых дней восстания в Иркутске правительственным кругам благодаря случайностям уличных боев удалось арестовать 31 важную персону, среди которых была одна женщина и несколько членов Учредительного собрания³³⁶.

Одним из условий перемирия, о котором договорились верховные комиссары, желая только хорошего для обеих враждующих сторон и иностранных представителей, было обещание генерала Сычева обращаться с арестованными мягко*, но без обязательства перед Центральным комитетом их освободить.

Эти заложники представляли особую ценность для правительственной партии. При наихудшем варианте: Центральный комитет хочет гибели адмирала вопреки обязательствам, данным генералу Жанену. В этом случае арестованные – политические друзья и родственники членов комитета могли бы помочь спасти жизни верховного главнокомандующего Пепеляева и их свиты. Всем было известно об отношении чехов к адмиралу. Верховные комиссары при этом напомнили представителям правительства: «Жизнь заложников – гарант благополучного приезда адмирала».

Вопреки обещаниям генерал Сычев, уезжая из Иркутска в ночь с 4 на 5 января, забрал связанных друг с другом заложников с собой**. Этот факт встревожил весь город еще и потому, что генерал Сычев доверил арестованных семеновцам, которые не переставали бить, вешать и расстреливать без суда и следствия служащих и рабочих на железнодорожных станциях Байкальского округа***. Мало того, что попытка представителей союзников примирить враждующие политические партии окончилась неудачей, но увоз арестованных совершился только потому, что верховные комиссары отнеслись с доверием, по сути, неуместным, к представителям правительства Колчака. Письмо Центрального комитета верховным комиссарам гласило следующее: «Поскольку верховные комиссары союзнических правительств *взяли на себя инициативу мирных переговоров между Политическим цен-*

* «Представителям, озабоченным судьбой участников восстания, арестованных в Иркутске, правительство объявляет, что с первых дней беспорядков оно приняло все меры для того, чтобы уважалась жизнь и достоинство арестованных».

Подписи:

[А. М.] Ларионов, представитель Совета министров

Генерал [А. Н.] Вагин за генерала [К. И.] Сычева

** Рапорт коменданта железнодорожной станции Иркутск Подлаева от 7 января 1920 г.

*** На станции Михайлово повешены 2 служащих, убито около 40 рабочих. В Слюдянке расстреляны 12 служащих и рабочих. Чехи засвидетельствовали на шести трупах следы непомерной жестокости. И т. д. С начала 1920 г. некоторые железнодорожные команды Иркутска отказывались вести поезда на восток.

тром и правительством адмирала Колчака, пусть они предпримут необходимые меры, чтобы получить информацию о судьбе арестованных и обеспечить сохранность их жизни».

В другом письме к генералу Жанену комитет *требовал* возвращения пленников, *в противном случае оставлял за собой полную свободу действий по отношению к адмиралу**. Это была угроза возмездия в адрес верховного главнокомандующего, которого считали ответственным за все злоупотребления, связанные с его режимом.

Через два дня союзнические миссии Иркутска получили известие, что 31 заложник утоплен в озере Байкал 8 января при очень страшных обстоятельствах**. Спустя несколько дней чехи арестовали инициаторов убийства, которые не сопротивлялись, и стало возможным восстановить обстоятельства преступления.

Генерал Сычев, убежденный, что союзники хотят непременно вернуть заложников, позволил офицерам Семенова делать, что они хотят. По приказу генералов [В. В.] Артемьева и [Л. Н.] Скипетрова, штабс-капитана [К. Ф.] Годлевского и коменданта станции Байкал, арестованных привели на борт парохода «Ангара», где их приняли полковники [А. И.] Сипайло и [В. А.] Рахманинов и штабс-капитан

* «Переговоры о перемирии между враждующими сторонами, начатые по инициативе Совета верховных комиссаров, завершились бегством генерала Сычева с вооруженным отрядом, увозившем с собой 31 арестованного, среди которых были члены Учредительного собрания и видные политики.

Выясняется, что перемирие было нужно для организации бегства. И значит, Совет верховных комиссаров замешан в этом бегстве. Жизнь арестованных снова в опасности, и ответственность за это ложится на дипломатический корпус.

Вновь комиссары-иностранцы играют в Сибири на руку реакции, спасая маленькую группу своих ставленников.

Народ недоволен ролью Совета верховных комиссаров в мирных переговорах и возлагает вину за бегство на главных преступников: Совет верховных комиссаров.

Мы нижеподписавшиеся протестуем против поддержки бегства приспешников Колчака и требуем от Совета верховных комиссаров мер по возвращению арестованных.

В противном случае мы оставляем за собой полную свободу действий, так как не имеем гарантии, что министры адмирала Колчака и он сам не пользуются поддержкой Совета верховных комиссаров.

(Подписи)

Член Сибирского учредительного комитета В. Владыкин

Член региональной сибирской Думы: неразборчиво».

** В статье «Ревю де Пари» февраль (? – Примеч. автора) 1921 г. один русский офицер, принадлежавший к окружению адмирала, объясняет уничтожение заложников представителями правительства и семеновцами мстостью за казнь адмирала. К сожалению, это не может быть правдой: адмирал погиб через месяц после расправы с арестованными коменданта Иркутска.

Грант*. Они бросили их в воду, а одежду поделили между собой, солдаты тоже принимали в дележке участие**.

* Читатель уже встречал это имя в предыдущей главе.

** Вот достойный доверия рассказ об убийстве: «Штабс-капитан Черепанов сообщает следующее: военные власти арестовали 31 человека (среди них одну женщину и одного старика), видных политических деятелей партии социалистов-революционеров, а также членов Учредительного собрания. Оставляя Иркутск, чтобы присоединиться к отряду семеновцев под командованием Скипетрова на Байкале, генерал Сычев, бывший военный комендант Иркутска, забрал их с собой.

5 января во второй половине дня на пароходе "Кругобайкалец" они были увезены из Лиственничного на пароход "Ангара", который стоял на станции Байкал. Их сопровождал отряд, передавший заложников командующему гарнизоном станции Байкал Годлевскому, который принял их по счету на пристани вместо генерала Скипетрова. Капитан Черепанов на станции Патроне получил телефонограмму с требованием передать заложников союзническим войскам. О ней доложили генералу Сычеву и генералу Артемьеву, бывшему военному губернатору Восточной Сибири, который в это время там находился. Сычев сначала ответил: пусть делают, как хотят. Артемьев приказал Черепанову уйти.

Черепанов попытался, как говорит он сам, связаться с отрядом японцев в Лиственничном, но они его не поняли. Он передал Годлевскому телефонограммы, полученные из Иркутска, относительно отправки заложников к союзникам. Годлевский ответил, что сам знает, что надо делать.

Сообщение о телефонограммах было передано и начальнику главного штаба Скипетрова — полковнику Веденяпину, который прибыл к ним вечером. Веденяпин сказал, что они будут отправлены в Читу и закончил разговор, отказавшись везти их к Скипетрову. Скипетров со своей стороны сообщил, что получил на станции Байкал письмо на французском языке от верховных комиссаров, где говорится, что жизнь заложников — гарантия благополучного прибытия адмирала. Речь идет о 7 или 8 января, дата не точна.

Заложников отправили на борт "Ангары" 5-го, их кое-как разместили в каютах 3-го класса, выходящих на машинное отделение. Годлевский отказался заниматься едой для арестованных и кормил их Черепанов. "Ангара" отплыла от Байкала вечером, около 18, и направилась к Лиственничному.

Капитан Годлевский поставил солдата из своего отряда в качестве часового у дверей заложников. Там уже находились полковник Сипайлов, капитан Грант и несколько человек из подразделения Скипетрова. Судя по всему, до этого имело место совещание, в котором участвовали еще полковник Рахманинов, заместитель начальника главного штаба Скипетрова. Из каюты стали выводить по одному заложников, раздевать их, забирать деньги и ценные предметы, после чего они подписывали обязательство в три дня покинуть территорию России. Кто-то из арестованных говорил: "Вы нас обманываете, мы знаем". Раздевая, им говорили, что выдадут тюремную одежду.

Люди остались в рубашках и кальсонах. Кто-то испытал на себе действие кулаков Сипайло и казаков, которые были с ним. Затем по одному их стали выводить на палубу, их сопровождали по очереди Годлевский, Сипайлов, Грант или солдат. Заложника подводили к борту, Сипайлов или другие приказывали подойти к нему и наклонить голову. Казак ударял два-три раза дубиной, и с разбитым черепом человека бросали за борт. Из ожидавших своей очереди возмутился только один. Несколько других спросили: "За что?".

В Лиственничном была сделана короткая остановка, которая прервала операцию, но она сразу же возобновилась по отплытию. Женщина была последней. Ей было лет 28, очень бледная. Ей дали теплые кальсоны. Человек перед ней был единственным,

9. Отказ чехов

Во время этих событий адмирал подъезжал к Иркутску. Не было сомнений, что чехи могли бы его спасти, если бы захотели.

Генерал Сыровый написал в депеше атаману Семенову: «Нет силы, какая помешала бы чехам добраться до Владивостока, чтобы затем отправиться на родину!» Но отказываясь исполнять пожелания повстанцев, сколько забастовок, саботажа и кровавых расправ вызвали чехи на свою голову, медленно продвигаясь в 260 эшелонах на восток! Были схватки на станциях, были крушения поездов, было возвращение пешком к Байкалу тех, кто мог идти пешком. Вот уже два дня бастовали шахтеры в Черемхово, и, как всегда, к ним присоединились железнодорожники. Две дивизии, размещенные на протяжении 1400 верст, понесут большие потери. Сколько еще убитых прибавится к длинному списку сибирских утрат?..

Верховные комиссары? Но у них множество распоряжений и куда более весомых: от президента Масарика, от местных комитетов, которые все в наилучших отношениях с повстанцами и в оппозиции к правительству адмирала. Глава их политики доктор [Й.] Благош разве не подписал только что с Политическим центром договор, по которому чехи обязаны беспрекословно передать ему верховного главнокомандующего?

Не сложно было отдавать приказания чешской армии, трудно было быть уверенным в исполнении. Падение Омского правительства разрушило сотрудничество союзных армий. Армии стали национальными, и каждая, боясь остаться в Сибири, отныне прилагала все усилия, чтобы на свой страх и риск убежать отсюда, не беря в расчет соседей. Сначала адмирал, потом социалисты-революционеры пригрозили чехам разрушением тонкого механизма Транссиба. Угроза

кто доставил трудности: он побежал, за ним побежали двое штатских и казак, схватили и выбросили за борт. Он уцепился за что-то рукой, но его лишили поддержки, он со стоном упал в воду, побарахтался и пошел ко дну.

На секунду работники обеспокоились, что их заметят с "Кругобайкальца", который проплывал неподалеку. Когда все было кончено, они, похоже, удивились, как быстро справились, спустились вниз, на столе в каюте лежали часы, портсигары и проч. Казак получил от Скипетрова часы. Остальным он тоже пообещал денежное вознаграждение и часы. Каждый брал то, что ему понравилось, офицеры первыми: Сипайло и Грант – сувениры, Годлевский – женскую шубу и т. д. Остальное передали интенданту отряда Скипетрова. Пятна и следы крови на палубе замыли казаки, но 5-го они еще были видны.

Скипетров и начальник штаба, арестованные чехами, показали на допросе 14-го полное неведение относительно заложников. Скипетров сказал, сославшись на начальника штаба, что их не могут найти. Тем не менее признался, что находился на пароходе "Ангара" одновременно с ними, «не зная, что они там находятся».

могла бы осуществиться, не останови чехи два вагона с динамитом Скипетрова.

И только одно-единственное желание вернуться на родину спасало чехов от развала дисциплины, которую подрывал большевизм, распространяемый в их рядах, и работа – часто губительная – их национальных комитетов (схожих с русскими боевыми комитетами). Они были братьями: братья офицеры и просто братья. Как принудить трудно управляемую армию в 50 000 человек, действующую лишь в тех целях, которые она одобряет, пойти на неисчислимые жертвы ради иностранца, чью власть они обеспечивали против своей воли, не одобряя ее, и чей последний приказ был неприкрытым вызовом как их командирам, так и им самим?

В ноябре 1918 г. кто-то уговорил их поддержать Уфу, и офицеры адмирала арестовывали их чуть ли не в строю, а потом казнили³³⁷. Сейчас у них был приказ, обязывающий их к бездействию, так что они с полным правом могли сказать: «Никакого вмешательства в дела иностранцев – русских!».

Оставался, конечно, вопрос чести. Этот человек, пусть против их воли, но был помещен под их охрану: без их поездов он был обречен, могли ли они бросить этого человека? Японский кодекс чести «бусидо» говорит так: «Охотник не убивает птицу, укрывшуюся в складках его плаща». Но бедные парни-демократы не были идалго, подчиненными вековым традициям. Чтобы подчинить толпу – любую – кодексу чести, напитать ее высшими идеями, нужна элита, которая создается веками, и нужно послушание этой элите. Идейные вдохновители чехов приложили все силы, чтобы избавить их от послушания. Да и откуда у чехов могло взяться больше рыцарства, чем у соотечественников несчастного главы государства, которые на протяжении двух лет старались отсидеться в своих углах, а при приближении катастрофы единодушно его бросили?

Генерал Сыровый, давно уже действовавший в полном согласии с чешскими политиками, говорил, что он бы поостерегся отдавать чешским солдатам приказы, которые они точно не стали бы выполнять. И он их не отдавал. «Решения» верховных комиссаров были всего лишь «пожеланиями». Генерал Сыровый выразил это так: «Чехословаки получили от своего правительства приказ не вмешиваться в дела Сибири. Как следствие, они не имели права из-за Колчака завязывать бои и рисковать судьбой всей армии...»

Адмирал Колчак и его правительство существовали только благодаря вынужденному присутствию чехословаков в Сибири и благодаря их охране Транссибирской железной дороги... Несмотря на это, адмирал Колчак совершил против чехословаков преступление, отдав приказ атаману Семенову мешать всеми средствами их эвакуации на

восток. Чехословацкая армия знала об этом, войска считали адмирала Колчака своим врагом, виновным в препятствовании их эвакуации, решенной союзниками. *Поддержание порядка в армии, а также причины, указанные выше, вынуждают нас снять с себя долг охраны.*

Несмотря на все изложенное выше, несмотря на трудности и опасности, угрожающие нашей эвакуации, мы охраняли Колчака дольше, чем было в наших силах».

10. Конец адмирала

Позже говорили, что генерал Сыровый мог бы ответить иначе на приказ представителей союзников, а не умыть руки, как Пилат, что, если бы он захотел, солдаты его бы послушались и довезли бы Колчака до Забайкалья. К несчастью, те, кто говорит об этом прекрасном исходе (и впрямь ничего не могло бы быть лучше), находились в тот момент в Европе или, что еще хуже, в Харбине и Владивостоке. А в Иркутске было то, что было. Там была полная путаница властей и исполнителей, а корни этой путаницы находились в заморских доктринах и интересах. Не будем искать виноватых и будем помнить – а в данном случае, это яснее, чем когда-либо, что порой грубая логика фактов, которую мы называем фатумом, руководит событиями. Разве мы не видим тени правительства в Уфе и заложников Иркутска вокруг вагона, который сопровождали бесстрастные чехи?³³⁸

И разве чехи были не единственными людьми в Сибири, позволяющими себе иногда обольщаться великолепной химерой чести в печальные времена, в которые управляли не столько воины, сколько политики? Их принудили присутствовать, стоя с винтовкой у ноги, при таком количестве убийств, пройти, не дрогнув, через столько государственных переворотов, что было бы странно упрекать их в том, что они не пожертвовали жизнью одних и возвращением на родину других для того, чтобы спасти иностранца, который оскорблял их, хотел им зла и которого бросили все свои?

Адмирал прибыл 13 января в Черемхово, где его выдачи требовали шахтеры. Чех, комендант эшелона, не желая отдавать его на растерзание толпы, пообещал сдать его в Политический центр в Иркутске. С адмиралом было еще около 50 человек, в том числе министр [В. Н.] Пепеляев³³⁹, генералы [М. И.] Занкевич³⁴⁰ и Мартынов³⁴¹, господа [М. Э.] Ячевский³⁴², [В. Г.] Жуковский³⁴³ и др. По прибытии в Иркутск все они были предупреждены чехами, что социалисты-революционеры станут хозяевами вагона в 7 часов вечера. Вокзал был оцеплен. Поезд, который привез адмирала, находился среди путей, забытых поездами, – с одной стороны 15 поездов, с другой 10. Русские офицеры, надев чешскую форму или сняв знаки раз-

личия, выходили из вагона и пробирались под соседними вагонами. Солдаты-чехи проводили их дальше, держа под руку. Они говорили, что адмирал мог бы, если бы хотел, спастись точно так же, но он отказался от предложения. Я в это верю. Верховный главнокомандующий не желал унижаться.

Чехи себя вели безучастно. Дипломат Благош выдал адмирала, солдаты его оставили. Повстанцы вошли в вагон и нашли там адмирала, военного министра и еще человек десять³⁴⁴. Увели всех. Их расстреляли в ночь на 7 февраля 1920 г. при приближении отряда Каппеля*.

* Существует еще одна версия, касающаяся японских войск, которые, якобы отказались спасти адмирала и золото его правительства. Роль японцев была следующая.

Полковник Фукуда, глава японской военной миссии в Иркутске, в момент выдачи адмирала располагал одним батальоном, посланным генералом Сузуки, чтобы увести штатских и военных японцев в японскую зону. Решение верховных комиссаров увести адмирала Колчака и правительственное золото во Владивосток было единодушным, среди них были и чехи, и японцы. Было бы странно, если бы маленький японский отряд взял на себя ответственность за транспортировку адмирала и золота по местности, которую не контролировали японцы и где он был бы обречен в одиночку сражаться с восставшими. Если бы чехи отказались увести адмирала и золото и постарались убедить японцев увести его, то это говорило бы о том, что они опасаются помешать продвижению своего эшелона, имея под охраной Колчака. И они, с еще большим правом оставили без помощи японский эшелон, который транспортировал бы адмирала, в случае столкновения его с революционно настроенными железнодорожниками. Японцы соглашались увести адмирала и золото, начиная от Верхнеудинска и даже от Низовой, если чехи доведут его до этой станции. Начиная от Низовой, японские войска полностью управляли железной дорогой.

«Когда адмирал Колчак был передан инсургентам, – сказал полковник Фукуда, – я нашел генерала Сыровый и предложил ему, что возьму на себя перевозку адмирала даже в этот момент (15 января), если чехи вызволят его из тюрьмы. (Я не мог подставлять наш маленький отряд уличным боям.) Генерал Сыровый отказался, сказав, что запоздалая любезность не избавит его войска от расправы шахтеров и железнодорожников, чего он хотел бы избежать, передав адмирала «суду русского народа».

Что касается золота, которое верховные комиссары также доверили чешским войскам, то генерал Сыровый предложил его охрану полковнику Фукуда, от чего он отказался. Командующий чешской армией отцепил вагоны с золотом от своего эшелона и подписал с Политическим центром соглашение, согласно которому повстанцы будут способствовать эвакуации чехов, тогда как вагоны с золотом отойдут «правительству Иркутска» в момент отправки последнего чешского эшелона. Вагоны с золотом охранялись совместно русскими и чехами до отъезда чехов.

Полковнику Фукуда, который попросил власти Сибирской республики дать гарантию, что адмиралу будет сохранена жизнь, ответили: «Мы не можем повлиять на решение суда, но до приговора его жизнь для нас священна».

КОММЕНТАРИИ

- ¹ *Монтень Мишель, де* (1533–1592) – французский писатель и философ-гуманист эпохи Возрождения, оказавший большое влияние на мировую литературу. Наиболее известна его книга «Опыты» (первое издание 1580 г.), в предисловии к которой он писал: «Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предупреждает тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи. Назначение этой книги – доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям... Я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо иного, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь, как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике». Вероятно, автор предисловия к первому изданию книги Л. Грондейса отсылкой к Монтеню подчеркивал искренность и правдивость его воспоминаний (*Монтень М. Опыты*: В 3 кн. Кн. 1–2. 2-е изд. М., 1979. С. 7).
- ² Речь идет о философском научном журнале *Algemeen Nederlands tijdschrift voor wijsbegeerte en psychologie* («Центральный философский голландский журнал»), издававшемся с 1907 г. в городе Харлем (Нидерланды). В наши дни журнал издается в Неймегене. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nl.aup.nl/nl/tijdschriften/algemeen-nederlands-tijdschrift-voor-wijsbegeerte.html> (дата обращения: 09.04.2018).
- ³ Речь идет о Добровольческой армии, сформированной в конце 1917 г. на Дону. 30 октября (12 ноября) 1917 г. генерал от инфантерии М. В. Алексеев отдал приказ о переброске уже существовавшей Алексеевской организации в Новочеркасск. После его прибытия 2 (15) ноября в донскую столицу (этот день позднее стал считаться днем основания Добровольческой армии и днем возникновения Белого движения) с согласия донского атамана генерала от кавалерии А. М. Каледина Алексеев обратился с призывом ко всем офицерам и юнкерам ехать на Дон для организации борьбы с большевиками. 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.), был отдан секретный приказ о вступлении в командование всеми силами организации генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова (в руках генерала Алексева осталась политическая и финансовая часть); тогда же была официально открыта запись в нее. 26 декабря (8 января) Алексеевская организация была переименована в Добровольческую армию. Среди первых добровольцев было много офицеров, приехавших на Дон для борьбы с советской властью, военной учащейся молодежи (прибывшей из кадетских и юнкерских училищ) и гимназистов старших классов, а также казаков. К концу Первого Кубанского похода состав армии примерно в равной степени составляли офицерство и казачество. Подробнее о составе Доброй армии в этот период см.: *Гагкуев Р. Г. Белое*

движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 115–132.

- 4 Автор первого предисловия к книге – *Жорж Морис Палеолог* (1859–1944) – французский политик, дипломат. В январе 1914 – июле 1917 г. – посол Франции в России.
- 5 В данном случае слово «самурай» обозначает «бесстрашного воина» и «благородного героя», каким был в представлении автора предисловия Л. Грондейс.
- 6 Подобная характеристика Л. Грондейса во Франции связана с его позицией, впервые высказанной им еще в 1918 г. после возвращения из России. Оказавшись ранее в рядах Добровольческой армии, он характеризовал белых как защитников национальной России, союзной странам Антанты.
Термин «Белое движение» появился в советской России. Его происхождение связано со ставшим традиционным к началу XX в. использованием красного и белого цветов в политических целях. Еще во времена Великой французской революции монархисты (противники революционных изменений) использовали белый цвет (королевский цвет французской династии) для обозначения своей позиции. В России термин «белые» как обозначение сторонников антиреволюционных сил был впервые использован во время октябрьских боев в Москве. Отряд московской учащейся молодежи, выступивший против большевиков, надел нарукавные опознавательные повязки белого цвета, получив название «белая гвардия», в противовес большевистской Красной гвардии. В дальнейшем «белые» представляли перед массами в агитации именно как монархисты, хотя число последних в их рядах было сравнительно невелико. В РСФСР, а позднее и в СССР воевавших в белых армиях называли белогвардейцами. С 1920-х гг. термин «Белое движение» стал употребляться в русской эмиграции.
- 7 Черносотенец – в данном случае собирательное название члена крайне правых монархических партий в России. Вероятно, попытки причислить Грондейса к «черносотенцам» связаны с тем вниманием, которое он уделял роли и значению евреев – членов российских революционных партий – в Великой российской революции и Гражданской войне.
- 8 Высший орган управления действующей армией и флотом и место пребывания верховного главнокомандующего в годы Первой мировой войны (1914–1918); с начала войны располагалась в Барановичах, с августа 1915 г. – в Могилеве.
- 9 Кавказская туземная конная дивизия (более известна как «Дикая дивизия») – сформирована на основании высочайшего указа 23 августа 1914 г.; на 90 % состояла из добровольцев-мусульман, уроженцев Северного Кавказа и Закавказья, по законодательству Российской империи не подлежавших, как и все туземные жители Кавказа, призыву на военную службу (служба заменялась денежным налогом, что воспринималось местным населением как привилегия). Дивизия включала в себя шесть полков четырехсотенного состава: Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский (из жителей Азербайджана), Черкесский и Ингушский. Начальником дивизии был назначен великий князь Михаил Александрович, родной брат императора Николая II.
- 10 Гасконь – историческая область, находящаяся в юго-западной части Франции. Вероятно, автор подразумевает непростую судьбу Гаскони, входившую в состав разных государств. В 872 г. она фактически отделилась от Франции; в 1058 г. – вошла в Аквитанское государство, в составе которого в 1154–1453 гг. принадлежала Англии, а затем вошла в состав Франции. В 1790 г. в ходе якобинской административной

реформы, упразднившей исторические провинции, Гасконь вошла в состав департамента Нижние Пиренеи (ныне Атлантические Пиренеи).

- 11 Автора высказывания («одного из участников похода») установить не удалось.
- 12 Для большинства иностранцев начала XX в. Россия продолжала оставаться огромной, малопонятной и непредсказуемой северной страной, расположенной где-то на бескрайних просторах между Европой и Китаем. Неслучайно ее негласным символом для стран Запада стал медведь – сильное и непредсказуемое животное.
- 13 Речь идет о Рапальском договоре между РСФСР и Германией, заключенном 16 апреля 1922 г. во время Генуэзской конференции в городе Рапалло (Италия). Заключение договора ознаменовало собой прорыв международной дипломатической изоляции Советской России; он предусматривал восстановление полноценных дипломатических отношений между РСФСР и Германией и отказ сторон от претензий на возмещение военных расходов и других убытков.
- 14 Автор второго предисловия к книге – *Эмиль Оман* (1859–1942) – французский филолог, литературовед и историк-русист. В 1902 г. создал кафедру русского языка и литературы в Сорбонне; в 1905–1918 гг. занимался современной ему историей России, доведя свое исследование «История России с момента ее возникновения до наших дней» до событий 1918 г.
- 15 Автор использует в качестве цитаты отрывок из книги *Филипп-Поля де Сегюра* (1780–1873) – французского бригадного генерала эпохи Наполеона, автора воспоминаний «История Наполеона и Великой армии в 1812 г.» (вышедшая в 1824 г. книга выдержала много переизданий), которые использовал Л. Н. Толстой при описании Бородинского сражения в «Войне и мире».
- 16 Вероятно, речь идет о генерале *Курте Мантойфеле* (1853–1922), призванном в 1914 г. с началом Первой мировой войны из отставки и до конца декабря 1914 г. занимавшего должность начальника штаба армии.
- 17 Речь идет об осаде и взятии в августе 1914 г. германской 1-й армией бельгийского города Лёвена (Лувена), получившего впоследствии печальную известность за большие разрушения, произведенные немцами в ответ на сопротивление жителей после занятия города.
- 18 Речь идет об осаде в сентябре–октябре 1914 г. и взятии германскими войсками бельгийского города Антверпена (фр. название Анвер) в начале Первой мировой войны.
- 19 Речь идет о верховном главнокомандующем русской армии в 1914 – августе 1915 г. великом князе Николае Николаевиче (младшем).
- 20 Великое отступление – стратегическое отступление русской армии из Галиции и Привисленского края летом–осенью 1915 г., ставившее своей целью сохранение сил и выигрыш времени, необходимого для подготовки резервов и налаживания снабжения оружием и боеприпасами. На протяжении лета 1915 г. русские войска оставили Галицию, Литву и Польшу. Несмотря на утрату огромной территории, германский стратегический план разгрома русской армии не был достигнут.
- 21 Во время Великого отступления 1915 г. казаки нередко использовались на фронте как «ездящая пехота», с помощью которой закрывались бреши в обороне (использование казаков в окопах резко снижало их боеспособность). В это время из казаков было сформировано 11 партизанских отрядов (всего 1700 человек). В их задачи входило разрушение железнодорожных линий и складов, захват обозов, диверсии и саботаж, что приводило к панике во вражеском тылу. Сравнительно невысокая поддержка казаков-партизан населением западных губерний России не позволила

достигнуть партизанскому движению размаха, аналогичного Отечественной войне 1812 г. Несмотря на это в 1916 г. на фронтах действовали уже 53 партизанских отряда (сформированных в основном из казаков); расформирование отрядов произошло весной 1917 г.

22 Строки из молитвы животворящему кресту.

23 Вёдро – ясная солнечная (тихая) погода.

24 Великая армия – название вооруженных сил Франции в 1805–1807 и 1812–1814 гг.

25 Ныне село Старый Чарторыйск.

26 Из воспоминаний генерала А. И. Деникина, командовавшего в это время 4-й стрелковой бригадой: «Между Юго-Западным и Западным фронтами, образовался промежуток в 60 км, наблюдаемый только спешенной кавалерией. Правда, это была лесисто-болотистая линия Полесья, которая, однако, вовсе не была непроходимой. Германцы все более подвигались к северу, заняли Чарторыйск и все время угрожали охватом правому флангу нашей армии и прорывали связи ее с Западным фронтом. Поэтому генерал Брусилов решил вторично коротким ударом правого крыла (30-й, 40-й и конный корпуса) исправить фронт, выйдя снова на реку Стырь. Началась Чарторыйская операция, которая составляет одну из славнейших страниц истории “железной” дивизии. “На 4-ю стр. дивизию, – писал Брусилов, – возложена была самая тяжелая задача – взять Чарторыйск и разбить германскую дивизию”. В ночь на 16 октября дивизия развернулась против Чарторыйска и Новоселок, в следующую ночь переправилась через Стырь и в течение двух дней разбила, потопила и пленила австро-германцев на фронте в 18 км» (*Деникин А. И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы / сост. Л. Ю. Тремсиной; предисл. и коммент. Ю. А. Трамбицкого. М., 2006. С. 331*).

27 4-я стрелковая бригада стала одной из наиболее отличившихся во время войны с Турцией частей Русской армии: 13-й, 14-й, 15-й и 16-й стрелковые батальоны бригады приняли участие в наиболее трудных операциях, потребовавших от них полного напряжения физических и моральных сил. Среди дел стрелков – переправа через Дунай у Зимницы, Забалканский поход Передового отряда генерала И. В. Гурко, выручка Шипки и др. В боях с превосходящими силами турецкой армии, в суровых природных условиях стрелки проявляли высокие боевые качества, за что получили неофициальное звание железной бригады, или железных стрелков. В годы Первой мировой войны, в 1914–1916 гг. 4-й стрелковой «железной» бригадой (с августа 1915 г. дивизией) командовал генерал А. И. Деникин, неизменно высоко отзывавшийся о боевых качествах стрелков. «Судьба свела меня с “железной” бригадой, – вспоминал впоследствии Деникин. – В течение двух лет шла она со мной по полям кровавых сражений, вписав немало славных страниц в летопись Великой войны (название Первой мировой войны в Российской империи. – *Примеч. сост.*). ...Положение бригады (дивизии) в 8-й армии было совершенно особое. “Железным стрелкам” почти не приходилось принимать участия в позиционном стоянии, временами длительном и скучном. Обычно, после кровопролитного боя, бригада выводилась [генералом А. А.] Брусиловым в “резерв командующего армией” для того лишь, чтобы через два-три дня опять быть брошенной на чью-либо вырубку в самое пекло боя, в прорыв или в хаос отступающих частей. Мы несли часто большие потери и переменили таким порядком четырнадцать корпусов. И я с гордостью отмечаю, что “железная” дивизия заслужила почетное звание “пожарной команды” 8-й армии» (*Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 300–301*).

28 Вероятно, речь идет о прапорщике (в 1917 г. поручике) 16-го стрелкового полка Иване Севастьянове.

²⁹ В своих воспоминаниях Л. Грондейс приводит очередное свидетельство о больших потерях среди кадрового офицерства в первые годы мировой войны. Генерал-майор В. В. Чернавин, один из первых занявшийся изучением проблемы потерь командного состава русской армии в годы Первой мировой войны, писал: «Наши пехотные полки потеряли за мировую войну по несколько комплектов командных составов. Насколько могут судить по имеющимся у меня данным, лишь в немногих полках потери офицерского состава убитыми и ранеными спускаются до 300 %, обыкновенно же достигают 400–500 % и более» (*Чернавин В. В. К вопросу об офицерском составе старой Русской армии к концу ее существования // Военный сборник. Кн. 5. Белград, 1924. С. 213*). Военный ученый генерал-лейтенант Н. Н. Головин в работе «Военные усилия России в мировой войне» (1939) заключал: «В Кампании 1914 и 1915 гг. большая часть нашего кадрового офицерства была перебита. К весне 1915 г. кадрового офицерского состава оставалось в пехоте от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$; батальонные командиры и большая часть ротных командиров – кадровые офицеры, но все младшие офицеры – офицеры военного времени. К осени того же года (1915) в пехотных полках остается всего от 10 до 20 % кадрового офицерского состава. Уже не все батальонные командиры из кадровых; значительное же большинство ротных командиров – офицеры “военного времени”. Профессиональная подготовка “офицеров военного времени” много ниже той, которой обладали замененные ими кадровые офицеры» (*Головин Н. Н. Военные усилия России и Мировой войне / закл. ст. И. В. Образцова. Жуковский; М., 2001. С. 146*). Историк С. В. Волков на основе произведенных подсчетов утверждает, что «масса потерь не распределялась пропорционально между кадровыми и произведенными за войну офицерами; основная ее часть приходится как раз на первых: из 73 тыс. боевых потерь 45,1 тыс. падает на 1914–1915 гг., тогда как на 1916 г. – 19,4 и на 1917 г. – 8,5. То есть едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже за первый год войны. Понятно, что к 1917 г. это были уже совсем другие офицеры, чем их себе обычно представляют. К концу войны во многих пехотных полках имелось всего по 1–2 кадровых офицера, в других в лучшем случае ими было обеспечено батальонное звено, в среднем приходилось по 2–4 кадровых офицера на полк» (*Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 11*). Рязанский исследователь И. Н. Гребенкин считает «само по себе это утверждение... преувеличением, поскольку, как известно, офицеры военного времени на главе батальонов так и не стали всеобщим явлением, подразумевает же оно, вероятно, то, что в составе полков оставалось по 1–2 кадровых офицера, служивших там еще до войны». По его словам, справедливым такое утверждение «можно считать в отношении кадровых обер-офицеров пехоты, выступивших на фронт в качестве младших офицеров и командиров рот. Для других родов войск и категорий командного состава потери не были столь велики. И на втором, и на третьем году войны во главе армии находился и продолжал определять ее лицо прежний кадровый генералитет и штаб-офицерский корпус, командовавший соединениями и частями, работавший в штабах, различных службах и учреждениях, преподававших в военных учебных заведениях» (*Гребенкин И. Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 97, 101*).

³⁰ «Записки о Галльской войне» – сочинение Гая Юлия Цезаря, в котором он описал свое завоевание Галлии в 58–50 гг. до н. э.

³¹ Офицер резерва (*нем.*).

³² Снискание расположения (*лат.*).

³³ Имеется в виду 1-я дивизия 1-й гренадерского полка «Кронпринца» (1-й Восточно-Прусский гренадерский полк), входивший в 1-ю дивизию 1-го армейского корпуса (Кёнигсберг).

³⁴ «Нет, нет!» (*нем.*).

³⁵ Вероятно, автора удивили пленные однофамильцы (возможно, родственники) немецкого генерал-фельдмаршала Карла Вильгельма Пауля фон Бюлова (1846–1921); сыновья Бюлова в годы Первой мировой войны служили в армии, один из них

Буссо фон Бюлов (1886–1915) погиб, другой – Вико фон Бюлов (1891–1970) – в плену не был.

³⁶ Речь идет о военнопленных разных национальностей, входивших на то время в состав единой Австро-Венгерской империи; взятие в плен означало для них не только конец войны, но и прощание с еще существовавшей на тот момент Австро-Венгрией. Большинство из них вернулось из плена в уже образовавшиеся после распада империи в 1918 г. национальные государства.

³⁷ В строю, плечом к плечу (*нем.*).

³⁸ Отчислен в резерв в октябре 1915 г., по распоряжению генерала А. А. Брусилова.

³⁹ Еврейские земледельческие колонии в Российской империи начали создаваться с начала XIX в. Указ 1804 г. разрешил евреям приобретать землю для создания земледельческих колоний. Переходившие в крестьянское сословие евреи, как и другие колонисты, получали временные налоговые льготы и субсидии, а также освобождались от рекрутской повинности. Приобщение евреев к земледелию, по мнению властей, помимо освоения незаселенных земель, «могло стать удачным решением “еврейского вопроса”, проблемность которого заключалась в преобладании среди этой группы населения непроизводительного труда. Занимаясь под контролем государства сельским хозяйством, иудеи могли стать “полезными подданными” и изменили бы привычный образ жизни, который у чиновников вызывал неизменно отрицательные ассоциации (ростовщичество, спаивание христиан, торгашество и т. д.)» (подробнее см.: *Соболевская О. А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века. Гродно. 2012. С. 135*). Поощрение земледелия среди евреев было свернуто при императоре Александре II в 1866 г. указом, вводившим запрет на покупку евреями земли. «Временные правила» 1882 г. вводили также запрет на покупку и аренду евреями-колонистами земель после истечения первоначального арендного срока на землю. Тем не менее к началу XX в. около 20–25 % жителей еврейских колоний по-прежнему занимались сельским хозяйством.

⁴⁰ «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Евангелие от Матфея (Матф. 18:3).

⁴¹ Автор ошибся, приводя номер корпуса; генерал от кавалерии Н. Ф. фон Крузенштерн с 1910 по осень 1916 г. командовал 18-м армейским корпусом.

⁴² Автор ошибся; начальником штаба 18-го армейского корпуса в это время был генерал-майор граф С. Н. Каменский. Полковник Ф. И. Ростовцев в 1915–1916 гг. был штаб-офицером для поручений при командующем 11-й армией, в состав которой некоторое время входил 18-й армейский корпус.

⁴³ Речь идет о Галицийском (Галицко-Буковинском) генерал-губернаторстве, созданном Россией в качестве временной административно-территориальной единицы, управляющей занятой русскими войсками территории Австро-Венгрии.

⁴⁴ Ксёндз (*польск.*) – польский католический священнослужитель.

⁴⁵ Командир 2-й бригады 23-й пехотной дивизии; с июля 1915 г. командующий (затем начальник) дивизии.

⁴⁶ Автор ошибается либо в номере полка (91-й номер имел пехотный Двинский полк), либо в его названии (пехотный Беломорский полк имел 89-й номер).

⁴⁷ Ныне Настасов – село в Тернопольском районе Тернопольской области Украины.

⁴⁸ Ныне деревня Богатковичи находится в Золотниковском районе Тернопольской области Украины.

⁴⁹ Фраза Родиона Раскольникова, главного героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

⁵⁰ «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (нем. «Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister») – работа немецкого философа Фридриха Ницше, ставшая переломной в переходе от идеализма к реализму. «Не умеренная натура Вольтера, склонная к упорядочению, устройению, реформе, а страстные безумия и полуобманы Руссо пробудили оптимистический дух революции... К сожалению, из исторического опыта известно, что всякий такой переворот снова воскрешает самые дикие энергии – давно погребенные ужасы и необузданности отдаленнейших эпох; что, следовательно, переворот хотя и может быть источником силы в ослабевшем человечестве, но никогда не бывает гармонизатором, строителем, художником, завершителем человеческой природы» (пер. по изд.: Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 464–465).

⁵¹ Речь идет о подготовке германских войск к Битве на Сомме (1 июля – 18 ноября 1916 г.) – одного из крупнейших сражений на западном театре Первой мировой войны между британско-французскими силами и германской армией; с обеих стороны было убито и ранено около 1 млн человек; результатом сражения стал полный переход стратегической инициативы к странам Антанты.

⁵² Речь идет о Битве при Вердене – боевых действиях германских и французских войск во время Первой мировой войны на Западном фронте, продолжавшихся с 21 февраля по 18 декабря 1916 г. «Верденская мясорубка» – стало одним из крупнейших и наиболее кровопролитных сражений за всю Первую мировую войну; его результатом явилось отражение французскими войсками широкомасштабного наступления германской армии.

⁵³ Речь идет об Аргонском лесе, расположенном на высоких холмах на северо-востоке Франции (поблизости от границы с Бельгией); осенью–зимой 1914, летом 1915 и осенью 1918 г. в Аргонском лесу происходили ожесточенные бои между германскими и союзными войсками.

⁵⁴ Французское название реки Маас; речь идет о роли генерал Кастельно в исходе Битвы при Вердене.

⁵⁵ Пуалю (*фр.*) – букв. лохматый, волосатый. «Лохматики», «волосатики» – прозвище французских солдат в Первую мировую войну, находившихся на передовой; прозвище также восходит к более древнему значению этого слова – «храбрец».

⁵⁶ Автор подразумевает решения высшего союзного руководства по условиям мира с Германией по завершении войны; в 1919 г. большую роль в выработке условий чрезвычайно тяжелого для Германии мирного договора играл «Совет десяти», в состав которого входили главы правительств и министры иностранных дел Великобритании, Франции, США, Италии и Японии.

⁵⁷ Речь идет о французских маршалах эпохи императора Наполеона.

⁵⁸ Речь идет о Доме офицеров Западного военного округа в Санкт-Петербурге.

⁵⁹ Аналогичная отсылка к использованию при написании приказа № 1 в качестве основы документа периода революции 1905–1907 гг. содержится в работе генерал-лейтенанта Н. А. Монкевица. «В 1905 г., когда я возвращался в середине декабря с фронта Маньчжурии... я видел приказ на Красноярском вокзале, подписанный 3-м железнодорожным батальоном, аналогичный приказу Совета. Сравнив эти два документа, я обнаружил, что приказ № 1 Петроградского совета был буквальной копией Красноярского приказа 1905 г. Таким образом, в течение двенадцати лет с момента революции 1905 г. лидеры социалистов не выработали ничего лучшего для реорганизации армии в соответствии с их принципами, и когда пришло время приступить к этому, они поспешно вытащили из своих архивов приказ 1905 г. и опубликовали его» (*Monkevitz N. La décomposition de l'armée russe: mémoires d'un général russe. Paris. 1919. S. 39*). Монкевиц, очевидно, ошибается с номером железнодорожного батальона. В Красноярске в это время располагался 2-й железнодорожный батальон, при участии которого в городе в декабре был образован Объединенный совет от солдат

- и рабочих; 3-й железнодорожный батальон, также принявший активное участие в революционных событиях, дислоцировался в Чите.
- ⁶⁰ Речь идет о знаменитом приказе № 1, изданном 1 марта 1917 г. Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов (опубликован 2 марта в утреннем выпуске «Известий Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов»). Согласно документу войска Петроградского гарнизона переподчинялись Совету и не могли быть выведены из столицы без его согласия (воинские части подчинялись не офицерам, а выборным комитетам и Совету). Солдаты уравнивались в гражданских правах с офицерами, запрещалось грубое обращение с нижними чинами, отменялись традиционные формы армейской субординации. Легализовались солдатские комитеты, вводилась выборность командиров. В армии разрешалось вести политическую деятельность. Предназначенный для войск Петроградского гарнизона приказ был разослан по всем фронтам и стал отправной точкой «демократизации» армии, приведшей к ее разложению. Подробнее о влиянии приказа № 1 на действующую армию см.: *Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. С. 238–242.
- ⁶¹ Вероятно, под «националистической» партией автор подразумевает представителей Конституционно-демократической партии, составивших основу первого состава Временного правительства, а также представителей партии «Союз 17 октября».
- ⁶² Автор подразумевает Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который не был политической партией и состоял, в свою очередь, из представителей разных (в зависимости от этапа революции) социалистических партий.
- ⁶³ Говоря о составе «партии с национальной окраской», Грондейс в данном случае, вероятно, подразумевает в широком смысле сторонников сохранения монархии, которые формально не были объединены в составе какой-либо политической партии.
- ⁶⁴ Великий князь Михаил Александрович не возглавлял ни одной из политических партий. В данном случае автор, вероятно, подразумевает олицетворение им надежд части общества на сохранение монархии в стране. 2 марта 1917 г. в Пскове император Николай II подписал акт отречения от престола за себя и сына Алексея в пользу своего брата Михаила Александровича. Великий князь Михаил Александрович не решился принять престол и 3 марта написал отказ от его принятия, вверив судьбу страны будущему Учредительному собранию.
- ⁶⁵ Речь идет о состоявшейся 3 марта 1917 г. в Петрограде на квартире Путьяниных (улица Миллионная, д. 12) встрече ряда политических и общественных деятелей (включая членов сформированного Временного правительства) с великим князем Михаилом Александровичем. В совещании принимали участие И. В. Годнев, А. И. Гучков, И. Н. Ефремов, М. А. Караулов, А. Ф. Керенский, Вл. Н. Львов, Г. Е. Львов, П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, Н. В. Некрасов, Б. Э. Нольде, В. А. Ржевский, М. В. Рудзянко, М. И. Терещенко, С. И. Шидловский, А. И. Шингарев, В. В. Шулгин. Из участников совещания только Милюков и прибывший позднее на встречу Гучков выступили за принятие Михаилом Александровичем престола.
- ⁶⁶ Слова о «нежелании пролития крови» отсутствовали в подписанном Михаилом Александровичем отказе от престола. По упоминанию ряда лиц, великий князь был уверен, что в случае его вступления на престол неизбежна гражданская война. П. М. Могилянский вспоминал, что 11 марта 1917 г. на завтраке у великого князя Георгия Михайловича Михаил Александрович сказал: «Я очень обязан тем, кто отговорил меня. Ведь в случае моего согласия было бы страшное кровопролитие... Я не хотел быть виновником капли русской крови...» ([цит. по: *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 90].
- ⁶⁷ Автор, вероятно, говорит о многочисленных армейских комитетах, возникших в тылу и действующей армии уже в первые месяцы Великой российской революции. По замечанию исследователя русской армии в 1917 г. С. Н. Базанова, «...в мае за-

вершилось создание системы солдатских организаций, начиная от ротных и кончая фронтовыми. Число солдатских комитетов различных степеней в действующей армии приближалось к 50 000, в них состояло до 300 000 членов. На всех флотах, флотилиях и кораблях также были созданы матросские комитеты. Сложилась система солдатских организаций в тылу. Ее составляли полковые, бригадные, гарнизонные комитеты (солдатские секции местных советов или отдельные советы солдатских депутатов), солдатские секции областных и губернских советов, в ряде мест – военно-окружные комитеты. Состоявшееся 29 марта – 3 апреля в Петрограде Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов определило, что солдатские комитеты являются составной частью системы советов. Так на фронте, как и в тылу, установилось двоевластие» (Базанов С. Н. Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 14).

68 Грондей в данном случае говорит об активной деятельности Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в центре, а также других многочисленных советов, возникших в стране одновременно с формированием Временного правительства, что привело к фактическому двоевластию в стране. Наличие советов, обладавших зачастую большей властью и пользовавшихся авторитетом в массах, вынуждало Временное правительство проводить политику с оглядкой на их позицию по разным вопросам.

69 Грондейс, вероятно, оценивает состав первого Временного правительства, в который вошли политики и общественные деятели, не имевшие опыта государственного управления; из них адвокатом был лишь министр юстиции А. Ф. Керенский.

70 Утверждение неверное, так как большинство министров Временного правительства были членами Конституционно-демократической партии, партии «Союз 17 октября» и Партии прогрессистов. Министр юстиции А. Ф. Керенский, член Трудовой группы, одновременно занимал пост товарища председателя Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Вероятно, под отсутствием «организованной партии» Грондейс подразумевает отсутствие у Временного правительства реальной силы, равной имевшейся у Петроградского совета.

71 Председатель первого и второго состава Временного правительства.

72 До назначения военным министром Гучков был председателем Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, а затем – комиссаром Временного комитета по Военному министерству.

73 Речь идет о п. 4 приказа № 1, фактически выведившем части Петроградского гарнизона из подчинения образовывавшегося Временного правительства: «Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов» (Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Пг., № 3. 2 марта 1917. С. 3). В п. 7 «Декларации Временного правительства о его составе и задачах», опубликованной 3 марта 1917 г., фиксировались «Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении» (Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 8).

74 Назначенный 11 марта, после отставки великого князя Николая Николаевича, временно исполняющий обязанности верховного главнокомандующего (утвержден Временным правительством на этой должности 2 апреля) генерал от инфантерии М. В. Алексеев в своих действиях, в том числе и в кадровой политике, сильно зависел от Временного правительства и решений Гучкова. В своей работе Алексеев действовал осторожно, стремясь прежде всего сохранить кадры Ставки и дееспособный военный аппарат.

75 Приказы и воззвания Временного правительства и военного министра А. И. Гучкова, предназначенные для всей армии, не уточняли распространения действия приказа

№ 1 только на Петроградский военный округ и исходили из уже идущего в армии процесса «демократизации». Так, в подписанном военным министром А. И. Гучковым еще 5 марта 1917 г. приказе № 114 по военному ведомству указывалось: «1) Отменить наименование “нижний чин”; в надлежащих случаях заменять его званием “солдат”. 2) Отменить титулование; заменить таковое формой обращения: г-н генерал, г-н полковник, г-н штаб-ротмистр, г-н хорунжий, г-н врач, г-н чиновник (или по должности, например, г-н казначей), г-н унтер-офицер (или по званию: г-н отделенный) и т. п. 3) При обращении ко всем солдатам как на службе, так и вне ее говорить им “вы”. 4) Отменить все ограничения, установленные для воинских чинов статьями 99, 100, 101, 102 и 140 “Устава внутренней службы”, воспрепятствующие курение на улицах и в общественных местах, посещение клубов и собраний, езду внутри трамваев, участие в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью, и проч. Предлагаю Главному управлению Генерального штаба теперь же приступить к переработке соответствующих статей уставов в соответствии с указаниями настоящего приказа. Предоставляю тому же управлению разъяснить все вопросы и недоразумения, могущие возникнуть при применении настоящего приказа. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и всех воинских строевых и нестроевых командах» (Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. С. 318–319). 22 марта 1917 г. в № 17/63 «Вестника Временного правительства» был опубликован приказ по Военному ведомству № 154 за подписью А. И. Гучкова «О разъяснении приказа от 5 марта 1917 г. за № 114», в котором говорилось: «Воинским чинам предоставлено право свободного посещения, наравне со всеми гражданами, всех общественных мест, театров, собраний, концертов, кинематографов и проч., а также и право проезда по железным дорогам в вагонах всех классов. Однако право свободы посещения этих мест отнюдь не означает права бесплатного пользования ими, как то, по-видимому, понято некоторыми солдатами. Равным образом и проезд в вагонах высших классов с билетом низшего класса должен оплачиваться по установленным железнодорожным правилам. Поэтому приказываю всем начальствующим лицам разъяснить солдатам, что они, будучи верными защитниками и поборниками порядка, обязаны подавать всем гражданам пример самого точного соблюдения законным образом установленных правил и соблюдать интересы как казны, так и общественных учреждений и предприятий и частных лиц» (Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. С. 331–332).

⁷⁶ Секретарь исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в феврале 1917 г., по ряду свидетельств – один из главных авторов и редакторов приказа № 1. 1 марта 1917 г., одновременно с заседанием Исполнительного комитета Петроградского совета, проходило собрание солдат, председателем которого был Н. Д. Соколов. На его настроения сильно влияли слухи о разоружении солдат, а также приказ председателя Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко, отданный 28 февраля 1917 г. войскам Петроградского гарнизона, с призывом к офицерам принять все меры к «водворению порядка». Согласно воспоминаниям меньшевиков Д. О. Заславского и В. А. Канторовича, по предложению меньшевика журналиста С. А. Кливанского был намечен ряд мер в противовес действиям Временного комитета Госдумы. «Для редактирования этих мер и для составления воззвания была избрана комиссия, которая тут же и занялась делами. Руководил комиссией Соколов, но руководства в сущности никакого не было. Воззванию придали внешний вид приказа. Его сочиняли несколько человек по указаниям собрания, где выходили на трибуну никому не известные солдаты, вносили предложения, одно другого радикальнее, и уходили при шумных аплодисментах. Ошибкой было бы искать индивидуального автора этого произведения, получив-

шего историческую известность под именем “приказа № 1”. Его составила солдатская безличная масса, приведенная в крайнее возбуждение» (*Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Т. 1. 1917 г. Февраль–май. Пг., 1924. С. 50–51*).

77 В протоколе заседания Исполкома Петросовета от 6 марта № 43 указывалось: «Ввиду того что приказ № 1 вызвал ряд недоразумений и кривотолков, постановляется издать приказ № 2 по всем гарнизонам, разъясняющий смысл приказа № 1 и подтверждающий основные положения приказа № 1. Приказ этот издать за подписью Исполнительного комитета и военного министра» (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Сб. документов / В. И. Старцев, Б. Д. Гальперина. Т. 1. Л., 1991. С. 152).

78 Занявший в марте 1917 г. пост военного и морского министра А. И. Гучков провел ряд мер, призванных укрепить армию и очистить ее от контрреволюционного элемента, но, наряду с приказом № 1, лишь усугубившими ситуацию на фронте. Уже 6 марта приказом министра № 115 по военному ведомству была создана Особая комиссия по реорганизации армии на демократических началах, главой которой был назначен бывший военный министр генерал от инфантерии А. А. Поливанов. В апреле комиссия выработала Положение о ротных, полковых и армейских комитетах и дисциплинарных судах (в его основу лег проект, разработанный секцией Петросовета), введенное в действующей армии 16 апреля приказом по военному ведомству № 213. В результате начатой в марте–апреле военным министром Гучковым «революционной» чистки армии из нее была удалена большая часть монархически настроенных генералов и офицеров. Было смещено со своих должностей до 60 % высших офицеров, в их числе 4 из 5 главнокомандующих фронтами (на своем месте остался только главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А. А. Брусилов; кроме того, один из командующих флотов – Балтийского, – вице-адмирал А. И. Непенин был убит в ходе революции), 11 из 14 командующих армиями, 35 из 68 командиров корпусов, 75 из 240 начальников дивизий.

79 Речь идет о состоявшемся 7–16 апреля 1917 г. 1-м съезде военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта, одной из задач которого стала подготовка «Положения о солдатских организациях».

80 С 31 марта по 22 мая – главком армиями Западного фронта.

81 Декларация прав солдата – приказ по армии и флоту, подписанный военным и морским министром А. Ф. Керенским 9 мая 1917 г.; документ декларировал предоставление солдатам всех гражданских прав и свобод, а также фиксировал недопустимость оскорблений и телесных наказаний. По оценке А. И. Деникина, Декларация прав «окончательно подорвала все устои старой армии. Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она оправдывала и допускала безвозбранно широкую проповедь... антигосударственных, антиморальных и антиобщественных учений, даже таких, которые по существу отрицали и власть, и само бытие армии. Наконец, она отняла у начальников дисциплинарную власть, передав ее выборным коллегиальным организациям, и лишний раз, в торжественной форме, бросив упрек командному составу, унизила и оскорбила его» (*Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917) / науч. ред., предисл. А. С. Пученкова. М., 2017. С. 356*). В 1917 г., помимо опубликования в приказах и листовках, «Декларация прав выходила отдельным изданием: *Керенский А. Ф. Декларация прав солдата. М., [1917]*.

82 Особая комиссия по реорганизации армии на демократических началах.

83 Речь идет о запасных батальонах гвардейских полков, перешедших в феврале–марте 1917 г. на сторону революции (лейб-гвардии Преображенского, Семеновского,

Измайловского, Кексгольмского, Вольинского и других полков). Запасные гвардейские части Петроградского военного округа сыграли одну из ключевых ролей как в успехе начавшихся в феврале 1917 г. в Петрограде беспорядков, приведших к победе Февральской революции, так и в дальнейшем удержании Временным правительством власти. При мобилизации 18 июля 1914 г. на фронты Первой мировой войны и уходе кадровых гвардейских полков в действующую армию в Петрограде были сформированы их запасные батальоны, главной задачей которых стала подготовка пополнения для действующей армии. Большие потери гвардии на фронте сделали вопросы быстрой и качественной подготовки кадров для основных полков еще более важными. Находившиеся в тылу запасные части, привлекаемые к охране порядка в столице, в первую очередь подвергались воздействию настроений населения и революционной пропаганде, что не столько снижало уровень их боевой готовности, сколько делало политически неблагонадежными. В результате расквартированные в Петрограде запасные батальоны гвардейских полков с началом в феврале 1917 г. революционных беспорядков по мере проявления нерешительности и бессилия властей в городе не только не ликвидировали их, а постепенно втянулись в них, сыграв важную роль в установлении новой власти.

⁸⁴ В наши дни Московский вокзал Санкт-Петербурга.

⁸⁵ Личные впечатления автора не отражают всей картины событий революционного времени в Петрограде и, вероятно, касаются времени второй половины марта – апреля 1917 г. В ходе Февральской революции в городе происходили убийства полицейских и офицеров, погромы полицейских участков, а также грабежи и мародерство, зафиксированные в многочисленных свидетельствах современников.

⁸⁶ Вероятно, автор подразумевает опыт, наработанный государственным аппаратом и органами самоуправления со времени Великих реформ императора Александра II.

⁸⁷ По всей видимости, автор называет так Временный комитет Государственной думы.

⁸⁸ Речь идет о ряде арестованных высших генералах русской армии и флота (уже вышедших в отставку), в числе которых были бывшие военные министры генерал от кавалерии, В. А. Сухомлинов и генерал от инфантерии М. А. Беляев, генерал от кавалерии, бывший командующий 1-й армией граф П. К. фон Ренненкампф, начальник Петербургского охранного отделения генерал-лейтенант А. В. Герасимов, адмирал К. Д. Нилов и многие другие.

⁸⁹ В феврале–марте 1917 г. городские, как оказавшие сопротивление восставшим и олицетворение «старого режима», стали одними из главных жертв революции. В воспоминаниях и фотодокументах зафиксированы не только случаи их ареста, но и многочисленные расправы. Генерал Ф. В. Винберг вспоминал: «Солдаты и рабочие рыскали по всему городу, разыскивая злосчастных городских и околоточных, выражали бурный восторг, найдя новую жертву для утоления своей жажды невинной крови, и не было издевательств, глумлений, оскорблений и истязаний, которых не испробовали подлые звери над беззащитными своими жертвами. Этим зверям петербургское население в массах своих деятельно помогал: мальчишки, остервенелые революционные мегеры, разные “буржуазного” вида молодые люди бежали вприпрыжку вокруг каждой охотившейся группы убийц и, подлаживаясь под “господ товарищей”, указывали им, где и в каком направлении следует искать последних скрывающихся полицейских» (Винберг Ф. В. В плену у обезьян // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / сост. и ред. А. А. Иванов. М., 2008. С. 242).

⁹⁰ Министр внутренних дел Российской империи в 1916–1917 гг.

⁹¹ Не все из указанных Грондейсом приближенных Николая II имели возможность отправиться с ним. Так, 79-летний министр императорского двора В. Б. Фредерикс по требованию Временного правительства был удален из местопребывания Нико-

- лая II; генерал-майор В. Н. Воейков по распоряжению Временного правительства выслан из Ставки и заключен в Петропавловской крепости.
- ⁹² Автор ошибается, генерал от артиллерии Н. И. Иванов и генерал от инфантерии П. А. Лечицкий не оканчивали Академии генерального штаба.
- ⁹³ Согласно сведениям, приводящимся С. Г. Нелиповичем, в ходе наступления армий Юго-Западного фронта в 1916 г. в плен были взяты 416 924 человека, захвачены 581 орудие и 1745 пулеметов (Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. Т. 1. М., 2014. С. 233).
- ⁹⁴ Председатель Совета министров в 1916 г.
- ⁹⁵ На протяжении 1916 г. Центральные державы активно обсуждали проект создания польского государства на занятой ими территории Российской империи. Решение о создании Польского королевства было объявлено Центральными державами в манифесте от 5 ноября 1916 г., изданном от имени императоров Вильгельма II и Франца Иосифа. Ответ России на эти действия был сформулирован в приказе Николая II по армии и флоту от 25 декабря 1916 г. Одной из главных целей войны в нем называлась аннексия находившихся в составе Германии и Австро-Венгрии польских земель и их дальнейшее объединение в рамках Царства Польского, с правами широкой автономии в составе Российской империи.
- ⁹⁶ Вероятно, автор подразумевает репутацию генерала от кавалерии В. И. Гурко как одного из наиболее последовательных противников революционных преобразований в армии, отправленного в отставку с должности главкома армий Западного фронта 22 мая 1917 г. В июле 1917 г. был арестован за переписку с бывшим императором Николаем II, заключен в Петропавловскую крепость; вскоре освобожден, выслан из страны решением Временного правительства.
- ⁹⁷ В составе Юго-Западного фронта в 1917 г. действовали эскадрильи Французского авиационного дивизиона № 581 и 582.
- ⁹⁸ 13-й Сибирской стрелковой дивизией.
- ⁹⁹ В Июньском наступлении 1917 г. было задействовано большое число ударных добровольческих частей. Мощная артиллерийская подготовка и действия ударных частей позволили русским войскам в первые два дня наступления захватить передовые позиции противника и добиться некоторого тактического успеха. Но большинство полков шло в наступление неохотно. В ряде случаев, подойдя к оставленным противником позициям, пехота возвращалась назад, под предлогом того, что артиллерия разрушила неприятельские укрепления и в них нельзя оставаться на ночлег. Дальнейшее продвижение 7-й и 11-й армии остановилось. 23 июня свое наступление начала 8-я армия Юго-Западного фронта, командующий которой генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов сосредоточил для прорыва свои лучшие части. Несмотря на то что первоначально удар по слабым австрийским частям имел большой успех, дальнейшее продвижение вскоре остановилось – повторилась та же картина, что и на фронтах двух других армий. Начиная наступление ударные части понесли большие потери и уже не могли вести активных боевых действий, в то время как обычные полки отказывались идти в атаку. Войсковые части стали обсуждать получаемые приказы командования в «комитетах» и постоянно митинговать. К 1–2 июля наступление армий Юго-Западного фронта окончательно выдохлось. Потеряв отборные ударные части (по данным, приводимым военным историком генерал-лейтенантом Н. П. Головиным, потери составили 1222 офицера и 37 500 солдат, что имело катастрофические последствия, так как в массе своей они пришлось на «ударные» части), армии фронта оказались не только неспособными идти в наступление, но и неустойчивыми к любому нажиму со стороны противника.
- ¹⁰⁰ В телеграмме на имя председателя Временного правительства Г. Е. Львова, данной с началом наступления, военный и морской министр А. В. Керенский просил разрешить ему вручить участвовавшим в боях полкам «красные знамена революции» и присвоить им почетные названия «полк 18 июня».

- ¹⁰¹ За достигнутые успехи в ходе наступления ряд полков русской армии получил название «полк 18 июня» (по дате начала наступления). Так, подобные почетные наименования получили все полки и артиллерия 23-й пехотной дивизии.
- ¹⁰² Общие потери армий Юго-Западного фронта в ходе наступления составили 58 329 человек; из них 56 361 солдат и 1968 офицеров [Россия в мировой войне 1914–1918 (в цифрах). М., 1925. С. 32].
- ¹⁰³ Бош (*фр.* boche) – презрительное прозвище немцев во Франции, получившее наибольшую популярность среди военных в годы Первой мировой войны.
- ¹⁰⁴ Немецкое название города Львова (Украина).
- ¹⁰⁵ После назначения генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова верховным главнокомандующим военной и морской министр А. Ф. Керенский, без согласования с ним, назначил 18 июля 1917 г. генерал-лейтенанта В. А. Черемисова главнокомандующим армий Юго-Западного фронта. Ввиду решительного несогласия Корнилова Черемисов не вступил в должность; 24 июля главнокомандующим армий фронта был назначен генерал от инфантерии П. С. Балуев.
- ¹⁰⁶ Польское название города Бережаны (Украина).
- ¹⁰⁷ Название города Ивано-Франковска (Украина) до 1939 г.
- ¹⁰⁸ Генерал-лейтенант В. А. Черемисов в 1917 г. выделялся своим «демократическим» поведением с присущим ему отсутствием субординации и заигрыванием с нижними чинами.
- ¹⁰⁹ С 11 июля 1917 г. генерал-лейтенант В. А. Черемисов был назначен командующим 8-й армией.
- ¹¹⁰ Речь идет о комиссаре Временного правительства инженере-технологе Ципкевиче.
- ¹¹¹ Вероятно, Грондейс говорит о назначении 18 июля военным и морским министром А. Ф. Керенским Черемисова главнокомандующим армий Юго-Западного фронта, против которого выступил главнокомандующий Корнилов, после чего Черемисов получил в командование (с 11 августа) 9-ю армию.
- ¹¹² Ударные части в Русской армии возникли как ответ на разложение войск после февраля 1917 г. и начало «демократизации» армии. Период их активного формирования пришелся на май–октябрь 1917 г. Несмотря на наличие множества проектов по формированию батальонов «ударников», эти части возникли благодаря инициативе, проявляемой снизу.
- На состоявшемся 7–20 мая 1917 г. на Съезде солдатских депутатов Юго-Западного фронта делегация Черноморского флота подала главнокомандующему фронта генералу от кавалерии А. А. Брусилову и прибывшему на съезд военному и морскому министру А. Ф. Керенскому обращение с предложением о создании ударных батальонов добровольцев из числа юнкеров, чинов тыловых частей и невоеннообязанных. Идея была поддержана Брусиловым, предложившим съезду принять положительную резолюцию о создании таких частей. Несмотря на отрицательное отношение к созданию ударных частей верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексева, полагавшего, что командование не имеет «права расходовать в качестве рядовой силы наших будущих офицеров», и выразившего скепсис в успехе и пользе таких формирований, идея была поддержана Керенским. После отставки Алексева и назначения главнокомандующим Брусилова это движение приобрело значительные масштабы.
- 25 мая 1917 г. в Петрограде был образован Центральный комитет по формированию добровольческих частей из увечных воинов. 15 июня появился проект Всероссийского воинского союза, предлагавший объединить все боеспособные армейские и флотские части (кадровые, а не добровольческие). Брусилов поддержал проект, и в скором времени «частями смерти» изъявили желание называться 13 воинских подразделений.
- Ударные части сыграли большую роль в первоначальном успехе июньского наступления армий Юго-Западного фронта. Они показали высокую боеспособность, но существенно повлиять на фронтовую ситуацию не могли. На фоне общего разло-

- жения войск ударники проявляли героизм и самопожертвование, погибая в боях с противником и не получая подкрепления. Генерал М. В. Алексеев в одном из писем с горечью писал: «Считаю большой ошибкой генерала Брусилова и других начальников, что бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив ударные батальоны вперед; за ними никто не пошел. Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть».
- Корниловское выступление привело к массовым преследованиям ударных частей, которые обвинялись в контрреволюционности. В сентябре 1917 г. многие из ударников покинули свои части. Наиболее известная добровольческая часть – Корниловский ударный полк был переименован сначала в 1-й Российский ударный, а затем в Славянский ударный полк. Впоследствии ударники участвовали в первых боях гражданской войны в ноябре 1917 г. в Москве, Минске, под Жлобиным и Белгородом. Восстановивший свое название Корниловский ударный полк в конце 1917 г. стал ядром Добровольческой армии. Чины ударных батальонов пополнили формирования белых армий на фронтах развернувшейся гражданской войны.
- 113 Багратионы – древняя царская династия в Грузии, из которой происходили многие выдающиеся государственные и военные деятели Грузии и России.
- 114 Ошибочное утверждения автора, грузинский Царский дом Багратионов существует и в наши дни.
- 115 Карагеоргиевичи – правящая княжеская и королевская династия в Сербии и Королевстве Югославия.
- 116 Речь идет о знаках отличия военного ордена святого Георгия всех четырех степеней; восстановлен в чине полковника Гатовский был еще в 1916 г.
- 117 Полковые и сотенные значки Дикой дивизии изготавливались по цветам погонов полков. Например, у Татарского конного полка они были красные; посередине полкового значка, с обеих его сторон, изображалась шифровка по наименованию полка, желтая нашивка «Т.».
- 118 Название полка по устаревшему названию азербайджанцев в Российской империи.
- 119 Каджары – династия, правившая Ираном с 1795 по 1925 г.
- 120 В полках Дикой дивизии рядовые солдаты (нижние чины) назывались всадниками.
- 121 У казаков такое упражнение называлось «рубка лозы».
- 122 Ныне село Никитинцы в Ивано-Франковском городском совете.
- 123 Речь идет о Туркменском конном полку (с марта 1916 г. Текинский конный полк).
- 124 Речь идет об одном из полков Латышской стрелковой дивизии. Говоря о их решающей роли в революционных событиях в Петрограде, Грондейс, очевидно, подразумевает ту роль, которую сыграли формирования из латышских стрелков в революции в ее первые месяцы (охрана Совнаркома) и на фронтах Гражданской войны в России.
- 125 Речь идет о грабежах и бесчинствах в Калуше, Тернополе и Станиславове, совершенных «революционными» солдатами при отступлении летом 1917 г.
- 126 Речь идет о постановлении Временного правительства о восстановлении смертной казни и об учреждении военно-революционных судов на театре военных действий от 12 июля 1917 г.
- 127 Речь идет о возвращении на территорию Галиции, принадлежавшей до начала Первой мировой войны Австро-Венгерской империи.
- 128 Австро-пруссско-итальянская война 1866 г.
- 129 Речь идет о несостоявшемся назначении генерал-лейтенанта В. А. Черемисова главнокомандующим Юго-Западного фронта, против которого выступил верховный главнокомандующий армией генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов.
- 130 Главнокомандующим Юго-Западного фронта 24 июля был назначен генерал от инфантерии П. С. Балувев и только со 2 августа – генерал-лейтенант А. И. Деникин.
- 131 Автор говорит об М. И. Терещенко, занимавшем должность министра иностранных дел Временного правительства с мая по октябрь 1917 г.

- 132 Вероятно, речь идет об Н. Д. Авксентьеве, министре внутренних дел Временного правительства с 7 августа по 15 сентября 1917 г.
- 133 В данном случае автор говорит о Корниловском выступлении (Корниловском мятеже). В конце августа 1917 г. на фоне острого общественно-политического кризиса в России была совершена неудачная попытка установления военной диктатуры, предпринятая верховным главнокомандующим Л. Г. Корниловым в целях восстановления твердой власти в стране, предотвращения прихода к власти большевиков. Речь идет о поддержке штабом Юго-Западного фронта во главе с генерал-лейтенантом А. И. Деникиным действий главноверха Л. Г. Корнилова в ходе Корниловского выступления.
- 134 Пропуск в тексте воспоминаний.
- 135 Тиртей – греческий поэт VII в. до н. э.
- 136 Битва при Мэрэшешти состоялась в августе 1917 г. на востоке Румынии между германскими и русско-румынскими войсками.
- 137 Речь идет об избрании С. Г. Рошаля в марте 1917 г. председателем горкома РСДРП(б) и членом исполкома Кронштадтского совета; занимая эти посты он сыграл одну из главных ролей в привлечении матросов Балтийского флота на сторону большевиков: Упоминания о терроре относятся, вероятно, к революционному террору в феврале–марте 1917 г., когда на Балтийском флоте было убито около 100 морских офицеров, включая командующего флотом вице-адмирала А. И. Непенина.
- 138 2 декабря 1917 г. был подписан договор о перемирии между Россией, с одной стороны, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. Перемирие устанавливалось на 28 дней с 4 декабря 1917 по 1 января 1918 г. После заключения перемирия стороны приступили к переговорам, начавшимся в Брест-Литовске 9 декабря.
- 139 Автор пишет о Совете народных министров Украинской народной республики.
- 140 На Дон отправилось сравнительно небольшое число чинов Георгиевского батальона, самым известным из которых стал его командир – полковник Н. С. Тимановский. В конце ноября 1917 г. из офицеров и солдат Георгиевского батальона была сформирована Георгиевская рота; впоследствии влита в состав Корниловского ударного полка.
- 141 Текинский конный полк формировался из текинцев, одной из крупнейших племенных групп в составе туркменов, которые проживали в Туркмении, Афганистане, на северо-востоке Ирана и в Узбекистане.
- 142 Очевидно, рассказ касается попытки прорыва из Ставки на Дон Отряда ударных частей, в который входили 1-й ударный революционный полк (один батальон и полковые команды) под командой полковника В. К. Манакина, 4-й ударный революционный батальон Западного фронта поручика Дунина, 8-й ударный революционный батальон Западного фронта штабс-капитана Степанова, Ударный батальон 1-й Финляндской стрелковой дивизии полковника В. В. Бахтина и 2-й Оренбургский ударный батальон подполковника А. Н. Блейша. Командовал отрядом командир 2-й бригады 1-й Финляндской стрелковой дивизии полковник Л. А. Янкевский (общая численность ударников составляла около 2000–2500 человек). Движение ударников на Дон было замаскировано под отправку на Кавказский фронт для продолжения борьбы с внешним врагом. Отряду удалось прорваться через красный заслон под Жлобиным, но после ряда боев 6 декабря они оказались перехвачены в районе Белгорода сводным отрядом из красногвардейцев и матросов, во главе с командиром бывшим прапорщиком И. П. Павлуновским и его начштабом бывшим прапорщиком А. Ф. Ильиным-Женевским. Существенное превосходство в силах позволило красногвардейцам разгромить ударный отряд.

- ¹⁴³ Вероятно, речь идет о А. Я. Коопе, в 1863 г. открывшем мастерские по производству соломорезок и железных деталей к ветряным мельницам рядом с Александровском (ныне Запорожье); впоследствии завод стал одним из крупнейших производств на Украине, известном как Запорожский автомобилестроительный завод.
- ¹⁴⁴ Художники Ян ван Эйк (1385–1441) и Рогир ван дер Вейден (1399/1400–1464) — одни из основоположников и наиболее влиятельных живописцев раннеидерландской живописи.
- ¹⁴⁵ Эммаус — селение в Иудее, находившееся приблизительно в 30 км к западу от Иерусалима; упоминается в Евангелии от Луки.
- ¹⁴⁶ Вероятно, так Грондейс попытался обозначить территории Закавказья — от хребта Кавказских гор (гора Казбек) до города Ордубада, города Эриванской губернии на границе с Османской империей.
- ¹⁴⁷ В середине декабря 1917 г. численность Добрармии составляла около 1500 человек; в январе 1918 г. боевой состав армии достигал всего около 2000 штыков (меньше численности пехотного полка военного времени), при этом ее общая численность составляла около 4000–5000 человек. К началу февраля, когда Добровольческая армия выступила в Первый Кубанский поход, ее численность достигала почти 6000 человек. При этом численность рядовых и офицеров в строю составляла 4000–4500 человек (по другим данным, 2500), в то время как в штабах и тыловых учреждениях служило более тысячи офицеров (четверть состава армии).
- ¹⁴⁸ Грондейс перечисляет некоторые из первых формирований Добровольческой армии — восстановленный на Дону Корниловский ударный полк, Георгиевский батальон (развертывание закончилось созданием роты; вошел в состав Корниловского полка), 1-й кавалерийский дивизион (отряд полковника В. С. Гершельмана) и др.
- ¹⁴⁹ В приказе по армиям Юго-Западного фронта № 532 от 3 мая 1915 г. главнокомандующий артиллерии Н. И. Иванов и верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич особо отмечали боевые заслуги Л. Г. Корнилова: «24 апреля присоединились к своему корпусу части 48-й пехотной дивизии, пробившиеся сквозь неприятельские войска. Совершая общий отход с войсками армии, 48-я пехотная дивизия 22 апреля в районе Дуклы встретила большие неприятельские силы, прорвавшие расположение соседних корпусов, действовавших севернее и преградивших путь отхода 48-й пехотной дивизии. Ведя в течение двух суток упорнейший бой за выход из Карпатских гор в долину Пелиска, 48-я пехотная дивизия была окружена со всех сторон в районе Дуклы — Тылова и с честью вышла из неравной борьбы, проявив в полной мере свои славные боевые качества и пробившись с большими потерями по трупам загородившего ей дорогу врага, присоединилась к родному корпусу. Этим упорным и славным боем в течение двух суток руководил начальник дивизии генерал-лейтенант [Л. Г.] Корнилов, раненный в руку с раздроблением кости и следовавший все время в арьергардном полку. Верховный главнокомандующий [великий князь Николай Николаевич], ознакомившись с геройским подвигом 48-й пехотной дивизии, осчастливил командующего армией следующей телеграммой: "Радуюсь, так как вижу исполнение моей вчерашней телеграммы. Вышел с ходатайством о награждении генерала Корнилова орденом Святого Георгия 3-й степени. Телеграфировал ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ о геройском подвиге 48-й пехотной дивизии. Жалую всем нижним чином Георгиевские кресты. Телеграфируйте, какие офицеры достойны ордена Святого Георгия 4-й степени. От меня передайте героям, что я их горячо благодарю и что вся армия гордится ими. Генерал-адъютант *Николай*". Поздравляю славные части 48-й пехотной дивизии с такой высокой милостью верховного главнокомандующего. Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. Генерал-адъютант [Н. И.] Иванов» (Материалы для истории Корниловского ударного полка / отв.

сост. М. Н. Левитов; сост., науч. ред., предисл. и коммент. Р. Г. Гагкуева. М., 2015. С. 50).

- 150 После Корниловского выступления Корниловский ударный полк был переименован в 1-й Российский ударный и был придан 1-й Чехословацкой стрелковой дивизии, формируемой из пленных чехов. Сохранивший свои отличия и эмблемы (вплоть до надписи «Корниловцы»), 30 сентября полк был переименован в Славянский ударный.
- 151 Партийная кличка большевика прапорщика Н. В. Крыленко, назначенного в ноябре 1917 г. Совнаркомом новым верховным главнокомандующим.
- 152 Автор ошибается, советский военный деятель Р. Ф. Сиверс (1892–1918), имевший немецкие корни, родился в России и не был на германской службе; в Первую мировую войну находился в рядах действующей армии; прапорщик.
- 153 Вероятно, речь идет об одном из донских казачьих полков.
- 154 Речь идет о Сводно-офицерском полке, образованном при реформировании Добровольческой армии 12 февраля 1918 г.
- 155 Был сформирован из кадетов и юнкеров военных училищ.
- 156 Ныне Султан-Салы Ростовской области.
- 157 Вероятно, автор подразумевает командование А. П. Богаевским войсками Ростовского района (назначен на эту должность донским атаманом А. М. Калединым в январе 1918 г.).
- 158 А. М. Каледин был женат на гражданке франкоязычного кантона Швейцарии Марии (Петровне) Гранжан.
- 159 Первый среди равных (*лат.*).
- 160 Речь идет о состоявшемся в январе 1918 г. в станице Каменской съезде фронтового казачества, на котором Ф. Г. Подтелков был избран председателем Донского казачьего военно-революционного комитета; в апреле 1918 г. на 1-м съезде Советов Донской области он был избран председателем Совнаркома Донской советской республики.
- 161 Полковник В. М. Чернецов был взят в плен вместе с примерно 40 чинами своего отряда; бежал из плена, был вновь схвачен и убит Ф. Г. Подтелковым.
- 162 Эхуд бен Гера – второй судия Израильский; известен освобождением израильтян от Еглона, царя Моавитского (оставшись с ним наедине, нанес ему смертельную рану).
- 163 Юдифь – в ветхозаветной апокрифической традиции благочестивая вдова, спасающая Иерусалим от пашества ассирийцев (привлекла внимание полководца Олоферна и отрубила ему голову, когда он заснул).
- 164 Ряд ошибочных утверждений автора: А. А. Корнилов к концу 1917 г. уже имел чин подполковника; он не был потомком адмирала Корнилова; в сформированный им конный отряд вошли партизаны-чернецовцы, сам же отряд получил его имя.
- 165 Речь идет о реформировании партизанских отрядов в Партизанский полк, первым командиром которого стал генерал-майор А. П. Богаевский.
- 166 Орел не ловит мух (*лат.*).
- 167 В данном случае речь, вероятно, идет о двух зимовниках Донского войска: Гудовский зимовник (1-е отделение войскового конного завода) и зимовник В. Я. Королькова (2-е отделение войскового конного завода); носили фамилии своих владельцев.
- 168 Пьеса Э. Ростана «Сирано де Бержерак».
- 169 Бывший начальник штаба верховного главнокомандующего в 1914–1914 гг.; Грондейс ошибается, Янушкевич не участвовал в разработке каких-либо документов для Временного правительства.
- 170 Военный министр в 1915–1916 гг.; после февраля 1917 г. председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов, в рамках которой разрабатывались в том числе документы по «демократизации» армии.

- 171 В своих действиях на посту верховного главнокомандующего армии М. В. Алексеев был сильно связан, с одной стороны, действиями и политикой Временного правительства и военного и морского министра А. И. Гучкова, с другой – не мог не считаться с реальным положением дел в армии, сложившимся в результате революционного законодательства Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Еще 15 марта Алексеев отдал приказ об обязательном отдании чести всеми чинами на фронте, поскольку «обязательное для всех, взаимное отдавание чести служит символом единения между всеми чинами Российской армии». В условиях быстро распространявшегося по армии приказа № 1 Петросовета эти действия Алексеева были своеобразным вызовом «демократическим» преобразованиям в армии. Верховный главнокомандующий на своем посту не получил ожидаемой им самостоятельности и был сильно ограничен как в кадровой политике, так и в принятии принципиальных решений по ключевым вопросам армейской жизни (подробнее см.: *Цветков В. Ж. Генерал Алексеев*. М., 2014. С. 315–325).
- 172 Вероятно, речь идет о расстреле пленных красногвардейцев, взятых Добровольческой армией. По словам А. И. Деникина, «...в той обстановке (Первого Кубанского похода. – *Примеч. сост.*), в которой действовала Добровольческая армия, находившаяся почти всегда в тактическом окружении – без своей территории, без тыла, без баз, представлялись только два выхода: отпускать на волю захваченных большевиков или “не брать пленных”» [*Деникин А. И. Очерки русской смуты*. Т. 2: *Борьба генерала Корнилова* (август 1917 г. – апрель 1918 г.) / науч. ред. А. С. Пученков. М., 2017. С. 211]. В большинстве случаев пленные расстреливались. Лейтенант Б. Я. Ильвов, участвовавший в Первом Кубанском походе, вспоминает, что после боя за село Лезжанка он обратился к генералу С. Л. Маркову с вопросом, как быть с 85 пленными: «Мои сомнения были рассеяны резолюцией Маркова: “Странный вопрос”. Ночью я всех расстрелял» (Цит. по: *Гребенкин И. Н. Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в «Ледяном» походе*. Рязань, 2005. С. 119).
- 173 Численность боевого состава Добровольческой армии была значительно ниже. По данным полковника И. Ф. Патронова, ведавшего до начала Первого Кубанского похода комплектованием Добрармии, численность Добрармии при возвращении на Дон составляла 5500 человек при 1500 раненых. «Приазовский край» в августе 1918 г. опубликовал данные о численности Добрармии по возвращении ее из Первого Кубанского похода и вступлении в станицу Мечетинская в 3519 человек. Непосредственно в строю без учета кубанских частей оставались 2000 добровольцев; 1500 раненых добровольцев были отправлены в Новочеркасск. Численность 1-го кавалерийского дивизиона, которым командовал полковник В. С. Гершельман, на 10 января 1918 г., за месяц до начала похода, составляла всего 138 человек.
- 174 Грондейс реалистично оценивает численность Добровольческой армии в начале Первого Кубанского похода.
- 175 Речь идет о Юго-Восточной революционной армии; с апреля 1918 г. – Войска Кубанской Советской республики, с июня – Красная армия Северного Кавказа.
- 176 Букв.: младшие боги (*лат.*), люди, занимающие второстепенное положение.
- 177 Точных сведений о числе расстрелянных после входа в Новочеркасск красных войск нет; среди убитых были войсковой атаман генерал-майор А. М. Назаров, генерал-майоры К. Я. Усачев, П. М. Груднев, председатель Донского войскового круга войсковой старшина Е. А. Волошинов и др.
- 178 Вероятно, автор воспроизводит один из многочисленных слухов, в данном случае о присоединении к Добровольческой армии отряда с Кавказского фронта под командованием генерала от кавалерии Н. Н. Баратова.
- 179 Речь идет о Кубанском правительственном отряде, командовал которым капитан В. Л. Покровский (2 марта 1917 г. был произведен войсковым атаманом Кубанского казачьего войска А. П. Филимоновым в полковники).

- 180 Приводится численность Добрармии, сильно преувеличенная слухами; в действительности боевой состав доходил до 5000 человек.
- 181 В данном случае автор использует употребляемое в России в начале XX в. общее название народов, говорящих на адыгских языках абхазо-адыгской языковой группы (адыгейцы, кабардинцы, черкесы и шапсуги), коренного населения современных Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского и Ставропольского краев.
- 182 В указанное время Добровольческую армию пополняли черкесы-добровольцы; в марте 1918 г. из них был образован Черкесский конный полк (впоследствии 1-й Черкесский) в составе Кубанского правительственного отряда. Каких-либо значительных пополнений из чеченцев в Добрармию в этот период не было.
- 183 Во время Первого Кубанского похода, Добрармия, постоянно маневрируя, умело выходила из окружения. 27 марта 1918 г. после соединения Добровольческой армии с Кубанским правительственным отрядом ее силы почти удвоились. 9 апреля начался штурм занятого к тому времени красноармейцами Екатеринодара. Многократные атаки города, занятого превосходящими силами красных, результата не дали и обернулись большими потерями для обеих сторон. 13 апреля, накануне назначенного последнего решающего штурма, разрывом снаряда был убит командующий Добрармии Корнилов. Принявший командование генерал-лейтенант А. И. Деникин приказал армии отступить. После неудачного штурма и гибели командующего Добровольческая армия оказалась под угрозой полного уничтожения. Несмотря на сложную ситуацию, военный и организационный опыт командования Добрармией, а также несогласованность в действиях неопытных в военном плане красных отрядов позволили белым не только выйти из кольца окружения, но и вернуться в апреле на Дон в качестве закаленной и спаянной в боях военной силы. За 80 дней Первого Кубанского похода, из которых 44 она провела в боях, Добровольческая армия преодолела 1050 верст. В походе были сформированы наиболее известные полки белых армий Юга России – 1-й офицерский (будущий Марковский), Корниловский ударный и Партизанский (будущий Алексеевский) полки. Одновременно с походом Добрармии на Кубань 1200-верстный переход с Румынского фронта на Дон совершил Отряд (бригада) полковника М. Г. Дроздовского. После его соединения 25 мая 1918 г. в станице Мечетинской с Добровольческой армией силы белых численно почти удвоились и к лету составляли около 9000 человек.
- 184 Длинный сюртук широкого покроя, изначально надевавшийся для верховой езды.
- 185 Речь идет о доме П. В. Лоськова в Мансуровском переулке (д. 4а), в котором ныне располагается посольство Сирии в России.
- 186 Во время Октябрьского вооруженного восстания 1917 г., когда во многих районах Москвы шли ожесточенные бои между красногвардейцами и сторонниками Временного правительства, один из артиллерийских снарядов попал в квартиру генерала. Брусилов получил тяжелое ранение и восемь месяцев пролежал после операции в госпитале.
- 187 Полученное осенью 1917 г. ранение.
- 188 После ареста в 1918 г. органами ВЧК и освобождения в конце года Брусилов не отказался от сотрудничества с советской властью, вступил в РККА; с апреля 1920 г. он состоял в Военно-исторической комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг., с мая 1920 г. состоял в составе Особого совещания при главкоме РККА; с июня 1920 г. главный инспектор Центрального управления коннозаводства и животноводства при Наркомземе.
- 189 Автор, вероятно, не знакомый с перифразом из древнерусской литературы «Мать городов русских», используемого для обозначения Киева, использовал это обозна-

- чение для Москвы, оказавшей наиболее активное сопротивление приходу большевиков к власти в 1917 г., а также сохранившей на некоторое время консервативные настроения среди большей части населения.
- 190 Речь идет об одном из крестных ходов в Москве, состоявшихся в 1918 г. Один из наиболее масштабных – Крестный ход в защиту Церкви и поруганных святых – состоялся 9 (22) мая, завершившись на Красной площади.
- 191 А. Н. Бехтеев был действительным статским советником, что по Табели о рангах соответствовало военному чину генерал-майора.
- 192 Автор не точен; в 1912–1917 гг. А. Н. Бехтеев был предводителем дворянства Лебедянского уезда Тамбовской губернии.
- 193 Латышские стрелки, охранявшие СНК (развернутые в Москве в 9-й Латышский стрелковый полк), стали основой комендантской службы Московского кремля (его деятельность не ограничивалась караульной службой, латышские стрелки также использовались во время операций, проводимых ВЧК); уже в сентябре 1918 г. 9-й Латышский стрелковый полк был отправлен на фронт.
- 194 Вероятно, речь идет о ноте, направленной в декабре 1918 г. членом Коллегии Народного комиссариата иностранных дел М. М. Литвиновым (уполномоченным СНК) с предложением вступить в предварительные мирные переговоры странам Антанты (нота была направлена посланникам Великобритании, Италии, США, Франции и Японии в Швеции); в ноте содержалось предложение по установлению мира с советской Россией.
- 195 Согласно опубликованным А. В. Ганиным сведениям, начальник разведывательного отдела Южного фронта З. Б. Шостак был расстрелян в 1918 г. В числе выдвинутых ему обвинений, помимо хранения чистых бланков со штампами и печатями высших советских учреждений, было принятие на службу голландского военного корреспондента Л. Грондейса из Добровольческой армии. Шостак ездил с Грондейсом в Москву, передавал ему военные сведения, а также информировал британского дипломата и разведчика Б. Локкарта о положении на Юге России и снабжал контрреволюционеров документами высших советских учреждений. Подробнее см.: *Ганин А. В. Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34.*
- 196 Президент США в 1901–1909 гг. Теодор Рузвельт скончался в январе 1919 г., выдвигался на выборы от Прогрессивной партии, официально прекратившей существование в 1918 г.
- 197 Речь идет о министре армии Японии генерале Г. Танака (занимал этот пост в 1918–1921 гг.).
- 198 Речь идет о начальнике японского Генерального штаба в 1915–1923 гг. генерале Ю. Уэхара.
- 199 Харбин был основан русской администрацией при строительстве Трансманьчжурской магистрали в 1898 г. как железнодорожная станция. К 1917 г. в нем проживало около 100 тысяч человек, из которых русских было около 40 тысяч. В 1918 г. в Харбине осели многие вынужденные уехать из России дворяне, офицеры, а также представители других слоев общества (результатом стало увеличение числа русских эмигрантов в городе к 1924 г. до 100 тысяч человек).
- 200 Харбинский биржевой комитет (Харбинская биржа) – одно из крупнейших торгово-промышленных предприятий русского Харбина, во главе которого стоял комитет из 12 человек – представителей крупного харбинского капитала.
- 201 Речь идет о Российском (Омском) правительстве, высшем органе государственной власти, образованном в ноябре 1918 г. в Омске, во главе которого стоял верховный правитель России адмирал А. В. Колчак.
- 202 Отсылка к герою романа «Мельмот Скиталец» – наиболее известного произведения английского писателя Ч. Р. Метьюрина (1782–1824), впервые опубликован в 1833 г.

- 203 Речь идет о Российской армии (сухопутных и морских вооруженных силах России), в состав которой в конце 1918 г. вошли ранее созданные вооруженные формирования (в том числе Сибирская армия), во главе их стоял верховный главнокомандующий А. В. Колчак. Автор использует для их наименования название «Сибирская армия», которое устарело к 1919 г.
- 204 Речь идет о Еврейском пехотном батальоне (полке), сформированном в 1919 г. в Чите в составе Особого Маньчжурского отряда атамана Г. М. Семснова.
- 205 Подробнее см.: *Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы.* М., 2002. С. 114–115.
- 206 Речь идет о социалисте-революционере И. Г. Гольдберге (1884–1938).
- 207 П. С. Тищенко (1879 – после 1946) – с сентября 1917 по март 1926 г. занимал пост председателя городского совета Харбина (Харбинского общественного управления).
- 208 Речь идет о Ижевско-Воткинской отдельной стрелковой бригаде, которой с января 1919 г. командовал полковник В. М. Молчанов.
- 209 Возможно, речь идет о Франсуа Тюляне, с 1918 г. находившемся в Сибири в составе французской военной миссии при Российской армии.
- 210 По всей видимости, Грондейс wrongly пересказывает содержание приказа РВСР № 220 от 13 ноября 1918 г. вводящего штаты стрелковой дивизии, согласно которым в нее входили 3 стрелковые бригады по 3 полка в каждой (далее по троичной системе), 4 кавалерийских и 9 артиллерийских дивизионов, отдельная конная батарея, инженерный батальон, батальон связи, автоброневой, воздухоплавательный и авиационный отряды.
- 211 Грондейс ошибается; начальник полевого штаба РВСР в октябре 1918 – июне 1919 г. Ф. В. Костяев имел чин генерал-майора.
- 212 Восточный фронт РККА.
- 213 Упоминаемые Грондейсом красные военные специалисты добровольно пошли служить в Красную армию.
- 214 Грондейс ошибается; Ж. К. Блюмберг (1889–1938) был латышом по происхождению; в 1919 г. ему было уже 30 лет.
- 215 Грондейс ошибается; 4-й армией с января по май 1919 г. командовал М. В. Фрунзе.
- 216 Замять (*устар.*) – метель.
- 217 Вероятно, речь идет о тосте Р. Г. Бангерского на одном из банкетов вскоре после переворота 18 ноября 1918 г. и накануне передачи А. В. Колчаку Советом министров всей полноты власти.
- 218 Вероятно, 4-го Оренбургского армейского корпуса, входившего в Южную группу, приданную в марте–мае 1919 г. Западной армии.
- 219 В 1919 г. был в чине капитана.
- 220 Автор подразумевает себя.
- 221 Калокагатия (в древнегреческой культуре) – гармоничное сочетание физических (внешних) и нравственных (душевных, внутренних) достоинств, совершенство человеческой личности как идеал воспитания человека.
- 222 Выполняя директиву главковерха, Российская армия в апреле 1919 г. продолжила стремительное наступление, общим направлением которого была Средняя Волга. До начала весенних разливов ставилась задача отбросить Красную армию от выгодного естественного оборонительного рубежа на юг и занять главные переправы через Волгу. 13 апреля Сибирская армия вступила в Ижевск. Западная армия 15 апреля заняла Бугуруслан, 25 апреля Чистополь. Успешное наступление к концу апреля позволило Российской армии выйти на подступы к Казани, Самаре и Симбирску. Была занята огромная территория с населением свыше 5 млн человек, на которой были расположены важные промышленные предприятия. Дорога на Москву для Российской армии, казалось, была открыта. 11 апреля В. И. Ленин написал «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». В них говорилось о необходимости мобилизации всех сил для отражения наступления

Российской армии. Но со второй половины апреля общее наступление начало постепенно выдыхаться. «Норыв не терпит перерыва» – полководце остановило наше преследование... дало возможность советскому командованию произвести целый ряд перевозок войск с других фронтов для спасения положения, дало передышку», – вспоминал участник наступления генерал П. П. Петров. Одновременно с развитием наступления в тылу разгорались подготовленные большевистским подпольем крестьянские восстания, что еще больше осложняло положение армии, нуждавшейся в пополнении. В этой ситуации чрезвычайное растягивание фронта привело к оголению флангов Западной и Сибирской армий. Преимущество Красной армии заключалось в наличии в тылу необходимых для последующего контрнаступления резервов. Воспользовавшись сложившейся на фронте ситуацией, силы РККА перешли 28 апреля в контрнаступление.

- 223 Выступивший на фронт 1-й Украинский пеший им. Т. Г. Шевченко курень в первую же ночь целиком перешел на сторону красных, обстреляв попутно соседние части (все офицеры полка были убиты, а их трупы привезены на телегах в расположение красных и предъявлены как доказательство «преданности» советской власти).
- 224 Речь идет о 1-м Волжском армейском корпусе, стратегическом резерве верховного главнокомандования.
- 225 Автор обращает внимание на большое число «самострелов» – так называемых палачников, специально наносивших себе легкое ранение, чтобы покинуть фронт.
- 226 Достоинно удивления (*лат.*).
- 227 Санкюлоты – название революционно настроенных представителей «третьего сословия» в Париже во время Великой французской революции.
- 228 Треух – мужская теплая панка с наушниками и опускающимся задником.
- 229 Каскетка – комбинация стандартной кепки и каски облегченного варианта.
- 230 Гамаша (*фр.*) – вязаные или сшитые из плотного толстого материала чехлы без подошв, закрывающие щиколотки (иногда доходящие до колена).
- 231 Вероятно, автор проводит параллель между наведением порядка в Уфе и взятием Варшавы по время подавления Польского восстания 1830 г.
- 232 Генерал-майор В. И. Волков с 18 марта 1919 г. командовал сформированным Сводным казачьим корпусом, состоявшим в резерве верховного главнокомандующего.
- 233 Вероятно, автор имеет в виду Урал, отделяющий европейскую часть России от азиатской.
- 234 Белая – река на Южном Урале и в Предуралье, ошибочно названа Грондейсом сибирской рекой.
- 235 Речь идет о 3-м Уральском корпусе горных стрелков Западной армии.
- 236 Грондейс говорит о стоянии на реке Угре в 1480 г. – военных действиях между ханом Большой Орды Ахматом и великим князем московским Иваном III; по мнению большинства отечественных историков, оно обозначило окончание монголо-татарского ига на севере и северо-востоке Руси.
- 237 Вероятно, автор подразумевает строительство национальной автономии в Башкирии в 1917–1919 гг. и первоначальную поддержку Башкирией демократической контрреволюции на Восточном фронте. После установления власти верховного правителя России адмирала Колчака, не признававшего власть многочисленных автономных правительств, лидеры башкирской автономии перешли к союзу с советской властью.
- 238 Речь идет о генерал-майоре И. А. Пронине.
- 239 Имеется в виду писатель Л. Н. Толстой.
- 240 В качестве примеров кампаний русской армии Грондейс приводит сражение на Березине (1812) и осаду Цлевны (1877).
- 241 1-й Бессмертный ударный генерала Гайды полк.

- 242 Речь идет о лейб-гвардии Преображенском и Измайловском полках (первом и третьем по старшинству в русской армии).
- 243 Вероятно, речь идет о полковнике В. А. Ракитине, в 1919 г. командире группы из 3-й Иркутской и 15-й Воткинской стрелковых дивизий.
- 244 Со времени создания в 1917 г. первого ударного отряда (позднее развернутого в Корниловский ударный полк) черный и красный цвета униформы, с черепом и костями на фуражках, погонах и шевронах (символизировавших девиз «Родина или смерть») стали одной из отличительных черт ударников батальонов.
- 245 Речь идет о запрете продажи алкоголя в России с началом Первой мировой войны. 18 июля 1914 г., в канун начала войны, указом Николая II местные органы самоуправления получили право запрещать продажу алкоголя (в течение трех дней почти по всей стране она была запрещена). В августе 1914 г. запрет на продажу водки был продлен до окончания войны (спирт мог использоваться только в медицинских целях) и распространен на другие алкогольные напитки, кроме вина и пива (на последнее в ноябре 1914 г. были существенно повышены акцизы). 16 сентября 1914 г. запрет на продажу водки утвердила Государственная Дума (спиртным могли торговать только рестораны первой категории, клубы и общественные собрания). Наряду с положительными результатами (снижение потребления алкоголя, уменьшение травматизма, повышение производительности труда и др.) меры по запрету продажи алкоголя привели к неконтролируемому росту самогонарения и потребления населением разного рода суррогатов.
- 246 Вероятно, речь идет об утверждении Государственной Думой 16 сентября 1914 г. запрета на продажу водки.
- 247 Уже 8 ноября 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет подписал приказ, согласно которому: «1. Впредь до особого распоряжения воспрещается производство алкоголя и всяких “алкогольных напитков”. 2. Предписывается всем владельцам спиртовых и винных складов, всем фабрикантам алкоголя и “алкогольных напитков” не позже 27-го сего месяца довести до сведения о точном местонахождении склада. 3. Виновные в неисполнении приказа будут преданы Военно-революционному суду». 13 мая 1918 г. ВЦИК подписал декрет «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Документ предусматривал уголовную ответственность за самогонарение (до десяти лет тюрьмы с конфискацией имущества). В июле 1918 г. СНК принял постановление о запрете производства самогона и торговли водкой на период гражданской войны и международной интервенции. 19 декабря 1919 г. председатель СНК В. И. Ленин подписал постановление «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», также предусматривающий строгие меры (не менее пяти лет тюремного заключения с конфискацией имущества). Наряду с запретительными мерами СНК подписывал документы, предусматривавшие производство и торговлю спиртным. Так, 13 апреля 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет «Об акцизе на спирт, вино, дрожжи, папиросные гильзы, бумагу и спички». Деятельность Высшего совета народного хозяйства была направлена на национализацию винокуренных и спиртоочистительных заводов, для пополнения государственных запасов спирта. Подробнее об антиалкогольной политике советской власти см.: *Магоров А. Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1920 гг.) // Экономические стратегии. 2014. № 4. С. 94–106.*
- 248 Речь идет о Ставке главнокомандующего Восточным фронтом Российской армии генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса.

- 249 Заместитель руководившего Межсоюзным техническим комитетом американского инженера Стивенса.
- 250 Численность красных повстанцев, действовавших в белом тылу определить крайне сложно. По словам историка С. П. Мельгунова, «все цифры, определяющие количество организованного партизанства, конечно, совершенно произвольны» (*Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М., 2004. С. 189*). Советский военный и государственный деятель П. С. Парфенов, не указывая, на каких данных основывается, определяет силы повстанцев к сентябрю 1919 г. в 120 000 человек (в этом числе 30 000 партизан Алтайской армии Е. М. Мамонтова, 15 000 Енисейской П. Е. Щетинкина, 10 000 Томской П. К. Лубкова, 25 000 Иркутской Н. А. Каландарашвили и А. Д. Кравченко, 15 000 Амурской Д. С. Шилова, 15 000 Уссурийской Г. М. Шевченко и 10 000 партизан Забайкальской армии М. М. Якимова) [*Парфенов П. С. (Алтайский П.). Гражданская война в Сибири. 1918–1920 гг. М., 1924. С. 131*]. Капитан Думбадзе приводил данные, согласно которым численность сил красных повстанцев только в Енисейской губернии составляла 30 000 человек, против которых вели боевые действия два белых фронта (*Думбадзе Г. С. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну // Восточный фронт адмирала Колчака / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2004. С. 584, 586*).
- 251 Грондейс объединяет разные события – участие Партизанского отряда атамана Б. В. Анненкова в боях на Уральском фронте (до октября 1918 г.) и предшествовавшее ему подавление восстания в Славгороде. Речь идет о Славгородско-Чернодольском восстании крестьян Славгородского уезда Алтайской губернии в августе–сентябре 1918 г., поднявшемся ввиду недовольства объявленной Временным Сибирским правительством мобилизации в Сибирскую армию.
- 252 Речь идет о передаче командованием 23 октября 1918 г. Партизанского отряда Б. В. Анненкова в подчинение атамана Семиреченского казачьего войска (переименован в Партизанскую атаману Анненкова дивизию).
- 253 Вероятно, речь идет о чинах Маньчжурско-егерского батальона Партизанской дивизии атамана Б. В. Анненкова.
- 254 Помимо успешной подпольной работы большевиков, росту красного повстанчества способствовали: 1) неналаженность государственного аппарата, особенно на низовом уровне (сельская администрация зачастую отсутствовала); 2) пригодность территории Сибири для укрытия повстанцев (труднопроходимая сибирская тайга и обширные территории с малым населением); 3) изначальное присутствие в Сибири значительного количества людей, готовых к антиправительственной деятельности (бывшие каторжники, уголовники, ссыльные, крестьяне-новоселы) (*Балмасов С. С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая Гвардия. Альманах. № 6. Антибольшевистское повстанческое движение. М., 2002. С. 72*). Выступление части крестьянства Урала и Сибири против власти Российского правительства, а также его пассивное отношение к участию в гражданской войне в 1919 г. не означали того, что их симпатии были целиком на стороне советской власти. Ее установление в 1919–1920 гг. на территории Урала и Сибири не принесло умиротворения в деревню. Во многих регионах (и в тех, где население ранее поддерживало белых, и в тех, где в 1918–1919 гг. действовали антиправительственные партизанские отряды) вспыхнули крестьянские восстания. Выступления теперь уже были направлены против советской власти и вызваны недовольством проводимой ею политикой.

- 255 5-й Чехословацкий стрелковый Пражский им. профессора Т. Г. Масарика полк.
- 256 Здесь и далее Грондейс идеализирует чинов Чехословацкого корпуса и преувеличивает их роль в гражданской войне в России. Части Чехословацкого корпуса, сыгравшие немалую роль в свержении советской власти в Поволжье, Урале и Сибири весной–летом 1918 г., в дальнейшем не имели существенной значимости. Несмотря на декларативные заявления, порыв чехословаков к борьбе на антибольшевистском фронте сохранился только до осени 1918 г. Сказывалась разность целей в разгоравшейся войне. «Перед чехами стояли их задачи: установление связи между всеми чехословацкими отрядами, очищение пути на восток и, наконец, создание Восточного противогерманского фронта. Перед русским же командованием стояли иные задачи: захват жизненных центров страны, полное ее освобождение, и только после этого можно было бы говорить о воссоздании русско-германского фронта. На этой почве с первых же дней совместной работы между чешским и русским командованиями возникли трения. Одним казалось, что их соратники медлят, не проявляют должной дееспособности, тратят понапрасну время. Другие же считали, что их союзники делать сами ничего не хотят, а лишь стремятся укрыться поскорей за спины своих друзей-братьев» (Филимонов Б. Б. Поход степных полков летом 1918 года // 1918 год на Востоке России / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2003. С. 281–282). После заключения перемирия на фронте Первой мировой войны в ноябре 1918 г. смысл пребывания в России для чехословаков окончательно исчез. Известие же о создании в ноябре независимой Чехословакии только усилило стремление чинов корпуса поскорее вернуться домой. Осенью 1918 г. из-за отказа воевать на фронте части Чехословацкого корпуса стали сниматься с позиций и отводиться в тыл. С конца 1918 г. участие чехословаков в гражданской войне в России сводилось к охране Транссибирской железнодорожной магистрали и операциями в тылу против красных повстанцев.
- 257 27 января 1919 г. командующий Чехословацким корпусом генерал Я. Сыровый отдал приказ, согласно которому операционным участком чехословаков становился участок Транссибирской магистрали между Повониколаевском и Иркутском. Фактически магистраль переходила под контроль чехословаков, что привело к катастрофе во время отступления войск белого Восточного фронта зимой 1919/20 г.
- 258 Кули – наемные работники, которых европейцы начиная с XVIII в. привозили в качестве дешевой рабочей силы из азиатских колоний; в данном случае – наемные рабочие китайцы.
- 259 Томас Майн Рид (1818–1883) и Гюстав Эмар (1818–1883) – английский и французский писатели, авторы приключенческих романов.
- 260 Вероятно, речь идет о поручике В. М. фон Мейере, командире конного отряда в Маньчжурском отряде атамана Г. М. Семенова.
- 261 Вероятно, автор ошибается; В. М. фон Мейер был участником Первой мировой войны, в 1917 г. находился на фронте.
- 262 Видимо, под «эстонцами» Грондейс подразумевает балтийских немцев – этническое немецкое меньшинство, к началу XX в. проживавшее на восточном побережье Балтийского моря (территория современных Эстонии, Латвии и Литвы).
- 263 У забайкальских казаков традиционными были желтого цвета лампасы, погоны, верх папахи, клапаны шинелей и околыши фуражек.
- 264 Достоевский Ф. М. Бесы. М., 1957. Т. 7. С. 438.
- 265 Достоевский Ф. М. Бесы. С. 437.

- 266 Автор, вероятно, подразумевает территорию, подконтрольную атаману Г. М. Семенову, с июля 1919 г. – военный губернатор Забайкальской области и примыкающей к ней части Амурской области (штаб и управление в Чите); с августа – уполномоченный командующего войсками Приамурского военного округа по охране государственного порядка в полосе отчуждения Забайкальской железной дороге (объявлена на военном положении); с ноября – командующий войсками учрежденного Читинского военного округа; с декабря 1919 – главком войсками Дальнего Востока и Иркутского военного округа. С 4 января 1920 г. указом Верховного правителя А. В. Колчака ему была передана «вся полнота военной и гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины (РВО), объединенной российской верховной властью».
- 267 Помощник командующего войсками, позднее командующий войсками Забайкальского военного округа, генерал-лейтенант Д. Ф. Семенов был троюродным братом Г. М. Семенова.
- 268 Речь идет о кораблях российской Амурской речной флотилии; находившиеся в Хабаровске основные силы флотилии были захвачены японцами в 1918 г. и включены в состав японской флотилии на Амуре.
- 269 Богдатский бой – один из крупнейших во время Гражданской войны в Забайкалье, проходил в конце сентября – начале октября 1919 г. В ходе операции забайкальские казачьи части и японские войска действовали против основных сил партизанского Восточно-Забайкальского фронта (во главе с П. Н. Журавлевым). Партизанам удалось выйти из окружения и сохранить основные силы.
- 270 Речь идет о сдаче Порт-Артура в декабре 1904 г. русскими войсками японской армии во время русско-японской войны 1904–1905 гг.
- 271 Речь идет о Цзяо-Чжоу, германской колонии в Цинском Китае (с 1898 г.), которая с началом Первой мировой войны в 1914 г. после осады была занята японскими войсками.
- 272 Данаиды – в древнегреческой мифологии 50 дочерей царя Даная, 49 из которых убили своих мужей в первую брачную ночь; за преступление они были осуждены в Лиде наполнять водой бездонную бочку. Выражение «работа Данаид» – означает бесплодную, бесконечную работу.
- 273 Война всех против всех (*лат.*).
- 274 Речь идет о русских путешественниках и исследователях Н. П. Муравьеве-Амурском (1809–1881), М. Н. Пржевальском (1839–1888) и П. П. Семенове-Тян-Шанском (1827–1914).
- 275 По-иному быть не может (*лат.*).
- 276 Автор подразумевает действия, шедшие во вред Белому движению.
- 277 Мне очень его жалко (*англ.*).
- 278 Речь идет о Франклине Кларкине (1869 – после 1945), в 1919–1921 гг. американский вице-консул в Сибири.
- 279 Вероятно, автор подразумевает операцию «Михаэль», проходившую на Западном фронте Первой мировой войны в марте–апреле 1918 г. (первое из серии наступлений германских войск весной 1918 г.); несмотря на успехи наступления, главная цель – разделение и разгром союзных армий – достигнута не была.
- 280 Речь идет об участии бывших военнопленных германской и австро-венгерской армий в гражданской войне в России; немцы и австрийцы-«интернационалисты» были чинами как интернациональных частей РККА, объединявших представи-

телей разных национальностей, так и отдельных формирований. Подробнее см.: *Жаров Л. И., Устинов В. М.* Интернациональные части в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1960; *Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов* / ред. колл.: А. Я. Манусевич, М. А. Бирман, А. Х. Клеванский, И. А. Хренов. М., 1967; *Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть советов на Юге и Востоке Республики* / ред. колл. А. Я. Манусевич, М. А. Бирман, А. Х. Клеванский, И. А. Хренов. М., 1971; и др.

281 Телеграммой от 25 мая 1918 г. народный комиссар по военным и морским делам и председатель Высшего военного совета Л. Д. Троцкий предписывал «всем сошедшим по линии от Пензы до Омска»: «Все Советы по железной дороге обязаны под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожных линиях, должен быть расстрелян на месте. Если в эшелоне окажется хотя бы один вооруженный, он должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных... Всем железнодорожникам сообщается, что ни один вагон с чехословаками не должен продвигаться на восток. Кто уступит насилию и окажет содействие чехословакам с продвижением их на восток, будет сурово наказан» (Цит. по: *Парфенов И. С.* Гражданская война в Сибири. С. 25–26). Попытки разоружения корпуса привели к его выступлению против советской власти.

282 К 1 октября 1918 г. боевой состав Сибирской армии достигал почти 185 000 человек [Краткий исторический очерк возникновения Сибирской армии. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1; Краткий дневник Сибирской армии. РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 2].

283 Речь идет об объединении линии фронта с Северным и Южным фронтами Белого движения.

284 Имеется в виду президент США Вудро Вильсон (1856–1924).

285 Эдвард Хауз (1858–1938) – американский политик, советник президента Вудро Вильсона; имел прозвище «полковник Хауз», хотя к армии не имел никакого отношения.

286 Речь идет о вводе в Россию американских экспедиционных сил в Сибири под командованием генерала У. Грейвса (Graves To Lead Our Siberian Army. Former Assistant Chief Of General Staff To Have 7000 Men At The Start. Troops From Philippines 27th and 31st Regiments // New York Times. August 8. 1918. P. 1, 6).

287 Президент США В. Вильсон выступал за «невмешательство» во внутренние дела России. 22 января 1919 г. им было опубликовано обращение «ко всем российским правительствам», в котором он говорил о возможности переговоров лидеров Белого движения с большевиками на Принцевых островах в Мраморном море. Результатом таких переговоров стало бы как «прекращение междоусобной борьбы», так и признание независимости государств Закавказья, Прибалтики, Туркестана, Польши и Финляндии. Приглашение за стол переговоров представителей советской России вызвало отказ белых правительств от участия в возможном совещании.

288 Согласно советским данным, с августа 1918 по октябрь 1919 г. в Сибирь прибыло порядка 120 тысяч японских офицеров и нижних чинов [Григорьевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). М., 1957. С. 26].

- 289 После прихода адмирала Колчака к власти возник конфликт о признании его власти между ним и атаманом Семеновым. Последний, не признававший власти верховного правителя, 1 декабря 1918 г. был смещен адмиралом Колчаком со всех должностей. После разрыва отношений с верховным правителем в начале декабря 1918 г. Семенов принял на себя командование корпусами, объединенными в Отдельную Восточно-Сибирскую армию. Конфликт Семенова и адмирала Колчака серьезно осложнил как общую ситуацию на Дальнем Востоке, так и военное строительство в Приамурском военном округе. Не признавший законность власти адмирала А. В. Колчака как верховного правителя России атаман Семенов фактически выпал из сложившейся военной системы, продолжив самостоятельно формировать созданную им Отдельную Восточно-Сибирскую армию. Отношения между Колчаком и Семеновым нормализовались только в мае 1919 г.
- 290 Автор критически оценивает весеннее наступление Российской армии адмирала А. В. Колчака, начавшееся 4 марта 1919 г. Выполняя директиву главкомверха, Российская армия в апреле продолжила наступление, общим направлением которого была Средняя Волга. До начала весенних разливов планировалось отбросить Красную армию от выгодного естественного оборонительного рубежа на юг и занять главные переправы через Волгу. Причиной неудачи наступления была не его «стремительность», а образовавшаяся в ходе продвижения войск растянутость тылов (что ухудшило и без того плохое снабжение), а также недостаток резервов и проявившаяся в решающих боях невысокая надежность прибывших на фронт пополнений.
- 291 Общая численность Чехословацкого корпуса в конце июля – начале августа 1918 г. доходила примерно до 31 000 человек (*Симонов Д. Г. Чехословацкий корпус на востоке России в 1918–1920 гг. // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 145*).
- 292 Вероятно, автор делает отсылку к Библии, где говорится о Самсоне, носившем длинные волосы, в которых заключалась его сила («Бритва не касалась головы моей. Если же остричь меня, то отступит от меня сила моя»).
- 293 Речь идет о награждении Г. М. Семенова орденом святого Георгия (1 января 1917 г.) «за то, что в бою 14 ноября 1914 г. под местечком Сохатин при обстановке исключительно трудной и опасной, по собственному почину и за свою ответственность отважно разведкой во время боя, уяснив обстановку, смелыми действиями в тылу неприятельского расположения, произведя панику и расстройство в рядах, во много раз превышавшего силы его развезда противника, — атаковал эскадрон 15-го Уланского Прусского полка, отбив знамя 1-го Перчинского казачьего полка (п. 14 Статута), 24 наших зарядных ящика, головных эшелонов артиллерийских парков, 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона и обозы Уссурийской конной бригады, имея у себя лишь развезд в 9 коней — казаков 1-го Перчинского казачьего полка». Описываемый Гроудейсом случай касается награждения Семенова не орденом, а Георгиевским оружием (26 сентября 1916 г.) «за то, что в ноябре 1914 г. прусские уланы, неожиданно налетев на штаб 1-го Перчинского полка, захватили его знамя. Возвращавшийся из разведки с полусотней Семенов случайно наткнулся на них, но не растерялся, развернул казаков в цепь и повел атаку на врага, вдвое превышавшего его, и отбил полковое знамя». (см.: *Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. 490–491*).
- 294 Речь идет об отправке Г. М. Семенова в июле 1917 г. в качестве комиссара Временного правительства по формированию добровольческих частей из бурятского и монгольского населения Забайкалья.

- 295 Грондейс пересказывает известные ему подробности начала формирования Семеновым Особого Маньчжурского отряда и арест им в декабре 1917 г. просоветски настроенного гарнизона на станции Маньчжурия.
- 296 Вероятно, автор имел в виду Харбин.
- 297 Вероятно, подразумевается окончание Семеновым только Оренбургского казачьего училища (1911).
- 298 К 28 января 1918 г. в рядах Особого Маньчжурского отряда находились 51 офицер, 3 чиновника, 380 монголов и баргутов, 125 казаков, солдат и добровольцев — всего 599 человек («не считая военнопленных и китайцев, замещавших нестроевые должности») (Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. С. 125–127).
- 299 В апреле 1918 г. Семенов был назначен генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом главноначальствующим в полосе отчуждения КВЖД.
- 300 Бусидо (*яп.* «путь воина»), кодекс самурая, свод норм и правил поведения истинного воина в обществе и в бою.
- 301 Автор подразумевает выходную торговлю между семеновцами (бог войны Марс) и коммерческими кругами (покровитель торговли бог Меркурий).
- 302 Вероятно, речь идет о Тэраути Масатакэ (1852–1919), в 1916–1918 гг. премьер-министре Японии (совмещал пост с занятием должностей министра финансов и министра иностранных дел).
- 303 26 января 1918 г. Томским советом была распущена Сибирская областная дума. На ее конспиративном совещании около 40 избежавших ареста членов думы сформировали Временное правительство автономной Сибири во главе с эсером П. Я. Дербером. Сформированное правительство никогда не собиралось полностью, а некоторые из его членов были избраны заочно. К маю большинство членов Временного Сибирского правительства Дербера находились на Дальнем Востоке. 30 мая в Новониколаевске состоялось заседание Совета при уполномоченных Временного Сибирского правительства, на котором был учрежден Западно-Сибирский комиссариат — временный орган, который должен был передать власть при первой возможности Временному Сибирскому правительству. В изменившейся общественно-политической ситуации на Востоке России переезд эсеровского, крайне левого по своему составу Временного Сибирского правительства Дербера и передача ему всей полноты власти не отвечали интересам ни военных (среди которых преобладали правые настроения), ни новых политических фигур, обладавших собственными амбициями. 30 июня Западно-Сибирский комиссариат передал свои полномочия Временному Сибирскому правительству во главе с П. В. Вологодским.
- 304 Списание расположения (*лат.*).
- 305 На деле (*лат.*).
- 306 5 января 1920 г. власть в Иркутске перешла к эсеро-меньшевистскому Политцентру, объявившему «о низложении власти Колчака по всей территории Сибири» (уже 21 января Политцентр передал власть Иркутскому ВРК).
- 307 Командующим Черноморским флотом вице-адмиралом А. В. Колчаком 19 марта 1917 г. было утверждено «Положение об организации чинов флота, Севастопольского гарнизона и работающих на государственную оборону рабочих» — одно из первых местных положений о солдатских комитетах.
- 308 Отношения между командующим Черноморским флотом вице-адмиралом А. В. Колчаком и Центральным военно-исполнительным комитетом обострились уже в мае 1917 г. Разложение Черноморского флота под влиянием рево-

- люционной агитации шло усиленными темпами, порождая конфликты. 6 июня 1917 г. Севастопольский совет рабочих и солдатских депутатов вынес постановление об отрешении Колчака от должности командующего флотом. В тот же день Колчак направил Временному правительству телеграмму с сообщением о бунте, а также о том, что в создавшейся обстановке он не может оставаться на посту командующего. Не дождавись ответа из Петрограда, Колчак передал командование флотом контр-адмиралу В. К. Лукину (подробнее см.: *Смолин А. В.* Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 173–177).
- 309 Колчак был отстранен от командования Черноморским флотом в июне 1917 г. Севастопольским советом. Более месяца он прожил в Петрограде, а затем через Швецию, Норвегию и Англию отправился по приглашению американского адмирала Дж. Г. Гленнона в США для обобщения сведений о минном деле и борьбе с подводными лодками. Фраза, приписываемая Грондейсом Керенскому, вероятно, отголосок разговоров самого Колчака, говорившего, что Керенский заставил его уехать из России против его собственного желания (подробнее см.: *Смолин А. В.* Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. С. 180–184.)
- 310 Речь идет о Корниловском выступлении в августе 1918 г.
- 311 Колчак отбыл из Сан-Франциско (США) по окончании своей миссии в Японию 27 октября 1917 г., когда в Петрограде уже состоялся захват власти большевиками.
- 312 Речь идет о назначении Колчака 26 апреля 1918 г. генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом начальником над всеми воинскими частями, отрядами, штабами и управлениями, учреждениями и заведениями в полосе отчуждения КВЖД (в том числе вышедшими из нее, независимо от места их действий). В июле 1918 г. выехал в Токио для переговоров с японским командованием.
- 313 Русско-китайский договор 1896 г. предусматривал передачу Китаем России земли на постройку железной дороги в аренду на 80 лет. Была предусмотрена «полоса отчуждения» вдоль дороги, находившейся под контролем России и охранявшейся русскими войсками (до 25 000 штыков), преобразованными в 1901 г. в Заамурский округ пограничной стражи.
- 314 Вероятно, Грондейс имеет в виду пребывание Л. Г. Корнилова в должности начальника 2-го Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи в 1911–1913 гг.; М. К. Самолов с 1913 г. был начальником 2-го отряда Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, с 1914 г. помощником начальника Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи; с 1915 г. начальником Заамурской отдельной пограничной бригады, затем (по март 1917 г.) командующим 1-й Заамурской пограничной пехотной дивизией.
- 315 Отдельный Маньчжурский отряд во главе с Семеновым оказался неподконтрольным Колчаку, получая финансирование и оружие от Японии. Вероятно, Грондейс коротко сообщает содержание встречи Семенова с Колчаком, рассказанную ему самим Семеновым. Подробнее об их разговоре см.: *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. Верховный правитель России. М., 2009. С. 371–372; *Кручинин А. С.* Адмирал Колчак. Жизнь, подвиг, смерть. М., 2010. С. 237–240.
- 316 Вероятно, речь идет о русском консуле в Харбине Г. К. Попове.
- 317 Основной целью переговоров Колчака с японским военным руководством было получение помощи оружием для последующего занятия Владивостока.
- 318 Встреча генерала Нокса и адмирала Колчака состоялась ранее, летом 1918 г. в Японии.
- 319 4 ноября 1918 г. Колчак был назначен военным и морским министром Временного Всероссийского правительства (Директории).
- 320 Здесь и далее автор довольно субъективно оценивает офицеров «монархистов» и «республиканцев» на белом Восточном фронте, скорее противопоставляя кадровых офицеров (среди которых более распространенными были консервативные взгляды) и офицеров военного времени. При этом один из наиболее известных офицеров-монархистов – генерал-лейтенант В. О. Капель был и одним из наиболее

авторитетных белых военачальников. Показательно, что переворот в Омске, произошедший в ночь на 18 ноября, когда была свергнута власть Директории, а вместо нее Советом министров был избран верховный правитель адмирал А. В. Колчак, не вызвал каких-либо «политических» возмущений на фронте. Известие о перевороте большая часть фронтовиков, утомленная боями, встретила спокойно и даже равнодушно. «До переворота Директория ни в чем не проявила еще своей работы, и судьба ее мало кого интересовала, – вспоминал генерал П. П. Петров. – В отношении армии деятельность новой власти проявилась только в некоторых производствах и во введении ношения погон... Недостатки новой власти за ежедневной фронтовой работой не обсуждались. Поэтому-то фронт просто удивился в первые дни переворота. Даже ярые противники эсеров говорили: "Нашли время!"» (*Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. 1918–1922 гг. // *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы / сост. С. П. Петров, Л. Ю. Тремсина. М., 2011. С. 119).

- 321 Чешский национальный совет выпустил заявление, в котором в сдержанной форме выражал протест против переворота, «нарушающего начала законности» (одновременно командир чехословацкого корпуса генерал-майор Я. Сыровый разослал по войскам телеграмму, в которой приказывал сохранять нейтралитет, отнеся события 18 ноября к внутренним российским делам и запретив в войсках политическую пропаганду). Колчак резко отреагировал на выступление представителей Чешского национального совета, заявив, что их мнение как иностранцев для него неинтересно (см.: *Хандорин В. Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2007. С. 19).
- 322 Грондейс ошибочно оценивает состав сил белых осенью 1918 г. всего в 15 000 человек. Согласно документу о боевом составе Сибирской армии, на 16 октября 1918 г. в ее рядах находились 55 412 человек (36 265 штыков и 19 147 сабель) при 88 орудиях и 383 пулеметах [РГВА. Ф. 39617: Управление Сибирской армии (бывшая Западно-Сибирская армия). 1918–1919 гг. Оп. 1. Д. 164. Л. 120], без учета сил Народной армии и Чехословацкого корпуса.
- 323 Автор ошибается; М. К. Дитерихс с марта 1918 г. занимал должность начальника штаба Чехословацкого корпуса и руководил его эвакуацией в Европу; после выступления корпуса против советской власти в Сибири принимал участие в освобождении от большевиков Владивостока и Приморской области (в июле 1918 г. передал военную власть в районе русскому командованию); с января 1919 г. перешел с чешской на русскую службу.
- 324 Вероятно, подсчет автора многочисленных штабов и управлений в Омске, в том числе формирующихся для отправки на фронт. Чрезмерный рост штабов и долги «развертывания» частей перед их выступлением на фронт были своеобразным бичом белого военного строительства как на Востоке, так и на Юге России.
- 325 В офицерском корпусе Восточного фронта кадровое офицерство всегда было в меньшинстве. Показательно разделение в Российской армии адмирала Колчака офицеров на кадровых и военного времени. В отличие от общепринятых критериев, согласно которым кадровыми считались офицеры, получившие образование в объеме полного курса военных училищ (до начала Первой мировой войны), на Востоке России к ним причислялись также и офицеры, произведенные по 1915 г. включительно. Однако даже при таком подходе кадровое офицерство составляло менее 1000 человек, остальная же масса (15 000–16 000) была производства 1916–1917 гг. Командовавший в 1918 г. на Восточном фронте Красной армии полком и бригадой бывший штабс-капитан Г. Х. Эйхе в 1960-е гг. вовсе указывал, что Сибирская «армия временами ощущала острый недостаток в командном составе. Никаких самостоятельных офицерских полков, батальонов или отрядов в армии Колчака никогда не было» (*Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 26; *Эйхе Г. Х.* Уфимская авантюра Колчака. М., 1960. С. 69).
- 326 Секрет Полишинеля – секрет, который всем уже известен, мнимая тайна.

327 13 ноября 1919 г. был опубликован меморандум, подписанный политическими представителями чехословацкого государства в России Б. Павлу и доктором В. Гирсой: «Невыносимое состояние, в каком находится наша армия, вынуждает нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехословацкая армия могла бы обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чем разрешен с согласия всех союзных держав... В настоящий момент пребывание нашего войска на магистрали и охрана ее становятся невозможными просто по причине бесцельности, равно как и вследствие самых элементарных требований справедливости и гуманности. Охраняя железную дорогу и поддерживая в стране порядок, войско наше вынуждено сохранять то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось. Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избивание мирных русских граждан целыми сотнями, расстрел без суда представителей демократии, по простому подозрению в политической неблагонадежности, составляют обычное явление, и ответственность за все перед судом народов всего мира ложится на нас: почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию. Такая наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние русские дела, и она-то есть причина того, что мы, соблюдая полную лояльность, против воли своей становимся соучастниками преступлений. Извещая об этом представителей союзных держав, мы считаем необходимым, чтобы они всеми средствами постарались довести до всеобщего сведения народов всего мира, в каком морально-трагическом положении очутилась чехословацкая армия и каковы причины этого. Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как лишь в немедленном возвращении домой из этой страны, которая была поручена нашей охране, и в том, чтобы до осуществления этого возвращения нам была предоставлена свобода к воспрепятствованию бесправия и преступлений, с какой бы стороны они ни исходили» (*Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М., 2004. С. 361–162).

328 Речь идет о Зборовском сражении между русскими и австро-венгерскими войсками в июне 1917 г., одним из эпизодов Июньского наступления. В этом сражении впервые участвовали части, сформированные из пленных чехов и словаков. Оно завершилось победой русских войск, сыграло роль в подъеме национального самосознания чехов. Значение исхода сражения для фронта явно преувеличивается автором.

329 Фактический захват Чехословацким корпусом Транссибирской железнодорожной магистрали крайне осложнил положение отступавших частей Российской армии. В опубликованном незадолго до сдачи Омска обращении чешского командования к союзным державам оно объявило себя свободным от всех обязательств перед Россией и сообщало об организации эвакуации по железной дороге лишь в соответствии с нуждами чехословацких войск. На практике это означало пропуск на Восток многочисленных чешских эшелонов и составов с имуществом и задержку западнее станции Тайга всех русских поездов. Действия чехословаков превратили неудачи войск Восточного фронта в катастрофу. Транссибирская магистраль была единственной коммуникацией для армии, от бесперебойной работы которой зависела ее боеспособность. С ее утратой армия оказалась отрезанной от тыла, не могла эвакуировать раненых и получать снабжение и помощь. «Захват чехами железной дороги в свое исключительное пользование вызвал невозможность дальнейшего планомерного отступления Сибирской армии, – писал в эмиграции полковник А. Е. Котомкин. – Она не имела куда укрыться, вернуться от наседавшего врага. К ее услугам оставалась, если хотите, застывшая под снежным покровом сибирская тайга, таежные санные дороги, безлюдные просторы, скованные морозами. Это кажется невероятным, но так и случилось – Сибирская армия сошла с железной дороги и по льдыстым рекам, тайгою стала уходить на восток» (*Котомкин А. Е.* О че-

хословацких легионерах в Сибири // Великий Сибирский Ледяной поход / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2004. С. 428).

- 330 В этом же обращении, требуя от Сырового приказа о прекращении самоуправства чешских войск и пропуске эшелона Колчака на Восток, Каппель вызвал его на дуэль: «Я, как главнокомандующий армиями Восточного фронта, требую от вас немедленного извинения перед верховным правителем и армией за нанесенное вами оскорбление и немедленного пропуска эшелонов верховного правителя и председателя совета министров по назначению, а также отмены распоряжения об остановке русских эшелонов. Я не считаю себя вправе вовлекать измученный русский народ и его армии в новое испытание, но если вы, опираясь на штыки тех чехов, с которыми мы вместе выступали и, уважая друг друга, дрались в одних рядах во имя общей цели, решились нанести оскорбление русской армии и ее верховному главнокомандующему, то я, как главнокомандующий русской армии, в защиту ее чести и достоинства, требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной» (*Вырывнаев В. О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы / [сост. Р. Г. Гагкуев, В. Ж. Цветков и др.]. 3-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 336–337*). Сыровой так прокомментировал письмо главкома армии: «Генерал Каппель даже вызвал меня на дуэль будто за оскорбление, нанесенное Сибирской армии задержанием поездов Колчака и других беженцев. Не отвечаю на этот вызов, как следовало бы, единственно ввиду тяжелого душевного состояния генерала Каппеля» (*Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. Ч. III. М., 2004. С. 430*).
- 331 Видимо, автор имеет в виду бывшего главкома армиями Западного фронта генерала от инфантерии А. Е. Эверта (1857–1918), не служившего в РККА, к описываемому времени уже погибшего.
- 332 Видимо, автор ошибочно приписывает членам Конституционно-демократической партии борьбу против власти верховного правителя России.
- 333 Российское правительство было эвакуировано из Омска в Иркутск в первой половине ноября 1919 г. В Иркутске оно оказалось оторванным от верховного правителя А. В. Колчака и войск. Под влиянием неудач на фронте и после оставления 14 ноября Омска председатель правительства П. В. Вологодский подал в отставку; формирование нового правительства было поручено В. Н. Пепеляеву, уехавшему из Иркутска к Колчаку, впоследствии расстрелянному вместе с ним. Руководство правительством в Иркутске взял на себя управляющий МВД А. А. Червен-Водали, 28 ноября создавший вместе с военным министром М. В. Ханжиным и временно управляющим Министерством путей сообщения А. М. Ларионовым оперативный орган управления государством. В январе 1920 г. после захвата власти в Иркутске эсеро-меньшевистским Политическим центром правительство было арестовано.
- 334 Святитель Лев I Великий (390–461), папа Римский в 440–461 гг.
- 335 Тот, кто является государем всех, должен и избираться всеми! (*лат.*).
- 336 Речь идет об аресте в конце декабря 1919 г. членов объединенного штаба Политического центра во главе с известным эсером П. Я. Михайловым (1889–1920).
- 337 Вероятно, автор подразумевает поддержку командованием Чехословацкого корпуса Уфимской директории и его негативное отношение к «омскому перевороту», в результате которого власть была, по мнению представителей чехов, «узурпирована» Колчаком.
- 338 Грондейс указывает на взаимосвязь событий «переворота» 18 ноября 1918 г. (часть протестовавших против переворота участников Съезда членов Учредительного собрания была арестована и заключена в тюрьме Омска, а после неудачного восстания местных рабочих, в декабре 1918 г. она была расстреляна) и казни арестованных ранее в Иркутске 31 заложника (среди них находились видные эсеры), произведенную в начале января 1920 г. на пароходе «Ангара» на Байкале.
- 339 Председатель Российского правительства, расстрелян вместе с А. В. Колчаком.

- ³⁴⁰ Начальник штаба Ставки главнокомандующего Российской армией в ноябре 1919 – январе 1920 г.; выехал в Европу вместе с частями Чехословацкого корпуса.
- ³⁴¹ Вероятно, речь идет о полковнике А. А. Мартынове, в 1919 г. штабс-офицере для поручений при главном начальнике военных сообщений.
- ³⁴² Товарищ министра внутренних дел; проходил по судебному процессу по делу о руководящих деятелях российской контрреволюции, состоявшемуся в Омске 20–30 мая 1920 г.
- ³⁴³ Товарищ министра иностранных дел; проходил по судебному процессу по делу о руководящих деятелях российской контрреволюции, состоявшемуся в Омске 20–30 мая 1920 г.
- ³⁴⁴ В ночь на 7 февраля 1920 г. были расстреляны верховный правитель России А. В. Колчак и председатель Российского правительства В. Н. Пепеляев.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авксентьев Н. Д. 430
Автономов А. И. 195–197, 200, 201,
204–206, 208, 210, 218, 219
Агеев П. М. 167
Алафузо М. И. 234
Александр Михайлович 87
Алексеев М. В. 10, 16, 18, 24, 38, 80, 81, 86,
88, 136, 139, 151, 160, 165, 173–175, 177,
185, 186, 189, 204, 206, 213, 416, 424, 429,
433, 434
Алферов 132
Анненков Б. В. 20, 294, 295 (Анненский),
298, 361, 440
Антонов-Овсенко В. А. 205, 210, 218, 219
Аппарович Н. 339
Апрелев Г. П. 183, 184, 189
Аркус 228
Артёмьев В. В. 410, 411
Аунен Я. Я. 354
Афанасьев Ф. М. 234
- Багратион Д. П. 110, 112, 129, 130
Бакланов 190, 194, 195
Бангерский Р. Г. 241–243, 249, 250, 257, 264,
387, 437
Баранов А. И. 46, 47, 49, 62, 123
Баратов Н. Н. 209, 434
Баркалов В. П. 189
Барятинская 136
Барятинский А. В. 39
Барятинский Е. 165
Бейд 296
Бек 76
Бек-Мамедов Л. Х. 245
Белозор Ю. Ю. 46
Берг Э. А. 142–145
Берзин Р. И. 234
Бертло А. 360
Бехтеев А. Н. 217, 436
Бирюков Н. П. 49–51, 53, 54, 57, 60, 61, 63
Благош Й. 412, 415
Бляумберг Ж. К. 234, 437
Бобринский Г. А. 69, 165
Богаевский А. И. 136, 164, 167, 175, 433
Богомолец Н. Ф. 354, 355
Бодэ С. Н., де 152, 189
Болдырев В. Г. 360, 382, 387
Бонч-Бруевич М. Д. 19, 219
Борис Александрович 86, 87
Борис Владимирович 46
Борисов Б. С. 178
Брусилов А. А. 8, 9, 16, 19, 24, 26, 29, 39,
46–49, 62–64, 89–93, 95, 105, 130, 149,
154, 155, 185, 212, 214, 217, 288, 383, 384,
419, 420, 426, 429, 435
Брэндайс Л. 357
Будилович Б. А. 133
Буланже Ж. 135
Бухгольц 176
Бучкеев 122
Бушеншульц 78, 134, 360
Бьюкенен Д. 88
- Вагин А. Н. 409
Вайнштейн 135
Васильев 296
Вацетис И. И. 242
Вильсон В. 357–359, 374, 376, 443
Водянский Н. В. 226
Восейков В. И. 88, 427
Войцеховский С. Н. 253, 257, 265, 270, 272,
276, 387
Волков В. И. 263, 438
Волков С. В. 25, 29, 420, 440, 441, 448, 449
Воронин С. А. 47, 49, 62, 63, 91
Врангель П. Н. 107, 156
Врашитель В. В. 366
- Габышев В. И. 14, 27
Гагарин А. В. 122
Гай Г. Д. 234,
Гайда Р. 231, 253, 272, 276, 278, 280, 284,
286, 290, 382, 438
Гамов И. М. 371
Ганин А. В. 26, 29, 436
Гатовский В. Н. 110, 430
Гевлич 153, 156
Георг V 88
Гершельман В. С. 152, 160, 175, 176, 178,
179, 181, 183, 184, 188–190, 194, 203,
210, 432, 434
Гирса В. 397, 448
Гленнон Дж. Г. 446
Глухов 99, 101
Годлевский К. Ф. 354, 410–412
Голицын В. В. 264
Головин П. И. 131, 420, 428
Голубев 205

- Голубов Н. М. 168, 199, 262
 Гольдберг И. Г. 229, 437
 Гончаренко-Петренко В. 12, 21
 Гото С. 370
 Граббе А. Н. 88
 Граббе М. Н. 266
 Гранжан М. 433
 Грант 354, 355, 411, 412
 Грейвс У. 222, 357, 395, 443
 Грскон Г. А. 160
 Гривин П. П. 257, 265, 273, 275–278, 281, 283–287, 290, 387
 Григореску Е. 135
 Гришин-Алмазов А. Н. 294
 Гродеков Н. И. 63
 Грондейс Л. (Grondijs L. H.) 6–30, 32–37, 46, 137, 189, 342, 392, 416, 417, 419, 423, 424, 427, 429, 430, 432, 433, 434, 436–442, 444–447, 450
 Груднев П. М. 434
 Гурко В. И. 81, 93, 428
 Гурко И. В. 419
 Гуро А. 12, 76
 Гутор А. Е. 17, 63, 104, 105, 107, 108
 Гучков А. И. 79–81, 423–426, 433
- Давыдов Л. Г. 39, 158, 162
 Данилова О. С. 25, 29
 Делкассе Т. 38
 Делькам 78
 Демидов П. А. 11, 189–191
 Деникин А. И. 17, 18, 21, 47, 49, 53, 55–57, 63, 107, 131, 133, 151, 156, 174, 184, 233, 253, 272, 369, 408, 419, 426, 430, 431, 434, 435
 Дербер П. Я. 371, 445
 Десинов К. Н. 63, 64
 Джек 291, 292
 Джонсон 76
 Дзержинский А. Ф. 70
 Дитерихс М. К. 291, 388, 390, 440, 447
 Довгаль Д. А. 342, 345, 346, 353, 355
 Долгоруков В. А. 88
 Доманевский В. П. 366
 Драгу 134, 135
 Думерг Г. 78
 Дутов А. И. 231, 249
 Духонин П. Н. 63, 157
 Дьяков В. И. 170
- Ермолин П. И. 234
- Жанен М. 19, 33, 78, 134, 188, 220, 357, 359–363, 379, 385, 397, 406, 407, 409, 410
 Жанситов О. А. 25, 29
 Жикха 375
 Жуковский В. Г. 414
 Журавлев П. Н. 317, 442
- Зайончковский А. М. 46, 47, 49
 Занквич М. И. 414
 Заремба В. М. 156, 159
 Здоров 100, 101
 Зефилов П. С. 288
 Зимин 340
 Зиновьев Г. Е. 80, 219
 Зубковский 317
 Зуев 326
 Зундблад А. О. 234
 Зырянов П. Н. 446
- Иваненко 65**
 Иванов П. И. 8, 38, 47, 63, 89, 90, 197, 206, 208, 209, 427, 432
 Иванов-Ринов П. П. 387
 Икиншев С. М. 160
 Иорданский Н. И. 133, 134
 Иоффе А. А. 219
- Кавакми Т. 370**
 Калжар Ф.-М. 111, 430
 Казаненко Ю. 109
 Каледин А. М. 10, 136, 151, 157, 158, 165–168, 175, 205, 416, 433
 Каледина 164
 Калмыков И. П. 226, 290, 340, 356, 371, 375
 Каменев С. С. 234
 Капнист А. П. 137
 Капель В. О. 63, 251, 253, 255, 387, 401, 402, 415, 447, 449
 Каргальский Г. Д. 160, 169, 170, 172
 Карнебек Х. 6
 Касаткин В. П. 392
 Кастельно Н., де 12, 77, 78, 422
 Като 326, 327, 379, 406
 Каширин Д. И. 261
 Каширин И. Д. 261, 262, 280
 Каширин Н. Д. 261
 Каширин П. Д. 261
 Квиткин 59
 Керенский А. Ф. 16, 81, 88, 90, 92, 96, 102, 103, 107, 108, 116, 120, 132, 133, 143, 155, 156, 166, 175, 185, 200, 212, 242, 280, 295, 364, 379, 384, 423, 424, 426, 428, 429, 446
 Кикийо 319
 Кирилл Владимирович 84
 Клан-гун 305
 Кларкин Ф. 353, 442
 Клемансо Ж. 12, 357
 Клецанда В. В. 133
 Коанда К. 134
 Коленковский А. А. 234
 Колчак А. В. 20, 21, 23–25, 33, 35, 156, 222, 224, 225, 232, 236, 241, 256, 276, 282, 289, 296, 335, 341, 353, 358, 359, 361, 362, 368, 371, 379, 381–384, 386, 389, 393, 397, 399–405, 407–410, 413–415, 436–438, 440, 442, 444–450
 Комаровский Ю. В. 111, 116, 117, 121, 130

- Комраков 236
 Конбай-гун 305
 Кооп (Коопс) А. Я. 145, 146, 431
 Кордюков П. А. 69
 Корнилов Л. Г. 10, 11, 16–18, 21, 24, 33,
 63, 106, 107, 109, 112, 130–133,
 136–140, 151–158, 160, 165, 166,
 168, 170–177, 183, 184, 186–189,
 191, 194–197, 200, 203, 204, 207, 209,
 211–214, 217, 279, 326, 384–386, 390,
 416, 428–435, 446
 Костяев Ф. В. 233, 437
 Костяк 301, 303
 Косьмин В. Д. 232, 233, 257, 362
 Красильников И. Н. 296
 Краснощеков А. М. 229, 382
 Краснянский Т. П. 160
 Критский 184, 189, 203
 Кропоткин С. А. 133
 Крузенштерн Н. В., фон 69, 421
 Крупенский В. Н. 385, 386
 Кручинин А. С. 446
 Крыленко Н. В. (Абрам) 157, 433
 Крымшамхалов М.-Г. 122
 Крымшамхалов С.-Б. 122
 Кудашев Н. А. 38, 371, 384
 Кузнецов П. 46
 Куракин 39, 132
 Курнаков Д. А. 122
 Куропаткин А. П. 63, 120
 Кутепов А. П. 158, 161, 162

 Лавдовский В. А. 96, 104
 Лагиш П., де 38
 Лако 257
 Ларионов А. М. 257, 265, 268, 270, 271, 405,
 409, 449
 Лашевич М. М. 234
 Ле Брюйн Э. Й. 14
 Лебедев Д. А. 392
 Левашев 173
 Ленин В. И. 10, 144, 173, 200, 335, 437,
 439
 Лечицкий П. А. 90, 427
 Леш Л. В. 47, 48, 149
 Линдов Г. Д. 234
 Линева А. Г. 96
 Лисковский 325, 327
 Лишман А. 336–338, 342
 Лишман С. 336–338
 Лишман Х. 336–338
 Локкарт Б. 370, 436
 Луговцов 195, 203, 204
 Лукомский А. С. 107
 Львов Г. Е. 80, 423, 428
 Любиньяк 278

 Магалов Л. Л. 111, 112, 116, 122, 124
 Мазуров 160
 Майолов 234

 Майофис А. Г. 228
 Макензен А., фон 154
 Мальбахов К. А. 26, 29
 Мамонтов (Мамантов) К. К. 170
 Мамонтов Е. М. 440
 Мантойфель Ш. 78
 Мантойфель К. 37, 418
 Манчууров 340
 Марат Ж.-П. 335
 Мария Федоровна 86, 87
 Марков Б. Д. 354
 Марков С. Л. 51, 53, 63, 133, 151, 160, 174,
 434
 Мартель Д., де 19, 220, 361
 Мартынов А. А. 414, 450
 Масарик Т. Г. 12, 303, 357, 358, 363, 371,
 388, 406, 407, 412, 441
 Матти 202
 Мацневский Г. Е. 330
 Мачавариани 163
 Медведев А. И. 382
 Мейер, фон 304, 305, 441
 Меров 340
 Мехоношин К. А. 234
 Миано 321, 326, 329, 331
 Милюков П. П. 79, 84, 88, 423
 Митилов 134
 Михаил Александрович 79, 91, 110, 394,
 417, 423
 Михайлов А. М. 401
 Михайлов В. Д. 234
 Михайлов П. Я. 354, 449
 Молчанов В. М. 232, 257, 437
 Мордвинов А. А. 88
 Мордухович А. М. 228
 Морозов А. А. 159
 Морозов 396
 Моррис Р. 395
 Муралов Н. И. 242
 Мусалаев Д. 111, 115, 119, 129
 Мухин 129
 Мюссерт А. А. 23

 Накадзима М. 370, 371
 Накамура С. 376
 Накатани 318, 319
 Намаконов 336, 337, 341
 Нарышкин К. А. 88
 Неженцев М. О. 106–108, 117, 131, 132,
 156, 157, 279, 280
 Нивель Р. 9, 12, 77
 Никифорова М. Г. 146
 Николай П. 44, 60, 79, 87, 88, 91, 287, 400,
 408, 417, 423, 427, 428, 439
 Николай Михайлович 91
 Николай Николаевич 8, 15, 38, 90, 400, 418,
 424, 432
 Новицкий В. Ф. 81
 Нокс А. 222, 280, 357, 361, 379, 386, 387,
 397, 402, 446

- О'Рем Н. Ф. 111, 119, 129
 Оболенский 39
 Около-Кулак 217
 Олинк Х. (Olink H.) 13, 26, 27, 30
 Оман Э. 21, 36, 418
 Оой С. 375, 382
 Орлов Н. В. 366, 384, 386
 Оссовский П. С. 64, 65
 Отани К. 222, 376, 382
- Павлов А. С.** 307, 310–312, 314
 Павлу Б. 397, 448
 Палеолог М. 17, 21, 33, 34, 78, 416
 Палибин П. II. 39, 47, 89, 91
 Паря 374
 Парский Д. II. 272
 Парфенов 336–338, 341, 343, 350
 Парфенов П. С. 440, 443
 Пелле М. 134
 Пепеляев А. Н. 265, 272, 284, 387, 408
 Пепеляев В. Н. 409, 414, 449, 450
 Переврзев Н. М. 365
 Петен А. Ф. 9, 77
 Петлюра С. В. 135
 Петров 173
 Петров Н. II. 354
 Петров Н. II. 438, 447
 Нико И. 77
 Пишон Ю. Л. 375
 Плешков М. М. 365, 385
 Подтелков Ф. Г. 167, 433
 Покровский В. Л. 209, 434
 Подливанов А. А. 80, 81, 150, 185, 426
 Полковников Г. II. 200
 Половцев Л. В. 177
 Поляков 69
 Попов 339, 341, 354, 255
 Попов Г. К. 386, 446
 Попов П. Х. 169, 174, 187, 202
 Потанов В. Н. 366
 Потоцкий Д. Н. 206
 Пронин И. А. 438
 Протопопов А. Д. 84
 Пугачев Е. И. 201
 Пудловский 170, 171
 Шурич 69, 70, 72–75
- Радек К. Б.** 198, 209, 216
 Радзивилл С. А. 39
 Радко-Дмитриев Р. Д. 137
 Разумовский 136
 Ракигин В. А. 281–283, 439
 Рахманинов В. А. 410, 411
 Рашильский В. В. 366
 Регов И. М. 100
 Резников Д. II. 178, 179, 184
 Репин И. Е. 21
 Робинсон О. II. 395
 Родзянко М. В. 84, 91, 423, 425
 Розанов С. Н. 382
- Романовский И. II. 133, 151, 174
 Ростовцев Ф. И. 69, 421
 Рош 135
 Рошаль С. Г. 135, 431
 Рудиченко А. И. 18
 Руднев С. М. 212
 Рузвельт Т. 12, 19, 221, 358, 359, 436
 Рузский Н. В. 93, 137
 Румша 403
 Рухлов С. В. 137
 Рютин М. Н. 228
- Савельев Н. А.** 96
 Садыков Зейналабдин-бек (Зейнал-бек) 124
 Сазонов А. В. 389, 407
 Сальников Л. II. 21
 Самойло А. А. 272
 Самойлов М. К. 365, 385
 Самохин 170–172
 Саринев И. В. 160, 162
 Сахаров К. В. 63, 260
 Себерт 303
 Севастьянов И. 51, 60, 419
 Сегюр, де 37, 418
 Седякин В. М. 334, 340–343, 346, 349–351
 Семенов Г. М. 19, 20, 24, 35, 224–228, 230, 276, 290, 306, 313, 317, 318, 320, 324, 326, 327, 334, 335, 338, 339, 341, 343, 348, 352, 353, 354, 356, 358, 359, 361, 363–371, 374, 376–378, 381–387, 389, 402, 403, 406, 410, 412, 413, 437, 441, 442, 444–446
 Семенов Д. Ф. 317, 442
 Семилетов Э. Ф. 160, 169, 170, 172
 Сергей Михайлович 86
 Сиверс Р. Ф. 158, 189, 190, 433
 Сигов 217
 Симановский В. Л. 160
 Сипайло А. И. 354, 410–412
 Скинетров Л. II. 406, 410–413
 Скобелев М. Д. 63
 Скобелев М. И. 80
 Скрыбин 339–342, 354, 355
 Славин Б. А. 228
 Слотов А. М. 257, 258
 Смилга И. Т. 234
 Смирнов В. М. 234
 Соколов 396
 Соколов Н. Д. 80, 425
 Соловьев В. И. 234
 Сомов О. Н. 181–183
 Станевич 325, 326
 Стеклов (Нахамкис) Ю. М. 80
 Степанов 386
 Степанов (штабс-капитан) 431
 Степанов В. А. 164
 Степанов II. 286, 339, 341, 354, 355, 362
 Стивенс Д. Ф. 224, 226, 358, 370, 378, 379, 395, 440
 Суворин Б. А. 189

Сузуки 317, 318, 383, 415

Сукин И. И. 379, 397

Сукин Н. Т. 21

Сулейман Н. А. 19, 219

Сухомлин С. А. 39, 89

Сухомлинов В. А. 427

Сыровый Я. 363, 388, 390, 400–403,

412–415, 441, 447, 449

Сычев К. И. 405, 409–411

Табун Ж. 18, 133, 189

Такаянаги Я. 222, 382

Танака Г. 12, 19, 359, 370, 381, 385, 386,
436

Тардье А. 77

Таубе А. А., фон 376

Терещенко М. И. 423, 430

Терещенко Я. Ф. 354

Тизенгаузен О. С., фон 179, 181

Тишинов 340

Тищенко П. С. 230, 437

Того Х. 330

Третьяков С. Н. 379, 380

Трифонов В. А. 234

Трифонов Е. А. 158

Троцкий Л. Д. 80, 173, 192, 193, 199, 200,

202, 210, 218, 220, 242, 251, 262, 280,

289, 362, 370, 371, 382, 395, 443

Туроверов 170, 171, 174

Тэраути М. 326, 370, 445

Тюлян Ф. 437

Тюрло Л. М. 200

Умеда 319, 321, 322, 325–327, 330–335,

346, 347, 348, 349, 350

Унгерн-Штернберг Р. Ф., фон 368

Уосбурн С. 38

Урусов Н. П. 137

Ухтомский Н. П. 107, 157

Уэхара Ю. 436

Фабариус Э. 46

Фермор 184, 189

Фредерикс В. Б. 88, 427

Фрейберг Э. Г. 339

Фудзину 376, 377

Хаан де Б. 14

Ханжин М. В. 20, 231, 232, 255, 272,
449

Хасхимосо 39

Хауз Э. 357, 443

Химшиев 176

Хиршауэр А. 77

Хитц-Вильямс К. 370

Хорват Д. Л. 19, 222, 359, 365, 366, 370, 371,
374, 379, 385, 386, 445, 446

Хосоно Х. 328, 329, 381

Храбров М. П. 354

Церетели И. Г. 80

Ципкевич 429

Цукер-бай 305

Чезинский 325–327, 353

Черевков 170, 172–174, 183

Черемисов В. А. 63, 105–108, 130–132, 156,
185, 429, 430

Черкасская Т. Н. 152

Чернавин В. В. 419

Чернецов В. М. 160, 167–169, 174, 175, 184,
433

Чичерин Г. В. 220

Чума В. 403

Чхеидзе Н. С. 80

Швецов 335

Шишкин 386

Шишкин В. И. 25, 29

Шлезинский 245

Шюрин В. И. 234

Шостак Э. Б. 11, 26, 191–203, 205, 210, 211,

218, 219, 436

Штейнберг П. К. 234

Штефаник М. 363

Штюрмер Б. В. 91

Шутмейкер Н. (Schuitemaker N.) 27

Щербачев Д. Г. 134, 135, 185

Эвальд 69

Эверт А. Е. 402, 449

Эльснер Е. Ф. 133, 151, 174

Эмбден ван А. Т. 15

Эрдели И. Г. 151, 179, 187

Юбер 189

Юрлов 311

Яковлев В. 18

Якубович Г. А. 120

Ямбулатов 46

Яновский 179, 184

Янсен М. (Jansen M. C.) 14, 23, 26–29

Янушкевич Н. Н. 185, 433

Ячевский М. Э. 414

Groeneveld G. 30

Quispel G. 29

Schilp C. A. 29

Treub W. 28

Научное издание

Грондейс Лодевейк

Война в России и Сибири

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Е. Л. Бородина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. З. Минегараев*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.08.2018.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 28,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 7809.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Роши, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),

8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Воспоминания голландского военного корреспондента, историка и искусствоведа, написаны на основе подробных дневниковых записей, которые велись им во время пребывания в России с лета 1915 г. до начала 1920 г. В них дается подробное описание России периода Первой мировой войны, Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны. Книга Грондейса — одна из первых попыток осмысления зарубежными очевидцами происходивших в России событий в эпоху русской смуты XX века. Написанная по горячим следам происходившего, работа представляет собой взгляд иностранца на военные будни русской армии, белых армий на Юге России и в Сибири и содержит в себе множество рассказов о быте раздираемой Гражданской войной России.

